РІВНЕНСЬКА ГІМНАЗІЯ

175

РОКІВ

РОУНЬ

РОУНБ

РІВНЕНСЬКИЙ ОБЛАСНИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ МУЗЕЙ

Рівненська гімназія
1839-1921

Історія
Спогади
Документи

РОУНЬ

РІВНЕ - 2014

УДК 94 (477.81) «1839/1922»
ББК 63.3 (4 Укр-4 Рів) 5
Р - 491

Р - 491 **Рівненська гімназія: 1839-1921. Історія. Спогади. Документи.** /Упоряд. В. Луц, О. Морозова. - Рівне: Дятлик М., 2014. – 340 с.
ISBN 978-617-515-160-0

Книга присвячена історії Рівненської гімназії (1839-1921 рр.). До неї увійшли маловідомі історичні дос978лідження, уривки спогадів учнів і вчителів, документальні матеріали, що характеризують особливості розвитку освіти та суспільного життя в Рівному XIX – початку XX ст.

Видання розраховане на краєзнавців, музейних працівників та вчителів, усіх, хто цікавиться історією краю.

УДК 94 (477.81) «1839/1922»
ББК 63.3 (4 Укр-4 Рів) 5

РОУНД

ISBN 978-617-515-160-0

© Рівненський обласний краєзнавчий музей

© Луц В. Д., Морозова О. В.

ЗМІСТ

Передмова 7

Анципо-Чикунский А. А.
Историческая записка о Ровенском реальном училище 1832–1882 11

Попов А. И.
Римско-католический костел, называемый каплицею, при Ровенском реальном училище в связи с польским вопросом в Юго-Западном крае 105

Солтановский А. А.
Отрывки из записок 163

Спогади учнів-поляків про Рівненську гімназію 237

Щепковский М.
Спогади 237

Михальський С.
Спогади про школу (1874/5–1881/2) 241

Моркевич Б.
Спогади про шкільні роки. 1890–1900 244

Римвід-Міцкевич В.
Спогади зі шкільних років у Рівному. 1900–1906 248

Додатки 259

Кулжинский И. Г.
Воспоминания о Волыни 260

Сбитнев И. М.
Записки Ивана Матвеевича Сбитнева
(Из времени учреждения на Волыни и Подолии, после восстания 1831 г., русских школ, взамен польских) 269

Левицкий О. И.
Из жизни учебных заведений Юго-Западного края в 1840-х годах 290

Попов А. И.
Н. И. Костомаров – преподаватель Ровенской гимназии
(По архивным данным Ровенского реального училища) 300

Документи 311

Коментарі 326

Іменний покажчик 330

РОУНБ

«Ровно – городок маленький... Если не считать мертвого замка на острове, то белое здание гимназии, с фронтоном и колоннадой, являлось самым значительным зданием во всем городе. В такой же степени гимназическая жизнь господствовала над жизнью городка.

Если бы убрать из него это светлое, красивое и просторное здание, весело отражавшееся живым белым пятном в зарастающем пруде, то город, вероятно, умер бы тихою смертью окончательного застоя: его пруды затянулись бы ряской, домишки, где ютились ученические квартиры, постепенно бы развалились, и жизнь, не оглашаемая ежедневно гимназическим колоколом и топотом ученических ног, погрузилась бы в летаргический сон под угрюмою тенью старого дворца и под гудение его тополей. От этой участи не спасли бы города ни казначейство, ни уездный суд, ни полицейское управление...

Две-три сотни юных голов, искавших знания, и два-три десятка педагогов являлись чуть не единственным живым элементом, и шевелившимся и жужжавшем среди сонного затишья...»

В. Г. Короленко

История моего современника. (Ранняя редакция).

РОУЛЕ

ПЕРЕДМОВА

У виданні, яке пропонується увазі читачів, упорядники намагалися зібрати малодоступні публікації і документи з історії Рівненської гімназії, що відіграла значну роль в розвитку освіти і культури краю.

Рівненська гімназія, починаючи з 30-х років XIX ст., стали важливою віхою у розвитку, на той час невеличкого містечка. Відкриття гімназії відбулося невдовзі після придушення польського повстання 1830–1831 рр. Все, що російське самодержавство вважало проявом бунтарства і польського національного духу підлягало викоріненню. Репресивні заходи торкнулися і закладів освіти у південно-західних губерніях Російської імперії. В першу чергу були закриті Віленський університет і Кременецький ліцей, вихованці яких були активними учасниками повстання. На їх місці мали постати нові заклади освіти повністю підконтрольні і лояльні до російської влади. Поступово на більшість посад в урядових установах Волині, в тому числі і в навчальних закладах, почали призначати замість поляків, вчителів і урядовців, що прибували сюди з інших регіонів України чи з центральних губерній Російської імперії. Тривалий час уряд не поспішав з відкриттям нових навчальних закладів на Волині. Так, у першій половині XIX ст. на Волині функціонували лише 2 гімназії (чоловічі) – у губернському Житомирі та у повітовому Рівному. Ось чому чиновники, які не мали змоги обіймати службові посади в губернському центрі і на утриманні яких перебували діти шкільного віку, були зацікавлені в призначенні на роботу до Рівного. Так, з цієї причини в 1865 р. добивався переміщення по службі з Дубна до Рівного повітовий суддя Г. О. Короленко – батько майбутнього письменника В. Г. Короленка.

Навчальний заклад, притягував до себе багатьох представників польської шляхти, державних службовців, заможних міщан, які намагалися дати своїм дітям освіту з подальшою перспективою добре влаштуватися в житті. Російська імперія потребувала кваліфікованих чиновників, які б добре володіли не тільки польською, але й російською мовою. Саме від цього найбільш освіченого прошарку населення залежало й пожвавлення культурного життя Рівного як повітового центру Волинської губернії. Гімназії надавали своїм випускникам відповідний рівень знань, який дозволяв у подальшому застосовувати їх на практиці, обіймаючи різні службові посади, або продовжувати навчання у вищих навчальних закладах.

Впродовж усього часу існування Рівненської гімназії (1839–1921 рр.) статус даного навчального закладу неодноразово змінювався.

Після скасування кріпосного права 1861 р. розпочалися реформи, що охопили всі сфери суспільного життя, в тому числі і в галузі освіти. Повною мірою ці зміни в системі середньої освіти відчула на собі Рівненська гімназія. У відповідності зі статутом від 19 листопада 1864 р., вона була реорганізована в реальну гімназію, а статутом від 15 травня 1872 р.– у реальне училище. З 1875 р. при п'ятому і шостому класах Рівненського реального училища, окрім загального, почало функціонувати комерційне відділення, а також відкрився сьомий додатковий клас з механіко-технічним та хіміко-технологічним відділеннями.

Для Рівного, в якому завдяки залізниці почали швидко розвиватися торгівля і промисловість, наявність саме такого навчального закладу була виправдана. На початку XX ст.

Рівненське реальне училище було одним з найкращих навчальних закладів цього типу у Київському навчальному окрузі.

У Рівненській гімназії в різні часи працювали відомі діячі української культури М. Костомаров і П. Куліш – активні учасники Кирило-Мефодіївського братства (1847). В гімназії (реальному училищі) навчався відомий російський письменник В. Короленко. На початку XX ст. тут навчався і Саймон Кузнець (Шимен (Семен) Абрамович Кузнець) – лауреат Нобелівської премії в галузі економіки 1971 р[1].

Отже, Рівненська чоловіча гімназія (реальна гімназія, реальне училище) впродовж XIX – початку XX ст. відігравала важливу роль в культурно-освітньому житті далеко за межами Волині. Її історія демонструє широку палітру різних форм протистояння між владою і суспільством в часи польського повстання 1863–1864 рр. і революції 1905 р. Тому вивчення історії першого середнього навчального закладу в Рівному варте уваги й потребує подальшого дослідження.

Упорядники намагалися заповнити ці прогалини. Матеріали збірника охоплюють майже столітній період існування навчального закладу від передумов його становлення до припинення його існування (1832–1921 рр.).

До збірника, в першу чергу, включено публікації, переважно від середини XIX до першої третини XX ст., що виходили малими накладими і потім не перевидавалися. Сьогодні вони є бібліографічними раритетами і не відомі широкому загалу. В першу чергу це «Историческая записка о Ровенском реальном училище. 1832–1882» А. Анципо-Чикунского і нарис А. Попова «Римско-католический костел, называемый каплицею, при Ровенском реальном училище в связи с польским вопросом в Юго-Западном крае».

Спогади А. Солтановського, що друкувалися впродовж 1892–1894 рр. на сторінках «Киевской старины» малюють не тільки яскраву картину життя гімназії, а й побут рівненського суспільства з його вадами, хворобливою підозрілістю до всього революційного і незвичного, що особливо набуло гіпертрофованого вигляду після вибуху польського повстання 1863–1864 рр. Його нищівна характеристика керівництва та окремих викладачів та чиновників далека від ідилій офіційних звітів та публікацій з історії гімназії. Не оминуло його перо і учнів, особливостей їхнього життя за гімназійними мурами під цілодобовою опікою наглядачів, що не раз ставало причиною бурхливих протестів і виступів гімназистів.

Не можна залишити поза увагою той факт, що майже всі публікації російськомовних авторів про Рівненську гімназію (винятком є хіба спогади В. Короленко) пронизані антипольськими настроями. Щоб уникнути однобічного висвітлення гімназійного життя в книгу увійшли спогади поляків – колишніх учнів гімназії, опубліковані в 1930-х рр. в часописі «Rocznik Wołynski». Їх переклад підготували В. Луц і О. Морозова.

В додатках подано уривки зі спогадів І. Кулжинського – першого директора Луцької, пізніше Клеванської гімназій і «Записки Ивана Матвеевича Сбитнева. Из времен учреждения на Волыни и Подолии, после восстания 1831 г., русских школ взамен польских», які охоплюють період 1832–1835 рр. та розвідка О. Левицького «Из жизни учебных заведений Юго-Западного края» про перші роки існування Рівненської гімназії, її директора Фовицького, а також колишнього директора Клеванської гімназії І. Кулжинського. Також тут вміщено статтю викладача гімназії А. Попова «Н.И. Костомаров – преподаватель Ровенской гимназии» опубліковану в 1917 р.

Окрему частину додатків становить добірка архівних документів, планів і фотографій переважно з фондів Державного архіву Рівненської області, але лише ті, що на думку упорядників, найповніше розкривають головні етапи в історії Рівненської гімназії і дають можливість по новому подивитися на драматичні події історії, що не оминули Рівного.

[1] Московкин В., Самсонюк Т. Обучение братьев Семёна и Соломона Кузнец в Ровенском реальном училище.// Новий колегіум. – 2012. –№2. – С.75-83.

З огляду на обмежений обсяг видання, публікації, які є широковідомі і неодноразово перевидавалися в наш час, не були включені до збірника, зокрема, спогади і листи М. Костомарова, твори В. Короленка «В дурном обществе» та «История моего современника».

Тексти російськомовних документів передано з наближенням до орфографії та правопису сучасної російської мови, водночас збережено стиль викладу й інші мовні особливості.

Тексти розбито на абзаци й речення, розділові знаки, великі й малі літери проставлено з наближенням до правил сучасного правопису.

Більшість матеріалів публікуються повністю. При публікації частини документа випущені місця позначено трьома крапками в квадратних дужках […].

Пояснення щодо змісту пропущених фрагментів, якщо він повторює або не стосується теми видання, подано в текстуальних примітках.

Непрочитаний текст, пропуски та пошкодження тексту позначено трьома крапками […] й обумовлено в текстуальних примітках. Орфографічні помилки, очевидні описки, що не мають смислового значення (перестановка окремих літер і складів, пропуски літер тощо), виправлено без застережень.

Скорочення, які на сьогоднішній день малозрозумілі, або можуть бути по різному прочитані на зразок «исп. обяз.» – исправляющий обязанности –розшифровано без застережень.

У Коментарях наведено короткі відомості про авторів, певні уточнення та роз'яснення змісту документів.

Перевидання російською мовою здійснено мовою оригіналу, зі збереженням початкової структури, нумерації та найменування окремих розділів. Зміни стосуються тільки модернізації правопису і пунктуації, виправлення друкарських помилок, розшифрування скорочень (окрім загальноприйнятих).

Текст супроводжується вступом і двома видами приміток, з яких нечисленні посторінкові належать автору публікації й позначені в дужках. Останні належать упорядникам, в них подано відомості, потрібні для кращого зрозуміння тексту, переклад польських і латинських слів чи виразів, а також спростовуються деякі факти.

Усі дати залишено, як і в оригіналі, за юліанським календарем, який використовувався в Російській імперії і відставав від григоріанського на 12 днів у XIX ст. і на 13 – у XX ст. (різниця між двома календарями збільшується з 1 березня 1800 і 1900 рр.).

До цього видання підготовлено іменний покажчик. Важливим доповненням до тексту є ілюстрації (світлини, поштові листівки, документи і плани) з музейних, архівних і приватних колекцій.

Упорядники висловлюють щиру подяку кандидату історичних наук О. Прищепі і доктору історичних наук В. Александровичу за допомогу у виготовленні копій необхідних публікацій і документів та за консультаційну й редакційну допомогу у підготовці видання. Також дякуємо за сприяння в підготовці видання працівникам Державного архіву Рівненської області.

Окрема подяка нашим колегам – співробітникам художнього відділу РОКМ за допомогу у підготовці до друку О. Семенович і А. Пашковській.

РОКМ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

о

Ровенскомъ Реальномъ Училищѣ.

1832—1889.

Составилъ учитель исторіи и географіи

А. А. Анципо-Чикунскій,

по случаю празднованія 50-ти лѣтняго юбилея училища.

КІЕВЪ.
Тип. Высоч. утв. Т-ва печати. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ
Кіевское отдѣленіе, Бибиковскій бульваръ, домъ № 8 б.
1894.

РОУНБ

Анатолий
Анципо-Чикунский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О РОВЕНСКОМ РЕАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ 1832–1882

ВВЕДЕНИЕ

В царствование императора Александра I было учреждено Министерство народного просвещения (1803 г.) и шесть учебных округов. Управление этими округами государь поручил лицам, известным своим образованием и пользовавшимся особенным Его доверием. Попечителем Виленского учебного округа, в состав которого входила почти вся Западная Россия, был назначен князь Чарторыйский, человек весьма близкий к государю Александру I. Чарторыйский не оправдал доверия государя. Система воспитания, построенная князем, имела своей целью не истинное просвещение юношества вверенного ему края, а утверждение польской народности и ополячение русского населения.

Чарторыйский задался целью посредством воспитания создать для будущей Польши, о восстановлении которой он мечтал, новое, молодое поколение. Главным его помощником и советником в деле воспитания являлся граф Фаддей Чацкий, занимавший должность визитатора училищ Киевской, Волынской и Подольской губерний. Виленская академия, восстановленная старанием Чарторыйского под именем Виленского университета (1803 г.), и Кременецкий лицей, основанный Чацким, были главными рассадниками просвещения в чисто польско-католическом духе. Такое направление воспитания не осталось без влияния на события 1830 и 1831 гг. Поэтому для блага края явилась настоятельная потребность заменить существовавшую здесь систему воспитания другой, более соответствующей местным условиям и дать юношеству западных губерний воспитание в духе господствующей там русской народности.

По высочайшему указу от 12 января 1831 г., все учебные заведения Киевской, Волынской и Подольской губерний подчинены были Харьковскому учебному округу. 21 августа 1831 г. последовал другой высочайший указ о закрытии всех польских школ в Юго-Западном крае[1], с тем чтобы они впоследствии были переведены в другие места и преобразованы по уставу 1828 г.

Осенью 1831 г. попечитель Харьковского учебного округа Филатьев вместе с двумя профессорами Харьковского университета, Архангельским и Кроненбергом, отправился в Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии, закрыл все существовавшие там училища и избрал несколько пунктов для устройства гимназий и низших училищ на новых началах. Проект свой Филатьев представил министру народного просвещения Шишкову. К первым по времени открытия русским гимназиям в Юго-Западном крае принадлежит Луцкая гимназия, ныне Ровенское реальное училище.

[1] За тогочасним адміністративно-територіальним поділом Російської імперії до західних губерній (Західний край) належали: Віленська, Ковенська, Гродненська, Мінська, Могилівська, Вітебська, Подільська, Волинська і Київська. В свою чергу, перші шість називалися Північно-Західним краєм, три останні – Південно-Західним.

Анатолій Антонович
Анципо-Чикунський

ЛУЦКАЯ ГИМНАЗИЯ
(1832-1834)

На основании высочайшего повеления от 21 августа 1831 г. об училищах Киевской, Волынской и Подольской губерний, начальством Харьковского Учебного Округа постановлено было открыть в г. Луцке, Волынской губернии, гимназию. Директором Луцкой гимназии по предложению попечителя был назначен старший учитель Слободско-Украинской губернской гимназии Иван Григорьевич Кулжинский, а инспектором – учитель Нежинского Александровского греческого училища Платон Осипович Рудаковский.

Кроме директора и инспектора, в Луцкую гимназию были назначены еще два чиновника Харьковского учебного округа: учитель исторических наук Таврической гимназии Николай Никитич Попов – учителем того же предмета, младшим учителем *(младшими учителями считались учителя русской граматики, географии и новых языков)* русского языка и географии – учитель Сумского уездного училища Филипп Степанович Морачевский. Остальные учительские места заняли частью учителя Луцкого уездного училища, частью преподаватели других учебных заведений Юго-Западного края.

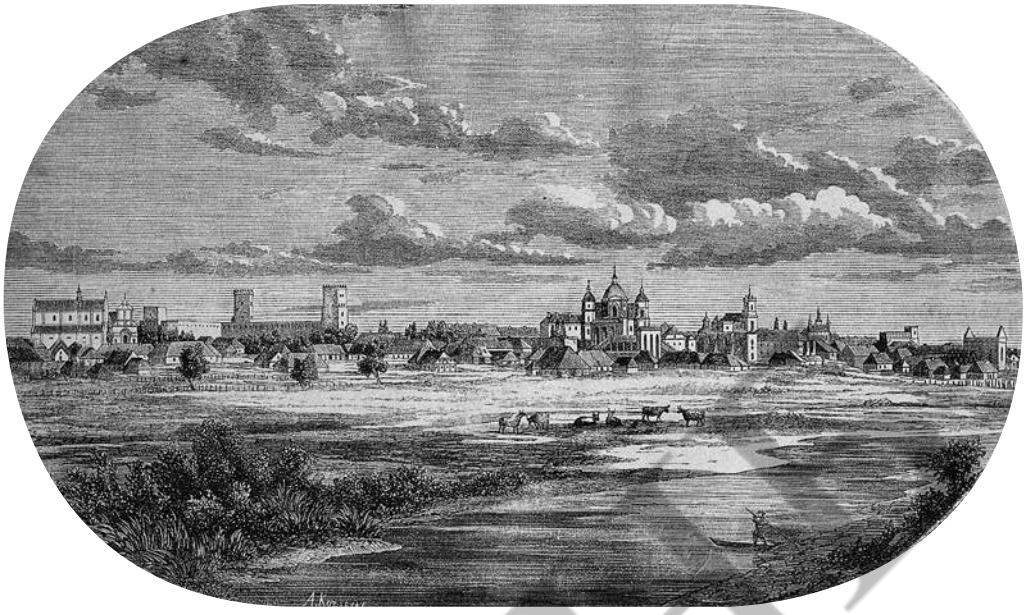
Открытие Луцкой гимназии, согласно предписанию г. попечителя Харьковского учебного округа, совершилось 6 декабря 1882 г., в день тезоименитства блаженной памяти императора Николая I. Сведений о подробностях этого события, к сожалению, не сохранилось в архиве Ровенского реального училища.

Луцкая гимназия устроена была по уставу 1828 г.; по этому считаю уместным вкратце изложить содержание той части устава, которая касается гимназий. В манифесте 1827 г. император Николай I высказал свой взгляд на характер, который должно получить образование в России. По словам этого манифеста, «необходимо, чтобы повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся, чтобы каждый вместе с здравыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности, приобретал познания, наиболее для него нужный, могущий служить к улучшению его участия и, не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвышаться над тем, в коем, по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться».

Согласно с этим взглядом на дело образования, комитетом по устройству учебных заведений был выработан устав гимназий, училищ уездных и приходских, состоявших в ведомстве университетов: Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. §1 этого устава повторяет мысль, высказанную императором Николаем Павловичем в его манифесте: «Общая цель учебных заведений заключается в том, чтобы при нравственном образовании доставлять юношеству средства к приобретению нужнейших по состоянию каждого знаний».

Цель гимназии по уставу 1828 г. двоякая: «Доставить способы приличного по званию их воспитания тем из молодых людей, кои не намерены или не могут продолжать учение в университетах, а готовящих вступить в оные снабдить необходимыми для сего предварительными знаниями».

Штат служащих в гимназиях по уставу 1828 г. состоял из директора, инспектора, законоучителя и десяти учителей наук и искусств. Сверх того, так как главнейшею целью



Луцьк. Загальний вигляд.
Гравюра, друга половина XIX ст.

учреждения гимназий было доставить воспитание детям дворян и чиновников, то дворянство каждое трехлетие могло избирать из своей среды почетных попечителей гимназий, которые совместно с директорами имели право надзора за ходом учебного и воспитательного дела. Главною же обязанностью почетных попечителей было изыскивать средства, при содействии местного дворянства для открытия пансионов при гимназиях.

Непосредственный начальник гимназии – директор, а инспектор – его помощник во всем, что касается до надзора за преподаванием и нравственной части воспитания в гимназии (§ 195 У.).

Для рассмотрения же важнейших дел гимназии составлялся педагогический совет из директора, инспектора и старших учителей гимназии (§ 207). Обсуждению в этом совете подлежали вопросы: об усовершенствовании способов преподавания, о принятии мер для сохранения и утверждения доброй нравственности между учениками и вообще вопросы об улучшении состояния гимназии во всех отношениях (§ § 211 и 212). В те заседания совета, в которых рассматривался вопрос о переводе учеников в высшие классы, приглашались и младшие учителя, если в этом являлась необходимость (§ 216). Совет ежемесячно должен был собираться для рассмотрения ведомостей, представлявшихся учителями, о поведении, прилежании и успехах учеников, а также счетов о приходах и расходах заседаний, совет собирался два раза в год для слушания отчетов об управлении гимназией. В эти последние заседания совета приглашался предводитель дворянства (§ 219).

Гимназии, по уставу 1828 г., состояли из 7 классов с годичным курсом (§ 143), предметы преподавания были:

1) Закон Божий.
2) Русская грамматика, словесность и логика.
3) Языки: латинский, немецкий и французский.
4) Математика.
5) География и статистика.
6) История.
7) Физика.
8) Чистописание, черчение и рисование. Греческий же язык преподавался только в тех гимназиях, которые состояли при университетах (§ 145).

Этот учебный материал распределялся по классам следующим образом.

1) Закон Божий:

- в I кл. (2 урока) священная история Ветхого завета;
- во II кл. (2 урока) священная история Нового завета;
- в III кл. (2 урока) первая половина пространного катехизиса;
- в IV кл. (2 урока) окончание пространного катехизиса;
- в V кл. (1 урок) история церкви христианской;
- в VI кл. (1 урок) изъяснительное чтение священной истории;
- в VII кл. (1 урок) изложение христианских обязанностей.

2) Русский язык:

- в I кл. (4 урока) начальные основания этимологии с изустными и письменными упражнениями в склонениях и спряжениях;
- во II кл. (4 урока) полное объяснение этимологии, упражнение в разборе грамматическом;
- в III кл. (4 урока) объяснение правил правописания и упражнение в правописании и разборе грамматическом; предложения и периоды;
- в IV кл. (3 урока) синтаксис и стопосложение, выучивание легких стихов, правописание и объяснение периодов; практические упражнения в слоге; славянская грамматика;
- в V кл. (3 урока) начало логики и риторики; упражнение в логическом и риторическом разборе периодов и кратких сочинений; переводы с иностранных языков на русский; упражнение в славянской хрестоматии;
- в VI кл. (3 урока) окончание логики и риторики: извлечения из лучших писателей; упражнения в переводах и легких сочинениях;
- в VII кл. (2 урока) пиитика с критическим разбором образцов; упражнения в сочинениях и переводах; краткая история русской словесности.

Практические упражнения в слоге должны были начинаться с самых легких предметов и идти с надлежащей постепенностью во всех родах, не выключая и делового.

3) Математика:

- в I и II кл. (по 4 урока) арифметика; в III кл. (4 урока) первые начала алгебры, включая и уравнения 2-й степени;
- в IV кл. (3 урока) продолжение и окончание алгебры; первые начала геометрии (лонгиметрия);
- в V кл. (3 урока) продолжение и окончание геометрии (планиметрия и стереометрия);
- в VI кл. (3 урока) начальные понятия из начертательной геометрии (относительно только положения точек прямых линий и плоскостей); прямолинейная тригонометрия; первая часть приложения алгебры к геометрии; вторая часть приложения алгебры к геометрии, содержащая в себе конические сечения;
- в VII кл.– краткое изложение всего пройденного по математике в предыдущих классах с указанием связи между отдельными частями этой науки.

4) Латинский язык:

- в I кл. (4 урока) чтение, письмо, существенные формы грамматики языка по Кошанскому; легкие статьи из хрестоматии, присовокупленной к грамматике Кошанского;
- во II кл. (4 урока) синтаксис по грамматике Кошанского; чтение хрестоматии; в III кл. (4 урока) дополнительное повторение грамматики с примерами и упражнениями; чтение прозаической хрестоматии, пространные хрестоматии Кошанского, или же Selectae e profanis scriptoribus historae; перевод одного из следующих авторов: Aurelius Victor, Eutopius или Cornelius Nepos; перевод с русского на латинского по руководству Белюстина;
- в IV кл. (4 урока) продолжение чтения латинской прозы: (Selectae historae); хрестоматия Виллигераде; Cornelius Nepos или Julius Caesar; поэтическая хрестоматия или Phaedrus, с кратким изложением главных правил просодии и метрики вообще; практические упражнения; переводы по книге Белюстина;

- в V кл. (4 урока) продолжение чтения латинских авторов: Sallustius, Virgilius (Aenesis);
- в VI кл. (3 урока) продолжение чтения авторов: Livius, Virgilii Aenesis – с затверживанием наизусть лучших мест; так наз. specimen extemporaneum; практические упражнении;
- в VII кл. (3 урока) продолжение чтения авторов (Ciceronis orationes selectae); оды Горация с изъяснением лирического языка и метрических законов; заучивание и декламация лучших од и письменный их перевод; разные практические занятия и почаще specimina eftemforanea.

Французский язык:

- в IV кл. (3 урока) чтение и при этом переводы легких предложений, с замечанием производства слов от латинского корня; способ выражения русских падежей на французском языке; спряжения;
- в V кл, (3 урока) переводы с французского на русский; разбор; письмо по диктовке;
- в VI кл. (3 урока) переводы с русского языка на французский при изучении синтаксиса, учение наизусть стихов;
- в VII кл. (3 урока) сочинение на французском языке; учение наизусть лучших отрывков.

Немецкий язык:

- в I и II (по 2 урока) после необходимых уроков в чтении, устные упражнения во время преподавания с помощью картинок и изучение слов по книге;
- в III кл. (2 урока) этимология с изустным и письменным упражнением в склонениях и спряжениях с употреблением хрестоматии;
- в IV кл. (3 урока) полное объяснение этимологии, упражнение в разборе грамматическом и правописании, также в переводах с немецкого языка;
- в V кл. (3 урока) синтаксис, сочинение периодов, упражнения в переводах на немецкий язык и в переложении стихов в прозу; выучивание наизусть стихотворений;
- в VI кл. (3 урока) чтение лучших писателей в стихах и прозе с разбором оных; упражнения в сочинениях; выучивание наизусть стихотворений;
- в VII кл. (3 урока) продолжение разбора образцовых писателей; сочинения на немецком языке; краткая история немецкой литературы.

География:

- в I кл. (2 урока) физическое обозрение глобуса;
- во II кл, (2 урока) обозрение всех частей света,
- в III кл. (2 урока) подробное описание государств;
- в IV кл. (1 урок) русская география;
- в V кл. (1 урок) математическая география, предшествуемая космографией;
- в VII кл. (1 урок) статистика всеобщая и русская.

История:

- в III кл. (2 урока) обозрение всеобщей истории; в IV кл. (2 урока) древняя история;
- в V кл. (3 урока) средняя история;
- в VI кл. (3 урока) новая история;
- в VII кл. (3 урока) русская история.

Физика:

- в VI кл. (2 урока) общая физика;
- в VII кл. (2 урока) частная физика.

Чистописание:

- преподавалось в I, II кл. по 4 урока и в III кл. 2 урока

Черчение и рисование во всех классах:

- в первых трех классах по 2 урока, в прочих по 1 уроку.

РОЧЕР

Классные уроки разделялись на утренние и послеобеденные. Продолжительность каждого урока была 1½ часа. Ученики трех низших классов имели ежедневно по 4 урока: два утром и два после обеда. Старшие четыре класса по средам не имели послеобеденных уроков.

Экзамены производились два раза в год: в декабре полугодичные, а в июне переводные. После окончания переводных экзаменов назначался торжественный акт. Вот главнейшие положения устава 1828 г., которым в своей деятельности должна была руководствоваться Луцкая гимназия.

Штат гимназии в первый год своей деятельности составился из следующих лиц:

1) директор гимназии Иван Григорьевич Кулжинский;
2) инспектор Платон Осипович Рудаковский;
3) законоучитель православного исповедания священник, магистр богословия, Афанасий Лукич Лотоцкий;
4) законоучитель римско-католического исповедания ксендз, магистр богословия, Иосиф Дамианов Ворховский;
5) старший учитель логики и русской словесности Иван Яковлевич Каменовский;
6) старший учитель латинского языка Иван Михайлович Турович;
7) старший учитель латинского языка Дионисий Адамович Якутович;
8) старший учитель математики Иосиф Фомич Шумский;
9) старший учитель начал математики Войтех Яковлевич Зборжевский;
10) старший учитель исторических наук Николай Никитич Попов;
11) младший учитель немецкого языка Иосиф Францевич Михальский;
12) учитель рисования, черчения и чистописания Филипп Михайлович Павловский;
13) младший учитель французского языка Осип Осипович Мадейский;
14) младший учитель русского языка и географии Филипп Степанович Морачевский;
15) письмоводитель гимназии Григорий Захарович Метельский.

Одновременно с предписанием об открытии Луцкой гимназии попечитель Харьковского учебного округа предписал закрыть существовавшее в г. Луцке уездное училище и все принадлежавшие ему здания, учебные пособия и прочее имущество взять для гимназии. Таким образом, гимназия заняла небольшой двухэтажный каменный дом, принадлежавший уездному училищу, который по своим размерам не мог удовлетворять нужды такого многолюдного заведения, как гимназия. По уставу 1828 г., все чиновники гимназии должны были пользоваться казенными квартирами, но Луцкая гимназия не располагала достаточным помещением, поэтому учителям, по распоряжению волынского гражданского губернатора, были отведены квартиры в городе в счет постоя.

Учебными пособиями на первых порах гимназия не была богата: фундаментальная библиотека её в 1833 г. состояла из 830 названий, 1906 томов; физических и математических инструментов насчитывалось всего 48; в естественно-историческом кабинете находилось 2014 минералов, раковин, насекомых, нумизм и растений.

Контингент учеников первого учебного года составился главным образом из учеников закрытого уездного училища. Ученики принимались не иначе как по экзамену и были помещены в соответствующие их познаниям классы: в VII-й класс не поступило ни одного ученика, так что в первом учебном году седьмого класса совсем не было. Не смотря на отсутствие VII-го класса, с первого же учебного года Луцкая гимназия является довольно многолюдной. Со дня её открытия по 1 ноября 1833 г. поступило в гимназию 212 учеников.

На содержание Луцкой гимназии было ассигновано 6408 руб. из доходов с имений общего эдукационного фундуша; сверх этого, ежегодно отпускалось 1000 руб. на чрезвычайные расходы, как-то: на разъезды директора, на канцелярские принадлежности, на награды ученикам и т.п. Специальные средства, которые составлялись из сбора за учение, не могли быть велики, потому что за учение взыскивалось всего по 5 руб. в год.

Каковы же были первые шаги деятельности новой гимназии? Насколько можно судить по результатам переводных испытаний, учебное дело пошло довольно хорошо. Из 44 учеников 1-го класса переведено во 2-й 22 ученика; из 35 учеников 2-го класса переведено в 3-й 25 учеников; из 20 учеников 3 класса переведено в 4-й 16 учеников; все 9 учеников

4 класса, 5 учеников 5-го класса и 3 ученика 6 класса переведены в высшие классы. Таким образом, из 116 учеников, подвергавшихся экзаменам в первом учебном году, не успели только 36 учеников низших трех классов.

Такой благоприятный результат при многих неудобствах, с которыми обыкновенно приходится считаться новооснованному учебному заведению, при недостаточности знания русского языка учениками, вследствие известных условий местности, может свидетельствовать о способностях преподавателей и добросовестном отношении их к делу.

Директор Кулжинский служил примером для своих подчиненных: он без всякого вознаграждения за труд преподавал ученикам старших классов греческий язык, который не входил в программу предметов Луцкой гимназии, за что неоднократно получал благодарность от попечителя Киевского учебного округа (*Киевский учебный округ образован по высочайшему повелению от 14 декабря 1832 г.*) Фон-Брадке и почетного попечителя Луцкой гимназии Скибицкого. Скибицкий в изъявление особенной благодарности Кулжинскому, довел до сведения всех предводителей Волынской губернии и почетных попечителей Киевской и Подольской губернии о его полезной деятельности.

О примерном усердии и трудах учителей Луцкой гимназии свидетельствует и сам директор Кулжинский в своем докладе попечителю округа. С полным успехом шло учебное дело и в следующем 1833/34 учебном году, при чем число успевших составляло 75%.

В том же году Луцкая гимназия сделала первый выпуск учеников из VII-го класса. Так как седьмой класс был очень малочислен (в нем обучалось всего три ученика: Буяльский Юлиан, Калиновский Николай и Кшиштанович Андрей), то аттестатов удостоены были только два ученика: Буяльский и Калиновский. На основании высочайше дарованного в 20 день февраля 1834 г. права, педагогический совет определил удостоить этих учеников правом на чин 14-го класса.

Переходим к воспитательной части. Надзор за жизнью учащихся вне стен учебного заведения лежал главным образом на инспекторе гимназии. Иногородние ученики жили на частных квартирах, которые содержались чиновниками гимназии и частными лицами, пользовавшимися доверием гимназического начальства. Для каждой такой ученической квартиры начальством гимназии назначался квартирный надзиратель, один из учеников старших классов, или лицо постороннее, имевшее законное свидетельство на право обучения в частных домах и хорошо известное со стороны своей нравственности и образа мыслей. Эти квартирные надзирателя ежедневно поутру, до начала уроков, должны были словесно доносить инспектору о состоянии квартир, вверенных их надзору.

Обязанности инспектора касательно надзора за воспитанниками вне стен гимназии определялись особой инструкцией, составленной начальством округа. Согласно инструкции, инспектор должен был, возможно, чаще посещать ученические квартиры. Без ведома инспектора ученики не имели права переменять квартир.

На обязанности инспектора лежало наблюдать за, правильным посещением учениками уроков, а также и затем, чтобы во все воскресные и праздничные дни ученики православного исповедания слушали богослужение в церкви, а католики в костеле. Для лучшего наблюдения за поведением учеников во время богослужения в помощь инспектору поочередно назначались учителя.

Поведение учеников Луцкой гимназии за 1832/33 и за 1833/34 учебные годы не заслуживает упрека. При существовавшей тогда двадцатибальной системе отметок, отметку 10 из 116 учеников имели 12 в 1832/33 учебном году, а в 1833/34 учебном году из 223 учеников отметку 10 имел только один ученик. При этом надо заметить, что более низкие отметки по поведению встречаются чаще у учеников первых трех классов.

Гимназия в Луцке пробыла всего два учебных года 1832/33 и 1833/34 гг.; за это время ее два раза ревизовал попечитель Киевского учебного округа Фон-Брадке в 1833 г., а в 1834 г. член Главного Правления училищ флигель-адютант граф Протасов. Кроме этого, в этот период времени гимназию посетили некоторые высокопоставленные лица – в 1833 г. предводитель дворянства Луцкого уезда Чарноузский; военный губернатор В. В. Левашов, гражданский губернатор Римский-Корсаков, Иннокентий, епископ Волынский и Житомирский.

КЛЕВАНСКАЯ ГИМНАЗИЯ
(1834-1839)

По мере того как число учеников с каждым годом увеличивалось, Луцкая гимназия не могла более оставаться в своем прежнем помещении. Поэтому попечитель Киевского учебного округа предписал Кулжинскому разузнать, нет ли в близлежащих городах удобного казенного помещения, или не будет ли достаточным для гимназии, пока отстроится для неё отдельное здание, помещение, которое занимало Клеванское уездное училище. Наиболее удобным оказалось помещение Клеванского уездного училища в замок князя Константина Чарторыйского.

По высочайшему повелению, Луцкая гимназия летом 1834 г. была переведена в м. Клевань, а Клеванское уездное училище в г. Луцк. Новое помещение гимназии в м. Клевани хотя не вполне соответствовало потребностям заведения, но во многом превосходило её прежнее помещение в Луцке.

Учение в Клеванской гимназии началось с 7 августа. Более 80 учеников не явилось к урокам, а по близости к г. Луцку перешли в уездное училище. Но эта убыль вполне вознаградилась вновь поступившими в числе 139 человек, что с прежним числом составило 254 человека. Штат служащих Луцкой гимназии полностью перешел в Клеванскую гимназию и с тем же усердием, как в Луцке, продолжал ведение учебного дела.

В 1834 и 1835 гг. попечителем округа и советом университета св. Владимира были сделаны распоряжения, имевшие целью поднять успешность учеников по русскому и новым языкам. В свободные часы от учения для учеников высших трех классов был открыт особый класс русского чтения, где читались лучшие места, из образцовых русских писателей. Ведение этих чтений в Клеванской гимназии возложено было советом университета на директора Кулжинского и на учителей: Попова, Науменко и Смолянова. Для чтения избирались обыкновенно сочинения, которые по своему содержанию были назидательны и, изложение которых способствовало бы образованию вкуса и изучению слога; при выборе сочинений обращалось внимание на то, чтобы они отличались занимательностью и удобопонятностью для учеников и не превышали бы их умственного развития. Вообще эти чтения должны были иметь вид занятия более свободного, приятного, а не обыкновенных уроков. При чтении учитель не вдавался в пространные объяснения, а объяснял только то, что заслуживало особенного внимания или могло быть действительно не понятно для учеников. Учитель не только сам читал им, но и заставлял читать учеников, чтобы приучать их к правильному и выразительному произношению русской прозы и стихов.

Для поднятия успешности в новых языках с 1835/36 учебного года французский и немецкий языки начали преподаваться не по классам, а по группам. Ученики всех семи классов по экзамену распределялись на 6 групп. При этом распределении наблюдалось такое ограничение: ученики первых трех классов не должны были быть помещены выше третьего класса, а ученики четырех высших классов не должны были быть помещены ниже четвертого класса. С 1-го января 1836 г. Клеванская гимназия образована по новому, высочайше утвержденному 1835 г. 16 июня, штату, по которому: 1) преподавание русского языка отделено от преподавания географии и оба эти предметы получили отдельных преподавателей; 2) должность инспектора была уничтожена, а на одного из старших

учителей возложено исполнение обязанностей инспектора; 3) для надзора за учащимися определены два надзирателя.

По новому штату на содержание всех гимназий и уездных училищ Волынской и Подольской губерний начали отпускаться суммы из государственного Казначейства в замен прежних доходов эдукационного фундуша, которые поступили в ведение министерства финансов.

К этому же времени относится учреждение при гимназиях и уездных училищах новой должности врача. Вследствие представления попечителя Киевского учебного округа министр народного просвещения вошел с ходатайством в комитет министров об определении врачей при гимназиях и уездных училищах. 12 мая 1835 г. последовало высочайшее повеление, которым дозволялось Министерству народного просвещения разрешать, по представлению местного училищного начальства, назначение при гимназиях и уездных училищах особых врачей без жалованья, но с правами, предоставленным медицинским чиновникам, состоящим в государственной службе. Врачом при Клеванской гимназии был определен лекарь Петраковский. По распоряжению высшего начальства, каждый ученик, кроме бедных. должен был ежегодно участвовать в складке для вознаграждения врача по 1 руб. серебром.

Со времени перевода гимназии в м. Клевань число учеников постепенно возрастает и в последний год пребывания гимназии в м. Клевани (1838/39 учебный год) достигает 475 человек. Вследствие отсутствия параллельных отделений низшие классы были переполнены: в 1835 г. в 1-м классе было 85 учеников, во II-м 96, в III-м 75 учеников. В 1836 г. это неудобство было устранено открытием параллельных отделений в трех низших классах; а с 1837 г. и IV-й класс разделен на два отделения. Вот главнейшие распоряжения высшего начальства, последовавшие за время пребывания гимназии в м. Клевани.

Насколько же удовлетворительно выполняла свое назначение Клеванская гимназия? Ответом на этот вопрос могут служить отзывы попечителя Киевского учебного округа Фон-Брадке, неоднократно ревизовавшего гимназию, и статистические данные об успехах и поведении учеников. Попечитель Фон-Брадке всякий раз после ревизии гимназии оставался доволен гимназическими порядками, успехами учеников и всякий раз выражал свою благодарность директору Кулжинскому и многим из учителей. Во время ревизии в 1835 г. попечитель нашел особенно хорошими успехи учеников по русскому языку и по всей математике.

Почти к столь благоприятному заключению приходим и на основании статистических данных. В сохранившихся экзаменационных протоколах мы находим число учеников, ежегодно подвергавшихся переводным и окончательным испытаниям, и число успешно выдержавших эти испытания. Из сопоставления этих двух числовых данных можно составить приблизительно верное понятие об успешности. Вот эти данные:

Учебный год	**Подвергались испытаниям**	**Выдержали испытания**
1834/35	251	145 (57,7%)
1835/36	329	170 (51,7%)
1836/37	403	252 (62,5%)
1837/38	417	226 (54%)

Приведенные числовые данные позволяют признать успешность удовлетворительной. Поведение учеников, основываясь на статистических данных, можно признать тоже удовлетворительным; но в тоже время замечается увеличение числа дурных отметок по поведению, по мере приближения к 1840-му г. В 1834/35 учебном году отметку в поведении ниже 5 из 251 учеников имели только 24 ученика, в 1835/36 из 329 учеников – 62, в 1836/37 из 403 – 235 и в 1837/38 из 417 учеников – 205. Такое понижение отметок в поведении за 1836/37 и 1837/38 учебные годы не дает еще полного основания сделать предположение, что поведение значительно ухудшилось; скорее причину этого должно искать в усилении надзора за учащимися и более строгой оценке поведения. Подтверждением могут служить

Клеванський замок князів Чарторийських.
Літографія Н. Орди. Друга половина XIX ст.

протоколы заседаний педагогического совета, обсуждению которого подлежали все выдающиеся проступки учеников. В этих протоколах на годы, когда особенно понизились отметки в поведении, мы встречаем всего четыре случая обсуждения проступков учеников: в двух случаях применено было увольнение из гимназии, а в двух остальных телесное наказание.

О деятельности педагогического совета трудно сказать что-либо определенное по недостатку материалов. До 1837 г. протоколов совета не сохранилось; имеющиеся же отличаются краткостью: здесь занесены отчеты о денежных суммах гимназии, протоколы об экзаменах учеников и посторонних лиц, обсуждение выдающихся проступков учеников. Все-таки из сохранившихся протоколов за последнее трехлетие пребывания гимназии в Клевани можно заключить, что совет не оставлял без внимания экономическое положение учащихся и часть учебно-воспитательную. Среди учеников Клеванской гимназии было очень много заездных.

Пока гимназия находилась в Луцке, то бедные ученики, по просьбе директора Кулжинского, пользовались квартирою и столом от тамошних монастырей; сверх этого, бывший почетный попечитель Скибицкий снабжал многих одеждою. По переводе же гимназии в м. Клевань число учеников, а вместе с тем и число бедных, значительно увеличилось. Некоторым из них, тоже по просьбе директора Кулжинского, давал квартиру настоятель Клеванского костела Дваржинский, некоторым помогал учитель гимназии Якутович, который, будучи сам небогат, уделял часть своего учительского жалованья бедным ученикам. Некоторые из бедных учеников принуждены были занимать места слуг при богатых своих товарищах. Гимназия же своих собственных средств для пособия бедным имела очень мало. С 1835 г., на основании распоряжения Министра народного просвещения, гимназия ежегодно раздавала бедным ученикам на 50 руб. ассигнациями книг даром из книжного магазина, который заведен со времени открытия гимназии. Вот все, чем гимназия могла помогать своим бедным воспитанникам. Желая иметь постоянные средства для помощи бедным, совет в 1837 г. постановил ходатайствовать об отпуске ежегодно от казны 1000 руб. серебром на стипендии бедным ученикам. Была ли разрешена эта сумма или нет, неизвестно. Вторым важным постановлением педагогического совета было постановление об учреждении ученической библиотеки. Мысль об этом принадлежит директору Кулжинскому. Ученическая библиотека первоначально должна была составиться из книг, пожертвованных учениками, и пополняться на взносимые учениками деньги за чтение. Но мысль Кулжинского, вероятно, осуществилась не скоро, потому что до 1853/54 учебного года ни в годичных отчетах, ни в исторических записках не упоминается об ученической библиотеке.

В силу сложившихся обстоятельств, о которых речь впереди, летом в 1839 г. гимназия из м. Клевани была переведена в г. Ровно.

УСТРОЙСТВО ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ ГИМНАЗИИ В Г. РОВНО

Владелец г. Ровно, князь Фридрих Осипович Любомирский, желая споспешествовать видам правительства при новом устройстве училищ Волынской губернии, в 1835 г. вошел с предложением к попечителю Киевского учебного округа о том, чтобы Луцкая гимназия, временно помещавшаяся в м. Клевани, была переведена в его владельческий город Ровно. Со своей стороны князь обещал приспособить для помещения гимназии, имевшиеся у него в г. Ровно дома. Совет Киевского университета, на рассмотрение которого было передано попечителем предложение князя Любомирского, уполномочил директора Кулжинского войти с князем в официальные переговоры по этому вопросу. Результатом этих переговоров было заключение князем Любомирским с университетом св. Владимира договора в 1835 г. 23 ноября, по которому Любомирский сделал капитальное пожертвование в пользу Луцкой гимназии. Поэтому договору князь подарил гимназии, «если она навсегда будет переведена в г. Ровно»:

1) место с садом (где ныне находится главное здание Ровенского реального училища) и два флигеля,
2) каменную оранжерею,
3) место, называвшееся Петриковской усадьбой и принадлежавшее дворянину Крживицкому, здесь находился дом из прусского мура с флигелем и другими службами (в настоящее же время это место разделено на несколько отдельных усадьб, принадлежащих различным владельцам: доктору Погоновскому и другим),
4) дом из прусского мура, в котором теперь помещается канцелярия училища. Петриковская усадьба, раньше, чем была подарена гимназии, была продана кн. Любомирским дворянину Гориновичу; князь рассчитывал ее откупить обратно, но Горинович предложил очень невыгодные условия: поэтому Любомирский вошел с ходатайством к высшему училищному начальству, предлагая принять взамен дома Крживицкого другой новый дом о 12 комнатах и при нем 500 сажень земли. Это-тот дом, который находится на так называемой теперь Директорской улице и занят квартирами служащих в училище.

Кроме указанных пожертвований, князь Любомирский обязался построить на свой счет новые постройки, починить и приспособить для гимназии уже имевшиеся дома. На первом из выше указанных мест Любомирский обязался построить двухэтажное каменное здание по плану, составленному княжеским архитектором Бургионом[1] и профессором архитектуры Меховичем[2].

Оранжерею князь обязался перестроить так, чтобы в этом здании могли иметь выгодные помещения директор гимназии, его канцелярия и письмоводитель, четыре старших

[1] Жан Якуб Бургіньйон (Jean Jacob Bourguignon) (1766 – ?) – придворний архітектор князів Любомирських. Докладніше див. Ричков П.А. Палацово-парковий комплекс Любомирських в Рівному на акварелях Жана Якоба Бургіньйона // Вісник НУВГП. Зб. наук. праць. – Вип. 3 (35). – Рівне: НУВГП, 2006. – С.140-157.

[2] Мєховіч (Miechowicz) Францішек (1783 або 1786-1852) – технік, архітектор, педагог. Народився на Волині. Викладав у Кременецькому ліцеї, після його закриття був призначений ординарним професором університету св. Володимира. Виконував функції архітектора Київського навчального округу. Див.: Сторчай О. В. Архітектор Франц Мєхович – викладач Київського університету 1834 - 1838 // Студії мистецтвознавчі. –Число 3: Архітектура. Образотворче та декоративно-ужиткове мистецтво.– К.: Вид-во ІМФЕ, 2005. – С. 74-82.

учителя и один младший. Дом из прусского мура, где теперь канцелярия, должен был быть приспособлен для квартир двух надзирателей гимназии.

Дом, теперешняя квартира директора училища, назначен князем Любомирским под помещение Ровенского приходского училища. Но так как этот дом довольно обширен, то князь предоставил училищному начальству устроить в нем, кроме помещения приходского училища, еще квартиру для одного старшего учителя и учителя рисования.

Учителю Закона Божия римско-католического исповедания князь Любомирский обязался отвести безвозмездно выгодное помещение в доме ровенского пробоща.

Законоучителю же православного исповедания квартиры не было назначено в том предположении, что законоучителем будет местный священник, имеющий свой собственный дом, и потому не нуждающийся в квартире, ни в квартирных деньгах; но если бы законоучителем был назначен священник, не имеющий в Ровно своего собственного дома или прихода, в таком случае кн. Любомирский обязался отвести ему приличную квартиру; равно князь должен был отвести квартиру бухгалтеру гимназии, если бы этот чиновник был назначен.

Постройка главного здания гимназии, все переделки, починки и постройка училищной мебели по договору должны были быть произведены князем Любомирским в течение двух лет, считая со дня формального объявления князю об утверждении перевода Луцкой гимназии в г. Ровно, т.е. с 29 июля 1836 г.

При производстве всех работ князь Любомирский обязался предоставить чиновникам, которые будут назначены училищным начальством, освидетельствование материалов и осмотр работ. Для этой цели попечителем Киевского учебного округа назначена была комиссия из директора Клеванской гимназии Кулжинского и учителей той же гимназии: Зборжевского и Вишеневского. Согласно договору, эта комиссия должна была присутствовать при закладке фундамента главного гимназического здания, осмотреть постройку, когда будет окончен нижний этаж главного здания, и, наконец, когда это здание будет совершенно окончено; эта же комиссия должна была присутствовать при начале и окончании всех перестроек.

После всякого осмотра комиссия выдавала князю Любомирскому расписку относительно того, в каком состоянии ею найдены работы и какого качества строительные материалы.

Закладка фундамента главного здания производилась 11 августа 1836 г. в присутствии членов строительной комиссии. В квитанции, выданной этой комиссией князю Любомирскому, значится:

1) что рвы для фундамента вырыты до материка и воды в них не оказалось, чего можно было ожидать, так как здание строилось на месте довольно низком, недалеко от пруда; в противном случае фундамент, согласно договору, пришлось бы класть на сваях,

2) фундамент имеет толщины 4 кирпича, что составляет два аршина (по договору $1\frac{3}{4}$ арш.),

3) строительные материалы оказались добропорядочными.

По причинам, независящим от князя Любомирского, постройка здания продвигалась медленно. В 1836 г. сделано было мало, потому что извещение о переводе гимназии в г. Ровно Любомирский получил в конце июля, и большая часть летнего времени, самого удобного для каменных построек, ушла на заготовление строительных материалов, поэтому постройка, как я сказал, началась только с 11 августа.

Лето следующего 1837 г. было очень неблагоприятно для каменных работ по случаю частых дождей. Поэтому князь Любомирский, видя невозможность окончить все работы к назначенному сроку, обратился с ходатайством к попечителю округа, чтобы срок окончания работ был продолжен еще на один год, на что и последовало разрешение г. министра народного просвещения.

В ноябре 1838 г. было окончено только главное здание, да и то вчерне, и осмотрено строительной комиссией и архитектором Киевского учебного округа. В квитанции, выданной Любомирскому после этого осмотра, говорится, что постройка здания исполнена вполне удовлетворительно, что многое сделано даже сверх планов, например стены выведены были на 2 и на 3 вершка шире и проч.

В июле 1839 г. заканчивались деревянные работы в главном здании и покраска стен, а вместе с тем перевозилось гимназическое имущество из м. Клевани в новопостроенное помещение. 22 июля директор гимназии уведомил попечителя Киевского учебного

округа, что гимназия окончательно переведена из м. Клевани в г. Ровно и все гимназические здания окончены.

Ровенская гимназия в течение пятидесятилетия своего существования два раза подвергалась коренному преобразованию: в 1865 г. она была преобразована по уставу 1864 г. в реальную гимназию, а в 1872 г. в реальное училище; поэтому историю нашего учебного заведения следует рассматривать по периодам: первый период с 1839 г. по 1865 г., 2-й с 1865 г. по 1872 г. и 3-й с 1872 г. по настоящее время.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Правительствующаго Сената

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе Господина Министра Юстиціи, Тайнаго Совѣтника и Кавалера Дмитрія Васильевича Дашкова, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ его, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія его, въ 12 день минувшаго Мая Высочайше повелѣть соизволилъ: Гимназію, помѣщенную временно въ мѣстечкѣ Клевани, перевесши въ городъ Ровно, по опистройкѣ тамъ Княземъ Любомирскимъ нужныхъ для нея помѣщеній. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи онъ Г. Министръ Юстиціи предложилъ Правительствующему Сенату для повсемѣстнаго опубликованія, присовокупивъ, что о приведеніи онаго въ исполненіе, какъ увѣдомилъ его Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, сдѣлано съ его стороны надлежащее распоряженіе. Приказали: О семъ Высочайшемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніи, дать знать всѣмъ Гг. Министрамъ, Военнымъ Генералъ-Губернаторамъ, Военнымъ Губернаторамъ управляющимъ Гражданскою частію, Генералъ-Губернаторамъ, Гражданскимъ Губернаторамъ и Градоначальникамъ, о чемъ послать указы, каковыми дать знать Губернскимъ и Областнымъ Правленіямъ и Правительствамъ, Войсковымъ Канцеляріямъ и Присутственнымъ мѣстамъ; въ Сѣнатскій же Правительствующій Синодъ, во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія опыхъ Собранія сообщить вѣдѣнія и припечатать въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ. Іюня 12 дня 1836 года.

По Высочайшему повелѣнію.

О переводѣ изъ м. Клевани Гимназіи помѣщенной нынѣ временно, въ городъ Ровно.

По 1-му Департаменту.

Указ про переведення гімназії з Клеваня до Рівного. 1836 р. Російський державний історичний архів м. С.-Петербург (РДІА). Ф. 733. – Оп.69. – Од. зб. 291. – Арк. 52.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД
(1839-1865)
РОВЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Новоустроенное помещение Ровенской гимназии вполне соответствовало потребностям этого учебного заведения. В главном здании с удобством были размещены классы, библиотеки, кабинет физический и необходимые служебные комнаты. Все чиновники гимназии, за небольшим исключением, получили казенные квартиры в зданиях, принадлежащих гимназии.

До приезда учеников с вакаций гимназическим начальством осмотрены были все приготовленные квартиросодержателями дома и выбраны были только те, какие оказались более удобными, насколько это позволяло отсутствие порядочных квартир в таком малонаселенном городе, каким был в то время г. Ровно.

Учение в Ровенской гимназии началось в понедельник 24 июля 1839 г. Освящение нового здания гимназии происходило 1 августа. В этот день в 11 ч. утра в гимназической зале, в присутствии чиновников гимназии, учеников и некоторых посторонних лиц, был отслужен молебен с освящением воды. С 7 по 26 августа производились переводные экзамены ученикам всех шести классов, которые 30 августа закончились торжественным актом.

Таким образом, в Ровно на первых порах подведены были итоги 1838/39 учебного года, начавшегося во время пребывания гимназии в м. Клевани. Первым учебным годом в Ровенской гимназии, стало быть, должно считать 1839/40.

Штат Клеванской гимназии почти в полном своем составе перешел в Ровно. Первым директором гимназии был Гавриил Михайлович Фавицкий, сменивший Кулжинского в Клевани 13 июля 1839 г. Кроме директора, штат гимназии в первом году составляли следующие лица:

1) исправляющий должность инспектора, старший учитель логики и русской словесности Павел Науменко,
2) законоучитель греко-российского исповедания, протоиерей Афанасий Лотоцкий,
3) исправляющий должность законоучителя римско-католического исповедания пробощ Станислав Мороз,
4) старший учитель русского и славянского языков Никанор Смоляков,
5) старший учитель латинского языка Иван Турович,
6) старший учитель латинского языка Николай Славутинский,
7) старший учитель истории Емельян Нагула,
8) старший учитель математики и физики Николай Савич,
9) исправляющий должность старшего учителя математики Полухтович,
10) младший учитель французского языка Варфаломей Трасс,
11) младший учитель немецкого языка Бартерман,
12) младший учитель географии Тимофей Гриневский,
13) учитель рисования и чистописания Филипп Павловский,
14) младший учитель истории и географии параллельных классов Иван Кончаковский,
15) младший учитель русского и славянского языков в параллельных классах Михаил Стеблин-Каменский,

РОВНО

16) младший учитель французского языка в параллельных классах Осип Брейер,
17) младший учитель латинского языка в параллельных классах Осип Круковский,
18) младший учитель математики в параллельных классах Франц Куликовский,
19) надзиратель за учащимися Василий Марунич,
20) надзиратель за учащимися Эдуард Кастро,
21) гимназический врач Генрих Богуцкий,
22) канцелярский служитель низшего разряда Андрей Павловский.

Всех учеников в первом учебном году в Ровенской гимназии было 373. Первый выпуск составили 10 учеников:

1) Вершинский Феликс
2) Витковский Викентий
3) Высоцкий Эдуард
4) Градецкий Климентий
5) Градецкий Петр
6) Захарчук Антон
7) Карпович Викентий
8) Малевич Осип
9) Рутковский Стефан
10) Собещанский Осип

Ученики Викентий Витковский и Захарчук Антон удостоены права на чин 14-го класса. Сверх этого, Витковский за отличные успехи во всех предметах награжден золотой медалью.

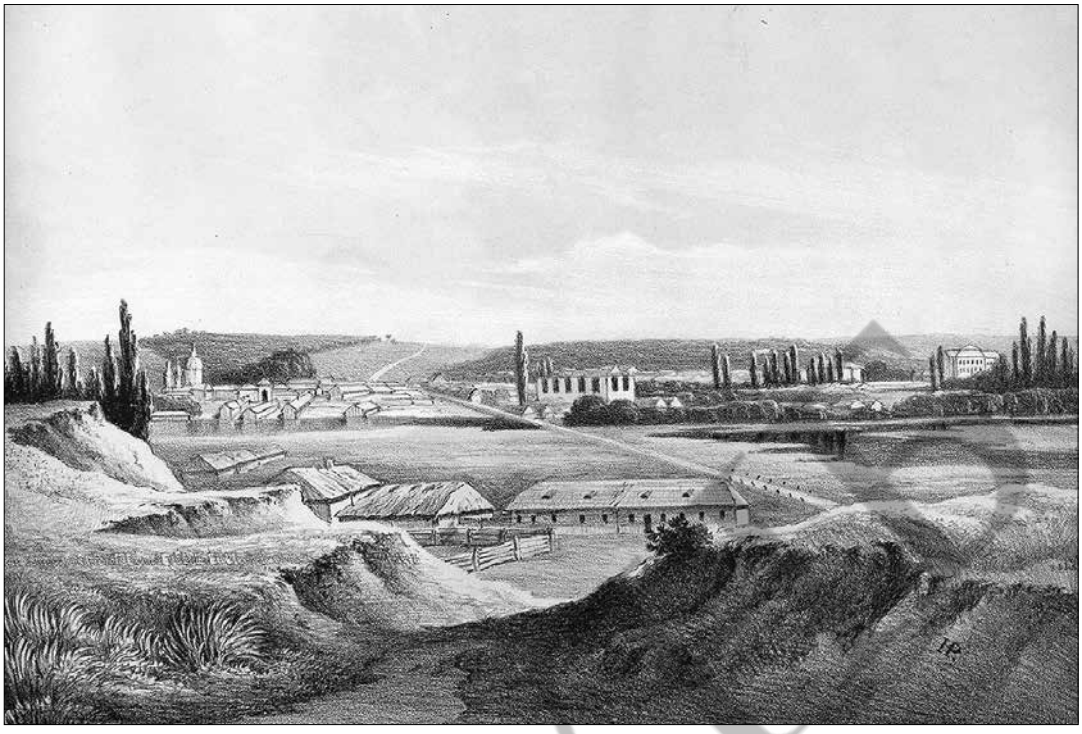
Переходя к характеристике учебно-воспитательного дела в Ровенской гимназии за 1-е десятилетие ее существования, надо сказать, что в этом случае довольно затруднительно дать определенный ответ. Годичные отчеты, а, равно и протоколы заседаний педагогического совета, содержат в себе очень мало данных, на основании которых можно было бы сделать вполне верное заключение об успешности учащихся, об их поведении и деятельности членов педагогического совета. Можно предполагать, что корпорация Ровенской гимназии в деле учебном ограничивалась только исполнением предписаний высшего начальства, которое имело бдительный надзор за успешным ходом его во всем округе и не оставляло своим руководством, что видно из некоторых распоряжений.

В 1843 г. последовал циркуляр попечителя об улучшении преподавания вообще и усилении успехов учащихся, по некоторым предметам в отдельности предписывалось, чтобы преподаватели всех предметов строго держались одобренных руководств. Особенное внимание циркуляр обращает на недостатки преподавания словесности, истории и географии.

При личном обозрении учебных заведений попечителем было замечено, что ученики, даже оканчивавшие курс гимназии, знали отечественных писателей только по названию, не имея никаких или самые поверхностные сведения о их сочинениях, что знания по географии ограничивались одним исчислением городов и, что преподавание истории не сопровождалось надлежащим объяснением географических положений государств и генеалогии государей. Почему преподаватели должны были предпринять все меры для доставления учащимся как способов к легчайшему изучению означенных предметов, так равно и к удержанию в памяти заученного.

В апреле 1844 г. попечитель предписал не допускать учеников после вакаций ко вторичному экзамену, исключая тех, которые не могли держать экзаменов по болезни. В том же году последовало другое предписание о наблюдении со стороны директора гимназии за справедливою и беспристрастною оценкою степени успехов учеников по всем предметам и в особенности по русскому языку при производстве как окончательных, так и переводных испытаний.

Более определенные известия о состоянии учебной части в Ровенской гимназии за первое пятилетие её существования имеются в окружном предложении директорам училищ и гимназий попечителя Киевского учебного округа князя Давыдова. Состояние Ровенской гимназии изображено в этом предложении на основании отчета инспектора казенных училищ, ревизовавшего гимназию в 1844 г. Учебная часть Ровенской гимназии, по словам отчета, находилась в следующем состоянии:



Рівне. Загальний вигляд.
Літографія Г. Пеєра. Середина XIX ст.

1) Закон Божий как православного, так и римско-католического исповедания преподавался с надлежащим успехом. О священнике Омелянском и ксендзе Подлевском отчет отзывается, как о преподавателях способных.
2) Русский и славянский языки. Первый преподавался в параллельных классах учителем Невгодовым весьма удовлетворительно: ученики у него делали большие успехи; в основных же классах, по причине двухмесячного отсутствия по болезни учителя Шастова, успехи были слабее. В высших классах успехи по русской словесности оказались не вполне удовлетворительными. Причина такой неудовлетворительности заключалась в способе преподавания учителя Тихомирова, который, довольствуясь теоретическими сведениями учеников, мало обращал внимания на разработку этих сведений практическими упражнениями. Славянский язык преподавался Тихомировым еще слабее, чем словесность. Поэтому попечитель просил директора Аврамова поручить преподавание русской словесности особенному наблюдению и руководству инспектора Науменко, советы которого, как отличного преподавателя этого предмета, могли быть очень полезны для Тихомирова.
3) Латинский язык преподавался очень хорошо учителем Славутинским в первых отделениях низших классов и учителем Епифановичем в высших классах. Успехи по латинскому языку в параллельных классах, где преподавал учитель Чуйкевич, хотя признаны удовлетворительными, но были ниже, чем в других классах.
4) Успехи по немецкому языку признаны посредственными. Учитель Баландин мало успевал в низших классах, еще менее в высших; другой учитель немецкого языка Виттенберг, по недавнему своему пребыванию в Ровенской гимназии не мог еще показать результатов своих занятий, тем не менее метод его признан лучше методы Баландина. Поэтому попечитель предложил директору с будущего учебного года поручить высшие классы Виттенбергу.
5) Преподавание французского языка учителем Бони найдено совершенно слабым.
6) Математика, по успехам признана выше всех других предметов; особенно дельным признано было преподавание учителем Савиным алгебры, начертательной геометрии, тригонометрии и аналитики. Он излагал эти предметы не только ясно и отчетливо, но и умел сообщить им

привлекательность. Учитель Яновский (*Ныне попечитель Кавказского учебного округа*) весьма серьезно и дельно читал все части геометрии до V класса. Занятия учителя Петрова по математике в параллельных классах найдено тоже удовлетворительным.

7) Физику преподавал учитель Санин очень хорошо; излагая довольно подробно историю важнейших открытий, он придавал этим особенную занимательность этой науке.

8) Должность учителя истории в описываемое время занимал известный наш историк Н. И. Костомаров. В то время уже он имел ученую степень магистра и был известен своими сочинениями по русской истории. Отчет говорит о нем: «Нынешний учитель, магистр Костомаров, с особенной любовью преданный науке, и уже, доказавший отличные свои дарования некоторые весьма дельными историческими сочинениями, имеет, без сомнения, все качества, потребные для вполне хорошего преподавателя». Но успехи по русской истории признаны только порядочными. О состоянии же всеобщей истории, так как по руководству Смарагдова, недавно введенному, ко времени визитации было пройдено мало, то в отчете не сделано положительного заключения. Преподавание другого учителя истории, Малавского признано обещающим хорошие успехи. Особенные обстоятельства препятствовали должной постановке предмета истории в нашей гимназии. Этот предмет некоторое время оставался без преподавателей, по причине частого выбытия учителей и невозможности в скором времени заменить их другими.

9) География преподавалась вообще не совсем удовлетворительно: учитель параллельных классов Гриневский, по мнению инспектора училищ, нуждался в наблюдении и руководстве, а чтение географии в прочих классах преподавателя Малавского произвело на ревизора очень выгодное впечатление.

10) Чистописание преподавалось посредственно, а рисование существовало только по имени. Учитель этих предметов Зайцев признан, если не безталантливым, то весьма равнодушным к своему предмету, по этому предлагалось директору принять Зайцева под свое строгое наблюдение.

Отзывы инспектора о состоянии учебного дела в гимназии вполне согласны с статистическими данными по этому вопросу. Процент успевших в 1844/45 учебном году составлял 60%; в предшествующие же пять лет заметно некоторое колебание; самым хорошим годом можно признать 1842/43 учебный год, когда успевшие составляли 78,6%, а самым слабым первый учебный год Ровенской гимназии: в этом году из 355 учеников, подвергавшихся испытаниям, успевших оказалось только 147, что составляет 41,4%. Об успешности учащихся можно судить только лишь по статистическим данным; других сведений архивный материал не дает никаких.

В упомянутом выше предложении находим отзыв попечителя о нравственном состоянии учащихся в Ровенской гимназии. В нравственном отношении, по этому отзыву, ученики заслуживали одобрения: они благонравны, покорны и больших между ними шалостей не было примеров, но не всеми соблюдалась форма. На последнее обстоятельство было обращено внимание директора и предоставлено его благоусмотрению принять необходимые меры сообразно местным условиям и настоящей потребности предмета.

Судя по приведенному мною отзыву попечителя князя Давыдова и статистическим данным, можно считать состояние как учебной части, так равно и воспитательной, удовлетворительным. Заслугу эту должно приписать способностям и усердию большинства членов гимназической корпорации, умению ее облегчать усвоение преподаваемых предметов, своевременному и благоразумному принятию мер строгости против упорной лености и дурного поведения.

Кроме существующих в наше время мер исправления, выговоров, арестов и крайней меры – исключения из учебного заведения, по уставу 1828 г. за проступки слишком предосудительного характера, по определению педагогического совета, для учеников трех низших классов допускались телесные наказания. В протоколах совета за 1839 и 1840 гг. встречается четыре случая определения телесного наказания за шалости и один за шалость и леность вместе. 19 октября 1839 г. педагогический совет, рассмотрев месячные ведомости об успехах и поведении учеников, нашел, что некоторые ученики первых трех классов в течение прошедшего сентября не оказали никаких успехов в преподаваемых предметах, а еще были замечены несколько раз в шалостях, определил всех таких учеников, в пример другим, наказать розгами. Случаев увольнения из гимназии за 1839 и 1840 гг. всего было 5.

Поведение учеников гимназии с 1841 г. по 1849 г., должно предполагать, весьма улучшилось, потому что за эти 8 лет в протоколах педагогического совета указано только на два случая: увольнения за дурное поведение, в том числе один сопровождаемый наказанием розгами. В 1841 г. были наказаны розгами один ученик IV кл. и один V кл. Такому поднятию нравственности учащихся, мне кажется, много способствовало учреждение общих ученических квартир, что значительно облегчило надзор за воспитанниками.

До 1841 г. все иногородние ученики гимназии жили на частных квартирах: квартиры эти далеко не всегда удовлетворяли все требования гигиены: удобных домов в г. Ровно было мало, поэтому ученические квартиры были очень тесны, сыры и с плохим освещением. Надзор за ученическими квартирами непосредственно принадлежал инспектору гимназии. Ближайшее же наблюдение за учениками на квартирах возлагалось на квартиросодержателей, а также на репетиторов, которые назначались из лучших учеников старших классов. Для руководства репетиторов округом были изданы особые правила. Обязанности репетитора по этим правилам состояли в следующем:

1) Репетитор должен был наблюдать, чтобы ученики его квартиры вставали в 5 часов утра и после обыкновенной молитвы занимались повторением уроков до первого колокольчика в гимназии; потом репетитор, осмотрев каждого своего ученика, имеет ли он все потребное для уроков: книги, тетради, одет ли он по форме и т.п., отводит их по два в ряд во двор гимназии. По окончании занятий в гимназии, репетитор в том же порядке отводит своих учеников обратно в квартиру, и ответствуют за всякую могущую произойти шалость или неблагопристойность на улице.
2) Репетиторы обязаны приготовлять своих учеников к урокам, и отвечают за их незнание, нерадение и за невыполнение заданных на дом занятий.
3) Сверх того, репетитор должен обращать особенное внимание на практическое изучение русского языка, для чего вменяется в обязанность употреблять русский язык с учениками на квартире ежедневно во время изъяснений и повторений уроков, во время завтрака, обеда, полдника и ужина.
4) Приняв ученика в свое ведение, репетитор должен иметь у себя опись всего его имущества, при чем он отвечает за целость этого имущества и т.д.
5) Репетитор сам заключает условие с хозяином квартиры, на которой находятся ученики гимназии, с следующими только ограничениями:
   а) ни один репетитор не может принимать в свое ведение учеников более 6-ти, особенно разных классов; где же находилось их более, там должен был быть помощник или коррепетитор;
   б) кроме квартиры, стола, освещения и мытья белья, репетитор мог просить и денежного вознаграждения; смотря по состоянию учеников, впрочем ограничиваясь не более, как 2-мя серебряными рублями в треть каждого. Коррепетитор, смотря по обстоятельствам, мог получать также денежное вознаграждение, если в своем ведении имел нескольких учеников.

С 1840 г. при Ровенской гимназии были учреждены, согласно высочайшему повелению от 23 апреля того же года, общеученические квартиры. Учреждение общих квартир, как явствует из § 1 правил об ученических квартирах, было лишь временной мерой, впредь до устройства учебных заведений на новых основаниях. Найдено было возможным (§ 2) за меньшую сумму, чем стоило содержание учеников на частных квартирах, поместить их в общих под совершенно благонадежным надзором. Эти квартиры по размерам платы за содержание, разделялись на несколько разрядов так, чтобы они были доступны для детей всякого состояния (§ 4).

Лица, желавшие поместить своих детей с удобствами, которыми они не могли пользоваться на общих квартирах, имели право помещать их на квартирах у чиновников гимназий и училищ с дозволения попечителя округа (§ 5). Жившие на общих квартирах ученики пользовались столом, отоплением, освещением, прислугой и мытьем белья, а для учеников низших классов сверх того назначались репетиторы; одежда, обувь, постель, книги и прочие учебные пособия доставлялись родителями и опекунами, равно как и столовый прибор (§ 6).

Рівненська гімназія.
Ілюстрація з часопису «Tygodnik Ilustrowany». 1872 р.

Продовольствие воспитанников пищею отдавалось по особому условию посторонним лицам, известным директорам и штатным смотрителям с хорошей стороны (§ 10). Все квартиры состояли под непосредственным и бдительным надзором ближайшего училищного начальства (§ 8). Для каждой квартиры назначался особый надзиратель и несколько репетиторов, смотря по числу учеников, а из среды самих квартировавших учеников избирались комнатные старшие. На обязанности квартирного надзирателя, репетиторов и комнатных старших лежал надзор за учениками квартиры, кроме того, репетиторы должны были заниматься приготовлением уроков с младшими учениками. Время занятий в общих квартирах было строго распределено:

а) Ученики встают утром в 5 часов и под надзором надзирателя и старших умываются, одеваются, осматриваются в одежде; в удобной по помещению комнате читают молитву и потом пьют чай или завтракают. На все это определяется один час.

Примечание. Молитву ученики читают по очереди в удобных для того комнатах, в одной православные, а в другой католики.

б) От 6 до 7½ часов ученики приготовляются к классам,

в) В 7½ часов по звонку ученики собираются в классы, берут книги, тетради и прочие учебные пособия и, построясь попарно, идут в порядке в училище.

г) По окончании утренних уроков, один час назначается на отдохновение.

д) В 12 часов обедают. После обеда полчаса дается на отдохновение, а потом приготовляются к урокам.

е) В половине второго часа собираются и идут в классы как сказано выше.

ж) По окончании после обеденных уроков, один час назначается для отдохновения, игр и гулянья.

з) От 6 до 8 часов ученики садятся по звонку на свои места, и приготовляются к урокам под надзором надзирателя, репетиторов и старших.

и) В 8 часов по звонку оканчивают занятия, в порядке идут ужинать, после ужина читается молитва, и ученики ложатся спать.

Примечание. В летнее время после ужина полчаса дозволяется гулять в саду или на дворе.

Общие квартиры Ровенской гимназии при первоначальном устройстве своем разделены были на три разряда; ученики, помещавшиеся в 1-м разряде, вносили за свое содержание по 115 руб. в год, во 2-м – по 95 руб., а в 3-м по 70 руб. Первый разряд общих квартир помещался в главном гимназическом здании, а 2-й и 3-й в соседнем с гимназией доме Рыльке.

В судьбе общих квартир принимали живое участие почетные попечители гимназии. В 1841 г. почетный попечитель Ровенской гимназии Кашинский пожертвовал для общих квартир 80 кроватей, столько же табуретов и 10 столиков. С 1843/44 учебного года с разрешения попечителя округа открыт особый 4-й разряд общих квартир, предназначенный преимущественно для содержания беднейших учеников. Мысль об открытии этого разряда принадлежит директору Аврамову. Содействие же к осуществлению этой мысли оказал почетный попечитель гимназии Корчинский. Он убедил более состоятельных из родителей сделать небольшую прибавку к вносимой ими плате за содержание своих детей в 1-м и 2-м разрядах, и из этой прибавки составилась особенная сумма, простиравшаяся до 300 руб. Эта сумма, названная запасным капиталом для пособия бедным ученикам, дала возможность учредить особенное отделение для них и назначить самую умеренную плату за содержание. Таким образом, был учрежден 4-й разряд для 10-ти беднейших учеников с платою за содержание по 35 руб. в год. Ученики этого разряда получали одинаковое содержание с учениками 3-го разряда, вносившими по 70 руб.

Кроме репетиторов в 1843/44 году для занятий с учениками по русскому языку приглашен был учитель Шестов. В 1849/50 году по предложению директора Траутереттера[1], сами учителя приняли на себя труд репетировать уроки с учениками каждый по своему предмету. О воспитательном значении, какое вообще имели общие ученические квартиры для учебных заведений и для Ровенской гимназии в частности, можно судить по отзыву бывшего министра народного просвещения Уварова, который он дал в общем отчете за 1843 год: «Родители, - говорит он, - убедились в необходимости подобных учреждений и спешат ими воспользоваться, общие ученические квартиры достигли удовлетворительного состояния а, следовательно, осуществили уже благотворную мысль правительства».

Ревизовавший в 1844 г. гимназию инспектор казенных училищ нашел общие квартиры вообще в удовлетворительном состоянии: «Помещение всех разрядов удобно; нужные пособия и наблюдение по части учебной имеются; попечение о здоровье, также пища очень хороша: во всем виден надлежащий порядок и заботливость об усовершенствовании. Больница общих квартир устроена удобно».

Начиная с 1844 г., в учебном курсе гимназий были произведены значительные изменения. В 1845 г. по распоряжению министра народного просвещения, уничтожено было отдельное преподавание статистики, и предмет этот присоединен к географии. При этом на заключение педагогических советов предлагалось решить вопрос о том, на какие предметы следовало употребить часы, которые остались свободными за прекращением преподавания статистики, и на каких основаниях удобнее соединить статистику и географию.

Педагогический совет Ровенской гимназии нашел наиболее полезным занять уроки статистики русскою историей на том основании, что эта наука имеет особенное значение в кругу образования юношества Западного края империи. Эти свободные уроки совет предлагал употребить собственно на практические занятия по истории, при чем бы учитель не задавал ученикам уроков и не выслушивал их, а занимался чтением различных сочинений по русской истории и знакомил бы учеников с историческими взглядами, критикою и способами изложения, с разными, преимущественно важными эпохами прошедшей жизни нашего отечества, с разбором сочинений, которые ученики должны подавать к каждому такому практическому уроку.

Все это, по мнению совета, должно было принести большую пользу не только для знания истории, но для языка и для развития мыслительных способностей юношества.

[1] В тексті помилка. Насправді прізвище директора Траутфеттер.

По второму вопросу, т.е., о соединении статистики с географией, совет нашел более удобным изложение статистических сведений отнести к двум наукам: к географии и истории, потому что статистика, как наука, имеет целью отобразить настоящее развитие и состояние сил народной жизни, служащих условиями действительного бытия государства в смысле устроенного общества.

Приведенное постановление педагогического совета заслуживает внимания в силу предположения, что оно составилось под влиянием Н. И. Костомарова, занимавшего в описываемое время должность учителя истории при Ровенской гимназии. Мне кажется, что в этом постановлении можно видеть взгляд знаменитого историка на постановку предмета истории в средних учебных заведениях.

В том же 1845 г. последовало сокращение курса математики в гимназиях: аналитическая и начертательная геометрия были совсем исключены из гимназической программы, а преподавание космографии перенесено было из V класса на VII-ой. Оставшиеся свободными часы в VII и VII классах от аналитической и начертательной геометрии были употреблены на повторение других отделов математики.

По недостатку хороших руководств по логике, преподавание этого предмета по распоряжению министра народного просвещения в 1847 г. временно приостановлено.

В 40-х годах высшим училищным начальством был поднят вопрос о преобразовании Ровенской гимназии в закрытую. Для этой цели князь Казимир Любомирский, сын князя Фридриха, в 1844 г. подарил гимназии свой Ровенский замок.

Но так как разбросанность гимназических зданий представляла большое затруднение для преобразования, то явились предположение переселить совсем гимназию на остров, где находится замок Любомирского. Для этого предполагалось построить возле замка здание для классов и другие необходимые помещения. Выполнение этого плана оказалось невозможным.

На запрос попечителя директору гимназии Аврамову о том, каким образом с большею выгодою можно преобразовать Ровенскую гимназию в закрытую, Аврамов высказался против плана перенесения гимназии на остров на том основании, что остров этот мал и часть его заливается весеннею водой, воздух на острове вреден для здоровья, вследствие гниющей земли в окружающем его пруде; кроме этого, возведение построек на острове обошлось бы очень дорого, потому что, по мнению окружного архитектора, нужно было устраивать большую насыпь.

В виду всего этого, мысль о преобразовании Ровенской гимназии в закрытую была оставлена. Между тем замок, требовавший капитального ремонта, на что гимназия своих средств не имела, постепенно приходил в ветхость.

В 1852 г. директор гимназии Траутереттер донес генерал-губернатору Бибикову, что, по мнению окружного архитектора, замку грозит скорое разрушение. Поэтому Траутереттер просил или ремонтировать замок, на что потребовалась бы очень большая сумма, или продать, или возвратить его князю Любомирскому.

Таким образом, по невозможности употребить замок для пользы Ровенской гимназии в таком виде, как он был принят от Любомирского, явилась необходимость возвратить его прежнему владельцу. По высочайшему повелению в 1859 г. замок с принадлежащими к нему строениями и землей был возвращен[1].

В 1849 г. в уставе 1828 г. сделаны были очень важные изменения. Вследствие высочайше утвержденного 21 марта 1849 г. мнения Государственного совета с началом 1849/30 учебного года гимназический курс был разделен на общее и специальное обучение, при чем специальное обучение должно было начинаться с IV класса, с IV же класса начиналось изучение латинского языка, а с V греческого.

[1] Про невдалу спробу використати для потреб гімназії палац Любомирських див.: Михайлишин О. Л. Сторінки з історії розбудови Рівненської гімназії за матеріалами Державного архіву Волинської області // Наукові зап. РОКМ: До 165 річчя заснування Рівненської гімназії. – Вип.2 – Рівне, 2005. – С. 15–23; Її ж: Резиденція князів Любомирських в Рівному: до історії розвитку та занепаду // ЗНТШ: Праці Комісії архітектури та містобудування. – Т. CCXLIX. – Львів. – 2005. – С.469–484.

Палац князів Любомирських у Рівному.
Ілюстрація з часопису «Tygodnik Ilustrowany». 1872 р.

С четвертого класса все ученики разделялись на два отделения: одни, приготовлявшие себя к продолжению образования в университете, кроме общих предметов должны были слушать древние языки; другие, которые имели намерение по окончании гимназии вступить в военную или гражданскую службу, не изучали древних языков, а начиная с V-го класса, проходили курс русского положительного законодательства.

В высших четырех классах предназначенных для специального обучения, преподавание некоторых предметов было усилено сообразно требованию будущего назначения учеников. Поэтому ученики IV класса, предназначавшие себя к государственной службе, сейчас по окончании гимназии, кроме общего курса русского языка, имели еще два особых урока для практических занятий; по математике сверх общего курса назначалось два особых урока для арифметических задач в применении на практике.

План и программа законоведения для гимназий составлены были профессором Неволиным. Программа, довольно подробная, состояла из введения, заключавшего общие понятия о законоведении и своде законов, и пяти глав:

1) основные законы,
2) учреждения вместе с уставами о службе гражданской,
3) законы о состояниях,
4) законы гражданские со включением судопроизводства гражданского,
5) законы уголовные и полицейские со включением и судопроизводства по преступлениям.

В инструкции, составленной Неволиным, поставляется целью для преподавания в гимназиях:

а) сообщать молодым людям ясные и твердые понятия о тех гражданских обязанностях, которые они должны будут исполнять, как члены государства вообще и как русские в особенности,

б) приготовлять их в частности к достойному прохождению различных должностей губернской службы; затем предписывалось, не вдаваясь в теорию, ни в историю законов, ограничиваться только изложением статей свода законов. Директорам гимназий Юго-Западного края кроме этого предписано было «упражнять учеников в изучении обрядов делопроизводства, форм деловых бумаг и канцелярского порядка. За успехи в законоведении при выпусках из гимназии ученики награждались чином, XIV класса. (Ист. зап. о Немировской гимназии).

С 1849 г. сокращена была продолжительность уроков: вместо $1\frac{1}{2}$ часа каждый урок продолжался $1\frac{1}{4}$, при том все уроки должны были оканчиваться до обеда к $2\frac{1}{2}$ часам.

Это было значительным облегчением для приходящих учеников и вообще предоставляло воспитанникам больше времени для домашних занятий.

Время реформы 1849 г. совпадает с генерал-губернаторством Бибикова, которому с 1848 по 1852 г. был подчинен Киевский учебный округ. Бибиков очень заботился о хорошей постановке преподавания русского языка в учебных заведениях вверенного ему края.

Своим циркуляром Бибиков предписал директорам гимназии:

1) чтобы испытание учеников III класса по русскому языку производимо было не тем учителем, который преподавал этот предмет в III классе, но непременно одним из старших учителей, преподававшим словесность в высших классах, так как на него преимущественно падала ответственность за успехи в отечественном языке учеников, оканчивающих курс;
2) при переводе учеников III класса из одной гимназии в другую, а равно и из дворянских училищ в гимназии, удостаивать поступления в IV класс только тех, которые выдержат испытание по русскому языку, тоже в присутствии учителя словесности,
3) лица, председательствующие в испытательных комиссиях, должны строго наблюдать за верной оценкой успехов. В тех же видах предложено было директорам позаботиться о введении после обеденных занятий по словесности для учеников трех высших классов и завести ученические библиотеки.

Государь император Николай Павлович, в бытность свою в 1850 г. в г. Киеве, при посещении учебных заведений выразил желание, чтобы воспитанники приучались к правильным телодвижениям. Для этой цели, согласно высочайшему повелению, следовало приглашать хороших отставных или бессрочно-отпускных унтер-офицеров; кроме этого рекомендовалось в надзиратели за учащимися по возможности назначать отставных офицеров.

Во исполнение высочайшей воли, управляющий Киевским учебным округом предложил иметь в числе служителей в гимназии и в общих квартирах одного или более, способного и благонадежного унтер-офицера, который бы два раза в неделю, в свободное от учения время, употреблял по одному часу на упражнение воспитанников в маршировке и поворотах, наиболее соответствующих цели внешней выправки. Предписание это в Ровенской гимназии было приведено в исполнение; принят был унтер-офицер для обучения воспитанников маршировке и поворотам.

С 1860/61 учебного года в Ровенской гимназии, наряду с другими гимназиями, введено преподавание двух новых предметов: естественных наук и польского языка.

Естествознание преподавалось во всех классах, кроме первого; одновременно с естествознанием введен был польский язык, преподавание которого велось в Ровенской гимназии до начала 1864/65 учебного года.

Изучение польского языка в гимназиях и дворянских училищах Киевской, Волынской и Подольской губерний не было обязательным для всех воспитанников, а только для желающих из уроженцев западных губерний. Для преподавания польского языка в первых пяти классах назначалось по два урока, в двух высших классах по одному уроку.

В 1857 г. министр народного просвещения предложил попечителю Киевского учебного округа по возможности сократит время, предназначавшееся для переводных и выпускных экзаменов.

Вследствие такого предложения помощник попечителя Мошлянский просил директоров гимназий представить ему свои соображения по этому вопросу. Представленные директорами мнения оказались мало приемлемыми, поэтому вопрос об экзаменах раз-

рабатывался в попечительском совете. Совет нашел большое неудобство в практиковавшемся способе производства переводных экзаменов, так как на испытания употреблялось около двух месяцев, в продолжении которых учение не производилось, а ученики, готовясь к экзаменам, сами занимались поспешным повторением всего пройденного. Этот порядок отнимал у преподавателей много учебного времени, заставлял их спешить пройти курс, положенный по программе, во вред основательному преподаванию. Для устранения этих неудобств совет нашел необходимым:

1) Сократить время экзаменов для выигрыша времени, назначенного для преподавания, и для более правильного распределения времени учения.
2) Слить экзамены с самым преподаванием.
3) Уравнять значение отметок в предметах главных и неглавных.
4) Постановить более определенное значение отметок, выражаемых цифрою, сделав, эти отметки при переводных экзаменах более соответственными одному определенному вопросу: владеют ли учащиеся, или нет, таким запасом сведений, который необходим для перехода в следующий класс?

Подробности этих новых правил состояли в следующем:

1) Экзамены должны были производиться три раза в год: в декабре, мае и июне.
2) Первые два экзамена производились в виде репетиций или тентаментов, каждым учителем в своем классе, не прекращая преподавания. Директор, инспектор и старшие учителя присутствовали при таких испытаниях, так что в одном классе мог присутствовать попеременно один из них.
3) На третьем переводном экзамене, начинавшемся с 1-го июля, испытывались все ученики одного класса всеми экзаменаторами вместе, в одно и тоже время, в особой зале в присутствии директора, инспектора и ассистентов из учителей.
4) На первых двух испытаниях ученики экзаменовались только из пройденных частей предмета, а на третьем, по усмотрению директора и, судя по полученным отметкам, или из всего пройденного, или из части пройденной с 1 января по 1-е июня.
5) Испытание каждого ученика на трех переводных экзаменах и оценка его познаний производились следующим образом:
   а) Для перевода из одного класса в другой ученику нужно было непременно получить при испытании из каждого предмета отметку «3».
   б) При первых двух испытаниях каждый учитель вписывал в особый журнал, кроме отметки, еще и самы вопросы, на которые отвечал ученик, или просто отдел, из которого экзаменовался.
   с) Если ученик на одном из двух первых испытаний по какому-нибудь предмету получал отметку «2», то на последнем экзамене, кроме общего испытания, должен был еще отвечать из той части предмета, по которой получил «2».
   д) Если на всех трех экзаменах из одного какого-либо предмета ученик получил «2», а из всех других по «3», то допускался к переэкзаменовке после каникул по этому предмету.
   е) Ученик оставлялся на второй год в классе и вовсе не допускался к третьему экзамену, если на первых двух испытаниях получал «2» по половине предметов своего класса.

Если ученик получал на двух первых экзаменах по какому либо предмету «3+», то освобождался совсем от экзамена по этому предмету, а ученик, получивший по «3+» из половины предметов своего класса, подвергался экзамену по одному или двум из тех предметов по которым имеет отметку только «3». Отметки при выпускных экзаменах учеников VII-го класса остались на прежнем основании без изменений.

В виде опыта эта новая система экзаменов в 1858/59 учебном году была введена в киевских гимназиях, а с 1859/60 учебного года в Ровенской наравне с другими гимназиями округа.

РОУНБ

Кроме исполнения, перечисленных мною выше, предписаний высшего начальства, начальством Ровенской гимназии был предпринят ряд мер к поднятию успешности воспитанников и утверждению в них доброй нравственности.

Наблюдая за успехами учеников, в особенности низших классов, директор Траутеретер (1848–1853) заметил, что успехи эти были не вполне удовлетворительны. Причина неуспешности, по мнению Траутереттера, заключалась в том, что ученики, занимавшиеся репетиторством, не могли как следует заниматься с своими учениками, потому что тогда бы им не хватало времени на приготовление собственных уроков; репетиторы же, которые посвящали много времени на занятия с учениками, непременно сами успевали плохо; во вторых, нельзя допустить, чтобы ученик-репетитор знал хорошо все предметы гимназического курса и мог их с успехом преподавать. Поэтому директор, желая устранить такое неудобство без особенных издержек со стороны родителей, предложил, чтобы родители, желавшие иметь репетиторов для своих детей, вносили те деньги, которые платили репетиторам, в гимназию. На собранные таким образом деньги предполагалось назначить четыре репетитора из учителей гимназии для каждой квартиры: учителя русского языка, французского, немецкого и математики.

Проект Траутереттера, вероятно, был приведен в исполнение: в исторической записке за следующий 1850/51 учебный год говорится, что в этом году в высшем отделении общих квартир занимался с учениками практическими упражнениями по французскому языку учитель Лемп и репетировал уроки, а также репетировали уроки с учениками низших классов учителя: русского языка, немецкого языка, математики и географии. Эта мера касалась только учеников, которые жили на общих квартирах; но гимназическое начальство заботилось также и том, чтобы ученики и частных квартир, как можно более успевали, и признавая, что их неуспешность тоже зависит от недостатка хороших репетиторов.

Инспектор Туманов, обращался с просьбой к родителям и опекунам, желавшим иметь репетиторов для своих детей, доводит до его сведения условия с репетиторами, не давать репетиторам жалованья вперед более как за один месяц, извещать его ежемесячно о том, довольны ли они репетиторами, а равно узнавать лично об успехах своих детей из ежемесячных отметок. Но цель не была достигнута. Репетиторы, действительно, были назначены с согласия инспектора, но родители вполне полагались на репетиторов и не обращались к инспектору за справками об успехах и поведении детей. Кроме того, у родителей установился неправильный взгляд на самых репетиторов.

На репетитора обыкновенно смотрели, как на человека взрослого, имеющего право располагать собой и своим временем, как ему угодно, а не как на ученика, который обязан подчиняться известным школьным правилам. Это обстоятельство также, по мнению гимназического начальства, дурно отзывалось на поведении и успешности учеников, занимавшихся репетиторством.

Живя на частных квартирах, репетиторы пользовались большою свободой: отлучались из квартир во всякое время, часто пропускали уроки. Получаемые ими деньги за репетиции тратили на разные прихоти.

На акте в 1851 г. инспектор Туманов опять повторил свою просьбу к родителям и прибавил новую: он предложил, чтобы родители следуемые репетиторам за их труд деньги не отдавали им на руки, а вносили инспектору под расписку; эти деньги гимназия должна отсылать родителям или отдавать самим репетиторам в конце года.

Заканчивая вопрос о репетиторах, приведу интересное мнение о пользе и вреде репетиторов того же Туманова, высказанное им в исторической записке, за 1859/60 учебный год (С 1855 г. по 1860 г. Туманов был директором Ровенской гимназии):

«Существующий издавна обычай облегчать занятия детям, поручив их наблюдению репетиторов, составляет немаловажную причину их неуспешности.

Нет сомнения, что ученику 1-го класса необходимо иметь руководителя потому что он, поступив в заведение, не может вдруг свыкнуться с приемами учения, со способом изложения преподавателя, и наконец, едва умея читать и писать, с трудом управляется с занятиями до тех пор, пока приучится к порядку; все ему кажется сначала дико, ново, чудно. Ухо его не привыкло схватывать и передать уму и памяти слова учителя. Но прошел год, и он в классе, как

у себя дома: его не нужно вести на помочах, иначе он привыкнет трудиться чужою головою, делается рассеянным в классе, успокаивая себя тем, что репетитор, которому платят его родители, обязан же объяснить ему дома то, чего он не замечал внимательно в классе. Да и репетиторы, при множестве собственных занятий, или иногда по свойственному их возрасту легкомыслию, чтобы скорее отделаться от занятий, прямо без объяснений диктуют им задачи, упражнения, переводы, рисуют карты и пишут сочинения.

Следствием того развивается между детьми отсутствие навыка работать своей головой, пробовать свои силы в умственном труде. Следствием же того отчасти – и замечается между учениками высших классов неразвитость, недостаток соображения в самых иногда обыкновенных предметах, при самых простых и неголоволомных выводах».

С конца 1858 г., со времени управления Киевским округом Пирогова, очень оживляется деятельность педагогических советов. Своим циркуляром в 1858 г. Пирогов предложил педагогическим советам гимназий назначать для обсуждения и оценки различных способов преподавания экстраординарным заседания и представлять ему копии протоколов этих заседаний и отдельных мнений учителей по этим вопросам.

В 1860 г. в циркулярах по управлению Киевским учебным округом печатались мнения преподавателей учебных заведений округа и извлечения из протоколов педагогических советов, в некоторых мнениях преподавателей и определениях советов сам Пирогов делал свои отзывы.

В циркулярах за 1860 г. напечатано было мнение законоучителя Ровенской гимназии протоиерея Омелянского о преподавании Закона Божия православного исповедания. Это мнение заслужило очень лестный отзыв Пирогова. «Свидетельствую мою благодарность прот. Омелянскому, гласит этот отзыв, особенно нахожу важным и достойным подражания:

1) то, что он, действуя не только как преподаватель, но и как духовное лицо, старается исправлять вверенных ему воспитанников духом кротости.

2) Его способ преподавания Св. Истории Нового завета, при изложении которой он обращает внимание учеников на земную жизнь Спасителя, поставляя ее как высочайший образец нравственного совершенство, оставленный роду человеческому для подражания,

3) что он, объясняя молитву, внушает, чтобы молящиеся дети принимали в ней участие и умом и сердцем. «Кроме мнения Омелянского попечителю были представлены мнения еще двух учителей Ровенской гимназии: К. Фанца «О преподавании немецкого языка» и Ив. Лемпа «О преподавании всех наук вообще и французского языка в особенности».

Если члены корпорации Ровенской гимназии оказались не особенно отзывчивыми по вопросу о методах преподавания, за то они высказали немало энергии в обсуждении других педагогических вопросов.

Педагогический совет в своем заседании 14 сентября 1859 г. постановил устраивать экстраординарные собрания каждую пятницу, за исключением праздничных дней, так как жизнь заведения представляет много фактов, обсуждение которых подлежит совету.

В эти заседания инспектор должен был представлять сведения о тех учениках, которые в течение недели провинились в поведении или успехах, каким наказаниям были подвергнуты виновные, и какие наказания он имеет в виду для тех учеников, которые наказаны еще не были. Это постановление совета было сделано не с тою целью, чтобы все наказания были определены советом, а для того, чтобы каждый из членов совета знакомился с тем, что в заведении совершается по части воспитательной и учебной, а вместе с тем, чтобы и меры, принимаемые начальством заведения, вполне выражали воззрение на учебно-воспитательное дело гимназической корпорации.

Для характеристики деятельности педагогического совета Ровенской гимназия приведу несколько случаев обсуждения им педагогических вопросов. 18 сентября 1859 г. в совете был возбужден вопрос о том, нужны ли вообще переводные экзамены в гимназиях. Высказанные мнения можно свести к следующему:

а) экзамены не могут служить истине верным средством для оценки познаний учеников: масса случайностей при экзаменах, которые можно предвидеть, но не отвратить, многочисленность экзаменующихся и соединенная с этим невозможность для экзаменатора быть неослабно

внимательным к каждому ответу. Вероятность ошибки в отметке гораздо уменьшится, если принимать во внимание не экзаменационную, а годовую отметку, но есть средство уменьшить эту ошибку почти до нуля посредством репетиций в конце учебного года.

b) По экзаменам судить о преподавании и преподавателе совершенно невозможно; лучше заставить преподавателя изложить на словах или на бумаге свой метод, а еще лучше можно познакомиться с преподаванием чрез посещение классов.

c) Экзамен доставляет ученику возможность исправить свою годовую отметку нисколько не более чем репетиция, если вместо экзаменов в конце года завести повторение по всем предметам и если отметку по репетициям считать так, как считается отметка по экзамену.

d) Репетиции в конце года гораздо лучше экзамена дают возможность уяснить ученику связь различных частей пройденного курса, обратить еще раз внимание ученика на более существенные вопросы, показать взаимное отношение различных отделов науки. Не принося существенной пользы, экзамены иногда бывают, по мнению совета, даже вредны: ученик лентяй, но со способностями, имеет возможность на экзамене обмануть преподавателей своими скороспелыми познаниями и получить перевод в высший класс, между тем как его познания, приобретенные им в короткое время приготовления к экзаменам, не имеют никакой цены, потому что так же скоро улетучиваются, как и были приобретены. Это приучает ученика смотреть на учение слегка, а такой взгляд часто со скамьи переходит и в самую жизнь, делает человека самонадеянным, неспособным ценить труд другого.

В виду таких соображений совет гимназия постановил убедительнейшие просить попечителя о том, чтобы подвергать экзамену одних только поступающих в гимназию и учеников VII класса, оканчивающих курс учения; а переводные экзамены заменить репетициями в конце учебного года, отделив на репетиции все время, начиная с 1-го мая. Заслуживает также внимания взгляд педагогического совета нашей гимназии на распоряжение попечителя Пирогова о мерах взыскания учеников за их проступки.

В 1859 г. попечителем были изданы правила о проступках и наказаниях учащихся. Для того чтобы никто из провинившихся не мог отговариваться и извиняться незнанием правил и постановлений, предлагалось дирекциям развесить во всех классах таблицы, в которых подробно перечислены были проступки, какие могли быть совершены учащимися и наказания за них. В числе наказаний находим розги для низших трех классов. Определение наказаний за некоторые проступки предоставлялось суду товарищей виновного. Когда эти правила были прочитаны в заседании педагогического совета Ровенской гимназии, все были настолько поражены их содержанием, что долго не решались объявлять их учащимся, а когда же, некоторое время спустя, эти правила были прочитаны ученикам, то последовал ряд подробных расспросов: многие из шалунов занялись обсуждением, с чего начать свои шалости, сообразно с тем за что положены большие наказания, а за что меньшие[1].

Совет гимназии высказался против этих таблиц, состоявших из одного только перечня проступков и наказаний за них. По его мнению, гораздо лучше было бы составить доступные понятиям учеников правила, которые положительно указывали бы, что они должны делать и как вести себя; как в стенах заведения, так и вне их. В таблицах же изложены одни только проступки и при том большей частью такие, которые не только в невинном детском возрасте, но и в периоде более зрелом и в голову не приходят. Поэтому ознакомление детей посредством таблиц с одними только свойствами различных преступлений, как лихоимство, пороки чувственности, разврат, сквернословие, кощунство, нарушения церковных обрядов и т.п. подает только повод неопытному и слабому юношеству к соблазнам, потому что этот возраст более чем другой, склонен стремится ко всему запрещенному.

[1] М. І. Пирогов вважав, що тілесне покарання як засіб, принижує дитину. Засуджуючи застосування різок як засобу дисциплінарного впливу, допускав як виключення застосування фізичних покарань, однак, лише за постановою педагогічної ради. Не дивлячись на таку подвійність позиції М. І. Пирогова, потрібно відмітити, що підняте ним питання і дискусія (особливо гучна з Добролюбовим), яка розпочалася згодом на сторінкаю друкованих видань, мали позитивні наслідки: «Уставом гимназий и прогимназий 1864 г.» тілесні покарання були відмінені.

Проступок, в каком бы месте и против кого бы ни был совершен, для воспитанника всегда должен оставаться проступком. Разделение же проступков явно обнаруживает и разъединение правил, дает повод к ослаблению нравственного влияния воспитателей на воспитанников; приучает последних к изворотливости и хитрости. Предоставление товарищам определять наказания за некоторые проступки может повлечь на собою много дурных последствий: несправедливость, мщение, жестокость и проч. Телесное наказание и для низших классов совет находит не согласным с духом времени, с целью наказаний и с характером воспитывающегося юношества и признавая черную доску самым страшным наказанием, считает возможным заменить ею розги с тем, чтобы вторично заслуживший это наказание исключался из заведения.

Те цели, которых желательно было достигнуть изданием правил о проступках и наказаниях воспитанников, по мнению совета Ровенской гимназии, могли быть осуществлены и одним только распространением действий педагогических советов. Точное исследование проступков, обсуждение их и определение наказания обществом воспитателей не искоренило бы то вредное убеждение между учащимися, что судьба их зависит от произвола, каприза личности. Мера эта восстановит нравственное влияние учителей и доверие учащихся к справедливости суда, а также напомнит каждому из учителей, что он должен заботиться не о том только, чтобы вести успешно преподавание своего предмета, но и о том, чтобы облагородить сердце своих питомцев и воле их дать твердое направление к чистой нравственности.

Кроме выше указанных педагогических вопросов, совет Ровенской гимназии принимал участие в рассмотрении проекта нового устава низших и средних учебных заведений, чему было посвящено 11 чрезвычайных заседаний. Обратимся теперь к деятельности педагогического совета, которая была направлена на дело улучшения учебновостпитательной части своей гимназии.

Одной из главных причин неуспешности воспитанников, как заявляет директор Туманов в своей исторической записке, было, опаздывание учеников после летних и зимних, вакаций. Большая часть учеников в начале учебного года явились в гимназию к концу августа, тогда как учение должно было начинаться с 1 августа; после праздников Рождества Христова и Пасхи – едва через неделю и более того по истечении срока, отчего происходил большой беспорядок. Преподаватели находились в большом затруднении, начинать ли им преподавание для немногих или же ожидать прибытия, по крайней мере, большей части учеников. Вследствие этого очень затруднительно было пройти предмет вполне. Воспитанники не выучивали полного курса под руководством учителя, а должны были сами пополнять пропущенное, чего, конечно, не могли хорошо усвоить.

Для прекращения подобных беспорядков, в 1859 г., совет определил просить попечителя разрешить опаздывающих без уважительной причины учеников подвергать не наказанию карцером или арестом, а денежному взысканию по 1 руб. серебром за просроченный учебный день. Взысканные же деньги употреблять на уплату за учение бедных учеников, для церкви, для гимназической каплицы или для ученической библиотеки. Противящихся же уплате не допускать в гимназию. Эта мера хотя и была разрешена попечителем Пироговым, но не была допущена министром народного просвещения на том основании, что денежные штрафы могут быть допускаемы с высочайшего разрешения.

Совет обратил свое внимание и на другую важную причину неуспешности, на частый пропуск учениками уроков. Принимая во внимание, что пропуск уроков противоречит школьным правилам, по которым воспитанник может не быть на уроках, только в случае серьезной болезни, что во всех других случаях он может быть освобожден от уроков не иначе, как по разрешению школьного начальства. Равно принимая во внимание, что пропуск уроков вредит успешности учебных занятий, совет в 1862 г. напоминал учащимся, что единственной законной причиной пропуска уроков может быть болезнь, и что для прекращения заметно усиливающейся уклончивости учеников от уроков будут приняты строгие меры наказаний: за первый случай пропуска уроков выговор от совета, за вторичный – выговор от совета с угрозой удаления из гимназии, лишением репетиторства и освобождения от платы за учение, а за дальнейшее в такой же мере уклонение – исключение. Кроме этих мер, совет довольно часто прибегал к недопущению к экзаменам за пропуск уроков.

Упомяну еще одну меру, принятую советом для поднятия успешности воспитанников. В 1862 г. совет постановил, чтобы ученикам, неуспевшим по некоторым предметам, принимая при этом во внимание причины неуспешности, делать замечания от инспектора или выговор от совета; неуспевшим же из большей части предметов делать выговор от совета с угрозою перевода в низший класс.

Попечитель округа нашел меру перевода учеников в низший класс за неуспешность скорее вредной, чем полезной в педагогическом отношении. По его мнению, лучше сноситься с родителями, чтобы они старались внушить своим детям быть прилежными, в случае же если их внушения окажутся безуспешными, советовать таких учеников забирать из заведения.

Защищая свое постановление, совет заявляет, что, не смотря на законную формальность, меры исправительные должны быть употребляемы с особенною осмотрительностью и умеренностью, что без соблюдения этих условий и перевод за леность в низший класс может легко сделаться равносильным с оставлением ленивых учеников на второй, третий год и т.д. в том же классе. Но так как замечено, что эта мера произвела желанное действие, совет в дополнение к прежнему своему постановлению для облегчения обратного перевода предоставил наказанным ученикам три срока для исправления: 15 февраля, 1 и 15 марта, если при том большинство преподавателей заявят, что они исправились в успехах.

Надзор за воспитанниками вне стен гимназии, в значительной степени, возлагался на содержателей ученических квартир. В 1860 г., по определению совета, все содержатели были обязаны подпискою добросовестно наблюдать за поведением и занятием вверенных им учеников; смотреть за тем, чтобы без их позволения дети не отлучались из квартир, а также во время прогулов и купанья не оставлять воспитанников без достаточного надзора, так как на содержателях квартир лежит ответственность пред родителями и училищным начальством за все случившееся с учеником вне гимназии; с другой стороны, ученикам было внушено оказывать должное повиновение содержателям квартир, как заступающим место их родителей.

Вопрос о квартирах учеников очень важен в жизни Ровенской гимназии. Общие ученические квартиры просуществовали только до 1858 г. В 1857 г. последовал высочайший указ, которым помещение детей в общих ученических квартирах предоставлялось на волю родителей. Вследствие этого разрешения, число учеников на общих квартирах значительно уменьшилось, притом остались самые бедные, так что существование общих квартир при Ровенской гимназии сделалось невозможным, и они по распоряжению попечителя были закрыты, а иногородние ученики разместились по частным квартирам.

При недостатке лиц, имевших по своему призванию, воспитанию и образованию полное право быть руководителями и воспитателями чужих детей, право содержать учеников предоставлялось по необходимости каждому, кто более или менее был известен гимназическому начальству и полицейскому управлению, как человек порядочный, ни в чем дурном не замеченный. Но этого очень мало. Может ли каждое из таких лиц иметь влияние на поручаемых им учеников, может ли приучить их к порядку в занятиям, к своевременному и точному исполнению обязанностей, к труду и учению? Поэтому педагогический совет обращался с просьбой к родителям быть разборчивее в помещении своих детей на квартирах, доверяя в этом более указаниям и советам гимназического начальства, чем рекомендации своих детей или, что еще хуже, факторов.

Обратимся к воспитанникам. Число учеников Ровенской гимназии за период времени с 1849 г. по 1865 г. не превышало 441 человека и не было меньшее 307. Дети дворян и чиновников составляли громадное большинство пред другими сословиями, а равно католики над православными, хотя число православных увеличивалось с каждым годом: в 1852/53 г. их было 47, между тем в 1863/64 учебном году возросло до 144 человек. Число воспитанников податного сословия вообще было незначительно, но, постепенно возрастая, в 1863/64 г. доходит до 107 человек.

Для определения успешности учеников и их поведения архивный материал дает только цифровые данные. Сопоставляя число учеников, подвергавшихся экзаменам, с числом выдержавших испытания, можно делать заключение об успешности. Вот эти данные:

Учебный год	Подвергались испытаниям	Выдержали испытания
1849/50	249	138 (55%)
1850/51	238	151 (63%)
1851/52	283	163 (57,6%)
1852/53	276	171 (61,9%)
1853/54	283	140 (49%)
1854/55	244	166 (68%)
1855/56	254	161 (65,7%)
1856/57	243	136 (55,9%)
1857/58	288	180 (66,5%)
1858/59	295	161 (54,6%)
1859/60	353	166 (47%)
1860/61	320	232 (72,5%)
1861/62	365	244 (66,8%)
1862/63	333	147 (44,%)
1863/64	338	233 (60%)
1864/65	356	218 (61,2%)

Из сопоставления этих данных замечаем, что % успевавших учеников был не особенно высок: за годы 1859/60 и 1862/63 он был гораздо ниже 50%. Малая успешность 1859/60 года объясняется большею строгостью экзаменов: с 1858/59 учебного года, по распоряжению попечителя Пирогова, запрещалось переводить в высший класс учеников, которые получали отметку 2 по одному какому-либо предмету. О поведении учащихся за это время можно судить, главным образом, тоже по числовым данным, которые взяты мною из общих ведомостей или так называемых протоколов экзаменов. Я ниже привожу таблицу по учебным годам учеников с поведением: отличным, хорошим и добропорядочным (в последнюю категорию вошло незначительное число с поведением посредственным):

Учебный год	Общее число учеников	С отметкой		
		3	3–4	5
1849/50	249	34	113	102
1850/51	238	6	115	117
1851/52	283	8	77	198
1852/53	276	14	68	194
1853/54	283	4	79	200
1854/55	244	10	54	180
1855/56	254	4	42	208
1856/57	243	2	35	206
1857/58	288	8	79	201
1858/59	295	6	64	225
1859/60	353	2	17	334
1860/61	320	–	39	281
1861/62	365	10	89	266
1862/63	333	32	119	182
1863/64	338	13	97	228
1864/65	356	22	47	287

РОВНЕ

Микола Пирогов

Если обратить внимание на приведенные числа, то замечаем, что учеников с поведением хорошим и добропорядочным сравнительно немного. В протоколах совета встречается тоже немного случаев обсуждения выдающихся проступков учеников: с 1849/50 г. по 1865/66 г. находим всего 27 таких случаев. Обсуждение проступков в совете встречается больше, начиная с 1859 г., когда расширилась деятельность совета, как я указывал выше; но, во всяком случае, выдающиеся проступки должны были попадать на страницы протоколов и раньше 1859 г., потому что такие проступки всегда подлежали суду совета, а если их мы не встречаем, то с вероятностью можно предполагать, что их не было.

Из насчитанных мною 27 случаев только два повлекли за собою исключение из гимназии без оповещения, два – увольнение по прошению, один – наказание розгами, а остальные – занесение на черную доску, выговор от совета, с угрозой удаления, выговор от совета без угрозы удаления, выговор инспектора, аресты с извещением родителей и просто аресты.

Между проступками, обсуждавшимися в совете, иногда встречаются очень неблаговидные, каковы: кража (3 случая), безнравственный образ жизни (3 случая), мотовство (2 случая), дерзость начальствующим (5 случаев), самосуд (1 случ[ай]); прочие же случаи представляют шалости, подчас крупные.

Не к чести учащихся гимназии должно отнести то увлечение местным духом времени, которое в 1861 г. обнаруживалось среди Ровенских гимназистов. Некоторые ученики гимназии, вопреки гимназическим правилам, являлись на улицах города в партикулярном платье простонародного местного покроя.

При проезде чрез город бывшего законоучителя ксендза Тваровского, некоторые из учеников представлялись ему в свитках и красных поясках. Для прекращения подобных нарушений правил педагогический совет постановил: «объявить ученикам, чтобы они ни под каким предлогом не смели являться на улицах в неформенном платье; замеченные же в нарушении этого распоряжения будут увольняемы из гимназии».

С содержателей квартир были взяты расписки в том, что они не будут позволять ученикам носить вне квартиры неформенное платье. Принятые меры имели свое действие. Дальше мы не встречаем случаев нарушения формы, связанного с местным антиправительственным движением.

Материальные средства Ровенской гимназии составляла штатная сумма, отпускавшаяся из государственного казначейства, и сумма, составлявшаяся из сбора за учение; в 1849 г. штатная сумма составляла 8601 руб. 25 коп.; возрастая по мере нужд заведения, в 1860 г. она доходит до 14096 руб. 40 коп. Сумма от сбора за учение до 1858 г. была очень незначительна, так как плата была всего 5 руб. в год. По высочайшему повелению 1857 г. плата за учение с 5 руб. повышена до 10 руб. в год. Кроме штатной суммы и сбора за учение, других средств Ровенская гимназия не имела.

По отдаленности гимназии от местного собора и приходского костела, воспитанникам очень затруднительно было исполнять свои религиозные обязанности, особенно в ненастное время года; чувствовалась настоятельная необходимость устроить при гимназии церковь и католическую каплицу.

Каплица была построена на счет добровольных пожертвований учеников, чиновников гимназии и частных лиц. Все заботы по постройке принял на себя Фортунат Погоский. 26 сентября 1857 г. в присутствии гимназического начальства, учеников и посторонней публики происходило освящение новопостроенной каплицы во имя Св. Станислава.

Гімназійна церква.
Фото. Початок XX ст.

Еще большая чувствовалась необходимость иметь при гимназии православную церковь. В г. Ровно, была одна только церковь, называвшаяся собором. Но церковь эта была деревянная ветхая и холодная, так что в ней воспитанники всякий раз подвергались опасности простудиться.

В 1863 г. директор Теодорович ходатайствовал пред попечителем округа об устройстве гимназической православной церкви. Теодорович предлагал устроить церковь в здании, называемом «оранжерея», на втором этаже, в комнатах, назначенных для квартиры семейного учителя. Но так как это помещение признано было архитектором неудобным, то положено устроит церковь в гимназическом зале. Устройство иконостаса принял на себя учитель рисования Стахорский, при чем живописные работы были исполнены им самим. Все расходы по устройству церкви и приобретение необходимых вещей и книг обошлось гимназии в 1500 руб. Работы по устройству церкви были окончены к декабрю 1864 г.

Переходим к учебным пособиям:

По случаю введения в гимназии естествознания явилась необходимость устроить кабинет естественных наук. На первых порах на это затрачена была незначительная сумма, 278 руб. 80 коп. С течением времени кабинет постепенно обогащался предметами, покупаемыми на средства гимназии, и пожертвованиями. В 1862 г. князь Казимир Любомирский пожертвовал кабинету коллекцию раковин и минералов. К концу описываемого периода кабинет естественных наук заключал минералов 634, моделей кристаллографических 114, таблиц кристаллографических 96, таблиц ботанических 52, таблиц зоологических 28, растений № 100, чучел разных животных 31.

Другие учебные пособия гимназии находились в таком состоянии: в фундаментальной библиотеке считалось 7136 томов, в ученической – 1495 томов, в физическом кабинете

109 приборов. Мысль Кулжинского об учреждении ученической библиотеки, вероятно, осуществилась в 1853/54 учебном году. В первый раз упоминание об этой библиотеке мы встречаем в исторической записке 1853/54 учебного года. Так как отдельных сумм на ученическую библиотеку не было, а чувствовалась настоятельная в ней надобность, то эта библиотека была составлена на пожертвования учеников и частных лиц. В 1861 г. князь Любомирский пожертвовал для ученической библиотеки 125 сочинений на польском языке. В 1864 г. последовал циркуляр попечителя о том, чтобы, при недостаточности собственных средств учеников для основания библиотек, соответствующих настоятельной потребности чтения, ежегодно отделит на этот предмет известную по возможности часть из суммы, собираемой за учение, кроме этого, в ученическую библиотеку отчислять из фундаментальной ненужные для преподавателей сочинения.

К самым выдающимся событиям в жизни гимназии за это время должно отнести проезд в 1857 г. через город Ровно покойного государя Александра II.

Государь император и государыня императрица прибыли на ночлег в г. Ровно 31 сентября в 5 часов по полудни и были встречены хлебом-солью князем Казимиром Любомирским при вступлении их в дом князя. Весть о прибытии государя облетела город, и на дворе князя столпились все жители Ровно и окрестных мест.

Целую ночь город пылал огнями, празднуя радостное событие. С рассветом снова весь город собрался у дома князя, где проводили ночь высокие гости. Когда стало известным, что государь собирается с ночлега прямо в путь, то все чиновники гимназии и воспитанники в стройном порядке явились перед домом князя. В 9 часов утра государь отправился в путь. Когда экипаж поравнялся с учениками гимназии, государь сказал, обращаясь к ним: «Здравствуйте, дети!» Громкое, задушевное приветствие произнесли дети своему государю. Загремело «Ура!» и высокие гости оставили Ровно (историческая записка 1857/58 г.)[1].

Вторым замечательным событием для Ровенской гимназии было посещение ее в 1856 г. министром народного просвещения Норовым. После представления чиновников, г. министр посетил все классы, производил в каждом экзамен по одному или двум предметам, а в VII классе по всем предметам[2]. По окончании ревизии г. министр, оставшись всем доволен, благодарил учителей за их труд и учеников за успехи.

В заключение описанного периода упомяну о посторонних занятиях учителей гимназии. Помимо своих прямых служебных обязанностей, учителя Ровенской гимназии всегда готовы были уделять часть свободного времени на дело женского образования в г. Ровно и вообще являлись проводниками просвещения среди ровенских жителей. Есть известия о том, что учителя гимназии безвозмездно занимались в женском пансионе и хлопотали, хотя и безуспешно, об учреждении в Ровно воскресной школы и женской гимназии.

В январе 1861 года в педагогическом совете был поднят вопрос о воскресных школах. Мысль об открытии в Ровно воскресной школы еще раньше высказывалась многими членами совета, но не была поддержана так единодушно, как в 1861 г. На этот раз все без исключения изъявили живейшую готовность принести на пользу этому делу не только свое усердие и труд бесплатных преподавателей, но и посильные единовременные пожертвования по ½% от своего жалованья. Исправлявший должность директора г. Коленко высказал готовность принять на себя должность распорядителя.

Кроме воскресной школы, г. Коленко предлагал совету открыть в Ровно женскую гимназию, на первых порах хотя бы три низших класса, так как в Ровно чувствовалась большая потребность в женском учебном заведении. Прежде чем ходатайствовать пред попечителем об открытии воскресной школы и гимназии, совет решил обратиться к жителям г. Ровно с предложением принять участие в пожертвовании на это дело. Чем кончились эти начинания учителей гимназии, не видно из дел архива.

---

[1] Неофіційний опис візиту царя Олександра II див. на с. 185-187.

[2] Авраам Норов у 1853 -1858 роках був міністром народної освіти. Докладніше про його перебування в Рівному див. на с. 187.

РОВЕНСКАЯ РЕАЛЬНАЯ ГИМНАЗИЯ (1865-1872)

Изменения, которые были сделаны в 1849 г. в уставе 1828 г., лишили наши гимназии характера общеобразовательных учебных заведений, подготовлявших юношество к высшему университетскому образованию.

Нововведения 1849 г. сделали гимназии такими учебными заведениями, которые одних из своих воспитанников приготовляли к практической деятельности сейчас по окончании ими курса, а других к университетским научным занятиям. Но выполнение этих двух разнородных задач для одного и того же заведения оказалось не вполне возможным. Эта несостоятельность гимназического устройства скоро обнаружилась, и явилась необходимость в пересмотре устава 1828 г.

По высочайшему повелению в 1856 г. возложено было на Комитет Главного правления училищ составить проект нового устава средних и высших учебных заведений. Труд этот, после нескольких переделок и дополнений согласно указаниям русских и иностранных педагогов, педагогических советов гимназий, отзывов прессы русской и иностранной, в 1864 г. был закончен и высочайше утвержден 19 ноября. По смыслу устава 1864 г., гимназии имеют своею целью доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование, и вместе с тем служат приготовительными заведениями для вступления в университет и другие высшие специальные училища (§ 1 уст.) По различию же предметов, содействующих общему образованию, и по различию целей гимназического обучения, гимназии разделяются на классические и реальные (§ 2 уст.).

Рядом с университетским, исключительно теоретическим образованием, у нас явилась настоятельная необходимость и в высшем специальном практическом образовании. Следствием этой необходимости было возникновение высших специальных учебных заведений, каковы школы инженерные, агрономические, технологические и т. д.

Классические гимназии, не уклоняясь от своей прямой задачи, подготовки к высшему теоретическому образованию, не могли дать должной подготовки для этих специальных заведений. Это обстоятельство послужило поводом к учреждению реальных гимназий.

Устав 1864 г. вводился в действие постепенно с начала 1865/66 учебного года. Министру народного просвещения было предоставлено преобразовывать гимназии по новому уставу в классические или реальные сообразно местным условиям.

29 декабря 1864 г. последовал циркуляр попечителя Киевского учебного округа Ширинского-Шахматова, которым предлагалось обсудить в педагогическом совете некоторые § § устава и вопрос о том, в какую по местным условиям должна быть преобразована Ровенская гимназия, в реальную ли, или классическую.

Обсуждению этих важных вопросов совет Ровенской гимназии посвятил 11 заседаний: января 9, 11, 12, 14, 17, 19, 20, 25, 27, 29, и 3 февраля. В этих заседаниях был подробно рассмотрен новый устав и решено, какие параграфы его могли быть введены немедленно при наличном штате служащих; вопрос же, какой быть гимназии в Ровно, классической или реальной,– вызвал продолжительные споры между сторонниками реального образования и классического.

ВОСТОК

Понимая вообще всю важность вопроса о том, какая гимназия более всего соответствует данной местности, и, в частности, что верное его решение имеет по преимуществу большое значение для западной России, педагогический совет отнесся к этому делу очень внимательно. Исходным пунктом всех доводов положено было принимать только местные условия края. При этом мнения членов совета разделились: одни стояли за классическую гимназию, а другие за реальную. Каждая сторона представила свои основания.

По обсуждении всех оснований предъявленных обеими сторонами в пользу той и другой гимназии, педагогический совет большинством голосов (10–9) призвал реальную гимназию более соответствующею для г. Ровно. В сентябре 1865 г. было получено предложение попечителя округа о преобразовании Ровенской гимназии в реальную.

Устав 1864 г. внес много нового в жизнь учебных заведений сравнительно с уставом 1828 г. как относительно предметов, входящих в курс гимназии, так равно и относительно должностных лиц, служащих в гимназиях по учебной и воспитательной части. Поэтому прежде чем приступить к изложению истории Ровенской гимназии после ее преобразования, остановлюсь на некоторых § § устава, касающихся реальных гимназий.

§ 10. При гимназиях состоят следующие должностные лица:

1) директор,
2) инспектор,
3) преподаватели,
4) воспитатели,
5) врач и
6) письмоводитель.

Инспектор назначался в тех гимназиях, где было более двухсот учеников, или, где с должностью директора гимназии соединялось звание директора училищ губернии.

В прочих гимназиях обязанность инспектора возлагалась, по выбору директора и с утверждения попечителя округа, на одного из преподавателей. В должности директора, инспектора, преподавателей наук и воспитателей, по новому уставу, преимущественно избираются лица, приобревшие ученую степень в одном из высших учебных заведений империи (§ 14, 26, 32).

В уставе же 1828 г. не было положительным образом высказано требование ученой степени от этих чиновников гимназии.

Воспитателей до устава 1864 г. совсем не было в наших гимназиях: места их занимали надзиратели, лица, от которых не требовалось высокого образовательного ценза. Между тем новый устав смотрит на должность воспитателей, как на очень важную обязанность, которую с успехом может выполнять только лицо, стоящее по развитию и образованию гораздо выше воспитанников, вверенных его надзору.

В число должностных лиц гимназии включается новый чиновник – врач (§ 27).

По высочайшему указу, как я сказал раньше, при гимназиях и уездных училищах, назначены были врачи с правом государственной службы, но без жалованья. Устав 1864 г., назначив врачу штатное жалованье, возложил на него обязанность не только пользовать больных учеников, но и заботиться о предупреждении болезней и об устранении из заведения всех вредных гигиенических условий.

Новый устав возвышает и служебные права лиц, служащих по учебной и воспитательной части. Директоры, инспекторы, учителя и воспитатели до 1864 г. в отношении разряда должностей и мундиров стояли ниже не только второстепенных, но и третьестепенных должностей по другим ведомствам. Возвышение требований от лиц, служащих по учебной и воспитательной части, требование высшего образования, имело своим справедливым последствием возвышение и служебных прав.

Существовавшее до сих пор разделение учителей на старших и младших новым уставом отменено, так как оно не имело никакого основания: от каждого преподавателя требуется одинаковой степени высшее образование и одинаковый труд.

По уставу 1864 г. расширяется автономия педагогических советов по отношению к делам учебным и воспитательным. Еще уставом 1828 г. педагогическому совету были

представлены все общие соображения по разным вопросам учебных заведений дирекции гимназий: изыскание средств к улучшению их состояния и определение мер для пресечения и предупреждения злоупотреблений и беспорядков, а также усовершенствование способов преподавания и принятие мер для сохранения и утверждения хорошей нравственности между воспитанниками.

Несмотря на такой широкий круг деятельности, предоставленный педагогическому совету уставом 1828 г., совет Ровенской гимназии только с 1859 г., благодаря сильному педагогическому движению, возбужденному в нашем учебном сословии, начинает обнаруживать некоторую жизнь. Сверх обязанностей, лежавших на педагогических советах по уставу 1828 г., ведению их предоставлены еще следующие предметы:

a) Одобрение речей, назначаемых для чтения на акте.

b) Выбор из преподавателей секретаря совета и библиотекаря.

c) Выбор книг и других учебных пособий для фундаментальной библиотеки, также учебных руководств и пособий.

d) Рассмотрение и одобрение программ преподавания по каждому предмету.

e) Все постановления о порядке преподавания и воспитания, которые не могут быть определены в уставе.

f) Определение количества платы за учение, освобождение недостаточных учеников от таковой платы и выдача единовременных пособий и стипендий отличным из них по успехам и поведению, из специальных средств заведения.

С другой стороны увеличен и состав совета, так как уничтожено деление учителей на старших и младших, так что законоучитель, все преподаватели наук и языков становятся членами совета.

По отношению к учащимся новый устав открыл доступ в гимназии детям всех сословий, как было и по уставу 1828 г., без сделанного впоследствии ограничения, по которому от детей лиц, принадлежавших к податному сословию, требовалось увольнительное свидетельство от общества.

Учебный курс реальных гимназий составили следующие предметы:

§ 40. 1) Закон Божий (14 уроков),

2) Русский язык с церковно-славянским и словесность (25 уроков),

3) История (14 уроков),

4) География (8 уроков),

5) Чистописание. Эти предметы преподавались в объеме классических гимназий, а следующие в большем объеме сравнительно с классическими:

6) Математика (25 уроков),

7) Естественная история с присоединением к ней химии (23 урока),

8 и 9) Физика и космография (9 уроков),

10 и 11) Немецкий и французский языки (оба обязательно), французского языка 22 урока, немецкого 24 урока,

12) рисование и черчение (20 уроков вместе с чистописанием).

§ 41. Сверх этого в гимназиях классических и реальных кратко сообщалось ученикам высшего класса перед выпуском директором, или по его выбору, инспектором или одним из учителей, понятие о нашем государственном устройстве, об основных законах империи касающихся верховной власти, о значении разных присутственных мест и о главных законах гражданских и уголовных.

В виде необязательных предметов новый устав вводит в учебный курс гимназий и прогимназий преподавание гимнастики и пения. В некоторых гимназиях, в том числе и в Ровенской, еще раньше велось преподавание пения и гимнастики, но оно не было обеспечено надлежащими материальными средствами и производилось без всякого правильного плана.

Господин министр народного просвещения обратил внимание на то, что ученики имеют весьма мало времени для отдыха и движения в промежутках между классными уроками, поэтому с высочайшего соизволения введено было с 1865/66 учебного года новое

распределение времени классных занятий, по которому продолжительность классных уроков сокращена с ¼ на 1 ч., и число всех уроков в день доведено до 5. Уроки должны были начинаться с 8 или 9 часов утра, смотря по местным обстоятельствам и времени года; а для того, чтобы ученики в промежутках между уроками могли пользоваться свежим воздухом и отдыхать, назначены после каждого урока перемены в 15 м., а после 3 урока 30 м.

Преобразование Ровенской гимназии в реальную началось с 1865/66 учебного года. В 1865 г. по новому уставу устроены были первые три класса, затем постепенно преобразование распространялось на последующие классы. Это преобразование происходило во время управления гимназией директоров: Герасименко (1863–1867) и Кривоносова (1867–1870). Преобразование гимназии было встречено не сочувственно обществом, что можно заключить из быстрого уменьшения числа учащихся: в 1865/66 – 361 ученик, в 1871/72 – 226.

В годичных отчетах с 1866 по 1870 директора Герасименко, Кривоносов и Сущевский, указывая на этот факт, объясняют его тем, что воспитанники Ровенской гимназии, как реальной, не могут поступать в университет; поступление же в высшие специальные училища затрудняется неприспособленностью программ преподавания предметов в реальных гимназиях к требованиям высших специальных заведений.

Помимо этого, по мнению Сущевского, реальные гимназии не пользовались симпатией общества еще потому, что они не давали подготовки к технической деятельности. Для выхода из такого положения педагогический совет предлагал ввести латинский язык, как необязательный предмет, или допустить реалистов в университет на математический факультет, или программы гимназического курса приспособить к требованиям высших специальных училищ.

Период времени в жизни Ровенской гимназии с 1865 по 1869 г. можно назвать переходной эпохой: только в 1869 г. преобразование было закончено, и VII класс был уже устроен по новому уставу. Поэтому, приступая к оценке состояния учебного дела за это время, надо иметь в виду, что тех требований, какие мы можем предъявить к заведению вполне организованному, нельзя предъявить Ровенской гимназии. Необходимость установления такого взгляда непосредственно возникает из сознания эпохи, которую в то время переживали наши учебные заведения. Поэтому нельзя ставить в вину гимназии и ее деятелям, если дело шло не так хорошо как бы следовало. Лица, ревизовавшие гимназию, и само начальство гимназий признают, что дело шло плохо.

В 1866 г. Ровенскую гимназию ревизовал помощник попечителя Тулов, который нашел, что учебная часть в гимназии находилась в значительном упадке. В особенности скудны были результаты преподавания русского языка и арифметики. Общий ход преподавания и влияние учителей на умственное развитие учеников были таковы, что например, ученики VI класса не в состоянии были толково изложить на бумаге своих мыслей о вещах, хорошо им известных, не в состоянии надлежаще понять фразы мало-мальски отвлеченного содержания. Ученики I и II классов не умели бегло читать по-русски. Успехи по арифметике так были слабы, что ученики в I-м классе не умели произвести в уме простых операций сложения и вычитания над двухзначными и однозначными числами, а в VII классе ученики затруднялись в решении таких задач, в решении которых они должны были приобрести навык, находясь в II классе и даже в I-м.

Познания учеников в латинском языке и новых языках также не отличались удовлетворительностью. Поэтому попечитель округа предложил директору Герасименко позаботиться об улучшении учебной части и обратить внимание учителей русского языка и математики на необходимость более плодовитой, более производительной деятельности. Вместе с этим предлагалось педагогическому совету серьезно озаботиться, чтобы не было допускаемо никаких послаблений ни при приеме учеников, ни при переводе в высшие классы, ни при выпуске из гимназии. Директор Герасименко в отчете за 1866 г. заявляет, «что вопрос об улучшении учебной части начал занимать более и более видное место среди жизненных отправлений заведения».

Учебное дело начало продвигаться вперед от влиявших на него благоприятных обстоятельств, которые касались и внешней его стороны и внутренней.

К внешним условиям надо отнести: а) усиление служебной деятельности учителей, которая отчасти была вызвана поднятыми вопросами округом о пропуске преподавателями уроков по разным причинам, а также большею бдительностью администрации к устранению этого недостатка в наших учебных заведениях. б) Вторым обстоятельством, сообщившим относительно более правильное движение учебному делу, можно считать то, что правила съезда директоров, собственно говоря, начали входить в жизнь заведения с началом 1866 г.

Независимо от этих внешних условий, поднятию успешности учебного дела способствовали и некоторые внутренние условия. Важным условием поднятия успешности можно считать то обстоятельство, что реформы, установленные правительственными распоряжениями в школьной жизни западного края, перестали быть предметом толков со стороны учащихся, источниками умственного их брожения и срослись незаметно с условиями жизни нового поколения.

Как известно, события 1863 г. вызвали применение некоторых мер в школе Западного края, который и по происхождению господствующего в нем населения, и по своей истории, и по своему настоящему политическому положению – край русский. В таком крае школа не должна делать никаких уступок в пользу меньшинства, называющего себя поляками, но напротив, должно прямо и сознательно в своих мерах и распоряжениях стремиться к тому, чтобы со своей стороны содействовать правительству в деле упрочения в этом крае торжества русской народности. Ввиду этого в 1864 г. высочайше повелено было не замещать поляками должностей учителей и наставников в учебных заведениях Западного края.

В 1865 г. введено преподавание закона Божия римско-католического исповедания на русском языке. В том же году попечителем Киевского учебного округа предписано требовать, чтобы ученики не только в стенах заведения, но и на квартирах во время занятий и игр употребляли в разговорах язык школы, т.е. язык русский; при переводе учеников римско-католического исповедания из одной гимназии в другую подвергать поверочному испытанию по русскому языку, русской истории и географии.

Для учеников четырех высших классов учреждено было раз в неделю послеобеденное чтение образцовых русских авторов и при этом требовался от учеников устный отчет в том, что им было объяснено учителем, который занимался с ними чтением. На выпускном экзамене ученики римско-католического исповедания, прежде всего должны были подвергаться испытаниям в русском чтении и письме под диктовку и те, которые не умели правильно писать и читать по-русски, не допускались к дальнейшему испытанию.

Обращаясь к внешнему выражению успешности учащихся за 1865/66 учебный год, мы находим следующие статистические данные: общее число учащихся, подвергавшихся экзамену, было 373, из которых 178 оказались успевшими, а 195 – не успевшими; таким образом, успешность в первый год введения нового устава составляла 47,2%.

Такой низкий процент успешности зависел главным образом от той строгости, с которой произведены были переводные экзамены и, между прочим, кроме разных случайных местных обстоятельств, и от неопределенности требований и недостатка учебников по некоторым предметам и неудовлетворительности способа составления программ.

27 апреля 1867 г. директор Герасименко скоропостижно скончался. На его место назначен был инспектор Полтавской гимназии Кривоносов. Замеченное еще Герасименком постепенное поднятие успешности учащихся продолжалось и при Кривоносове:

Учебный год	Число учеников	Число успеваемых
1866/67	244	142 (58,2%)
1867/68	205	127 (61,9%)
1868/69	178	140 (78,6%)

В 1869/70 [учебном году] % успевших учеников опять понизился до 50,8%. В этом же году был сделан первый выпуск реалистов. Из 15 учеников VII класса подвергавшихся испытанию получили аттестаты 7 человек. Такое положение успешности директор Сущевский

объясняет значительным изменением в составе должностных лиц, которое произошло в 1870 г., вследствие чего некоторые предметы, как напр. русский язык, в течение одного года во II, III и IV классах преподавался тремя учителями, немецкий язык во всех классах, словесность, славянский язык, естественная история в трех первых и арифметика в двух первых классах имели по два учителя.

Частая смена учителей в гимназии особенно вредно отозвалась на познаниях учеников в русском и немецком языках. Так, например: ученикам, которые оканчивали курс в 1870 г., русский язык преподавался шестью различными учителями в течение их гимназического курса, а немецкий язык в течение шести лет с 1864 по 1870 преподавался тоже шестью учителями, причем четыре из них были люди болезненные и пропускали весьма много учебного времени.

Следующий учебный год относительно успешности можно назвать хорошим: из 194 учеников, державших экзамен, успевших оказалось 142, т.е. 73,2%.

Для характеристики состояния воспитательной части за описываемый период достаточный материал представляют годичные отчеты директоров Герасименко и особенно Сущевского. (Сущевский был воспитанником нашей гимназии. С 1864 г. по 1870 г. служил инспектором, а с 1870–79 директором). Отчеты же директора Кривоносова по вопросу и нравственности воспитанников дают одни лишь цифровые данные.

На основании отзывов Герасименко и Сущевского относительно молодежи, воспитавшейся в Ровенской гимназии, можно сказать, что она пользовалась не только любовью своих наставников, но и уважением вообще всех в городе лиц, с которыми имела какие либо сношения.

Нравственно-воспитательная сторона учеников находилась под руководством директора, инспектора и двух надзирателей. Учреждение патронажа в 1866 г. из учителей не привело к желанным результатам, потому что некоторые из них, взявшие на себя обязанность быть руководителями юношества и ближайшими его наставниками в деле нравственного совершенствования и развития, мало помалу отставали от принятой ими на себя роли и в конце концов эта прекрасная мера была совсем оставлена. Иногородние ученики по прежнему размещались на частных квартирах.

С 1866 г. отделены были ученические квартиры первых четырех классов от первых высших, так что первые из них находились в городе по левую сторону гимназии, а последние по правую. Квартиры высших трех классов находились под наблюдением старших, а для ближайшего надзора за младшими воспитанниками, пособия в приготовлении ими уроков и постоянного контроля за их успехами, назначались для каждой квартиры репетиторы. Как репетиторы, так и старшие, допускались к этому званию не иначе, как по особому экзамену. Обязанности учеников, репетиторов, старших и квартиросодержателей были изложены подробно в изданных гимназиею правилах, которые имелись в каждой ученической квартире. Поверка, в какой мере исполнялись эти правила на ученических квартирах, производилась посредством частых посещений их надзирателями, инспектором и директором.

Местные условия города доставляли много удобств для гимназической власти в отношении надзора, так как все ученические квартиры группировались на весьма близком от гимназии расстоянии. Многие из ученических квартир далеко не удовлетворяли требованиям гигиены и условиям ученической жизни; но как большая часть учеников состояла из детей недостаточных родителей, то при возвысившихся ценах на предметы первого потребления, они избирали такие квартиры, которые обходились подешевле. Впрочем, жалоб на дурное содержание было мало.

Наблюдение за исполнением религиозных обязанностей устроено было таким образом: по частным ученическим квартирам обязанность эту исполняли репетиторы и старшие, а во время общественного богослужения в церкви или в каплице наблюдали за исправностью посещения храма и благоговейным стоянием на молитве по классам старшие из учеников в каждом классе отдельно, которые о всяком беспорядке давали знать инспектору. Сверх сего общее наблюдение за порядком в церкви велось самим инспектором, а в каплице одним из надзирателей.

Но не столь похвальный отзыв дают отчеты об учениках, живших в домах родителей и родственников, куда не проникал гимназический надзор, и где ученики подчиняются

уже в образе своей жизни не школьным правилам, а живут при весьма разнообразной обстановке и под влиянием не всегда благоприятных условий семейного быта.

Вследствие этого замечалась некоторая разница, как в научном, так и нравственном отношениях между учениками первой и второй категории. Значительно большая часть весьма посредственных и дурных учеников жили у родителей и родственников, а вместе с успехами страдала и нравственная их сторона. Опаздывание на уроки, пропуск уроков без причины, неисполнение религиозных и школьных обязанностей также приходятся чаще на долю учеников второй категории, так что одною из полезнейших педагогических мер, в гимназии считалось перемещение ученика из родительского дома на ученическую квартиру.

Особенная заботливость всей вообще гимназической корпорации обращена была на водворение между воспитанниками русского языка. Для этого, кроме научных мер, применявшихся каждым наставником по своему предмету в отдельности, обращалось особенное внимание на то, чтобы между учениками не только в стенах заведения, но и на квартирах как в разговоре между собою, так равно и с квартиросодержателями и посторонними лицами употреблялся постоянно русский язык. При этом в репетиторы и старшие назначались ученики православного вероисповедания. Вообще, в деле нравственно воспитательном, гимназическое начальство придерживалось по преимуществу системы предупредительной, стараясь всеми зависевшими от него средствами отвращать от молодежи все случаи, могущие вовлечь ее в проступок, и обращалось к карательным мерам, более или менее строгим, уже тогда, когда нравственное влияние не приносило существенной пользы.

Высказанное в отчетах мнение директоров о нравственности учащихся подтверждается и статистическими данными о проступках. Как явствует из отчетов, число проступков и наказаний за них довольно значительно, но большую их часть составляли детские шалости, серьезных же, каковы: воровство, дерзость и т. д. за эти годы встречается довольно мало; редки также случаи и увольнения из гимназии за дурное поведение.

Хотя состояние учебного дела за описываемый период и не находилось на должной степени совершенства, но вина в этом не должна падать исключительно на состав преподавателей. Наоборот, среди учителей нельзя указать ни одного, который мог бы считаться бесполезным членом заведения, с другой стороны, нельзя утверждать и того, чтобы все учителя гимназии были с одинаковым призванием, образованием и относились бы одинаково к учебному делу; были между ними такие, которым педагогическая опытность, серьезное сознание своего призвания и усердие давали преимущество перед их сотоварищами.

Выдающимися преподавателями в Ровенской гимназия были: законоучитель православного исповедания Клюковский, учитель истории Трафимов, учителя математики Цисс, Петров, Хмелевский, учитель естественной истории Черкасов, учитель истории Андрузский, немецкого языка Фанц[1], учитель географии Самарский.

Протоиерей Клюковский пользовался вполне заслуженною репутациею отличного наставника. Он был человек с полною педагогическою опытностью и преданностью делу высокого призвания; преподаватель строгий и требовательный он всеми силами стремился к тому, чтобы юношество твердо, на всю жизнь усваивало учение Евангельское. Клюковский оставил по себе добрую память среди бывших его учеников, как преподаватель и добрый пастырь[2].

Предметы – история и география – имели прекрасных преподавателей в виде Трофимова, затем его преемника, Андрузского и учителя географии Самарского. Начальство округа и сами директора несколько раз высказывали мнение, что история и география в Ровенской гимназии имели отличных преподавателей и оба эти предмета стояли на желанной степени совершенства.

Математика в начале описываемого периода обставлена была не особенно хорошо. Помощник попечителя Тулов во время ревизии гимназии в 1865 г. успехи по математике нашел очень слабыми. Вновь назначенные преподаватели математики Петров (1866–1869 г.),

[1] К. Фанц і його методика викладання описані В. Короленко не збігаються з офіційною характеристикою. Див.: Короленко В.Г. История моего современника. – М.: «Художественная литература», 1965. – С.143-144, 941.

[2] А. Солтановський вкрай негативно оцінує діяльність Клюковського. Див. про нього на с. 176,188.

Випуск Рівненської гімназії 1871 р.
У верхньому ряду шостий зліва В. Короленко. Фото.

Цисс (1865–1883 г.) и Хмелевский (1865–1873 г.), благодаря своему усердию и педагогическим способностям, поставили математику на должную степень. Самым способным преподавателем математики был Цисс. Преимущество ему пред другими преподавателями математики давала его точность, стройность изложения.

Об успешности преподавания учителя Цисса говорят все отчеты директоров; кроме этого, при каждой ревизии это подтверждалось начальством округа[1].

Учитель Хмелевский, преподававший физику, главным образом, в своем преподавании следовал наглядному способу. Он вообще старался сообщать своим урокам характер беседы. Для утверждения большей сознательности и жизненности сведений учащихся, он направлял дело так, что не он лично объяснял урок, но скорее, сами ученики объясняли под его руководством. Изложению всякого физического явления Хмелевский предпосылал обыкновенно опыт, дававший канву для беседы с учениками. Успешности преподавания Хмелевского сильно мешало его слабое здоровье: по болезни ему приходилось пропускать много уроков, что невыгодно отражалось на успехах учеников.

Третий учитель математики Петров был очень полезен юношеству нашей гимназии своим серьезным взглядом на преподаваемый им предмет. Он выходил из того основного убеждения, что математика в средних учебных заведениях есть главное орудие для гимнастики ума и практической логики. Поэтому он не ограничивался одною теоретическою стороною, но давал широкое место стороне практической, опирая ее на умения решать задачи и быстро в уме делать вычисления.

К числу выдающихся учителей должно отнести также преподавателя естественной истории Черкасова (1863–1868 г.). Директор Герасименко так отзывается о деятельности Черкасова: «Предмет у г. Черкасова стоит весьма хорошо, так как он, по знанию дела и усердию, принадлежит к числу лучших преподавателей, которых труды признаны были при визитации помощника попечителя Тулова».

[1] В. Короленко відзначає І.Цісса як одного з найкращих викладачів «Его уважали, учились у него порядочно». Ціс не без тонкої іронії ставився до роботи вчителя. Йому належить вислів «Пять лет учитель мучится, пять лет учится, пять лет учит, пять лет мучит, а дальше «с глузду ссовывается». Див.: Короленко В.Г. История моего современника. – М., 1965. – С.146-147,942.

Директор Кривоносов признает успешным преподавание естественной истории учителем Черкасовым и относит его к числу лучших преподавателей гимназии.

Преподавание русского языка, русской словесности и новых языков оставляло ожидать очень многого. Каждый годичный отчет, каждая визитация окружного начальства указывает на недостаточные успехи в этих предметах. Всецело вину в этом нельзя приписать малоспособности и отсутствию усердия у преподавателей этих предметов.

Между преподавателями мы встречаем людей деятельных и не без способностей, каковы: учителя словесности Андриевский и Тимошевский, учитель немецкого языка Хомин, Ланг, французского языка Фанц. Неуспешность учеников в этих предметах объясняется скорее большею трудностью преподавания языков сравнительно с другими предметами.

Успешное преподавание русского языка в Ровенской гимназии затрудняли исключительные местные условия: разговорный язык большинства учащихся вне стен заведения – польский, что мешало учащимся усваивать русский язык настолько, сколько требуется от ученика, оканчивающего курс в русском среднем учебном заведении.

Немаловажной причиной неуспешности в русском и иностранных языках была частая перемена преподавателей. Преподавателей русского языка и словесности с 1864 г., по 1871 г. было пять: Андриевский (1864–1868 г.), Корнаковский (1865–1867 г.), Егоров (1862–1869 г.), Тимошевский (1870–1871 г.), Авдиев (1869–1870 г.), немецкого языка: Тенцлер (1865–1866 г.), Ланг (1866–1887 г.), Хомин (1870–1874 г.), Глотке (1868–1870 г.), французского языка Фанц, Вронский (1859–1866 г.), Лемп (1866–1869 г.), Руже (1869–1870 г.).

Учебные пособия Ровенской гимназии постепенно пополнялись ежегодными приобретениями и к 1872 г. доведены были до удовлетворительного состояния. Фундаментальная библиотека до 1865 г. не вполне удовлетворяла своему назначению, вследствие неравномерного пополнения ее отделов. В эту библиотеку много поступило книг пожертвованных, поэтому она не отличалась удовлетворительностью состава. Некоторые отделы ее разрослись до значительного числа томов, но не заключали важных работ, а некоторые были совсем бедны. Такой процесс составления библиотеки имел своим последствием то, что в библиотеке скопилось значительное число ненужных книг. Для облегчения библиотеки от ненужного балласта в 1865 г. 1300 томов было отправлено в статс-секретариат Царства Польского.

При таких условиях удовлетворительность состава и научная полнота библиотеки могла явиться при постепенном ее комплектовании. Но так как преподаватели в последующие годы, следя за движением науки, постоянно пополняли ее новыми произведениями, то к 1872 г. отделы: богословия, истории всеобщей и русской, географии, словесности, математики и естественных наук вполне отвечали своему назначению; бедными остались отделы книг по языкознанию, педагогике, экономии, медицине и статистике. Наличность фундаментальной библиотеки в 1871 г. состояла из 3711 названий, в 8675 т.

Состояние ученической библиотеки до 1866 г. во многом похоже было на состояние фундаментальной. Состав ее не соответствовал возрасту воспитанников. Этот недостаток библиотеки развивался под влиянием пожертвований для нее польских сочинений, легших в основу этой библиотеки, и неправильного ее пополнения новыми книгами. Ученическая библиотека пополнялась путем перевода сочинений из фундаментальной и на ежегодные взносы учеников высших классов. Естественно, что при таком способе образования библиотеки идея систематической ее организации стояла на втором плане. Когда же для ученической библиотеки окружным начальством было разрешено употреблять ежегодно по 100 руб. из специальных средств заведения, то представилась возможность разом изменить состав ее: из этой библиотеки постепенно были исключены все сочинения, признанные несоответствующими возрасту читающих, и заменены другими, более подходящими для чтения юношества. В 1876 г. этот отдел библиотеки состоял из 503 названий, в 1115 томов.

Одна из причин неуспешности некоторых учеников заключалась в неимении средств приобретать учебники и необходимые пособия. Поэтому в 1869 г. педагогический совет признал полезным учредить при гимназии особую библиотеку учебников и пособий и раздавать из нее учебники в бесплатное пользование беднейшим ученикам. С этой целью некоторые из служащих при гимназии согласились жертвовать ежемесячно в течение

года по 1% из получаемого ими жалованья, а именно: директор Кривоносов, учителя – Клюковский, Эйсмунд, Андрузский, Цисс, Лемп, Ланг, Авдиев, Хмелевский, Завилейский, Стахорский и гимназический врач Ландсберг. Кроме того, для немедленного основания библиотеки и для усиления ее средств совет просил директора исходатайствовать у попечителя разрешение употребить 100 руб. из специальных средств гимназии.

В январе 1870 г., вследствие ходатайства попечителя, последовало разрешение министра народного просвещения на учреждение при Ровенской гимназии библиотеки учебников для бедных учеников и на израсходование на это дело единовременно 100 руб. из специальных средств гимназии. Так получила свое начало библиотека для бедных учеников. Полезное дело это привилось и продолжается в настоящее время. В 1871 г. в библиотеке учебников насчитывались 296 томов.

Состояние других учебных пособий, как то: физического кабинета, кабинета естественных наук, химической лаборатории и рисовального кабинета представляется в следующем виде: физический кабинет состоял из 170 инструментов и приборов; кабинет естественных наук заключал в себе разных предметов 341: зоологических 207, по минералогии 77, по ботанике 57; наличность химической лаборатории: инструментов 14, аппаратов 49, стеклянной, фарфоровой и другой посуды 460, препаратов разных вещей 182; рисовальный кабинет: моделей и других предметов для рисования и черчения 412.

Физический кабинет мог бы достаточно удовлетворять своей цели, если бы все предметы были в надлежащей исправности, но многие из них требовали починки.

Состояние кабинета естественных наук, особенно ботанического и зоологического отделов, далеко не были удовлетворительны, вследствие незначительности суммы, которая отпускалась на этот предмет.

Состояние химической лаборатории также нельзя назвать вполне удовлетворительным: и в то время еще не было построено отдельное здание для лаборатории, и она помещалась во флигеле, отчего помещение ее было очень тесно; также не совсем в хорошем состоянии находился и рисовальный кабинет: в нем чувствовался недостаток в моделях и оригиналах.

Со времени введения новых штатов и с возвышением платы за учение до 20 руб. источники содержания Ровенской гимназии значительно увеличились. В 1870 г. на содержание гимназии отпускалось из государственного казначейства 24,919 руб. 70 коп., учениками внесено было за правоучение 3221 руб. князем Любомирским отпускалось квартирных для ксендза 80 руб. Таким образом, содержание Ровенской гимназии в 1870 г. равнялась 28210 руб. 70 коп.

Ровенскую гимназию часто посещали попечитель округа, его помощник, инспектор округа и многие другие высокопоставленные лица. С 3 по 15 мая 1866 г. гимназию осматривал помощник попечителя Михаил Андреевич Тулов.

19 июля того же года киевский, подольский и волынский генерал-губернатор Александр Павлович Безак слушал обедню в гимназической церкви, а на другой день присутствовал на экзамене в VII классе[1].

1 апреля 1867 г. гимназию посетил волынский губернатор генерал-майор Фон-Галлер. 2 мая 1868 г., осматривал гимназическую церковь архиепископ Волынский и Житомирский Агафангел и посетил VII-ой класс.

4 и 5 июня 1868 г. осматривал гимназию попечитель Киевского учебного округа Платон Александрович Антонович. 8 мая 1869 г. Киевский, Волынский и Подольский генерал губернатор князь Дундуков-Корсаков. В июне того же года профессор университета св. Владимира Алексеев ревизовал успехи учеников по физике, космографии и естественной истории.

В 1870 г. гимназию ревизовал окружной инспектор Ив. Я. Ростовцев.

[1] А. Анципо-Чикунський не згадує про інший приїзд Безака до Рівного 28 серпня 1867 р., коли стався гучний інцендет між директорм гімназії Кривоносовим та генерал-губернатором, через брутальне поводження і арешт останнім малолітнього гімназиста. Ця подія яскраво змальована в «Истории моего современника» В. Короленко. Див.: Короленко В.Г. История моего современника. – М., 1965. – С.169-173, 943.

РОВЕНСКОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ (1872-1889)

С 1872/73 учебного года Ровенская гимназия вступает в третий период своей жизни; с этого года она преобразована по уставу, утвержденному 15 мая 1872 г., в реальное училище.

Бывший министр народного просвещения, граф Дмитрий Андреевич Толстой в своем циркуляре от 31 июля 1872 г. так объясняет цель учреждения реальных училищ: «Реальные училища, по уставу 15 мая 1872 г. имеют свое особое, отличное от гимназий, назначение. Гимназии, имея своими основными предметами оба древние классические языки и затем математику, дают общее образование в направлении теоретическом, и, снабжая учащееся юношество всеми необходимыми знаниями для дальнейшего научного образования, приготовляют его наилучшим образом, как свидетельствует опыт всех стран, к вступлению не только в университеты, но и вообще во все высшие специальные заведения; реальные же училища имеют целью давать общее образование в практическом направлении и тем непосредственно приготовляют учащееся в них юношество к вступлению преимущественно на различные поприща полезной практической деятельности.

Таким образом гимназии рассчитаны на тех преимущественно, кто имеет возможность учиться, начиная с десятилетнего возраста, в продолжении 12 или 13 лет и желают приобрести высшее научное образование; напротив, реальные училища должны главнейшим образом удовлетворять потребностям того многочисленного круга лиц, которые, по каким бы то ни было причинам, не могут учиться долее 16 или 17-летнего возраста, и которые имеют в виду в реальных же училищах завершить все школьное свое образование, хотя и эти училища открывают доступ к высшим специальным техническим училищам, тем из своих учеников, которые пожелали бы продолжать свое образование».

Учебная часть реальных училищ построена согласно такому практическому назначению этих учебных заведений. Курс реальных училищ состоит из шести основных классов. Преподавание в этих шести классах сосредоточивается главным образом на изучении русского языка, новых иностранных языков, математики, естественных наук и начертательных искусств. Все преподавание математики, начертательных искусств, а также естественных предметов, направлено к практическим целям.

Завершение свое, в практическом направлении, реальное образование получает в VII-м дополнительном классе. Этот VII-й класс, смотря по местным условиям, может состоять из трех отделений: 1) общего, 2) механико-технического и 3) химико-технического.

Печатка Рівненського реального училища

ВОЛИНЬ

Общее отделение VII-го класса предназначено преимущественно для подготовления учащихся к вступлению в высшие специальные училища, а механико-техническое и химико-техническое приспособлены дать подготовку к практической деятельности на поприще торговой и промышленной техники. Но не все воспитанники, поступающие в реальные училища, могут оказаться способными к изучению математики: некоторым из учеников могут легче даваться новые иностранные языки. Эта склонность к тем или другим предметам успеет обнаружиться на время учения в первых четырех классах; поэтому при V и VI классах реальных училищ устав разрешает открывать коммерческие отделения, в которых преподавание сосредоточивается на изучении новых языков и коммерческих наук.

Состав должностных лиц при реальных училищах остался почти тот же, какой был при реальных гимназиях:

1) директор,
2) преподаватели,
3) помощники классных наставников, или же надзиратели
4) врач и
5) письмоводитель.

В шести классах реальных училищ на одного из преподавателей, по выбору директора и с утверждения попечителя учебного округа, возлагается исполнение обязанностей инспектора; особый же инспектор полагается лишь в тех реальных училищах, при которых состоят пансионы (§ § 6,7,8 устава реальных училищ 1872 г.). Важнейшие дела реальных училищ, относящиеся до учебной и воспитательной части, обсуждаются в педагогических советах; дела же хозяйственные изъяты из ведения педагогического совета и возложены на особый т.н. хозяйственный комитет, который составляется из директора, инспектора и трех преподавателей, последние избираются педагогическим советом на три года.

Среди важнейших в учебно-воспитательном отношении нововведений устава 1872 г. должно поставить введение института классных наставников. Для каждого класса, как основного, так и параллельного, директором училища назначается классный наставник из преподавателей этого класса. На обязанности классных наставников лежит наблюдение за успехами и нравственностью учеников, вверенных им классов. Таким образом преподаватели являются вместе и воспитателями.

Кроме этого, важность института классных наставников состоит еще и в том, что они по роду своих обязанностей служат связью между учебным заведением и обществом; для учебного заведения помощь со стороны родителей необходима: непременное условие преуспеяния учащихся – взаимодействие родителей и воспитателей. Согласно предложению попечителя, 17 октября 1872 г. в педагогическом совете составлена была инструкция для руководства классных наставников.

По этой инструкции классные наставники, являясь как бы попечителями своих классов, должны заботиться об умственном и нравственном преуспевании воспитанников и о материальном их положении. Поэтому они должны по возможности содействовать развитию каждого ученика, стараясь узнавать характер, способности, прилежание, успехи и материальное положение каждого из них. Наблюдать за правильным посещением классных уроков и правильностью хода домашних занятий, для чего классные наставники посещают учеников своего класса в квартирах, проверяют книги и учебные пособия, и при недостатке таковых, изыскивают средства для их приобретения.

В случае неуспешности и дурного поведения кого-либо из воспитанников, классный наставник вникает в обстоятельства, послужившие причиною таких явлений, и всячески стремится к устранению неблагоприятных условий, заключаются ли они в домашней обстановке, неудовлетворительности материального положения и т.п. С этой целью классные наставники сносятся с родителями и опекунами воспитанников, служа как бы посредниками между ними и учебным заведением.

Чтобы классные занятия были равномерно распределяемы по дням недели и не превышали бы умственных сил и развития учащихся и чтобы преподавание одних предметов не стесняло преподавания других, для этого классные наставники входят в соглашение

с преподавателями, как частным образом, так и в особых классных комиссиях. Особенно классные наставники низших двух классов, и отчасти третьего, должны заботиться, чтобы ученики были насколько возможно более облегчены относительно домашних занятий по приготовлению уроков и исполнению письменных работ и чтобы все уроки, по возможности, разучивались в классное время. В случае же неуспешности соглашения между преподавателями и классными наставниками, последние переносят неразрешенный вопрос на обсуждение педагогического совета.

Направляя взаимные отношения учащихся в духе любви и справедливости, классные наставники разбирают их несогласия, жалобы друг на друга, примиряют их преимущественно силою убеждения и действием на чувство, в случае же надобности прибегают и к дисциплинарным мерам. Такие важные обязанности возложил педагогический совет на классных наставников.

Введением строгих и определенных требований при переводных и окончательных испытаниях новый устав способствовал поднятию прилежания учащихся и основательному усвоению ими курса. До издания особых правил, по распоряжению Министра народного просвещения, в реальных училищах при испытаниях руководствовались правилами классических гимназий; отдельные правила для реальных училищ были изданы в 1875 г. По смыслу этих правил, перевод учеников реальных училищ из класса в класс производится на основании:

1) их успехов в течение учебного года;

2) познаний, высказанных учениками на репетициях в конце года и

3) особых испытаний (§ 20.)

Для перевода в высший класс требуется: 1) по каждому из главных предметов реального курса, а из математики по каждому ее отделу в среднем выводе из четырех срочных ведомостей за год иметь в I и II классах не менее 2½, в III и V классах не менее 2¾, а в V классе не менее 3, причем однако же эти средние годовые отметки лишь тогда считаются удовлетворительными, когда за последнюю четверть года стоит отметка не менее «3» и когда за прилежание и внимание в среднем выводе стоит также не менее 3 (§ 32).

По предметам не главным допускается иметь отметку «2», но при условиях, если за последнюю четверть года выставлена отметка «3», и по прилежанию и вниманию в общем выводе «3». К окончательным испытаниям допускаются ученики, по тщательном обсуждении их успехов и прилежания (§ 47).

Не допускаются к окончательному испытанию те ученики, которые, по мнению комиссии, признаются недостаточно приготовленными или недостойными по небрежному отношению к своим ученическим обязанностям (§ 48). Испытания состоят из ответов письменных и устных; при чем темы для письменных испытаний избираются начальством округа и присылаются директору училища в запечатанных конвертах с надписью: «вскрыть в присутствии членов испытательной комиссии и учеников, пред самым началом письменного испытания».

По окончании письменных и устных испытаний протоколы и письменные работы отсылаются к Попечителю округа для рассмотрения их в попечительском совете. Такой контроль над окончательными испытаниями учеников имеет ту свою хорошую сторону, что устраняет возможность всякого рода послаблений со стороны преподавателей и заставляет учеников рассчитывать только на собственные силы.

При таком положении дела, учащиеся приходят к сознанию, что для успешного окончания курса требуются основательные познания, которые приобретаются регулярными занятиями в течение всего пребывания в училище.

Из отдельных мер, направленных к поднятию успешности учащегося юношества следует упомянуть о введении в 1874 г. каникулярных работ для учеников реальных училищ. Было замечено, что некоторые ученики во время летних вакаций, предавшись исключительно играм и развлечениям, забывают пройденное в течение года, а главное отстают от умственного труда. Для устранения таких последствий длинного перерыва занятий, по распоряжению министра народного просвещения, в 1873 г. были введены письменные и устные каникулярные работы в классических гимназиях, а в 1874 г. это

Рівненське реальне училище.
Фото. Початок XX ст.

распоряжение применено и к реальным училищам. К этой же категории мер, направленных к поднятию успешности должно отнести циркуляр г. министра народного просвещения от 31 августа 1874 г., которым предлагается начальству учебных заведений озаботиться, «чтобы ни в гимназиях и прогимназиях, ни в реальных училищах ученики не имели возможности обленяваться, почему ближайшие начальники этих заведений должны были строго наблюдать за тем, чтобы учителя занимались не с отдельными, обыкновенно более успевающими учениками, а с целым классом, и с помощью, как устных ответов, так и письменных их работ постоянно и как можно чаще удостоверялись в успехах своих учеников».

Затем, говорится дальше в циркуляре: «Должны быть принимаемы все меры к исправлению нерадивых и ленивых учеников, и к содействию в том учебному заведению должны быть привлекаемы и родители учеников. В случае же безуспешности всех этих мер, учебное заведение, не дожидаясь конца года, должно увольнять ученика за безуспешность. Уволенные из гимназии или прогимназии за безуспешность в конце ли года, или в средине и вообще в течении его, не должны быть принимаемы ни в какое другое учебное заведение, в том числе и в реальное училище без самого серьезного испытания; по экзамену же принимаются в тот класс, которому соответствуют их познания».

В последние годы в уставе 1872 г. внесены были некоторые поправки и добавления. В 1881 г., по распоряжению г. министра, отменены были § § 32 и 27 правил об испытаниях и исключительном значении среднего арифметического вывода из 4 срочных ведомостей за год и § 64 этих же правил о недопущении к устным испытаниям в случае неудовлетворительности какой-либо письменной работы на окончательных испытаниях.

В 1883 г. были приняты меры для ограждения учебных заведений от продолжительного засиживания в них малоуспевающих учеников. С этой целью г. министром народного просвещения были изданы правила, по которым в учебных заведениях с семилетним или восьмилетним курсом учения ученики могут оставаться в одних и тех же классах не более трех раз, а с четырех и шестилетним курсом не более двух раз, не считая приготовительного класса. С V-же класса не допускается оставаться два раза сряду; такие уволенные ученики могут поступать только в низшие учебные заведения. (Болезнь и семейные обстоятельства не входят в счет случаев, влекущих увольнение).

В 1872 г. по новому плану устроены были первые пять классов, и преподавание в течение 1872/73 учебного года производилось сообразно указаниям циркуляра г. министра народного просвещения от 7 августа 1872 г.

С началом 1873/74 учебного года преобразован был VI класс реальной гимназии и введено преподавание во всех шести классах по планам и примерным программам для реальных училищ Министерства народного просвещения.

В следующем 1874 г. были открыты два специальных отделения VII класса – механико-техническое и химико-техническое и коммерческое отделение V-го класса; в 1875 г. – коммерческое отделение VI класса.

Этим закончилось полное преобразование Ровенского реального училища: с 1875 г. оно имеет все шесть классов с коммерческими отделениями в V и VI классах и VII класс с отделениями: механико-техническим и химико-техническим.

Обращаемся к учебно-воспитательному делу в Ровенском училище за время его существования с 1872 г., по 1889 г. После переходного своего состояния Ровенское реальное училище с наступлением 1873 учебного года начинает приходить к тому положению, которое предназначено ему новым уставом. Отсутствие в первое время двух учителей – механики и русского языка задержало в некоторой степени нормальный ход преподавания этих предметов; но с началом 1873/74 учебного года и эти предметы получили преподавателей: механика в лице инженер-механика Тетерева, а русский язык и словесность – Сеферовского, и занятия по этим предметам пошли по пути, указанному программами, без уклонения и остановки.

Директор Сущевский в своем отчете за 1873 г. находит положение учебного дела удовлетворительным, хотя сознается, что от успехов учеников по некоторым предметам остается желать лучшего. Слабее прочих предметов, как сказано в отчете, стояли рисование и русский язык. Это происходило от того, что преобразование главным образом коснулось первого из них, а преподаватели русского языка менялись ежегодно в течение нескольких лет сряду.

В апреле 1873 г. Ровенское реальное училище ревизовал окружной инспектор Иван Яковлевич Ростовцев и о найденном состоянии донес попечителю округа Антоновичу следующее: «Несмотря на недавнее преобразование Ровенской реальной гимназии в реальное училище – это заведение почти вполне успело усвоить новые начала, положенные в основание реальных училищ, и при благоразумном руководстве со стороны непосредственных начальников его, исполняет свое назначение с достаточною твердостью и без значительных колебаний. Хотя цифра учеников училища еще незначительна, тем не менее, оно пользуется доверием общества. Это доверие имеет свое основание как в опытности и благоразумии начальствующих лиц, так и в усердии и умении вести свое дело многих преподавателей».

Посещая уроки учителей, Иван Яковлевич Ростовцев пришел к заключению, что те предметы, которые можно считать главными в реальном училище, именно: математика, черчение, немецкий язык, шли удовлетворительно; при чем лучше всех предметов в Ровенском училище велось преподавание немецкого языка учителем Хоминым.

В 1874 г. были произведены первые окончательные испытания учеников VI класса. Испытаниям подвергались 21 ученик, из которых 18 учеников получили аттестаты. Все эти окончившие ученики поступили в VII дополнительный класс, 12 человек по механическому отделению, а 6 по химическому. Окончательные испытания учеников в VI классе в следующем 1875 г. были не совсем удачны: из 13 экзаменовавшихся учеников только 5 получили аттестаты.

В этом же году был произведен первый выпуск из VII дополнительного класса, выпуск был довольно многочисленный: все 21 ученик получили свидетельства. В 1875 г. окружной инспектор Иван Яковлевич Ростовцев вторично ревизовал Ровенское реальное училище. На этот раз ревизией были обнаружены крупные недостатки в методах преподавания некоторых учителей, при чем г. окружной инспектор преподал советы к устранению этих недостатков.

Если обратимся к статистическим данным об успешности в Ровенском реальном училище за первые 7 лет его существования, то приходим к заключению, что учебное

дело за это время велось удовлетворительно. Привожу данные о результатах переводных и окончательных экзаменов:

Учебный год	Число учеников	Переведенные ученики
1872/73	186	93 (50%)
1873/74	241	141 (58%)
1874/75	368	196 (53%)
1875/76	345	190 (55%)
1876/77	364	222 (61%)
1877/78	367	210 (57%)
1878/79	365	173 (47%)

Из приведенных данных оказывается, что 1878/79 учебный год был самым неудачным в учебном отношении. На понижение % успешности этого года отозвалось то обстоятельство, что в этом году все ученики VII класса по распоряжению г. министра народного просвещения были оставлены на второй год за противозаконное участие в тайной агитации по поводу коллективной подачи прошения учениками всех реальных училищ о допущении их в университеты и медико-хирургическую академию.

Продолжая следить за успешностью учащихся по статистическим данным, заимствованным из годичных отчетов, нельзя не заметить, что с 1880 г. процент успевших значительно возрастает. Самым хорошим годом можно считать 1884/85 учебный год, когда % успевших достигает 82; самым неуспешным годом 1886/87 учебный год, в котором % успевших только 58; но по сравнению с первыми семью годами этот слабый год соответствует лучшим годам. Вот результаты переводных и окончательных испытаний за последние годы.

Учебный год	Число учеников	Переведенные ученики
1879/80	346	222 (64%)
1880/81	326	258 (75%)
1881/82	320	239 (71%)
1882/83	323	216 (65%)
1883/84	282	226 (74%)
1884/85	290	239 (82%)
1885/86	317	229 (72%)
1886/87	320	187 (58%)
1887/88	307	198 (64%)

Аттестацией успешности учебного дела также могут служить отзывы попечительского совета об экзаменационных письменных работах учеников VI класса. На основании этих отзывов можно заключить, что Ровенское реальное училище занимало среднее место между училищами округа. Хотя не всегда работы учеников Ровенского училища были удовлетворительны по всем предметам, но в то же время не было ни одного года, когда

бы они стояли ниже общего уровня; напротив, в некоторые годы по отдельным предметам Ровенское училище занимало 1-ое место; таковы: 1877 г. по русскому; 1878 г. по немецкому и французскому; 1879 г. по математике; 1884 г. по бухгалтерии.

Воспитательная часть в Ровенском реальном училище была распределена между директором, инспектором, классными наставниками и их помощниками. Главнейшею заботою классных наставников было наблюдение за тем, чтобы требования от учеников по одному предмету не были в ущерб требованиям по другому предмету и чтобы ученики не были излишне обременяемы как домашними, так и классными занятиями. Независимо от этого каждый классный наставник наблюдал постоянно за исправным посещением учениками уроков.

Не меньшую заботу классных наставников составляли успехи их учеников по каждому предмету. Своим нравственным влиянием, и только в крайних случаях карательными мерами, классные наставники старались возбуждать деятельность своих классов, устраняя по возможности все обстоятельства, мешавшие успешности учеников. С этой целью классные наставники заботились, чтобы каждый ученик имел необходимые руководства и учебные пособия, чтобы над учениками низших классов был постоянный домашний надзор и чтобы письменные работы исполнялись тщательно и без всяких упущений.

Для поддержания, постоянной связи между школою и домом велись всеми учениками особые тетради, в которые они в классе вписывали, что задавалось для приготовления к следующему уроку. Тетради эти в конце каждой недели просматривали классные наставники, вписывали в них полученные учениками отметки в течение истекшей недели, обозначали число и время пропущенных уроков и число случаев опаздывания на уроки, отмечали поведение, прилежание и внимание. Эти тетради ученики должны были представлять своим родителям и родственникам, на попечении которых они находились.

В своих отчетах за первые годы со времени преобразования Ровенской реальной гимназии в реальное училище директор Сущевский с похвалой отзывается о поведении учеников. Такое отрадное явление он приписывает главным образом тому участию, которое принимали классные наставники в жизни воспитывающегося юношества. Пользуясь значительным нравственным влиянием, классные наставники не имели особенной надобности прибегать к более или менее карательным мерам, они старались отвращать воспитанников своих классов от проступков, влекущих за собою тот или другой род наказания.

Отношения классных наставников к своим воспитанникам тем более были благотворны, что, будучи лишены всякой официальности и формализма, ставили ученика в подобные же отношения и к другим его наставникам и вместе с тем развивали искренность, доверие и взаимное уважение – чувства, в высшей степени необходимые для всякой благоустроенной школы.

В отчете за 1874 г. Сущевский так отзывается о поведении учеников Ровенского реального училища: «Весьма незначительное количество наказаний ясно говорит, что ученики здешнего училища своим поведением не заставляют училищное начальство прибегать часто к карательным мерам и могут быть руководимы школьною властью без особенных затруднений».

Однако, вместе с этим Сущевский выражает сожаление о том, что ученики, поступающие из других учебных заведений и при том по большей части в высшие классы, вносят нередко в жизнь Ровенского реального училища элементы для него вредные, поэтому начальство училища признало необходимым принимать молодых людей в высшие классы с большой осторожностью.

Несмотря на это, судя по статистическим данным, которые находятся в годичных отчетах об училище, нельзя не заметить, что с 1880 года поведение учеников начало заметно ухудшаться. Наиболее дурно вели себя ученики в период времени 1880 г. по 1884 г. Число учеников, которых поведение аттестовано отметкой 5, за время с 1880 г. по 1884 г. гораздо меньше, чем в предшествующие три года: в 1877, 1878 и 1879 г. ученики с отметкой в поведении 5 составляли 82%, в то время как в последующие пять лет заметно этот% понизился, особенно в 1882 г. Привожу статистические данные, которые подтверждают высказанное мною мнение.

Учебный год	С отметкой в поведении			
	5	4	3	2
1877	321 (82,%)	57 (14,5%)	13 (3,3%)	
1878	328 (82,6%)	59 (14,8%)	9 (2,2%)	1 (0,2%)
1879	312 (82,3%)	59 (15,5%)	8 (2,1%)	
1880	276 (76,9%)	73 (20,3%)	9 (2,5%)	1 (0,3%)
1881	260 (75,2%)	67 (19,3%)	18 (5,2)	1 (0,28%)
1882	208 (61,2%)	108 (31,8%)	23 (6,7)	1 (0,3%)
1883	231 (75,9)	63 (20,7%)	10 (3,4)	

Хотя большая часть проступков за эти годы относится к числу обыкновенных детских шалостей, но вместе с тем встречаются по временам и такие, которые обнаруживают крайнюю испорченность некоторых из воспитанников.

Указанное понижение отметок за поведение, по моему мнению, не должно всецело приписывать падению нравственности среди воспитанников, а скорее большей строгости надзора за учениками, со стороны училищного начальства, которая установилась со времени назначения директором Ровенского училища Дзюбенко-Дзюблевского.

Высшее начальство своими распоряжениями являлось на помощь реальным училищам в деле воспитательном. В 1879 г., по распоряжению министра народного просвещения, инструкция для классных наставников гимназии, изданная в 1877 г., применена была к реальным училищам. Педагогический совет Ровенского училища, обсуждая вопросы, возникавшие из применения этой инструкции к жизни заведения, нашел нужным введение кондуитных журналов для каждого класса и особых бланков аттестаций для уведомления родителей об успехах и поведении их детей и вывешивание в классах разрядных списков с распределением в них учеников по успехам за каждую учебную четверть.

В том же году, вследствие предписания г. попечителя о необходимости нравственного влияния на учеников всех преподавателей, об ученических правилах вне стен заведения и об усилении надзора за учениками вообще, и за частными ученическими квартирами в особенности, педагогическим советом были приняты следующие меры:

a) для побуждения учеников исправно посещать богослужение установлено дежурство классных наставников по церкви;
в) ученики снабжены печатными правилами, приноровленными к местным условиям заведения,
c) предположено ходатайствовать о разрешении на определение третьего помощника классных наставников,
d) для лучшего надзора за частными ученическими квартирами все квартиры распределены между преподавателями.

Несмотря на усиление надзора за учащимися, поведение их не совсем скоро подается улучшению; наряду с большим числом заурядных шалостей встречаются проступки выходящие из ряда обыкновенных. В 1879 г., как я упомянул выше, ученики VII класса участвовали в противозаконной агитации по поводу коллективной подачи прошения о допущении их в университеты и медико-хирургическую академию.

В 1880 г. очень дурным поведением отличался VII класс и особенно механико-техническое отделение. За учениками этого класса замечен был целый ряд всякого рода непозволительных выходок и проявление дурных наклонностей.

В первой половине 1881 г. встречается несколько случаев крайне неодобрительного поведения учеников, каковы: дерзость инспектору, некоторым из преподавателей и помощнику классных наставников. Такое непочтительное отношение некоторых учеников и к членам училищной корпорации было навеяно, как говорит в своем отчете директор Дзюблевский, дурным примером учеников VII класса, которые еще оставались в училище в первой половине 1881 г.

Актова зала Рівненського реального училища.
Фото. 1913 р.

В следующем 1882 г. уровень нравственности, особенно учеников высших классов еще более понизился. На этот раз отчет не доказывает ясно причин этого печального явления.

В 1883 и 1884 гг. тоже можно насчитать значительное число случаев очень дурного поведения учеников. Встречаясь с частыми случаями таких выходящих из ряда обыкновенных проступков учеников, является вопрос, какая причина такого низкого уровня нравственности. В недостаточности надзора ее видеть никак нельзя, если обратить внимание на очень большое количество взысканий.

В отчетах за последние пять лет показано тоже значительное число взысканий, потому что между воспитанниками встречаются дети, в отношении которых училищному начальству приходится прибегать к дисциплинарным мерам, но в перечислении выдающихся проступков мы почти не встречаем таких, которые бы говорили об испорченности учеников.

Большую часть проступков учеников за последние два-три года, по мнению директора А. Я. Гольдерекера, с чем нельзя не согласиться, можно объяснить отсутствием хорошего домашнего воспитания. Большинство учеников Ровенского реального училища дети весьма недостаточных родителей и потому неблагоприятная домашняя обстановка имеет дурное влияние на их характер и привычки.

В противоположность предыдущим годам, когда особенно дурно вели себя ученики высших классов в последнее время, как видно из статистических данных, ученики VI и VII классов держат себя почти безупречно и прибегать к дисциплинарным мерам по отношению к ним не является особой надобности; отметка 4 в поведении учеников VI и VII классов явление довольно редкое. Относительно поведения учеников прочих классов можно сказать, что оно заслуживает тоже полного одобрения во всех отношениях; правда, встречаются преимущественно между учениками низших классов, шалуны, которые требуют присмотра со стороны воспитателей, но шалости их в редких случаях переходят границы благовоспитанности. Статистические данные за последние три года находятся в полном согласии с высказанным нами мнением о поведении воспитанников Ровенского училища:% учеников с отметкой в поведении 5 превышает 80%.

В описываемый последний период, как и предыдущие, ученики жили частью на частных квартирах, частью у родителей или родственников. Содержание ученических квартир

разрешалось училищным начальством лицам, известным ему со стороны нравственности и благонадежности. Училищное начальство заботилось, чтобы квартиры по возможности помещались в домах теплых и сухих, что не всегда удавалось достигать вследствие незначительного количества хороших домов в г. Ровно. Большая часть квартир имеют бедную обстановку, что зависит от сравнительно незначительной цены за содержание учеников, которая, начиная с 160 руб., не возрастает более 300 руб. При такой незначительной плате, при дороговизне помещений, особенно после пожара в 1881 г., квартиросодержатели не могут доставить ученикам всех удобств, каких требует гигиена. Кроме этого, большинство квартиросодержателей – люди малообразованные, поэтому не могут содействовать школе в деле воспитания.

Надзор за ученическими квартирами устроен согласно с правилами, изданными министерством. В каждой квартире ведется квартирный журнал в котором записываются квартирующие ученики, посещения квартир начальством, отлучки учеников из квартиры, посещения квартир другими учениками, проступки учеников квартиры; заносится список принадлежащих ученикам вещей, книг, учебных пособий, условия родителей с квартиросодержателем, список разрешенных для чтения книг. Для каждой квартиры педагогическим советом назначается из учеников старших классов дежурный, который обязан следить за порядком в квартире и поведением учеников.

До 1879 г. надзор за квартирами всецело лежал на директоре, инспекторе и помощниках классных наставников. В 1879 г., вследствие предписания г.попечителя об усилии надзора за частными квартирами, совет училища постановил для лучшего надзора распределить все квартиры между преподавателями. Со времени преобразования Ровенской гимназии в реальную, число учеников, как я упомянул в своем месте, стало быстро уменьшаться и в течение нескольких лет сряду количество учеников не превышало 210. После же преобразования гимназии в реальное училище число учащихся начало быстро возрастать. Это возрастание продолжалось до 1880/81 г., самыми лучшими годами были 1877/78, 1878/79 и 1879/80, когда в Ровенском училище бывало до 409 учеников. С 1880/81 года число учеников, делая незначительные колебания, уменьшается, но не понижается ниже 300. По мере увеличения числа учеников, открываемы были параллельные отделения: в 1874 г. при I, II и III классах, в 1875 при IV классе и в 1885 г. при V классе.

Что касается отношения по вероисповеданиям, то по-прежнему преобладает вероисповедание римско-католическое, за ним следует православное; при чем нужно заметить, что с 1874 г. % католиков значительно возрастает.

Третье место после католиков по количеству занимают евреи, которых в 1873 г. было 21, в 1879 г. – 63. Начиная с 1884 г., число евреев уменьшается, но пока не достигло нормальных 10%, определяемых циркуляром г. министра народного просвещения, 1887 г.

Дети дворян и чиновников по-прежнему составляют преобладающее большинство, но вместе с тем замечается увеличение числа учеников городского и сельского сословия, которое достигает почти ⅓ всего числа воспитанников.

Большинство воспитанников Ровенского реального училища – дети бедных родителей, потому многие нуждаются в необходимых учебных пособиях, взнос же платы за учение, которая по мере возрастания нужд заведения с годами увеличивалась, для таких воспитанников очень затруднителен.

Училище, насколько имело возможности, всегда являлось со своею помощью, выдавая пособия из специальных средств. Кроме специальных средств, училище изобретало и другие источники, как, например чтение публичных лекций в пользу недостаточных учеников: в 1881 г. была прочтена публичная лекция учителем химии Г. И. Тимофеевым, «о составе воздуха», давшая чистого сбора 82 руб., в 1882 г. прочел публичную лекцию учитель естественных наук С. Л. Завистовский «О важнейших паразитах в человеческом организме», которая тоже была удостоена вниманием местного общества и принесла чистой выручки 60 руб. 58 коп. Но эта помощь не всегда могла удовлетворить нуждающихся, так как остатки специальных средств не могли быть велики при больших расходах, которых требовало содержание параллельных отделений.

Уравнение с 1879/80 г. платы за уроки в параллельных классах с основными классами и увеличение числа классных наставников и их помощников потребовало ежегодно из специальных средств до 6000 руб. Изыскивая меры для увеличения специальных средств, педагогический совет нашел необходимым увеличить плату за учение до 40 руб. в год (1882 г.). Это увеличение платы еще более затруднило бедных воспитанников и училищу пришлось еще большую сумму расходовать на пособия. Поэтому, согласно циркуляру г. министра народного просвещения, решено было прибегнуть к общественной благотворительности. В заседании педагогического совета 4 октября 1882 г., была избрана комиссия для выработки и составления проекта устава: «Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Ровенского реального училища». Составленный комиссией проект, по рассмотрении его в педагогическом совете, был представлен на благоусмотрение правительства и утвержден 23 января 1883 г. «Общество» открыло свои действия общим собранием 1 мая 1883 г. В этом собрании избраны были членами правления: законоучитель училища ксендз Бялостоцкий и учителя: А. Н. Коркушко, И. М. Дубенецкий, Н. Л. Сеферовский; казначеем Бялостоцкий, а кандидатами к казначею учителя: Н. В. Котляревский и С. А. Черногор; ревизорами кассы: мировой судья З. С. Лучинский, полковник Ф. О. Ромашевский и училищный врач Н. А. Погоновский, депутатами: землевладелец Спендовский и уездный врач Лейман. Это общество пользуется сочувствием местной публики. Число членов, постепенно возрастая, в 1888 г. достигло 71. Со времени основания общества по 1889 г. поступило в его кассу 4585 руб. 71 коп., из которых израсходовано 3569 руб. 54 коп. на пособия бедным ученикам и другие нужды общества. Средства общества составляются из членских взносов и пожертвований; для усиления средств, правление общества по мере возможности устраивает по временам вокально-музыкальные вечера и спектакли с благотворительною целью.

Переходим к личному составу и деятельности педагогического совета. В личном составе за последний описываемый период происходили очень частые перемены, что до известной степени не совсем благоприятно отзывалось на ходе учебно-воспитательного дела.

Преобразование Ровенской гимназии в реальное училище началось и закончено было при директоре Я. С. Сущевском. Сущевский 15 лет своей педагогической деятельности посвятил Ровенской гимназии и Ровенскому училищу и оставил по себе добрую память среди местного населения, как человек и педагог. В 1879 г. Сущевский перешел на должность директора народных училищ Черниговской губернии, а место его в Ровно занял исправляющий обязанности инспектора Немировской гимназии И. Ф. Дзюбенко-Дзюблевский, который управлял училищем до 1885 г., когда был переведен на ту же должность в Кременчугское реальное училище.

После Дзюблевского Ровенским училищем управлял М. М. Павлов. Павлов, прослужив в Ровно всего два года, скончался после тяжкой болезни. Место Павлова в 1887 г. занял директор А. Я. Гольдерекер.

Еще чаще сменялись исполнявшие обязанности инспектора и преподаватели. Исполнявших обязанности инспектора с 1872 г. в Ровенском училище было 7: Н. Юшков, М. М. Вергун, А. Я. Гольдерекер, И. Лепс, В. В. Кошевой, И. В. Волкобой и Г. И. Тимофеев.

Преподавателей, которые бы прослужили в нашем училище 15 или более лет, нет ни одного: дольше других служат в Ровенском училище исправляющий обязанности инспектора Г. И. Тимофеев и преподаватель механики и математики И. М. Дубенецкий, остальные или люди совсем молодые или недавно переведенные в Ровенское училище из других учебных заведений, служба которых не восходит далее 1880 г.

Деятельность педагогического совета сосредоточивалась главным образом на обсуждении вопросов, возникавших по обычным текущим делам, которые ежегодно повторяются в жизни наших средних учебных заведений, каковы: обсуждение успехов и поведения учащихся за каждую четверть года, о переводных испытаниях, о выборе книг для библиотек, приобретении учебных пособий для кабинетов и т.д., на обсуждении вопросов случайных, которые по временам поднимались высшим начальством или кем-либо из членов совета. Особенно часто были заседания педагогического совета в 1870-х годах, когда реальные училища, как новый тип учебных заведений, выливались в форму, определенную им

уставом 1872 г. Привожу важнейшие из занятий педагогического совета: в 1872 г. по вопросу о преобразовании Ровенской гимназии в шестиклассное реальное училище и по вопросу о составлении инструкции классным наставникам; в 1873 г.– об открытии параллельного отделения II класса, в 1874 г. о письменных работах, задаваемых ученикам на дом, при чем постановлено было завести книгу, куда классные наставники должны были вписывать письменные работы и вообще все домашние занятия учеников, чтобы задаваемые работы для одного и того же класса не сходились в один и тот же день по разным предметам. В 1877 г. обсуждалась возможность применения мер, рекомендованных г. министром народного просвещения, направленных к усилению преподавания русского языка.

В 1872 г., по предложению г. попечителя и по постановлению совета, ежедневные классные уроки были разделены на утренние и послеобеденные; такой порядок существовал до 1879 г. Семилетний опыт показал неудобства такого деления, почему совет в 1879 г. обращался с ходатайством к г.попечителю о соединении уроков с большою переменою в час.

В этом же году в совете был поднят вопрос об увеличении вознаграждения преподавателям за уроки в параллельных классах на 10 руб. Неравномерная плата за уроки в основных и параллельных отделениях являлась большим затруднением при распределении уроков между преподавателями. Для поднятия успешности учеников по всем вообще предметам, а по русскому языку в особенности, по постановлению совета (1880 г.), устраивались в училище по праздничным дням литературные беседы, во время которых учениками читались сочинения по русской словесности, а также и по другим предметам курса училища.

В видах развития эстетического чувства учащихся, совет нашел полезным завести ученический оркестр (1880 г.), что в скорости и было осуществлено. В 1882 г., по предложению г. попечителя С. П. Голубцова, в совете обсуждался вопрос об ознакомлении учеников с основаниями метеорологии; совет постановил устроить при училище метеорологическую станцию 2-го разряда. Труд по устройству метеорологической станции принял на себя бывший учитель физики Котляревский.

В 1884 г. совет признал весьма полезным введение казенных репетиторов для занятия в училище с малоуспевающими учениками. В 1886 г. совет обратил внимание на то, что ученики, не изучающие французского языка, будучи свободны от занятий по этому предмету, бесполезно тратят по шести часов в неделю, т.е. пятую часть учебного времени. Поэтому в одном из своих заседаний совет счел возможным ввести для учеников, не изучающих французского языка, обязательные часовые уроки рисования.

В 1888 г. совет постановил ходатайствовать о возвышении платы за учение с 40 руб. в год на 50 руб. В 1889 г. педагогический совет посвятил несколько заседаний на составление сведений о Ровенском училище для представления их в Императорское русское техническое общество, по случаю предстоявшего в декабре этого года съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. Вот главнейшие труды педагогического совета за время существования реального училища, которые свидетельствуют, что корпорация училища принимала живое участие в обсуждении вопросов по учебно-воспитательной части, предлагавшихся высшим начальством, а также отзывалась на все требования, которые представляла жизнь собственного заведения. К этому еще следует прибавить труды классных и предметных комиссий, собиравшихся по несколько раз в год для обсуждения вопросов, касающихся учебной части заведения.

Начальство округа внимательно следило за ходом учебно-воспитательного дела. Почти ежегодно начальствующие лица сами ревизовали училище, а также г. попечитель несколько раз командировал некоторых гг. профессоров университета св. Владимира присутствовать на окончательных и переводных экзаменах. Чаще других посещал училище бывший помощник попечителя Иван Яковлевич Ростовцев, в 1873, 1875 и 1877 г. в должности окружного инспектора; в 1879, 1880, 1882, 1883 и 1888 г. в должности помощника попечителя. В 1879 г. он посвятил 4 дня на ревизию училища; за это время побывал на уроках почти всех преподавателей, присутствовал на утреннем богослужении в училищной церкви и осмотрел все учебно-воспитательные пособия, при чем особенное внимание обратил на ученическую библиотеку. Затем присутствовал в заседании педагогического

совета, состоявшемся по его распоряжению, где, высказав свое мнение о состоянии училища, указал существенные его недостатки и необходимые меры к их исправлению.

Бывшие попечители Киевского учебного округа генерал-лейтенант П. А. Антонович и тайный советник С. П. Голубцов также неоднократно ревизовали училище; Антонович в 1874 и 1878; Голубцов – в 1881 и 1885 г. Последствием последней ревизии С. П. Голубцова было его предложение от 18 октября 1885 г., в котором выражена искренняя признательность директору, исполн. обязан. инспектора, законоучителям и учителям за вполне удовлетворительное во всех отношениях состояние училища.

Окружной инспектор действительный статский советник Н. М. Шульженко ревизовал училище в 1883 и 1884 гг. 24 октября 1888 г. училище осматривал и ревизовал успехи учеников его превосходительство г. попечитель Киевского учебного округа тайный советник В. В. Вельяминов-Зернов в сопровождении окружного инспектора Н. М. Шульженко, присутствовали на торжественном молебне в училищной церкви, происходившем в собрании всех служащих и учеников, а также граждан г. Ровно, по случаю чудесного избавления их императорских величеств и августейших детей от угрожавшей 17 октября 1888 г. опасности на Курско-Харьково-Азовской железной дороге. Для присутствия на окончательных и переводных испытаниях неоднократно были командируемы начальством округа гг. профессора университета св. Владимира: в 1875 г. проф. Ермаков, в 1876 г. проф. Гарнич-Гарницкий, в 1878 г. проф. Алексеев и в 1879 г. проф. Бунге.

Кроме начальствующих лиц округа и гг. профессоров в 1873 г. Ровенское училище ревизовал г. министр народного просвещения граф Дмитрий Андреевич Толстой совместно с попечителем П. А. Антоновичем. Во время своего посещения г. министр рассматривал работы учеников VII класса по рисованию, в VI классе слушал преподавание физики и химии, в V классе присутствовал на уроке геометрии; а в IV классе на уроке алгебры; в I-м отделении II-го класса был на уроке русского языка, в IV классе производил испытания учеников по географии, в VI-м по отечественной истории и во 2-м отделении II-го класса по арифметике; рассматривал работы учеников по рисованию в II-м и III-м классах. Затем обозрел училищную церковь, библиотеки и кабинеты: рисовальный, черчения, физический и естественно-исторический. Высокопоставленные лица других ведомств тоже удостаивали своим посещением Ровенское училище.

В 1880 г. посетил училище преосвященный Виталий, епископ Острожский; в 1882 г. генерал-губернатор Юго-Западного края А. Р. Дрентельн; в 1883 гг. бывший волынский губернатор Томара и член Временного управления казенных железных дорог генерал Богданович; в 1883 и 1884 г. высокопреосвященный Тихон, архиепископ Волынский и Житомирский.

В заключение остается сказать несколько слов о выдающихся событиях в жизни училища. В этом случае говорить много не приходится, потому что жизнь Ровенского училища очень не богата такими событиями: даже торжественные акты, эти обычные праздники школьные, совершались не каждый год. Акты, которые устраивались в нашем училище, обставлены были по возможности хорошо, так что любители отечественного просвещения могли встретить немало интересного. На этих актах обыкновенно читался отчет о состоянии училища, раздавались награды отличным ученикам, хор училищных певчих исполнял несколько № № и одним из преподавателей произносилась речь. В 1880 г. учителем истории и географии А. Н. Коркушко была произнесена речь под заглавием: «Краткий очерк первого двадцатипятилетия царствования императора Александра II». В 1881 г. учителем русского языка Н. Л. Сеферовским – «Характеристика типов романа Тургенева «Новь». В 1883 г. учителем, механики и физики Котляревским «Новейшие открытия в области электричества». В 1888 г. учителем Ф. И. Козловским – «Мотивы нравственных поступков» и учителем того же предмета Г. М. Морачевским – «Воспоминание о торжестве 900-летия крещения киевлян».

Большую пользу для учеников приносили литературные беседы, которые устраивались начиная с 1881 г. Во время этих бесед ученики читали свои сочинения, а во время антрактов ученический хор обыкновенно исполнял несколько песен.

В 1882 г. состоялось литературно-музыкальное утро в воспоминание о Василии Андреевиче Жуковском, по случаю исполнившегося столетия со дня его рождения. Программа

этого утра состояла из 18 номеров, в двух отделениях. В 1 час дня отслужена была в училищной церкви панихида по В. А. Жуковском, пред которой законоучитель священник Барталович сказал слово о Жуковском, «как человеке и христианине». Затем в актовом зале училища, в присутствии педагогического совета, учеников и посторонних лиц прочитаны были речи: а) учителем словесности Н. Л. Сеферовским: «О древнем и новом романтизме, с целью показать историческое значение Жуковского в русской литературе» и б) учениками VI-го класса: Климовичем: «Жизнь и поэзия – одно» и Векслером «О литературных обществах Беседа и Арзамас», а некоторые ученики III и V классов прочли разные баллады Жуковского; при чем ученик V класса Гинс прекрасно продекламировал стихотворение Вейнберга «29 января». Училищный хор и оркестр также принимали участие. В зале, где происходило чествование, установлен был на столе портрет Жуковского, срисованный для этого празднования учеником V класса Носовичем.

21 ноября 1883 г. устроено было для учеников литературно-вокальное утро в воспоминание об Иване Сергеевиче Тургеневе, на котором учитель Сеферовский сделал разбор типов в произведениях Тургенева: «Записки охотника», «Рудин» и «Дворянское гнездо», а ученик VII класса Шальвинский прочел составленную им биографию Тургенева.

6 апреля 1885 г. училище праздновало тысячелетие со дня кончины блаженной памяти св. первоучителей славянских Кирилла и Мефодия. В этот день в училищной церкви совершенно было богослужение, после которого состоялось торжественное собрание в актовой зале, где учителем русского языка и словесности Яворским была произнесена речь «О значении просветительной деятельности святых Кирилла и Мефодия для русских славян», а ученическим хором исполнен гимн «Боже, Царя храни!».

Но самыми радостными днями для Ровенского училища были: 19 февраля 1880 г. день 25-летнего юбилея царствования императора Александра II, празднование коронации в 1883 г. их императорских величеств, ныне благополучно царствующих, 20 августа 1885 г., и 2 октября 1888 г., дни проезда их величеств через г. Ровно.

19 февраля 1880 г., после литургии и молебствия, служащие и учащиеся в Ровенском реальном училище, составив Всеподданнейший адрес августейшему юбиляру с выражением верноподданнейших чувств, постановили ознаменовать этот радостный день добровольными пожертвованиями на учреждение при Ровенском училище стипендии, в память двадцатипятилетия царствования императора Александра II. В этот день вечером весь город был иллюминован, а особенно роскошно было иллюминовано училище.

16 и 17 мая 1883 г., по случаю совершившегося 15 мая священного коронования их императорских величеств, ученики, по распоряжению г. министра народного просвещения, были освобождены от занятий, а педагогический совет, желая запечатлеть в сердцах воспитывающегося юношества этот знаменательный день, устроил в училищном саду для всех учеников гулянье с военной музыкой и угощением.

В саду развлекались танцами, вновь приобретенными училищем туманными картинами, по преимуществу исторического содержания, и пением училищного хора певчих; а в заключение гулянья был сожжен пред главным зданием блистательный фейерверк.

20 августа 1885 г. и 2 сентября 1888 г. штат служащих училища и воспитанники имели счастье встречать и приветствовать их императорских величеств государя императора, государыню императрицу и его высочество государя наследника на Ровенском вокзале. При чем ученическим хором исполнен был гимн «Боже, Царя храни»!

С преобразованием Ровенской реальной гимназии в реальное училище, потребовалось значительное расширение сообразно с нуждами этого заведения кабинетов: физического, естественно-исторического и рисовального, а особенно химической лаборатории.

До открытия химико-технического отделения VII класса, химическая лаборатория по возможности удовлетворяла потребностям преподавания химии, но с открытием этого отделения и по недостатку приспособлений для практических занятий, преподавание химии сделалась почти невозможным. Этот недостаток был замечен и г. министром народного просвещения во время его ревизии. Единственным средством привести химическую лабораторию в соответствующее ее назначению состояние была постройка для нее отдельного здания. По предложению г. попечителя, учителем химии Игнатовичем-Завилейским был

оставлен план для предполагавшегося здания, для каковой цели Министерством народного просвещения ассигнована была сумма в 12,889 руб. 83½ коп. Постройка каменного здания лаборатории отдана была по контракту подрядчику за 10,500 руб., но так как при постройке оказалось, что рвы для фундамента пришлось рыть не на 1½ аршина глубины, как предполагалось по смете, а на 3 аршина, то подрядчику пришлось доплатить еще 332 руб. 65 коп. из специальных средств училища.

Каменные работы по постройке лаборатории окончены были к 1-му августа 1875 г., а к августу следующего года здание было совершенно готово. На приобретение важнейших приборов для лаборатории, посуды и реактивов единовременно было ассигновано 1500 руб.

После таких значительных затрат лаборатория училища приведена в надлежащее состояние и преподавание химии было обставлено вполне хорошо.

Другие учебные пособия, кабинеты и библиотеки пополнялись постепенно новыми приобретениями, так что в настоящее время училище снабжено всеми необходимыми учебными пособиями в достаточном количестве. По отчету 1888 г.:

1) в фундаментальной библиотеке числится книг: названий – 5864, томов – 13722,
2) в ученической: названий – 293, томов – 680;
3) в физическом кабинете приборов – 247;
4) в механическом – 89;
5) в геодезическом – 42; в естественноисторическом – 382 предмета;
6) в химической лаборатории – 1277 предметов.

Учебных пособий:

1) по черчению и рисованию – 616;
2) по истории и географии – 235;
3) по моделированию – 84;
4) по технологии и строительному искусству – 11,
5) по пению и музыке –19.

Средства содержания училища в последний период, как и в предыдущие, состояли из суммы, ежегодно ассигнуемой из Государственного казначейства и из сбора за учение. Штатная сумма не всегда была одинакова: увеличиваясь и уменьшаясь, но мере увеличения и уменьшения потребностей училища, в 1873 г. штатная сумма составляла 23923 руб. 50 коп., в 1874, 1875, 1877 и 1878 гг. – 30257 руб. 40 коп., в 1876, 1879, 1880 гг. –29877 руб. 40 коп.; в 1881, 1882, 1883, 1884, 1885 и 1886 гг. – 29583 руб. 40 коп.; в 1887 г.–26229 р. 40 коп. и в 1888 г. – 22899 руб. 40 коп.

Сумма, составлявшаяся из сбора за учение, постоянно увеличивалась; это увеличение зависело как от увеличения числа учеников, так и от возвышения платы за учение. В 1873 г., при плате по 20 руб., всего собрано было за учение 3900 руб.; в 1879 г., при плате по 25 руб.– 8425 руб.; в 1881 г. при плате по 32 руб.– 9827 руб. 50 коп.; в 1882 г. при плате по 40 руб.,– 12044 руб. и в 1888 г., при плате по 50 руб.,–12143 р. 51 коп.

Постепенное увеличение платы за учение вызывалось значительными расходами на содержание параллельных отделений, которые в Ровенском училище существуют на специальные средства. На основании высочайше утвержденного 9 июня 1888 г. мнения Государственного совета, состоявшегося вследствие представления г. министра народного просвещения, сделаны очень существенные изменения в уставе реальных училищ 1872 г. Эти изменения коснулись как общих положений устава 1872 г., так равно и учебной части.

Все реальные училища по новому положению должны состоять из шести классов, в то время как по уставу 1872 г. реальные училища, смотря по местным условиям, могли быть шестиклассные, пятиклассные, четырехклассные, трехклассные и даже двухклассные; из трех отделений VII-го дополнительного класса удержано одно только общее отделение сверх этого при реальных училищах могут быть открываемы приготовительные классы, где содержание их окажется возможным по имеющимся средствам. Относительно учебной части изменения коснулись распределения предметов по классам и числа уроков по каждому предмету, а также предметы: химия, механика и начертательная геометрия исключены из курса училищ.

РЕПОЗИТОРИЙ НУВГП

АКТ
заключенный кн. Фридрихом Осиповичем Любомирским с правлением университета св. Владимира

1835 года Ноября 23 дня в г. Киеве. Правление императорского университета св. Владимира с князем Фридрихом Осиповичем Любомирским (действующим, чрез уполномоченного от себя сего же года минувшего октября 3 числа в Ровенском уездном суде, дворянина Даниила Иванова сына Рошьке) заключает сделку следующего содержания:

Князь Фридрих Осипович Любомирский, при настоящем новом устройстве училищ по Волынской губернии, желая со своей стороны соответствовать благонамеренным видам правительства и определить постоянное навсегда помещение Луцкой гимназии, временно состоящей ныне в м. Клеване, предполагает для сего уездный город Ровно, коего он есть вотчинник, и ежели правительству благоугодно будет перевод означенной гимназии навсегда в г. Ровно привести в действие, в таком случае князь Любомирский приносит единственно для гимназии в г. Ровне, следующие пожертвования:

1) Из земли в г. Ровне показанной на плане того ж города (составленном в 1797 году марта 19 архитектором Буршнионом[1] в округ нумерами 22, 23, 16, 34, 17 и 22, князь Любомирский жертвует, место с садом, ограниченное от севера дорогою идущею из г. Ровно на каменный мост и прилежащею к пруду, от Востока и Юга каналами, от Запада прямою линиею параллельною от упомянутой межи восточной, то есть от восточнаго канала, как значится и на месте 1 под литерою **А**., в выкопировке из плана г. Ровна, составленной г. профессором архитектуры Меховичем октября 28 дня сего 1835-го года. Сие жертвуемое князем Любомирмирским место содержит в себе пространством две десятины.

2) Место на котором построена и каменная оранжерея, значащееся по упомянутому плану 1797 года под № 13 и смежное оному другое место, значащееся по тому ж плану под № 28, на котором находится цветник, из коих первое северною своею стороною приложить к дороге идущей из города на выше упомянутый каменный мост, и южною и западною к сказанному цветнику, который северною стороною прилежит по большой части к оранжерее, а отчасти к той же дороге и прикасается к каменному мосту, западною же стороною прилежит к каналу и есть в форме клина. По выше упомянутой выкопировке из плана, сии места означены, а именно: место под оранжерею, розовою краскою и литерою **В**, место же под цветником голубою краскою,– и оба сии же места заключают в себе пространством 433 квадратных сажня.

3) Место, значущееся по упомянутому плану 1797 года под названием Петриковской, на котором ныне имеется дом, из Прусского муру называющийся домом Крживицкого, с флигелем, складом для дров, конюшнею, сараем и с садом содержащим пространством 1380 квадратных сажней – все же место, на котором находятся означенные дома, флигель, хозяйственные строения и сад, заключает в себе пространством 1945 квадратных сажней, лежит южною стороною напротив вышесказанной оранжереи и прилегает северною стороною к улице, идущей от дороги к пруду, от востока и юга к дороге идущей из города на каменный мост, от запада к пруду. По вышеупомянутой выкопировке из плана, означенное

[1] В тексті зустрічаються різночитання прізвища архітектора. Див. примітку на с. 22.

место показано голубою краскою и литерами, а именно: дом Крживицкого литерою **C.** при нем флигель литерою **D**, склад для дров., литерою **E**, конюшня и сарай литерою **F**.

4) Над дорогою идущею из г. Ровно на каменный мост, вблизи вышесказанного называемого оранжереею и с восточной ея стороны, имеется строение на конюшни и сарай показанное на плане 1797 года розовою краскою, а на вышесказанной выкопировке из плана, назначенное литерою **D**, место на котором сие строение находится, с местом отделяющим оное ж строение от оранжереи, и с местом в зади сего же строения находящимся, содержать в себе пространством вообще 59 квадратных сажней.

5) В небольшом расстоянии от выше показанных под литерою **D** сараев и конюшен с восточной стороны сих последних находится дом из прусского муру, на плане 1797 года не показанный, а на выкопировке из плана значущийся под литерою **H**, место под сим домом находящееся, с местом лежащим позади сего же содержит в себе пространством вообще 63 квадратных сажня.

Сверх вышеописанных (по местоположению, пространству и границам) мест которые вместе с находящимися на оном зданиями домами, строениями и садом князь Фридрих Осипович Любомирский жертвует навсегда гимназии, в том единственном случае, если она из м. Клеваня переведена будет в г. Ровно навсегда, в семь же самом случае князь Любомирский принимает на себя обязанность произвести на собственный свой счет новые постройки и поделки, а также перестройки и починку по порядку и описанию следующему:

На первом из вышепоказанных месть обязуется соорудить здание каменное двухэтажное, по плану и фасаду составленному г. архитектором Буршнионом рассмотренному от сего 1835 года октября 28 дня г. профессором архитектуры Меховичем (лист. 2 литера **A**).

В сем здании сообразно тому же плану и фасаду, также таблице покрывающей размещение зал, классов и квартир учителей Ровенской гимназии составленной же г. Меховичем 28 октября года, должны быть: сборная торжественная зала, десять классов, библиотека, книжный магазин, физический кабинет, инспекторская, сторожевая и запасная комната.

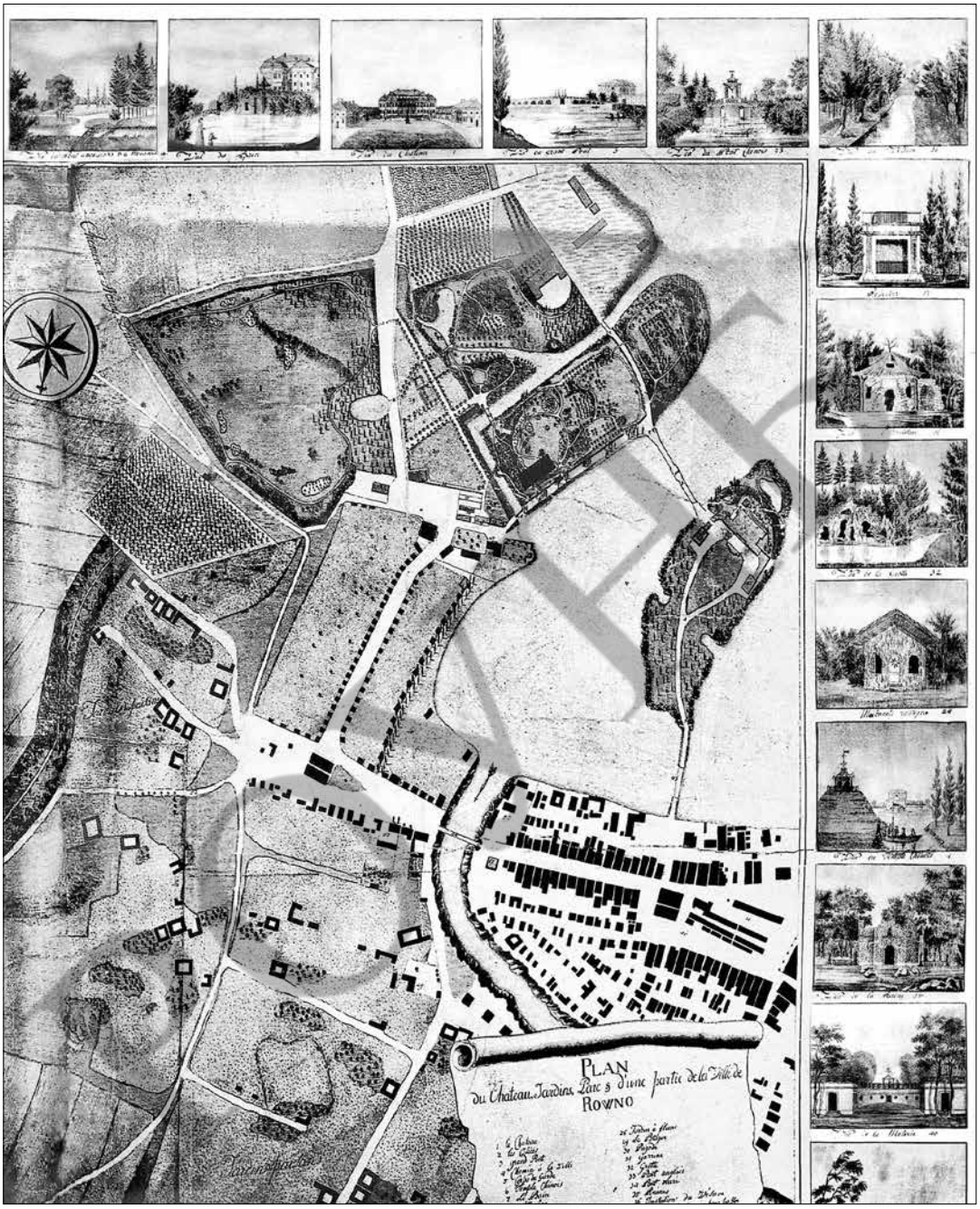
Для фундаментов сего главного здания, рвы должны быть рыты до самого материка земли, а если бы оказалась вода, то фундамент имеет быть кладен на палях дубовых, или ольховых, из камня твердого не ноздреватого толщиною в 1¾ аршина, нижний этаж толщиною в 3 кирпича или 18 вершков, а верхний толщиною в 2½ кирпича или в 15 вершков должно строить из прочного выжженного кирпича. Известь к постройке имеет быть меловая, в пропорциональной смеси с песком. Крыша должна быть из выжженной, жолобчатой черепицы, укладываема на извести. Стропилы и весь лес должен иметь толщину означенную в урочных положениях 1832 г.

Двери створчатыя столярной хорошей работы, выкрашенные на масле жемчужным цветом. К дверям и окнам закладныя рамы, и оконные переплеты должны быть дубовые. выкрашенные на масле таким же цветом. Окна двойныя, одни, створчатыя, другия на зиму одинокия из белого чистого стекла с форточками или вентиляторами. Приборы к дверям должны быть, а именно: к створчатым внутренним замки врезные. Петли коленчатыя и задвижки; к одиноким – замки коробчатые, крючки, петли на крюках железные. К фронтовым дверям замки лапчатые и крючки железные; приборы же к окнам к створчатым – петли коленчатыя, задвижки и костели железные; к одиноким петли на крюках и крючки железные.

Потолки гипсом выштукатуренные; полы из сухих досок, гладкие в закладки уложенные и выкрашенные масляною краскою, тоже ставни к окнам в нижнем этаже и оным порядочная оковка.

Печи голландские прочной хорошей работы, выштукатуренные и выбеленные с кирпичными люфтами, с вьюшками чугунными. С дверцами топочными и трубными железными; печи пекарские и очаги из кирпича, штукатурка здания и побелка оного снаружи и внутри должны быть учинены хорошею известью.

Означенное главное гимназическое здание должно быть обнесено с фронту, то есть с северной стороны от дороги, деревянным из пиленных досок забором, выкрашенным дикою краскою и воротами, и калитками хорошей плотничной работы. Такою же краскою выкрашенными – с восточной же стороны иметь будет дубовый частокол, прикрытый



План міста Рівного, укладений Ж.Я. Бургіньйоном. 1797 р.
РДІА. – Ф. 733. – Оп. 96. – Спр. 71. – Арк. 1.

платвами, без окраски. Здание же гимназическое от гимназического сада должно быть отделено сосновым частоколом с воротами и калитками равномерно без окраски. Словом вся постройка означенного здания и при нем ограда должны соответствовать назначению оного и городской благовидности.

Постройка сказанного главного здания, штукатурка оного и побелка внутри, а также постройка выше прописанной ограды должны быть кончены в течении двух лет, считая со дня формального объявления князю Любомирскому о утверждении перевода Луцкой гимназии в вотчинной его город Ровно навсегда. Внешняя же штукатурка и побелка того ж здания должны бить производимы и окончаемы в течении третьего года для охранения здания от сырости.

В течении первых же двух лет производства постройки главного здания, князь Любомирский обязуется также произвести на собственный свой счет поделку училищной мебели, как то: скамей, сколько их надобно будет, из сухих досок, прочных, темнозеленою масляною краскою выкрашенных, столярной работы, которые имеют быть построены по форме, какая дана будет училищным начальством; досок черных вывешенных на стене по одной в каждом классе; – столиков черною масляною краскою выкрашенных, с ящиками и при замках с кафедрою в каждом классе и по два кресла, такою же краскою выкрашенных, вымощенных шерстью и обтянутых новою черною кожею, да сверх того на постройку прочей гимназической же мебели, как то: одного большого стола и двух столиков, а также 12 кресел в торжественную залу; одного столика и двух кресел, а также одного шкафа в физическом кабинете; одного стола, двух больших кресел и большого шкафа в библиотеку; одного стола, двух столиков, шести кресел и одного шкафа в директорскую канцелярию; одного столика и двух кресел в инспекторскую комнату. Князь Любомирский по требованию гимназии не откажет дать оной единожды нужное количество пиленых досок безвозмездно.

На втором из вышеописанных пожертвованных мест князь Любомирский обязуется на собственный свой счет перестроить оранжерею (коей фасад показан на 4 листе лит. **В**.) по плану (3 лит. **В**.) рассмотренному г. профессором архитектуры Меховичем, минувшего октября 28 числа, так, чтобы в сем здании иметь могли выгодные помещения директор гимназии, его канцелярия и письмоводитель. четыре старшие учителя и один младший, учитель сообразно размещению учиненному г. Меховичем на том же плане и на вышеупомянутой таблице, показывающей размещение в каменном доме, из оранжереи пере деланном под лит. **В.**, и в таковой перестройке и переделке имеет особенно в виду, чтобы стены сего здания были крепки и прочны и сохраняли бы теплоту; печи, очага, двери, окна, ставни, стекло, оковка, потолки, полы, а также штукатурка и побелка должны быть такие точно и такой же доброты, как выше сего определены и назначены для главного гимназического корпуса, кроме только выкраски полов масляною краскою, которой в сем из оранжереи переделанном здании не будет. Крыша на нем имеет быть гонтинная – вообще же означенная перестройка и переделка оранжереи должна быть учинена по сказанному плану н соответственно упомянутому назначению оной, дабы выгодное могло быть помещение в оном, ограда сего здания должна быть из соснового частокола прикрытого платвою, а из фронту забор из пиленных досок, выкрашенных под дикий цвет с воротами и калитками такою краскою выкрашенными.

На третьем месте, князь Любомирский принимает на себя обязанность на собственный свой счет в доме Крживицкого сделать такие перестройки, поделки и починки, (какие показаны по плану и фасаду лист 5 лит. **С**.) рассмотренному г. профессором Меховичем минувшего октября 28 дня, дабы в сем доме, согласно размещению значащемуся как потому-же плану, так и по вышеупомянутой таблице размещений под лит. **L**, выгодно помещаться могли два старшие учителя и один младший, в особенности же двери, окна, ставни, потолки, полы, печи, штукатурка и побелка должны быть в сем доме построены поделены порядочно, прочно и благовидно.

Сверх того обязывается таким же образом переделать имеющийся при доме Крживицкого флигель для помещения в оном одного младшего учителя, а также склад для дров, сараи, и конюшни починить исправно, прочно и благовидно, все-же означенное

место и отделение строений от имеющегося на оном сада обнести дубовым частоколом, покрытым платвою с личными и благовидными воротами и калитками.

На четвертом месте, где находятся ныне конюшни и сарай показаные на выкопировке из плана и в таблице размещеный под лит. **G.**, князь Любомирский обязуется сии строения надлежаще починить, обнести оные частоколом, а с фронту досчатым дикою краскою выкрашенным забором, соединить сей носледний с забором, который по вышеизложенному построен будет при гимназическом здании, переделаться имеющем из оранжереи, и все то отдать во владение гимназии в совершенной исправности и благовидности.

На пятом месте, где имиется дом с Прусского муру, не показанный на подлином плане 1797 года но значащийся на выкопировке из плана и в таблице размещений под лит **H**., князь Любомирский, для помещения в сем доме двух надзирателей, произведет в оном на свой счет нужные починки и переделки как внешние так и внутренние соответственно плану и фасаду показанным на особом листе 6 лит. **H**., и сдает сей-же дом во владение гимназии в совершенной исправности и благовидности с обнесением оного частоколом, покрытым платвою и с фронту досчатым забором, соединенным с таковым-же составляющим ограду конюшни и сарая, показаных выше сего на четвертом месте; — и с постройкою нужных к тому ворот и калиток выкрашенных равно как и самый забор, под дикую краску.

Сверх того поелику в г. Ровно имеется каменный дом, построенный над дорогою идущею из города на каменный мост, напротив вышеупомянутого дома Крживицкого, отведенный князем Любомирским по обязательству особой записи под помещение тамошнего приходского училища, сей-же дом будучи довольно обширен и имея на другом этаже две комнаты, выгодно помещать может сверх приходского училища и учителя оного, еще одного старшего учителя гимназии и учителеля рисования, то князь Любомирский предоставляетет училищному начальству сделать в пользу Ровенской гимназии таковое употребление оного дома с находящимися при оном сараями и конюшнями, а также с местом при них и под ними содержащим в себе пространством всего 215 квадратных сажней.

Означенный дом показан на плане 1797 года черною краскою, на выкопировке-же из плана из таблицы размещений лит. **Y.,** а конюшни и сараи при оном лит. **K**.– план, и фасад сему дому, показанный на особом 7 листе лит. **Y**. рассматриваемы были минувшего октября 28 числа г. профессором архитектуры Меховичем. И по оным князь Любомирский обязуется в том доме сделать переделки и починки соответственные вышепоказанному того дома назначению, в особенности крыша, двери, окна, ставни, потолки, полы, печи, штукатурка и побелка должны быть поделаны в сем доме порядочно, прочно и благовидно, таким-же образом должна быть произведена починка находящихся при том доме сарая и конюшни, а все вышеописанное при том доме место должно иметь приличную ограду, то есть от дороги или с фронту деревянную выкрашенную решетку, с соответственными оной воротами и калиткою и с прочих сторон частокол.

Учителю Закона Божия римско-католического исповедания в Ровенской гимназии, князь Любомирский обязуется отвести безмездно выгодную квартиру у Ровенского католического пробоща. Учителю-же Закона Божия грекороссийского исповедания квартиры не назначает в предположении, что сим учителем определен будет тамошний священник, имеющий собственный свой дом и потому не требующий ни квартиры, ниже на оную квартирных денег,– но если бы сим учителем определен был священник не имеющий в г. Ровно своего дома или-же прихода, в таком случае – князь Любомирский обязуется отвести ему безмездно приличную квартиру и таковою-ж снабдить бухгалтера гимназии, ежели при оной определен будет сей чиновник.

Единовременную постройку каменного тротуара с тумбами при главном новом гимназическом здании, а также всегдашние постройки и починку каменного моста на канале и дороги, при всех вышесказанных гимназических местах князь Любомирский принимает на себя, равным образом починка и очищение, буде нужно, самых каналов к Ровенской гимназии и вообще к училищному ведомству относиться не будет.

Все вышепоясненные постройки, поделки и дочинки в зданиях, домах, строениях: ограде, тротуаре и прочие, должны быть кончены непременно в течение двух лет начиная со дня объявления князю Любомирскому о согласии правительства на перевод

Луцкой гимназии в г. Ровне, на всегда и после сдачи всех означенный мест, зданий, домов, строений, садов и всего прочего жертвуемого князем Любомирским в надлежащей исправности Ровенской гимназии, оная-же гимназия иметь будет полное право владеть и распоряжаться всем тем, как своею собстенностью, в свою пользу с ведома и дозволения училищного ее начальства.

При производстве вышепоказанных работ князь Любомирский обязуется приглашат чнновников, которые назначены будут училищным начальством при закладке фундаментов главного гимназического здания. При окончании постройки нижнего того ж здания этажа, при окончании перестроек, переделок, починок и поделок, дабы от сих чиновников получить мог совет и освидетельствование в работах и материалах и в том квитанцию.

При всех вышепоясненных пожертвованиях князь Любомирский предостерегает только, чтобы учители и чиновники Ровенской гимназии и вообще все лица училищного ведомства подлежали питейным уставам, какие Ровенскою экономиею князя Любомирского предписаны будут вообще для жителей г. Ровно, строгостью законного взыскания.

Со своей стороны правление университета принимает на себя ходатайство у высшего начальства, чтобы по истечении трех лет Луцкая гимназия переведена была из м. Клеваня навсегда в город Ровно, но действительная сила сей сделки и действие по оной начисто не прежде, как со дня утверждения сей-же сделки высшым училищным начальством и по воспосдедовании такого утверждения, князь Фридрих Осипович Любомирский, за получением о том уведомления безотлогательно приступил к приведению оной в действие, и в течение трех лет исполнил надлежаще все то, к чему он обязался настоящею сделкою, в случае же неисполнения им в течение трех лет означенных принятых добровольно обязанностей, оный-же князь Любомирский должен будет заплатить в пользу Луцкой гимназии штрафа 20 т[ысяч] рублей ассигннац. С предоставлением той-же гимназии полной свободы иметь свое помещение в том же городе или местечке, которые для временного и всегдашнего существования оной указаны будут правительством.

Что-же сия сделка договаривающимися сторонами хранима будет свято и ненарушимо во всей оной силе и действии, в том сии стороны уверяют собственноручными своими подписями, как сей сделки, так и составляющих основание и объяснение оно и всех вышеупомянутых планов, фасадов и таблицы размещений,– с присовокуплением при том в настоящей сделке, что она совершается на простой бумаге и никакие пошлины с сей сделки взыскиваться на будут на основании Свода законов тома 5-го о пошл. ст. 127 и 344, а также § 291 высочайшего устава гимназий и училищ 1828 года декабря 8 дня распространенного высочайшим указом 1834 года июля 5 дня и на гимназии и училища Киевского учебного округа.

РОВНО

СПИСОК
чиновников и преподавателей Луцкой, Клеванской и Ровенской гимназий и Ровенского реального училища с 1832 г. по 1889 г.

№	Почетные попечители	Время назначения	Время выхода
1)	Скибицкий	1833	1835
2)	Прушинский Мечислав Эразмович	1835	1838
3)	Каменский	1838	1841
4)	Порчинский Виталис Дмитриевич	1841	1847
5)	Валевский Юлиан Каспарович	1853	1856
6)	Краевский Николай Викентьевич	1856	1859
7)	Князь Любомирский Казимир Фридрихович	1859	

№	Директора	Время назначения	Время выхода
1)	Кулжинский Иван Григорьевич	1832	1839
2)	Фавицкий Гавриил Михайлович	1839	1841
3)	Аврамов Петр Осипович	1841	1848
4)	Траутереттер Гуго Эрнестович	1848	1853
5)	Росковшенко Иван Васильевич	1853	1855
6)	Туманов Александр Дмитриевич	1855	1860
7)	Теодорович Автоном Григорьевич	1861	1863
8)	Герасименко Георгий Игнатьевич	1863	1867
9)	Кривоносов Александр Александрович	1867	1870
10)	Сущевский Яков Степанович	1870	1879
11)	Дзюблевский-Дзюбенко Иван Федоровович	1879	1885
12)	Павлов Михаил Михайлович	1885	1887
13)	Голдерекер Александр Яковлевич	1887	

№	Инспектора	Время назначения	Время выхода
1)	Рудаковский Платон Осипович	1832	1833
2)	Кульчицкий Дмитрий Андреевич	1833	1836
3)	Науменко Павел Осипович	1836	1848
4)	Туманов Александр Дмитриевич	1848	1855
5)	Каленко Петр Дмитриевич	1855	1863
6)	Сущевский Яков Степанович	1864	1870
7)	Юшков Николай Евгеньевич	1871	1878
8)	Вергун Матвей Михайлович	1879	1881
9)	Гольдерекер Александр Яковлевич	1881	1881
10)	Лепс Иван Андреевич	1881	1883
11)	Кошевой Василий Василевич	1883	1883
12)	Волкобой Иван Трофимович	1883	1888
13)	Тимофеев Георгий Иванович	1888	

РОУНБ

№	Законоучители	Время назначения	Время выхода
	а) Православного исповедания		
1)	Лотоцкий Афанасий Лукич	1833	1844
2)	Омелянский Венидикт Фомич	1844	1859
3)	Клюковский Даниил Григорьевич	1860	1876
		по найму по 13 ноября	1879
4)	Барталович Иван Константинович	1879	1883
5)	Подмешальский Матвей Иванович	1883	1888
6)	Терлецкий Константин Петрович	1888	
	б) Римско-католического исповедания		
1)	Варховский Иосиф Данилович	1832	1838
2)	Мороз Станислав	1839	1839
3)	Подлевский Петр Иакимович	1839	1856
4)	Тваровский Иосиф Игнатьевич	1856	1861
5)	Яницкий Иван Игнатьевич	1861	1863
6)	Хащинский Казимир Яковлевич	1864	1869
7)	Эйсмонт Леопольд Феликсович	1869	1870
8)	Хрусановский Болеслав Иосифович	1870	1876
9)	Баевский Антон Александрович	1876	1881
10)	Каменский Павел Иосифович	1881	1882
11)	Белостоцкий Ричард Владиславович	1882	1887
12)	Ляхович Владислав Феликсович	1888	

№	Преподаватели русского языка	Время назначения	Время выхода
1)	Морачевский Филипп Степанович	1832	1835
2)	Калиновский Иван Яковлевич	1833	1835
3)	Науменко Павел Осипович	1835	1836
4)	Смольянов Никифор Иванович	1835	1840
5)	Гриневский	1836	1837
6)	Шедровский Семен	1837	1839
7)	Стеблин-Каменский Михаил	1839	1840
8)	Шастов Николай Акимович	1840	1847
9)	Николаевский Алексей Андрианович	1841	1843
10)	Тихомиров Иван Тихонович	1843	1851
11)	Невгадов Иван Яковлевич	1840	1849
12)	Белобров	1847	1848
13)	Гриневский Тимофей Никитич	1849	1853
14)	Епифанович Иван Петрович	1849	1862
15)	Солтановский Автоном Иоакимович	1851	1864
16)	Коленко Иван Васильевич	1853	1863
17)	Егоров Максим Васильевич	1862	1869
18)	Слуцкий Николай Макарович	1863	1864
19)	Андриевский Митрофан Александрович	1864	1868
20)	Корнаковский Харитон Григорьевич	1865	1867

РОУНБ

21)	Тимошевский Григорий Иванович	1870	1871
22)	Авдиев Вениамин Васильевич	1869	1870
23)	Гриневич Василий Семенович	1872	1873
24)	Понятовский Николай	1872	1872
25)	Сеферовский Николай Лукич	1873	1884
26)	Черногор Степан Андреевич	1881	1883
27)	Колобановский Константин Петрович	1884	1885
28)	Яворский Александр Михайлович	1884	1885
29)	Морачевский Григорий Михайлович	1885	
30)	Козловский Федор Иванович	1885	

№	Латинского языка	Время назначения	Время выхода
1)	Турович Иван Михайлович	1832	1839
2)	Круковский Иосиф Антонович	1836	1843
3)	Якутович Дионисий Адамович	1832	1838
4)	Михальский	1838	1839
5)	Славутинский Николай Иванович	1839	1850
6)	Епифанович Иван Петрович	1839	1849
7)	Чуйкевич Петр Емельянович	1843	1846
8)	Даутер Людвик Иванович	1846	1853
9)	Чуйкевич	1853	1854
10)	Ределин	1854	1855
11)	Видута-Стоцкий Павел Петрович	1855	1862
12)	Епифанович	1862	1863
13)	Дрогомирецкий Феофан Павлович	1864	1868
14)	Мушинский Гавриил Антонович	1865	1866

№	Математики	Время назначения	Время выхода
1)	Зборжевский Адальберт Яковлевич	1832	1839
2)	Шумский Иосиф Фомич	1832	1834
3)	Вешеневский Стефан Станиславович	1834	1838
4)	Куликовский Франц Антонович	1836	1844
5)	Рогович	1838	1838
6)	Ленчевский	1838	1839
7)	Савин Николай Иванович	1839	1849
8)	Полухтович Казимир Самойлович	1839	1843
9)	Яновский Кирилл Петрович	1843	1851
10)	Гречнов Александр Андреевич	1851	1853
11)	Коленко Петр Дмитриевич	1849	1855
12)	Суворов Иван Васильевич	1853	1862
13)	Палиенко Иван Степанович	1855	1856
14)	Гвайта Иван Павлович	1853	1859
15)	Скальский Грациан Иванович	1859	1865
16)	Петров Семен Григорьевич	1844	1848
17)	Пионтковский Николай Иванович	1848	1849

РОУНБ

18)	Чугаевич Петр Александрович	1850	1852
19)	Венерт Владимир Федорович	1856	1865
20)	Корнилов Михаил Гаврилович	1865	1866
21)	Петров Алексей Васильевич	1866	1869
22)	Цисс Иван Данилович	1865	1883
	по найму		1884
23)	Ланицкий Леонид Васильевич	1862	1865
24)	Хмелевский Анатолий Семенович	1865	1873
25)	Органов Михаил Николаевич	1876	1881
26)	Котляревский Николай Владимирович	1882	1884
27)	Гутковский Юлиан Георгиевич	1884	
28)	Свенцицкий Иосиф Иванович	1884	1886
29)	Пантелеймонов Петр Николаевич	1885	
30)	Врублевский Яков Осипович	1886	

№	Механики	Время назначения	Время выхода
1)	Тетерев Петр Михайлович	1873	1876
2)	Дубенецкий Иосиф Матвеевич	1876	

№	Истории	Время назначения	Время выхода
1)	Попов Николай Никитич	1832	1838
2)	Кончаковский Иван Григоревич	1837	1844
3)	Нагула Емельян	1838	1840
4)	Смысловский Павел Яковлевич	1840	1844
5)	Малавский Евгений Касьянович	1844	1849
6)	Кустов Николай Панкратьевич	1844	1845
7)	Костомаров Николай Иванович	1844	1845
8)	Кулиш Пантелеймон Александрович	1845	1846
9)	Юскевич Венедикт Дмитриевич	1846	1860
10)	Солтановский	1849	1851
11)	Нехаевский	1851	1851
12)	Зражевский Николай Кузьмич	1851	1862
13)	Трафимов Игнатий Петрович	1862	1866
14)	Константинович Николай Александрович	1865	1865
15)	Андрузский Владимир Львович	1866	1872

№	Истории и географии	Время назначения	Время выхода
1)	Андрузский Владимир Львович	1866	1872
2)	Коркушко Александр Николаевич	1872	1884
3)	Волкобой Иван Трофимович	1884	1888
4)	Мальченко Василий Андреевич	1887	1887
5)	Лисицкий Никанор Петрович	1887	1888
6)	Анципо-Чикунский Анатолий Антонович	1888	

РОУНБ

№	Географии	Время назначения	Время выхода
1)	Семяновский Иван Степанович	1836	1837
2)	Гриневский Тимофей Никитич	1837	1849
3)	Соханский Феодор Петрович	1849	1854
4)	Петров Николай Михайлович	1854	1856
5)	Андрущенко Александр Трофимов.	1856	1862
6)	Самарский Николай Иванович	1864	1868

№	Законоведения	Время назначения	Время выхода
1)	Невгадов Иван Яковлевич	1849	1865

№	Немецкого языка	Время назначения	Время выхода
1)	Михальский Иосиф Францович	1832	1838
2)	Цеглярский Тит	1838	1839
3)	Бартерман Яков Фридрихович	1839	1843
4)	Баландин Константин Степанович	1843	1856
5)	Виттенбург Карл Иванович	1844	1852
6)	Фанц Карл Яковлевич	1856	1869
7)	Ределин Карл Иванович	1852	1854
8)	Дихеус Эдуард Александрович	1854	1862
9)	Лабсри Август Степанович	1862	1864
10)	Грейдрих Эмилий Карлович	1864	1865
11)	Тенцлер Карл Фридрихович	1865	1866
12)	Ланг Антон Францович	1866	
13)	Хомин Антон Георгиевич	1870	1874
14)	Глокке Карл Федорович	1868	1870
15)	Гоффман Эрнест Вениаминович	1874	1880
16)	Бельдау Карл Андреевич	1880	1880
17)	Адлер Август Осипович	1880	
18)	Таурке Карл Людвикович	1887	

№	Французского языка	Время назначения	Время выхода
1)	Мадейский Осип Осипович	1832	1838
2)	Грасс Варфоломей	1838	1840
3)	Бони Франц Яковлевич	1840	1845
4)	Лемп Иван Артурович	1845	1873
5)	Брейер Иосиф Ангельбертович	1838	1843
6)	Баландин Константин Степанович	1843	1853
7)	Кустов Николай Панкратьевич	1853	1859
8)	Гордзиевский Аполлон Антонович	1855	1858
9)	Вронский Иван Францович	1859	1866
10)	Ленс Александр Николаевич	1866	1866
11)	Руже Иван Иванович	1866	1869

РОУНБ

12)	Клясс Карл Иванович	1856	1882
13)	Марксер Иосиф Антонович	1880	

№	Естественных наук	Время назначения	Время выхода
1)	Тышецкий Адам Казимирович	1861	1863
2)	Черкасов Виктор Николаевич	1863	1868
3)	Игнатович-Завилейский Владимир Васильевич	1868	1874
4)	Булах Михаил Филимонович	1869	1869
5)	Комаров Александр Феодорович	1870	1876
6)	Цемш Иван Дмитриевич	1874	1876
7)	Хоменко Михаил Васильевич	1876	1879
8)	Тимофеев Георгий Иванович	1877	
9)	Завистовский Степан Львович	1879	

№	Коммерческих наук	Время назначения	Время выхода
1)	Василевский Исидор Александрович	1875	1881
2)	Васильев-Яковлев Николай Павлович	1881	1883

№	Преподаватели польского языка	Время назначения	Время выхода
1)	Дубецкий Марьян Людвигович	1860	1861
2)	Градецкий Клементий Федорович	1861	1864

№	Чистописания и рисования	Время назначения	Время выхода
1)	Павловский Филипп Михайлович	1832	1841
2)	Щербацкий Иван Демьянович	1842	1843
3)	Зайцев Павел Григорьевич	1843	1847
4)	Васьков Иван Андреевич	1850	1854
5)	Макаров Владимир Николаевич	1854	1858
6)	Глинский Карл Иосифович	1858	1863
7)	Стахорский Андрей Тимофеевич	1863	1884
8)	Рябов Александр Игнатьевич	1879	
9)	Осмоловский	1884	1884
10)	Щеглов	1884	
11)	Навроцкий Степан Семенович	1884	
12)	Павровский Святослав Осипович		

№	Врачи	Время назначения	Время выхода
1)	Петриковский Семен Иванович	1837	1839
2)	Богуцкий Генрих Осипович	1839	
3)	Ландсберг Леопольд Давидович	1862	1871
4)	Погоновский Николай Антонович	1871	
5)	*Фотмейстер Эрнст Аркадьевич**	*1896 1 апр.*	

РОУНБ

№	Надзиратели и помощники классных наставников	Время назначения	Время выхода
1)	Кастро Эдуард	1838	
2)	Свернев Алексей Иванович		
3)	Марунич Василий Трофимович	1839	
4)	Метельский Григорий Захарьевич		
5)	Карнаковский Харитон Григорьевич	1840	1865
6)	Павловский Андрей Степанович	1840	
7)	Бродович Василий Климентьевич		
8)	Пухальский Степан Иванович	1849	
9)	Казанцев Яков Александров.	1858	1860
10)	Бутович Иван Степанович	1851	1882
11)	Трофимович Александр Васильевич	1853	1858
12)	Галецкий Леопольд Иванович	1858	1862
13)	Диткевич Дорофей Иванович	1860	1879
14)	Каневский Николай Кондратьевич	1879	1881
15)	Леонтьев Василий Федорович	1880	
16)	Машталер Тимофей Павлович	1882	1888
17)	Волковский Александр Константинович	1881	
18)	Стеткевич Елиферий Андреевич	1888	

№	Письмоводители	Время назначения	Время выхода
1)	Метельский Григорий Захарьевич	1833	
2)	Стефанович Федор Андреевич	1836	
3)	Павловский Андрей Степанович	1849	
4)	Трофимович Александр Васильевич	1839	1840
5)	Павловский Григорий Иванович	1841	
6)	Дашкевич-Чайковский	1854	1856
7)	Голубецкий Станислав Флориан.	1856	1885
8)	Добровольский Евгений	по 17 июля 1886	
9)	Стеткевич Георгий Андреевич	1886	1891
10)	*Шумтер Алексей Петрович**	*1891*	*1893*
11)	*Кириленко Григорий Иванович*	*1893 21 сент.*	

* Прізвища виділені курсивом були дописані олівцем власником книги.

РОУНБ

ТАБЛИЦА
о числе учеников за время существования гимназии и реального училища

1833–1852 гг.

Число учеников

Учебные годы	Общее число учеников	По сословиям			Окончили курс
		Дворян и чиновников	Духовных	Других сословий	
1833/34	212	195	12	5	2
1834/35	353	331	16	6	3
1835/36	387	371	12	4	4
1836/37	435	400	6	19	10
1837/38	484	457	1	26	12
1838/39	471	445	3	23	17
1839/40	475	444	4	27	10
1840/41	449	414	5	30	12
1841/42	380	337	5	38	14
1842/43	308	275	6	27	21
1843/44	337	306	6	25	10
1844/45	357	318	7	32	16
1845/46	387	323	7	57	23
1846/47	384	315	3	66	12
1847/48	380	319	1	60	7
1848/49	364	303	–	61	6
1849/50	347	277	–	70	4
1850/51	347	288	–	59	6
1851/52	372	324	–	48	11

РОУНБ

1853–1871 гг.

Число учеников

Учебные годы	Общее число учеников	По сословиям			По вероисповеданиям				
		Дворян и чиновников	Духовных	Других сословий	Православных	Католиков	Лютеран	Евреев	Окончивших курс
1852/53	350	329	–	21	47	294	3	6	8
1853/54	348	327	1	20	39	293	8	8	6
1854/55	329	307	1	21	51	262	8	8	14
1855/56	307	294	2	11	50	253	2	2	15
1856/57	312	304	2	6	35	270	6	1	15
1857/58	347	303	3	41	57	282	5	3	8
1858/59	359	310	4	45	68	283	3	5	7
1859/60	341	283	5	53	87	240	6	8	13
1860/61	340	281	4	55	77	252	2	9	13
1861/62	412	335	7	70	92	305	3	12	17
1862/63	441	348	8	85	113	311	1	16	5
1863/64	383	270	6	107	144	219	2	18	6
1864/65	324	220	9	95	135	165	3	21	16
1865/66	361	251	9	101	128	211	3	19	17
1866/67	340	236	6	98	119	209	2	10	11
1867/68	251	176	6	69	95	145	2	9	11
1868/69	221	153	6	62	95	116	1	9	16
1869/70	218	123	4	91	85	115	3	15	7
1870/71	220	144	7	69	94	102	7	17	13
1871/72	226	163	5	58	96	111	7	12	13

DONE

1872–1888 гг.

Число учеников

Учебные годы	Общее число	По сословиям					По вероисповеданиям					Окончивших 1 курс
		Дворян и чиновников	Духовных	Городского соолования	Сельскаго сословия	Иностранцев	Православных	Католиков	Лютеран	Евреев	Прочих исповеданий	
1872/73	234	167	4	21	28	4	81	123	8	11	–	3
1873/74	287	211	5	33	25	7	102	149	9	23	–	33
1874/75	390	294	5	53	25	13	120	217	10	37	1	26
I875/76	395	291	5	60	28	11	113	238	10	34	–	11
1876/77	392	284	5	69	30	4	103	247	7	35	–	27
1877/78	409	294	4	66	37	8	108	252	10	39	–	38
1878/79	409	268	2	86	38	15	104	245	9	50	1	10
1879/80	409	259	4	99	38	9	96	242	8	62	1	33
1880/81	371	230	4	92	34	11	90	220	3	57	1	48
1881/82	312	170	6	82	41	13	100	149	4	57	2	53
1882/83	358	214	5	84	40	15	95	205	2	51	5	48
1883/84	323	105	2	71	28	17	88	176	6	46	7	39
1884/85	310	168	3	67	36	18	103	158	5	42	2	52
1885/86	335	209	3	70	36	17	111	175	5	42	2	53
1886/87	341	205	5	80	39	12	111	178	5	46	1	35
1887/88	320	190	3	77	33	17	103	168	8	41	–	37
1888/89	319	194	3	76	24	22	98	172	10	39	–	45

СПИСОК
учеников, окончивших курс в Луцкой гимназии

I выпуск 1834 г.

1) Буяльский Юлиан, с правом на чин 14 кл.	2) Калиновский Николай, с правом на чин 14 кл.

СПИСОК
учеников, окончивших Клеванскую гимназию

II выпуск 1835 г.

1) Августинович Октавий, с правом на чин 14 кл.	2) Чайковский Илья, с правом на чин 14 кл.	3) Тышковский Викентий, с правом на чин 14 кл.

III выпуск 1836 г.

1) Вольский Карл, с правом на чин 14 кл.	3) Стройновский Станислав, с правом на чин 14 кл.
2) Косецкий Фома, с правом на чин 14 кл.	4) Дубиский Иосиф

IV выпуск 1837 г.

1) Босаковский Осип, серебрянная мед и чин XIV кл.	5) Керзновский Наполеон	9) Мойсевич Виктор
2) Крживицкий Казимир, золотая мед. чин XIV кл.	6) Бржезнякевич Доминик	10) Ловецкий Осип
3) Залесский Франц, серб. мед. чин XIV кл.	7) Стройновский Феликс	
4) Новаковский Людовик	8) Гоственский Осип	

V выпуск 1838 г.

1) Кавецкий Станислав, зол. мед. чин XIV кл.	5) Евтушевский Иван	9) Хилевский Сигизмунд
2) Добронравов Павел, серб. мед. чин XIV кл.	6) Ковальский Казимир, чин XIV кл.	10) Котляревский Иван
3) Отфиновский Константин, серб. мед. чин XIV кл.	7) Малевич Евгений, серб. мед. чин XIV кл.	11) Котляревский Алексей
4) Држевецкий Людовик, чин XIV кл.	8) Крживицкий Владислав	12) Ракусса Викентий

VI выпуск 1839 г.

1) Бычковский Генрих, серб. мед. чин XIV кл.	7) Шавловский Эдуард, чин XIV кл.	13) Дубинский Иван
2) Соколовский Рафаил, чин XIV кл.	8) Беленков Георгий	14) Старчевский Осип
3) Соколовский Михаил, серб. мед.чин XIV кл.	9) Китыцин Павел, чин XIV кл.	15) Гуссаковский Игнатий
4) Соколовский Антон	10) Стояновский Люциан	16) Гулевич Андрей
5) Старчевский Леон	11) Бельский Владислав	17) Китыцин Александр, чин XIV кл.
6) Крушинский Адольф	12) Венцковский Франц	

РОУНБ

СПИСОК
учеников окончивших курс в Ровенской гимназии

VII выпуск 1840 г.

1) Верминский Феликс	5) Гродецкий Петр	9) Рутковский Стефан
2) Витковский В., зол.мед. чин XIV к.	6) Захарчик Антон, чин XIV к.	10) Собещанский Осип
3) Высоцкий Эдуард	7) Карпович Викентий	
4) Гродецкий Климентий	8) Малевич Осип	

VIII выпуск 1841 г.

1) Витковский В., серб. мед. чин XIV кл.	5) Пухальский О., серб. мед. чин XIV кл.	9) Третьяков Антон
2) Вержинский Игнатий	6) Скорунский Станислав	10) Юковский Грациан
3) Мартыновский И., серб. мед. чин XIV кл.	7) Старчевский Адам	11) Яксинский Александр
4) Массаковский Иван	8) Сущевский Яков, серб. мед.	12) Яцковский Михаил

IX выпуск 1842 г.

1) Бавлингер Адам	6) Нагродский С., серб. мед. чин XIV кл.	11) Рошковский К., серб. мед. чин XIV кл.
2) Борженский Влад., чин XIV кл.	7) Нарушевич Осип	12) Скальский Грациан
3) Горецкий Людовик	8) Плотницкий Альбин	13) Фон-Рабек Петр
4) Добровольский Франц	9) Подгурский Флориан	14) Шатковский Ксаверий
5) Конопацкий Леонч., чин XIV кл.	10) Пераффиус Е., зол. мед. чин XIV кл.	

X выпуск 1843 г.

1) Бялостоцкий Лев	8) Лончинский Я., серб. мед. чин XIV кл.	15) Попель Иосиф
2) Вержбицкий Северин	9) Лясковский Франц	16) Семдомский Иван
3) Дыбовский Ф., зол. мед. чин XIV кл.	10) Маевский Климентий	17) Скорунский Иг., чин XIV кл.
4) Зелинский Альф., чин XIV к.	11) Малоховский Кес., чин XIV кл.	18) Соколовский Владислав
5) Зелинский Осип	12) Малоховский Сиг. чин XIV кл.	19) Чарнецкий Гр., серб. мед. чин XIV кл.
6) Кушелевский Е., чин XIV к.	13) Оржешко Дионисий	20) Шатковский Владислав
7) Левандовский Дионисий	14) Пионтковский Фл., чин. XIV кл.	21) Щепковский Александр

XI выпуск 1844 г.

1) Голыптейн Корнелий	5) Михаловский Силезий	9) Тржетршевинский Э., серб. мед. чин XIV кл.
2) Залевский Игнатий	6) Осовский Гиляр., чин XIV кл.	10) Шумовский А., серб. мед. чин XIV кл.
3) Зенович Павел, чин XIV кл.	7) Руккер Эд., зол. мед. чин XIV кл.	
4) Красуский Феликс	8) Сломовский Игнатий	

РОУНБ

XII выпуск 1845 г.

1) Левандовский О., серб. мед. чин XIV кл.	7) Попель Бронислав	13) Третьяков Александр
2) Лобачевский Брон., чин XIV кл.	8) Рафалович Юлий	14) Черчицкий Михаил
3) Метельский Григорий	9) Сакс Александр	15) Шепетовский В., серб. мед. чин XIV кл.
4) Петровский В., зол. мед. чин XIV кл.	10) Свентоянский Фабиан	16) Шульц Северин
5) Погоновский Николай	11) Танишевский Эдуард	
6) Попель Иван	12) Точинский Владимир	

XIII выпуск 1846 г.

1) Бартасевич Мечислав	9) Котковский Вильгельм	17) Петровский Адольф
2) Бялостоцкий Марцелий	10) Кушелевский Осип	18) Прушинский Адам
3) Войткевич Иван	11) Левицкий Ан., серб. мед.чин XIV кл.	19) Пераффиус Вильгельм
4) Гарлицкий Франц	12) Маевский Владислав	20) Сморчевский Людовик
5) Горенберг А., зол. мед. чин XIV кл.	13) Мартиновский М., серб. мед. чин XIV кл.	21) Снежко Василий
6) Гутовский Михаил	14) Метельский Дмитрий	22) Страшкевич Осип
7) Заводский Ипполит	15) Мольский Игнатий	23) Терниловский Феликс
8) Кончевский Феликс	16) Пашковский Мирослав	

XIV выпуск 1847 г.

1) Бойковский Владислав	5) Гурко Готфрид	9) Кушелевский Стефан
2) Бычковский Адольф	6) Додаевский Вильгельм	10) Подгорецкий Фелициан
3) Гадомский Адам	7) Кончевский А., серб. мед.чин XIV кл.	11) Томиловский Александр
4) Зильберберг Гецель	8) Котковский Юлий	12) Яржембковский Витольд

XV выпуск 1848 г.

1) Аврамов И., серб. мед.чин XIV кл.	4) Наусицкий Казимир	7) Стройновский Владислав
2) Богданович К., серб. мед.чин XIV кл.	5) Каминский Иван	
3) Вахштейнский Адам	6) Самарский Николай	

XVI выпуск 1849 г.

1) Высоцкий Фридрих	3) Стемпковский Людовик	5) Тржетржевинский Людовик
2) Конопацкий К., серб. мед.чин XIV кл.	4) Таргони Александр	6) Эйландт Алоизий

XVII выпуск 1850 г.

1) Бржостовский Андрей	3) Рупневский Г., зол. мед. чин XIV кл.
2) Оржешко Лукьян	4) Черчицкий Цезарий

ROMIP

XVIII выпуск 1851 г.

1) Корженевский Людовик	3) Новицкий Фор., серб. мед.чин XIV кл.	5) Черняк Максим
2) Лихтальский Карл	4) Рудницкий Валерий	6) Шубьяковский Болесл., серб. мед.

XIX выпуск 1852 г.

1) Бродовский Карл	5) Гурский Игнатий	9) Оржешко Франц
2) Веселавский Иван	6) Мацеевский Людовик	10) Пашковский Владислав
3) Вильчинский Виталий	7) Мацеевский Казимир	11) Тржетржевинский Премысл
4) Ляйман Иван	8) Винклер Фелициан	

XX выпуск 1853 г.

1) Воровский Любомир	4) Малиновский Эдуард, чин XIV кл.	7) Цибульский Иосиф
2) Конковский Юлий	5) Пелчинский Станислав	8) Юрецкий Альфред
3) Кулеша Эд., серб. мед.чин XIV кл.	6) Райский Эдмунд	

XXI выпуск 1854 г.

1) Богуцкий Болеслав	3) Микуловский Станислав	5) Служевский Болеслав
2) Левинский Владислав	4) Пенский Адольф	6) Терлецкий Феликс

XXII выпуск 1855 г.

1) Борон Максимилиан	6) Жуковский Константин	11) Пеньковский Виктор
2) Бышевский Сигизмунд	7) Канский Петр	12) Ржондковский Антон
3) Бычковский Владислав	8) Левицкий Евдоким	13) Руккер Адольф
4) Гавронский Генрих	9) Мамошицкий Игнатий	14) Тырас Франц, чин XIV к.
5) Громадский Александр	10) Перамутер Михаил	

XXIII выпуск 1856.

1) Лейман Карл	6) Суходольский Петр	11) Подгорецкий Дионисий
2) Зрожевский Михаил	7) Гурский Иосиф	12) Слендовский Юлий
3) Загоровский Вильгельм	8) Лучинский Юстин	13) Цыбульский Иван
4) Малечинский Адам	9) Игнатович Константин	14) Якубовский Ромуальд
5) Тиери Иван	10) Слодкевич Стефан	15) Стрелецкий Николай

XXIV выпуск 1857 г.

1) Лебля Иосиф	6) Гарновский Яцентий, чин XIV кл.	11) Жуковский Бронислав
2) Зражевский Александ., серб. мед.	7) Бзовский Леонард	12) Солтан Викентий
3) Вишницкий К., серб. мед.чин XIV кл.	8) Луковский Константин	13) Моравский Павел
4) Вишницкий Иван	9) Пенский Эразм	14) Лемп Бронислав
5) Конский Иордан, чин XIV к.	10) Карницкий Игнатий	15) Павловский Владислав

ROVNET

XXV выпуск 1858 г.

1) Сержмутовский Викентий	4) Завистовский Иван	7) Казаневич Зенон
2) Асевич Антон	5) Головинский Адольф	8) Луковский Иван
3) Руни Адольф	6) Туманов Михаил	

XXVI выпуск 1859 г.

1) Рудницкий Болеслав	4) Оржешко Михаил	7) Ивашкевич Цезарий
2) Рыльке Генрих	5) Ляйман Сигизмунд	
3) Снежко Иероним	6) Волынцевыч Иван	

XXVII выпуск 1860 г.

1) Вержбицкий Аврелиан, с отл.	6) Микульский Людовик	11) Сыракольский Витольд
2) Доморацкий Нарциз, с отл.	7) Леванда Стефан	12) Хмелевский Анатолий
3) Жадановский Александр	8) Оржешко Болеслав	13) Шиманский Адольф
4) Жаткевич Александр, с отл.	9) Писарский Рафаил, с отл.	
5) Кунашевский Цеслав	10) Пеньковский Влад., с отл.	

XXVIII выпуск 1861 г.

1) Боголюбов Александр	6) Новош Людвик	11) Хамец Иосиф
2) Волянский Павел	7) Садовский Болеслав	12) Холодовский Николай
3) Волянский Николай	8) Скварецкий Леонтий	13) Шиманский Феликс
4) Головинский Марьян, с отл.	9) Сташевский Оттон	
5) Мациевский Раймунд, с отл.	10) Терлецкий Иордан	

XXIX выпуск 1862 г.

1) Велиобицкий Антонин	7) Зборовский Карл	13) Ростковский Иван
2) Велиобицкий Люциан	8) Издебский Викентий	14) Рыльке Ген., зол. мед. чин XIV кл.
3) Вонсович Альбин	9) Кухаревич Ю., зол. мед. чин XIV кл.	15) Турович Стефан
4) Венгловский Сигизмунд	10) Лукашевич Антон	16) Улазовский Александр
5) Добровольский Александр	11) Лебедзи Мустаф	17) Ясевич Станислав
6) Ельяшевич Валерий	12) Новицкий Фр., серб. мед. чин XIV кл.	

XXX выпуск 1863 г.

1) Васьковский Владислав	3) Сохацкий Димитрий	5) Яхимовский Ц., серб. мед. чин XIV кл.
2) Высоцкий Петр	4) Турович Людовик	

XXXI выпуск 1864 г.

1) Кушелевский Антон	4) Пер Александр	7) Васьковский Адам
2) Ляйман Иосиф, зол. мед.	5) Турович М., серб. мед. чин XIV кл.	8) Грабовский В.
3) Нахтовский Викентий	6) Арефа Николай	

XXXII выпуск 1865 г.

1) Васькевич Александр	7) Куликовский Иван	13) Пергамин Саломон
2) Васькевич Петр	8) Кумельский Николай	14) Рихтер Рудольф

РОУЛЕД

3) Гижицкий Иван	9) Кунашевский Иван	15) Сохоцкий Николай
4) Гливинский Филимон	10) Новицкий Франц	16) Тржемесский Александр, серб. мед.
5) Горнфельд Лейба	11) Омелянский Феодосий, серб. мед.	
6) Куликовский Георгий	12) Пенский Артур	

XXXIII выпуск 1866 г.

1) Вильчинский Осип	7) Зачек Мечислав	13) Якубовский Викентий
2) Янковский Иван	8) Швенгрубер Иосиф	14) Вольский Мечислав
3) Корженевский Владимир	9) Нартовский Юлиан	15) Козловский Павел
4) Гончаров Евгений	10) Вимут Станислав	16) Каменский Владимир
5) Ваденюк Филипп	11) Вимут Юлиан	17) Поллио Владимир
6) Богуцкий Адольф	12) Богацкий Феликс	

XXXIV выпуск 1867 г.

1) Гейдрих Ричард	5) Суковский Сергей	9) Абрамович Феодор
2) Клюковский Александр	6) Шамрай Феодор	10) Богуцкий Маркел
3) Конопацкий Владимир	7) Вигура Виктор	11) Ваденюк Павел
4) Носиловский Антон	8) Борышкевич Степан	

XXXV выпуск 1868 г.

1) Будзинский Тимофей	5) Жуковский Мечислав	9) Рыбчинский Чеслав
2) Буяльский Осип, зол. мед.	6) Кунашевский Андрей	10) Теодорович Антон
3) Вильчинский Филипп	7) Остромецкий Казимир	11) Франковский Стан., зол. мед.
4) Демецкий Осип	8) Пергамен Манис	

XXXVI выпуск 1869 г.

1) Бялобржеский Феофил	7) Гей Алоизий	13) Свеницкий Генрих, серб. мед.
2) Букар Людовик	8) Доморадский Иероним	14) Славичский Николай
3) Вигура Иосиф	9) Кравцов Василий	15) Страшевский Эдмунд
4) Грищаев Василий	10) Карпинский Каз., серб. мед.	16) Харченко Феодосий
5) Голембский Сипфарион	11) Прушевский Владимир	
6) Глинский Ромуальд	12) Рупневский Болеслав	

XXXVII выпуск 1870 г.

1) Корженевский Александр	4) Негребецкий Сбислав	7) Янишевский Константин
2) Лосовский Константин	5) Сидорович Михаил	
3) Моргулис Израиль	6) Сучков Владимир	

XXXVIII выпуск 1871 г.

1) Бартосевич Станислав	6) Зачек Константин	11) Розенфельд Бер.
2) Варденский Казимир	7) Короленко Владимир, серб.мед.	12) Шпилевский Людов., серб. мед.
3) Володковский Евгений	8) Леонтьев Осип	13) Шпилевский Вячеслав
4) Заботин Иван, зол. мед.	9) Лешковский Лев	
5) Заруский Адам	10) Моргулис Симха	

РОУНБ

XXXIX выпуск 1872 г.

1) Бродницкий Марк	6) Вайденман Самуил	11) Спановский Кондратий
2) Вершинский Владимир	7) Кузьминский Виталий	12) Сущевский Сигизм., серб. мед.
3) Вожорский Людовик, зол. мед.	8) Кузьминский Леонтий	13) Хршановский Андрей
4) Домановский Каз., серб. мед.	9) Лисикевич Иван	
5) Заверняев Степан	10) Мочальский Фома	

XL выпуск 1873 г.

1) Бржозовский Адам, серб. мед.	2) Бухвостов Владимир	3) Милевский Напол., зол. мед.

XLI выпуск 1874 г.
VII класс Ровенской гимназии

1) Бродский Марьян, серб. мед.	6) Кобылянский Эразм	11) Страшевский Виталий
2) Видовский Иван	7) Конопацкий Казимир	12) Сучков Сергей
3) Гузовский Владислав	8) Левандовский Казимир	13) Томашевский Алоизий
4) Гунько Осип, зол. мед.	9) Петровский Наркиз, серб. мед.	14) Трушлевич Иван
5) Загурский Марьян	10) Подгурский Оттон	15) Янковский Евгений

VI класс реального училища

1) Вакулевич Степан	7) Лода Болеслав	13) Сущевский Сергей
2) Герасименко Владимир	8) Мороз Ипполит	14) Томашевский Сигизмунд
3) Демкевич Иван	9) Мощенский Владслав	15) Химинский Фаддей
4) Жуковский Иван	10) Перро Иван	16) Шпачинский Иван
5) Иорданский Алексей	11) Подмазкин Николай	17) Шрамков Леонид
6) Кальченко Владимир	12) Сливинский Евгений	18) Шредер Карл

XLII выпуск 1875 г.
VI класс основного отделения

1) Беренштейн Ицко	3) Земянский Апполон	5) Шемпинский Станислав
2) Далецкий Семен	4) Рудницкий Чеслав	

VII класс
механико-технического отделения

1) Вакулевич Степан	5) Мороз Ипполит	9) Сливинский Евгений
2) Демкевич Иван	6) Мощенский Владислав	10) Сущевский Сергей
3) Иорданский Александр	7) Перро Иван	11) Шпачинский Иван
4) Лада Болеслав	8) Подмазкин Николай	12) Шредер Карл

VII класс
химико-технического отделения

1) Герасименко Владимир	4) Осташевский Адам	7) Хеминский Фаддей
2) Кальченко Владимир	5) Рудницкий Даниил	8) Шрамков Евгений
3) Кравчук Филипп	6) Томашевский Сигизмунд	9) Жуковский Иван

РОСТЕЛЬ

XLIII выпуск 1876 г.
VI класс основного отделения

1) Алексенко Александр	3) Имгарт Дмитрий	5) Сущевский Дмитрий
2) Дембский Евгений	4) Мороз Иван	

VI класс
коммерческого отделения

1) Росси Степан	2) Штемберг Иван

VII класс
механико-технического отделения

1) Беренштейн Берко	2) Далецкий Семен	3) Земянский Апполон

VII класс
химико-технического отделения

1) Рудницкий Чеслав	2) Шелепинский Станислав	3) Гойлов Эммануил

XLIV выпуск 1877 г.
VI класс основного отделения

1) Зальцберг Люциан	7) Круковский Сигизмунд	13) Скибицкий Григорий
2) Кавецкий Сигизмунд	8) Левицкий Константин	14) Сумовский Иаким
3) Калитович Люциан	9) Нечай Виктор	15) Томашевский Константин
4) Кондратович Виктор	10) Попель Станислав	16) Фершко Ушер
5) Копец Норберт	11) Селицкий Фаддей	17) Энберг Генрих
6) Красовский Евдоким	12) Семенчук Филарет	

VI класс
коммерческого отделения

1) Козловский Василий	2) Машкевич Василий	3) Ясинский Иван

VII класс
механико-технического отделения

1) Дембский Евгений	2) Сущевский Дмитрий	3) Туркевич Юлиан

VII класс
химико-технического отделения

1) Дическулов Дмитрий	3) Мороз Иван
2) Имгарт Дмитрий	4) Алексенко Александр

XLV выпуск 1878 г.
VI класс основного отделения

1) Бродовский Матвей	9) Лысановский Михаил	17) Томашевский Владислав
2) Бельский Казимир	10) Махчинский Владислав	18) Трусцинский Владислав
3) Задарновский Михаил	11) Махчинский Мечислав	19) Хамец Лев
4) Износков Евгений	12) Микульский Степан	20) Хонский Адриан
5) Колб-Селецкий Эдуард	13) Недзялковский Владислав	21) Цукерман Хаим
6) Крижановский Максим	14) Павликовский Владислав	22) Ягелович Владислав
7) Кузьминский Виктор	15) Рыбковский Игнатий	23) Стеткевич Георгий
8) Ландсберг Соломон	16) Сарнецкий Франц	

РОУНБ

VI класс
коммерческого отделения

1) Кремер Владимир	2) Стемпковский Августин

VII класс
химико-технического отделения

1) Зальцгебер Люциан	5) Сумовский Иаким	9) Каменецкий Алексей
2) Канитович Люциан	6) Томашевский Константин	10) Филиповский Степан
3) Красовский Евдоким	7) Фершко Ушер	
4) Семенчук Филарет	8) Энберг Генрих	

VII класс
механико-технического отделения

1) Кавецкий Сигизмунд	2) Круковский Сигизмунд	3) Самомахин Порфирий

XLVI выпуск 1879 г.
VI класс основного отделения

1) Андрианов Павел	4) Бельский Фома	7) Сакевич Николай
2) Бишлягер Люциан	5) Павликовский Казимир	8) Шлегель Генрих
3) Богуцкий Кастан	6) Погоновский Иван	

VI класс
коммерческого отделения

1) Козина Густов	2) Левицкий Антон

XLVII выпуск 1880 г.

1) Братковский Владислав	8) Латти Артур	15) Скупенский Сигизмунд
2) Бродницкий Урбан	9) Лесецкий Виктор	16) Хайкис Янкель
3) Вигура Прот	10) Лясковский Люциан	17) Хамец Гавриил
4) Влядих Фома	11) Мандель Иде	18) Цаллер Мойсей
5) Венцковский Станислав	12) Мотрич Александр	19) Цисс Виктор
6) Гузовский Осип	13) Порчинский Эдуард	20) Яр Людовик
7) Качковский Казимир	14) Сев Иось	21) Ясенский Станислав

VI класс
коммерческого отделения

1) Данилевич Сергей

VII класс
механико-технического отделения

1) Андриянов Павел	4) Осецкий Александр	7) Стеткевич Георгий
2) Бельский Фома	5) Павлиновский Казимир	8) Шлегель Генрих
3) Кодлубиский Болеслав	6) Плановский Иван	

VII класс
химико-технического отделения

1) Бишлягер Люциан	2) Птицын Валерьян	3) Саневич Николай

РОУНД

XLVIII выпуск 1881 г.
VI класс основного отделения

1) Братковский Виталий	10) Гиндес Симон	19) Семчинский Алексей
2) Бегус Николай	11) Грушевский Северин	20) Сумовский Роман
3) Беньковский Николай	12) Корницкий Яков	21) Тонарский Болеслав
4) Беньковский Юлиан	13) Махчинский Иосиф	22) Тонконогий Нунила
5) Васьковский Сигизмунд	14) Михальский Антон	23) Турневич Гервасий
6) Вольф Исидор	15) Михальский Станислав	24) Чайковский Карл
7) Выджа Болеслав	16) Остапович Вацлав	25) Ярмомон Василий
8) Гемпель Лев	17) Порчинский Антон	
9) Герштейн Феликс	18) Праховский Николай	

VI класс
коммерческого отделения

1) Кляс Октавиан	2) Рженевецкий Люциан

VII класс
механико-технического отделения

1) Аширнов Лев	5) Латти Артур	9) Цисс Виктор
2) Бергер Лев	6) Мотрич Александр	10) Ясенский Станислав
3) Влядих Фома	7) Порчинский Эдуард	11) Яр Людовик
4) Качковский Казимир	8) Хамец Гавриил	

VII класс
химико-технического отделения

1) Венцковский Станислав	5) Лясковский Люциан	9) Цаллер Игнатий
2) Вигура Прот	6) Мандель Иде	10) Цванчер Лвигдор
3) Грузовский Бронислав	7) Скупенский Сигизмунд	
4) Лесецкий Виктор	8) Хайкис Янкель	

XLIX выпуск 1882 г.
VI класс основного отделения

1) Алексеев Семен	10) Керн Владислав	19) Самокиш Димитрий
2) Андреянов Дмитрий	11) Кринский Платон	20) Сев Липа
3) Арабский Вильгельм	12) Леневель Бронислав	21) Старин Шая
4) Бродовский Феликс	13) Локшинский Николай	22) Страшевский Иван
5) Бялобржевский	14) Маковский Иван	23) Трачевский Грациан
6) Варштейнский Степан	15) Мануйлович Лонгин	24) Тышинский Иван
7) Грудзинский Раймонд	16) Оржешко Франц	25) Хилинский Иосафат
8) Зданович Станислав	17) Покест Бронислав	26) Эйгер Соломон
9) Карпинский Степан	18) Пшенский Лев	27) Якимчук Иоан

VI класс
коммерческого отделения

1) Волсович Казимир	2) Турцевич Болеслав

VII класс
механико-технического отделения

1) Бегус Николай	6) Грушевский Северин	11) Проховский Николай

РОУНБ

2) Беньковский Николай	7) Корицкий Яков	12) Токарский Болеслав
3) Васьковский Владислав	8) Михальский Антон	13) Турневич Гервасий
4) Вольф Исидор	9) Михальский Станислав	14) Ярмомон Василий
5) Гиндес Симон	10) Порчинский Антон	15) Махчинский Иосиф

Химико-техническиго отделения

1) Братновский Виталий	4) Мохнинский Иван	7) Рошковский Казимир
2) Выдуса Болеслав	5) Нот Станислав	8) Сумовский Роман
3) Герштейн Фалим	6) Остапович Вацлав	9) Чайковский Карл

L выпуск 1883 г.
VI класс основного отделения

1) Богуцкий Мечислав	8) Жуковский Степан	15) Носович Иван
2) Бельский Виктор	9) Завилейский Василий	16) Плионцковский Иван
3) Варшавер Соломон	10) Климович Франц	17) Поплавский Казимир
4) Вейцер Зейлик	11) Коржинский Вацлав	18) Смирнов Петр
5) Векслер Мойсей	12) Лендский Август	19) Сободневич Иван
6) Вонсович Станислав	13) Лесецкий Октавиан	20) Фелинский Сигизмунд
7) Грудзинский Сигизмунд	14) Ненадкевич Владимир	21) Шальвинский Станислав

Коммерческого отделения

1) Свистельников Григор	2) Шальвинский Владислав

VII класс
механико-технического отделения

1) Арабский Вильгельм	5) Тылинский Иван	9) Арнушевский Александр
2) Вахштейский Степан	6) Хршановский Казимир	10) Грудзинский Раймунд
3) Зданович Владислав	7) Якимчук Иоиль	
4) Самокиш Димитрий	8) Лелевель Бронислав	

Химико-технического отделения

1) Бялобржевский Виктор	6) Мануйлович Лонгин	11) Хименский Богдан
2) Карпинский Стефан	7) Понест Бронислав	12) Трачевский Грациан
3) Керн Владислав	8) Пшонский Лев	13) Москалев Михаил
4) Кринский Платон	9) Локшинский Николай	14) Эйгер Соломон
5) Страшевский Иван	10) Старин Абба	

LI выпуск 1884 г.
VI класс основного отделения

1) Алфеев Владимир	8) Дорошенко Константин	15) Снальский Феликс
2) Богуцкий Фома	9) Кушель Стефан	16) Цвангер Герш
3) Бронштейн Ноих	10) Маевский Михаил	17) Цейзин Адольф
4) Вигура Гонорат	11) Поковский Фаддей	18) Цисс Александр
5) Голендберг Яков	12) Сарницкий Петр	19) Шлегель Леопольд
6) Горохолинский Владимир	13) Сев Герш	20) Эвадис Меер
7) Дмитриев Сергей	14) Семенчук Иван	21) Яцимирский Марьян

PROOF

VII класс
механико-технического отделения

1) Войцер Зейлик	5) Мамовский Иван	9) Смирнов Петр
2) Жуковский Степан	6) Носович Иван	10) Фелинский Сигизмунд
3) Климович Франц	7) Поплавский Казимир	11) Шальвинский Станислав
4) Коржибский Вацлав	8) Плионцковский Иван	12) Чухновский Григорий.

Химико-технического отделения

1) Бышевский Адам	3) Векслер Мойсей	5) Лендский Август
2) Бельский Виктор	4) Завилейский Василий	6) Лесецкий Октавиан

LII выпуск 1885 г.
VI класс основного отделения

1) Багриновский Станислав	13) Зенковский Игнатий	25) Савицкий Иван
2) Бельский Владислав	14) Зубчевский Константин	26) Семенчук Николай
3) Волявский Феликс	15) Красинский Август	27) Сильвестров Константин
4) Вержбицкий Болеслав	16) Клясс Людовик	28) Смирнов Николай
5) Водосевич Иосиф	17) Кухарюк Яков	29) Соколовский Бронислав
6) Гликман Шая	18) Ланевский Казимир	30) Тетерик Борис
7) Глинский Давид	19) Меерсон Хаим	31) Хазенс Аарон
8) Дмитриев Феодор	20) Милевич Карл	32) Чепелевский Вацлав
9) Доманский Иван	21) Нейман Вацлав	33) Янковский Николай
10) Жолтовский Михаил	22) Окольский Адольф	34) Яхимович Виктор
11) Закржевский Иосиф	23) Райз Аарон	
12) Зелинский Иосиф	24) Ройтман Герш	

VII класс
механико-технического отделения

1) Брохолинский Владимир	5) Поплавский Фаддей	9) Соботневич Иван
2) Дмитриев Сергей	6) Пурин Александр	10) Цейзин Адольф
3) Дорошенко Константин	7) Семенчук Иван	11) Зимборский Николай
4) Маевский Михаил	8) Снальский Феликс	

Химико-технического отделения

1) Бронштейн Ноих	4) Кушель Стефан	7) Снитский
2) Вигура Гонорат	5) Сарнецкий Петр	
3) Добкевич Карл	6) Цвангер Герш	

LIII выпуск 1886 г.
VI класс основного отделения

1) Андроновский Стефан	9) Ковальский Фаддей	17) Поплавский Иосиф
2) Бройда Хаим	10) Кравец Рувим	18) Подгаецкий Григорий
3) Голембиовский Никанор	11) Краевский Иосиф	19) Рацефельд Самуил
4) Голуб Димитрий	12) Крушевский Вацлав	20) Рыбчинский Михаил
5) Грохольский Стефан	13) Лабенцкий Игнатий	21) Стаховский Иван
6) Далецкий Виктор	14) Мановский Константин	22) Шарловский Александр
7) Дегонович Петр	15) Мычковский Иосиф	23) Ямщиков Андрей
8) Керн Карл	16) Остранецкий Сигизмунд	

РОУНБ

VII класс
механико-технического отделения

1) Ванявский Феликс	7) Нейман Вацлав	13) Чепелевский Вацлав
2) Дмитриев Феодор	8) Семенчук Николай	14) Хазенс Аарон
3) Зенковский Игнатий	9) Сильвестров Константин	15) Янковский Николай
4) Зубчевский Константин	10) Смирнов Николай	16) Доманский Иван
5) Меерсон Хаим	11) Скверчинский Михаил	17) Запрусевский Иосиф
6) Милкевич Карл	12) Тетерин Борис	

Химико-технического отделения

1) Багриновский Станислав	6) Зелинский Иосиф	11) Савицкий Иван
2) Бельский Владислав	7) Красинский Август	12) Соколовский Бронислав
3) Вержбицкий Болеслав	8) Кухарюк Яков	13) Яхимович Виктор
4) Гликман Шая	9) Райз Аарон	
5) Глинский Давид	10) Ройтман Герш	

LIV выпуск 1887 г.
VI класс основого отделения

1) Антонович Марьян	7) Дюков Инокентий	13) Писаржевский Николай
2) Бренайзен Давид	8) Еловицкий Антон	14) Шевченко Владимир
3) Валдман Вольф	9) Зенковский Иосиф	15) Яблонский Владислав
4) Ваниковский Михаил	10) Лабенцкий Иосиф	16) Ялегонский Лейзер
5) Гарлицкий Эдуард	11) Михелян Абиш	
6) Денбицкий Гилярий	12) Охоцкий Николай	

VII класс
механико-технического отделения

1) Андроновский Стефан	5) Краевский Иосиф	9) Подгаецкий Григорий
2) Голембиовский Никонор	6) Маковский Констайтин	10) Стахорский Иван
3) Далецкий Виктор	7) Мычковский Иосиф	11) Ямщиков Андрей
4) Дегонович Петр	8) Остромецкий Сигизмунд	

Химико-технического отделения

1) Валдман Нус	4) Кравец Рувим	7) Файнберг Ефрем
2) Голуб Дмитрий	5) Лабенцкий Игнатий	8) Шарловский Александр.
3) Клясс Людовик	6) Романович Иван	

LV выпуск 1888 года
VI класс

1) Боровик Антон	9) Лендский Виктор	17) Прушевский Феликс
2) Викшемский Мамерт	10) Нитц Виктор	18) Рафальский Фульгентий
3) Гордасевич Тит	11) Олдановский Сигизмунд	19) Савицкий Антон
4) Голембиовский Иосиф	12) Оржешко Вацлав	20) Санович Ярослав
5) Заранский Карл	13) Остапович Иосиф	21) Сев Мордко
6) Зброжек Онуфрий	14) Отфиновский Иосиф	22) Сев Фалик
7) Крафт Владимир	15) Пионтковский Люциан	23) Хаберский Генрих
8) Крушель Вацлав	16) Поплавский Цезарий	24) Штафман Янкель

РОМЕЛ

VII класс
механико-технического отделения

1) Ваниковский Михаил	3) Еловицкий Антон	5) Охоцкий Николай
2) Денбицкий Гилярий	4) Лабенцкий Иосиф	

Химико-технического отделения

1) Бренайзен Давид	4) Дюков Иннокентий	7) Яблонский Владислав
2) Валдман Вольф	5) Зенковский Иосиф	8) Яблонский Лейзор
3) Гарлицкий Эдмунд	6) Михелян Абиш	

LV выпуск 1889 г.
VI класс

1) Адамович Петр	9) Квятковский Константин	17) Расс Шовель
2) Беренсон Соломон	10) Крумпель Брунок	18) Ройтман Сруль.
3) Бренайзен Матвей	11) Николайчук Иван	19) Сейферт Адолф
4) Беляев Михаил	12) Олторжевский Станислав	20) Скверчинский Северин
5) Вадарский Ярослав	13) Пертяткович Марьян	21) Собещанский Станислав
6) Григорьев Александр	14) Подольский Георгий	22) Ясенский Леон
7) Дубровский Феодор	15) Прилаковский Станислав	
8) Ковандо Алоизий	16) Райз Мойсей	

VII класс
механико-технического отделения

1) Боровик Антон	9) Крафт Владимир	17) Сакович Ярослав
2) Вокшемский Мамерт	10) Лендский Виктор	18) Сев Мордко.
3) Голембиовский Иосиф	11) Оржешко Вацлав	19) Сев Фалин
4) Гордасевич Тит	12) Остапович Иосиф	20) Хаберский Генрих
5) Заранский Карл	13) Отфиновский Войцех	21) Червеный Иосиф
6) Зброжек Онуфрий	14) Поплавский Цезарий	22) Штафман Янкель
7) Зигберман Хаим	15) Прушевский Феликс	23) Янишевский Феликс
8) Колебский Иван	16) Савицкий Антон	

РОУНБ

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

1833 г.

Фундаментальная библиотека	названий	830
	число томов	1906

Другие учебные пособия

По физике и математике	инструментов	48
По естественной истории	минералов	798
	раковин	412
	насекомых	486
	насекомых	280
	растений	668

1843 г.

Фундаментальная библиотека	названий	2006
	число томов	4600

Другие учебные пособия:

По естественной истории	минералов	543
По физике и математике	инструментов	100
По географии	географических карт и атласов	68

1853 г.

Фундаментальная библиотека	названий	2388
	число томов	5689

Другие учебные пособия:

По естественной истории	минералов	543
По физике и математике	инструментов	132
По географии	географических карт и атласов	98

1863 г.

РОУЕБ

Фундаментальная библиотека	названий	2822
	число томов	7136
Ученическая библиотека	названий	377
	число томов	1495

Другие учебные пособия:

Физических инструментов	109
Химических приборов	83
Математических и географических	14

Кабинет естественных наук

Коллекция минералов из Бонны	236
Старой гимназической коллекции минералов	398
Моделей кристаллографических	114
Таблиц кристаллографических	96
Таблиц ботанических	52
Таблиц зоологических	28
Растений ботанических	100
Чучел разных животных	31

1873 г.

Фундаментальная библиотека	названий	3803
	число томов	8955
Ученическая библиотека	названий	628
	число томов	1322
Библиотека для бедных учеников	названий	55
	число томов	559

По физическому кабинету	инструментов и приборов	269

РОУНБ

По кабинету естественных наук	по зоологии предметов	230
	по минерало-гии	80
	по ботанике	74
По химической лаборатории	инструмен-тов	9
	аппаратов	67
Разной посуды и разных мелких вещей		1025

Другие учебные пособия:

Лексиконов	53
Атласов, глобусов, географических и исторических карт	128
Моделей и других предметов для рисования, черчения и моделировании	590
Прописей	3

1883 г.

Фундаментальная библиотека	названий	4387
	число томов	10301
Ученическая библиотека		
Высший отдел	названий	639
	число томов	1397
Низший отдел	названий	383
	число томов	751
Библиотека для достаточных учеников	названий	53
	число томов	360

Физический кабинет

Приборов инструментов	253
Механический кабинет	89
Геодезический кабинет	42

РОУНБ

Кабинет естественных наук

По минералогии		62
По ботанике		46
По зоологии		259
Инструментов		7
По химической лаборатории	аппаратов и приборов	237
	посуды	1300
	реактивов	220
По рисованию, черчению и чистописанию	пособий	377
По моделированию	пособий	83
По технологии и строительному искусству	пособий	11
По пению и музыке	пособий	17

1888 г.

Фундаментальная библиотека	названий	5864
	число томов	3722
Ученическая библиотека	названий	293
	число томов	680
Библиотека учебников	названий	57
	число томов	362

Физический кабинет

Приборов инструментов	247
Механический кабинет	89
Геодезический кабинет	42

Кабинет естественных наук

По минералогии		62
По ботанике		47
По зоологии		262
Инструментов		11
По химической лаборатории	аппаратов и приборов	239
	краткосрочной посуды реагентов	1038
По черчению и рисованию	пособий	616
По географии и истории	пособий	235
По моделированию	пособий	84
По технологии и строительному искусству	пособий	11
По пению и музыке	пособий	19

РОУНБ

На правахъ рукописи.

Римско-католическій костелъ,

НАЗЫВАЕМЫЙ КАПЛИЦЕЮ,

ПРИ РОВЕНСКОМЪ РЕАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОЛЬСКИМЪ ВОПРОСОМЪ

ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Историческая записка, составленная по порученію Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа т. с. А. Н. Деревицкаго преподавателемъ Ровенскаго реальнаго училища А. И. Поповымъ.

КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Кіевѣ.
Караваевская ул., д. № 5.
1914.

РОУНЬ

Анатолий Попов

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЕЛ, НАЗЫВАЕМЫЙ КАПЛИЦЕЮ, при Ровенском реальном училище

в связи с польским вопросом в Юго-Западном крае

Историческая записка, составленная по поручению попечителя Киевского учебного округа т.с. А. Н. Деревицкого преподавателем Ровенского реального училища А. И. Поповым.

В 1793 г. по второму разделу Польши древние русские земли с русским же православным населением, много натерпевшимся под властью Речи Посполитой, перешли опять под скипетр православных Государей. В числе этих земель находилась и Волынь, бывшая раньше русским удельным княжеством, в котором правили старшие потомки Владимира Мономаха. Из этих Мономаховичей, как известно, особенно прославились Изяслав Мстиславович, Мстислав Изяславович и наконец, Роман Мстиславович, который в 1199 г. соединяет под своею властью, кроме Волыни, еще и княжество Галицкое. Соединившись с Галичем, Волынь продолжает оставаться вполне русским княжеством с русским населением и православною верою.

В начале XIV века, когда после смерти Даниила Галицкого начались в его владениях сильные междоусобия, объединившаяся к этому времени Литва, вследствие известного немецкого напора на восток (Drang nach Osten), завладевает обессиленными междоусобиями и разоренными татарами русскими землями, среди которых находилась Волынь. Первое время под властью Литвы русская народность и православная религия оставались неприкосновенными; когда же Литва в 1386 г. соединяется с Польшей и это соединение в 1413 г. подтверждается Городельским сеймом, положение вещей резко меняется.

Вследствие стремления Польши не только окатоличить, но по возможности и ополячить соединившееся с ней государство для более тесного единения на государственные должности и в сейм допускаются только католики. Поэтому многие потомки древних русских князей, соблазнившись благами мира сего, продают веру отцов и свою национальность за польские почести и, окатоличившись и ополячившись, начинают считать себя исконными сынами Речи Посполитой.

Соблазнительный пример вельмож, малодушно изменивших вере и народности, действует конечно деморализующим образом на народные массы. Число ренегатов с каждым годом все более и более увеличивается, и наконец дело доходит до того, что в русских землях под властью Польши все русское не только презирается, но и преследуется. Этому много способствует уния, введенная в русских землях в 1596 г.

Но не все население этих земель оказалось малодушным перед лицом не только сильного, но и хитрого врага. Более выдающиеся люди выступают борцами за религию

Анатолій Іванович Попов

и самобытность русского народа и против культурных орудий борьбы выставляют культурные же,– силу убеждения, проповедь, братства, воспитание юношества, а против насилия выдвигается на историческую сцену казачество, как защита русских интересов.

Начинается длинный период внутренней борьбы, который вместе с шляхетским своеволием подтачивает постепенно устои государства. Преследования одной частью населения другой, религиозный фанатизм и возникающие на этой почве гонения, а также полное отсутствие твердой государственной власти, все это вызывает вмешательство иностранных держав и ведет к разделу Польши.

Но с разделом Польши между соседними государствами польское общество не оставило надежды не только на восстановление Речи Посполитой, но и на возвращение ей тех русских областей, которые ей когда-то принадлежали. Исходя из этой точки зрения, поляки прилагают все усилия к тому, чтобы насколько возможно больше полонизовать русские юго-западные губернии, совратить в католицизм, который и сейчас среди низших классов населения носит название «польской веры», как можно больше русского населения, воспитать юношество на началах польского национализма и католического фанатизма, так как по их мнению нельзя быть поляком и не быть католиком, а также подорвать доверие в местном обществе к русскому правительству и всему тому, что носит русское имя.

Главнейшими средствами для достижения указанной выше цели польское общество избирает, во-первых, церковную проповедь, во-вторых – школы. Костелы становятся тем очагом, вокруг которого группируются вожделения поляков, и из храмов Христианского Бога, Бога мира и любви, раздается призыв к братоубийственной вражде, призыв к мести ни в чем неповинным русским людям за то, что поляки не умели устроить дела своей «ойчизны» и довели ее до падения.

В школах, которые в юго-западных губерниях были переполнены поляками, внушается подрастающему юношеству ненависть и недоверие к «москалям», и не только польским детям, которые эту ненависть всасывают еще с молоком матери, но и русским, которых всеми мерами стараются обратить в поляков. Особенно широкое поле в этом отношении открылось в царствование государя императора Александра Павловича, когда в 1803 г. было учреждено Министерство народного просвещения с шестью учебными округами и попечителем виленского учебного округа, обнимавшего почти всю Западную Россию, был назначен князь Чарторыйский, ярый польский патриот.

Входя в состав Интимного Комитета, Чарторыйский пользовался полным доверием государя, как близко стоявшее к нему лицо, но это доверие он не только не оправдал, но постарался использовать в выгодном для поляков отношении. Учебные заведения подведомственного ему округа, пользуясь его покровительством и заступничеством, сделались рассадником полонизма еще в более широком масштабе, чем до этого времени, так как

Чарторыйский, мечтавший о восстановлении Польши, думал посредством определенной постановки учебно-воспитательного дела создать для неё сильный контингент будущих борцов за независимость. Такая постановка дела не замедлила сказаться на местном обществе и была одной из причин польского восстания 1830/31 года.

Когда ход исторических событий показал, что оставить долее воспитательное дело в том же положении невозможно, не нарушая государственных интересов, то высочайшим указом от 12 января 1831 г. было повелено причислить к Харьковскому учебному округу все учебные заведения трех губерний Юго-Западного края– Киевской, Подольской и Волынской, а спустя семь месяцев последовал другой высочайший указ от 21 августа 1831 г., по которому были закрыты все польские школы Юго-Западного края.

Но так как закрытые учебные заведения необходимо было заменить новыми, которые, удовлетворяя учебно-воспитательным потребностям местного населения, в то же время обслуживали бы и государственные интересы, то требовалось наметить пункты для открытия русских учебных заведений. С этою целью попечитель Харьковского учебного округа Филатьев отправился осенью того же года по вновь подчиненным его ведению губерниям и наметил целый ряд пунктов для открытия средних и низших учебных заведений.

Проект новой сети школ был представлен на утверждение министра народного просвещения Шишкова, и в числе других русских учебных заведений в Юго-Западном крае с целью насаждения русской государственности и русификации края была открыта в 1832 г. Луцкая гимназия *(А. Анципо-Чикунский. Историческая записка о Ровенском реальном училище. Киев, 1894 г.)*.

Новое учебное заведение в Луцке просуществовало недолго, всего два года, и за недостатком помещения, а также средств к возведению нового было в 1834 г. перемещено в местечко Клевань на место уездного училища, а это последнее – в Луцк.

В Клевани гимназия существовала до 1839 г., когда была переведена в г. Ровно Волынской губернии, где князь Фридрих Осипович Любомирский пожертвовал землю и воздвиг здание для гимназии, «желая со своей стороны соответствовать благонамеренным видам правительства», как сказано в акте, заключенном им 23 ноября 1836 г. с правлением университета св. Владимира *(Ibidem c.101)*.

Таким образом мы видим, что одно из средств полонизации русского населения в Юго-Западном крае ускользнуло из рук польского общества, ибо трудно было рассчитывать на воспитание юношества в духе польщизны в русском учебном заведении с русскими воспитателями, которые обязаны были по долгу службы с одной стороны, по долгу рождения – с другой преследовать цели русской государственности.

Тогда польское общество обращает особое внимание на другое средство – церковную проповедь и влияние ксендзов на паству– средство, которое легче скрыть под маскою религиозного благочестия и которым потому, как тайным орудием, и легче бороться. С этих пор костелы являются тайными очагами политической пропаганды, льстивые, елейные ксендзы стараются втереться в доверие к русским чиновникам, стоящим во главе русских учебных заведений, чтобы получить доступ к воспитанию юношества «в духе христианской любви» (читай «политической ненависти и нетерпимости»).

Вследствие этого, открытие и в русских учебных заведениях католических костелов, каплиц, алтарей нужно рассматривать, как образование в воспитательном деле замаскированных путей для политической борьбы, а не как средство религиозного воспитания подрастающего молодого поколения. Таким образом на Волыни, исконно-русской и православной, ведется сильная, но тайная борьба, борьба русской государственности с распространяющимся посредством римской церкви и ее служителей полонизмом.

Существовало ли польское влияние в период пребывания Ровенского, ныне реального училища, созданного с целью проведения утверждения русских стремлений в крае, в городе Луцке, сказать трудно, так как никаких документов за этот период в архиве названного учебного заведения в настоящее время не сохранилось. Только в «Исторической записке о Ровенском реальном училище», составленной по поводу пятидесятилетнего юбилея этого учебного заведения бывшим преподавателем истории, ныне директором Каменец-Подольской мужской гимназии А. А. Анципо-Чикунским *(Ibidem)*, мы находим

смутное указание на этот вопрос: «Во все воскресные и праздничные дни ученики православного исповедания слушали богослужение в церкви, а католики в костеле». Отсюда можно вывести только то заключение, что если ученики-католики посещали костел, то следовательно было на них через ксендза и церковную проповедь оказываемо и известное влияние в духе полонизма.

Более ясные следы борьбы с полонизмом в названной гимназии мы находим за время ее пребывания в местечке Клевани Волынской губернии. В это время мы замечаем с одной стороны стремление высшего начальства и духовенства насадить по возможности шире православие в противовес польскому католицизму, в каковом отношении особенно выделился протоиерей Лотоцкий, законоучитель гимназии, который за полезную пастырскую деятельность получил письменную благодарность от директора *(См. 1837 г. Дело № 84.)*; с другой стороны ксендз, пользуясь доступом к воспитанию юношества, стремился использовать свое положение, что вызвало циркулярное предложение г. попечителя директору Клеванской гимназии Кулжинскому ввести определенное распределение преподавания Закона Божия римско-католического исповедания на основании мнения по сему предмету Виленской духовной академии, чтобы ксендзы, «руководствуясь оным, следовали одному общему плану и не имели надобности руководствоваться своими собственными, видами и предположениями» *(См. 1837 г. Дело № 90)*, а каковы были эти виды, понять не трудно. Тем более нетрудно было ксендзам вести преподавание в известном направлении, что даже учебники римско-католического Закона Божия, рекомендованные Виленской духовной академией в качестве руководства, имели тот весьма важный недочет, на который смеем обратить особое внимание, что в них не было упомянуто «о преподавании наставлений о почитании государя».

Таким образом ксендзы могли действовать как бы с молчаливого одобрения своего высшего духовного начальства. Чтобы устранить этот недостаток, г. попечитель предложил в отношении от 1 декабря 1837 г. г. директору Кулжинскому, «чтобы означенные наставления употребляемы были для преподавания Закона Божия ученикам римско-католического исповедания».

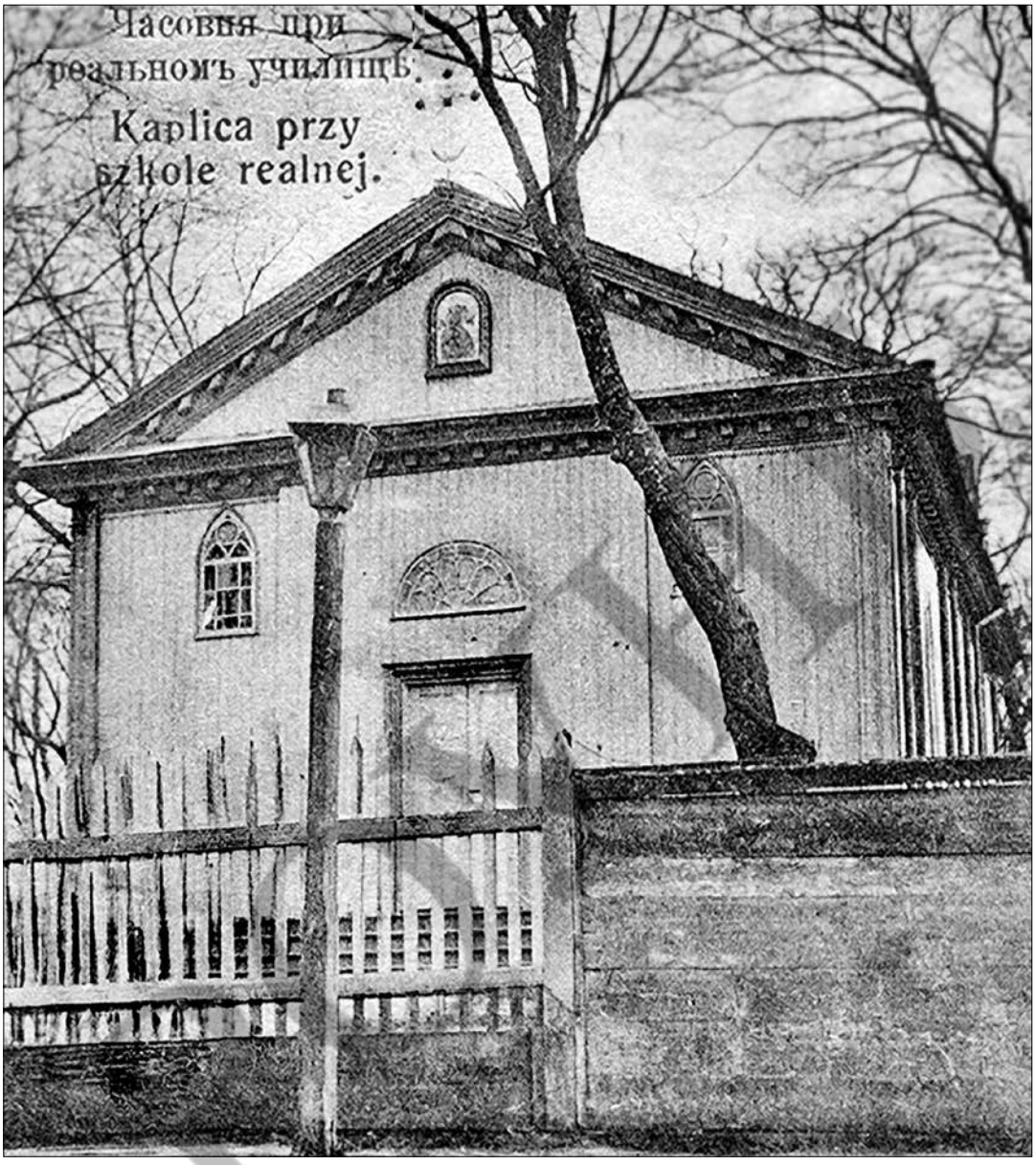
Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что такое же распоряжение ксендзу о восполнении недостатка учебника римско-католического Закона Божия могло быть сделано и директором Кулжинским, однако для того, чтобы этого достигнуть, потребовалось вмешательство г. попечителя.

Как видно из сохранившихся документов, местные представители русской власти, попадая на службу на Волынь, становились в весьма неловкое положение. С одной стороны долг службы и начальство требовали соблюдения русских интересов и возможного уничтожения польщизны в деле учебно-воспитательном, с другой – местное общество, среди которого была значительная доза поляков и ополяченных русских, стремилось противодействовать всему русскому и православному и, наоборот, покровительствовать всему польско-католическому. Поэтому не у многих представителей русских интересов в крае является настолько гражданского мужества, чтобы смело вступить в борьбу с теми людьми, среди которых им приходилось жить и работать, в борьбу с их заветными мечтами и стремлениями. Большинству приходилось лавировать между тою и другою стороною, изворачиваясь по мере сил и возможности.

К таким сильно колеблющимся людям можно отнести и директора Клеванской гимназии Кулжинского. С одной стороны в секретном донесении г. попечителю, которое, как ему было хорошо известно, должно было остаться тайной, по поводу языка, на котором следовало бы преподавать Закон Божий ученикам-католикам, он высказывает весьма дельные в патриотическом отношении соображения.

«Все прочие учебные предметы, – пишет он *(От 26 июля 1839 г. за № 384)*, – преподаются на русском языке, ученики уже освоились с русским языком, римско-католические законоучителя, живя на русской земле, будучи русскими подданными и даже потомками русских предков, знают или должны знать русский язык, родной язык своей страны.

Терминология катехизиса и священной истории так легко переводится с польского языка на русский, что ни с которой стороны нельзя предвидеть ни малейшего затрудне-



Каплиця при реальному училищі.
Фрагмент поштівки. Друга половина XIX ст.

ния в преподавании Закона Божия римско-католического исповедания на русском языке. Все ученики гимназий в губерниях, возвращенных от Польши, суть потомки или древних русских дворян (?), или бывших малороссийских казаков (?). История ежедневно уверяет в их русском происхождении. Даже польские писатели XVI, XVII и XVIII столетий не иначе называют эти губернии, как русскою провинциею (Provincia Russia).

При таком убеждении истории жаль было бы, если бы училища наши не помогли обучающемуся юношеству решительно возвратиться к своему прародительскому языку русскому и если бы в таких училищах оставалось еще преподавание какого-либо учебного предмета не на русском языке, а на польском. По хитрому и неприязненному направлению

зломыслящих людей в сих губерниях, революционное стремление к польской самобытности теперь прикрывается наружностью католицизма. Надобно приподнять этот покров и разоблачить увертливую заносчивость к преступной самобытности. Надобно решительно отделить святую религию от политических замыслов.

По общему злоупотреблению слов здесь католическая религия иначе называется польскою религиею. К этому много способствует изучение Закона Божия на польском языке. Если бы Закон Божий ученики-католики слушали на русском языке, а не на польском, тогда уже не было бы польской религии, осталась бы только католическая или латинская религия, общая и понятная и немцам, и французам, и другим народностям. Отделивши идею польского отечества от идеи религии, мы успели бы доказать не только уму, но и сердцу учеников, что они коренные русские, но могут себе оставаться, ежели угодно, католиками. С этим вместе самый сильный элемент народности, польский язык, унизился бы на степень провинциального языка и дошел бы, наконец, до того, что возрастающее поколение так называемых поляков стыдилось бы подобно образованным малороссиянам говорить на своем провинциальном языке и предоставило бы польский язык для домашнего обихода своих экономов и необразованной шляхты» Так излагал директор Кульжинский свое credo в польско-русском вопросе г. попечителю.

С другой стороны тот же директор за год перед этим именно 28 мая 1838 г., возбудил официальное ходатайство *(1838 г. Дело № 32.)* перед Михаилом Пивницким, «римско-католической церкви епископом Луцким и Житомирским кавалером» в котором, «перечисляя добродетели римско-католического законоучителя Клеванской гимназии ксендза Варховского, главным образом скромность, усердие и особые труды, просит удостоить его производством в действительные кафедральные каноники «за труды по Клеванской гимназии», как выражается директор в своем представлении.

Такое вмешательство директора Кулжинского в область ему совершенно не подведомственную удивило даже католического епископа, что видно по тону его ответа, где он пишет, что «не применет доставить ему (т.е. ксендзу Варховскому) повышение при первом случае», т.е. многообещающее «буду иметь в виду».

Теперь возникают такого рода вопросы: какого рода были труды ксендза Варховского по Клеванской гимназии и в чем они состояли, а также как мог директор русского учебного заведения, русский по происхождению, поставленный к тому же на страже русских интересов в крае и вполне ясно сознававший, что «стремление к польской самобытности теперь прикрывается наружностью католицизма *(См. выше)*, ходатайствовать о иерархическом повышении ксендза, что вовсе не касалось его компетенции, как директора русского учебного заведения.

Ответ на первый вопрос мы находим в описи документов, хранящихся в архиве Ровенского реального училища. Здесь за 1839 г. за № 15 записано дело, озаглавленное: «Дело по прошению *(От апреля 1839 г.)* бывшего законоучителя Клеванской гимназии Варховского об уплате ему 30 руб., следуемых за содержание гимназической каплицы», которое при сдаче архива одним письмоводителем другому значится «неполученным».

Куда девалось это дело, которое могло бы пролить свет на интересующий нас вопрос,– неизвестно. Во всяком случае, заслуга ксендза Варховского заключается в том, что он содержал при русском учебном заведении римско-католическую каплицу, разрешения, на открытие которой в бумагах училища не имеется, и можно предполагать, что его и вовсе не было. За это он получает повышение по ходатайству русского начальника заведения, но, не удовлетворяясь этим, просит русское правительство возместить понесенные им по содержанию каплицы убытки.

Роль директора в этом деле объясняется сильным давлением со стороны местного польского общества, оказать сопротивление которому г. Кулжинский был не в силах.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на принятые русским правительством меры, полонизм, с которым приходилось вести сильную борьбу в Юго-Западном крае, проникает в русское учебное заведение, открытое для борьбы с ним, проникает под видом католицизма и свивает себе здесь прочное гнездо в виде католической каплицы, содержимой на счет ксендза. Образуется при Клеванской гимназии такой центр, вокруг которого могут

группироваться «революционные стремления к польской самобытности», как выразился в своем донесении директор Кулжинский, и не только могут, но и действительно группируются, как мы увидим впоследствии.

Летом 1839 г. гимназия переходит в г. Ровно, где директором ее вместо Кулжинского назначается Г. М. Фавицкий. Переходит ли вместе с гимназией в г. Ровно и католическая каплица, бывшая в Клевани, сказать трудно, так как никаких указаний на это не имеется только впоследствии, при официальном открытии при военной гимназии каплицы, оказывается, что некоторые вещи и предметы, необходимые для католического богослужения, в гимназии имеются. На основании этого можно предположить, что, если вполне оборудованной каплицы пока еще не существовало, то мог быть только один алтарь с самыми необходимыми принадлежностями для богослужения.

В этом же году, когда гимназия была переведена из Клевани в г. Ровно, совершается одно важное для русского дела событие в Юго-Западном крае, именно воссоединение униатов.

Так как настроение местного польского общества было хорошо известно в округе, где деятельность ксендзов была в большом подозрении, то г. попечитель предложил *(От 14 декабря 1839 г. за № 248)* директору Ровенской гимназии следить за тем, чтобы ученики, бывшие униаты, обучались Закону Божию у православных священников, говели в православной церкви и исполняли все христианские обязанности по православному обряду.

Затем строжайше предписывалось наблюдать, «чтобы ксендзы не могли никого из таковых учеников совратить в католицизм, если же со стороны ксендзов будет замечено какое либо к тому посягательство, то доводить о сем до сведения Киевского военного, Подольского и Волынского генерал-губернатора и в то же время доносить мне».

Но так как никаких донесений со стороны директора ни губернатору, ни попечителю не последовало, то нужно думать, что и указанных выше совращений тоже не было или, если были, то, прошли для директора незамеченными.

Тем не менее, чтобы по возможности сократить польское влияние на учеников Ровенской гимназии, попечитель в том же году предписывает усилить надзор за ученическими квартирами и высказывает пожелание, чтобы учеников помещали преимущественно у себя на квартирах лица греко-российского исповедания. Но, так как эта мера по-видимому своей цели не достигла, ибо на частных ученических квартирах нет положительно никакой возможности оградить учеников от посторонних влияний, то при Ровенской гимназии в следующем 1840 г. были учреждены общие ученические квартиры.

По поводу учреждения этих квартир даны были *(От 11 июля 1840 г. за № 2954)* определенные обязательные правила, пункт 5-й которых гласит: «Надзиратели квартир должны быть непременно из русских благонамеренных чиновников на точном основании высочайшего повеления от 23 апреля сего года. По силе сего же высочайшего повеления не может быть дано позволение содержать учеников учителям и училищным чиновникам из поляков».

В пункте 10 говорится: «Репетиторами, равно как и старшими в квартирах должны быть преимущественно назначаемы ученики русского происхождения».

Пункт 11: «Разговорный язык в общих квартирах должен быть непременно русский».

Пункт 16: «Ваше Высокородие (т.е. директор) и прочие лица, имеющие надзор за общими (ученическими) квартирами, должны обращать преимущественное внимание на нравственность и образ мыслей воспитанников, стараться приучить их к покорности властям, внушить им преданность правительству и любовь к общему отечеству нашему России».

Вот ряд мер, которыми русское правительство думало оградить подрастающее поколение от вредного польского влияния со стороны.

Но напрасно было ограждать школу от польского влияния извне, когда доступ к ученикам был открыт этому же самому влиянию через законоучителя ксендза Петра Подлевского, который состоял на этой должности с 1839 г. по 1856 г. и был аттестован директором Аврамовым *(От 20 декабря 1841 г. за № 10)*, как человек, обнаруживающий «характер уклончивый и немного внушающий доверия», почему г. попечителем и было

поручено *(От 17 марта 1842 г. за № 5)* тому же директору «иметь за сим ксендзом строжайшее секретное наблюдение».

Вот почему даже кратковременное правление директора Фавицкого (1839–1841) не могло обойтись без польских антирусских выступлений. Не успели начать функционировать общие ученические квартиры, открытые на указанных выше началах, противных польским стремлениям, как 28 ноября того же года, во второй половине которого они были открыты, на одной ученической квартире была найдена надпись на польском языке: «Turma, Koscora. Siesdra, т.е. тюрьма, каземат, слезы», несомненно, ученического происхождения, так как ученикам удобнее и безопаснее можно было бы ее сделать, чем лицам посторонним. По этому делу завязалась обширная переписка, началось следствие, но, так как поляки действовали сплоченно, то открыть виновных в этом выступлении так и не удалось.

Следующий 1841 год на Волыни был годом весьма тревожным: польское население края к чему-то готовилось и чего-то ожидало… Между учениками некоторых учебных заведений ходили по рукам следующие таблицы *(Циркуляр г. попечителя от 2 мая 1841 г. за № 40.)*:

1794 год «разбор» Польши.
1
7
9
4

_____

1815 год – восстановление Польши.
1
8
1
5

_____

1830 год – возмущение.
1
8
3
0

_____

1842 год – ожидает революции.

Ожиданием революции и приготовлением к ней и объясняется тревожное состояние поляков. В этом же году, кроме ксендза Подлевского, заподозривается в политической неблагонадежности и врач Ровенской гимназии Богуцкий, поляк по происхождению и по симпатиям, вследствие чего из округа последовал запрос *(От 27 мая 1841 г. за № 1898)* по этому поводу директору гимназии. Но последний, не имел настолько веских данных, чтобы можно было положительно утверждать его неблагонадежность, от обвинения врача Богуцкого воздерживается.

Затем в течение нескольких лет, именно до 1845 г., никаких проявлений насаждаемого поляками в русском учебном заведении полонизма не наблюдается. Объясняется это тем, что главный агент этого движения ксендз Петр Подлевский попал в положение поднадзорного и развернуться, как следует, не мог.

Запрос г. попечителя о благонадежности гимназического врача Богуцкого наводит на мысль: не пытался ли он заменить в этом отношении ксендза и не дошли ли слухи о таковой попытке до сведения округа, что и вызвало самый запрос? За отсутствием данных ни «да», ни «нет» на этот вопрос мы ответить не можем. Во всяком случае, было бы ошибочно думать, что за это время польского влияния на учеников вовсе не было; в совершенно противоположном нас могут убедить результаты обыска, произведенного у учеников, как мы увидим дальше.

Польское влияние и польские симпатии, несомненно существуют и в это время среди учеников Ровенской гимназии, но в установлении этого влияния не усматривается

РОУНБ

определенной системы, определенной планомерности из-за отсутствия такого центра, вокруг которого могли бы группироваться польские вожделения: мы видим, что то ксендз, вероятно не без основания, попадает под надзор, то заподозривается в неблагонадежности врач-поляк Богуцкий, то, наконец, являются агенты-любители, с чем познакомимся впоследствии, но все эти выступления носят случайный характер, более постоянным проводником является ксендз, но и он не может, как мы уже говорили, действовать свободно.

Тогда возникает настоятельная необходимость снять с ксендза подозрение в неблагонадежности и какою бы то ни было ценою реабилитировать его имя в глазах русского правительства. Скоро отыскивается для этого и подходящий случай. В 1845 г. на уроке римско-католического Закона Божия в V классе ученик того же класса Высоцкий с детской наивностью показал законоучителю ксендзу Петру Подлевскому, какое-то нелегальное религиозное сочинение, как потом оказалось «Послание» Спасителя на польском языке, которое тот представил по начальству гимназии. По этому поводу был произведен обыск среди учеников, во время которого у ученика V класса Высоцкого найдена была политического содержания песня, сообщенная ему учеником Кендзерским, а у ученика VII класса Махчинского найдены стихи Мицкевича «Редут Ордона» и «Выгнанец Сибирский», т.е. «Сибирский изгнанник», которые и были отобраны.

Об этом происшествии было донесено *(См. переписку за 1845 год.)* г. попечителю, который утвердил наложенные на провинившихся учеников наказания: ученики V класса Высоцкий и Кендзерский были «изрядно высечены», а ученик VII класса Махчинский был подвергнут аресту и, кроме того, лишен права получить аттестат.

Таким образом, ксендз Подлевский, предавши несколько учеников-поляков, восстановил в глазах русского правительства свое имя; иного исхода для него не было, да и стоило ли жалеть двух высеченных подростков и одного юношу с искалеченной судьбой, когда с «пана ксендза» снималось этим подозрение в неблагонадежности, а главное он мог теперь свободно действовать «ad majorem Dei gloriam[1]» и для блага «отчизны»? С такими «мелочами» не приходилось считаться, ибо, как известно, в католическом мире «цель оправдывает средства».

Снявши с себя подозрение в неблагонадежности, ксендз Подлевский на некоторое время воздерживается от каких бы то ни было выступлений, чтобы могла окрепнуть мысль о его благонамеренности с одной стороны, с другой – чтобы заручиться расположением и доверием директора, которое должно было пригодиться впоследствии. Но благодаря воздержанности ксендза польское движение в гимназии не прекратилось. В этом же году некоторые ученики Ровенской гимназии, как видно из отношения г. попечителя к директору *(Ibidem)*, самовольно отлучались в г. Острог, по какому поводу гражданскими властями было наряжено формальное следствие, но каковы были его результаты, из переписки не видно. Если же мы сопоставим эти отлучки с тем польским движением, которое в следующем году разразилось в Галиции, а также с беспорядками в Кракове, каковое движение ожидалось и у нас в Юго-Западном крае, то причины их станут для нас понятны.

Весною следующего 1846 г. начались упомянутые выше беспорядки, почему г. попечителем был прислан особый секретный циркуляр *(От 2 марта 1845 г. за № 4.)*, в котором говорится, что в «Кракове и в Галиции в последнее время возникли беспорядки. Толпы людей, получивших название разбойников, произвели возмущение и их принуждены усмирять вооруженною силою. Польские злоумышленники вознамерились распространить подобные действия и в губерниях Волынской, Киевской и Подольской», почему директору предписывалось строжайше наблюдать за образом мыслей, поведением учеников и их сношениями с различными лицами.

Одновременно с началом польского движения в Австрии в г. Ровно появляется какой-то субъект, который входит в «навязчивые сношения» с учениками Ровенской гимназии, Тогда директор обращается за содействием к Ровенскому городничему, который вызывает к себе означенное лицо и учиняет ему допрос. На допросе этот господин заявляет *(См. отношение городничего от 12 марта 1846 г. за № 30.)*, что он дворянин, по фамилии

[1] Для більшої слави Божої (*лат.*).

Пржеборовский (конечно поляк), приехал в г. Ровно и временно здесь проживает для излечения; что при свиданиях с знакомым ему учеником Маевским (тоже поляком) ему приходится случайно встречаться с другими учениками Ровенской гимназии.

Городничий с формальной стороны остался, по-видимому, удовлетворен таким объяснением, но что дальше произошло между городничим и дворянином Пржеборовским, осталось тайной, следствием которой было прекращение «случайных» сношений с учениками и весьма быстрое исчезновение из города этого лица. Ставя действия дворянина Пржеборовского в связь с политическими выступлениями поляков в Австрии и ожиданием таковых же в России, мы позволяем себе усомниться в правдивости его показаний и видеть в нем агента любителя со стороны польского движения, тем более что немного спустя между учениками была обнаружена тайная условная азбука *(Отношение попечителя от 2 апреля 1846 г. № 52.)*, и в этом деле были замешаны ученики-поляки: Круковский и Пиотровский.

1847 год или случайно, или по недосмотру «властей предержащих» прошел в Ровенской гимназии благополучно. Быть может на это имело влияние то обстоятельство, что никаких крупных польских выступлений ни в России, ни за границей в этом году не было и поляки притихли, выжидая более благоприятных обстоятельств. Ксендз Подлевский, также притаившийся, в это время по-видимому лелеял мысль перенести католический храм или каплицу, ибо для целей политической пропаганды это существенной разницы не составляло, если не в самую гимназию, то поближе к ней, чтобы иметь надежное прикрытие и не вызывать ничьих подозрений. Но политические осложнения этому пока не благоприятствовали.

Как затишье бывает обыкновенно перед бурей, так и спокойно прошедший 1847 год не предвещал ничего хорошего. В начале 1848 г. в Австрии началось опять движение. Возмущение поднялось не только в Галиции (Лемберге), но и в столице Вене. Польское движение в этом году, как известно, не было самостоятельным, а шло в связи с другими: народное движение было не только в одной Австрии, но в большей части государств Западной Европы, являясь отражением февральской революции во Франции. В частности в Австрии движение 1849 г. было двух направлений: с одной стороны либеральное, стремившееся пересоздать государство на основании принципов, выработанных великой французской революцией, с другой – национальное, имевшее целью добиться самостоятельности отдельных народностей, входивших в состав Австрии. Ко второму движению большей частью и примкнули поляки. Русское правительство, которому, как известно, выпало впоследствии на долю подавлять движение в Венгрии, не на шутку встревожилось за свои пограничные губернии.

Поэтому в марте 1848 г. *(От 15 марта 1848 г. за № 13.)* г. попечителем было прислано секретное предписание директору Ровенской гимназии следить, какое впечатление произведет движение в Западной Европе на учащуюся молодежь, и, в случае чего-либо важного, довести до сведения округа. Директор на эту бумагу ответил успокоительно, но в действительности не все спокойно было в Ровенской гимназии, о чем было известно гражданским властям.

В мае того же года был командирован *(См. отношение начальника Волынской губернии от 7 мая 1848 г. № 3051.)* из Житомира в г. Ровно капитан корпуса жандармов барон Шеттер. 10-го мая в 8 часов вечера этим лицом в присутствии директора Ровенской гимназии был произведен обыск в квартире ученика того же учебного заведения Владислава Шаллая. Во время обыска были найдены какие-то запрещенные стихотворения, какие – из переписки не видно. Вероятно, содержание их было в достаточной степени серьезно, потому что упомянутый выше Владислав Шаллая, а также его товарищ Михаил Высоцкий были арестованы, при чем, первый был передан начальнику местной инвалидной команды для «подвержения» аресту, а второй – директору с предписанием «содержать под самым строжайшим арестом так, чтобы он ни в каком случае не имел возможности видеться ни с товарищами своими и ни с кем из посторонних лиц до особого о нем распоряжения». Очевидно, обвинение и улики против указанных учеников были тяжелы, раз были приняты такие меры предосторожности.

Приведенное выше дело указывает на два обстоятельства: во-первых, что антиправительственное движение существовало в это время в Ровенской гимназии, и именно движение польское, на что указывает национальность обоих учеников и их польские симпатии; во-вторых, что директором было допущено бездействие власти, умышленное или по небрежности – решать не беремся, ибо, как угодно, странно, что направление и образ мыслей учеников Ровенской гимназии оказались лучше известными губернатору в Житомире, чем директору гимназии в г. Ровно.

В 1848 г. директора Аврамова сменяет в Ровенской гимназии новое должностное лицо – Траутереттер, при котором польское движение в гимназии не только продолжает развиваться, но и сам директор заподозривается генерал-губернатором в укрывательстве неблагонадежных учеников, на что имеем очень прозрачный намек в переписке по поводу сведений об окончивших и выбывших учениках, которые требовалось доставлять в округ.

Так генерал-губернатор в бумаге от 20 января 1849 г. за № 35 пишет директору Ровенской гимназии: «Ученики западных губерний, заподозренные во вредном направлении мыслей, часто поступают в другие гимназии, выбывши предварительно по прошению, и скрывают истинные причины перемещения». Поэтому он (генерал-губернатор) находит нужным иметь в канцелярии попечителя сведения о всех учениках, уволенных до окончания курса, а потому просит о каждом подробно сообщать:

1) по каким именно причинам он выбыл из гимназии,

2) как учился в бытность в гимназии,

3) не был ли замечен в чем-либо предосудительном.

Вслед за этой бумагой, месяц спустя, последовала вторая *(От 24 февраля 1849 г. за № 51.)*. «Получая ныне такие донесения, я нахожу в них вместо прямых и положительных ответов на означенные вопросы, показания об учениках, изложенные в столь неопределенных и часто ничего незначащих выражениях, что из них нельзя извлечь никакого заключения о нравственности ученика. Вследствие сего, я подтверждаю всем директорам и Вашему Высокородию, чтобы Вы в донесениях о бывших учениках излагали положительно и ясно (следуют пункты), отнюдь не употребляя выражений и оборотов речи, не имеющих определенного значения».

Намек на укрывательство учеников директором здесь вполне ясен и очевиден.

В это время ксендз Подлевский, реабилитировавший, как мы видели выше, довольно некрасивым образом, свою благонадежность и притаившийся на несколько лет, находит, что настал «час» его, так как время для такого выступления благоприятствовало.

Во главе Ровенской гимназии стоял директор-немец, человек совершенно равнодушный к религиозным вопросам, для которого и католицизм, и православие были совершенно чужды и одинаково безразличны, кроме того, как из его деятельности видно, сильно благоволивший к полякам. К тому же комиссия, осматривавшая в это время приходской костел, который посещали ученики, нашла необходимым прекратить в нем, за ветхостью, богослужения. Тогда ксендз, думая, что настал благоприятный момент для образования костела или каплицы при самом учебном заведении, просит директора открыть временную католическую каплицу в одной из зал замка князей Любомирских, который тогда принадлежал Ровенской гимназии и в который предполагали перевести самое учебное заведение.

В данном направлении было оказано давление ксендзом Подлевским и на почетного попечителя гимназии поляка Порчинского, который со своей стороны обещал директору оказать содействие в доставлении всего необходимого для будущей каплицы.

Тогда директор Траутереттер посылает официальное ходатайство об открытии каплицы в замке князя Любомирского через господина попечителя, которому пишет: «Вашему Высокопревосходительству имею честь донести, что римско-католический костел в г. Ровно находится в опасном положении и что комиссия, осмотревшая повреждения, представила высшему начальству [отчет – ? ред.] о необходимости прекращения в нем богослужения. Теперь предполагается назначить для богослужения костел на римско-католическом кладбище, находящийся в значительном расстоянии от города.

Предвидя из сего большие неудобства для учеников в вверенной мне гимназии, имею честь просить согласия Вашего Высокопревосходительства на устройство молитвенного дома для учеников в зале пожертвованного князем Любомирским палаца.

По предварительному советованию с г. почетным попечителем Порчинским, он мне обещал содействовать со своей стороны доставлением необходимого на сие устройство».

Это ходатайство директора было удовлетворено и с разрешения властей, полученного через генерал-губернатора, каплица была открыта. Таким образом, вместо случайной каплицы, которая существовала при Клеванской гимназии, по видимому без разрешения властей и содержалась на счет ксендза, при Ровенской гимназии трудами ксендза Подлевского и его стараниями открывается на совершенно легальном основании католическая каплица и именно в том здании, куда имело перейти русское учебное заведение. Это был большой плюс для поляков в деле полонизации края вообще, русского же учебного заведения в частности, и указывает на то, какого настойчивого и хитрого врага имело русское правительство в лице католических ксендзов.

Но надежды ксендза Подлевского на перевод Ровенской гимназии в замок князей Любомирских не оправдались, так как замок был возвращен его прежним владельцам. Это возвращение было выгодно и удобно кому угодно, но только не гимназии, ибо данная постройка представляет собою ценность не только материальную, но и историческую.

Директор Аврамов мотивировал неудобство указанного перемещения тем, что остров, на котором расположен замок, мал и весною часть его заливается водою.

Во-первых, площадь острова значительно больше усадьбы, занимаемой ныне гимназией.

Во-вторых, при сильных весенних разливах вода нередко достигает гимназической усадьбы, как, например, было в 1908 г., когда сообщение с городским училищем, находящимся рядом с гимназической усадьбой, совершалось на лодках. Однако большие разливы, которые здесь бывают редко, не мешают реальному училищу существовать на этом месте 74 года.

Второй мотив тот, что воздух на острове вреден для здоровья вследствие гниения зелени в окружающем его пруде. Как известно, замок расположен на западном берегу пруда или озера, а гимназия на южном, поэтому смеем усомниться, чтобы воздух на западном берегу озера был вреднее для здоровья, чем на южном.

Наконец, последний мотив – уже директора Траутереттера в его донесении генерал-губернатору Бибикову в 1852 г., что замку грозит скорое разрушение (по мнению окружного архитектора), повел к передаче его с высочайшего повеления в 1859[1] г. обратно бывшим владельцам. Тем не менее, в замке ни до его передачи, ни после, никакого ремонта не делалось, как нам передавали старожилы, если не считать нескольких латок на крыше, а он благополучным образом стоит до сих пор и, по-видимому, не скоро собирается разрушаться.

В этом деле, по нашему мнению, также сказывается сильное польское влияние на директоров Ровенской гимназии, которые не стеснялись поступиться интересами учебного заведения, чтобы заслужить себе расположение сильных мира сего из польского лагеря.

Покамест вопрос о перемещении Ровенской гимназии в замок Любомирских оставался открытым, каплица, учрежденная там, начала функционировать.

В скором времени обнаружилось, что крыша замка над залой, в которой была каплица, дала течь, починить которую у гимназии средств не было. Тогда директор обращается с письмом *(Дело № 31. 1850 г.)* к городовому врачу, поляку Торноградскому, в котором просит прислать деньги, собранные женой инспектора Туманова (первая жена его, собиравшая деньги на каплицу, была православная, также, как и дети) перед кончиною ее сына «на сей предмет» (т.е. для устройства католической каплицы) и отданные ему на хранение. Для этой цели уже была пожертвована гонта почетным попечителем гимназии, предводителем дворянства (поляком) Порчинским. Деньги эти были присланы означенным врачом в количестве 30 рублей серебром. Для этой же цели г. Порчинским среди

[1] В оригіналі вказана помилкова дата 1869 р.

помещиков было собрано еще 36 рублей серебром, и крыша на замке над гимназической католической каплицей починена.

Хотя расчеты на внедрение католической каплицы в самое учебное заведение и не оправдались, но все же приближение ее к стенам учебного заведения сейчас же дало себя почувствовать.

В том же году, когда она была открыта, почетный попечитель гимназии Порчинский подает донос *(См. переписку за 1849 г.)* на надзирателя Павловского (русского), обвиняя его в грубом обращении с учениками и требуя его увольнения. Очевидно, что поляки старались устранить неудобное для них лицо, чем-то мешавшее их целям, ибо Павловский до этого довольно долго служил и был на хорошем счету.

В следующем 1850 г. произошел еще более интересный случай. Ученик IV класса Урбан Свентоянский (поляк) сказал дерзость надзирателю (русскому), за что на него было наложено телесное наказание, но привести это наказание в исполнение он не позволил, о чем было донесено властям.

Генерал-губернатор, который был извещен об исключении означенного ученика, в своем отношении *(От 22 марта 1850 г. № 14.)* по этому поводу на имя директора пишет, между прочим: «Нужным нахожу уведомить Вас, Милостивый Государь, что я не могу понять, как может малолетний мальчик не покориться воле и требованию своего начальства, и отношу это не к иному чему, как к слабости Вашей и инспектора».

Мы же с своей стороны, не отрицая последнего положения, видим причину посягательств со стороны поляков на русских чиновников в близости католической каплицы к учебному заведению, которая давала им нравственные силы и поддержку в этих выступлениях.

Затем несколько лет проходят спокойно, по крайней мере в бумагах Ровенской гимназии никаких проявлений польского движения не зарегистрировано. Объясняется это тем, что конец царствования государя Николая Павловича совершенно этому не благоприятствовал. Только что подавленное венгерское восстание в Австрии и надвигавшаяся война с Турцией на Ближнем Востоке заставляли русское правительство быть особенно чутким ко всяким инородческим движениям, а особенно польскому, так как память о повстании была еще свежа, а частичные антирусские выступления очень часто напоминали о том, что недовольство поляков не исчезло, а только временно притаилось, выжидая лишь удобного момента, чтобы снова выставить свои притязания, и пока вело скрытую подпольную работу.

Чтобы предохранить подрастающее поколение от, несомненно, вредного польского влияния, генерал-губернатор предложением от 30 июня 1854 г. за № 4 *(См. переписку за 1854 г.)* предписывает директору Ровенской гимназии устранить от содержания учеников-пансионеров учителей, женатых на польках. Если же он найдет возможным дать такому лицу квартирантов, то донести: «Не усвоены ли в его семействе через жену польские нравы и язык, или превратные, столь обыкновенные между поляками, понятия о России и всем русском».

Мероприятие это, как мы видели раньше, не ново, так как и прежде издавались аналогичные распоряжения, но в настоящее время оно как-то не вяжется с тем положением дел, которое создалось в Ровенской гимназии. Кроме ксендза, имевшего в качестве законоучителя сильное влияние на учеников, близко к последним стоит инспектор Туманов (1848–1855), первая жена которого не без ведома, конечно, мужа собирала деньги на католическую каплицу, хотя сама была православной, что указывает на польские симпатии этой семьи.

По смерти первой жены Туманов женится на дочери полковника Юревичева[1], римско-католического исповедания, чем подчеркивает лишний раз свое расположение к полякам. И вот такое лицо, вполне преданное польским интересам, становится директором Ровенской гимназии (1855–1860 г.) с миссией охранять ее от польщизны. Таким образом, получается,

[1] Помилка автора: насправді друга дружина О. Туманова, Софія, була не дочкою, а вдовою полковника Юревича. Див. далі спогади А. Солтановського на с. 193-194.

что квартиросодержатели, женатые на польках, для русского дела вредны, а директор, женатый также на польке и сам с польскими симпатиями, для того – же дела полезен.

18-го февраля 1855 г. в Бозе почил государь Николай Павлович, и на прародительский престол вступил государь император Александр II.

Государь Александр Николаевич еще в бытность наследником известен был своими более либеральными взглядами, чем его почивший родитель, отличался большою доверчивостью к людям и был преисполнен самыми лучшими желаниями и предначертаниями на благо страны и народа, осуществление которых впоследствии и сделало его царствование незабвенным.

Эту-то доброту нового государя, его расположение и доверчивость к подданным поляки решили использовать выгодным для себя образом.

Тот шаг, который был невозможен при императоре Николае I, становится возможным при Александре II. Раньше для того, чтобы приблизить католическую каплицу к стенам русского учебного заведения, нужны были годы ожиданий, большая осторожность и хитрость. Теперь можно было открыто ходатайствовать об учреждении той же каплицы, но уже в стенах учебного заведения, чему много способствовало то обстоятельство, что намеченный на пост директора Туманов был полонофилом, и на него можно было оказывать воздействие через его жену-католичку, так что поддержка с его стороны польскому делу была несомненна.

Но, чтобы не терять напрасно времени на ожидание назначения Туманова на пост директора Ровенской гимназии, поляки выдвигают смотрителя провиантского магазина коллежского асессора Фортуната Фаддеевича Погоского в качестве ходатая об учреждении каплицы римско-католического исповедания при Ровенской гимназии, так как открытая в замке кн. Любомирского таковая же каплица оказалась неудобной, потому что гимназия осталась на прежнем месте, сообщение же через озеро было невозможно большую часть года, так как мост не всегда был исправен, а ходить туда через город было далеко и неудобно.

Самый выбор лица выступившего с ходатайством, был сделан поляками с большим расчетом: если бы за это дело взялось лицо более знатное с сильными связями, то уже самое это обстоятельство могло обратить внимание кого следует на важность удовлетворения просьбы для польского дела, и мог последовать отказ; если бы выступило лицо совершенно неизвестное, то его ходатайство могло быть оставлено без рассмотрения; поэтому выбор падает на поляка средней руки, заподозрить которого в чем-либо неблагонамеренном было более трудно еще и потому, что он был на русской государственной службе, кроме того, дети его обучались в гимназии, а потому было вполне естественно встретить его в роли отца, заботящегося о религиозном воспитании своих детей.

5-го мая 1855 г. упомянутый выше коллежский асессор Погоский подает директору Ровенской гимназии Росковшенко, который доживал последние месяцы своей службы в городе Ровно, следующее прошение:

«Будучи отцом семейства, вполне постигаю необходимость при воспитании юношества соблюдения религиозных обрядов, в особенности слушания св. Литургии, что при вверенной Вашему Высокородию гимназии для учеников римско-католического исповедания по отдаленности места нахождения римско-католической приходской церкви, тесной и неудобной, не всегда соблюсти можно (О гимназической католической каплице в замке кн. Любомирского не упоминается вовсе) … Побуждаясь тем, представляю при сем на сей предмет план и фасад деревянного на каменном фундаменте здания, имеющего 50 футов в длину и 32 фута в ширину, приемлю честь почтительнейше просить ходатайства Вашего Высокородия как о разрешении постройки, так (и) об отводе местности на том месте, где находятся развалины оранжереи и разрушенные остатки от погоревшего недавно принадлежащего гимназии строения (сарая) с дозволением небольшой добровольной складки учеников или их родителей под непосредственным наблюдением гимназического начальства, а остальное количество я надеюсь при помощи благонамеренных лиц собрать от гг. чиновников и жителей г. Ровно».

«При сем имею честь присовокупить: 1) что постройка этого здания, производимая хозяйственным образом по сметному исчислению не будет превышать 800 руб.; 2) если

при усердии жертвователей подписка будет успешна, то постройка может быть окончена в 6 месяцев и даже того менее».

«Я же с моей стороны принимаю труд занятия постройкою означенной каплицы, дабы воспитанники гимназии имели удобность молить Всевышнего о здравии и благоденствии Августейшего Монарха нашего и приготовили бы себя быть добрыми христианами, а тем самым и хорошими сынами отечества» (только какого?).

11-го мая того же года директор обращается к князю Любомирскому с официальным письмом, в котором пишет, что Погоский обратился к нему с просьбой ходатайствовать о разрешении построить на гимназической земле католическую каплицу, при чем присовокупил, как слух, «что Вы кирпич каменной стены, вблизи этих строений находящейся, предположили на фундамент предполагаемой к постройке каплицы. Вследствие этого имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, сообщить мне официально, действительно ли Вы кирпич помянутой стены предположили на означенный предмет, дабы я мог сделать по сему предмету представление по начальству».

Здесь обращает на себя наше внимание выражение «предположили», которое указывает на то, что князь Любомирский не только был знаком с этим вопросом, когда он возник, но гораздо ранее этого детально его разработал и имел определенный план в этом деле, раз его предположения касались даже таких частностей, как вопрос о том, откуда взять кирпич для фундамента.

На это письмо от 13 мая последовал ответ князя Любомирского через его «уполномоченного по делам и имению», где последний пишет: «На предполагаемую постройку в г. Ровно римско-католической каплицы на том месте, где сгорело строение, принадлежавшее гимназии, от имени верителя моего соглашаюсь *(Князь Любомирский, как собственник г. Ровно, мог на это и не согласиться.)* с тем, что и кирпич, находящийся в каменной стене, оставшейся против сего места, может быть употреблен на фундамент под каплицу».

Заручившись согласием (конечно официальным, ибо о неофициальном и разговаривать не приходится) князя Любомирского на постройку каплицы и частью строительного материала, директор возбуждает ходатайство о разрешении постройки, при чем к мотивам, выставленным г. Погоским, прибавляет от себя еще следующее:

1) костел, в котором совершается богослужение, отстоит далеко от общих ученических квартир,– «около полутора версты», как определил это расстояние директор Туманов в своем воззвании о пожертвованиях на каплицу, обращенном к предводителям дворянства различных уездов Волынской губернии,
2) что учеников при Ровенской гимназии состоит православного исповедания 41, а римско-католического 197 *(Это называется русским учебным заведением!)* и
3) что многие вещи, необходимые для устройства алтаря в каплице, находятся при гимназии.

Последнее обстоятельство обратило на себя внимание генерал-губернатора, который в запросе директору от 1 июня 1855 г. за № 2612 просит сообщить: «Когда именно воспоследовало разрешение на устройство при Ровенской гимназии католического алтаря для богослужения?»

В ответе своем директор указывает на разрешение, данное генерал-губернатором генерал-адъютантом Бибиковым на открытие католической каплицы в замке кн. Любомирского. Этот ответ с точки зрения официальной генерал-губернатора удовлетворяет.

Но остается еще точка зрения неофициальная, вполне понятная каждому русскому человеку: почему при русском учебном заведении, в стенах которого нет вовсе православного русского храма, директор усиленно хлопочет об открытии католической каплицы, игнорируя интересы и религиозные запросы православных учеников, которых хотя было и мало, но они все-таки были?

Вследствие этого генерал-губернатор, князь Васильчиков, в отношении от 19 сентября 1855 г. за № 5201 пишет директору: «Предлагаю Вашему Высокородию донести мне: где отправляется богослужение для воспитанников вверенной Вам гимназии православного исповедания, живущих в общих квартирах, и если в местной городской церкви, то в каком расстоянии сия последняя отстоит от гимназического здания?».

В ответ на запрос генерал-губернатора директор Ровенской гимназии посылает следующую бумагу *(От 29 октября 1855 г. за № 432)*, которую здесь приводим полностью:

«На предписание Вашего Сиятельства от 19-го октября за № 5201 имею честь донести, что воспитанники общих квартир православного исповедания еженедельно по воскресным дням и в другие праздничные дни, табелью определенные, ходят на богослужение в здешнюю соборную церковь, отстоящую от здания гимназии и общих квартир более версты. В ненастные же весенние и осенние дни, по причине глубокой грязи, вместо посещения собора ученики накануне праздничного дня собираются в самом здании гимназии, где отправляется законоучителем вечерня и заутреня».

Таким образом, мы видим, что католикам ходить в костел «около полуторы версты» далеко, а православным идти в церковь «более версты» по той же самой непролазной грязи близко, во всяком случае, об удобстве первых заботятся, а здоровьем вторых пренебрегают. Затем, как мы видели, директор вместе с г. Погоским считают Литургию могучим фактором в воспитании католиков-поляков, враждебных России и ненавидящих все русское, а для своих русских-православных довольно и того, что они «накануне праздничного дня собираются в самом здании гимназии, где отправляется законоучителем вечерня и заутреня». И все это делается не в католической Польше XVI и XVII веков, а в православной России во второй половине XIX столетия.

Но еще более горько и больно становится при мысли о том, что все должностные лица, через чьи руки прошло ходатайство об открытии католической каплицы при русской гимназии, в которой не было домовой православной церкви, – все эти блюстители русских интересов в русском же государстве, даже сам архиепископ, уведомивший гражданские власти о неимении с его стороны препятствий *(См. отношение Ровенского духовного правления от 23 авг. 1855 г. за № 588.)* к открытию католической каплицы, отнеслись к русским православным интересам совершенно индифферентно, и только один генерал-губернатор князь Васильчиков счел возможным осведомиться об исполнении религиозных обязанностей православными учениками, да и то, дальше этого дело не пошло.

Данный случай показывает нам наглядно, до какой степени полонофильство было развито не только в Юго-Западном крае, но и во всей России. Поэтому нет ничего удивительного, что директора Ровенской гимназии, живущие среди поляков и полонофильствующих русских, подпадают под их влияние и часто в этом отношении оказываются не на высоте своего призвания, когда высшие государственные деятели, далекие от польского влияния, все же остаются равнодушными к своим родным православным интересам.

7-го декабря того же года последовало разрешение г. министра внутренних дел за № 3007 коллежскому асессору Погоскому построить на свой счет каплицу близ Ровенской гимназии. При этом, действительный тайный советник Ланской присовокупил, что план ее (т.е. каплицы) должен быть рассмотрен в местной строительной и дорожной комиссии, а для распоряжения по сему предмету (о каплице) по части духовной предложено римско-католической духовной коллегии.

Волынская губернская строительная и дорожная комиссия, рассмотрев приложенный к прошению Погоского план каплицы, нашла: что лицевой фасад ее по этому чертежу не только неприличен для здания, в котором отправляется богослужение, но и неблаговиден; боковой фасад совершенно не соответствует лицевому, будучи составлен в совершенно различном с первым вкусе, без пилястр, имеющихся на лицевом, и с окнами другого вида и размера, помещенными выше, чем на лицевом. Сверх того, хоры в проекте, поддерживающиеся при ширине каплицы до 5 сажен всего только двумя тонкими столбами, не представляют устойчивости. По сим «уважением» комиссия составила на постройку каплицы новый проект в тех же размерах *(См. отношения генерал-губернатора от 15 февраля 1856 г. за № 795.)*.

О полученном разрешении начальства на постройку каплицы был извещен г. Погоский, который обратился после этого с просьбой к директору *(От 29 февраля 1856 г.)* снабдить его от дирекции одною шнуровою книгою (для) общего прихода и расхода сумм на предполагаемую постройку каплицы и десятью шнуровыми тетрадями для записи пожертвований от благонамеренных лиц, в разных местах живущих, что и было исполнено,

только тетрадей было дано 4 вместо 10. Кроме того, г. Погоский просил директора пригласить родителей и опекунов учеников, воспитывающихся в гимназии, к пожертвованию на таковую постройку.

Таким образом, мы видим, что главное условие, на основании которого было дано г. министром внутренних дел разрешение на постройку каплицы, чтобы г. Погоский строил ее «за свой счет», было совершенно игнорировано как самим строителем, так и местными представителями власти.

Директор Туманов сейчас же энергично принимается за незаконный сбор пожертвований на постройку католической каплицы при Ровенской гимназии. Прежде всего он отсылает г. Погоскому 35 руб. 50 к., оставшиеся от данного в клубе спектакля и жертвуемые на каплицу *(См. отношение директора к Погоскому от 9 марта 1856 г. за № 144.)*. Затем обращается к предводителям дворянства различных уездов Волынской губ. со следующим воззванием, которое мы здесь приводим полностью:

«Милостивый государь.

Уже несколько лет, со времени запечатания римско-католического приходского костела в г. Ровно и перенесения богослужения в кладбищенскую часовню, воспитанники Ровенской гимназии испытывают неудобства в посещении храма Божия, отстоящего ныне около полуторы версты от здания гимназии. Это неудобство тем более чувствительно для воспитанников общих квартир, в особенности весною и осенью, когда улицы города делаются почти непроходимыми от грязи и когда болезни, следствие простуды и скверного климата г. Ровно, развиваются между детьми в значительной степени.

Сочувствуя благу воспитывающегося юношества и желая отвратить столь важное неудобство к исполнению первой и священной обязанности, составляющей основание воспитания, коллежский асессор Фортунат Фаддеевич Погоский вошел... с прошением, в котором изъявил желание озаботиться постройкою вблизи здания гимназии римско-католической каплицы для воспитанников заведения.

Надеясь на христианскую готовность всех вообще жителей г. Ровно и Волынской губернии содействовать исполнению этого богоугодного дела, г. Погоский предложил свои услуги касательно наблюдения за постройкою и вообще всеми работами по сооружению храма.

Представив прошение г. Погоского на благоусмотрение высшего начальства, я получил ныне от управляющего Киевским учебным округом уведомление, что г. министр внутренних дел предложением от 7 декабря 1855 г. за № 3007 разрешил постройку римско-католической каплицы вблизи гимназии, при чем, препровожден мне и проект здания, утвержденный Волынской губернскою строительною комиссиею.

Ныне, при начатии постройки сего храма, я за честь себе почитаю обратиться к дворянству Волынской губернии, коего сыновья воспитываются в Ровенской гимназии, и уверен, что найду в нем сочувствие к общеполезному делу. Успех постройки храма и благолепие его будут зависеть от степени пожертвования, на которое вполне полагаю несомненные надежды, зная, что религиозное направление составляет главную благороднейшую черту характера дворянства Волынской губернии, потому что эта черта так отрадно отражается на детях этого сословия, воспитывающихся в учебных заведениях.

Вам, как представителю благородного сословия №№ уезда Волынской губернии, принадлежит честь быть ходатаем, примером и отголоском чувства дворянства на призвание к благотворительному делу, касающемуся пользы юношества.

Я убежден, что Вы не откажете принять ревностное и согласное с благородством души Вашей участие в приглашении дворян №№ уезда Волынской губернии к пожертвованию на постройку храма, где их дети, имея перед глазами пример христианских добродетелей в лице своих родителей, будут воссылать за них же молитвы ко престолу Всевышнего.

Имею честь препроводить при сем книгу для записи пожертвований под № по порядку и, надеясь вполне на содействие Ваше, покорнейше прошу по мере поступления приношений высылать таковые на имя дирекции Ровенской гимназии.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим, Милостивый государь, покорным слугою».

Не касаясь того вопроса, имел ли право директор без разрешения на то властей рассылать подобного рода официальные воззвания лицам, занимающим официальный пост, позволим себе обратить внимание на самое воззвание. Прежде всего дело, на ко-

торое собирались деньги, с точки зрения русской государственности, было далеко не «общеполезное», а скорее вредное, если смотреть на открытие католической каплицы, как на устройство рассадника полонизма в русской гимназии, что в действительности и проявилось, как увидим выше, в шестидесятых годах. Затем обращает на себя внимание льстивый и угодливый тон воззвания, тон, тем более странный, что воззвание исходило от русского представителя власти и, будет обращено к польскому обществу, несколько кровных интересов этого последнего.

Пока рассылались эти воззвания, директор вместе с г. Погоским решили выбрать более удобное для каплицы место, чем то, которое первоначально предполагалось. «Из всех пустопорожних мест *(См. ходатайство директора генерал-губернатору от 24 марта 1856 г. за № 170.)* в окружности гимназических зданий не находится ни одного, которое бы по своему положению, по соображению с городской распланировкою и, наконец, по удобству и приличию для воздвигаемого здания, могло удовлетворять всем условиям постройки. Вследствие сего была осмотрена местность, находящаяся в черте самых зданий, занимаемых гимназией», и директор нашел «самым удобным и приличным для каплицы место в роще, находящейся между зданием гимназии и домом Рыльке, так что каплица, занимая самый средний пункт между сими двумя зданиями и находясь фронтоном своим на прямой линии с гимназией будет служить украшением целой линии гимназических зданий и совмещать в себе то удобство, что воспитанники, по чрезвычайной близости храма, могут каждый день перед началом уроков быть на богослужении и поучении своего законоучителя».

И действительно, то место, где первоначально было предположено строить каплицу, было выбрано не совсем удачно. Здесь еще в 1900 годах находились (частью и сейчас находятся) огороды, принадлежащие училищу, между зданием так называемой «оранжереи», где помещаются в настоящее время канцелярия училища, а также квартиры письмоводителя, надзирателя и диакона, с одной стороны, с другой – усадьбой с домом, занимаемым и. об. инспектора.

Через эти огороды несколько лет тому назад была проведена Новодиректорская улица, при чем реальное училище взамен земли, отошедшей под улицу, получило соответствующие участки земли с другой стороны усадьбы. Таким образом, часть здания каплицы могла быть отрезана при проведении улицы, почему ее и перенесли в находящийся при училище парк, хотя архитектура самой каплицы до того невзрачна, что «украшать» гимназического здания, как выразился директор Туманов, она не может.

Разрешение на постройку католической каплицы в парке, примыкающем к гимназии, было дано генерал-губернатором князем Васильчиковым от 11-го апреля 1856 г. за № 1799. В течение месяца с этого времени в гимназии производился сбор денег с учеников на постройку каплицы. Деньги поступали первоначально к исправляющему обязаности инспектора Коленко, который 17-го мая того же года представил их при рапорте директору Туманову. Всего собрано было с учеников 76 руб. 80 коп. Тогда директор отсылает собранные деньги г. Погоскому. Всего последнему было отдано, как видно по его расписке от 28 мая, 159 руб. 81 коп. (35 руб. 50 коп. от клубного спектакля, 76 руб. 80 коп. от учеников, а откуда остальные деньги – по документам не видно). Собравши небольшое количество денег, решили приступить к постройке здания.

Самая закладка здания была произведена с большою торжественностью, как видно из донесения директора Туманова об этом управляющему Киевским учебным округом от 29 мая 1856 г. за № 259: «Закладка сия совершена была с большим торжеством пробощем ровенского приходского костела каноником Станиславом Морозом, в присутствии моем, исправляющего должность инспектора гимназии, всех г.г. чиновников и воспитанников гимназии, строителя каплицы коллежского асессора Погоского и почетнейших жителей г. Ровно. Самый обряд положения первого камня во храм, предназначенный для молитвы воспитанников, совершен был мною совместно с владельцем г. Ровно князем Казимиром Любомирским и г. ровенским городничим. По общему желанию храм заложен во имя святого Станислава».

Затем приступили к постройке, за которою, кроме самого г. Погоского, наблюдал приглашенный им инженерный чиновник Киево-Брестского шоссе Тейхман, который, правда, был не совсем специалист по части построек, но самый титул инженерного чиновника действовал успокоительно на окружающих, да и самая постройка была так проста, что за ее возведением мог наблюдать и простой подрядчик.

Сбор пожертвований на каплицу продолжался все лето и осень 1856 г. За это время директором собрано было опять с учеников и других лиц 60 руб. 85 коп., строитель же каплицы г. Погоский собрал по выданным ему тетрадям гораздо больше, так как не стеснялся в средствах для сбора денег. Так, например, в пользу строящейся каплицы в мае 1856 г. был дан пикник, что вовсе не соответствовало ни достоинству учебного заведения, при котором воздвигалось здание, ни тем еще менее достоинству самого храма, на который собирались деньги. Тем не менее к 12 сентября всего на этот предмет поступило к г. Погоскому уже 658 руб. 76 коп., чего, по его мнению, было далеко не достаточно для того, чтобы закончить постройку, почему сбор пожертвований продолжался до весны следующего 1857 г. Понемногу продолжалась и самая постройка, так что полугодичный срок, указанный в прошении г. Погоским, на деле не оправдался.

Главный денежный ресурс, на который возлагали большие надежды как строитель г. Погоский, так и директор Туманов, это воззвание к предводителям дворянства различных уездов Волынской губернии, в течение целого года оставался невыясненным, так как ответа на него не было. Тогда директор Туманов 22-го марта 1857 г. посылает означенным лицам, так сказать «первое напоминание»: «В прошедшем 1856 г., пишет он *(За № 149–161.)*, официальным письмом моим от 20-го марта, приглашая г.г. помещиков и вообще дворян вверенного Вам уезда к пожертвованию в пользу строящейся при Ровенской гимназии римско-католической каплицы, я имел честь препроводить Вам, М. Г. скрепленную и заномерованную тетрадь для записи вносимых пожертвований. Ныне, приступая к окончательному расчету со строителем каплицы коллежским асессором Погоским и желая привести в известность количество пожертвований для соображения дальнейшего производства работ со средствами к оным, я имею честь покорнейше просить Вас, М. Г., препроводить ко мне обратно тетрадь пожертвований в возможно скором времени, приняв во внимание, что с наступлением весеннего времени необходимо приступить к окончанию каплицы».

Желая по возможности скорее ликвидировать дело с постройкой каплицы, которое сильно затянулось, через день после «напоминания» уездным предводителям дворянства о возвращении хотя бы тетрадей, директор обращается с официальным письмом к строителю каплицы Погоскому *(От 24 марта 1857 г. за № 163.)*: «Предполагая ходатайствовать у его превосходительства г. попечителя Киевского учебного округа об изыскании средств к окончанию и дальнейшему содержанию строящейся при гимназии римско-католической каплицы, я имею честь покорнейше просить Вас, М. Г., сообщить мне к 26 числу сего месяца подробный счет прихода и расхода пожертвований, внесенных на строение каплицы с пояснением всех работ, доныне произведенных по утвержденному плану и остающихся еще неоконченными».

К просимому сроку г. Погоский представил следующий отчет: «На постройку римско-католической каплицы для воспитанников Ровенской гимназии по настоящее время было капиталу, сложенного и собранного от благонамеренных (лиц) 1100 рублей, из коих употреблено на фундамент, материалы и работы 167 руб. 78 коп., за сруб строения с крышею, материалы и прочие работы 600 руб., за гвозди для крыши 29 руб. 4 коп.; приготовлено гвоздей для потолка, пола и обшивок на 26 руб. 30 коп.; бемского белого стекла на 52 руб.; чисто пиленных досок на 36 руб.; уплачено досмотрщику 4 руб. 50 коп.; на разные работы и материалы 13 руб. 8 коп.; выписана оковка фронтовых дверей на 15 руб.; уплачено двум столярам, приготовлявшим столярную работу 32 руб. 15 коп. Всего по 25 марта 1856 г.– 974 руб. 85 коп. Остается наличных 120 руб. 15 коп».

Из этого отчета обращает на себя внимание то обстоятельство, что г. Погоский употребляет довольно часто выражение «благонамеренные лица» по отношению к жерт-

вователям. Уж не прикрывается ли здесь благонамеренностью жертвователей тайная неблагонамеренная цель постройки?

Затем мы видели, что оправдательные документы имеются только на сумму 658 руб. 76 коп., собранных по 12 сентября 1856 г. Откуда взялась остальная сумма, кто жертвовал эти деньги, никаких следов не сохранилось. Далее сам отчет составлен весьма поверхностно, с приблизительною точностью. Напр., «на разные работы и материалы 13 руб. 8 коп.».

Спрашивается, что это за работы и какой материал? Из отчета, составленного г. Погоским для округа, этого совсем не видно.

С 28 марта 1857 г. начинают понемногу поступать к директору Ровенской гимназии ответы от уездных предводителей дворянства на просьбу о пожертвованиях в пользу строящейся каплицы. Исправляющий должность Луцкого предводителя дворянства уведомил, что он поручил сбор пожертвований среди помещиков попечителям сельских запасных магазинов, от которых ни денег, ни подписных листов до 28 марта не получил.

Овручский предводитель дворянства возвратил пустую подписную тетрадь при бумаге, в которой пишет, что он предлагал дворянам делать пожертвования, но никто ничего не дал.

Ровенский предводитель дворянства, возвращая также пустую тетрадь, заявил, что он «не успел» (в течение года) никого пригласить к пожертвованию.

Староконстантиновский предводитель дворянства говорил в своем ответе, что вследствие многочисленных расходов на постройки и починки церквей и костелов в означенном уезде приглашение к пожертвованию на Ровенскую гимназическую каплицу успеха не имело (тетрадь возвращена).

Из Новоградволынского уезда последовал ответ, что, так как никто из помещиков и дворян, несмотря на приглашение предводителя, «не учинил пожертвования», то шнуровая книга остается «пробеленою» и при бумаге возвращается.

Из Ковельского уезда пришел ответ, «что желающих принять участие в добровольном на вышеозначенный предмет приношении в Ковельском уезде не сыскалось».

В Острожском уезде воззвание имело успех: было собрано и прислано 62 руб., которые 15 мая *(При отношении за № 234.)* были переданы директором г. Погоскому.

В Заславском уезде было собрано 9 руб., из которых 5 руб. дал сам предводитель дворянства.

Наконец, уже в сентябре поступил последний ответ из Житомира, где уездный предводитель дворянства сам пожертвовал 50 рублей, дворянство же осталось непричастным.

Отсюда мы видим, что большая часть дворянства Волынской губернии отнеслась к этому делу несочувственно и под различными предлогами отказалась, от пожертвований,– вероятно, потому, что понимала, какое значение для русского дела может иметь католическая каплица при учебном заведении. Меньшая часть, взглянувшая на это дело с точки зрения исключительно религиозной, дала на постройку посильную лепту, которая в общей сложности составила 121 руб., что вместе с остатком от постройки в 120 руб. и 60 руб. 15 коп., собранными исправляющим обязанности инспектора Коленко на Пасхе этого года, выразилось в цифре 301 руб. 15 коп., каковыми средствами располагал строитель каплицы Погоский к 31 мая 1857 г.

К сентябрю того же года указанные выше деньги дали возможность закончить в общих чертах постройку каплицы, торжественное освящение которой происходило 26 сентября в присутствии всех чиновников и преподавателей гимназии, которых директор приглашал *(См. повестку от 25 сентября 1857 г. за № 569)* явиться в этот день в полной мундирной форме, что указывает на желание придать освящению каплицы насколько возможно более торжественности.

С этого момента каплица поступает в ведение гимназического законоучителя ксендза Тваровского, который совершенно бесконтрольно, по крайней мере со стороны гимназического начальства, принимает и расходует суммы, поступающие на ее содержание с благотворительных спектаклей, увеселений, концертов и т.д., в которых живое участие принимают гимназисты Ровенской гимназии.

Сохранились сведения о нескольких таких спектаклях, в которых гимназисты заведовали даже приходом и расходом денег по части постановки и всему оборудованию *(См. дело № 11. 1859 г.)*. Так, в 1859 г. такой спектакль дал 83 руб. 35 коп. чистого дохода, в 1861 г. 125 руб. серебром, в том же году была устроена лотерея, в которой разыграны были вещи, пожертвованные в пользу каплицы различными лицами, что дало около 80 руб. Все эти деньги отдавались ксендзу Тваровскому, который их и расходовал по мере надобности.

Не была передана каплица в ведение гимназического начальства, как объяснял директор Туманов г. попечителю Киевского учебного округа Пирогову на его запрос осенью 1859 г., потому, «что постройка ее снаружи не совсем еще кончена». А в 1861 г. по наведенным директором Теодоровичем справкам через старшего учителя Скальского у местного настоятеля римско-католического костела оказалось, «что гимназическая каплица считается приписанной к приходскому костелу *(См. докладную записку директора Теодоровича от 1 авг. 1861 г за № 391.)*, состоит, по распоряжению епископа, в ведении епархиального начальства, и все вещи, в ней находящиеся, числятся собственностью приходского костела».

К этому времени князем Радзивиллом был пожертвован для гимназической каплицы орган из находящегося в его имении с. Шпанове приходского костела, «так что каплицу эту приличнее (было бы) называть римско-католическою церковью или костелом *(Ibidem)*».

Таким образом, построенная на незаконно собранные деньги стараниями г. Погоского и директора Туманова католическая каплица, вследствие умышленного затягивания передачи ее учебному заведению, с ведома и даже по распоряжению католического епископа, превратившись из каплицы в костел, ускользает под сурдинку из рук гимназического начальства и оказывается в ведении католического епархиального начальства, а ксендз в ней бесконтрольно хозяйничает, что ставит директора Ровенской гимназии в неловкое положение, так как на гимназической территории оказывается постройка, находящаяся в ведении другого ведомства, заведующее которой лицо власти директора над собою в этом отношении не признает.

Этим осуществляется заветная мечта поляков, о которой мы говорили выше, создать при русском учебном заведении такой независимый от русских властей пункт, на который они могли бы опираться в распространении полонизма.

И такой пункт создается именно к началу 60-х годов, ознаменованных сильным польским движением, но уже не тайным и прикрывающимся то тою, то другою внешностью, а явным и открытым, со злобою в сердце и оружием в руках. Мы только можем удивляться тому терпению, той выдержке и планомерности, с которыми поляки шли к намеченной цели, а также той доверчивости и доброжеланию, если не близорукости, с которыми русские власти допустили это, а некоторые, как напр. директор Туманов, даже покровительствовали этому антирусскому делу.

К сожалению, нет совершенно фактических данных, которые бы указывали на то, действовали ли эти люди в пользу поляков для достижения их антирусских стремлений сознательно или по неведению. В первом случае это было бы государственным преступлением, во втором – только ошибкой, пример которой может быть только поучителен для нас и грядущих поколений.

Со времени водворения при Ровенской гимназии католического костела начинается систематическое преследование русских людей, не сочувствовавших польскому делу. В этой травле русских служащих благосклонное и деятельное участие принимает сам директор г. Туманов. Особенно возмутительно выразилось полонофильство этого директора в «Деле об определении в Ровенскую гимназию учителей пения для обучения учеников гимназии церковному и костельному нотному пению» *(Дело № 24 за 1859 г.)*. Дело это состояло в следующем.

14 января 1849 г. канцелярский чиновник Пухальский подал директору Ровенской гимназии прошение, в котором говорит, что в 1840 г. директором Фавицким он был приглашен обучать учеников гимназии нотному и партесному пению, за что получал вознаграждение от чиновников гимназии добровольными пожертвованиями по 6 рублей в месяц.

С течением времени, с перемещением учителей из г. Ровно, доход его значительно сократился, а со времени командировки гимназическим начальством в еврейскую уездную

комиссию для письмоводства – и вовсе прекратился. Так как жалованья за канцелярскую работу он получал всего 72 руб. в год, что при 5 человеках семьи и старухе-матери весьма недостаточно, то просил исходатайствовать ему вознаграждение за обучение пению учеников гимназии в размере 100 руб. в год. Разрешение отпускать 100 руб. в год из экономических сумм гимназии было дано для обучения учеников церковному пению (исповедание не указано). Когда при Ровенской гимназии открывается католическая каплица, то директор Туманов, много «потрудившийся» при ее открытии, стал заставлять Пухальского обучать учеников-поляков костельному пению, но тот наотрез отказался отчасти по незнанию, отчасти как православный. Тогда Туманов отстранил его от должности регента, которую вручил поляку-католику надзирателю Галецкому, несмотря на тяжелое материальное положение Пухальского и его продолжительную службу (около 20 лет). Но, так как дело это домашним образом сделать нельзя было, ибо требовалось новому регенту выдавать вознаграждение, то в представлении к вознаграждению Галецкого за обучение учеников церковному пению директору Туманову к слову «учеников» пришлось сделать добавление: «римско-католического исповедания».

Последнее вызвало запрос со стороны попечителя от 16-го июня 1859 г. за № 2698 следующего содержания: «В дополнение к представлению Вашему от 15 мая за № 233 предлагаю донести мне на каком основании поручено Вами надзирателю Галецкому обучение церковному пению одних лишь воспитанников римско-католического исповедания, тогда как первоначальное разрешение о дозволении обучать учеников Ровенской гимназии церковному пению преимущественно относилось к детям православного исповедания».

Директор Туманов, зарекомендовавший себя как поборник польско-католических интересов, в своем ответе на этот запрос, который можно признать образцом изворотливости, старается по возможности очернить Пухальского в польско-католических интересах и выгородить себя.

Он пишет: «На предложение Вашего Превосходительства от 16 июня за № 2698 имею честь почтительнейше объяснить, что предместник Галецкого, надзиратель гимназии Пухальский, обучал церковному нотному пению только одних православных учеников потому, что постоянной католической певческой до 26 сентября 1857 г., т.е. до освящения построенной при гимназии каплицы, не было.

С начатием служения в гимназической каплице образовался постоянный хор из учеников-католиков, который, по нерадению Пухальского управлять им, был руководим законоучителем ксендзом Тваровским и опытнейшим из воспитанников гимназии, знавшим несколько нотное пение. Это самое обстоятельство и заставило меня в мае месяце 1858 г. уволить надзирателя Пухальского от обязанности обучать церковному пению, которым он с католиками вовсе не занимался, а с православными ограничивался, и то весьма редко, слабою подготовкою накануне Литургии без всякого порядка и системы, необходимых в обучении (интересно, какого порядка и какой системы в православном церковном пении мог держаться поляк Галецкий)?

Вновь определенный надзиратель Галецкий немедленно по прибытии на должность взялся охотно обучать учеников-католиков и продолжает старательно заниматься с ними до настоящего времени. К обучению же православных учеников я его и не обязывал, как католика и как незнающего ни порядка православной службы, ни партесного пения, которое требует особого навыка и изучения характера, свойственного исключительно только клиру Восточной Церкви (удивительная логика и справедливость: заставлять православного обучать костельному пению поляков можно, можно даже за отказ удалить его от должности, не взирая на то, что и ему самому, и его большой семье придется помирать с голоду, а поляка никак нельзя заставлять преподавать православное пение,– это насилие!).

Что же касается разрешения управляющего Киевским учебным округом, которое последовало 4 мая 1849 г., то смысл оного не выражает, каких именно учеников разрешено было обучать Пухальскому, следовательно, по моему мнению, относится ко всем воспитанникам заведения без различия религий».

Так как после всего этого оставлять Галецкого на должности регента было неудобно, то директор Туманов представляет вместо него иностранца Поспишиля. Попечитель, от-

вечая на представление г. Туманова, предлагает разделить вознаграждение за регентство между двумя преподавателями пения,– православным и католиком, по 50 руб. каждому, отчего Поспишиль от этой должности отказывается. Тогда г. Туманов отыскивает регента, который мог бы знать и преподавать православное и католическое пение одновременно, что ему и удается в лице некоего Борецкого, при чем испытание ему в знании церковного пения производится в присутствии ксендза, а не священника, так что интересы православия со времени открытия каплицы в русской Ровенской гимназии отходят на второй план, а первое место отводится католицизму, которому директор открыто покровительствует.

Пристрастное и несправедливое отношение директора к своим подчиненным касается только русских чиновников, по отношению же к полякам, а особенно к ксендзу, он является совершенно другим человеком.

Этот ксендз, при котором была каплица освящена и начала функционировать, особенно много проявивший польских симпатий, пользовался особым покровительством директора *(Дело 1860 г. № 49 о службе законоучителя Ровенской гимназии Иосифа Тваровского.)*.

Последний хлопочет о выдаче ему прогонных денег, на что получает категорический отказ, несколько раз дает продолжительные отпуски в различные губернии Юго-Западного края, выказывает большую заботливость при устройстве ему квартиры в казенном помещении и, когда ему нужно было ехать в Житомир, к епископу, хлопочет о подорожной на двух лошадей «для казенной надобности», но опять-таки безрезультатно. Когда же директор, вследствие перевода этого ксендза, обратился с просьбой передать временно гимназическую каплицу и ее имущество учителю Скальскому только до приезда другого ксендза, то Тваровский наотрез отказался, мотивируя тем, что там хранится «Sanctissimum», хотя это обстоятельство впоследствии не мешало аналогичной передаче другими ксендзами. Так русские власти относились к полякам и такую получали от них благодарность.

Насаждению и развитию полонизма в Ровенской гимназии, кроме открытой в 1857 г. католической каплицы, много способствовало и введение преподавания польского языка.

Осенью 1860 г. *(Дело 1861 г. № 61)*, именно 16 сентября, попечитель Киевского учебного округа прислал директору Ровенской гимназии бумагу за № 4371, в которой уведомлял, что на основании высочайшего повеления разрешено ввести преподавание польского языка в гимназиях и уездных дворянских училищах в губерниях Киевской, Волынской и Подольской.

Всего в гимназиях введено было 12 уроков польского языка в неделю: по 2 урока в I–V классах включительно и по одному в VI и VII классах, при чем эти уроки были отняты от французского и немецкого языков, т.е. новых, а по поводу русского языка попечитель писал, что «преподавание русского языка ни в каком случае не должно быть ослаблено», но это на практике оказалось только благим пожеланием, которого нельзя было осуществить на деле.

И в настоящее время, когда процент учеников-поляков в этом учебном заведении в несколько раз понизился против бывшего в 1860 г., преподавателю русского языка трудно добиться должной постановки предмета, так как местный русский язык изобилует полонизмами, и борьба с этим явлением до настоящего времени мало плодотворна. В то же время, когда поляки составляли значительное большинство учеников Ровенской гимназии, введение преподавания польского языка, на котором говорила большая часть воспитанников, делала осуществление пожелания г. попечителя более чем сомнительным.

Несмотря на незначительное количество уроков, отведенное новому предмету, преподавание его имело вредное влияние для русского дела, так как польский язык не только получил права гражданства в русском учебном заведении и стал вытеснять язык государственный, но и польская литература, пробуждая у учеников-поляков национальные чувства, постоянно напоминала им о бывшей самостоятельности Речи Посполитой и шляхетских «золотых вольностях», заставляя желать их и к ним стремиться. Введение преподавания польского языка в связи с учреждением католической каплицы не замедлило сильно отозваться на жизни Ровенской гимназии в том же году.

Наконец, наступил 1861 г., год великой реформы освобождения крестьян, снявший цепи многовекового рабства со многих миллионов русских людей. Поляки, подготовляя

через своих агентов недовольство среди крестьянских масс, думали использовать данный момент в своих личных целях и, воспользовавшись повсеместным крестьянским движением, на которое надеялись и в полный успех которого верили, поднять восстание для освобождения «отчизны».

Так как тревожное настроение чувствовалось повсеместно в Юго-Западном крае, то был предпринят целый ряд административных мер для предупреждения волнений. Между прочим ровенский городничий, конечно по распоряжению высшего начальства, в отношении от 22 февраля 1861 г. за № 53 просил уведомить его, у кого из чиновников и служащих гимназии имеется оружие и разрешение на таковое; у кого же разрешения нет, то на основании распоряжения начальника губернии просил обязать подпискою сдать таковое в городническое правление.

Предупредительные меры русского правительства на некоторое время могли не допустить польского восстания, но предупредить отдельные антирусские выступления в этом году оказались не в силах.

Польские манифестации и отдельные уличные беспорядки, вспыхивавшие то здесь, то там в различных городах Царства Польского, особенно же в Варшаве, показывали, что поляки далеко не успокоились, почему в некоторых случаях для подавления уличных беспорядков приходилось прибегать к оружию, следствием чего получались, даже помимо желания русских властей, случаи убитых (и раненых), по которым ксендзы отправляли панихиды, при чем произносились зажигательные речи, призывавшие к борьбе за «ойчизну», а убитые выставлялись не бунтовщиками против русского правительства, а жертвами долга и любви к отечеству. Одна из таких панихид имела место и в г. Ровно.

«Законоучитель ксендз Тваровский», как писал директор Ровенской гимназии Теодорович в секретном донесении г. попечителю Киевского учебного округа *(См. переписку за 1861 г. (исходящая)*.), «13-го марта собирался служить в гимназической каплице обедню и панихиду по убитым в Варшаве (полякам) и вместе с учителем польского языка Дубецким тайно уговаривал учеников не быть в этот день на уроках, а идти (в костел).

Инспектор (узнал) об этом секретно накануне, (и) успел отклонить ксендза от этих затей. 16-го марта при большом стечении народа отправлена была обедня и панихида по убиенным в Варшаве в кладбищенской городской каплице.

Многие учителя прислали инспектору записки о том, что они по болезни не могут быть в классе (а были в каплице).

Носятся слухи, что учитель польского языка Дубецкий составил какую-то молитву, которую раздавал народу какой-то студент университета там же в каплице». Студент, раздававший молитву, впоследствии оказался действительно бывшим студентом университета Св. Владимира Купровским.

Для расследования этого дела был назначен чиновник особых поручений при начальнике Волынской губернии Каменцов *(Дело № 19 за 1861 г.)*, который должен был начать следствие вместе с ровенским городничим и депутатом со стороны учебного ведомства. Обязанности депутата первоначально были возложены на учителя Ровенской гимназии Солтановского, который уже в июле под предлогом болезненного состояния и близившихся учебных занятий от этой миссии отказался. Тогда вместо него был командирован директором другой учитель, очевидно, более покладистый – Суворов.

В разбираемом деле были замешаны, как мы уже знаем, некоторые учителя и ученики Ровенской гимназии, почему чиновник особых поручений Каменцов 19 июня 1861 г. за № 109 затребовал явки учителя Глинского в следственную комиссию, и в той же бумаге пишет: «Независимо того, как из произведенного нами дела видно, что во время совершения в костеле упомянутой панихиды находились ученики вверенной Вам гимназии и ходили в костеле с какими-то ящиками, куда бросали разные лица деньги, то поэтому имеем честь просить Ваше Высокородие сообщить нам сведения: было ли известно училищному (т.е. гимназическому) начальству, что ученики ходили в костел с упомянутыми ящиками и кто именно ходил из них, а также, кто из надзирателей находился в костеле во время совершения означенной панихиды».

Здесь позволим себе сделать небольшое отступление. Из отношения г. попечителя Киевского учебного округа от 13 июля 1861 г. за № 3067 видно, что в этой панихиде принимал участие лекарь Ровенской гимназии Богуцкий, который взял на себя и отсылку в Варшаву денег, собранных во время помянутой панихиды «для семейств убитых лиц».

Далее в той же бумаге г. попечитель предлагает директору «разъяснить лекарю Богуцкому, что ему, как чиновнику, состоящему на русской службе, вовсе не следовало принимать участие в панихиде, имевшей характер политической манифестации, а тем более принимать на себя отправку в Варшаву денег, собранных «в пользу семейств лиц, производивших беспорядки». Этим и ограничилось взыскание за государственное преступление, по крайней мере со стороны учебного начальства, хотя в следующем году место гимназического врача занимает другое лицо – некий Ландсберг, так что, означенную меру можно считать только предупредительной и временной.

Теперь возвращаемся к прерванному изложению. На запрос чиновника особых поручений директор отвечает, что им послано учителю Глинскому предложение явиться в следственную комиссию, «что же касается учеников, бывших 16 марта в костеле на панихиде, то долгом считаю доложить следственной комиссии:

a) в костеле на панихиде были все ученики 7, 6 и 5-го классов, так как в этих классах в это время не было уроков по болезни учителей, и многие ученики 3-го и 4-го классов;

b) ученики ушли в костел без всякого спроса у г. инспектора, который находился в это время в гимназии, и училищному начальству вовсе неизвестно, ходили ли ученики в костел с ящиками для собирания денег и кто именно ходил, и

c) ни один из надзирателей не был во время панихиды в костеле, а оба находились в гимназии при инспекторе на дежурстве, так как это случилось во время уроков и классных занятий».

Неправда ли, наивное объяснение? Три четверти учеников уходят из гимназии во время занятий, а начальству учебного заведения об этом ничего неизвестно, инспекция же сторожит добросовестно пустое почти здание и вовсе не интересуется, куда девались ученики!

Осталась ли следственная комиссия довольна этим объяснением, или же нет, из дел и переписки по этому поводу не видно, во всяком случае, дополнительных разъяснений по этому вопросу затребовано не было.

Если же ми сравним объяснение директора по этому происшествию г. попечителю и следственной комиссии, то разница между ними, и очень даже крупная, резко бросается в глаза. Очевидно, директор боялся поляков, раз решался искажать истину во вред справедливости и законности: что можно было откровенно по секрету сообщить г. попечителю, то рискованно было объявить во всеуслышание на месте.

По расследуемому делу, кроме Глинского, были вызваны гимназический врач Богуцкий, учитель Виперт, сделан запрос директору о поведении бывшего учителя, который за это время успел выйти (вероятно, принудительно) в отставку, Марьяна Людвига Дубецкого, затем были вызваны ученики, квартировавшие в доме Рыльке (близ гимназии) и другие, всего 22 человека, которые в это время оказались в отпуске и лишь по возвращении из оного давали показания.

Особенно сильное подозрение падало на ученика Волынцевича, на имя которого был адресован экземпляр упомянутой молитвы, найденный во дворе дома Рыльке, где квартировал этот ученик, и Фому Милятицкого, который был заподозрен в сборе денег во время панихиды.

Учитель Суворов по окончании заседаний следственной комиссии донес рапортом директору *(Дело № 19 за 1861 г.)*, что следствие «окончено 18-го сентября. Бывший учитель Ровенской гимназии Марьян Дубецкий подозревался в сочинении упомянутой молитвы, а бывший студент университета св. Владимира Копровский (Купровский – ред.) – в раздаче оной во время богослужения. Многие из учеников гимназии считались соприкосновенными к делу, в особенности двое: Юлиан Волынцевич, на имя которого был заадресован экземпляр такой молитвы, найденный во дворе дома г. Рыльке, в котором

тогда квартировал Волынцевич, и Фома Милятицкий, собиравший во время панихиды 16-го марта деньги».

«Следствием вовсе не доказана основательность подозрений относительно Дубецкого и учеников гимназии. Ни одно показание не оправдало того, чтобы Дубецкий был сочинителем молитвы (sic!), чтобы экземпляр молитвы, найденный с именем Волынцевича, когда-нибудь был в руках последнего или ходил по рукам учеников гимназии, или же был писан почерком, известным кому-либо из них; наконец, не представилось никакого факта, доказывающего, чтобы сбор Милятицким денег во время панихиды не был обыкновенным кошельковым сбором, принимаемым кем-нибудь из присутствующих на себя во время каждого костельного богослужения.

О всех же прочих учениках Ровенской гимназии следствие не обнаружило ни малейшего отношения их к делу следствия». Таковы были результаты следственной комиссии.

Иного резюме следственная комиссия и не могла впрочем, сделать, так как в костеле во время демонстративной панихиды были или только поляки, или полонофилы, а «свой своему по неволе брат» – с одной стороны, с другой – польское общество могло оказать сильное воздействие, до угроз включительно, на свидетелей, чтобы добиться благоприятных для себя показаний. Во всяком случае, больше основания видеть дело в том именно виде, в котором оно выступает из секретной переписки, где директору не было причин что-либо искажать или замалчивать.

Было бы ошибочно думать, что изложенный нами только что факт был единственным проявлением влияния ксендза и каплицы на учеников Ровенской гимназии. Это было только начало. «После этого (т.е. демонстративной панихиды)» – пишет директор Теодорович г. попечителю *(См. исходящие за 1861 г.)*, – образовались в некоторых домах сходки между учениками. Заметно стало движение, обнаружившееся тем, что в понедельник 3-го апреля большая часть из них явилась в гимназию в трауре и в классах при учениках начали читать вслух молитву на польском языке. Некоторые учителя говорили, что в этой молитве были выражения за умерших и убитых.

По случаю месячной проверки кассовых книг 3-го апреля я предложил совету (педагогическому) из старших учителей обсудить эти явления и просил у них совета, как действовать на здешних учеников, так как я человек новый, недавно вступил в исправление должности.

Старшие учителя советовали мне убедить сперва учеников V класса, чтобы они сбросили траур, а потом сказать ксендзу Тваровскому и учителю польского языка Дубецкому, чтобы они, как лица известные, со своей стороны подействовали на учеников и убедили бы их бросить дурь из головы, что я и исполнил. 4-го апреля, во вторник, был в V классе и опрашивал учеников, зачем они надели траур.

Ученики сказали, что архиепископ Варшавский Фиалковский прислал об этом объявление ко всем католикам.

Я старался доказать, что Фиалковский не имеет права присылать никаких объявлений в наш край, доказал им нелепость подобных выходок в религиозном отношении и т.д., и ученики, казалось, согласились с моим мнением. Но ксендз и Дубецкий на все мои убеждения отвечали уклончиво, что они не могут исполнить моего поручения».

Впоследствии, когда ученики отказались читать молитву на русском языке, несмотря на требования директора, а ксендз Тваровский отказался заставить их подчиниться требованию начальства, директор принужден был сноситься с епископом Луцким и Житомирским, чтобы привести ксендза к повиновению *(Ibidem)*.

(Как видно из донесения директора г. попечителю, учитель Дубецкий собирал у себя на сходки учеников, устраивал литературные польские чтения и выписывал для учеников на собранные ими деньги журнал «Przyjaciel dziecej») *(Ibidem)*.

«5-го апреля, в среду,– читаем далее в том же донесении,– разные занятия дома помешали мне быть в гимназии, и уже после уроков я узнал, что ученики все-таки были в трауре и читали молитву на польском языке. Вследствие чего, в четверть 6-го апреля на первом уроке я опять пошел по классам, принялся решительно за траур и дал сроку до 12 часов. На последнем уроке я посетил вторично классы и убедился, что все ученики

сняли креп, исключая 4 (или) 5, которые носят траур по умершим родственникам. Что же касается чтения молитвы на польском языке, то я не мог не уступить настоятельным прошениям учеников и сказал, что молитва непременно должна быть читана на русском языке из уважения к наставникам, которые не понимают польской молитвы, а после прочтения громко молитвы на русском языке, вы можете таковую тихо прочитать и на своем родном языке. О таковом моем решении в четверг же, в бывшем экстренном в этот день заседании педагогического совета, я объявил всем преподавателям и просил их, чтобы они с своей стороны приняли всевозможные меры к устранению от учеников слухов о Варшавских происшествиях и идей фанатического патриотизма».

В виду того, что костелы являлись очагом политической пропаганды, волынский губернатор циркулярно предложил от 31-го марта ровенскому городничему, а тот от 2-го апреля за № 100 директору Ровенской гимназии «не допускать политических панихид, демонстраций и денежных сборов, вызванных Варшавскими событиями. При этом поручает в случае надобности разъяснить приходскому духовенству, что церковь установлена для служения Богу, и духовенство не должно допускать возможности обращать в ней молитву в средство политической манифестации, так как это противно духу религии и несогласно с достоинством церкви».

Очевидно, указанные разъяснении мало воздействовали на ксендзов, раз католическое духовенство поддерживает дух непокорности и мятежа не только среди взрослого населения, но и среди учащихся детей, где ксендз отказывается содействовать директору убедить учеников снять траур по варшавским мятежникам, надетый по распоряжению архиепископа Фиалковского. Влияние католической каплицы и ксендза Тваровского сильно сказывается на учениках Ровенской гимназии и в последующих за этим событиях.

В этом же 1861 г. князь Любомирский пожертвовал для ученической библиотеки 125 сочинений на польском языке *(А. Анципо-Чикунский. Историческая записка. с. 54.)*, что конечно, имело также сильное влияние на развитие польского движения среди учеников.

Конец апреля в Ровенской гимназии прошел благополучно, но не таково было начало мая. «С 6-го на 7-е число сего мая месяца», находим в отношении городничего к директору *(Входящие за 1861 г. Отношение от 8 мая за № 146.)*, «появились на некоторых столбах и возле входа в приходской ровенский католический костел воззвания на польском языке, которые тотчас (были) полицией сняты.

При производстве дознания и допросов оказалось,– что 6-го числа мая в 10 часов на предместье Волю к костелу, где было приклеено означенное воззвание, приходили два взрослые ученика,– просили якобы у сторожа воды, тогда сторож отказал (на том основании), что у него не было таковой, тогда они ушли, чем (в чем) приходится на них подозрение».

Затем городничий просит о производстве дознания, кто из учеников отлучался в это время из квартиры, и посылает одно воззвание для сличения почерков. Содержание воззвания в переводе с польского следующее: «С болью сердца видим, что положение нашего отечества не только не возбуждает охоты к участию (?), но и сочувствия.

Светская пустота *(Намек на духовное звание автора.)* заглушила голос сердца; кровь братьев, пролитую с таким самоотвержением на мостовой Варшавы, вы (не только) не хотите оплатить знаком внутренней печали, но, кажется, отказываетесь от этой святой крови, участвуя в развлечениях одного из злейших врагов нашего дела, не видя, что такие поступки возбуждают к вам презрение не только в хорошо настроенных, но и в самом мне (?).

Предостерегаем вас: перестаньте развлекаться, будьте серьезны, облекитесь в печаль, более для вас подходящую, чем забавы, чтобы мы (?) не были вынуждены взять на себя обязанность помешать вам столько, сколько это будет в наших силах; не ставьте нас в тяжелое положение выразить вам презрение публично, если ваши поступки не изменят своего характера – равнодушия».

Приведенное нами в переводе на русский язык воззвание писано в оригинале на двух четвертушках писчей бумаги, из которых, к сожалению, сохранилась только одна, так что конец воззвания неизвестен, а также неизвестно, от чьего имени оно писано. Во всяком

случае, оно указывает, во-первых, на то, что автор его было лицо духовное, нападавшее на светскую пустоту, быть может даже тот самый ксендз Тваровский, который и раньше зарекомендовал себя антирусскою деятельностью; во-вторых, на то, что польские патриотические чувства нуждались в подогревании, без чего скоро остывали.

Город Ровно и в настоящее время не особенно велик, 50 же с лишком лет тому назад был конечно значительно меньше, почему всякое происшествие, случившееся в одном конце города, через час, а то и меньше, становилось известным в другом. Поэтому вполне вероятно, что о наклеенных ночью в предместье воззваниях утром стало известно в гимназии, и это оказало свое воздействие на учеников.

7-е апреля был день праздничный для католиков. В костелах шли богослужения. Утром этого дня полицейский квартальный надзиратель Бардзинский (Бердзянский – ред.), обходя по служебным делам город, зашел к дворянину Ясевичу, чтобы взыскать с него какой-то неуплаченный последним налог. Того не оказалось дома, а там полицейскому надзирателю сказали, что он пошел на богослужение в гимназическую каплицу.

Когда Бардзинский отправился туда, то оказалось, что богослужение подходило к концу, и часть публики уже вышла. Нашедши нужного ему дворянина Ясевича, квартальный надзиратель вместе с ним вышел на улицу, где толпа гимназистов, человек до 200, встретила их аплодисментами и криками: «Браво, кварташка Шпик».

Оскорбленный этою выходкою квартальный надзиратель Бардзянский подал жалобу по начальству, ссылаясь на указанного выше Ясевича, надзирателя Галецкого, бывшего в каплице на богослужении, и гимназического врача Богуцкого, как на лиц, которые могли подтвердить данное происшествие. Директору был сделан по этому поводу запрос.

Тогда директор, чтобы выяснить обстоятельства дела, в свою очередь, запросил Ясевича, Галецкого и Богуцкого об обстоятельствах данного происшествия. Показания их были конечно для учеников благоприятны, так как все трое были поляки, а Бардзинский был чиновник русской службы, и этого было достаточно.

Ясевич писал: «Хотя я и выходил вместе с г. Бардзинским, но на участников этой шалости я обратить внимания не мог, ибо сконфуженный хлопаньем «в руки» до 200 учеников и до восклицания: «Браво, кварташка!» не зная, к кому оно относилось, я старался как можно скорее уйти, а потом, хотя и узнал, что эти рукоплескания не относились ко мне, но равно мне было стыдно (?) оглядываться на толпу учеников, окружавших меня».

На тот же вопрос врач Богуцкий заявил, что он ничего не знает и не понимает, почему его об этом спрашивают.

Мы также не понимаем, зачем его об этом спрашивали, так как он со стороны своей благонадежности был хорошо известен директору и иного ответа от него нельзя было и ожидать.

Надзиратель Галецкий также отговаривался незнанием. «Хотя (я) и был в каплице», – пишет он в своем показании, – «но не мог оставаться до самого конца богослужения, ибо, услышавши вторично звонок, я поспешил в гимназию и при входе в оную услышал за собою общий крик, но различить голосов я не мог, а потому и не знаю, кто из учеников более виновен в этом происшествии».

Директор в своем донесении по этому поводу г. попечителю придает всему инциденту характер детской шалости и выгораживает учеников, которые были будто бы вынуждены на этот поступок поведением квартального надзирателя, доносившего на них.

Во всех приведенных случаях, разыгравшихся в Ровенской гимназии, проглядывает то полная растерянность директора, который уступает ученикам, разрешая им своею властью шепотом читать молитву по-польски, то совершенное бездействие власти, когда бывает нужно разыскать виновных в антирусских выступлениях, как, например, в вопросе о расклеивании воззваний, при чем виновные так и не были обнаружены, то, наконец, покрывательство и выгораживание виновных учеников, как видно из последнего дела.

Кроме бездействия власти, обнаруженного директором, трудность положения усилилась еще и тем, что в это время в г. Ровно функционировал кружок польских патриотов, к которому, по его мнению, принадлежали ксендз Тваровский и учитель Дубецкий, являвшиеся проводниками и без того сильного польского влияния в Ровенской гимназии.

Если вообще трудно бывает бороться с тайным врагом, то тем более усиливали эту трудность его организация и планомерность в действиях. Подозревать существование такой организации в г. Ровно мы можем на основании переписки, возникшей по поводу получения в мае месяце 1861 г. учителем немецкого языка Фанцем анонимного письма с угрозами и предостережениями.

В этом письме «Президент чистых духов и комиссии для истребления вредных насекомых», подписавший таким титулом анонимное послание, между прочим, пишет: «Главный Ваш (т.е. учителя немецкого языка Фанца) недостаток тот, что Вы под видом учителя стоите в фаланге полицейских личностей и что Вы, как немецкий космополит, учительское место из собственного расчета унизили до шпионства – непростительная вина! Уже Ваши музыкальные сходки имеют достойное наказания содержание. Вы замышляете всякое благородное чувство любви к отечеству (Польше?) у вверенного Вам юношества в самом пробуждении удушать и вводите таковое в заблуждение.

Ваше фальшивое обращение с детьми страны (Польши), Ваше тунеядство в окружающем обществе, Ваша низкая месть – подлы. Ваши действия хорошо известны стерегущим духам. Духи эти сумеют наказать эти проступки и будут принуждены с Вами рассчитаться...».

Приведенный отрывок указывает, во-первых, на существование польского тайного общества в г. Ровно, во-вторых, на то, что это общество действовало запугиванием тех лиц, которые хотели сопротивляться польским стремлениям в школе, и, наконец, тон и характер всего письма указывают, что в его составлении принимало участие лицо, хорошо знакомое с вопросами воспитания и, кроме того, имевшее, вероятно, какие-то личные счеты с учителем Фанцем.

Получивши рапорт указанного выше учителя с приложением полученного им анонимного письма в оригинале, директор направил его в округ при бумаге *(См. переписку за 1861 г.)*, в которой пишет г. попечителю, что ксендз Тваровский и учитель польского языка Дубецкий «живут в городе, как главные агитаторы польской национальности».

Далее в той же бумаге директор пишет: «7-го мая городская полиция сорвала в городе несколько объявлений на польском языке (часть этого воззвания приведена нами выше) с запрещением (полякам) участвовать в предполагаемом майском гулянии с угрозою нанести дамам оскорбление публично (вероятно, это было изложено во второй части воззвания, до нас недошедшей), что заставляет думать, что общество польских патриотов есть и в г. Ровно», а затем прибавляет: «и что ксендз Тваровский, и учитель Дубецкий должны быть членами этого общества».

Вследствие того, что ксендз Тваровский был одним из главных вожаков польского движения в городе Ровно, а католическая каплица являлась главным очагом его деятельности и, фактически, не подлежала ведению директора Теодоровича, последний, чтобы снять с себя ответственность за все, происходящее в ней, и желая дело оформить юридически, возбуждает перед г. попечителем Киевского учебного округа ходатайство об официальной передаче ее в ведение духовных властей.

«Гораздо выгоднее будет», пишет он г. попечителю «и для училищного начальства, и для самой этой церкви исключить ее вовсе из ведения гимназии и передать в ведение епархиального римско-католического начальства:

1) потому что Ровенская гимназия не представляла и не может представить никаких средств, обеспечивающих ее содержание;
2) неприлично от имени гимназии всякий раз обращаться к частным лицам и просить у них пожертвований, а тем более устраивать разные увеселения в пользу гимназического костела;
3) устранить навсегда допускавшийся противозаконный сбор с учеников в пользу каплицы;
4) епархиальному начальству приличнее и удобнее иметь надзор за содержанием и хранением церковных вещей;
5) так как в городе Ровно нет собственно костела, а прихожане ходят молиться далеко за город в кладбищенскую каплицу, то гимназический костел удобно может быть

назначен епархиальным начальством в приходскую церковь, и таким образом откроются источники и средства содержать его. Обстоятельство это нисколько не помешает ученикам Ровенской гимназии ходить в этот костел молиться Богу и законоучителю гимназии отправлять в нем богослужения;

6) наконец, по собранным мною через старшего учителя Скальского справкам у местного настоятеля римско-католического костела оказывается, что гимназическая каплица считается приписанною к приходскому костелу, состоит по распоряжению епископа в ведении епархиального начальства и все вещи, в ней находящиеся, числятся собственностью приходского костела. Стало быть, остается только снять с этой каплицы официальное название гимназической и всю переписку о ней по Министерству народного просвещения прекратить».

Этому ходатайству г. попечитель дал законный ход и возбудил со своей стороны ходатайство перед подлежащими властями.

Пока вопрос о передаче каплицы католическому духовенству оставался открытым, и представление директора ходило по инстанциям, политическое движение, руководимое в гимназии ксендзом Тваровским, продолжало проявляться в антирусских и противоправительственных выступлениях. 26-го августа, как доносил директор начальнику Волынской губернии *(См. исходящие за 1861 г.)*, в 8½ часов вечера «во время иллюминации по случаю праздника Восшествия на престол государя императора в г. Ровно, в некоторых домах были выбиты стекла брошенными камнями. В этом подозревались ученики гимназии, квартировавшие у г. Рыльке: Дубецкий, Кирженевский, Ясевич и Михальский – все поляки. Директор во время этого происшествия был в другом конце улицы, на которой разыгралась эта демонстрация, и видел учеников, бегущих по направлению к этой квартире (г. Рыльке). Не зная в чем дело, он приписал их бегство находившей туче. В этом деле директор видит вредное влияние ксендза Тваровского, которого все-таки зачем-то держали в гимназии, и надзирателя Галецкого.

Следующее уже совершенно открытое и публичное выступление ксендза Тваровского было в сентябре. 8-го сентября, как видно из донесения директора г. попечителю *(Ibidem)*, ксендз Тваровский совершал служение по случаю праздника, называемого отпуском, в приходском костеле, в каплице же служения не было.

По справке оказалось, что ксендз Тваровский заблаговременно условился служить обедню в приходском костеле и не только допустил после обедни пение польского национального гимна, но сам начал петь его. Гимн пели все присутствующие и ученики, которые были в костеле и пошли туда за отсутствием служения в каплице (что было сделано, надо думать, не бесцельно), так что директор подозревает ксендза в том, что он подговаривал на это заранее учеников. Что ученики были в этом отношении достаточно наставлены, указывает тот факт, что пение гимна, по докладу настоятеля костела ксендза Мороза епископу Луцкому и Житомирскому, продолжалось с участием учеников 9 и 10 сентября во время вечернего богослужения в костеле.

Такие же польские демонстрации предполагались в городе и в конце сентября, почему городничий в отношении от 17 числа предупреждает директора, что на следующий день готовится со стороны поляков манифестация, почему, если бы стали собираться в костеле, то через ксендза запереть костел и предупредить воспитанников о запрещении принимать участие в демонстрации. Нужно полагать, что соответственные меры были приняты, так как никаких выступлений не последовало.

Но в виду того, что директор Ровенской гимназии сам справиться с польским движением среди учеников оказался не в состоянии, то гражданскими властями были в этом отношении приняты соответственные меры. Начальник ровенской уездной полиции отношением от 29 октября за № 3105 уведомил директора, «что до сведения начальника губернии дошло, что некоторые ученики Ровенской гимназии ведут себя нагло, оказывают сопротивление полицейскому начальству и обнаруживают явное стремление выказать себя участниками во всех совершаемых поляками манифестациях, и что начальник губернии поручил ему предложением от 21 октября за № 7626 иметь строгий надзор за учениками и виновных в противозаконных поступках немедленно подвергать аресту,

сообщая о том в то же время училищному (гимназическому) начальству с подвержением виновных законной ответственности».

Меры, принятые властями, оказали известное воздействие в том отношении, что, хотя временно, прекратились публичные польские демонстрации с участием учеников Ровенской гимназии. Повлияло на это еще и то обстоятельство, что всякий раз, как готовились манифестации, начальник уездной полиции предупреждал директора, и опорный, а иногда и исходный пункт их, гимназическая каплица, запиралась, а ксендз предупреждался надлежащим образом, что значительно охлаждало его патриотические чувства. Поэтому польское движение на некоторое время притихает по крайней мере настолько, что перестает выражаться уличными беспорядками, но успокоение было только временное.

Конец 1861 г. и начало 1862 – прошли спокойно.

В мае 1862 г. г. попечитель уведомил директора, что его ходатайство о передаче гимназической каплицы в ведение католического епархиального начальства удовлетворено.

«Луцко-Житомирская католическая консистория, – писал он *(См. отношение от 15 мая 1862 г. за № 2391)*,– от 30 апреля сего года за № 2196 уведомила, что о принятии в ведение Ровенской приходской церкви Ровенской гимназической каплицы вместе с сим сделано надлежащее распоряжение.

На счет же отправления в ней богослужения по воскресным и праздничным дням для учеников той же гимназии поручено местному законоучителю ксендзу Яницкому».

Директор с своей стороны, уведомляя об этом начальника ровенской уездной полиции *(От 1 июня за № 283.)*, добавляет: «Поэтому долгом считаю уведомить Ваше Высокородие, что римско-католическая каплица, построенная на гимназической земле, с сего времени состоит в ведении епархиального римско-католического духовенства и что дело об этой каплице в дирекции Ровенской гимназии прекращено».

Одновременно с этим, о переходе каплицы из-под ведения гимназического начальства был уведомлен и ксендз Яницкий, которому директор теперь рекомендовал, о всех потребностях этой каплицы» обращаться к настоятелю ровенского приходского костела.

Таким образом, с директора снималась ответственность за политическую агитацию в каплице, а также и заботы об изыскании средств, для нее необходимых, но самое зло не только оставалось по-прежнему, но даже усилилось, благодаря тому, что теперь директор совершенно не мог вмешиваться в то, что происходило в каплице, а поэтому не мог предупредить могущих там произойти сборищ с политической целью как это делал раньше.

Весь этот год в г. Ровно протек мирно, так как поляки собирались с силами и готовились к следующему году, когда предполагалось произвести общее возмущение. Поляки своим спокойствием старались усыпить русские власти, чтобы тем неожиданнее и вернее нанести удар. Все же, этому затишью русские власти не вполне доверяли. Когда, например, приближалась годовщина варшавских беспорядков (17 ноября), гражданские власти в предупреждение могущих быть демонстраций и манифестаций со стороны поляков, предупредили настоятеля Ровенского римско-католического костела, чтобы богослужения в этот день в костеле и гимназической каплице были совершены как можно раньше, дабы предупредить стечение народа.

Уже в начале 1863 г. стало обнаруживаться сильное брожение в польском обществе, почему г. попечитель дает директору Ровенской гимназии секретное предписание *(См. входящие за 1863 год от 18 февраля № 21)*: «В виду заметно усиливающегося в настоящее время национального настроения в польском обществе Западного края, при свойственном молодости увлечении, легко может заразиться и учащаяся польская молодежь, (почему) предлагаю Вашему Высокородию совместно с инспектором усугубить надзор за учениками как в гимназии, так и вне оной, и в то же время иметь неусыпное наблюдение за направлением учителей из поляков, преимущественно преподавателя польского языка и римско-католического законоучителя».

Неизвестно, усугубил ли директор вместе с инспектором надзор за учениками и в чем именно это выразилось, но только в том же феврале месяце ученики Ровенской гимназии собрались отправиться на станцию Антонополь под видом проводов бывшего учителя истории Зражевского *(См. исход. за 1863 г.)*.

Директор дал распоряжение, чтобы инспектор отправился с ними для надзора и выдал ему на путевые издержки 1 рубль серебром. Был ли там инспектор или кто-нибудь из надзирателей, из сохранившейся переписки не видно, можно скорее предположить, что не было, так как иначе ученики в своих показаниях так или иначе упомянули бы об этом.

На обратном пути ученики сломали несколько тумб, повредили и изломали перила моста, измазали грязью цифры на придорожных столбах. Виновных в этом подвиге было 39 учеников, из них VI-го класса – 4, V-го – 13, IV-го – 10, III-го – 7 и II-го – 5. В этом деле принимали участие все ученики, квартировавшие у дворянина Дзяневича, которому директор приписывает дурное влияние на учеников.

Вся эта демонстрация носила политический характер, на что указывает речь, произнесенная перед началом этого подвига учеником VI класса Бабинским Казимиром на польском языке для воодушевления присутствующих. Речь эта, как оказалось на следствии, была им заранее составлена, и один экземпляр ее на польском языке и сейчас хранится в бумагах этого учебного заведения.

Приводим в переводе на русский язык ее содержание:

«Родные братья и товарищи!

Когда родичи наши гибнут за родину, нам невозможно сидеть спокойно, мы не можем сделать ничего такого, как они, не имеем достаточно ни людей, ни силы, ни вооружений, арсенал наш мал; однако нужно что-нибудь сделать, чтобы доказать твердость духа народа.

Что же (такое) можем мы, сделать? Бог внушил мне мысль, которую приведем к исполнению с пользою (для указанной цели?): испортим мост, вывернем столбы, хотя пока и не телеграфные, но те небольшие, которые одинаково (с телеграфными) ставила подлая вражеская рука.

Не буду об этом говорить так, как есть (в действительности),– подумают, что мы прервали сообщение. Хотел это сделать вместе (с другими учениками), но на это не согласятся трусы и изменники в высшем классе. Кроме нас, нет таких, седьмой класс подл: (я) в нем не нашел (ни одного) такого, кто бы решился на этот знаменитый шаг. Что делать? Беда им: они изменники отечества.

Пусть нам кажется, что это (тумбы на мостовой) москали, представители москалей, берегитесь, плохо вам будет: будем вам мстить!

Побьем их, братья! И пусть знает враг, что мы не спим.

Да здравствует отчество! Боже, помоги нам в этом деле!

Вместе (разом), братья».

Хотя вся эта выходка вместе с речью носит вполне мальчишеский характер, все же она указывает на некоторые интересные обстоятельства. Прежде всего, несмотря на передачу каплицы в ведение духовных властей, мы видим не только сильное влияние на учеников польских идей, конечно, как предполагал г. попечитель через ксендза, который ближе других стоял к ученикам, но и злобы и ненависти ко всему русскому. Выворачивая дорожные столбы, подростки-поляки воображают, что они избивают москалей. Наконец, наиболее интересное это то, что в г. Ровно имелся небольшой склад польского оружия, о чем, было известно ученикам, но наши власти не сумели его открыть.

Доводя обо всем случившемся до сведения г. попечителя, директор просит его не предавать это дело гласности и с него не взыскивать.

За участие в этой выходке были исключены из гимназии все 4 ученика VI класса, замешанные в демонстрации, и 10 учеников других классов, дворянину же Дзяневичу запрещено было держать на квартире учеников. Вместе с тем директор распорядился, чтобы инспектор гимназии строго следил за учениками, не имеют ли они где-нибудь, склада оружия и пороху, но ничего открыто не было.

Немного позже, именно 16 апреля в 3 часа пополудни, ученики, квартировавшие на некоторых ученических квартирах, были оцеплены донскими казаками и обысканы **в** присутствии директора, но ничего предосудительного найдено не было. Все это указывает на то, что с одной стороны поляки умело вели свои дела, с другой – русские власти действовали недостаточно энергично и осмотрительно, почему те и успевали вовремя припрятать или перепрятать все, что было нужно скрыть.

Тревожное настроение местного общества между тем усиливалось. Директор в секретном донесении г. попечителю *(От 23 апреля 1863 г. за № 46)* пишет**:**

«В последнее время видимо участились просьбы учеников, особенно высших классов, об отпусках в домы родителей дней на 10, на 15, и просьбы об увольнении вовсе из гимназии. Явление это тем поразительнее, что теперь собственно время приготовления к годичному и окончательному испытаниям.

Принимая во внимание тревожное состояние западного края и распространившиеся слухи, что в мае месяце должно вспыхнуть восстание поляков на Волыни и в Подольской губернии, я полагаю, что эти отпуска и увольнения учеников делаются неспроста. Можно предполагать, что одни из родителей берут детей из гимназии из опасения, чтобы революционеры, ворвавшись в г. Ровно, не забрали детей их силою, а другие, чтобы приготовить их к участию в бунте.

При этом, долгом считаю доложить, что вследствие того же тревожного состояния края, занятия учеников науками, как свидетельствуют учителя, идут весьма слабо. Поэтому, посоветовавшись с инспектором и некоторыми преподавателями, осмеливаюсь предложить на благоусмотрение Вашего Превосходительства свое мнение: тех учеников, которые не хотят или не могут заниматься и приготовляться к экзамену, отпустить в дома родителей с тем, что, если они приготовятся дома, то позволить им держать экзамен в первых числах августа».

Ответа на этот проект от г. попечителя не сохранилось, но в виду того, что занятия в гимназии продолжались, можно думать, что он одобрен не был.

Одновременно с этим докладом директор послал *(От 23 апреля 1863 г. за № 45)* в округ список лиц польского происхождения, находящихся на службе в Ровенской гимназии, с краткою характеристикою каждого.

Приводим здесь эти характеристики, чтобы познакомиться с отношением к польскому вопросу не только учащихся, но и учащих – поляков в 1863 г. во время мятежа».

1) Законоучитель римско-католического вероисповедания ксендз Иван Яницкий ведет жизнь скромную, «в вопросах религиозных предан своей религии до фанатизма, в политическом отношении, хотя сочувствует делу восстания и верит в возможность восстановления Польши, но учеников гимназии, насколько я мог заметить, убеждает воздержаться от вмешательства в политические дела до поры до времени и заниматься своим делом.
2) Старший учитель математики Грациан Скальский. Человек семейный; ведет жизнь скромную, усердно занимается с квартирующими у него учениками; в политических своих воззрениях благоразумный (?); в манифестациях вовсе не принимал участия и делу восстания вовсе не сочувствует.
3) Старший учитель естественных наук Адам Тышецкий. Человек семейный; ведет жизнь вовсе скромную, здоровья слабого; в политическом отношении, хотя и сочувствует делу восстания и восстановления Польши, но своих верований и убеждений ученикам не сообщает и вредного влияния на воспитывающееся юношество не имеет.
4) Младший учитель французского языка Иван Вронский. Аккуратен в посещении уроков, но этим и ограничивается вся его деятельность. Никогда ничего ни читает, ничем научным не интересуется; единственное его занятие по вечерам, – это игра в карты. Политические движения в Польше, так же мало интересуют его, как и всякое умственное или научное движение.
5) Учитель рисования Карл Глинский. Предметом своим занимается небрежно; часто пропускает уроки под видом болезни; в манифестациях участвует, польскому восстанию вполне сочувствует; снимает с учеников портреты в патриотических костюмах (слова «ярый патриот» в подлиннике вычеркнуты; о влиянии на учеников не упоминается, хотя об этом достаточно ясно говорит последняя фраза характеристики).
6) Учитель польского языка Казимир Гродецкий. Человек благородный, трудолюбивый. В политическом отношении вовсе не сочувствует революционным движениям, за что не пользуется расположением учеников».

Из всего изложенного относительно преподавателей-поляков мы видим, что большая часть их совершенно не соответствовала своему назначению, как воспитатели юношества в Юго-Западном крае, один открыто пропагандировал польские идеи, снимая портреты учеников в национальных костюмах, и только один не пользовался расположением учеников, что при условиях того времени говорило в его пользу и служило наилучшей для него аттестацией.

Вполне понятно, что от педагогов такого направления трудно было ожидать воспитания юношества в духе преданности престолу и России, и хотя директор и писал, что они не влияют на учеников, но мы позволим себе в этом усомниться на том основании, что «шила в мешке не утаишь», и если не было прямой пропаганды, то еще не следует, что не было вредного влияния.

Мятеж в Польше в это время продолжал развиваться. В настроении ровенского общества соответственно ходу событий замечаются то повышения, то понижения, которые на месте можно было принять за временное успокоение.

В первых числах мая директор доносил г. попечителю *(От 2 мая 1863 г. за № 47)*: «Долгом считаю уведомить Ваше Превосходительство, что ожидание здешних поляков движения корпуса инсургентов из Галиции в Волынскую губернию не оправдалось, что ученики вверенной гимназии по-видимому, успокоились и начали готовиться к экзамену и что некоторые, отпущенные в дома родителей, возвратились».

Но это видимое успокоение продолжалось недолго. Через несколько дней начальник Острожской уездной полиции сообщил директору *(От 2 мая 1863 г. за № 885)* нижеследующее: «Имею честь уведомить Ваше высокородие, что отпущенный из вверенной Вам гимназии по домашним обстоятельствам на 2-ое число сего мая ученик Феромен-тий Хойно, подозреваемый в преступных замыслах, поступить в отряды повстанцев, в чем наводят сомнения, найденные в доме его брата вещи: сумка с бельем и корпиею, обрезки вылитых пуль, три машины для литья пуль и найденные у него девять штук сочинений в духе патриотическом, подвержен мною впредь до особого распоряжения тюремному заключению».

Об аресте ученика Хойно директор докладывает г. попечителю *(От 4 мая 1863 г. за № 48)* и в этой бумаге сообщает: «Он (т.е. Хойно) был одним из лучших учеников 5-го класса, но при всеобщем настроении к восстанию (Через два дня после заявления, что ученики успокоились) не мог не поддаться увлечению. Таково положение почти всех учеников старших классов вверенной мне гимназии. Говорят, что революционный комитет под страхом смертной казни приказал, чтобы все молодые люди 18-летнего возраста готовы были стать в ряды инсургентов по данному сигналу.

Начальник здешней уездной полиции объявил мне словесно, что восстание уже вспыхнуло в уездах Заславском, Новоградволынском и Житомирском и что завтрашний день, т.е. 5 мая, назначен для восстания в Ровенском уезде. Хотя я от 2 мая донес Вашему превосходительству, что ученики вверенной мне гимназии, по-видимому, успокоились, но допускаю возможным, что многие из них примут участие в восстании».

Пессимистические ожидания директора, быстро переходившего, как мы уже видели, от надежды успокоения учащихся к мрачному предчувствию бунта, однако не оправдались. Восстания в Ровенском уезде ни 5-го мая, ни после этого числа не последовало, а в силу этого самого обстоятельства и гимназисты, хотя и имевшие склонность к уличным демонстрациям, видимо дальше разговоров и войны с тротуарными тумбами не пошли. Занятия, а затем и экзамены прошли, несмотря на повышенное настроение поляков, обычным образом.

Тем не менее, тревожное донесение директора взволновало власти, и без того насторожившиеся. Военный губернатор г. Житомира разослал в различные казенные учреждения, между прочим и директору Ровенской гимназии, такого рода предписание *(Входящие за 1863 г. № 3450)*: «Прошу присутственные места и отдельных должностных лиц через каждые две недели доставлять мне сведения, кто из подведомственных им чиновников скрылся с целью присоединения к повстанцам».

Под этим оригинальным распоряжением стоит подпись «князь М. Друцкой-Соколинской». Получается впечатление, будто скрывавшиеся «с целью присоединения к повстанцам» чиновники уведомляли о том свое ближайшее начальство, ибо иначе, откуда последние могли знать о цели исчезновения их, которая могла быть различна?

Попечитель Киевского учебного округа на тревожное донесение директора ответил *(Ibidem. От 10 мая за № 2199)*: «В виду настоящего взволнованного состояния польского общества немедленно исключить из гимназии учеников, которые без дозволения отлучаются из г. Ровно или примут другим образом участие в настоящем волнении». Но так как таких увольнений, судя по бумагам, не было, то нужно полагать, что не было и незаконных отлучек учеников, а проявление твердости русской власти охладило патриотический пыл тех молодых людей, которые мечтали о восстановлении Польши.

По окончании весенних экзаменов ученики были распущены по домам, чем устранились опасения директора за нарушение мирного течения учебного дела в Ровенской гимназии. Таким образом, тяжелый год польского мятежа, по крайней мере его первая наиболее острая половина, прошла для Ровенской гимназии сравнительно благополучно, за немногими конечно исключениями. Поэтому, невольно напрашивается вопрос; почему 1861 год, менее важный по своему значению для поляков, чем 1863 г., протек более бурно среди учащейся здесь молодежи, среди которой число католиков-поляков было меньше, чем потом (в 1861 г. на 77 православных в этом учебном заведении приходилось 252 католика, а в 1863 г. на 113 православных – 311 католиков)?

Ответить на этот вопрос может характеристика ксендза Яницкого, данная ему директором: (кс. Яницкий) убеждает (учеников) воздерживаться от вмешательства в политические дела до поры до времени, а пока он дожидался «поры и времени», они успели пройти и исчезнуть в области невозвратного прошлого.

Ксендз же Тваровский, руководивший польским движением среди учеников в 1861 г., отличался более энергичным и деятельным характером, почему при нем было и выступлений больше, и по характеру своему они были значительно резче. Но смиренный ксендз Яницкий, более теоретик, чем практик, не сумевший использовать для поляков данного момента, был конечно им неудобен, а потому в 1864 г. его заменили ксендзом Хащинским, имевшим более подходящие для польских видов индивидуальные особенности.

Лето и вторая половина 1863 г. в г. Ровно прошли вполне спокойно. За это время была реабилитирована благонадежность одного лица, с которым мы встречались в начале этого года,– квартиросодержателя дворянина Дзяневича. По наведенным директором более точным справкам оказалось, что не он, а некоторая г-жа Рафалович, родственница одного из квартировавших у него учеников, имела на них вредное влияние *(См. исходящих за 1863 г. № 81)*, почему г. Дзяневичу было возвращено право держать на квартире учеников.

В следующем году по делу о польском восстании была организована следственная комиссия с целью выяснения степени виновности отдельных лиц, принимавших участие в мятеже. Эта комиссия присылала директору Ровенской гимназии ряд запросов о различных лицах, сведения о которых имелись в гимназии, преимущественно же конечно запросы эти касались учеников.

Между этими запросами обращает на себя внимание требование сведений о личности нескольких Домарацких причастных к мятежу прошлого года, но как оказалось, некоторые из них в гимназии не обучались, а те, которые здесь учились, замешаны в движении не были.

Недавно при Ровенском реальном училище учреждена стипендия имени одного из Домарацких для учеников поляков. В силу этого невольно напрашивается вопрос: не для поддержания ли того польского духа в учебном заведении, которому служили некоторые из Домарацких?

В начале этого же года, вероятно, на основании неосторожно сказанных бывшим учеником Казимиром Бабинским слов перед поломкою столбов на дороге в Антополь о малом складе оружия, в Ровенской гимназии был сделан тщательный обыск, но сделан он был весьма неумело, почему, быть может, и не дал никаких результатов.

6-го февраля 1864 г. в Ровенское полицейское управление явился командир 1-й сотни 3-го сводного оренбургского полка есаул Гроховский и предъявил секретное предписание командира того же полка подполковника Мясоедова принять самые решительные, но секретные меры, если окажутся справедливыми дошедшие до него слухи, что в г. Ровно, в здании, занимаемом дворянскою школою, будто бы есть на хранении секретный склад оружия *(Дело № 8 за 1864 г.)*.

Вслед за этим прибыл в полицейское управление командующий ровенским отрядом майор Феодоров для принятия мер в указанном выше направлении. Прибыли эти лица в сопровождении: первый – двадцати конных казаков 3-го сводного Оренбургского казачьего полка, второй – с 81 нижним чином 11-й роты Камчатского линейного полка (это называлось «секретные меры»). Здесь к ним присоединился ровенский уездный исправник подполковник Гоц, его помощник майор Домбский, полицейский надзиратель Бардзинский и понятые из собственников г. Ровно.

Пока командующие и казаками и пехотою вели в полиции переговоры, двадцать казаков, 81 солдат и понятые дожидались, понятно, на открытом воздухе, обращая на себя внимание прохожих и собирая любопытных. За это время можно было дать знать, кому следует, и оружие, если оно было спрятано в гимназии, свободно и даже не особенно спешно можно было вынести и спрятать где-нибудь по соседству.

Во втором часу пополудни казаки на рысях, а пехота беглым маршем направились к зданию гимназии. Когда исправляющий обязанности директора вышел по приглашению исправника на крыльцо, то гимназия уже была окружена цепью пехоты, а на улице мчались казаки для образования наружной цепи. Исправляющему обязанности директора г. Коленко было предложено сделать распоряжение отворить все помещения и присутствовать при обыске.

Обыск был произведен весьма тщательно: обысканы были семь классов, помещения физического и минералогического кабинетов, две библиотеки – фундаментальная и ученическая, чердак, погреб, где разрывали землю, квартира бывшего ксендза Яницкого, где жил с ним его слуга Кудицкий, склады для дров, сараи и другие места. Солдаты пробовали даже штыками песок в плевательницах, влезали на печи, заглядывали под шкафы, но никакого оружия, боевых припасов и вообще чего-либо предосудительного найдено не было.

В донесении по этому поводу г. попечителю Киевского учебного округа исправляющий обязанности директора, жалуясь на оскорбление, нанесенное учебному заведению военными властями, извиняет Гроховскому, как казаку-оренбуржцу, незнание того, «что Волынь – русская провинция, что по составу гимназия в г. Ровно – чисто русская гимназия, а не польская», майор же Федоров должен был, по его мнению, знать, так как живет в г. Ровно несколько месяцев.

Что Волынь – русская провинция, с этим мы спорить не будем, со вторым же положением позволим себе не согласиться, ибо на основании статистических данных мы видим, что в предшествовавшем учебном году в Ровенской гимназии было на 113 православных 311 католиков, а в тот год, когда производился обыск, численное отношение их несколько изменилось; именно: на 144 православных было 219 католиков, вследствие чего, по составу учащихся гимназию все-таки нельзя было назвать чисто русской.

Безрезультатность же обыска может быть объяснена двояко: или склада оружия действительно не было в гимназии, и только слова бывшего ученика Бабинского, преобладающее большинство поляков среди учащихся и их предшествующие выступления,– все это вместе взятое в связи с бывшим, очевидно, доносом дало повод блюстителям русских интересов в этом крае заподозрить учебное заведение в хранении польского оружия. Или же склад был, но скопление войск в полиции, а также приглашение понятых, как явление для небольшого города необычайное, навело на мысль о предстоящем обыске, и пока войска двинулись из полиции, оружие, как мы уже говорили, могло быть перенесено в какое-нибудь другое место по соседству, ибо польское движение, прекращенное оружием, еще не совсем успокоилось, а поляков и их доброжелателей в городе было много.

Хотя активные проявления польских симпатий стали в это время невозможны, но польский дух все же в Юго-Западном крае не был уничтожен, а временное затишье еще ничего доброго не обещало, как показал печальный опыт 1863 г.

Чтобы вести более успешную борьбу с польщизной, правительство предприняло целый ряд мер, из которых некоторые касались и средней школы.

Среди этих мер видное место занимали следующие:

во-первых, отмена преподавания польского языка, будившего у поляков нежелательные воспоминания;

во-вторых, запрещение польского разговорного языка в стенах учебного заведения и на ученических квартирах и, наконец, распоряжение преподавать католический Закон Божий на русском языке.

Последняя мера вызвала сильное сопротивление в Ровенской гимназии со стороны ксендза Казимира Хащинского, который выступил, как и прежние ксендзы, поборником и защитником полонизма. Когда в этом смысле директором Герасименко, сменившим Теодоровича, было дано соответственное распоряжение, то ксендз Хащинский немедленно подает следующее прошение: «Требование правительства излагать на русском языке Закон Божий являет для меня непреодолимые трудности, с которыми встретиться я даже не в силе, а потому вижу себя принужденным просить Ваше Высокородие представить, кому следует, мое неизбежное и необходимое желание уволиться от настоящей службы законоучителя вверенной Вашему Высокородию гимназии».

В этом прошении сказывается не только желание ксендза уклониться от исполнения требований правительства, но и пренебрежительное отношение к русским властям, которые он именует неопределенным «кому следует», хотя весьма сомнительно, чтобы он не знал, кому именно следует. Расчет прошения был направлен, без сомнения, к тому, чтобы ему разрешили преподавать Закон Божий по-польски, и свидетельствует об уверенности в том, что из-за незнания, будто бы русского языка его не решатся уволить.

Но расчет ксендза Хащинского не оправдался. Директор без малейшего колебания представил его к увольнению, а г. попечитель эту просьбу удовлетворил. Отношением от 5-го ноября того же 1865 г. директор уведомил об этом Хащинского и предложил ему сдать казенное имущество, а также высказал надежду, что тот позаботится о скорейшем, по возможности, очищении квартиры, которою он пользовался в казенном помещении.

Тогда ксендз забил отбой. Снесшись предварительно с епископом Луцким и Житомирским, чтобы заручиться его поддержкой, Хащинский подает директору следующее прошение: «На отношение Вашего Высокородия, данное мне 5-го ноября 1865 г. за № 628, имею честь ответить, что вследствие отзыва Его Преосвященства Боровского, последовавшего ко мне от 27 октября 1865 г., которым не дозволяет мне уволиться от должности законоучителя; во-вторых, уведомление Его Преосвященства от 6 ноября 1865 г., что того же числа за № 967 Его Преосвященство представил меня г. попечителю Киевского учебного округа к должности законоучителя Ровенской гимназии, ожидаю окончательного решения начальства».

Это прошение, если можно так озаглавить данную бумагу, указывает с одной стороны, что после, удовлетворения его ходатайства об увольнении ксендз Хащинский сразу постиг от кого это зависит, с другой, что католическому епископу для насаждения полонизма нужны были именно такие боевые ксендзы, как Хащинский, а потому удаление его из Ровенской гимназии едва ли было желательно. Поэтому, епископ с одной стороны заставляет ксендза Хащинского подчиниться предъявляемому требованию, с другой – возбуждает ходатайство официальным порядком, чтобы вернее достигнуть цели.

Действительно, ходатайство епископа Боровского было удовлетворено, и г. попечитель оставил ксендза Хащинского на должности законоучителя. Незнание русского языка, которым он мотивировал свой отказ от должности, не помешало, однако, ему преподавать Закон Божий римско-католического исповедания на этом же самом языке до марта 1869 г., когда он был уволен в отставку.

С «полезною» деятельностью ксендза Хащинского мы познакомимся по Ровенской гимназии немного позже, пока же заметим, что за свое пребывание в должности зако-

ноучителя этого учебного заведения он много раз пользовался отпуском в различные местности Волынской и Подольской губернии, надо думать не с одними благочестивыми целями, а и с какою-нибудь пользою для польского дела в Юго-Западном крае.

В том же году и с тем же ксендзом разыгрался следующий инцидент. По распоряжению г. попечителя весною этого года директор велел *(См. исходяще за 1863 г. от 25 апреля № 57)* ученикам без различия вероисповедания собраться в церковь для слушания панихиды по наследнике цесаревиче Николае Александровиче; ксендз Хащинский два раза его просил дозволить отслужить панихиду отдельно для католиков в каплице, но, не получив на это согласия, самовольно собрал их отдельно от православных и там отслужил панихиду, что конечно послужило хорошим примером для учеников, как нужно повиноваться начальству.

Кроме данного единичного случая, насколько была полезна для Ровенской гимназии деятельность ксендза Хащинского вообще, можно судить по тем сведениям, которые дошли по этому поводу до волынского губернатора, следствием чего был запрос директору от 28-го сентября 1865 г. за № 15427: «Из полученных мною сведений относительно существующей при Ровенской гимназии римско-католической каплицы видно:

1) что каплица эта состояла прежде в ведении гимназии, но потом, вследствие обнаружившихся в ней различных политических демонстраций, она, по старанию училищного начальства, передана в ведение римско-католического духовенства;
2) что с поступлением в заведывание сего последнего в ней совершаются ежедневно службы, которые посещаются иногда православными участниками, имеющими кого-либо из родителей католиков, и
3) что ученики, посещая ежедневно по утрам каплицу, не успевают повторить уроки, отправляются в гимназию без репетиторов, часто опаздывают в классы и, вообще, существование каплицы вредно действует на образование учеников.

Сообщая об этом Вашему высокородию, прошу Вас доставить мне сведения:

1) когда именно, по каким причинам и на каких условиях передана каплица в ведение римско-католического духовенства;
2) действительно ли производящиеся в ней ежедневно служения вредно отзываются на занятиях учеников гимназии?».

Пункты второй и третий первой части этого запроса вполне определенно характеризуют деятельность ксендза Хащинского и ее значение для постановки учебно-воспитательного дела в Ровенской гимназии.

На этот запрос директор Герасименко дает сперва успокоительный ответ. Излагая сначала историю возникновения каплицы и ее передачи в ведение католического духовенства, что нам уже известно, почему приводить этой части его ответа мы и не будем, он на последний вопрос отвечает так: «Что же касается служб ежедневно в каплице, отвлекающих учеников от занятий, (то) слухи эти несправедливы. В прошлом году было только два случая опоздания на уроки из-за служения в каплице, но вредного влияния на учеников она не имеет».

Несмотря на такое категорическое заявление, мнение директора к весне того же учебного года значительно меняется. В своем донесении г. попечителю *(17 мая 1866 г.№ 64)* по поводу каплицы г. Герасименко пишет в мае 1866 г. совершенно иное: «Хотя я в ответе г. губернатору и писал, что не усматриваю в поведении и настроении учеников вредного влияния каплицы, но, убедившись на опыте, что частые католические служения, сопряженные с публичными процессиями и другими внешними обрядами, привлекают к участию и учеников католического исповедания и отвлекают их они занятий, нахожу близкое соседство католической каплицы несогласным с интересами обучения и воспитания».

Таким образом, слухи, дошедшие доволынского губернатора, оказались справедливыми и были подтверждены директором гимназии.

«Полезная» деятельность ксендза Хащинского в Ровенской гимназии могла всегда найти для себя оправдание в тех инструкциях, которые давались высшим католическим духовным начальством. По поводу одной из таких инструкций, присланных ксендзу вследствие требования преподавать католический Закон Божий на русском языке, г. попечитель писал

директору *(Входящие от 20 октября 1865 г. за № 6033)*: «Я не могу согласится, что инструкция эта может содействовать успокоению умов и совести тем не менее, что в настоящем случае правительством не подано ни малейшего повода католикам трепетать о целости веры, по моему мнению инструкции этой может быть дано людьми неблагоразумными толкование, могущее возбудить и раздуть страсти, религиозный фанатизм и нетерпимость».

Вследствие этого, вменялось директору в обязанность «иметь за ксендзом неослабное наблюдение, как можно чаще посещать уроки римско-католического Закона Божия, тщательно проверять записки, выдаваемые ксендзом ученикам и т.д.».

Проверял ли директор на основании данного предписания деятельность ксендза или нет, никаких указаний не сохранилось.

Однако, в конце года было обнаружено, что полонофильство продолжает процветать между учениками Ровенской гимназии. Военно-следственная комиссия по политическим делам уведомила директора *(От 24 декабря 1865 г. за № 1339)*, что ученик Ровенской гимназии Марцилий Богуцкий дурного направления и с противоправительственными идеями, которые явно высказаны им в письмах к матери и брату во время бытности в Люблине. Вследствие изложенного, было предложено учредить за ним строгий надзор.

Здесь мы опять наталкиваемся на то явление, которое раньше уже отмечали: что о благонадежности учеников лучше известно лицам посторонним учебно-воспитательному делу, чем администрации учебного заведения.

Другой, не менее прискорбный факт, который, как и раньше, можно наблюдать в этом году в Ровенской гимназии, заключался в умышленном покровительстве полякам, вопреки вполне определенным на этот счет предписаниям г. попечителя, а также, несмотря на явный вред, наносимый этим обстоятельством русскому делу в крае. Выражалось это покровительство в том, что вместо русских репетиторов на ученических квартирах назначены были несколько поляков-католиков, каковое обстоятельство директор мотивирует *(В донесении от 29 октября 1865 г.)* с одной стороны, несостоятельностью поляков, с другой – тем, что русские отказываются от репетиторства.

Нас удивляет здесь то обстоятельство, что, неужели из 128 православных учеников, бывших в этом году в училище, нельзя было найти нескольких человек, годных и имевших желание быть репетиторами? Как-то мало верится, чтобы все православные были настолько состоятельны,– тем более, что в последние годы русские составляют наиболее бедный элемент этого учебного заведения, думаем, что и тогда положение дел в этом отношении мало чем разнилось от настоящего.

Доказательством склонности гимназического начальства в этом году покровительствовать полякам может служить еще следующий факт. Ровенский уездный исправник, разрешая поставить ученикам Ровенской гимназии «Ревизора» с благотворительной целью вспомоществования недостаточным ученикам, в конце бумаги пишет: «При этом позволяю себе сделать заявление, что пособием со сбора должны бы воспользоваться и воспитанники русского происхождения».

Так как распределения денег между бедными воспитанниками без ведома гимназических властей быть не могло, то данная переписка безусловно только к ним относится и их же характеризует.

В мае этого же года директор убедился во вреде, приносимом учебно-воспитательному делу частыми службами и процессиями в католической каплице, которые отвлекали учеников-католиков от занятий, а также посещались православными, им было возбуждено ходатайство о передаче вновь этой каплицы в ведение гимназического начальства. Тогда г.попечитель отнесся *(См. отношение г. попечителя от 2 августа 1866 г. за № 154)* к г. киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернатору с просьбою: «Не признает ли он возможным сделать распоряжений об обратной передаче в учебное ведомство построенной в 1857 г. при Ровенской гимназии каплицы для учеников латинского исповедания с тем, чтобы в каплице этой допускаемо было богослужение для учеников гимназии и посторонних лиц только в дни праздничные в которые ученики от классных занятий свободны, и чтобы каплица эта была оставлена, как и теперь, в ведении римско-католического законоучителя гимназии».

В ответ на это генерал-губернатор генерал-адъютант Безак уведомил *(Ibidem)* г. попечителя князя Ширинского-Шахматова, «что от него предложено Луцко-житомирскому епископу Боровскому распорядиться о передаче в ведение гимназического начальства находящейся вблизи Ровенской гимназии римско-католической каплицы с тем, чтобы богослужения совершались в воскресные и праздничные дни не только для учеников гимназии, но и для городских жителей. Богослужение же в будние дни, а равно процессии и погребения не были совершаемы».

Доводя об этом до сведения директора, г. попечитель предлагает ему принять каплицу в свое ведение и наблюдать в ней за богослужением, и к этому добавляет: «Считаю долгом присовокупить, что праздниками признаются только те дни, в которые гимназия освобождается от классных занятий».

Немного позже этого Луцко-житомирская римско-католическая духовная консистория уведомила *(От 27 августа 1866 г. за № 3650)* директора Ровенской гимназии, «что (ею) учинено надлежащее распоряжение о передаче обратно в ведение гимназического начальства римско-католической каплицы, состоящей при ровенской гимназии».

В отношении генерал-губернатора г. попечителю и последнего – директору по поводу обратной передачи каплицы обращают на себя внимание следующие условия:

1) «чтобы… процессии и погребения не были совершаемы» и

2) разъяснение князя Ширинского-Шахматова, «что праздниками признаются только те дни, в которые гимназия освобождается от классных занятий».

Первое условие в настоящее время вовсе не соблюдается, когда конечно в училище имеется ксендз, ибо весною в один из католических праздников постоянно устраивается крестный ход вокруг каплицы во время именно классных занятий.

Похороны также за последнее время один раз были совершаемы, когда у директора г. Чикунского умерла призреваемая им старуха-католичка.

Разъяснению же г. попечителя по поводу праздничных дней опять-таки придается неправильное толкование, так как службы совершаются в те дни, когда католики освобождаются от занятий, как, например, «Omnium Sanctorum Immaculata conceptio»[1] и др. В учебном же заведении в это время идут уроки, между тем, как в разъяснении было сказано, «когда гимназия, т.е. все учебное заведение, освобождается от классных занятий».

О переходе каплицы в ведение гимназии директор уведомил ксендза Хащинского для надлежащего исполнения, и акт передачи каплицы состоялся. При этом директор довел до сведения упомянутого ксендза о тех днях, когда должны были совершаться служения в каплице, а также, что процессии, погребения и венчания не должны быть совершаемы в ней, при чем, предупредил, что в случае нарушения настоящего распоряжения он должен будет донести г. попечителю.

По переходе каплицы обратно под наблюдение директора, гражданские власти, на основании прежнего опыта, обеспокоились, чтобы в пользу ее не устраивали вновь незаконных сборов пожертвований.

По этому поводу ровенский уездный исправник сделал запрос директору *(От 9 ноября 1866 г. за № 6124)*: «Не производиться ли сбор денег на надобности гимназической каплицы, кем и когда выдано разрешение на сбор денег и кому он поручен?».

Ответ на этот запрос дан был отрицательный.

В следующем году мирная жизнь учебного заведения снова была нарушена ксендзом Хащинским, не желавшим подчиняться требованию директора. Осенью этого года директор, проходя однажды ночью мимо каплицы, заметил, что она внутри освещена. Опасаясь возможности пожара, так как каплица деревянная и находится вблизи главного здания гимназии, что могло угрожать последнему, директор потребовал, чтобы на ночь в ней зажженной лампады не оставляли. Но ксендз отказался исполнить это требование директора, мотивируя тем, что в каплице хранятся св. Дары. Тогда последний вынужден

[1] Торжество Непорочного зачаття Діви Марії (*лат.*) - одне з головних католицьких свят присвячених Богородиці. Святкується 8 грудня.

был довести об этом до сведения г. попечителя *(От 7 октября 1866 г. за № 73)* и с содействием окружного начальства все же добился, чтобы лампада по ночам в каплице не горела.

Но, уступивши в одном, ксендз Хащинский хотел выиграть в другом: именно добиться, чтобы богослужения в каплице совершались по специально католическим праздникам, в роде указанных выше, когда ученики-католики освобождаются от классных занятий. По этому поводу директор сделал от своего имени запрос в округ *(От 26 января 1866 г. за № 5)*, на который получил в январе 1868 г. следующий ответ: «Относительно богослужения в состоящей при Ровенской гимназии римско-католической каплице следует руководствоваться в точности предложением г.б. попечителя Киевского учебного округа от 2-го августа 1866 г. за № 154», т.е. прежнее постановление оставалось в силе, о чем и был уведомлен ксендз Хащинский *(От 6 мая 1866 г. за № 270)*.

Кроме «религиозной» деятельности ксендза Хащинского, мы находим в этом году косвенное указание и на его деятельность политическую, где каплица (или иначе костел) служит целям и далеко не религиозным.

У ученика Маковского (конечно поляка) было найдено и конфисковано письмо на польском языке, а также стихи, посвященные неизвестной особе. И то и другое содержания любовного, но, кроме старой как мир, хотя и вечно юной песни любви, в данном письме есть и иные мотивы. Молодой поклонник предостерегает польскую девицу на счет своего соперника, «врага нашего, врага целой Польши, матери нашей», которого величает «москалем» и «российским отродьем».

В конце письма приписка: «Если пани не может писать на дом, то пусть отправит письмо в костел».

Раз костел (или каплица) служил местом адресования «до востребования» подобной литературы, не будет ошибкой допустить, что «нежные» чувства по отношению к русским, высказанные в письме, там лелеялись и подогревались, а потому, как и раньше, костел служил местом антирусской пропаганды, иначе никто не рискнул бы туда адресовать подобные письма.

Но польско-католическая пропаганда в это время, как и позже, хотя и существовала, все же уже не была так опасна, как раньше. Времена 1861 и 1863 гг. давно миновали и возобновить то, что было раньше, не представлялось возможным.

В польском движении многие, увлекавшиеся им раньше, разочаровались, так как восстание открыло обратную сторону этого движения и обнаружило, что поляки хотели использовать приставшие к ним другие элементы только в своих личных целях. Следствием того было искание чего-либо нового, неизведанного, а польское движение было предоставлено самому себе.

Развивавшийся вместе с польскими симпатиями нигилизм, а затем тайное распространение социальных доктрин привлекают к себе внимание общества. Появляются новые птицы, начинаются новые песни. Но и эти птицы и их песни могли быть использованы до некоторой степени для успеха польского дела. Поэтому поляки, прикрываясь то нигилизмом, то идеями социализма, стараются втихомолку вести свои дела ,служат сперва одному, а затем другому постольку, поскольку это для них выгодно. Следствием этого является то обстоятельство, что польский вопрос в своем чистом виде проявляется все реже и реже, но и это еще не доказывает, что он ослабевает.

Не будучи в состоянии развиваться открыто, как вследствие определенных правительственных мер, направленных к этой цели, так и вследствие отсутствия сочувственного отношения общества, изверившегося в его идейности во время восстания 1863 г., полонизм, предоставленный самому себе, ведет скрытую подземную работу и обнаруживается случайно, открытием то тайных польских школ, то приютов, где оказываются оборудованные для богослужения алтари. Тем не менее, как раньше, так теперь главным его очагом и опорой являются католические костелы и каплицы, а наиболее деятельными и опасными агентами ксендзы.

Борьба с воинствующим католицизмом, которым прикрывалось польское движение, в Ровенской гимназии в это время облегчается еще тем, что в 1864 г. при этом учебном заведении открывается православная церковь, которая, защищая православно-русские

интересы, является сильным противодействием первому. Со времени ее открытия процент католиков, как можно видеть по прилагаемым таблицам, в этом учебном заведении сразу значительно падает. В то время, как раньше они составляли преобладающее большинство учащихся, с этого времени число их значительно уменьшается и, сравнявшись сначала с православными, затем переходит на положение меньшинства, которое сохраняет и до настоящего времени.

Вследствие этого, вопрос о каплице на некоторое время замолкает и вновь всплывает только в 1890 г., когда за ветхостью ее хотели упразднить. За этот период времени названная каплица продолжает потихоньку делать свое дело, и польский дух, поддерживаемый ею в Ровенской гимназии, которая по реформе 1872 г. превращается в реальное училище, проявляясь время от времени, указывает, что политическая деятельность ее не прекращалась.

Так еще в конце 1868 г. директор г. Кривоносов доносил *(См. исходящие за 1866 г. от 6 декабря за № 11)* г. попечителю Киевского учебного округа, что ксендз Хащинский на уроках употребляет польский язык, и встретив на улице учеников-поляков, говоривших по-русски, сделал им за это замечание.

Когда директор потребовал объяснения у ксендза, тот сказал, что говорит на уроках по-польски, когда затруднятся передать по-русски отдельные выражения, а относительно выговора ученикам за разговор между собою на русском языке демонстративно заявил, что «исповедоваться» перед директором он не станет.

Эта выходка была лебединою песнею ксендза Хащинского в Ровенской гимназии. Как ни бесконечно по отношению к нему было долготерпение русских властей, но и оно в конце не выдержало, и этот ксендз в 1869 г. был смещен.

Через несколько лет, именно в 1878 г., существование полонизма в Ровенском реальном училище опять обнаруживается и опять проводником его является ксендз. В этом году бывший ученик Болеслав Савицкий подает директору донос *(Ibidem за 1878 г. от 9 ноября за № 9)* на ксендза Баевского, где обвиняет последнего в том, что тот ведет с учениками во время уроков такие беседы, которые не соответствуют ни его общественному положению, ни его званию. Между прочим, однажды на уроке ксендз Баевский вместо преподавания Закона Божия, занимался с учениками критикою административных мер русского правительства, при чем вывел заключение, что «репрессии» достигают всегда результатов противоположных тому, к чему направлены. Как иллюстрацию данного положения, он «привел поляков, что до восстания они были почти русскими, а теперь посмотрите, заключил он, какое богатство в литературе (польской), а в ней-то и выражаться жизнь народная».

Директор Сущевский, при котором это произошло, очевидно, мало знакомый с польским вопросом в этом учебном заведении, защищает ксендза, а вместе с ним конечно и себя, как ответственное в данном отношении лицо, называя донос клеветою.

Мы же, познакомившись с прежнею деятельностью здесь предшествовавших Баевскому ксендзов, данный факт, как вполне возможный и согласный с общими традициями поляков, можем допустить.

В 1882 г. нам снова приходится встретиться с оппозициею ксендза в Ровенском реальном училище требованиям начальства. В этом году директор Дзюблевский-Дзюбенко доводит до сведения г. попечителя *(Ibidem за 1882 г. от 12 января № 1)*, что в заседании педагогического совета 8-го января «при обсуждении вопроса о приведении в исполнение предложения Вашего Превосходительства, чтобы учение ежедневно начиналось общею молитвою учащихся и чтением св. Писания, вновь назначенный законоучитель римско-католического исповедания ксендз Павел Каменский заявил:

a) что в виду инструкции епископа он не вправе заставлять католиков молиться по-русски, а только по-польски и по латыни,

b) католики не должны молиться вместе с иноверцами и

c) что католикам воспрещается также и чтение Евангелия на церковно-славянском языке», за что этот ксендз предложением г. попечителя от 16-го февраля и был уволен.

Но этим дело не кончилось. Возвратившись 24 февраля из командировки в Петербург, директор все же застал этого ксендза в Ровно и должен был снова обращаться к г. попечителю с докладом, в котором по этому поводу пишет: «Ксендз Павел Каменский оставлен управляющим Луцко-Житомирскою епархиею в г. Ровно помогать здешнему настоятелю в исполнении приходских обязанностей, и ведет крайне нежелательное общение с учениками вверенного мне училища».

Следствием этого доклада было то, что ксендза Каменского из города убрали.

Спустя пять лет после этого во время обыска, сделанного инспектором училища вместе с надзирателем у ученика IV класса Боржимовского, жившего вместе с репетитором уч. VII класса Керном, были найдены девять польских книг, из которых одна была под заглавием: «Опекун польских детей».

В заявлении *(См. исходящие за 1882 г.)*, поданном по этому поводу на имя директора, отец этого ученика, отставной чиновник губернский секретарь Викентий Боржимовский, по вполне понятным мотивам выгораживает сына. Тем не менее, конфискация последней книги указывает не только на существование польских национальных тенденций при воспитании детей в Ровенском реальном училище, но и на то, что для их ограждения от русского влияния в учебных заведениях края издавались специальные книги со специфическими советами.

В 1888 г. снова находим явное проявление отрицательного отношения поляков к русскому государю. Как видно из доклада директора Гольдерекера г. попечителю *(Переписка за 1888 г. от 10 ноября за № 39)*, во время молебна в церкви по случаю избавления царской семьи 17 октября один из поляков, ученик VII класса Карл Заранский, не стал на колени, когда все присутствующие молились коленопреклоненно, объясняя этот поступок «неимением места».

Год спустя, снова обнаруживается наличность того же направления среди учеников-поляков Ровенского реального училища. В этом году ученика VI класса Тележинского (поляка) вызвали телеграммой домой по случаю смерти дяди.

Не доверяя вполне мотиву вызова, директор посылает официальную бумагу *(От 16 декабря 1889 г. за № 39)* губернатору с просьбой на месте проверить причину вызова. В этой же бумаге он добавляет: «При чем имею честь присовокупить, что ученик VI класса вверенного мне училища Константин Тележинский известен училищу, как личность, выделяющаяся между учениками-поляками своею польской тенденциею, и поэтому требует постоянного за собою надзора».

В январе следующего года, т.е. месяц с небольшим спустя, у того же ученика была найдена польская книга сочинения M. Bolyckego под названием «Blyskaie nadzia», чем подтвердились слова директора о его (Тележинского) польской тенденции. Если с наличностью этой последней среди учеников Ровенского реального училища сопоставить происшедшее вскоре повышение законоучителя ксендза Ляховича, занявшего должность еще и администратора в имении кн. Радзивилла – Шпанове, то станет понятным, за что он пользовался особым доверием своего начальства.

К этому времени каплица, построенная тридцать с лишним лет тому назад, как деревянная постройка, успела в достаточной степени обветшать, о чем директор летом 1890 г. *(От 7 июня 1890 г. за № 11)* довел до сведения волынского губернатора. По распоряжению последнего *(От 19 июня 1890 г. за № 1305)* в г. Ровно был отправлен губернский архитектор Быков, чтобы совместно с директором произвести осмотр каплицы и составить акт о степени опасности ее, а также относительно производящегося ремонта.

Когда названный архитектор явился в г. Ровно, директор уехал в отпуск, а заменял его учитель г. Анципо-Чикунский, совместно с которым и был произведен осмотр.

Из акта, составленного после осмотра, видно, что крыша здания, крытая гонтом, пришла в ветхость, нижние венцы здания частью погнили, самое же здание находилось в довольно прочном состоянии. Ремонт ограничился тем, что сгнившие нижние венцы деревянного сруба переменили, да здание перекрасили серою масляною краскою, каковою «ремонтировкою здание приведено в приличный вид», как сказано в упомянутом акте.

Этим дело пока и кончилось.

В 1891 г. полицейский надзиратель 1-й части г. Ровно обратился к директору Радкевичу с просьбой сообщить ему о времени постройки каплицы и разрешении, данном на это. Чтобы дать нужный надзирателю ответ, г. Радкевич лично ознакомился с делами, относящимися к этому вопросу, и увидал, что происходили частые нарушения условий, на которых разрешено передать ее обратно в учебное ведомство. Удовлетворивши просьбу надзирателя, он, на основании предписаний генерал-губернатора и г. попечителя Киевского учебного округа, данных еще в 1866 г. и затем подтвержденных управляющим тем же округом в 1868 г., потребовал от ксендза Ляховича, чтобы богослужения в каплице производились только в те дни, когда учебное заведение освобождается от классных занятий, богослужение же в будние дни, а равно процессии и погребения совершаемы в ней не были.

«Означенным моим предложением»,– писал г. Радкевич г. попечителю *(От 3 апреля 1891 г. за № 260)*, – ксендз Ляхович остался недоволен, некоторое время уклонялся расписаться на нем и предлагал мне компромиссы, от которых я категорически отказался и предоставил ему ходатайствовать об отмене означенного ограничения, но не через меня, так как превращению домовой училищной каплицы в приходский костел, для которого добыт и орган, хотя и значительно поврежденный, я совершенно не сочувствую». Об изложенном, как мы уже знаем, было доложено в округ.

Но этим дело не кончилось. Ксендз Ляхович продолжал вести себя по-прежнему, чем вызвал недовольство настоятеля Ровенского приходского костела ксендза Чайковского, который, в конце концов, вынужден был обратиться за содействием к директору Ровенского реального училища, чтобы обуздать своего строптивого коллегу.

В виду большого интереса, который представляет для нас это письмо, позволим себе привести его полностью:

«Извините, Ваше Превосходительство, – пишет ксендз Чайковский г. Радкевичу, – *что я Вас побеспокою моею корреспонденциею, поверьте– нужда заставляет.*

Известно Вашему Превосходительству по имеющемуся документу, что часовня при вверенной Вам гимназии (Реальное училище и теперь еще местное население именует по старой привычке гимназией) служит лишь только для учеников. Законоучитель имеет право служить в оной для учеников в учебном году по воскресеньям и праздникам.

Приходских обязанностей в гимназической часовне совершать не имеет права, равно – ежедневно служить литургию, так как на то имеется в г. Ровно часовня приходская. Затем не полагается вообще неприходским часовням содержать св. Тайн,– в случае болезни ученика во всякое время можно взять из приходской.

Законоучитель вверенной Вашему Превосходительству гимназии ксендз Ляхович сделал гимназическую часовню приходскою: исполняет требы, содержит св. Тайны и служит при запертых дверях в некоторые дни литургию.

Два года или три тому назад Вами воспрещено ксендзу Ляховичу вводить приходские моления в гимназическую часовню, согласно тому, на каких правилах построена при гимназии часовня.

Ксендз Ляхович написал епископу донос, что Ваше Превосходительство по моей просьбе и влиянию воспрещаете в гимназической часовне моления, и что Ваше запрещение будет иметь нехорошее влияние на народ, а многие могут принять православную веру – и всему я виноват.

По такому доносу ксендза Ляховича я перенес много неприятностей от епископа и моих прихожан. Объяснение мое, что я с Вами незнаком, ничего до сих пор не помогало, и я все страдаю от духовной власти и прихожан. Спрашивается, за что я терплю? Не имея уже сил переносить и страдать из-за доноса ксендза Ляховича, покорнейше прошу Ваше Превосходительство воспретить вводить приходские моления в гимназическую часовню.

Независимо сего, прошу воспретить законоучителю ксендзу Ляховичу содержать в гимназической часовне св. Тайны, исполнять приходские требы и служить, впуская народ, при запертых дверях, литургию.

Надеюсь, что Ваше Превосходительство войдете в мое положение и оцените законоучителя вверенной Вам гимназии.

С глубоким уважением честь имею быть Вашему Превосходительству к услугам настоятель Ровенского римско-католического прихода ксендз Чайковский».

Таким образом, вследствие ссоры двух ксендзов, из которых, как увидим выше, один стоит другого, не поделивших между собою прихожан и связанные с исполнением треб доходы, директору г. Радкевичу стало более точно и определенно известно, что делается в каплице и чего ксендз Ляхович на основании католического церковного права делать не может, вернее не должен.

Получивши означенное письмо, директор Радкевич направил его в округ при следующей бумаге *(От 14 ноября 1893 г. за № 970)*: «Хотя письмо ксендза Чайковского, представленное при сем в подлиннике, и имеет главным образом характер личных ксендза Чайковского счетов с ксендзом Ляховичем, входить в разбирательство которых я не считаю себя в праве, но тем не менее, зная образ деятельности обоих ксендзов, хотя с ксендзом Чайковским я познакомился весьма недавно (случайно у князя Любомирского), нахожу необходимым в виду некоторых вопросов, затронутых в письме, представить таковое на благоусмотрение Вашего Превосходительства, при честь имею почтительнейше присовокупить, что на первый раз было бы желательно училищную каплицу предоставить исключительно ученикам и служащим в училище (таковы в настоящее время Чехок, Фукс, врач Погоновский), вход же в нее посторонним лицам воспретить.

Кроме того, было бы весьма полезно для вверенного мне учебного заведения, при первой возможности заменить ксендза Ляховича человеком более прямым и толерантным, тем более, что ксендз Ляхович имеет самостоятельный богатый приход в селе Шпанове, куда он ездит служить позднюю мессу после мессы в каплице вверенного мне училища, посещаемой многочисленными обывателями г. Ровно и его окрестностей, что, естественно, не может быть приятно настоятелю местной приходской каплицы».

Тогда попечитель г. Вельяминов-Зернов запросил г. Радкевича *(От 22 ноября 1893 г. за № 10289)*, «каким порядком относительно служения в каплице и посещения ее молящимися руководствовалось начальство училища до настоящего времени и не был ли при самом учреждении каплицы обусловлен существовавший в настоящем случае порядок какими-либо особыми правилами».

В ответ на этот запрос г. директор Радкевич, ссылаясь на приведенное выше донесение, изложил снова данный вопрос и в качестве документального доказательства приложил копию распоряжения г. бывшего попечителя князя Ширинского-Шахматова, каковое г. Вельяминов-Зернов подтвердил предложением от 9 декабря 1893 г. за № 10813.

Тем не менее, эта мера мало помогла. Ксендз Ляхович не только продолжал изворачиваться, чтобы по возможности не исполнять требований русских властей (как ни странно звучит этот термин в России в конце XIX в.), но и старался вооружить против директора учеников.

Такой вызывающий образ действий ксендза заставил г. Радкевича обратиться к властям: с одной стороны к г. попечителю Киевского учебного округа, как к своему непосредственному начальству, с другой – к начальнику Волынского губернского жандармского управления.

В донесении г. попечителю от 26 мая 1897 г. г. Радкевич писал: «По прибытии моем в г. Ровно в 1891 г. я счел необходимым переговорить с ксендзом Ляховичем, законоучителем вверенного мне училища, о нашем «modus vivendi», при чем, ксендз меня уверял его «иерейскою совестью», что он будет всегда исполнять мои требования. Но уже в скором времени до моего сведения дошло, что ксендз не подчиняется существующему распоряжению относительно времени совершения богослужения в училищной каплице. Вопрос этот, не взирая на подтверждение Вашего Превосходительства от 9 декабря 1893 г. за № 10813, и до настоящего времени остается открытым.

Мое формальное требование (в 1891 г.) от ксендза исполнения распоряжения начальства было одною из причин появления разных инсинуаций относительно моей личности.

До меня доходили и до сих пор доходят слухи о том, что ксендз под разными предлогами собирает в своей квартире учеников, игнорируя мое запрещение. Насколько наука, преподаваемая ксендзом у себя на дому, а также шепотом в классе на уроках Закона Божия согласна с «иерейскою совестью», можно видеть из следующего отрывка из конфискованного дневника на польском языке бывшего ученика VI класса Грудзинского, удаленного

в 1892 г. из училища за попытку завести тайную польскую библиотеку: «Я с удовольствием теперь убил бы Радкевича». А затем в другом месте: «После обеда разговаривал с ксендзом о необходимости энергического действия, так как, по моему мнению, нужно созвать скорее...(?) (Здесь, вероятно, вопрос идет о созыве народных представителей и конституции, о чем ксендз Баевский в 1878 г. беседовал с учениками *(См. исходящие за 1878 г.)* для того, чтобы полякам выиграть время и использовать все это для своих целей), не пятясь назад перед каждым средством. Забыть, что можно встретить всевозможные препятствия.

Лишь только таким образом выиграем во времени.

Не надо тратить времени, в противном случае возьмут нас за лбы (?). Нужно, чтобы 1 мая 1893 г. было кроваво памятно в истории».

В дневнике говорится также о распространении между рабочими каких-то польских брошюр в интересах польской пропаганды. Весьма большое подозрение в снабжении Грудзинского и К^0 подобными брошюрами падает на ксендза. Я думаю, что он не даром ездить за границу почти каждое лето.

В характеристике лиц учебного персонала вверенного мне училища за 1896 год я имел честь почтительнейше доложить Вашему Превосходительству о тайных беседах ксендза с учениками старших классов.

Когда в прошлом году мною поднят вопрос о капитале Погоского, то ксендзу Ляховичу это крайне не понравилось. Когда же затем получено было распоряжение Вашего Превосходительства о составлении проекта положения о стипендии Погоского, то ксендз пришел в какое-то неистовство, продолжающееся и до настоящего времени. Он разражается, конечно, заглазно, крайне неприличными филиппиками и угрозами по моему адресу, а против квартиросодержателя Чаплица он поднял целую бурю гонений, угрожая закрытием его квартиры. Это им самим систематически приводится в исполнение, так как ксендз требует от родителей-поляков, чтобы они не помещали своих детей у г. Чаплица.

Вследствие этого, Чаплиц, единственный крупный конкурент квартиросодержателей-поляков, вынужден с окончанием настоящего учебного года закрыть свою квартиру. Гонение на г. Чаплица поднято ксендзом из-за того, что г. Чаплиц дал мне возможность напасть на след капитала Погоского. Этот капитал, вероятно, имел не малое значение в руках ксендза и его польской пропаганды, так как только этим и можно объяснить слишком энергическое отстаивание ксендзом предстоящего поступления этого капитала в специальные средства вверенного мне училища, похвальбы его возбудить против Министерства дело в Правительствующем Сенате.

Все попытки мои добыть документальные улики против предосудительных поступков ксендза не увенчались успехом, так как поляки, часто его прихожане, отлично дисциплинированы им и тут же отказываются от его слов, давая вместе с тем лживые подписки ксендзу.

До сведения моего также доходят слухи о том, что ксендз Ляхович запрещает польской прислуге жить у православных, а инспектор народных училищ Василенко сообщил мне о вредном влиянии ксендза Ляховича на фабричных житинского сахарного завода, состоящего в приходе этого ксендза.

В виду всего этого честь имею почтительнейше представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства об удалении крайне вредного ксендза Ляховича, так как он уже очень долго (почти 10 лет) засиделся на месте и успел посеять зла среди местного населения «ad majorem Papae et Polloniae gloriam[1]».

Но ксендз Ляхович, очевидно, имел крупных защитников, так как, несмотря на представление директора к увольнению, все же был оставлен на службе и продолжал сеять зло «ad majorem Papae et Polloniae gloriam», как выражался г. Радкевич.

Тогда, спустя после предшествовавшей бумаги около двух лет, в январе 1899 г. директор сделал о нем подобное предыдущему представление г. начальнику Волынского губернского жандармского управления, где, излагая уже известные нам факты, делал некоторые новые добавления о его деятельности.

[1] Для більшої слави Папи Римського і Польщі (*лат.*)

Так по поводу открытия им капитала Погоского, он здесь писал: «Когда председатель луцкого съезда мировых посредников Боровиков дал мне возможность открыть таинственный (последнее слово зачеркнуто и сверху надписано «крупный») капитал Погоского («превратившийся из 12 тисяч руб. в 6000 руб. и находившийся в распоряжении»,– эти слова зачеркнуты), которым распоряжался ксендз Ляхович, то последний пришел в крайнее раздражение»... и т.д.

Здесь для нас интересны именно вычеркнутые слова: что из денег, оставленных Погоским, основателем каплицы, на польские нужды, приблизительно за 30 лет половина была израсходована ксендзами совершенно бесконтрольно на утверждение польского влияния в г. Ровно в том или ином виде. Далее директор излагает новый факт «полезной» деятельности этого ксендза, происшедшей в 1898 г.: «16-го ноября прошлого года, когда св. Почаевская икона была принесена в домовую церковь вверенного мне училища, был в церкви один лишь ученик-католик старшего класса. Никак не могу не приписать это влиянию нашептываний ксендза (на уроках Закона Божия). Последний прибегал в училище лишь с (черного) ученического хода, куда он в другое время никогда не ходит. Нельзя не подумать, что ксендз появлялся лишь для того, чтобы узнать, нет ли в церкви кого-либо из учеников-католиков».

В заключение директор пишет: «мне кажется, что оставление его при одном шпановском приходе с лишением законоучительства значительно уменьшило бы его вредное влияние». Данная бумага, очевидно, имела более влияния, чем представление г. попечителю, так как ксендз Ляхович, устранить которого от учеников в виду его вредного влияния так долго и безуспешно добивался директор Радкевич, защищавший интересы русской народности, был наконец удален из реального училища.

В том же 1899 г. директор Радкевич, ознакомившись детально по документам и на практике с ролью, которую сыграла каплица в польском вопросе, решил возбудить ходатайство об ее упразднении. Летом этого года он подал г. попечителю Киевского учебного округа следующую докладную записку *(От 1 июля за №3469)*: «6-го мая 1855 г. коллежский асессор Фортунат Погоский, смотритель ровенского провиантного магазина, вошел к директору Ровенской гимназии с прошением о разрешении ему построить на училищной земле римско-католическую каплицу для учеников гимназии. Для этого Погоский предложил прибегнуть к подписке между учениками гимназии, их родителями и посторонними лицами.

Постройка гимназической каплицы мотивировалась дальностью расстояния римско-католической приходской каплицы, которою, после запечатания костела, была сделана каплица кладбищенская, находящаяся от здания гимназии, ныне реального училища, и общих ученических квартир при ней в расстоянии около 1½ версты, а также непроходимою грязью в городе в осеннее и весеннее время.

Каплица эта предназначалась исключительно для учеников, но в предложении попечителя Киевского учебного округа князя Ширинского-Шахматова от 2 августа 1866 г. за № 154, по совершенно неизвестной мне причине, упомянуто о том, что богослужение в ней должно совершаться «в воскресные и праздничные дни не только для учеников гимназии, но и для городских жителей».

Наблюдение за совершением богослужения (только в такие дни, когда «гимназия освобождается от классных занятий») возложено на директора.

По поводу этого неоднократно возникали недоразумения как между директорами и ксендзами-законоучителями, так и между нынешним законоучителем и приходским ксендзом. Последний жаловался мне на то, что законоучитель совершает приходские требы.

Вообще училищная каплица, устроенная непризванными к тому благотворителями и, к крайнему прискорбию, не в меру сочувственно принятая некоторыми из моих давних предшественников, служила нередко, особенно в начале 60-х годов, местом для польских демонстраций и причиняла училищному начальству немало хлопот.

Принимая во внимание то обстоятельство, что со скорым окончанием постройки римско-католического костела, находящегося в центре города, потребность в училищной каплице совершенно прекратится, честь имею почтительнейше ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о том, чтобы вслед за освящением костела училищная

каплица была упразднена, здание каплицы было продано на снос, а церковная утварь передана в ровенский приходской костел.

Деньги, вырученные от продажи здания каплицы, могли бы быть употреблены на постройку небольшой каменной православной часовни в память пребывания в здании вверенного мне училища в Бозе почивающего Государя Императора Александра III с тем, чтобы в часовню эту ежегодно 30 августа совершался крестный ход из училищной православной церкви для совершения панихиды по Царе-Миротворце.

Это тем более прилично, что в г. Ровно за сломкою, якобы вследствие ветхости, по распоряжению городской управы, состоящей почти исключительно из поляков и с поляком-старостою во главе, деревянной триумфальной арки нет никакого памятника в память пребывания в этом городе в 1890 г. ныне благополучно царствующего государя императора и Его августейших родителей.

На устройство какого-то памятника городским старостою собрана некоторая сумма, но ни о количестве ее, ни о назначении ее мне неизвестно. Эту то сумму было бы желательно также употребить на проектируемую мною часовню, которая наиболее была бы целесообразна и при том именно в саду, который был, посещаем в Бозе почивающим Государем Императором, а также на месте теперешней училищной каплицы, которой совсем не место при русском учебном заведении, так как она своим существованием только лишь служит укором училищу в том, что оно некогда как бы служило рассадником полонизма в здешнем искони русском крае».

В дополнение к этому представлению тот же директор г. Радкевич в сентябре этого же года посылает *(От 18 сентября 1899 г. за № 666.)* г. попечителю новый доклад по тому же вопросу: «В дополнение к представлению моему от 1-го июля сего года за № 469 честь имею почтительнейше доложить Вашему Превосходительству, что освящение Ровенского приходского костела назначено на 17-е число будущего октября.

При сем честь имею почтительнейше присовокупить, что в настоящее время весьма удобно возбуждение вопроса об упразднении училищной римско-католической каплицы, так как мотивы, приведенные в оправдание ее постройки и дальнейшего существования, в настоящее время потеряли свое значение. Сверх того, существование этой каплицы на прежних основаниях, не в интересах даже местного прихода, и законоучитель Яржимовский, как дошло до моего сведения из частных источников, назначен, сверх своей прежней обязанности, в качестве викария к местному приходскому ксендзу.

Означенное, представляя на благоусмотрение Вашего Превосходительства, честь имею почтительнейше просить об упразднении училищной каплицы, о передаче ее утвари в местный приходский костел с тем, чтобы в нем было отведено постоянное удобное место для учеников вверенного мне училища римско-католического вероисповедания, о разрешении продать здание училищной каплицы с публичных торгов на снос, о зачислении вырученной суммы в депозит вверенного мне училища для употребления ее на устройство каменной часовни в память пребывания в здании Ровенского реального училища в Бозе почивающего Императора Александра III, а также о разрешении мне после продажи здания училищной каплицы войти к Вашему Превосходительству с проектом означенной часовни и возбудить переписку с г. Волынским губернатором о передаче в депозит вверенного мне училища суммы, собранной ровенским городским старостой Яблоновским на устройство памятника в Бозе почивающему государю императору Александру III вместо сломанной деревянной арки».

Таким образом, мы видим, что директор г. Радкевич первый из всех директоров Ровенской сперва гимназии, ныне реального училища, понял и правильно оценил значение и роль гимназической католической каплицы в деле полонизации учащихся и первый, защищая интересы русских воспитанников и русской государственности, возбудил ходатайство о ее упразднении.

Но поляки, узнавши каким-то образом о планах директора по вопросу о каплице, пустили в ход связи, которые были у наиболее влиятельных из них, и ответ получился отрицательный и весьма лаконичный: г. Вельяминов-Зернов уведомил директора *(От 28 сен-*

тября 1899 г. за № 1076), что он «не находит необходимости в возбуждении ходатайства об упразднении училищной римско-католической каплицы».

Благодаря такому решению г. попечителя памятник и арена антирусских стремлений поляков в г. Ровно продолжает стоять, а пребывание русского государя в русском же городе совершенно ничем не ознаменовано, и население и теперь об этом мало осведомлено, а пройдет десяток лет, и воспоминания о пребывании Царя-Миротворца в г. Ровно вовсе исчезнут.

Ходатайство директора Радкевича о закрытии римско-католической каплицы при Ровенском реальном училище было приписано бывшим законоучителем ксендзом Ляховичем интригам его коллеги ксендза Чайковского, который, по его мнению, добивался этого, чтобы устранить конкуренцию каплицы, отбивавшей у него прихожан. В этом смысле им были по городу пущены слухи.

Тогда ксендз Чайковский, чтобы реабилитировать свое имя, послал директору официальное письмо *(От 25 апреля 1900 г. за № 217)*: «Бывший законоучитель вверенного Вашему Превосходительству Ровенского реального училища ксендз Владислав Ляхович распространил слухи между жителями г. Ровно и его окрестностей, что я подал официальное заявление Вашему Превосходительству с ходатайством закрыть римско-католическую каплицу, состоящую при упомянутом училище.

А потому, честь имею просить Ваше Превосходительство не отказать почтить меня извещением, какого числа, года и месяца мною подано заявление о закрытии каплицы при Ровенском реальном училище. Если же подобного случая не было, то не откажите затребовать от себя объяснения ксендза Ляховича, так как таковое объяснение ксендза Ляховича необходимо иметь для представления г-ну прокурору.

Ксендз Ляхович в настоящее время состоит настоятелем в Новоград-Волынске».

В ответе своем ксендзу Чайковскому директор пишет *(От 27 апреля 1900 г. за № 314)*: «Заявления Вашего с ходатайством о закрытии римско-католической каплицы, состоящей при вверенном мне училище, я никогда не получал.

Что же касается затребования от бывшего законоучителя вверенного мне училища ксендза Ляховича объяснения по тому предмету, то и этого сделать не в праве, так как ксендз Ляхович в служебном отношении в настоящее время мне не подчинен».

Неизвестно, чем кончилась эта многолетняя распря между ксендзами, да это для нас и неинтересно. Более заслуживает нашего внимания то обстоятельство, что, когда было раскрыто директором Радкевичем неблаговидное поведение ксендза Ляховича и вредное влияние каплицы, то последний желание со стороны директора закрыть ее объясняет интригою со стороны своего коллеги ксендза Чайковского.

Отказ со стороны г. попечителя Киевского учебного округа Вельяминова-Зернова не охладил желания г. Радкевича все же добиться упразднения католической каплицы, существовавшей, как и сейчас, при одном только среднем русском учебном заведении всего Киевского учебного округа, обнимающего собою пять губерний Юго-Западного края.

В 1901 г. он снова делает представление *(От 19 ноября 1901 г. за № 799)*, также секретное, волынскому губернатору г. Дунину-Борковскому по тому же вопросу. «Несколько лет тому назад»,– пишет он здесь,– «бывшим Ровенским городским упрощенным управлением было сделано распоряжение о сносе, якобы за ветхостью, деревянной триумфальной арки, находящейся при въезде в город и сооруженной в 1890 г. к прибытию в г. Ровно в Бозе почивающего государя императора Александра III и его Августейшего Семейства.

Вместо означенной деревянной арки предполагается соорудить каменную, для чего собрано около 1500 руб. Принимая во внимание то обстоятельство, что увековечение пребывания в г. Ровно Царя-Миротворца давно пора привести в исполнение, честь имею почтительнейше представить благосклонному вниманию Вашего Превосходительства то обстоятельство, что гораздо целесообразнее арки было бы устройство часовни.

Притом, в виду того обстоятельства, что в Бозе почивший Государь имел пребывание во вверенном мне училище и посещал сад оного, приличнее всего было бы соорудить часовню в саду реального училища на месте, занимаемом ныне деревянною каплицею, которая, представляя единственный случай существования римско-католической капли-

цы при учебных заведениях Киевского учебного округа, в настоящее время совершенно потеряла свой raison d'etre, излишня и даже неуместна, что можно видеть из следующей исторической справки. 6-го мая 1855 г. коллежский асессор Фортунат Погоский, смотритель ровенского провиантского магазина, вошел к директору Ровенской гимназии с прошением о разрешении ему построить на училищной земле римско-католическую каплицу для учеников гимназии. Для этого Погоский предложил прибегнуть к подписке между учениками гимназии, их родителями и посторонними лицами.

Постройка гимназической каплицы мотивировалась дальностью римско-католической приходской каплицы, которою после запечатания костела была сделана каплица кладбищенская, находящаяся от здания гимназии (ныне реальное училище) и общих ученических квартир (ныне существуют) при ней в расстоянии около 1½ версты, а также непроходимой грязью в городе в осеннее и весеннее время. В каплице этой на основании предложения бывшего попечителя Киевского учебного округа князя Ширинского-Шахматова от 2 августа 1866 г. за № 154 богослужение должно совершаться «в воскресные и праздничные дни не только для учеников гимназии, но и для городских жителей». Наблюдение за совершением богослужения (только в такие дни, когда «гимназия освобождается от классных занятий») возложено на директора.

По поводу этого неоднократно возникали недоразумения как между директорами и ксендзами-законоучителями, так и между бывшим законоучителем ксендзом Ляховичем и приходским ксендзом Чайковским. Последний жаловался мне на то, что ксендз Ляхович совершает приходские требы.

Вообще, училищная каплица, устроенная непризванными к тому благотворителями, и к крайнему прискорбию не в меру сочувственно принятая некоторыми из моих давних предшественников, служила нередко, особенно в начале шестидесятых годов, местом для польских демонстраций и причиняла даже училищному начальству немало хлопот.

Принимая во внимание то обстоятельство, что римско-католический обширный костел уже имеется в центре г. Ровно, что главные улицы последнего замощены и имеют тротуары, потребность в существовании училищной каплицы прекратилась, а потому совершенно благоразумно позаботиться о том, чтобы памятник господства польщизны в городе Ровно и в бывшей Ровенской гимназии прекратил свое существование.

Мне кажется, что здание училищной каплицы можно было бы продать на снос, передав церковную утварь каплицы в городской костел, а деньги, вырученные от продажи строительного материала, можно было бы прибавить к означенным 1500 руб. на постройку часовни в память незабвенного Царя-Миротворца, в случае надобности было бы желательно употребить на этот предмет и рублей 500 из специальных средств вверенного мне училища с разрешения г-на попечителя.

Часовню желательно было бы соорудить в русском стиле, исключительно из камня, кирпича и железа, вроде существующей в г. Киеве на Александровском спуске, и в ней поместить в числе других икон следующие: Св. Александра Невского, Св. Марии Магдалины, Св. Николая и Св. Ксении. В эту часовню желательно было бы устраивать ежегодно крестные ходы из училищной церкви 30 августа, 20 октября и 26 февраля для служения панихиды по в Бозе почивающем императоре Александре III.

Мне кажется, что проектирование часовни и постройку ее, после сноса каплицы, было бы весьма целесообразно поручить ведению хозяйственного комитета Ровенского реального училища с передачею в депозит последнего вышеозначенных 1500 руб.».

Ответа волынского губернатора г. Дунина-Борковского на это представление директора г. Радкевича не сохранилось, но, так как проект последнего насчет постройки каменной православной часовни вместо деревянной католической каплицы не осуществился и «памятник польщизны» продолжает благополучно стоять до настоящего времени, то нужно полагать, что и волынский губернатор отнесся вполне индифферентно к этому важному для русской государственности вопросу в г. Ровно, почему благие начинания директора Радкевича, этого единственного поборника и защитника русских интересов в этом учебном заведении, остались только начинаниями и не превратились в полезное дело.

В этом же году, когда возбуждено было означенное ходатайство, ксендз Генрих Яржимовский, сменивший Ляховича в должности законоучителя для учеников-католиков, вследствие запрещения служить литургию в будние дни и желания добиться этого иным путем, обратился к директору с прошением, в котором ходатайствовал разрешить ему совершать тихую мессу по будням.

Свою просьбу он мотивировал тем, что, нанимая квартиру вблизи училища, где он состоял законоучителем, он затрудняется отправлять указанную службу ежедневно в приходском костеле, который находится далеко от училища.

Второй мотив был тот, что «тихая месса не есть торжественное богослужение, которое совершается по воскресным и праздничным дням», служить он ее будет «сам без участия хора, при содействии только прислуживающего мальчика».

Директор г. Радкевич, которому после строптивого ксендза Ляховича, шедшего напролом, хитрый и скрытный ксендз Яржимовский казался хорошим, так как он его еще не распознал, возбудил *(От 24 февраля за № 140)* соответствующее ходатайство перед г. попечителем, где, между прочим, писал: «при чем осмеливаюсь полагать, что в крайнем случае было бы возможно допустить служение тихих месс исключительно лишь ксендзом Яржимовским и притом для его личной надобности в сослужении одного только служки и без присутствия молящихся, а также с тем условием, чтобы прекращение служения этих месс зависело вполне от моего усмотрения».

Вследствие такого заключения г. Радкевича, который в округе был известен, как противник всего польско-католического, г. попечитель уведомил *(От 28 февраля 1901 г. за № 2508)* его следующей бумагой: «Вследствие представления от 24 сего февраля за № 140 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я разрешаю законоучителю римско-католического вероисповедания вверенного Вам училища ксендзу Яржимовскому лично служить в будние дни в училищной каплице тихие мессы, но с тем, чтобы служения эти не посещались молящимися из посторонней публики».

Таким образом, ксендз Яржимовский добился того, что ему было разрешено «для себя» служить в училищной каплице мессы в будние дни, хотя пока без посторонней публики, но в присутствии «только прислуживающего мальчика». Этого мальчика, так как не было обусловлено, какого именно, он мог брать из среды учеников, ибо последние также мальчики, и, постоянно меняя их по очереди, мог служить вообще в присутствии учеников. Теперь ему оставалось устроить дело так, чтобы в церковь допускались молящиеся, но при директоре г. Радкевиче этого сделать было нельзя, поэтому выполнение второй части своей программы он откладывает до более благоприятного времени.

Между тем директор г. Радкевич, несмотря на свое полонофобство, не распознавший в ксендзе Яржимовском такого же поляка-патриота, каким был и ксендз Ляхович, но только более тонкого дипломата, чем последний, дает о нем наилучшие отзывы и защищает его от выпадов приходского ксендза Чайковского, яблоком раздора между которыми послужила, как видно из его донесения в округе, «сестра» последнего, «живущего, по словам Радкевича, как кажется, семейным человеком».

В донесении по поводу распри ксендзов в округ г. Радкевич так характеризует *(От 14 января 1902 г. за № 36)* ксендза Яржимовского: «Хотя ксендз Яржимовский состоит в должности законоучителя вверенного мне училища всего 2½ года, но и в течение этого небольшого промежутка времени он успел зарекомендовать себя с наилучшей стороны: он честно, правдиво и неуклонно исполняет свои законоучительския обязанности, не увлекаясь разными ксендзовскими традициями. Вообще, это редкий ксендз-законоучитель».

Но ксендз Яржимовский, «неувлекавшийся разными ксендзовскими традициями» и «правдиво исполнявший законоучительские обязанности», после того, как г. Радкевича на посту директора сменил Дьяченко, начинает постепенно обнаруживаться.

Уже в 1904 г. директор Дьяченко доносил г. попечителю *(От 24 марта 1904 г. за № 4)* что ксендз Яржимовский на уроках католического Закона Божия употребляет польский язык. Когда директор потребовал у него по этому поводу объяснения, то тот заявил, что говорит по-польски на уроках католического Закона Божия только в тех случаях, когда ученики затрудняются понимать его объяснения по-русски.

Об этом было доложено г. попечителю, который от его имени распорядился сделать ксендзу Яржимовскому выговор *(От 1 апреля 1904 г. за № 5066)*.

В том же году, но уже осенью, ксендз Яржимовский возбуждает ходатайство о том, чтобы ученикам-католикам Ровенского реального училища разрешено было участвовать в хоре во время богослужений в училищной каплице.

Директор г. Дьяченко, представляя это ходатайство на усмотрение г. попечителя, находит со своей стороны желательным эту просьбу отклонить *(От 2 августа 1904 г. за № 523)*.

Тогда помощник попечителя г. Андрианов делает г. Дьяченке запрос *(От 27 августа 1904 г. за № 8)* о мотивах, на основании которых директор удовлетворение просьбы ксендза Яржимовского считает нежелательным. На этот запрос г. Дьяченко вполне резонно отвечает *(От 31 августа 1904 г. за № 8)*, что устройство хора из учеников-католиков для каплицы следует воспретить, чтобы ученики-поляки не имели повода собираться под предлогом подготовки к пению. Такая мотивировка может, конечно, указывать только на наличность полонизма среди учеников Ровенского реального училища в 1904 г., развитию которого полякам г. Дьяченко думал воспрепятствовать запрещением собираться на спевки. На основании данного директором отзыва г. попечитель «не признал возможным» *(От 11 сентября 1904 г. за № 15142)* просьбу ксендза Яржимовского удовлетворить.

Наконец, настал 1905 г., год смуты и народных волнений, когда каждая группа инородцев старалась использовать данный момент в своих личных целях и выгодах. Воспользоваться удобным случаем решил и ксендз Яржимовский.

Мы уже видели, что он получил разрешение в будние дни служить «для себя» тихую мессу, теперь нужно было добиться, чтобы на службу в каплицу допустили молящихся. Поэтому он 31 января 1905 г. подает директору следующее прошение: «Заботясь о развитии религиозности среди учащейся молодежи, я нахожу, что к средствам, наиболее поддерживающим чувство религиозности, следует отнести частые доброхотные посещения храма Божьего.

Так как при Ровенском реальном училище имеется каплица для учащихся католического исповедания, то по сему покорнейше прошу Ваше Превосходительство ходатайствовать о получении для меня разрешения оставлять каплицу отпертой от утра до сумерек в учебное время, даже в будние дни, дабы учащаяся молодежь, пользуясь досугом, могла свободно и беспрепятственно посещать ее.

Льщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство, идя на встречу моему искреннему желанию воспитать молодое поколение в духе истины и страха Господня, найдете возможным удовлетворить моей просьбе».

Расчет этого ходатайства был верный: если каплица будет открыта целый день, то она будет посещаться не только учениками, но и публикой, ибо не выгонять же из храма Божия добрых христиан, зашедших в открытые двери каплицы помолиться; таким образом, каплица превратится в приходской костел, а «тихие» мессы – в громкие, и дело придет в прежнее положение фактически, хотя юридически публичные службы в будние дни и запрещались.

Директор г. Дьяченко с этой просьбой согласился только отчасти и в своем представлении по этому поводу на имя г. попечителя *(От 5 февраля 1905 г. за № 116)* говорит: «я бы полагал возможным разрешить иметь каплицу отворенной, но только не более, как в течение получаса: от 8¼ до 8 ¾ часа, находя неудобным, чтобы она была открыта в продолжение долгого времени, ибо в таком случае туда могли бы заходить проходящие мимо посторонние лица».

Вследствие этого, попечителем Киевского учебного округа г. Беляевым было разрешено *(От 14 февраля 1905 г. за № 2589)* открывать каплицу в пределах времени, указанных г. Дьяченко.

Таким образом, хотя ксендз Яржимовский и не достиг во всей полноте своей первоначальной цели добиться разрешения служить в будние дни, но все же достиг того, что ему было разрешено в будни «для себя» служить литургию, а ученикам в течении получаса на ней присутствовать, что и требовалось.

Сокративши в одном отношении, хотя и не вполне, ксендза Яржимовского, директор г. Дьяченко в другом ему помог. Именно в этом году каплица опять стала требовать ремонта. Нужно было подвести новые дубовые, вместо старых сосновых, «подвалины», облицевать стены новыми досками, перекрыть крышу и т.д.

Ксендз Яржимовский получил на этот ремонт пожертвования строительными материалами в виде дубовых «подвалин», досок и пр., но денег на ремонт не было. Тогда директор Дьяченко обратился к г. попечителю с просьбой *(От 25 июня 1905 г. за № 492)* разрешить употребить на это из специальных средств 300 рублей, каковое разрешение и последовало от 5 июля 1905 г. за № 11899.

Ремонтированная в этом году каплица могла еще на долгое время служить оплотом католицизма и полонизма при Ровенском реальном училище.

Когда польские стремления ксендза Яржимовского, которых в нем и не подозревал директор Радкевич, в достаточной степени выяснились, то директор г. Анципо-Чикунский в 1906 г. дает ему несколько иную характеристику, чем первый.

«Ксендз Генрих Яржимовский»,– пишет он,– «как большинство польского католического духовенства, отождествляет католицизм с полонизмом, почему и его педагогическая деятельность не может быть чужда этой тенденции. Но ксендз Яржимовский не пользуется полным расположением воспитанников за свою требовательность, как преподаватель, а также и потому, что местные католики подозревают его в сочувствии секте мариавитов[1], вследствие чего его влияние на учеников не особенно велико».

Подозрение католиков, о котором говорит г. Анципо-Чикунский, впоследствии оправдалось, когда ксендз Яржимовский, обратив в мариавитство несколько человек, сам перешел в 1908 г. в эту секту.

В настоящее время среди учеников-поляков Ровенского реального училища имеется один мариавит. Секта эта, несмотря на сильное сопротивление поляков-католиков, особенно же католического духовенства, продолжает распространяться среди жителей г. Ровно, и мариавиты теперь уже имеют здесь свою легализированную властями часовню.

В 1908 г. перешедшего в мариавитство ксендза Яржимовского в должности законоучителя Ровенского реального училища сменил ксендз Юлиан Менцинский, который был здесь недолго, всего от 1 августа 1908 г. по 27 марта 1909 г. За это короткое время он утвердить свое влияние на учеников едва ли мог успеть, но проявил наклонности к кутежам.

Во время одного из таких времяпрепровождений был застигнут полицией в месте и обществе, не вполне соответствующих его духовному сану, почему католическими властями был выслан за границу, и в настоящее время, как ходят слухи, находится на покаянии в одном из заграничных монастырей.

Каплица, выяснению значения которой посвящена настоящая историческая заметка, теперь стоит запертой, и служб в ней не совершается. Почему она до настоящего времени носить такое название, является секретом, ибо оно противоречит истине и совершенно не соответствует действительности.

В ней имеются для богослужения три алтаря: один главный и два придельных, затем два сакристия, орган, хоругви и все необходимое для процессий, облачения обыкновенные и несколько парадных для торжественных богослужений, а также вся утварь и сосуды, для этого необходимые.

Вследствие этого ее более правильно было бы назвать католическим костелом, каковым фактически давным-давно она и является, составляя исторический пережиток, не только совершенно ненужный, но прямо вредный для полного торжества русской государственности в данной местности.

Подводя в настоящее время итог всему изложенному, мы видим, что поляки, потеряв надежду на непосредственную полонизацию учащихся в средних учебных заведениях

[1] Маріавітська Церква (*польск.* Kościół Starokatolicki Mariawitów) — від лат. Mariae vitam (imitantes) (Життя Марії (наслідування)) незалежна християнська конфесія, що виникла в Польщі на початку XX ст., в наслідок конфлікту частини прихожан і нижчого кліру римо-католицької церкви з епіскопатом.

Юго-Западного края, благодаря реформе школы 1830-х годов, обращают все внимание на влияние посредственное, при помощи костелов и ксендзов.

Мы видели, как постепенно проникало польское влияние в Ровенскую гимназию, при которой несколько раз созидался очаг полонизации сначала в виде каплицы, содержавшейся на счет ксендза, затем такой же, открытой в замке князя Любомирского, но уже с разрешения властей, впоследствии стараниями г. Погоского и других лиц в этом заинтересованных, перенесенный в усадьбу гимназии.

Мы видели также, как втихомолку каплица превратилась в костел, вполне оборудованный и снабженный всем необходимым, какую роль она сыграла во время польского движения 1860-х годов и чем являлась все время для польского вопроса.

Познакомились мы также и с работою ксендзов в Ровенской гимназии, в большинстве случаев двуличных и лукавых, с приемами их деятельности и характером ее, более политическим, чем религиозным, и с тем вредом, который они принесли для русского дела в этом учебном заведении. Но деятельность ксендзов и влияние католических костелов не ограничились, конечно, Ровенской сперва гимназией, затем реальным училищем, а распространились повсеместно, подобно тлетворной болезни, на весь организм Юго-западного края.

Вследствие этого под всем этим краем, исконно русским и православным, в настоящее время расположен польский пороховой склад, фитилями к которому служат католические костелы, каплицы и алтари, явно и тайно разбросанные здесь повсеместно.

Достаточно вспыхнуть войне на нашей западной границе, чтобы этот склад взорвал и похоронил под своими обломками и престиж русской власти, и миллионы русских жизней. Поэтому невольно приходит на ум та формула, которою римский народ предупреждал своих должностных лиц о грозящей государству опасности: «Coveant consules, ne quid detrimenti res pulica capiat»[1].

РОУНБ

[1] «Нехай консули потурбуються про те, щоб держава не зазнала лиха» (*лат.*). Формула запровадження надзвичайного стану в Стародавньому Риими з наданням консулам диктаторських повноважень. Вживається як пересторога про небезпеку і заклик до пильності.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК
директоров Ровенского реального училища (ранее гимназии Луцкой, Клеванской и Ровенской) с 1832 года по 1914 год

№	Фамилия имя и отчество	С какого года был директором в названном учебном заведении	По какой года был директором в названном учебном заведении
1)	Кулжинский Иван Григорьевич	1832	1839
2)	Фавицкий Гавриил Михайлович	1839	1841
3)	Аврамов Петр Осипович	1841	1848
4)	Траутереттер Гуго Эрнестович	1848	1853
5)	Росковшенко Иван Васильевич	1853	1855
6)	Туманов Александр Дмитриевич	1855	1860
7)	Теодорович Автоном Григорьевич	1861	1863
8)	Герасименко Георгий Игнатьевич	1863	1867
9)	Кривоносов Александр Александрович	1867	1870
10)	Сущевский Яков Степанович	1870	1879
11)	Дзюбелевский-Дзюбенко Иван Федорович	1879	1885
12)	Павлов Михаил Михайлович	1885	1887
13)	Гольдерекер Александр Яковлевич	1887	1889
14)	Немец Ярослав Осипович	1889	1890
15)	Радкевич Илья Гаврилович	1890	1903
16)	Дьяченко Андрей Никитич	1903	1906
17)	Анципо-Чикунский Анатолий Антонович	1906	1911
18)	Беленький Константин Степанович	1911	

ROVLIB

СПИСОК
ксендзов-законоучителей римско-католического исповедания в том же учебном заведении с основания его до настоящего времени

№	ФАМИЛИЯ ИМЯ и ОТЧЕСТВО	С которого года был законоучителем	По который год был законоучителем
1)	Варховский Иосиф Данилович	1832	1838
2)	Мороз Станислав	1838	1839
3)	Подлевский Петр Иакимович	1839	1856
4)	Тваровский Иосаф Игнатьевич	1856	1861
5)	Яницкий Иван Игнатьевич	1861	1863
6)	Хащинский Казимир Яковлевич	1864	1869
7)	Эйсмонт Леопольд Феликсович	1869	1870
8)	Хрусановский Болеслав Иосифович	1870	1876
9)	Баевский Антон Александрович	1876	1881
10)	Каменский Павел Иосифович	1881	1882
11)	Белостоцкий Ричард Владиславович	1882	1887
12)	Ляхович Владислав Феликсович	1887	1899
13)	Яржимовский Генрих Модестович	1899	1908
14)	Менцинский Юлиан	1908	1909
15)	Томашевский Иосиф Александрович	1909	1912

РОУНБ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
учеников по вероисповеданиям с 1852 по 1914 год[1]

Год	Общее число учеников	Православных	% отношение православных к общему числу	Католиков	% отношение католиков к общему числу	Лютеран	Иных христианских исповед.	Иудеев	Магометан
1852	350	47	13,4	294	84,0	3	–	6	-
1853	348	39	11,2	293	84,2	8	-	8	-
1854	329	51	15,5	262	79,3	8	-	8	-
1855	307	50	16,3	253	82,4	2	-	2	
1856	312	35	11,2	270	86,5	6	-	1	
1857	347	57	16,4	282	81,3	5	-	3	
1858	359	68	18,9	283	78,8	3	-	5	
1859	341	87	25,5	240	70,4	6	-	8	
1860	340	77	22,6	252	74,1	2	-	9	
1861	412	92	22,3	305	74,0	3	-	12	
1862	441	113	25,6	311	70,5	1	-	16	
1863	383	144	37,6	219	57,2	2	-	18	
864	324	135	41,7	165	50,9	3	-	21	
1865	361	128	35,4	211	58,4	3	-	19	
1866	340	119	35,0	209	61,5	2	-	10	
1867	251	95	37,8	145	57,8	2	-	9	
1868	221	95	43,0	116	52,5	1	-	9	
1869	218	85	39,0	115	52,8	3	-	15	
1870	220	94	42,7	102	46,4	7	-	17	
1871	226	96	42,8	111	49,1	7	-	12	
1872	234	81	34,6	123	53,0	8	-	22	
1873	287	102	35,5	149	51,9	9	-	23	
1874	390	120	30,8	222	56,9	10	1	37	
1875	395	113	28,6	238	60,3	10	-	34	
1876	392	103	26,3	247	63,0	7	-	35	
1877	409	108	26,4	252	61,6	10	-	39	
1878	409	104	25,4	245	59,9	9	1	50	
1879	409	96	23,5	242	59,2	8	1	62	

[1] До 1852 г. указанных сведений в архиве Ровенского реального училища не сохранилось

1880	371	90	24,3	220	59,3	3	1	57	
1881	359	90	25,1	206	57,4	3	3	57	
1882	345	96	27,9	190	55,1	4	2	53	
1883	340	89	26,2	193	56,2	3	7	48	
1884	304	86	28,3	166	54,6	6	2	44	
1885	298	101	34,2	150	50,3	4	3	40	
1886	315	107	34,0	160	50,8	5	2	41	
1887	333	109	32,7	174	52,3	5	1	44	
1888	306	100	32,7	159	52,0	6	1	40	
1889	308	91	29,5	168	54,5	10	1	38	
1890	280	88	31,5	147	52,5	13	-	32	
1891	248	80	32,3	126	50,8	11	-	31	
1892	240	89	37,1	120	50,0	10	-	20	
1893	211	72	34,1	115	54,5	7	1	15	1
1894	202	71	35,1	107	53,0	7	1	15	1
1895	202	74	36,6	102	50,5	9	1	15	1
1896	190	70	36,8	94	49,5	7	2	17	
1897	176	70	39,8	82	46,6	5	2	17	
1898	178	72	41,0	79	44,4	6	2	19	
1899	185	74	40,0	85	45,9	6	1	19	
1900	211	95	45,0	88	41,7	6	1	21	
1901	219	103	47,0	90	41,1	3	1	22	
1902	229	107	46,7	95	41,5	4	1	22	
1903	227	113	49,8	85	37,4	5	-	24	
1904	253	132	52,2	89	35,2	4	-	28	
1905	246	127	51,6	86	35,0	4	-	29	
1906	208	110	52,9	63	30,3	6	-	29	
1907	269	147	54,6	79	29,4	10	-	32	1
1908	292	177	60,6	71	24,3	8	-	35	1
1909	288	177	61,5	66	22,9	9	-	35	1
1910	282	177	62,8	60	21,3	10	-	34	1
1911	288	178	61,8	60	20,8	11	-	38	1
1912	283	184	65,0	52	18,4	9	-	37	1
1913	276	176	63,8	51	18,5	11	-	37	

DRAFT

Автоном Солтановский

ОТРЫВКИ ИЗ ЗАПИСОК

Автор записок, отрывки которых мы печатаем на страницах «Киевской Старины», – Автоном Акимович Солтановский родился в 1826 г. и был уроженцем Подольской губернии. По окончании в 1849 г. философского факультета университета Св. Владимира, он до 1864 г. был преподавателем в Ровенской гимназии, занимая сначала должность учителя «наук исторических», а затем русской словесности. В 1864 г. Солтановский был назначен инспектором Каменец-Подольской гимназии и исправлял должность директора народных училищ Подольской губернии, но оставался в этой должности всего только несколько месяцев. Приглашенный в том же 1864 г. на службу в Царство Польское, он получил назначение начальником Сувалкской учебной дирекции, а в 1871 переведен в Плоцкую, где и служил до своего выхода в отставку 1 августа 1875 года. Затем он поселился в г. Брацлаве, Подольской губернии, где и умер 16 июля 1886 года, 60 лет от роду.

Печатаемые нами записки любезно доставлены в редакцию супругой покойного, Флорой Ивановной Солтановской. Подлинник их, который хранится теперь в редакции «Киевской Старины», писан рукою самого А. А. Солтановского. Вся рукопись заключается в 11 довольно толстых тетрадях, хотя, кажется, конца в ней недостаёт, потому что последняя тетрадь обрывается неожиданно, на полуслове.

Записки обнимают собственно время с 1846 года (год поступления Солтановского в университет) по 1867-й, хотя автор говорит и о своем детстве, воспитании, равно как и о времени, более позднем 1870-х и даже 1880-х гг.,– но говорит об этом при случае, мимоходом. До переезда Солтановского в Польшу, приблизительно до 1864 г., записки носят характер воспоминаний, а затем переходят в дневник, отчасти, конечно, теряя от этого в интересе, главным образом, со стороны литературной и как характеристик, хотя фактами они остаются, по-прежнему, богаты.

А. А. Солтановский, как видно из его записок, был человек наблюдательный, с передовыми взглядами по многим вопросам и в известных случаях умевший серьезно и критически относиться к окружавшей его действительности.

Записки А. А. Солтановского, думается нам, представляют ценный материал для характеристики русского общества и русской администрации в Юго-Западном крае перед восстанием 1863 г. Особенно ярко у автора нарисовано состояние средней школы, нравственного уровня ее учителей (характеристика Ровенской гимназии) и административных порядков Киевского учебного округа – ведомства, наиболее близкого автору, и с которым он, следовательно, лучше всего был знаком. Много ценного содержат записки и для характеристики действий учебных заведений в Царстве Польском. Приходится искренно пожалеть, что мы, по независящим от нас обстоятельствам, можем поместить только отрывки из этих замечательно-интересных записок, правдивость которых (за исключеньем мелочей, что объясняется простой забывчивостью) мы имели возможность проверить справками у некоторых современников, описываемых автором событий. Так, все касающееся давней киевской жизни проверено нами указаниями одного почтенного старожила киевского, пребывающего безвыездно в нашем городе с 1835 г. и стоящего довольно близко к той среде, которой касаются передаваемые факты. Ему, между прочим, мы обязаны поправками и дополнениями, помещёнными нами в примечаниях.

ПОЧЕТ

Окончивши в 1849 г. университет, по 1 отделению философского факультета, и состоя на казенном содержании, я надеялся, как один из первых кандидатов, получить место старшего учителя с жалованьем по 400 руб. в год. Но не тут-то было. Лазов, правитель канцелярии учебного округа, принял меня весьма ласково и отправил справиться к своему помощнику, куда я именно назначаюсь. От Лазова зависели все назначения по округу. Пришел я в комнату помощника. Он сидел и писал. Думая, что он не заметил моего прихода, я стал покашливать. Он вскинул на меня глаза, опять опустил на бумагу и продолжал писать. На мой поклон он не ответил. Прождав минут пятнадцать и видя, что он, кончив одну бумагу, отложил ее в сторону и стал перебирать другие, я объявил, что прислан от Лазова за справками. Ответа не последовало, и он принялся за другую бумагу.

Пораженный таким грубым приемом, после новых 20 минут ожидания, я направился к выходу.

«Какие еще там справки?– крикнул он резко.– Что собственно нужно?» – Я объявил.

«Назначается учителем в Ровенскую гимназию» – проговорил он небрежно.

На вопрос мой: «Старшим? Какого предмета?» Он отрезал: «Младшим, старшим таких не назначают! А предмет, какой случится. То будет зависеть от директора гимназии».

Вот она какова служба! А я мечтал посвятить себя и все свои знания и силы высокой обязанности наставника юношества и составил себе весьма возвышенное понятие об учительской должности. Оказывается, что я в этом ошибался, ибо каждый чиновник считал себя вправе оскорблять меня без всяких поводов и целей.

Возвратился я в университет в свою камеру и все порассказал товарищам. Они объяснили мне, что если я желал лучшего приема, то должен был вручить помощнику Лазова, по меньшей мере, 25 руб., а если желал места старшего учителя, то сразу нужно было предложить частицу от третного не в зачет жалованья и от подъемных. Так как этого я сделать был не в состоянии и не желал подвергать себя новым оскорблениям, то в канцелярию округа более не являлся.

Прошло две недели. Я продолжал жить в камере и пользовался столом со всеми казеннокоштными. Наконец педель вручил мне требование за подписью Лазова явиться немедленно в регистратуру канцелярии для получения необходимых документов по назначению на должность.

Регистратор со Станиславом в петличке, таким же, как и у ординарного профессора истории Ставровского, приказал мне прийти дня через два, и тогда он даст мне на руки требование в губернское казначейство для отпуска прогонных и третного не в зачет. После трех дней оказалось, что он не успел еще приготовить требования, но дня через два оно будет готово. Продержав меня затем без всякого основания часа два, он, наконец, под расписку выдал мне требования, объявив, что в канцелярию генерал-губернатора сообщено отношение о выдаче мне подорожной по казенной надобности. Прогонные[1] и третное[2] в казначействе мне выдали без задержки, но отношения в канцелярии генерал-губернатора не оказалось, и подорожной я не получил.

В казначействе, которое помещалось в крепости, все деньги были отпущены мне серебряными рублями. Бумажками ни за что не хотели отпустить, ссылаясь на то, что в казначействе находятся только металлические деньги. Навязав целый носовой платок серебряных рублей, я должен был пробираться с ними целых три версты и чуть не был

[1] Прогонные – поверстова плата за проїзд на поштових конях.

[2] Третное жалованье – одна третина від платні.

ограблен на «Крестах»[1], но успел уйти. Не знаю, было-ли это притеснение со стороны казначейства, ждавшего тоже подачки, или и в самом деле в это блаженное время имелось такое обилие серебряной монеты.

Пришлось еще раза три побывать у регистратора канцелярии попечителя, который отговаривался недосугом и не хотел с точностью указать, послано ли требование казенной подорожной и куда именно послано.

«Вас завалили даром деньгами и вам спех наживать в Ровно новые деньги,– говорил он.– А нам недосуг, нас за медные копейки жалованья завалили совсем работой!».

Наконец секрет указан – подорожную можно получить в канцелярии губернатора. Прождавши часа два в этой канцелярии, я, наконец, получил подорожную. Пришлось пробыть в Киеве еще несколько дней, пока сделали мне вицмундирную учительскую пару.

Часто к полякам студентам хаживал в камеру какой-то горбатенький господин в партикулярном костюме, но товарищи меня с ним не знакомили. Являлся он обыкновенно на несколько минут, пошепчется и уйдет. Но едва я получил подорожную, как, поляки студенты привели его в камеру и познакомили нас. Он назвался частным учителем и предложил вместе ехать в Ровно. Мне это было на руку. Я согласился.

Казенная подорожная мало имела успеха. Смотрители на станциях задерживали нас по целым часам, конечно ожидая подачки, а за Коростышевом где-то в поле на станции нас держал смотритель двое суток, ссылаясь на разгон лошадей и на проезд генерал–губернатора Бибикова из Варшавы в Киев. Пришлось два дня заказывать по дорогой цене простой обед из двух блюд и чай у смотрителя.

В первую ночь проехал Бибиков после свидания с государем в Варшаве. Затем никто не проезжал, а лошадей все-таки не давали. Я пригрозил прописать задержку в книге. Смотритель сам принес книгу и предложил писать что угодно и сколько угодно, прибавив, что нужно быть пьяным, чтобы не понимать, что лошади на станциях не растут, как грибы в лесу. Из его слов я заключил, что смотритель в оправдание свое представит меня пьяным буяном, что не совсем красиво шло к началу службы. Губернский почт-директор, как они себя титуловали, мог кляузное объяснение смотрителя станции сообщить в округ и директору гимназии. Необходимо было смириться и ждать.

Далее на одной из почтовых станций, тоже стоявшей одиноко в поле в расстоянии версты от какого-то селения, мы застали полковника Позняка, чиновника особых поручений Бибикова, следовавшего за последним из Варшавы. Станцию осаждали евреи. Позняк занял себе пассажирские комнаты, в которые нас не пустили. Пришлось часов пять, в ожидании лошадей, гулять под мелким и довольно холодным сентябрьским дождем вокруг станции и ютиться на крылечке.

Евреи ходатайствовали, чтобы Позняк остановил станового пристава, который должен сейчас проехать мимо станции куда-то на ярмарку, и произвел в его шарабане обыск. По словам их, пристав привезет в шарабане контрабанду на несколько тысяч. Позняк требовал от них формального заявления и подписки, чем, в случае ложного доноса, они подвергают себя всей строгости законов. Евреи колебались. Но вот показался ничего не подозревавший пристав. Евреи бросились к Позняку и дали подписку.

Пристава догнали и воротили к станции ямщики и евреи. Контрабанда действительно была найдена на большую сумму, и пристав арестован.

Смотритель рассказал нам, что пристав отнял эту контрабанду у евреев, но, не сошедшись с ними в выкупной цене, решил сам распродать ее на ярмарках. Евреи все это пронюхали и, воспользовавшись проездом Позняка, наказали пристава за неуступчивость.

---

[1] «Кресты» – місцевість в Києві розташована між Кловським яром і Московською вулицею. На початку XIX ст. це місце мало погану славу, як найбільше в місті поселення «непотребных девок» (повій), що обслуговували «гармиз» (гарнізонних солдат), «милитеров» (офіцерів), «рябчиков» (чиновників) та «спудеев» (студентів). Солтановський в спогадах київського періоду пише, що тут «жил самый забубенный люд… Через «Кресты» проходить днем было небезопасно, а ночью положительно невозможно».– Киевская старина.1892, № 4.– С.75.

Поздно вечером смотритель дал нам пару каких-то дохлых кляч, и мы поплелись по размокшей почве. В лесу ямщик своротил с почтовой дороги, ссылаясь на крайнюю ее расстроенность, и повез нас по корням деревьев какими-то тропинками. Мокрые ветви поминутно хлестали нас в лицо, и повозка готовилась опрокинуться то в ту, то в другую сторону. Нужно было крепко держаться за облучок, чтобы не вылететь. Ночь была так темна, что хоть глаз выколи, и мелкий, холодный дождь продолжал моросить. Я заметил, что за спиной у меня сделалось слишком свободное пространство. Осмотрелся – оказалось, что чемоданчик мой, в котором была и вицмундирная пара, и все мои деньги, вывалился из повозки. Ямщик сейчас-же соскочил и хотел идти отыскивать потерянное, но мы настояли, чтобы он с моим спутником остался при лошадях.

Спотыкаясь и падая на каждом шагу, я обшаривал дорогу, подвигаясь назад. Наконец, верстах в двух я наткнулся на чемодан, взвалил его на плечи и поплелся обратно. Боясь заблудиться, я подавал голос спутнику и получал отклики. Ямщик, без сомнения, закинул бы куда-нибудь в кусты чемодан, и я бы остался и без денег, и без белья, и без одежи.

Это трехсотверстное путешествие по казенной надобности длилось целую неделю. Частный учитель Ковальский (так звали моего спутника), в дороге был большею частью молчалив. Иногда только высказывал он, что пора малороссам быть дружнее с поляками, которые теперь совсем переродились, пора всем славянам сблизиться и оградить себя от всего немецкого и татарского. Под татарским он, без сомнения, разумел все великорусское. Я не пускался с ним в спор, и разговор прерывался.

Остановившись в заезжем доме и вместе трактире какого-то швейцарца Ольгиати, я сейчас отправился к директору гимназии Гуго Эрнестовичу Траутфеттеру, брату ректора Киевского университета. Он принял меня весьма холодно и объявил, что я буду читать географию и в V классе русскую историю. Я объявил ему, что не знаю где сыскать себе квартиру, так как в трактире жить не по карману. Он ничего мне не ответил.

Посредством фактора-жидка[1], я нашел одно только помещение из четырех комнат и кухни. Оно только что было отстроено, и потому еще не успели его занять. За это помещение, без стола и дров, я обязался платить в год 120 руб. Это помещение было для меня страшно велико, но другого не было. Дрова и стол с чаем должны были поглотить остальное из 300 руб. жалованья, так что на платье и сапоги ничего не предвиделось.

После я узнал, что в старом палаце князей Любомирских принадлежавшем гимназии, были две свободные квартиры, которые отдавались учителям даром. Но Траутфеттер, как истый, чистокровный немец, не пожелал предложить мне русскому одну из них, имея заднюю мысль держать русских учителей, особенно новичков, в загоне и нищете и, следовательно, в полнейшем повиновении своей воле. Он был в университете в Дерпте, но курса не окончил по случаю какой-то истории и дуэлей. Русским языком он владел не вполне свободно. Взяток не брал, но делал экономию в свою пользу на отоплении и ремонтах здания, а также имел выгоду от подрядчика общих квартир. В сравнении с другими директорами он был весьма честен и весьма осторожен, к нему никто ни в чем не мог придраться. Говорили, что небольшую выгоду удалось ему извлечь из постройки экономическим способом здания кухонь для общих квартир. Впрочем, все эти выгоды были крайне ничтожны, и он жил на свои 800 руб. весьма скромно и расчётливо с семьей.

Он ходил и зимой и летом в истертой, даже заплатанной местами, старенькой шинелишке и только тогда решился обзавестись шубкой, снаружи покрытий кожей из какого-то морского зверька, с черным коротким и шерстким волосом, подбитой внутри коротким желтоватым мехом,– когда во время поздравлений с новым годом какой-то пьяный поздравитель утащил его шинелишку. Шубки эти получались готовыми из Австрии после Венгерской кампании и были даже в моде. Шубка стоила совсем готовая к употреблению всего 28 руб. серебром и была тепла и весьма удобна, особенно в зимнее или осеннее время, в оттепель и грязь. Стоило забрызганную грязью шубку повесить на несколько

[1] Фактор – помічник, посередник. Зазвичай, фактори крутились біля готелів. Факторство було поширеною професією серед бідних євреїв і вважалося «єврейською професією».

часов и затем встряхнуть, и вся грязь сама собою осыпалась, и волос на шубке принимал прежний черный блестящий вид. Эти шубки носились годы, волос на них стирался нескоро.

По своему образованию и осторожности Траутфеттер не мог иметь особенного влияния на поднятие педагогического дела в гимназии, но все-таки при нем успехи были недурны, учителя аккуратно посещали уроки, во всем был порядок, с детьми обращались хорошо и недурно кормили их в общих квартирах. Иногда на бутерброды и чай приглашал к себе Гуго Эрнестович учителей, бывал у семейных учителей, и, наконец, по его инициативе в учительском кругу завелись раз в неделю очередные бутерброды. Впрочем, они продолжались одну только зиму, так как потеряли свой скромный характер семейного учительского кружка, и продолжать их сделалось разорительным[1].

Инспектор Александр Дмитриевич Туманов и учитель математики Петр Дмитриевич Коленко, имея много знакомств в городе, превратили их в свои очередные дни в балы с музыкой, на которые являлась вся чиновная знать пышно и дорого разряженная, так что жены и дочери учителей в своих скромных костюмах совсем стушевались. Когда пришла новая очередь для бутербродов, то никто не захотел ее возобновить, не будучи в состоянии соперничать в издержках с Тумановым и Коленко.

Траутфеттер сам не брал взяток, но был недостаточно энергичен, чтобы помешать Туманову и Коленко пользоваться ими. Туманов весьма сдружился с Коленко. Происходили всякие натяжки во время испытаний и переводов, случались даже подчистки месячных отметок в ведомостях. Туманов кроме того тянул бесплатно всю провизию для своего стола с подрядчика общих квартир. […]

Возвращаюсь к прежнему. Я упомянул, что спутником моим из Киева в Ровно был какой-то частный учитель Ковальский. Оказалось, что он не случайно ехал со мною, а имел поручение при помощи знакомства со мною сблизиться с учениками гимназии и влиять на них в духе возрождения Польши. В это время кроме капеллана-старичка, все учителя, гимназии были русские, за исключением трех учителей языков протестантов. Покамест я жил в доме Луковского с учителем Соханским, Ковальский был у меня не более двух раз в течении года, но когда я перешел в качестве надзирателя в казенное помещение в общих квартирах, Ковальский сделался ежедневным моим гостем. Это меня стесняло, хотя он никогда не оставался более получаса.

Сначала я ничего не подозревал. Но потом стал замечать, что Ковальский входит ко мне только для вида, а предварительно шмыгает по учебным комнатам, и во время гуляний на гимназическом дворе беседует с учениками высших классов.

На вопрос мой: «Откуда у него знакомство с учениками?» Он отвечал, что он «часто видится с их родителями, которые посредством него передают детям своим поклон, посылки и поручения».

Вслед за тем я стал находить у учеников польские исторические книги и узнал, что им подносит их Ковальский. Отобравши эти книги, я отослал их Ковальскому с просьбою не сметь более являться ни ко мне, ни в общие квартиры. В ответ на это я получил вызов на дуэль. Пришлось обо всем сообщить директору Траутфеттеру. Полиция сделала Ковальскому внушение, и он, по совету поляка-городничего Петре, куда-то уехал, и я с ним более не встречался.

* * *

Вообще говоря, жизнь уездного города Ровно до Крымской войны (и польского мятежа)[2] была весьма не красива и страдала отсутствием всяких разумных начал. Чинов-

[1] Здесь у А. Солтановского замечается маленькая неточность. У Туманова лично вечеров не бывало, т.к. жена его была больна и вскоре умерла. Вечера же эти устраивались учителями холостыми в складчину и, действительно, вскоре потеряли характер бутербродов. Делаем эту поправку на основании слов одной пожилой особы, бывшей как раз в то время в Ровно и очень близко стоявшей к учебному персоналу. Этой особе, между прочим, мы обязаны некоторыми поправками в записках А. Солтановского, относящимися, к ровенскому периоду 1849–1853 гг.– *(Ред. «Киевской Старины» – Далі прим. ред. КС)*

[2] Січневе повстання — польське національно-визвольне повстання 1863-1864 рр. проти Російської імперії. Охопило Царство Польське, Литву та частково Правобережну Україну (всю Волинську губернію і 10 повітів Київської).

ники, представители правительства, изображали собою шайку законных грабителей, опустошавших уезд и мешавши правильному развитию общественной жизни, и в тоже время обманывавших и самое правительство. Это было нечто отрицающее долг, христианское учение, семейные нравственные начала, чужую собственность, пренебрегающее честью и личностью человека: жадное до наживы и кровожадное. Неудивительно, что в такой среде таились будущие семена нигилизма, и что такие представители правительства не внушали к нему ни любви, ни доверия. Они угнетали народ, глумились над ним. Они внушали покорность и повиновение всякому произволу и всякой неправде. Они обожали разврат, наживу и истязания.

Излюбленным развлечением, наполнявшим весь досуг, а досуга было много, была карточная игра. Играли днем, играли ночью, играли в страстной четверг и пятницу, играли во время производства дел и следствий, играли во время рекрутских наборов, на свадьбах, поминках, крестинах, играли почти непрерывно. Карты мерещились во сне и похмелье. Другого разговора никогда не было, как только о картах, о карточной игре. Но так как между всеми этими чиновниками подавляющее большинство принадлежало к польской национальности, то идея восстановления Польши играла не последнюю роль в их служебной деятельности. Грабя и истязая, развратничая и играя в карты они имели постоянно в виду внушить всем этим народу неуважение, ни доверие и нелюбовь к правительству, которое давало им право бесчинствовать и наживаться.

Горсть учителей, в таком кругу, лишена была всякого значения и добрая часть их целиком посвящала себя и свой досуг карточной игре тем более, что вся она огулом состояла под наблюдением полиции, и даже подвергалась допросу на исповеди. Чиновничья жизнь не могла не влиять и на учительскую среду. Так что и в среде учителей явились те же взяточники, в семействах учительских царил тот же разврат и добрая часть учителей целиком посвящала себя и свой досуг карточной игре.

Этому способствовали и директора и инспектора гимназии, которые, заплатив за свои места дорогую цену, как за аренду, старались из этой аренды извлечь, возможно, более корысти. Места покупали, разумеется, худшие в нравственном отношении люди, которые с совестью своею не церемонились и на учительстве, а сделавшись властью – и подавно перестали церемониться. Досуга у них была бездна. Они по целым месяцам и годам могли безнаказанно не являться в гимназию и управлять ею из своей квартиры. Им нечем было убить свой досуг и скуку, как карточною игрою и поддержанием связей с чиновничьею местною знатью.

Все сослуживцы мои в гимназии, за исключением инспектора Туманова, учителя Петра Дмитриевича Коленко и гимназического надзирателя Пухальского, оказались люди весьма добрые. Но почти все они исполняли свои учительские обязанности рутинно-механически. Впрочем, как я удостоверился впоследствии, иначе они исполнять их и не могли[1].

Определенная до мелочей программа, набор одних подходящих фактов, шпионство надзирателя Пухальского, ревнивое наблюдение Туманова и Траутфеттера ставили учителей исторических наук и словесности в механических исполнителей программы и заставляли их без всяких объяснений ограничиваться учебниками. Это рождало апатию, равнодушие к службе. Пухальский вследствие полномочий от Туманова постоянно подслушивал у дверей и позволял даже себе под разными предлогами входить в класс и прерывать занятия. Это порождало столкновения между учителями и инспектором. Ученики за шпионство и доносы не терпели Пухальского, и он был даже несколько раз

[1] Порівняйте у В. Короленко: «Городок, расположенный вдали от больших городов и дорог, походил на тихий затон. Служба здесь была какая-то незаметная. Учитель попадал сюда, и о нем забывали. Шли годы. В первое время человек порывался куда-то от этих гниющих прудов, от темного замка с впадинами вместо окон, от однообразной, ничем не осмысленной жизни... Потом обживался, женился по неосторожности или от скуки, обзаводился детьми, ходил ежедневно в гимназию, спрашивал одни и те же уроки, говорил из году в год одни и те же слова и привыкал трепетать перед каждой ревизией. Понемногу все это превращало его в настоящего автомата, машину для задавания и выслушивания уроков». – Короленко В.Г. История моего современника. – М., 1965. – С. 903.

ночью поколочен. Туманов употреблял его еще, как посредника при получении взяток с учеников и как подрядчика общих квартир.

Учителя языков и математики, хотя были менее стеснены, во и они проникались общим духом апатии и служили спустя рукава, лишь-бы благополучно отбыть ревизию попечителя округа или инспектора казенных училищ. Вообще для тех проходила благополучно ревизия, которые были хорошо рекомендуемы директором и инспектором, а прочим делались замечания со слов директора и инспектора.

После Венгерской компании[1] введен был в преподавание новый предмет, поглотивший все внимание и усердие инспектора. Стали обучать всех без исключения учеников равнению, выправке военной и маршировке. Это ежедневно поглощало несколько часов. (Высшие классы относились с отвращением к этим упражнениям, и заставляли ежедневно кипятиться Туманова. Он употреблял все свое красноречие на то, чтобы убедить непокорных. Что воля начальства выше всего на свете. Поставят палку: слушайся и палки, иначе ты погиб на всю свою жизнь. Не только законное требование, но и всякий каприз начальства должен исполняться беспрекословно, ибо и самые капризы начальства имеют в виду высшие цели, клонящиеся к общему благу.

Туманов ничего не знал, не мог бы преподавать ни одного предмета, но он хватил кое-каких верхушек и начальнически, авторитетно выезжал на них. Инспектор наш был, впрочем, человек не без способностей, мастер был писнуть, даже стихи. Одни из них появились в «Северной Пчеле» по случаю высадки союзников в Крыму[2]. В этих стихах он изобразил Россию незыблемым утесом, о который должны разбиться все усилия Европы, тем более, что в России столько денег, что их и куры не клюют. Впрочем сам Туманов был первейший мастер клевать и частную, и общественную, и казенную копейку.

Туманов был сын комиссариатского чиновника. Отец его скоропостижно умер. Мать с небольшим сбережением поселилась в Киеве и определила Александра Дмитриевича в гимназию. Здесь он встретился и подружился с учеником Лазовым. Окончив 6 классов, определился в гражданскую службу. Но когда Лазов, в должности столоначальника в канцелярии учебного округа, получил влияние на дела округа, Туманов перешел в учебную службу. Назначен был учителем в уездное Теофановское училище, а затем младшим учителем в Каменец-Подольскую гимназию.

Он выдавал себя за родственника Лазова. Местное начальство, знавшее о переписке его с Лазовым, преклонялось перед ним. Туманов жуировал и брал взятки. Чтоб поддержать огонь дружбы, он ежегодно ездил в Киев для свидания с Лазовым, и каждый раз в знак дружбы подносил ему ценные подарки. Как только Лазов достиг должности правителя канцелярии округа, Туманов сейчас назначен был исправляющим должность, а затем и инспектором в Ровенскую гимназию.

Туманов отлично владел польским языком, ездил кутить и жуировать в окрестности Каменца к мелкопоместным польским помещикам и управляющим крупными имениями, успел понравиться дочери какого-то управляющего, женился на ней, и получил в приданое 5000 руб. серебром. Эта молодая женщина скоро умерла от родов, оставив ему трех сыновей.

После ее смерти, случившейся в Ровно, Туманов повел сейчас жизнь развеселую. Он волочился за кем только было можно. Но особенно увлекся он весьма симпатичною и красивою молоденькою женою учителя и надзирателя общих квартир Саханского. Он его освобождал от дежурств, позволял ночевать дома, жене делал подарки. Саханский, уверенный в жене, на все это смотрел сначала сквозь пальцы, но или он после что-нибудь заметил, или предвидел в будущем увлечение своей жены, только он отказал Туманову от дома.

Туманов стал делать ему всевозможные притеснения, особенно, как надзирателю общих квартир. Траутфеттера уверил, что Саханский отлучался часто с дежурства, что не ночевал в свою очередь в общих квартирах. Что получал взятки от подрядчика и т.п. Что опаздывает на уроки. Что вместо занятий пускается во время классов в посторонние беседы

---

[1] Участь російських військ на прохання австрійського уряду в придушенні угорського повстання 1848–1849 рр.

[2] Тут ідеться про події Кримської війни 1853–1856 рр.

с учениками. Что он непочтителен, не вежлив и о Траутфеттере говорит, что последний не на своем месте, что он ничего не смыслит, что не будь его брат ректором, Траутфеттер был бы экономом, а не директором гимназии.

Туманов сам увольнял и отвлекал Саханского от дежурств. Сам посылал к подрядчику за разными продуктами для Саханского, и вероятно сам же в дружеской беседе высказывал все- то о Траутфеттере, что после приписал Саханскому.

Узнав обо всем этом, Саханский подал Траутфеттеру докладную записку, в которой жаловался на притеснения и клеветы о нем Туманова и в заключение поименовал поборы Туманова с подрядчика и другие его взятки.

После этого прошла тихо целая неделя. Наконец Саханский получает от Траутфеттера повестку явиться к нему немедленно в полной мундирной форме.

Траутфеттер с пеною у рта и криком остановил Саханского у порога в своем кабинете: «Руки по швам! Доносчики на начальство имеют место у порога! Жив не буду, если вам не накинут белую ленту через плечо (т.е. отдадут в солдаты). Вот запросные пункты по вашему доносу. Я начинаю формальное следствие. Покамест вы под судом, я приказываю вам ко мне и к г. инспектору являться по делам в полной мундирной форме, так как вы совсем забыли, что значит начальство. Вы своим доносом доказали это. Сверх того через каждые сутки, по окончании дежурства в общих квартирах, вы должны явиться ко мне и инспектору с рапортом в полной мундирной форме. Ступайте прочь!»

Хотя в это блаженное время, служебные отношения между начальством и подчиненными близко подходили к приемам, употребленным Траутфеттером с Саханским,– но всё-таки по учебной части были несколько приличнее, чем по другим. Учителей не ругали и не сажали под арест.

Саханского удержала от нанесения Траутфеттеру обиды действием одна только привязанность к жене и маленьким детям. Саханский с рапортами не являлся и стал готовить ответы на запросные пункты.

Этого начальство не ожидало и сильно струсило, тем более что заметило перемену в обращении с ним всех учителей, за исключением Петра Дмитриевича Коленка.

Траутфеттер, приняв защиту Туманова на себя, без сомнения потому, что, с одной стороны, начальник по тогдашним понятиям, всегда должен был быть защищен от подчиненного, иначе мог ослабеть авторитет начальства в глазах подчиненных, начальник в это время считался непогрешимым в отношении подчиненных, как римский папа. С другой стороны, вероятно, были кое-какие делишки, общие между Траутфеттером и Тумановым, и первый хотел защитить последнего, чтобы сберечь собственную шкуру.

Траутфеттер рассчитывал застращать Саханского, а тут выходило скверное дело. Туманов залебезил около подрядчика, отставного штабс-капитана Келбша. Саханский со своей стороны спросил Келбша, покажет ли он все по правде, Келбш прямо ответил, что показывать правду не в его интересе, почему рассчитывает на благородство Саханского, что он оставит его в стороне и не принудит давать ложные показания и ложно присягать. Это смутило Саханского. А тут мольбы и слезы жены: не впутываться в дела с такими людьми, как Туманов, у которого за плечами Лазов, и как Траутфеттер, у которого за плечами родной брат – ректор Киевского университета, и сверх того заранее предвидимая неудача в борьбе с начальством.

Все это заставило Саханского смириться. Он все таки не чувствовал себе в состоянии лично переговорить с Тумановым и Траутфеттером и просил меня быть посредником. Я передал его желание Туманову. Вслед за тем Траутфеттер потребовал к себе Саханского заговорил с ним отеческим наставительным тоном и разорвал в мелкие куски докладную записку Саханского. Запросные же пункты на десяти листах остались у Саханского. Это весьма любопытный документ.

Недели через три Саханский был переведен в уездное Кобылякское училище в Малороссию по старанию Туманова и Траутфеттера, как плохой учитель и человек беспокойного нрава. Я оказал услугу Траутфеттеру и Туманову, но последний, вследствие нечистой своей совести и подозрительности решил, что подача докладной записки Саханским – была моим

делом. В этом он, кажется, успел убедить и Траутфеттера, по крайней мере, последний в обращении со мною сделался осторожен и сух.

Туманов все время служения его инспектором, а затем директором в Ровенской гимназии боялся меня, как огня, и старался под меня подделываться, хотя я знал, наверное, что подвернись только случай, он поспешил бы утопить меня в ложке воды. К счастью у меня и по должности надзирателя общих квартир, и по должности учителя все было в должном порядке.

Траутфеттер после истории с Саханским, боясь, чтобы все более и более развертывавшиеся дурные инстинкты Туманова не подвели, его под ответственность, бороться же с Лазовым, патроном Туманова, оказывалось невозможным, стал хлопотать через брата о переходе в другую гимназию.

Вскоре ему представился случай перейти на высшее место директором гимназии и училищ Подольской губернии.

Там директорствовал Иван Васильевич Росковшенко, переводчик одной из драм Шекспира и, кажется, сотрудником «Морского Вестника». Он сначала служил директором училищ на Кавказе, но за взятки и казнокрадство должен был убраться из Тифлиса. В Каменце он ремонтировал здание гимназии и замарался в пуху [так], что решили его перевести на низшее место в Ровно.

Траутфеттеру сослуживцы не сделали ни прощального обеда, ни вечера, потому что он был только сносный начальник но, за исключением немцев, никого из сослуживцев не жаловал и ни в чем им не оказывал никакого содействия.

Росковшенко, сухой, среднего роста человечек, блондин, с огромною плешью, в очках, держал себя сановником. Обошел классы, раз по приезде своем перед Рождеством, и затем не показывался в гимназию до самых экзаменов. Учителям визита не сделал и у себя их не принимал. Его можно было видеть только на несколько минут во время получения жалования, которое он раздавал сам лично. Никто из учителей, за исключением Петра Дмитриевича Коленка, не был никогда им приглашен присесть.

Росковшенко приехал в карете с крепостными людьми. Визиты сделал только высшей городской чиновной аристократии, с которой игрывал в карты.

Исправником [в Ровно] был в это время Аренс, который вместе с Коленком воспитывался на казенном содержании в университете. Он теперь жил набобом[1]. Экипажи самой изящной и модной формы от кареты до дрожки, несколько пар кровных выездных лошадей, верховые лошади, повара, поваренки, лакеи, кучера, форейторы и т.д.

Коленко увивался около него, и шутками и остротами забавлял его молодую супругу, грандессу, которая вышла из положительной нищеты (у матери, вдовы Захарчик в Дубно, она носила с заплатами ситцевые платья и штопанные грязные шляпки) и сделалась недоступной даже для чиновной аристократии.

Одетая, каждый день, в бархат и бриллианты, она сидела в гостиной по целым утрам, принимая свысока, являвшихся к ней с поклоном – визитом дам, и показывала вид, что читает дорогие издания в дорогих переплетах, раскинутые по столу. В самом же деле она всего только читала поваренную, книгу в дорогом переплете, из которой заказывала являвшемуся к ней ежедневно повару завтраки, обеды и ужины.

Мужу некогда было развлекать свою аристократичную супругу, и он очень доволен был услугами Коленка, и по просьбе его давал каждое воскресенье фаэтон и пару отличных лошадей, в котором стал возить Росковшенко с семейством в церковь и на прогулку.

Бывало, задолго еще до благовеста, Коленко являлся к директорской квартире в фаэтоне, и просиживал на крыльце целые часы, пока Росковшенко поднимутся, оденутся, отопьют чай и тогда только принимают его и отправляются в церковь.

Насколько Коленко был низкопоклонен, мил и остроумен перед высшими и богатыми, настолько он был груб и жесток к низшим и подчиненным. Это особенно он обнаружил,

[1] Набоб (*правитель*) — в Індії та Пакистані титул правителів провінцій, що відокремилися від імперії Великих Моголів. В переносному значеннні — багата людина, життя якої визначається східною пишнотою.

сделавшись инспектором гимназии, а затем директором гимназии, а затем директором Ровенской и Житомирской гимназий и наконец, директором училищ Подольской губернии. Ухаживаниями и низкопоклонством Петр Дмитриевич Коленко достиг-таки того, что Росковшенко стал приглашать его к себе на чай и принимать наравне с другими своими гостями, и игрывал с ним в карты.

Посредством Коленка и Туманова, Росковшенко, по своему обычаю, стал брать взятки за переводы учеников из класса в класс.

При начале Крымской войны, да и вообще в прежнее время, в обращении было масса золотой и серебряной монеты. Полуимпериал стоил 5 руб. 15 коп. на серебро. Когда же начиналась война полуимпериал упал до 5 руб. Евреи меняли охотно без лажа[1] за кредитные билеты. Казначейство наполнилось золотом. Чиновникам все жалованье отпускалось золотом. В гимназическом сундуке в казначействе хранилось более 8000 золотом. Вдруг золото стало подниматься в цене. На границе поймали несколько евреев, перевозивших бочонки золота в Австрию. Попался, как говорили, винницкий казначей, променявший евреям все золото из казначейства на фальшивые кредитки. Появилось множество фальшивых кредитных билетов. Особенно много было польских рублевых билетов, обращавшихся в Волынской губернии.

Директор Росковшенко вместе с инспектором Тумановым и учителем Петром Коленко отправились в казначейство и забрали все хранившееся в гимназическом сундуке золото, оставив вместо него кредитки, особенно польские. Кое что перепало Туманову и Коленку, но вся сумма перешла к Росковшенко, который успел продать евреям золото по 5 руб. 75 коп. и заработал на нем несколько тысяч рублей.

При получении жалованья учителя стали просить золота, спрашивали: «Куда из сундука девалось золото?»

Росковшенко грозно объявил, что «это надлежит ведать начальству, что подобные вопросы указывают на неуважение к начальству, что неуважение может пахнуть белою лентою через плечо, особенно в настоящее военное время. Пошли пожертвования на войну со стороны дворянства».

Росковшенко, при выдаче жалованья учителям, объявил, что все теперь жертвуют, что тот изменник отечеству и враг государю, кто не жертвует, и стал удерживать из месячного жалованья каждого по пяти рублей.

Росковшенко был в Ровно директором около двух лет. Он дослуживал только пенсию, и в эти два года гимназия пришла в значительный упадок. Учителя делались все апатичнее к своим занятиям, тем более что Туманов с Коленком, под главенством директора, отняли у них почти все влияние, и отметки учительские в месячных ведомостях и экзаменационных списках ровно ничего не значили: переводы решительно делались по воле директора.

В Ровенской гимназии еще свежи были предания о директорстве Аврамова. (Еще были налицо все учителя, с которыми он бесцеремонно водил интимные отношения) Его, несмотря на это и наисильнейшее взяточничество, все любили и хвалили. Он, брал взятки (но и другим не мешал брать). Живностью и всякою провизией, которую везли Аврамову со всех сторон, он охотно делился с учителями.

Он вел знакомство и в городе, но учителя у него были свои люди, товарищи. Лазов, правитель канцелярии попечителя округа, получал от него (жалование и богатые) подарки.

Он подарил Лазову такой хрустальный прибор, что даже попечитель, присутствовавший на свадьбе Лазова, заинтересовался им. Лазов женился на дочери смотрителя Подольского Киевского уездного училища, девице Козелло.

При Аврамове учитель латинского языка попович Епифанович сколотил капитал за уроки в 12000 руб. Другим учителям жилось тоже не дурно.

---

[1] «Лажио» - (*італ.*) в XIX ст. в Росії використовувалося в значені «міняти, міняйло, обмінний курс». З часом «лажа» набула значення «погано», «недобре».

Учитель математики Савин женился на дочери Аврамова, который выхлопотал ему в приданое место инспектора в Черниговской гимназии. Жена у Савина скоро умерла. Он, красивый мужчина, скоро завязал связи с какой-то богатой вдовой помещицею[1].

Сыновья ее служили в кавалерии. Узнавши, что мать публично живет с Савиным, они приехали к ней, уговаривали ее бросить постыдную связь. Уговаривали и Савина, но когда это не помогло, и мать объявила, что она связь свою с Савиным покроет браком, сыновья подкараулили в глухую ночь Савина, когда он возвращался от их матери, и избили его до полусмерти.

Мать прокляла сыновей, и лишь Савин отправился от болезни, сочеталась с ним браком и передала в его распоряжение все свои капиталы и имущество. Савин сделался помещиком.

При Аврамове гимназия никуда не годилась. Воспитанники ее с золотыми медалями не выдерживали поверочного испытания в университете. Несмотря на это, Аврамов был повышен. Его перевели директором Житомирской гимназии и училищ Волынской губернии.

При Траутфеттере и Туманове инспекторе гимназия в учебном отношении не улучшилась, а учителям сделалось плохо. Начальство учителей смяло и преградило им всякий путь к наживе. На жалованье семейным почти нельзя было жить – его не хватало.

Городовой врач из крещеных евреев Тарногродский за картами у Росковшенко делил общество городское на четыре категории. Первая категория управлявшие отдельными частями чиновники, директор и инспектор гимназии, вторая – писцы разных канцелярий, третья – чиновники, лакеи и повара и четвертая – сторожа канцелярий и учителя гимназии, исключая, прибавлял он, Петра Дмитриевича Коленка. И это была правда, чиновничьим лакеям и поварам жилось в это время лучше, чем учителям гимназии.

Я застал, в Ровно следующих учителей: законоучителя протоиерея Омелянского, ксендза капеллана, учителя законоведения Невгадова, учителя словесности Тихомирова, учителя истории Юскевича, учителей латинского языка Епифановича и Славутинского; учителей математики Кирилла Петровича Яновского и Петра Дмитриевича Коленка.

Младших учителей: Гриневского – русского языка, немецкого языка учителей Баландина и Виттенбурга и французского языка Лемпа[2].

Учителем уездного училища был молодой человек Михальский, воспитанник Ровенской гимназии. Гимназическими надзирателями были Пухальский и Марунич.

Апатия, приниженность, обособленность, недостаток средств– всё это способствовало тому, что учителя во время праздников позволяли себе кутнуть до опьянения, этому помогала и привычка, усвоенная еще в университете.

Никто наукою не занимался, никто не следил за своим предметом. Впрочем, повального пьянства не было, а время проводили в игре в карты в преферанс по небольшой. Один только Коленко (Петр) играл по большой и еще знаменитый игрок Славутинский, который картами прилично содержал себя с женою. Он постоянно обыгрывал городничего Петре и аптекаря Степунковского.

Играл еще по большой Яновский[3], который имел в Малороссии небольшое имение и оттуда аккуратно получал доходы.

Играл еще Тихомиров, проигравший все, что имел, и Невгадов, получивший после отца, полковника 1812 года, в наследство 3000 руб. Родная сестра Невгадова была за Сухозанетом, впоследствии военным министром, но Невгадов с нею не сносился и не хотел пользоваться покровительством зятя.

Между учителями пил более других Виттенбург, который, кажется, никогда не протрезвлялся. Но это был крепкий, высокий мужчина и потому трудно было при спокойном его характере заметить, пьян ли он или тверез. Один Баландин слыл пьяницей, но это потому, что, крепко выпивши, терял память, валился, где попало, раздевался и в одной рубахе и подштанниках по морозу пробирался домой.

---

[1] Дунин-Борковская, рожд. Шендюк. *(Прим. ред. КС).*

[2] Пропущен учитель географии – Зражевский или Малавский. *(Прим. ред. КС)*.

[3] Впрочем, очень редко. *(Прим. ред. КС).*

Вообще немцы пили чаще и больше, чем русские. Один только Траутфеттер отличался трезвостью.

Играли учителя в карты главным образом потому, что установить другой род развлечения было невозможно. Литературные вечера, музыкальные или просто собрания знакомых и сослуживцев, если только на них не происходила картежная игра, казались правительству подозрительными и участвующие в них рисковали подпасть под надзор полиции и затем потерять место. Траутфеттеровские бутерброды тоже соединены были с игрою в карты.

Епифанович, в доме которого поселился Коленко Петр, а затем и Иван и где жил Яновский, кончил воспитание в Духовной академии. Он был страшно жаден на деньги и подачки, но впрочем, был смирен.

Молодая жена держала его в ежовых рукавицах, и он у нее спал чуть не в передней. Он женился на дочери вдовы, какого то чиновника и получил за нею два деревянных новых дома. Это была молодая, полная, страстная брюнетка, вышедшая за Епифановича не из любви, а чтобы быть учительшей, инспекторшей и директоршей.

Первый воспользовался ее благосклонностью Аврамов, а затем и другие, кто искал этого, или кто у нее квартировал. От Яновского имела она дочь, похожую как две капли воды на Яновского, а от Коленка Петра другую дочь, похожую на своего отца.

И Яновский, и Коленко тратились на нее, так, что она отдавалась не из одной страстности, но также из расчета.

Вообще нужно сказать правду, что все тогдашние учителя были добрые люди, добрые товарищи и хорошо обращались с учениками, исключение составлял один Петр Коленко.

Немцы сталкивались постоянно с учениками. Не умея с ними обращаться, и ученикам из-за них таки доставалось от начальства. Но так как и ученики бывали не вполне правы в этих столкновениях, а иногда сами затевали их с умыслом, то расположение учеников к немцам было так же хорошо, как и к прочим наставникам.

Одного Коленка Петра все ненавидели. Траутфеттеровский режим не нравился учителям, и кто мог – старался перейти в другое место.

Кирилл Петрович Яновский (весьма умный и симпатичный, но хотя и некрасивый брюнет) перешел раньше других в Одесский округ[4] За ним последовал туда-же Тихомиров. О последнем я ничего не слыхал более[5]...

Кирилл же Петрович Яновский женился на весьма богатой молдаванке и вскоре получил место директора Кишиневской гимназии и училищ Бессарабской области. Он и гимназию и училища, по рассказам, привел в порядок и, главное, открытою жизнью и милым характером приобрел всеобщее уважение и дружбу влиятельных лиц. Он роскошно угощал министра народного просвещения графа Дмитрия Андреевича Толстого, во время посещения им Кишинева. И Толстой в виде вознаграждения за гостеприимство, а также имея в виду порядочное состояние и представительность Яновского, пригласил его помощником попечителя Петербургского округа. В настоящее время Яновский попечитель Кавказского учебного округа.

Славутинский занял денег у аптекаря Степунковского и купил посредством Туманова у Лазова место смотрителя уездного Дворянского училища. Точно также поступил Гриневский, занявши денег на большие проценты у жидов.

Вскоре и Юскевич, женившись на польке и потерявши от тифа жену, перешел в Нежинскую гимназию учителем истории.

Фанц был очень способен. Он отлично владел русским, но еще лучше польским языком, который он постоянно употреблял. Он родился в Юго-Западном крае. Он был страшный задира. С учениками, впрочем, обращался недурно. Но учителей задевал своими колкостя-

---

[4] Здесь, кажется, автор записок ошибается: К. П. Яновский, насколько нам известно, ушел из Ровно, благодаря недовольству его директорством Аврамова, а не Траутфеттера, о чем он сам говорил, прощаясь со знакомыми в Ровно, но действительно, перевод его, кажется, состоялся уже в то время, когда Аврамов был назначен в Житомир. *(Прим. ред. КС).*

[5] Окончил службу в должности директора Керченской гимназии. *(Прим. ред. КС).*

ми, а еще более своими мнениями, изложенными письменно в совет, которые отзывались часто неосновательными обвинениями. На него смотрели, как на ябедника. Но главный его недостаток – это непомерная похотливость, направленная к замужним похотницам.

Девушек он избегал, боясь увлечься и жениться. О женитьбе он не думал. Ему через меру достаточно было ласк его замужних любовниц. Он среди них и жил всеми удобствами семейств, избегая в тоже время колючих шипов семейной жизни. Притом, постоянно успевая у замужних женщин, он смотрел вообще на женщин, как на существа, весьма слабые и похотливые, которые не в состоянии противиться ухаживанию, соблазну новизны наслаждения. Он был уверен, что все замужние женщины без исключения, при первом случае, падают, украшая своих мужей более или менее ветвистыми рогами. Девушка бережется только потому, что боится иметь ребенка, или, в лучшем случае, ославить себя интимным романом, что помешало бы ей добыть мужа – вечного ее крепостного раба.

Женщина в интеллигентном классе, по его мнению, добивается мужа, чтобы иметь защитника и раба, который своими трудами давал бы ей не только кусок хлеба, но и возможность наслаждаться жизнью: блистать, удовлетворить своей похотливости. Другой цели женщина не имеет, выходя замуж.

Если она увлекается мужем, выходит за него по любви, то это ничуть не гарантирует мужа от участи других людей. Медовый месяц проходит. Самолюбие, честолюбие и похотливость скоро вступают в свои права. Женщина слаба, скоро забывает свой долг и свои обеты. Она не в состоянии управлять своими дурными инстинктами. Она начинает скучать с мужем. Ей необходимо новое: новые поклонники, новые, ласки, новые медовые месяцы. Она до старости стремится иметь беспрерывные месяцы. Если она богата, она не щадит денег на покупку медовых месяцев. Самая влюбленная женщина ищет власти над мужем. Муж или становится рабом, или муж и жена всю жизнь на ножах, или, наконец, расходятся в разные стороны.

Детей прижитых с любовниками, женщина всегда предпочитает детям от своего мужа, как бы она вначале не любила своего мужа. Вообще нет счастливых браков. Они кажутся счастливыми для постороннего глаза. Иногда муж и жена не хотят допускать в свою интимную жизнь посторонний глаз, оттого брачная их жизнь кажется счастливой. Но если в нее проникнуть, то окажется совсем иное. Человек должен жениться в старости лет, чтобы иметь дома сиделку, к которой не следует ревновать, напротив, нужно смотреть на ее шашни сквозь пальцы и давать ей средства блистать. Она в таком случае окажется привязанною сиделкой и может еще услаждать утомленную старость мужа. Главное же для мужа, он не остается одиноким, что весьма на старости лет и неудобно, и скучно. Вот взгляды Фанца на женщину и брак.

(Про похождения Фанца) знали ученики гимназии, и, конечно, это не могло хорошо влиять на их нравственность. Но спрашивается, кто это время мог похвалиться нравственностью? Не директор ли Аврамов? Не зять ли его Савин? Не учительские ли жены? Не жены ли чиновников и помещиков? Не инспектор ли гимназии Коленко Петр и директор Александр Туманов?

Конкубинат[1] и карты поглощали все и всех в это время. Других задач и целей не представляла тогдашняя жизнь и не давала им места.

Молодое поколение чутко прислушивалось и приглядывалось к жизни старшего поколения. Меньшинство относилось к ней критически, чувствовало даже к ней омерзение. Но большинство строго подчинялось преданию, а большинство всегда торжествует.

В мое время почти все без исключения дамы развлекались конкубинатом. Конечно, (старшим?) приходилось только глотать слюни. Они то и дело злословили. От них не отставали и молодые – дружка перед дружкой. Дружка на дружку сочиняли и быль и небылицы, при встрече же оставались добрыми друзьями. Даже сколько-нибудь сохранившиеся матери взрослых дочерей-невест продолжали свои любовные похождения, навязывая себя первому встречному, особенно неопытным гимназистам.

---

[1] Конкубинат (*від лат. con – разом, та лат. cubare – лежати*) –відкритий, неприхований і зазвичай тривалий сексуальний зв'язок чоловіка і жінки.

Преподаватель Закона Божия, протоиерей Клюковский страшно жадная личность, падкая на подачки и взятки всякого рода. Не гнушается получать подкупы от малочисленных православных учеников, которые его не любят и презирают.

Преподает он, как вообще попы, весьма плохо, ограничиваясь назначением и выслушиванием по учебнику уроков. Теперь ему достается на улице от поляков и польских учеников. Проходя около него, харкают и кричат «пахнет попом». После его урока, поляки ученики входя в тот класс, где он преподавал, спрашивают православных, чем-то у вас так воняет. Те отвечают: «Поп навонял и воняет попом!»

Сослуживцы по гимназии православные тоже его терпеть не могут. Чуть кто возразит ему, как он сейчас объявляет возражение нападением на православие, и грозит донести жандармам. Конечно, над ним смеются в глаза.

Покойный учитель Иван Петрович Епифанович, семинарист, брал порядочные взятки и женился на молодой, красивой брюнетке из-за приданного,– он за нею взял 2000 руб. и два дома. Жена вышла за него против воли, и потому только, что чувствовала себя беременной, имевши связь с одним из квартировавших у них учеников. Она сейчас после венца завела роман с офицером, и родила сына Софрония.

Затем жила с учителем Яновским и родила дочь Юлию, и наконец, от Петра Дмитриевича Коленка родила Маню. Софронию в день смерти отца было 17 лет, он учился в VI классе, Юлии – I6 лет, а Мане 11.

Епифанович оставил для детей 10.000 руб. в сериях и билетах внутреннего займа. Едва он умер, (Коленко), который обещал жениться на вдове Епифанович, стал всем распоряжаться и забрал у вдовы Анны Ивановны Епифанович все ключи, объявив ей, что она в суматохе растеряется и ее могут обокрасть.

После похорон, Анна Ивановна стала искать в комоде денег. Деньги исчезли. Она к Коленко, а последний: слыхом не слыхал, видом не видал,– хотя кроме него никто не знал, где спрятаны деньги и у него были ключи.

Видя отчаяние Анны Ивановны, он стал ее утешать, уверяя, что ему обещано место директора в раввинском Житомирском училище, по получении которого он устроится и сейчас женится на ней. Коленко стал ночевать в доме Анны Ивановны в одной с нею кровати.

Оскорбленный этим Софроний, одевшись в старый отцовский мундир и вымазавши мелом лицо, спрятался под кроватью матери.

Когда Анна Ивановна и Коленко улеглись и потушили свечу, Софроний вылез из-под кровати, сорвал с них одеяло, и, подражая голосу отца, глухо стал проклинать Коленко, объявив его вором детских денег – 10000 руб. В то же время он стал его бить и царапать ему лицо.

Одурелый от испуга Коленко бросился в двери в одной рубахе, выскочил на двор и при морозе и ветре пробежал без памяти несколько улиц до своей квартиры. Он болел две недели, все лицо у него было исцарапано. Это я сам видел.

Анна Ивановна страшно испугалась, и бесцеремонное сожительство прекратилось. Коленко сознался ей, что деньги у него. Но он ей не даст, она женщина, её обокрадут, обманут. Все равно он на ней женится.

Он посещал ее, только днем. Боясь явления ночью покойника, он у себя в квартире около кровати на полу приказал спать своему сторожу. Когда Коленко переехал в Житомир, он прекратил Анной Ивановной всякие сношения, денег ей не отдал и отказался на ней жениться под тем предлогом, что она развратная женщина.

Она сошла с ума. В одной рубахе, подпоясанная веревкой, босая, с нечесаными, распущенными по плечам волосами, она ночью во всякую погоду поднималась с кровати, бежала целую версту на кладбище и, рыдая, металась на могиле мужа. На другой день ее находили там полумертвою и привозили домой.

Наконец, она покусилась на самоубийство: хотела повеситься на кресте на могиле мужа. Кладбищенский сторож, наблюдавший за нею, успел перерезать веревку и привел ее в чувство. К ней приставили сторожа. Но все – таки ей удалось ускользнуть от его бдительности в зимнюю метель и уйти на кладбище. Спустя несколько часов ее нашли на

могиле мужа совсем окоченевшею. Хотя принятыми немедленно мерами она приведена была в чувство, но оставалась в бессознательном положении и на третий день отдала богу свою грешную душу.

Пётр Коленко, узнавши об этом, сказал, что он давно предвидел такой конец. Что такая развратная женщина иначе и не могла кончить. Денег 10000 руб. Коленко детям Епифановича не возвратил.

Нигилисты рядом с поляками и иноверцами стали проникать в состав педагогического совета Ровенской гимназии. Таковы были Рощин, Лапицкий, Трофимов и Гордзиевский. Замечательно, что все нигилисты обходились со своими женами и сожительницами, как с животными или бездушными вещами.

Рощин был в гимназии недолго. Он порядочно знал физику и химию. Любил беседовать в нигилистическом духе. Был очень симпатичен и покоен. В беседах никогда не горячился. Он перешел не знаю куда: в Малороссию или в Петербург.

Его место занял учитель Белоцерковской гимназии Лапицкий. Прибыл он с женою Белоцерковского директора Яковлева, и привез с собою двое детей, прижитых с нею.

В Ровно у них родилось еще двое детей. Живя с мужем, Яковлева везде бывала, щеголяла костюмами, принимала ежедневно у себя гостей, словом, жила по своему вкусу, весело. Бежавши от мужа с Лапицким, она сделалась у него, гаремной невольницей, рождавшей только детей и служившей похоти своего повелителя. Он не выпускал ее из квартиры ни на шаг. Никому ее не показывал. Заставлял стряпать и нянчить детей. Иногда только ночью выводил ее на прогулку проветриться, и вдобавок бил почем попало, по лицу и всему прочему.

Бывши учителем в Каменце, Лапицкий, высокий и плотный блондин, соблазнил жену учителя Маловского. Она оставила мужа и жила в заезжем доме месяца три с Лапицким. Но когда он стал ее немилосердно драть, при выходе из дома, запирать на ключ, она бежала от Лапицкого и, вымолив у мужа прощение, была им опять принята.

Маловская родила от Лапицкого мальчика. Детей у Маловской более не было. Этот мальчик, воспитываясь в Киевском университете, принял деятельное участие в киевском нигилистическом кружке, попался, кажется, при расклейке на стенах нигилистических манифестов, и был сослан по лишении всех прав в Сибирь на поселение.

Лапицкий впрочем, был весьма толковый малый и прекрасно знал математику, физику и химию. Сверх того он отличался умением передавать свои знания ученикам. Он вечно занят был опытами в лаборатории и лучшие ученики работали вместе с ним.

Трофимов и Лапицкий были по своим убеждениям истые нигилисты. Но они держались еще в стороне, и своих убеждений не навязывали еще никому. Так только невзначай, работая в лаборатории, а иногда и в классе, Лапицкий отчеканивал ученикам какое либо нигилистическое положение.

Трофимов позволял себе иногда резкие выходки в чтении истории. Но все это еще было малозаметно, и не вело ни к чему. На них смотрели как на людей своеобразных, свободомыслящих, хотя и называли уже нигилистами.

Гордзиевский, сын начальника инвалидной команды в уездном городке, был очень способный человек, но страшно самоуверенный и самолюбивый и хвастливый. Он преподавал в низших классах французский язык, который сам знал весьма плохо. Впоследствии он наметался, совершив на средства жены путешествие в Париж.

Он был худ, как скелет, и вспыльчив и зол, как дьявол. Он постоянно кашлял, и все подозревали в нем чахоточника. Жена у него была полная, молодая и красивая женщина. Она боялась его духа, и он ее колотил почем попало, а иногда и посекал. Он заставлял ее дома ходить босиком, а при выходе в город надевать башмаки на босую ногу.

У них был ребенок, мальчик двух или трех – лет, который и лето и зиму и в комнатах и на дворе ходил босой и в коротенькой ситцевой рубахе. Гордзиевский говорил, что он хочет из него сделать железного человека, какие скоро в России понадобятся. Но мальчик не перенес этой спартанской жизни, схватил воспаление легких и умер.

Гордзиевский не стеснялся своими идеями. От него доставалось и Богу, и правительству, и попам, и чиновникам и помещикам. Относительно последних он был прав. Он

мастер был едко острить на их счет. Но все смотрели на выходки Гордзиевского, как на праздную, безвредную болтовню.

Никто не предвидел будущего, в подготовлении которого сам участвовал. Всем бывшим у дел жилось хорошо. Все они могли сколько угодно безначально самодурствовать, играть в карты и развратничать. Притеснение слабых сильными было, можно сказать, законным, даже обязательным делом. Кто поступал иначе, тот слыл вольнодумцем, опасным человеком. От него сторонились. За ним зорко следила полиция.

Взятка сделалась во всех ведомствах самым законным и неизбежным делом. Кто не брал взяток, тот становился подозрительным в глазах полиции и жандармов. Не играть в карты и не развратничать было делом не совсем безопасным[1].

Приехал в Ровно на должность младшего учителя русского языка видный, высокого роста блондин по фамилии Петров. Приехал он зимою, в трескучие морозы в одном легком, коротком, ничем не подшитом кортовом пальто. В нем ходил по городу и на уроки. Простудился, получил воспаление легких, а по переводе его в Киев умер на руках вдовы матери от чахотки.

Петров был сын полковника двенадцатого года[2]. Мать вдова жила в г. Киеве небольшою пенсией после смерти мужа, и воспитывала трех дочерей и сына. Она прожила все, что имела. Осталась у нее одна мужнина енотовая шуба, стоившая некогда рублей 600. Вдова берегла ее для подраставшего сына, как единственное после отца наследство. Когда сын окончил университет со степенью кандидата, она вручила ему отцовскую шубу.

Сын спешил получить место по учебной службе, чтобы пособлять матери и сестрам. Он явился к всемогущему правителю канцелярии учебного округа Лазову. Лазов принял его ласково, но сказал, что у них места встречаются редко. Притом их следует беречь для казеннокоштных воспитанников. Он не знает есть ли в настоящее время вакантное место. Лазов советовал Петрову переговорить со столоначальником Рачинским. У него списки вакансий.

Рачинский был фактором Лазова, и через него Лазов торговал местами, повышениями и наградами. Петров был знаком с Рачинским, и тот объявил, что есть вакантное место в Ровенской гимназии русского языка, но на него имеется уже три кандидата. Вся остановка в назначении заключается в том, что идут торги: кто больше даст. Все они предлагают свое не в зачет выдаваемое третное жалованье, но этого мало, объявил Рачинский. Петров признался, что он и третного жалованья не может дать, потому что часть нужно оставить матери, а на другую часть экипироваться. Как знаете, сказал Рачинский, ваше дело, и стал провожать Петрова в переднюю. Петров снял с вешалки шубу. У Рачинского разбежались глаза.

«Бедные люди таких шуб не носят – сказал Рачинский,– а еще жалуется, что не на то купить место!»

Петров рассказал историю шубы.

«Что ж, давайте шубу завтра место за вами и завтра отправитесь в Ровно».

«Вы не шутите?» – сказал Петров.

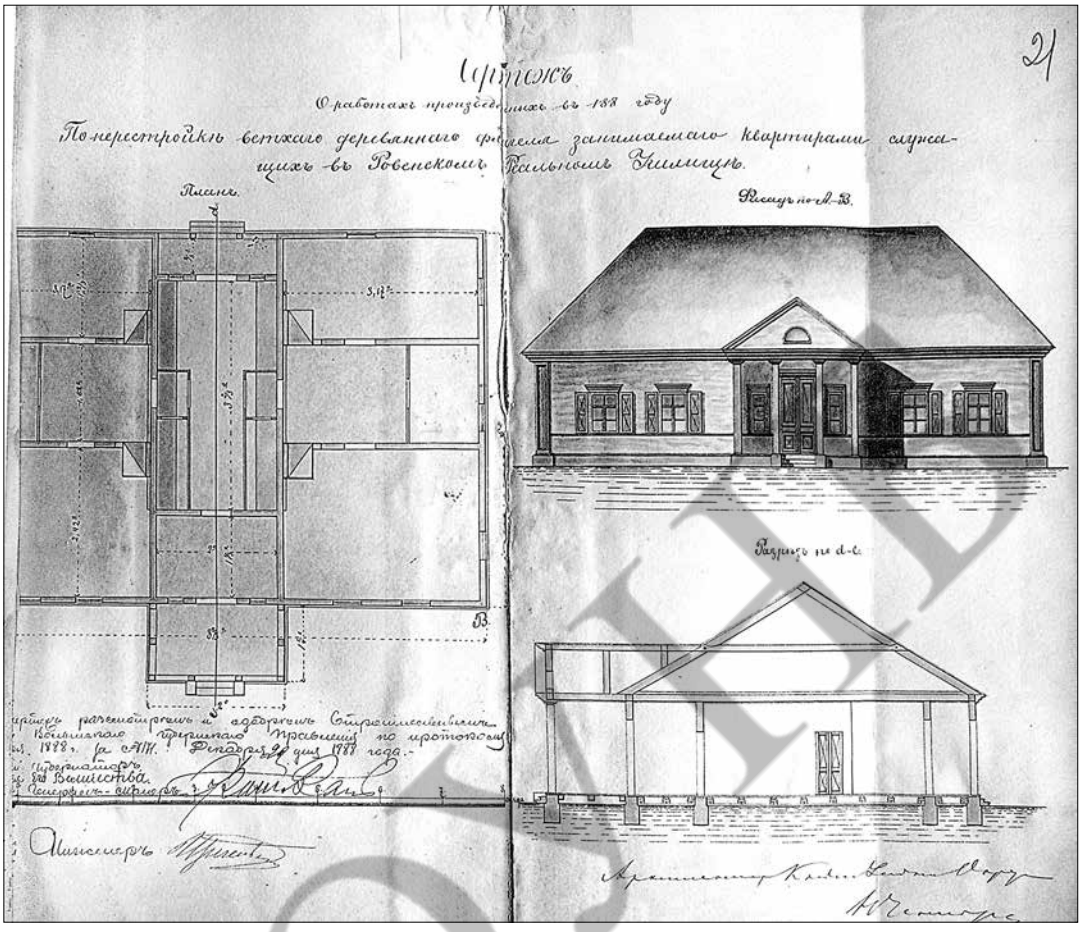
«Совсем серьезно» – ответил Рачинский.

«Тогда условимся,– продолжал Петров.– Эта шуба очень дорого стоит, за нее, пожалуй, можно приобрести и инспекторское место. Знаете что. Я вам оставляю шубу, но с условием: первая открывшаяся вакансия старшего учителя в которой-нибудь из киевских гимназий должна остаться за мной. А пока я принимаю должность младшего учителя в Ровно».

---

[1] Цікавий опис як чиновники Рівного брали хабарі дає В. Короленко: «Один закладывал руку горсточкой назад, и просители клали деньги в горсточку. Другому надо было «незаметно» положить на стол, и он нечаянно прикрывал даяния бумагами и т. д., и т. д. У каждого из сколько-нибудь влиятельных чиновников были свои «привычки», и просители обязывались знать их...» – Короленко В. Г. История моего современника. –М., 1965. – С. 901.

[2] Франко-російська війна 1812 (у російській історіографії – Вітчизняна війна 1812 р.)



План перебудови квартир службовців Рівненського реального училища. 1888 р. Державний архів Рівненської області (ДАРО).

Шуба осталась у Рачинского. Петров в трескучий мороз в одном мундирчике прибежал домой. Мать ахнула, думая, что жулики стянули с него шубу. Матери эта сделка была не по вкусу, но она должна была помириться с нею.

На другой день получил назначение в Ровно с выдачею не в зачет третного жалованья и прогонов по казенной надобности. Он построил себе на третное жалованье учительский вицмундир, жилет, штаны, сапоги. Купил несколько белья и наконец, купил кортовое пальто, в котором зимою отправился в Ровно, и в этом перезимовав, простудился и за бедность и взяточничество начальства поплатился жизнью.

Сравнительно с другими ведомствами окружное начальства Министерства народного просвещения драли меньше, но это потому, что с бедняков немного можно было содрать.

Частью к городским (жителям), а частью к училищному штату принадлежал протоиерей Омелянский. Он часто давал карточные и танцевальные вечера, потому что у него были две дочери невесты. Учителя все бывали на этих вечерах.

Кроме дочерей у Омелянского было два сына. Оба они по окончании семинарии поступили в университет на медицинский факультет и оба умерли от чахотки, служа военными докторами. Старшая дочь вышла замуж за подсудка уездного суда и год спустя умерла тоже от чахотки. Сам Омелянский, воротившись зимою из бани, отслужил в своем холодном соборе вечерню, простудился, и в несколько дней умер.

Младшая дочь, полная, краснощекая девушка умерла, спустя несколько месяцев после смерти отца. Так что в течение трех лет вымерло все семейство Омелянских, за исключением самой Омелянской, еще красивой, хорошо сохранившейся женщины. О ней говорили, что в молодости своей она вела множество романов, особенно любила военных. Омелянский был некрасивый, рябой и блондин, высокого роста с жидкой бородой.

Он читал Закон Божий также как читают его почти все законоучители казенных заведений: заставлял зубрить наизусть, особенно тексты, и ничего не объяснял. Но за то не притеснял учеников при переводах, и старался русских православных поддерживать в заседаниях педагогического совета.

На первой исповеди моей, он, извинившись передо мною предписанием начальства, спросил: «Не принадлежу ли я к славянофилам?»

Затем во исполнение предписания стал внушать мне, что великий грех перед Богом принадлежать к обществу, которое не нравится государю и правительству, и наконец, объявил, что он весьма счастлив, что между сослуживцами никто на исповеди не объявил себя славянофилом, так что ему не придется доносить на кого-либо начальству.

Мне удалось получить после Тихомирова место старшего учителя словесности русской и надзирателя общих квартир и казенную комнату. Жалованье мое возросло до 600 руб. в год, так что я, одинокий человек, почувствовал себя несколько обеспеченным и мог, не стесняясь, пособлять родителям.

Туманов в это время ко мне еще благоволил, а Траутфеттер ценил мое усердие и видимые успехи учеников, так что мне удалось получить повышение по должности и надзирательскую должность, не уплатив никому ни копейки взятки. Я в карты не играл, не пил ничего, и потому только изредка посещал товарищей и, порядочно скучал, весь занялся своим предметом и чтением.

С городским обществом я вовсе не знакомился: оно мне было не по душе. Благодаря товарищам я близко познакомился с деятельностью, характером каждого из членов этого общества и общим его направлением

Принял бесплатно в свое ведение гимназическую библиотеку, учредил по подписке между учениками ученическую библиотеку, сам раздавал ученикам книги ежедневно после уроков. Это заняло все мое время. Поляки ученики стали заинтересовываться русскими писателями. Некоторые даже увлекались чтением, русский язык видимо стал делать успехи в гимназии. Все менее и менее встречалось ошибок в правописании, стали являться замечательно хорошие сочинения, и по изложению, и по языку, и по содержанию. Некоторые ученики 7 класса стали представлять ценные диссертации, обнаруживавшие начитанность и привычку пользоваться материалом. Я торжествовал, но начальство мало обращало на это внимания.

Отставной солдат, директорский сторож, жена которого занималась стиркой белья у учителей, получил в соседнем с квартирою директора гимназическом доме учительское помещение. Жена его стирала белье на все семейство Росковшенки и его прислугу. Сторож пользовался казенными дровами. От неумеренной топки печей у сторожа загорелось в трубе. В том же доме помещался учитель словесности Солтановский с семейством.

Он был на уроках, когда загорелось. Дали знать в гимназию. Прибежавшие несколько сот учеников успели потушить пожар, но у Солтановского оказалось много порчи в посуде и мебели, которые выбрасывались через окна на улицу. В общих квартирах и классах между тем топили со страшной экономией. В них было холодно и сыро. На уроках и ученики и учителя кутались в шинели и имели на ногах калоши. Росковшенко продолжал порядок, заведенный еще Траутфеттером,– отапливать здание гимназии соломой.

Вскоре после первого пожара ночью сгорели сараи, принадлежащие гимназии и находившиеся между домом, в котором жил директорский сторож, и двухэтажным каменным зданием под гонтой, называемым оранжереей, в которой помещалось несколько учительских квартир, приходское училище и на втором этаже гимназическая библиотека.

Пожар произошел от того, что сторож с женой поздно вечером собирали повешенное на чердаке для просушки белье Росковшенко. Ходили без сомнения со свечою, там же ее зажигали, и таким образом запустили в разный валявшийся там хлам огонь. В сарае ничего не

было, кроме нескольких старых гимназических скамеек и директорской дорожной кареты. Карету спасли, здание сгорело дотла. Загорелось помещение в которой жил Солтановский. Ученики успели вынести из его квартиры все его имущество и сложили в переулке во рву без всякого присмотра, так как испуганная жена Солтановского с грудным ребенком бежала к сослуживцам, а Солтановский, как библиотекарь, послан был Росковшенко в библиотеку с приказанием спасать книги по первому требованию Росковшенка.

Здание оранжереи несколько раз загоралось и было спасено самоотверженностью ученика VI класса Леванды, который с топором в руках приказал себя держать товарищам за ноги, а сам, вися в воздухе, из слухового окна рубил балку, лежавшую на карнизе окна и уже пылавшую. От нее огонь стал сообщаться крыше. Огненные языки от близлежащего сарая достигали балки и Леванды. На нем обгорело платье, но ему удалось обрубить горевшую балку и скинуть ее вниз на землю. Этим здание было спасено от огня, особенно после того, как Леванда, бросился на крышу и везде по краю обрубил тлевшую гонту и сбросил ее вниз.

Росковшенко послал на словах приказание Солтановскому выносить библиотеку в смежный клубный сад. Так как в библиотеку теснились евреи и всякие темные люди, искавшие наживы, то Солтановский поставил из учеников стражу при дверях и на лестнице с приказанием прогонять посторонних. Другие же ученики в простынях, из общих квартир таскали книги в сад, где тоже поставлена была из учеников стража. Солтановский объявил ученикам, что он отвечает за всякую пропавшую книгу и просил их поберечь и книги и его самого.

Книги уже выносили, когда лакей Росковшенка по лестнице поднялся к окну библиотеки и вышибши окно, закричал: «Скорее, скорее выносите! Барин приказал. Уже загорается крыша!»

Пожар был раннею весною в темную холодную безлунную ночь. Солтановский, по выносе книг, отправился в сад сторожить их, так как иззябшие ученики стали расходиться. Росковшенко никого не послал ему в помощь. Ученики явились по зову Солтановского и по его распоряжению принесли простыни.

К утру стал накрапывать холодный дождь. Солтановский в одном легком пальто, в котором успел выскочить из своей квартиры во время пожара, оставался в темноте один при куче книг и промок до нитки. Он не знал, что делается с его имуществом. Оказалось, что еврей портной, занимавшийся мелкою починкою в общих квартирах, видя всю мебель и рухлядь Солтановского сваленными в переулки во рву, по собственному доброму побуждению, взялся охранять их.

Когда опасность миновала – все разбрелись и Росковшенко первым отправился спать, не сделавши никаких распоряжений на счет библиотеки, которая была вынесена по его приказанию, и не любопытствуя даже узнать, где сложены книги, и кто их охраняет.

Едва в девять часов Солтановскому, окоченевшему от холода, удалось поймать гимназического сторожа, проходившего к жене через клубный сад на завтрак. Посланный Солтановским сторож привел опять учеников с простынями, и книги внесены были и свалены на полу в кучу. Так как это был день воскресный и дежурство Солтановского в общих квартирах, то он при помощи учеников, внесши и свои вещи из переулка в квартиру, не переодеваясь, отправился дежурить в общие квартиры.

Часа в два явились директор и инспектор. На заявление Солтановского, что он нуждается в отдыхе, что нельзя ли его на эти сутки заменить другим, что ему нужно разобраться со своими вещами, которые чуть ли не все переломаны, испорчены дождем и грязью или расхищены, директор Росковшенко отвечал, что это к службе не относится. Что Солтановский за дежурство в общих квартирах через сутки получает 200 руб. вознаграждения, дежурит недаром, кажется, заменит его некем. А между тем, легко было командировать на сутки одного из гимназических надзирателей, ничего не делавших по случаю воскресного дня.

На замечание Солтановского о той поспешности и суматохе, которою сопровождалась в ночное время выноска книг, Росковшенко грозно объявил: «За пропажу вы сами и от-

ветите своим жалованьем. Вам никто не велел выносить книг. Нужно было ждать моего приказания».

– Да ведь вы прислали это приказание через Ивана Коленка. А затем лакей ваш, взобравшись по лестнице и вышибив окно, вашим именем приказал поскорее спасать книги, так как загорается здание.

«Коленку Ивану – отвечал Росковшенко,– я не делал никаких поручений и, кажется, даже не видел его на пожаре. А лакея вам не следовало слушать, вы должны были ждать письменного распоряжения. Ваша рухлядь гроша не стоит. Можете быть покойны, ее описывать не станут. Ответите своим жалованьем!»

И так за безвозмездное заведывание библиотекой, за потерю почти всей рухляди, за благоразумные распоряжения при выносе книг из загоревшегося здания, за понесенные в эту ужасную ночь труды получен был один только высокомерный выговор с угрозой денежного взыскания.

Росковшенко вслед за пожаром вошел к попечителю с ходатайством о выдаче ему пособия в 500 рублей, так как все его имущество, оставшееся, будто бы, не распакованным сгорело в сарае. Ему выдано было 450 руб., затем он донес, что учитель словесности Солтановский, заведующий библиотекой, вопреки его, Росковшенка, приказанию, вынес все книги в клубный сад из здания, которому не угрожала опасность. Книги всю ночь валялись в саду без досмотра, и вероятно добрая половина их была расхищена во время ночной суматохи.

Через двое суток после пожара Солтановский один, без посторонней помощи принялся за разбор и установку книг на полках по отделам и каталогам. Эта работа длилась два с половиною месяца. Нужно было работать в сырой, холодной, нетопленной комнате, ползать по полу, лазить по лестницам, работать до полуночи, потому что утро занято было уроками. Работа совершалась через каждые сутки, проводимые Солтановским на дежурстве в общих квартирах. Ученики гимназии оказались настолько благородными и добросовестными, что все книги найдены были в целости, за исключением трех ничтожных брошюр, стоимостью в 60 коп., вероятно затоптанных ночью в грязь.

Росковшенко вышел в отставку и уехал в Москву на жительство, где по слухам вскоре определен был цензором, произведен в действительные статские советники, и за отличие пожалован прямо орденом Станислава I степени.

Туманов, заступивший место Росковшенко, донес о состоянии библиотеки. Последовало распоряжение исключить три брошюры в 60 коп. из капиталов, не взыскивая стоимость их с библиотекаря Солтановского. За свои потери и труды Солтановский не удостоился даже простой благодарности. Между тем напряженная работа без отдыха, холод и сырость в библиотеке и сознание сделанной Солтановскому обиды, были причиною жестокой лихорадки, уложившей его на три недели в кровать.

Так как по болезни он не мог сам исполнять обязанностей дежурного надзирателя в общих квартирах, то часть его очередей принял на себя его сослуживец, надзиратель и учитель Зражевский, которому после пришлось уплатить днями дежурств, а часть исполнены были гимназическим надзирателем, которому Туманов выдал по рублю серебром за дежурство из жалованья Солтановского.

Туманов закончил всего шесть классов гимназии, и Лазов объявил ему, что представление его в директоры может потерпеть фиаско в министерстве. Будь Туманов из военных, да еще с раною, тогда можно было бы уладить дело, а теперь почти невозможно. Но Лазов посоветовал Туманову посредством Любомирских похлопотать у польских магнатов, что бы они просили Васильчакова написать министру сверх представления письмо, что Туманов своею педагогическою полезною деятельностью заслужил всеобщую любовь родителей, воспитывающих своих детей в Ровенской гимназии. Что назначение его директором они почли бы за особенную к ним милость правительства, и были бы уверены, что дети их воспитываются под надежным руководством и надзором.

Любомирские переговорили с панами и получили их согласие. Писать должен был князь Сангушко, известный миллионер, владелец Славутского имения и многочисленных заводов и фабрик. Сангушко просил представить ему от имени всех магнатов сочиненное

на французском языке письмо, для подписи. Туманов сочинил письмо по-русски. На французский язык перевел его учитель французского языка Лемп. Это письмо, подписанное Сангушко, Туманов отправил Васильчакову и месяца через 1½ был назначен директором Ровенской гимназии.

Не смотря на все полонофильство Туманова, мелкопоместные помещики, арендаторы, оффициалисты и чиновники, воспитывавшие детей в Ровенской гимназии, крайне были смущены и недовольны назначением его директором гимназии. Они знали его, как взяточника и вымогателя, лишенного высшего образования. Они возмущены были проделкой магнатов и Сангушка. Магнаты никогда не воспитывали своих детей в правительственных учебных заведениях. Они, после домашнего воспитания, отправляли детей оканчивать образование в Краковский университет, в Париж, Италию или Швейцарию.

Во время вакаций Туманов поехал в Киев благодарить князя Васильчакова и Лазова и повез с собою своего друга, учителя Петра Коленко.

После вакаций получено распоряжение о назначении Коленка инспектором гимназии, не смотря на то, что он пользовался всеобщею ненавистью и товарищей, и учеников, был плохим учителем и бессовестно брал взятки.

Невгодов и Епифанович, служившие давно уже и, притом с похвалой, были сильно оскорблены этим назначением. Всем оно пришлось не по душе, так что с первых же дней начальство гимназическое, директор и инспектор, оказались в самом ненормальном и враждебном отношении к заведению, которым они должны были руководить.

Директор Ровенской Гимназии Туманов и Коленко разделили между собою управление Ровенской гимназией. Туманов принял на себя хозяйственную часть, Петр Дмитриевич Коленко педагогическую и дисциплинарную.

Туманов только в экстренных случаях являлся в гимназию. Бегал по коридорам, крича: «Нещадно сечь! Розог! Крови мне, крови!»

Это бывало в тех случаях, когда кровожадность Коленка выводила детей из терпения. Нужно было поддержать авторитет инспектора, санкционируя его зверства. Во время испытаний Туманов всенепременно присутствовал, так как тут пахло пользой. У учителей на уроках ни тот, ни другой никогда не бывали. Коленко мешался с целью корыстною, а иногда из мести. Так ученик VII класса Кулешо Эдуард отличался действительным даром писать премилые, поэтические описания. Он настолько овладел русским языком, что экзаменное его сочинение, писанное экспромом, под наблюдением всего совета, учителя прочитали с удовольствием и все поставили ему отметку «5» (отлично). Один Коленко поставил ему «2» (т.е. посредственно). На вопрос учителя словесности указать основания для подобной отметки, указать недостатки сочинения, Коленко отвечал, что он не намерен давать объяснений, что он поставил отметку, как начальник, как инспектор.

Кулеша был бедный мальчик, сын вдовы, жившей во флигеле у учителя Епифановича. Кулеша нечего было содрать. Но ему нужно было отомстить за то, то Кулеша невольно наткнулся на самую отвратительную амурную сцену между м-me Епифанович и Коленком. Кулеша проболтался товарищам, а лазутчики Коленка об этом передали ему.

Были в IV классе гимназии два брата Ивоницкие из Ивонича. Все утверждали, что они хотя уже и обеднели, но все таки еще весьма зажиточны. Что Ивоницкий палац полон драгоценностей. Они не дурно учились и вели себя скромно. На грубости и толчки Коленка отвечали смиренным молчанием. Коленко и Туманов не знали, как к ним прибраться, чтобы заставить платить себе дань. Как-то Ивоницкие возвратились с карнавала. Старший брат отправился к директору Туманову явиться по заведенному порядку. У Ивоницкого несколько отросли волосы на голове и при мундире не оказалось пуговицы. Туманов, как зверь накинулся на него. Как он смеет в таком виде являться к начальству. Как смеет выражать такую дерзость и непочтительность.

«Мерзавец! Скотина! Дурак! Свинья! Прохвост! Каналья! Я тебя запорю!»

Ивоницкий не выдержал: «Я потомственный дворянин, сын честных помещиков. Вы не имеете права так меня позорить и ругать прохвостом!»

«Так вот тебе в придачу»,– ревнул Туманов, и влепил Ивоницкому пощечину. Ивоницкий бросился на Туманова. Но Туманов был крепыш, повалил Ивоницкого на землю, таскал

за волосы, бил по лицу, и, вытащивши в переднюю, приказал отправляться с инспектору Коленку под арест.

«Завтра я с тебя сдеру десятую кожу»,– прибавил в напутствие Туманов.

Ивоницкий отправился на квартиру, где еще отдыхали привезшие их лошади. Написал записку, в которой объяснил все случившееся с ним, и из ружья, данного им для безопасности от волков в дороге, тут же застрелился.

Городничий Шеттер, друг Туманова, записку уничтожил. Но до его появления ее читали несколько человек, так что причина самоубийства сделалась в тот же вечер известною всему городу.

На следствие был прислан чиновник особых поручений попечителя, который впоследствии исполнял должность директора Полтавской гимназии, откуда был выгнан Пироговым. Он замял все дело, свалив самоубийство Ивоницкого на его семейные обстоятельства и, будто, преждевременную его любовь к горничной, за которой Ивоницкий затосковал. Словом, Туманов и Коленко образовали такую стену, об которую всякий мог разбить без пользы лоб. Никакие жалобы и доносы им не вредили. Следователи оказывались на их стороне и заминали всякие их преступления.

Хозяйственную свою деятельность Туманов начал с ремонтировки своего помещения, здания гимназии и перемены подрядчика в общих квартирах – Келбша.

Келбш, отставной капитан, поляк, продовольствовал общие квартиры в течении многих лет, чуть ли не с основания их. Продовольствовал он добросовестно, всегда поставляя свежую провизию.

Так как гимназические власти в лице директора и инспектора становились все требовательнее и вымогали от него более, чем он мог давать В тоже время он был настолько честен, что вымогаемое не считал возможным наверстывать на счет ученических желудков), то мало по малу у него стали заводиться должишки.

До сих пор он кормил семейство директора и инспектора. С воцарением Росковшенко он еще обязался принимать на свой счет и гостей их. Но теперь сверх всего этого Туманов потребовал от него в год для себя 500 руб. деньгами, а Коленко 200 руб. Между тем, у Туманова почти ежедневно стали бывать гости, без них Софи обойтись не была в состоянии, не чувствуя призвания ни к чтению книг, ни к рукоделиям, ни к домашнему хозяйству.

После первого месяца продовольствия директорского дома при новых условиях Келбш объявил себя банкротом и отказался продовольствовать общие квартиры.

Туманов принял вместо Келбша подрядчиком какого-то еврея из Дубно. Этот еврей и зимою и летом говядину возил на простых возах, ничем неприкрытую, пыльную, грязную и вонючую из Дубно, верст за сто от Ровно. Эта говядина сваливалась горою в ледник или амбар и служила для продовольствия квартир в течении целой недели до нового транспорта. Директору и инспектору, разумеется, доставлялась другая свежая провизия.

Ученики ничего не хотели есть, с трудом некоторых удавалось принудить сидеть за столом. Туманов и жена его выходили, пробовали, находили все отличным, и объявляли буфетчику, что это все капризы и фантазии надзирателей, что они еще взбунтуют учеников. Дети довольствовались чаем, какой-нибудь кашей, и разными печениями, покупаемыми у разносчиков, торчавших вечно на гимназическом дворе. За право торговли печениями на гимназическом дворе пекари платили Туманову определенную пенсию.

Доносы десятками сыпались в округ. Явился наконец для расследования инспектор казенных училищ изящный М-свий. Я уверен, что у Туманова он не взял взятки. Но видя связи Туманова с польскою аристократиею, тогда всесильною, и не желая ссориться с Лазовым, он ничего не открыл. Все оказалось, как должно, а донос фальшивым.

М-ский обедал и провел вечер у Любомирских в обществе знати. Там ему и внушили, что все это пустяки, что Туманов отличный директор. Для очистки совести М-ский явился в столовую, попробовал кушанья, нашел их отличными, и действительно они были отлично приготовлены из свежей провизии. Потом вдруг обратился к надзирателю и учителю Солтановскому и громко, чтобы все дети слышали, улыбаясь Туманову, спросил: «Скажите, правду, это всегда так кормят, или это только ради моего приезда?»

Солтановский отвечал: «Я причастен к лицам наблюдающим, при том я один могу ошибаться. Спросите учеников, их показание будет вернее». М-ский сделал гримасу и отошел, не спросив учеников.

Вероятно, Туманов представил М-скому Солтановского, как поджигателя, возбуждающего учеников протестовать против продовольствия. Мне, впрочем, после рассказали, будто бы дело это и князья Любомирские и Туманов перенесли на политическую почву.

Келбш был поляк, служил в молодости в польском войске, отличался патриотизмом, живя на одном дворе с учениками, имел на них нехорошее влияние. За это Туманов его устранил. Но устранение его вызвало неудовольствие в учениках, которые стали придираться к новому подрядчику без всяких оснований. Солтановский, конечно, не сочувствует ничему польскому, но из угождения ученикам, желая приобрести у них популярность, присоединился к их протестам и даже сам стал науськивать учеников на подрядчика. Конечно, этому М-ский не верил, но это дало ему возможность извернуться в щекотливом деле. Солтановского оставили на месте, может быть, опасаясь, чтобы он снова не поднял этого дела.

По выезде М-ского опять пошли прежние порядки. Дети были возбуждены, и потеряли веру в начальство, после исследований М-ского продовольствие ничуть не улучшилось.

***

В ожидании проезда государя Туманов порол горячку, чтобы разрешено было по более денег, на побелку здания, на окраску полов скоровысыхающею краской.

Из здания гимназии, где на втором этаже помещалось одно отделение общих квартир, учеников переселили в дом Рыльке. Там они спали на земле покатом, на соломе, ничем не прикрытой, в течении двух недель.

Кровати ученические наново окрасили, и ко дню приезда в город государя покрыли новым бельем и вновь купленными однообразными белыми фланелевыми одеялами. Буфет, кроме местного серебра, наполнился серебром из дома Любомирского и от Чарторыйских. Около буфета и день, и ночь караулили, по очереди, по два служителя под наблюдением буфетчика.

Во время приезда государя городничий был Ч-ский, побочный сын графа Ч-ва. Он допился до того, что не мог уже ничего пить, кроме простой сивухи. Гостей же заливал исключительно шампанским. В гостях он беспрерывно требовал букашку затопить, т.е. рюмку сивухи. Его за то и прозвали букашкой. Он в присутствии дам позволял себе самые свободные шутки и анекдоты. Он был человек светский, отлично образованный, весьма честный, с благородным образом мыслей, но опустился донельзя. Он называл себя несменяемым до смерти городничим, предоставлял полиции делать, что угодно, сам ни во что не вмешивался, но к мерзостям был строг, его боялись.

В городе при нем воровство совсем вывелось из моды. Жена его жила на особой половине квартиры, с мужем почти не виделась и ни с кем в городе не познакомилась. Это была статная, полная, еще красивая и моложавая дама. Говорили, что она знатного происхождения и хорошо воспитана. Ее можно было только встретить на прогулке в фаэтоне или карете.

Ч-ский получал от неизвестного лица крупные суммы ежегодно и истрачивал их на угощение шампанским и на роскошный стол.

Он караулил приезд государя в винном магазине Циолковского, потчуясь поминутно сивухой. Ему сообщен был порядок, в котором должны были следовать экипажи царского поезда. Пронесся фельдъегерь. Ч-ский не обратил внимания. До приезда государя еще оставался целый час, и впереди должно было проехать несколько свитских экипажей. Вдруг в городе послышалось: «Ура!»

Не веря ушам, Ч-ский вскочил на лошадь и встретил царскую карету уже на мосту среди города. Он поскакал вперед к дому Любомирского, где было отведено государю квартира. Любомирский только еще облачался для встречи государя с хлебом и солью. Военный караул еще не явился. Государь и государыня, вошедши из экипажа, обошли пустую

Палац князів Любомирських на «Гірці».
Листівка. Початок XX ст.

свою квартиру и через балкон отправились гулять по саду. Это было, кажется, 1 сентября 1857 года[1]. По возвращении они увидели у дверей князя Любомирского с хлебом и солью.

«Что вам угодно? Кто вы? Хозяин дома, князь Любомирский? Извините, теперь я здесь хозяин!» – сказал государь, но хлеб поднесенный, хотя и не в пору, принял и поблагодарил.

Между тем стал прибывать багаж, собралась вся свита, разместившаяся в городе. Последний царский фургон застрял на обломавшемся мосту в городе. Офицер, сопровождавший его, напустился на Ч-ского крича, что его за эту небрежность разжалуют в солдаты, что это могло случится с царской каретой и проч. Ч-ский отвечал ему: «Довольно болтать вздор! Меня не разжалуют – я бессменный городничий Ч-ский! Не верите – спросите Адлерберга, он меня знает. Лучше пойдем и разопьем бутылку шампанского». Подхватил под руку офицера и потащил к Циолковскому.

Государь хотел въехать незаметно, без всяких оваций. С этой целью поспешил и на последней станции изменил порядок следования экипажей и поехал с государыней впереди поезда. Государь возвращался из заграницы с большою свитой. Его между прочими сопровождали министр двора граф Адлерберг и сын его генерал, государыню сопровождали две фрейлины. Они поместились в квартире директора Туманова, а министр двора – в доме учителя Епифановича.

Туманов страшно струсил узнав, что государь намерен посетить гимназию. Двор весь ужинал у государя. Разошлись в 12 часов.

Туманов явился к Адлербергу узнать, где государю угодно видеть гимназистов. Адлерберг уже спал, но Туманову приказано было явиться в 12 часов по полуночи.

Адлерберг в три часа отправился во дворец и приказал Туманову ждать себя на крыльце. Затем объявил, что государь переменил свою волю. В гимназии не будет. Государь к ночи спешит в Житомир. Учеников приказал привести на двор своего помещения.

В четыре часа ученики были приведены и построены перед дворцом. Стало рассветать. Экипажи придвинулись к выходу. Государь прошел по маленькой домовой оранжерее и, остановившись у окна, смотрел на учеников. В пять часов он с государыней сел в карету. Ученики и народ грянул: «Ура!». Этим все кончилось.

[1] Олександр II відвідав Рівне 31 вересня 1857 р. (*за ст. стилем*).

Ученики в одних мундирах порядком продрогли. Адлерберг сделал Туманову замечание за то, что детям не позволил накинуть шинелей.

Когда в день приезда разошелся весь двор по квартирам, к государыне явились две дамы с прошением. Государь принял их, прошение передал государыне и выпроводил дам.

Дамы потревожившие государыню были сестра подсудка – бойкая женщина, и молоденькая вдова майора. Муж ее не выслужил пенсии. Она просила у государыни единовременного пособия. Ей прислано было 100 рублей серебром.

Должен сделать отступление, так как проезд государя ознаменовался необыкновенною его гуманностью и самым милостивым обращением. Государь овладел сердцами всех. Он возбуждал общую симпатию. Все безбоязненно стремились увидеть его. Все по собственному внутреннему побуждению его приветствовали восторженно. В присутствии его не чувствовалось страха.

***

Как-то случился проезд через Ровно в Варшаву министра народного просвещения Норова[1]. Он ехал открывать там университет. Его, кроме директора департамента, сопровождали еще два «звездоносца» (генерала) и новый инспектор казенных училищ Киевского округа Стеблин-Каменский. Министр высокий, брюзгливый, неприветливый старик, без одной ноги, на костыле. Он до такой степени беспричинно брюзжал, что дети не решились занести ему жалобу на Туманова и Коленка. Он экзаменовал только один час седьмой класс из словесности, французского языка, и истории русской и всеобщей.

Заметил учителю словесности, что нужно более заниматься нашею литературою прошлого столетия и только некоторыми из текущего столетия: Тредиаковским, Кантемиром, Сумароковым, Державиным, Фонвизиным, и пожалуй, Карамзиным, Мерзляковым, Капнистом, Гнедичем, Крыловым. У них есть чему поучиться.

Жуковский тоже хорош, пожалуй, можно ознакомить с Батюшковым. Но чему можно научиться у Пушкина, Лермонтова? Правда, стих у них хорош, но содержание пустое.

«А Гоголь? Чему хорошему он научитъ? Белинский – тот еще вреднее! Очень жаль, что округ назначает учителями словесности молодых людей,– сказал Норов, обращаясь к Стеблин-Каменскому,– молодым молодое недозрелое и нравится!»

СБуду иметь честь слова вашего высоко-превосходительства передать попечителю округа» – отвечал Стеблин.

Пообедавши у Туманова, и приказавши (на гимназические суммы) заказать фотографические снимки со здания гимназии и старого палаца, Норов укатил далее.

Стеблин-Каменский остался для производства поверки успехов по всем предметам.

Он весьма грубо обращался с учениками и учителями, последним не отвечал на поклоны. Он играл роль уехавшего министра. Ничего не понимая, всем читал наставления. Он жил и столовался у инспектора Коленка, товарища его по университету.

Ничего не смысля в истории русской словесности, он ограничивался задаванием по программе вопросов. Но при диктовке на доске стал вмешиваться, делал промахи в знаках препинания.

Учитель словесности на ухо вежливо доказал ему, что Востоков и Буслаев иначе трактуют. Стеблин-Каменский вспылил: «Я сам читал русский язык, я знаю его практически, теории Востокова и Буслаева мне не указка!».

Вечером он пригласил, однако, на чай учителя словесности к Коленко, пригласил и учителя чистописания. С первым все толковал что-то о значении знаков препинания, о том, что нельзя слепо следовать авторитетам. Нужен свой собственный взгляд. Хотя тоже большая самонадеянность иногда ни к чему не ведет. Нужно применяться иногда к взглядам начальства и проч., и проч.

Одним словом, он хотел доказать, что и он что-нибудь смыслит, и что не следует слишком пренебрежительно относиться к познаниям Коленка, который любил некстати и без толку вмешиваться во время испытаний на экзаменах и теперь пожаловался Каменскому.

[1] А.С. Норов (міністр народної освіти з 1853 по1859 рр.) відвідав Рівненську гімназію в 1856 р.

Учителю чистописания Стеблин-Каменский делал внушения по случаю плохих успехов учеников в этом предмете.

Коленко после рассказывал, что Стеблин-Каменский срезал учителя словесности и сделал ему выговор, который убавит несколько самоуверенности и самомнения в этом господине. Но Коленко ошибся. На первом же испытании, когда Коленко стал предлагать бессмысленные ученикам вопросы, учитель словесности его сконфузил и заставил замолчать.

* * *

В правление округом, кажется, Пирогова, после смерти министра Норова и водворении в Министерстве Головнина, последовало распоряжение, чтобы советы гимназий представили свои замечания на проект нового устава. Образована была в совете особая комиссия из учителей: Солтановского – словесности, Суворова – математики, Невгадова – законоведения, Андрущенко – математики и Трофимова – истории.

Эта комиссия работала по ночам. Между прочим, она обратила внимание на сухое и неумелое преподавание в гимназии Закона Божия местными протоиереями, которые, как придаточную, исполняют свою обязанность совершенно небрежно. А некоторые, как протоиерей Клюковский, заявляют себя грубым обращением с православными учениками и берут с них взятки. Помимо этого, нежелательно было гимназической корпорации иметь в своей среде жандармов в рясе, которые на исповеди производили дознания о благонадежности товарищей по гимназии, и помимо исповеди имели поручения свои замечания об учителях гимназии доводить до сведения начальства.

Эти замечания они продолжали представлять и тогда, когда их более не требовалось в новое царствование. Замечания эти часто основывались на сплетнях или личных отношениях протоиерея-законоучителя к тому или другому товарищу-учителю.

Имея все это в виду, комиссия проектировала допустить к преподаванию Закона Божия в средних учебных заведениях и лиц светских, имеющих соответственные познания и ученую богословскую степень, а также отличающихся нравственными качествами и педагогическими способностями. При этом, комиссия сослалась на уставы царствования императрицы Екатерины II, допускавшие к преподаванию Закона Божия лиц светских. В педагогическом совете протоиерей Клюковский, с пеною у рта, грозился так представить членов комиссии, что они очутятся там, куда Макар не загонял овец или украсятся былыми лентами.

* * *

Другою крупною новостью было упразднение общих ученических квартир. Ученикам позволялось жить у родителей, родственников и частных лиц, которым дозволено будет местным начальством содержать ученические квартиры.

Правда, при дурных директорах и инспекторах, в общих квартирах дети питались всякой гнилью или голодали и мерзли. Но при честных и заботливых, как Егор Яковлевич Зимовской, директор Немировской гимназии, ничего не могло быть выгоднее общих квартир и для начальства, и для детей, и для их родителей. Квартиры разделялись на несколько отделений по продовольствию. В Немировской гимназии было четыре отделения. В самом дорогом за полное содержание взималось в год 150 руб.– в самом низшем только 50 руб., в одном из средних 100 руб., в другом 70 руб. В самом низшем ученики имели завтрак, обед из двух блюд, полудник, ужин из двух блюд и хлеб с маслом на перекуску во время перемены. Сверх того – помещение, отопление, освещение и прислугу. Кроме того, имелся за ними бдительный надзор со стороны надзирателей, назначавшихся из учителей гимназии, и старших учеников, которые, в тоже время, репетировали ученикам низших классов.

Правительству было выгодно, потому что при таком надзоре трудно было устроить между детьми какие-нибудь политические затеи и вести пропаганду.

Детям было жить удобно и сыто, и кроме того, они пользовались советами учителей и подготовлялись к классам репетиторами. Родителям выгодно было потому, что, за ничтожную плату, они могли быть уверены, что дети их имеют все и состоят под хорошим

нравственным надзором и руководством. Но, польской пропаганде общие квартиры стояли поперек горла. Они вопияли, что это военные казармы, что детей «москалят».

Особенно сильный крик поднялся тогда, когда детей стали ни с того, ни с сего обучать выправке и маршировке. А инспектор Петр Дмитриевич (Коленко) простер военщину до того, что требовал, чтобы дети спали лицами вверх, вытянувши ноги, и руки имели по швам по верху одеял. Он ночью являлся в общие квартиры для проверки со сторожами и розгами и тут же, спящих не по форме, полусонных сторожа переворачивали на кровати и секли больно по голому телу. Свист розог, стоны поднимали все отделение на ноги. Конечно, платившие дань Коленку, могли спать в какой угодно позиции, он этого не замечал. Доставалось только тем, которые или не могли платить и давать взятки или упрямились.

Замечательно, что против общих квартир жалобы раздавались исключительно в магнатском кружке польской интеллигенции, которая воспитывала своих детей не в правительственных заведениях, а дома или за границей, и, по-видимому, не должна бы была иметь никакого касательства к этим заведениям.

Как-то скоро, после всех этих происшествий, пожаловал на ревизию гимназии сам попечитель округа Ребиндер. Это был сухощавый, высокого роста мужчина. Он прежде служил на Кавказе. Говорили, что он страшно страдает печенью, и, вследствие этого, непомерно раздражителен, что у него все привычки восточного деспота, что он просто удаляет от должности, если ему не понравится физиономия служащего.

Мы ожидали грозы, ожидали, что он раскассирует весь состав педагогического совета. Но крепко ошиблись.

Он побывал у всех учителей на уроках. Был со всеми вежлив, хорошо и ласково обходился с детьми, и, собравши на прощание всех учителей, сказал им: «Я знаю, что труды ваши очень тяжелы, что вы просто несете крест в этой местности, где интеллигенция против правительства, следовательно, и против вас. Вознаграждение за ваши труды недостаточное. Но пособить этому невозможно. Впрочем, я разрешил директору по очереди представлять к денежным наградам, не свыше 400 руб. в год. Мужайтесь и продолжайте исполнять ваше высокое дело с энергией. Внутреннее сознание исполненного долга будет для вас лучшею наградою. Прощайте!»

Прежде учителям не выдавалось никаких наград. Туманов после отъезда попечителя уверял, что Ребиндер был так милостив вследствие его отличной рекомендации всех служащих. Туманов сделался весьма любезен со всеми. Только Коленка, который начал действовать против него, он не мог терпеть.

Вскоре мы узнали, что Ребиндер по болезни выехал совсем из Киева, а на его место назначен барон Николаи, впоследствии занимавший, впрочем, недолго, пост министра народного просвещения.

Николаи недолго заставил себя ждать. Он прибыл на ревизию в Ровно после обеда. Сейчас же собрал три высших класса гимназии и задал темы для сочинений по русской словесности. Сочинения писались под его личным наблюдением. При свечах ученики один за другим по его вызову читали ему их громко на весь класс. Выслушав учеников V класса, он похвалил их и поблагодарил учителя. Шестым классом он остался чрезвычайно доволен и несколько раз пожал руку Солтановскому. Седьмой класс привел его в восторг, он расцеловал несколько учеников, расцеловал и учителя Солтановского, прибавив: «Я этого вам не забуду». Ученикам объявил, что если кто из них при поступлении в университет будет, в чем нуждаться, пусть прямо, не стесняясь, обратится к нему.

После этой ревизии, Туманов не смел не представить к награде учителя Солтановского. Представлять следовало двоих, но он представил трех. Сам пригласил Солтановского прочитать подписанное я заномерованное представление и сказал: «Не думайте, что я не ценю вашей службы!» Однако Солтановский остался без награды.

В будущем году повторилась та же история. Попечителем округа был уже известный оператор и педагог Николай Иванович Пирогов. Солтановский, не говоря никому ни слова, послал Пирогову письмо, прося указать ему те его недостатки, по которым в округе исключается, его имя из наградного списка, дабы он мог исправить эти недостатки.

Через 10 дней Туманов прибежал в гимназию с телеграммой Пирогова и вызвал Солтановского из класса.

– Вы писали попечителю?

– Да, писал!

– Не могли подождать до будущего года! Так нельзя беспокоить начальство! Счастье ваше, что все сошло благополучно. Пожалуйте после уроков ко мне и получите 200 руб. наградных.

* * *

При размашистой жизни Софи[1], при ее любовных похождениях, при той раздражительности, с которою она третировала мужа, Туманов из кожи лез, чтобы добыть поболее для неё денег, и даже стал делать долги. Но вот с неба свалилось счастье. Кроме разных ремонтировок, разрешено было продать все отделенское имущество, состоявшее из мебели, тюфяков, шерстяных одеял, посуды и серебра, которого за много лет накопилось весьма много.

Всякий ученик, при поступлении в отделение, вносил 84-й пробы ложку, вилку и нож. При выбытии его, серебро оставлялось в буфете отделения. Этого серебра набралось несколько пудов.

Вместо торгов, Туманов и Коленко стали продавать серебро келейно, й отобравши лучшее для себя, оценили его через подставное лицо по 15 коп. лот, как истертый и испорченный лом, и это лицо, подписалось, как приобретатель на торгах. Составлен был акт мнимых торгов, записан в книгу, подписан Тумановым и Коленком, послан для подписей чинам педагогического совета.

Туманов и Коленко так уверены были в ничтожности и загнанности членов совета, что не сомневались в их покорности и в этом случае. Но Солтановский и Видута-Стоцкий отказались подписать такой грабительский акт. Между тем евреи, узнав о продаже серебра, таким образом, послали донос попечителю. Командирован был на следствие тогдашний инспектор казённых училищ Тулов.

Кроме еврейских доносов, к попечителю поступило много анонимных писем, в которых указывалось, что Туманов за право содержать на частной квартире учеников с содержателей и содержательниц берет огромные взятки. Что, сверх того, он принял на себя роль фактора. Кто из содержателей ему больше платил, к тому он посылал состоятельных учеников, а кто меньше платил, к тому бедных.

Тулов расположился в заезжем доме, виделся всё с Коленком, Туманова почти устранил от гимназии. Допрашивал содержательниц и содержателей квартир, учеников, их родителей. Прожил он недели три. К нему приехала и его жена. Он познакомил её с местною чиновничьею аристократией, особенно Тулова подружилась с баронессой Шеттер, городничихой. У неё почти она жила, обедала и ужинала. Вечером играли в карты. К картам являлись и Тумановы. Туманова тоже подружилась с Туловой, а Туманов составлял всегда Тулову партию.

Так тянулось три недели. Вдруг, к Солтановскому и Видуте-Стоцкому является письмоводитель… Туманова и заклинает именем Туманова, Богом Живым, подписать протокол о торгах.

Протокол оказался измененным, вместо 15 коп. значилось уже за лот 75 коп. Они подписали, не желая губить Туманова. В тот же день Туманов пригласил к себе в квартиру весь педагогический совет с инспектором Коленком во главе, на чай. Разговаривая за чаем, то о том, то о другом, Тулов вдруг заговорил: «Господа, я имею к вам дело! Вы знаете, да я вам и скажу откровенно, что я производил дознание о мошенничествах вашего директора Туманова. Все доносы на него подтвердились. Он остается только на директорстве до тех пор, пока я успею доехать до Киева и доложить все дело попечителю. Очень жаль, что семейный человек, которому остается малость до выслуги пенсии, позволил себе погрузиться в такую грязь. Я завтра уезжаю, позвольте с вами проститься. Для очистки

[1] Дружина директора гімназії О. Туманова

совести, а также и для порядка я должен взять и от вас показание на счет Туманова. Скажите откровенно: мошенник он или нет!»

Все молчали. Такое позорное падение человека возбуждало к нему жалость.

Коленко, которому с вакантным местом уже рисовалось в перспективе директорство, сказал, что он, по мере возможности, старался удерживать Туманова от злоупотреблений, но поделать ничего не мог, его дело подчиненное.

Видута-Стоцкий понес какую-то чепуху об отделенском столике, который был уступлен Тумановым без торгов не ему, Видуте-Стоцкому, а какому-то еврею.

Никто более не сказал ни слова. Вечером Туловы у Шеттеров играли с Тумановыми в карты, на следующий день, действительно, они уехали. Через несколько дней пронеслась глухая молва, что на последнем вечере Туманова через баронессу Шеттер вручила Туловой 500 руб. Одни говорили, что это его не спасет, после речи Тулова, а другие утверждали – переведут в другую гимназию.

Месяц спустя, когда я получал у Туманова жалованье, последний вручил мне какое-то письмо, предлагая его прочесть. Это писал к Туманову попечитель округа. Письмо состояло из извинений, что беспрерывные злостные доносы, заставили его послать Тулова произвести формальное следствие. Результат этого следствия таков, что попечителю остается извиниться в принятой мере перед Тумановым и просить его по-прежнему продолжать свою службу.

В конце письма попечитель выражал мнение, что вся интрига идет из среды учителей, почему он просит Туманова назвать ему лиц, которых он считает виновниками, и они немедленно будут уволены от службы.

Я ничего ему не ответил. Туманов имел благоразумие никого не называть по имени. Все осталось по-прежнему.

К Туманову, верно, дошло показание Коленка, потому что из сердечных друзей они вдруг сделались страшными врагами. Туманов открыто стал твердить, что он страдает из-за мерзких дел этой змеи, которую он пригрел на своей груди и возвеличил без всяких заслуг.

На Видуту-Стоцкого это дело произвело такое впечатление, что он немедленно попросился в перевод в Чернигов и в том же году, приобщившись Св. Тайн в монастыре, расположенном возле города в лесу над рекой, тут же под оградой застрелился из пистолета. Туманов, на некоторое время, притих в своих поборах и сделался умереннее.

Вот, пронесся слух, что Лазов подал в отставку. Вот мы узнали, что Пирогов предложил Туманову немедленно уволиться (sic), а Туманову оставалось всего до пенсии полгода.

Брат Тумановой – полковник Павлов был любимцем генерал-губернатора Назимова. По просьбе Павлова, Назимов хлопотал за Туманова у министра народного просвещения и у Пирогова.

Пирогов, наконец, согласился отсрочить отставку Туманову, объявив, что до выхода этого вора в отставку, он не считает возможным ревизовать Ровенскую гимназию. Действительно, он посетил весь учебный Киевский округ. Одна Ровенская гимназия не удостоилась его посещения.

Туманов, по выслуге пенсии, наконец, был в отставке. Шурин его Павлов, адъютант Назимова, подготовил ему в Белостокском женском институте место члена совета по экономической части. Словом, козел впускался в Белостокский институт-огород.

Туманова до первой станции провожали некоторые из учителей, предвидевших его карьеру у Назимова, который был под сапогом Павлова и польских магнатов. Суворов, Гвайт, Невгадов, Коленко Иван повезли с собою две бутылки шампанского и распили их на почтовой станции. Туманов жену оставил у матери на попечение ее любовника Володзьки.

В Северо-Западном крае отставные чиновники имели право, поступая на должность, получать вполне и жалованье, и пенсию. Когда Туманов получил место правителя канцелярии Назимова, он на свое место в Белостокском институте определил Невгадова. Суворову доставил место директора Белостокской гимназии, Коленку Ивану – место инспектора в Гродненской гимназии, а Гвайт получил, такое же место в Ковенской гимназии. За последних трех особенно хлопотала Туманова, которую они утешали в отсутствие мужа. Володзько ей было мало.

* * *

Теперь скажу несколько слов о переменах более крупных должностных лиц в Ровно, происшедших незадолго до «повстанья» 1863 г.

Когда бывший директор Ровенской гимназии Туманов получил назначение члена совета в Белостокском институте, его места стал добиваться инспектор Коленко. Инспектор Петр Дмитриевич Коленко стал исправлять директорскую должность.

Коленко стал куралесить с неслыханной жестокостью. Сечение в гимназии не прерывалось. Взятки текли Коленко рекою. Я сам был свидетелем беспримерной несправедливости и жестокости Коленка.

В V классе первым учеником считался четырнадцатилетний мальчик Рудницкий. Он по всем предметам успевал одинаково отлично и скромно вел себя, так что по поведению считался в гимназии образцовым учеником. Он был сын бедной, обремененной семейством вдовы.

Однажды во время перемены, когда товарищи шалили и бегали по нужде из класса, Рудницкий спешил просмотреть следующий урок и оставался на месте. Когда раздался первый колокольчик, он бросился скорее к дверям по нужде, чтоб во время возвратиться в класс до прихода учителя. На несчастие с разбега он столкнулся в дверях с исполняющим должность директора Петром Коленко. Тот моментально оборвал Рудницкому до крови уши, вырвал с головы клок волос и, отхлестав пощечинами, прогнал на место. Едва начался урок, как Коленко вытребовал в инспекторскую Рудницкого и стал немилосердно сечь. Рудницкий издавал стон, а после затих. Тогда только кончилось сечение. Ему дано было, по крайней мере, пятьдесят ударов.

На другой день Рудницкий лежал в тифе. Едва спасшись от смерти, он был уволен матерью из гимназии и для поддержания семьи определился куда-то писцом.

Товарищи (учителя) опасаясь, что этот зверь за деньги может быть утвержден на директорстве, вопреки закону послали Пирогову коллективную просьбу о недопущении Коленка директором и о назначении на это место прослужившего уже 20 лет Невгадова.

Невгадов был добряк, но недалекий человек, и конечно не соответствовал директорскому месту. Он мог совсем распустить гимназию. Пирогов уничтожил незаконную просьбу скопом, но Коленка не допустил, однако ж, занять директорское место, все-таки догадываясь о его непопулярности и непригодности.

Директором назначен был инспектор, кажется Житомирской гимназии, Автоном Григорьевич Теодорович, человек честный, тактичный и трудолюбивый. Он был рекомендован Пирогову его помощником Осипом Григорьевичем Михневичем, которому Теодорович как то приходился с родни.

Теодорович скоро понял Коленка и ограничил его во всех отношениях. И взятки, и сечения прекратились. Но такая перемена не изменила отношений учеников к Коленку. Они его стали презирать, и ненавидели его по-прежнему.

В городе жил с семейством пенсионер, бывший директор Иркутской гимназии, статский советник Линден. Он и его супруга были страстные любители игры в карты, потому в их квартире часто сходились городские аристократы и холостые учителя гимназии, бывшие в состоянии поддерживать игру и любившие потанцевать. В этом доме бывали: Тихомиров, Коленко Петр, Яновский, Юскевич, Невгадов, а из женатых Славутинский.

Другой дом, где бывали те же учителя, был дом окружного начальника над казенными имениями, Жуковского. Это были простые, добрые люди, окруженные огромным семейством. У них была дочь невеста, Октавия, страшно избалованная родителями и довольно некрасивая блондинка. Родители готовы были видать ее за всякого, кто ей приглянется. Они жили открыто, каждый день в доме были гости, шла карточная игра, и часто танцевали. Они пользовались общим уважением и любовью. Он не делал притеснений по службе, но деньги и провизия и без того поступали в карман к окружному.

С приходом Азовского полка в дом Жуковской стал приволакиваться офицер Ленартович, из мелкопоместных помещиков и наконец, объяснился в любви и получил согласие невесты и родителей. Война помешала венчанию. Жуковские каждую почту слали Ленартовичу деньги и вещи, боясь, что он в Крыму во всем нуждается. Кончилась

война. Ленартович остался жив и невредим, но сведал, что Жуковский без места и что у него нет никакого состояния, прекратил с невестою переписку и больше никогда к ним не являлся. Жуковские были поляки.

Старик Жуковский думал, что, служа честно, он до смерти будет окружным, и ничего не сберегал. Но вот управляющим казенными имениями Волынской губернии сделан какой-то барон, немец. Он сейчас же уволил одного за другим бывших окружных и на их места назначил новых.

Жуковский не перенес этого удара – умер. Вдова с огромным семейством переехала в Житомир и стала содержать себя трудами своих рук и кормлением квартирантов – учеников гимназии, а дочь сделалась швеей и замуж не вышла. Пенсию вдове с детьми за 35 лет службы мужа назначили в год 200 руб.

Аптекарь Степунковский, как горячий польский патриот, человек состоятельный, водился со сливками ровенского чиновничества и с окрестными помещиками, а из учителей принимал у себя одного Славутинского.

Городничий Петре, поляк, служивший прежде в канцелярии генерал-губернатора, занимал большое помещение, состоявшее из дома и флигеля, лежавшего на самом берегу прудов. Петре был холост. Ежедневно по вечерам и ночам играл в карты, но играл неудачно. В год, как говорили, проигрывал до 4000 руб. серебром. При нем город был переполнен контрабандой, и происходили по ночам неслыханные воровства и даже грабежи.

Когда его перевели в Липовец, то оказалось, что все купцы евреи ему должны по несколько тысяч. Мне сознавался один купец-еврей, что Петре для них был дороже родного отца, что у него будто-бы во флигеле был главный склад контрабанды, доставляемой туда по ночам на лодках. Купцы за укрывательство и сбережение контрабанды платили ему порядочные проценты. Петре приглашал к себе иногда учителей, игравших в карты, со Славутинским же играл где-нибудь ежедневно.

Сливки ровенского аристократического общества составляли дома: капитана инвалидной команды[1] Ишлинского – поляка; исправника Аренса; стряпчего, тоже поляка, товарища исправника по университету; городового врача, поляка из евреев Тарногродского; уездного врача, поляка, Левинского; холостяка–старика уездного судьи Голубовского.

Выше же всех, как нечто очень аристократическое, считался дом польки, полковницы Павловой. Они жила в собственном каменном помещении, расположенном в саду. Этот сад и дом ей подарили князья Любомирские. Она была, по словам одних, воспитанницей, а по словам других – незаконной дочерью Любомирского. Говорили также, что она отличалась необыкновенной красотой, которой и пленила Павлова. У нее были две взрослые дочери, перешедшие за 20-летний возраст, и сын. Они держались вдали ото всех, бывали у князя Любомирского, как свои люди, и только изредка являлись у кого-нибудь из местной аристократии на вечерах. Быть принятым у Павловой считалось особенно лестным даже аристократам ровенским.

Дочери [Павловой] были недурные. Одна из них старшая София, вышла за казначея Азовского полка Юревича, другая, Мария, за майора строевого батальона из Ровно. София повела такую роскошную и загульную жизнь, что муж не только издержал свои 20 тыс. руб. серебром, но прихватил еще 10 тыс. казенных. Эта растрата да еще любовные по-

[1] Військові інваліди - категорія військовослужбовців, які служили у військах, що називались «інвалідними» (рота, команда) та існували в XVIII-XIX ст. в російській армії. Військові інваліди (відомі як «служащие инвалиды»)виконували функцію внутрішніх військ (інвалідні команди). Обов'язком інвалідних команд було несення караульної служби, охорона особливо важливих об'єктів (казенних фабрик, і в'язниць), супровід арештантів, придушення селянських заворушень в повіті т. д. Згідно законів Російської імперії, інвалідні частини повинні були комплектуватися або ветеранами, що прослужили не менше 15-ти років або визнані непридатними до польової служби. У повітові інвалідні команди, зазвичай, потрапляли люди аморальної поведінки (які не мали фізичних недоліків) з польової армії в гарнізонні батальйони, а ті, в свою чергу, часто відразу сплавляли цей контингент в підлеглі їм інвалідні роти і команди. Таким чином, повітові інвалідні команди за весь час свого існування представляли «дно» російської імператорської армії рекрутського комплектування.

хождения жены заставили Юревича отравиться. Софья возвращалась к матери в том, что было на ней. Так как все имущество описали за похищение казенных денег. У матери она родила дочь, без любовных похождений обойтись она не могла, а приспать вновь мужа, после такого дебюта было весьма трудно.

Мадам Линден бывшая с Павловой в дружбе, указала на вдовца инспектора Туманова, которого при помощи Любомирских их друзей и родственников, польских магнатов, можно потянуть вверх. Таки он человек еще молодой, довольно способный и находчив. Туманов сделался постоянным гостем Павловых. Ему это было очень кстати.

У Павловой был брат, служивший чиновником особых поручений при киевском генерал-губернаторе, теперь богатый бездетный помещик. Ожидали, что его имение перейдет к детям Павловой.

Сын Павловой в чине полковника, молодой человек, был любимым адъютантом генерал-губернатора Северо-Западного края Назимова. За Павлову стояла вся польская волынская аристократия.

Мадам Линден нашептывала Туманову, что Софья влюбилась в него, что просто тает по нему, что мать Павлова не в состоянии будет противиться влечению дочери, что с нею его ждет блестящая карьера. У Туманова закружилась голова. А тут начались любительские спектакли. Софья стала принимать в них участие вместе с Тумановым и окончательно пленила его. Мать Туманова, старушка, пророчила ему, что его ждет участь Юревича, он и сам сначала трусил, но после спектаклей [...], влюбился в Софью до безумия. Свадьба была великолепная, в доме принадлежащему Любомирскому, где во время квартировки Азовского полка, помещался офицерский клуб. На свадьбе присутствовал князь Любомирский, несколько других крупных помещиков и богатый брат Павловой, на счет которого и сыграна была свадьба. Он между прочим, для гостей поставил несколько ящиков сигар, настоящих гаванских с золотыми головками, каждый стоимостью в 100 руб.

* * *

Ишлинский не имел никакого состояния, получал жалованья менее 300 руб. в год, но доходы от продовольствия и обмундирования команды, от огромного огорода, обрабатываемого безмездно этой командой, давали Ишлинскому порядочные средства для жизни. Детей у Ишлинских не было, но страсть их была хорошо и открыто жить и непременно быть в городе в числе первых.

Как не велик был доход Ишлинского от команды, его все-таки не хватало. Ишлинский понимая дух своего времени и господствовавшие порядки, нашелся по-своему. Он устроил из более способных и молодых солдат своей команды отличную шайку воров под командой унтер-офицера. Команда воровала во время ярмарок в Ровно и окрестных местечках: стала выставлять окна и двери в погребах, кладовых и домах еврейских, пробивала соломенные крыши в амбарах мещан, затем перешла в дома прочих обывателей и чиновников.

На всех напала паника. Стали изнутри баррикадировать окна и двери. Ничего не помогало. Угрожая смертью, проснувшимся или пытавшимся оказывать сопротивление, приказывали первым лежать смирно, а вторых перевязывали, и обирали весь дом дочиста. Если удавалось кому-нибудь ускользнуть от них на улицу и поднять крик – грабители удирали. Ночной обход, из инвалидных солдат и десятских, который как то всегда оказывался по близости грабимого дома, преследовал грабителей, даже стрелял по ним, но поймать кого-либо не удавалось.

Команда крала и грабила все, что попадалось под руку вино, водку, масло, сыр, яйца, курей, индюков, гусей, уток, свиней. Муку, хлеб в мешках, деньги, серебряные вещи, драгоценные украшения, подушки, одеяла, белье, перины, одежду и т.д.

Часть всего поступала в натуре к Ишлинскому. Часть раздавалась грабителям, часть прочей инвалидной команде и часть еврею фактору, который вывозил самую крупную часть краденного из города в разные пункты губернии и там его сбывал. Вырученные деньги поступали к Ишлинскому и отчасти к городничему Петре.

Оказалось после, что шайка дрессировалась под руководством лучших воров, отпускаемых на ночь из тюрьмы. Эти воры, когда, наконец, над ними постановляем, был приговор, выпускались совсем на свободу.

И вот сначала стали говорить, что грабят убегающие из тюрьмы арестанты. Потом мало по малу пало подозрение на инвалидов и самого Ишлинского, который зажил на славу.

Кроме именин, он давал по балу ежемесячно. Ежемесячно вся аристократия у него танцевала под бальную музыку, ела, пила, играла в карты,– тут бывали даже и те, до которых стали доходить подозрительные об Ишлинском слухи, и которых прямою обязанностью было бы принять против него меры и обо всем донести высшим властям.

Не знаю, знало ли обо всем этом губернское начальство, по крайней мере, ничем оно не обнаружило в этом деле своего существование. Когда в городе уже почти нечего было грабить, команда загуляла по окрестностям. Накануне бала у Ишлинского оказывался всегда разбитым погреб вин в том или другом местечке.

Евреи стали слать анонимные жалобы и доносы на Ишлинского корпусному командиру внутренней стражи. Явились для дознания разные лица, играли у Ишлинского в карты, пили, угощались, танцевали, и Ишлинский оставался белее снега, а все жалобы и доносы оказывались злобною клеветою его врагов. Но корпусному наконец надоело,– он решил перевести Ишлинского в другой город. Благоприятели предуведомили Ишлинского. Он струсил: с переводом его все могло обнаружиться.

Но еврей фактор, спускавший все накраденное командой, принимавший участие во всех его злоупотреблениях, боясь за собственную свою шкуру, как то выручил Ишлинского. Он накупил дорогих бархатных и шелковых материй тысячи на четыре и отправился в корпусную квартиру.

Корпусная была модница и своего корпусного – настоящего дикого и жестокого зверя, говорившего на смотрах, что он разрешает засечь до смерти 9 человек, лишь бы десятый был вышколен, как требуется, держала под башмаком. Это знал Ишлинский и его еврей фактор. Последний просил доложить генеральше, что богатый купец из Польши едет на ярмарку в Харьков и везет великолепные дамские принадлежности. Генеральша полюбопытствовала посмотреть товар. У нее глаза разбежались. Товар был хорош, но и цена красная. У генерала в наличности оказалось весьма немного денег. Купец, раздражив аппетит у генеральши, объявил ей, что все эти материи, стоимостью, будто в 8 тысяч, к ее услугам даром, если она выхлопочет у генерала согласие оставить Ишлинского на месте. Купец так богат, что этот подарок для него ничего не значит. А между тем он сделает доброе дело, и генеральша сделает доброе дело, защитив честного человека, всеми любимого, от его врагов.

Генеральша выскользнула в кабинет мужа, и через несколько минут дело было решено. Материи остались у генеральши, а Ишлинский остался в Ровно.

Грабежи и воровства в Ровно дошли до крайнего предела. Последовало нападение на аристократический дом майора, шоссейного инженера. Я забыл упомянуть об этом доме. Майор был на линии. В доме оставалась жена, ее две дочери, невесты и красавицы от первого брака, женская прислуга, лакей и денщик.

Замаскированные люди моментально выставили ставни и окна во всем доме, перевязали прислугу. Барыням под угрозой смерти приказали смирно лежать и обобрали весь дом. Сняли даже одеяла с барынь, вытянули из-под них перины и подушки, оставив их в одних ночных рубашках, спокойно удалились. Прилетевший с линии майор поругался с городничим Петре, послал жалобу губернатору и генерал-губернатору, и тем дело кончилось.

Только пронеслись слухи, будто Петре переводят в другое место, корпусному командиру отдельного корпуса внутренней стражи доносы посыпались со всех сторон. Но, после получения материй, их оставляли без внимания, даже не производились расследования.

Но вот в городе расположился, какой не помню, пехотный полк. Командовал им полковник Бибиков, богатый холостяк. Не смотря на караульного подле ящика у квартиры Бибикова, воры пробрались в нее и утаскали несколько ценных вещей и порядочную сумму денег.

Разузнавши от евреев о постоянных грабежах и воровствах, и о подозрении на инвалидов и Ишлинского, Бибиков принял вид, что не слишком возмущен сделанным и у него

воровством, делал знати визиты, в том числе и Ишлинскому, говорил, что все это пустяки, которые повторяются сплошь и рядом везде по городам, а в столицах они также необходимы, как полиция и жандармы.

Ишлинский был недоволен нападением на Бибикова, не смотря на порядочную добычу, но спокойствие и беззаботность последнего его ободрили.

Неделю спустя опять начались грабежи. Бибиков двинул в засады, в секреты два батальона под личным своим распоряжением. Ночь была темна, хоть глаза выколи, и, вот, при взламывании кладовой у ксендза-пробоща[1] Мороза, накрыта была одна партия грабителей в 14 человек, а при ограблении винного погреба Абрамовой, другая в 20 человек. Все они оказались чинами инвалидной команды, и посажены были на военную гауптвахту, где во всем чистосердечно сознались. Бибиков, удержав их на гауптвахте, донес обо всем генерал-губернатору, корпусному внутренней стражи и военному министру.

Ишлинская полетела в корпусную квартиру, но спасти мужа уже оказалось невозможным. Он был предан суду и посажен в Житомире на военную гауптвахту. Бибиков имел большие связи в Петербурге, и с ним оказалось невозможным бороться и замять все дело.

До окончания суда Ишлинский заболел и умер в военном госпитале, а жена выхлопотала право содержать у себя на квартире гимназистов Житомирской гимназии, которым внушала ненависть к России и ее правительству. Сделавшись ярою патриоткой, она имела у себя на квартире постоянно состоятельных учеников. Завела связи со всем враждебным правительству, дом свой опять поставила на аристократическую ногу и в манифестациях 1862 и 1863 гг. играла не последнюю роль.

Не имей полковник Бибиков связей – дело вероятно было бы замято и жители Ровно и окрестностей должны бы были еще долгие годы в страхе и трепете за свое имущество проводить ночи.

А тогда, хотя и без последствий, можно было жаловаться и заявлять подозрения. Теперь по Уголовному уставу, всякая неосторожная обмолвка против должностного лица влечет за собою тяжкое наказание.

В настоящее время служащие все более и более начинают проникаться сознанием своей безнаказанности, особенно если у них есть какие-нибудь связи.

Аренс исправник был удивительно ловкий и счастливый человек. По окончании университета, он поступил в канцелярию генерал-губернатора, затем был назначен исправником и так вел ловко свои дела, так ловко умел из своей должности извлекать пользу, что и начальство его ставило в пример, и он жил, как богатый помещик, получая ежегодно прихода от 14 до 16 тысяч руб. серебром Но душа его рвалась к более раздольной жизни, к настоящей роскоши. Прелести жены и крупные взятки доставили ему вскоре место окружного интенданта в Одессе.

В начале войны 1877 г.[2] он был назначен генерал-интендантом действующей армии с производством в действительные статские советники. Он подписал знаменитый контракт с подрядчиками Грегор Коган и К°. На суде указывали, что он получил за каждую букву этого контракта по полуимпериалу.

Вслед за подписанием по болезни, Аренс уехал за границу лечиться, где оставался до конца кампании. Подчиненные ему и заменявшие его место лица подверглись суду и некоторые осуждены, как действительный статский советник Макшеев, к ссылке в Сибирь по лишению чинов, орденов и дворянства, а он остался бел, как снег, и фигурировал на суде только в качестве свидетеля. Теперь он служит в Петербурге, произведен по случаю коронации в тайные советники, и, говорят, ведет жизнь в столице на самую широкую ногу.

Родственникам жены, своим покровительством, он оказал много пользы. Все они, в разных местах Подольской и Волынской губерний, заняли места: кто уездным врачом, кто присяжным поверенным, кто землемером по размежеванию помещичьих и крестьянских земель.

---

[1] Пробощ - у католицькій церкві священик, який керує парафією.

[2] Російсько-турецька війна (1877–1878 рр.).

Между тем подготовление к революционному движению шло своим чередом. Место исправника Аренса занял старичок с удушьем Погоновский, хотя и православный, но совершенно ополяченный, он состоял в полнейшем распоряжении панов и на все их затеи смотрел сквозь пальцы. Вскоре Погоновский совершил в угоду богатому пану, за деньги конечно, вопиющее дело и по высочайшему повелению был отрешен от должности навсегда.

Вот это дело. Было два родных брата, богатых помещика, фамилии их не помню. Один из них был холостяк-старик, другой – семейный человек. Сын последнего служил в гвардии и был любимцем холостяка дяди, который объявил брату, что все его имение он оставляет своему любимцу.

Приехал как-то из Петербурга этот любимчик в отпуск. Это было незадолго до смерти дяди. Дядя пригласил всех своих крестьян на молебствие в церковь. Присутствовал и сам в церкви с племянником. После молебствия, при священнослужителях, объявил своим крепостным, что после его смерти племянник наследует все, что он имеет: «Вот ваш будущий пан! Его одного слушайтесь. Никто другой до вас права не имеет. Никому не подчиняйтесь, кроме вот этого вашего будущего пана».

Крестьяне поклялись слушаться и повиноваться только одному племяннику и более никому. После этого племянник богато угощал всех своих будущих крепостных.

Старого холостяка крестьяне любили, любили и его племянника. Со стороны пана им не делалось никаких ни обид, ни притеснений. Брата же его они не любили. Он отличался зверским обхождением с крепостными, которые у него все были в загоне и не отличались зажиточностью.

Умер холостяк. Сейчас после его смерти приехал его племянник-наследник и собрал народ. Отслужил по покойному в церкви панихиду и устроил богатые поминки. Он объявил крестьянам, что он один их настоящий пан, и что они должны слушаться только его и его управляющего. Управляющим он оставил прежнего, служившего много лет его дяде, а сам уехал в Петербург на службу.

Между тем, завещания покойного не нашли. Его покойник или не успел составить или составленное украли. Основываясь на этом, брат покойного, а отец настоящего владельца, послал своего управляющего в имение брата с приказанием принять все делопроизводство и инвентарь от местного управляющего и объявить крестьянам, что они поступают в его подданство.

Крестьяне прогнали этого управляющего. По требованию пана, явился Погоновский с предводителем дворянства, и стал требовать, чтобы крестьяне подчинились не объявленному покойным пану, его племяннику, а брату покойного. Погоновский, видя сопротивление крестьян, хотел было устрашить их розгами. Но они не позволили себя сечь, а посоветовали ему убираться.

Погоновский донес губернатору Друцкому-Соколинскому о бунте крестьян и требовал военной команды. Двинут был батальон. Экзекуция прошла по всем селениям и деревням покойного. «Колокол» подробно описал это трагическое событие, заключив описание словами: «Исправник Погоновский за 5.000 руб. продал тело и кровь целых тысяч крепостных мужчин и женщин».

Покойный государь, прочитав это описание, был возмущен [глупостью Друцкого-Соколинского и] продажностью Погоновского. Произведено было следствие, и Друцкой, и Погоновский лишились мест.

* * *

На место Погоновского исправником назначен был подполковник Гоц. Он в Азовском полку, стоявшем в Ровно, командовал батальоном. Это был шагист из сдаточных. Читал плохо, а писал еще хуже. Когда запрещено было сечение солдат без суда, Гоц думал, что армия без розог взбунтуется и забудет и шагистику, и выправку. А тут вдруг новый учебно-строевой устав!

Гоц видел, что не совладать ему со всеми этими революционными новшествами, и подал в отставку. Его уволили подполковником. Когда открылась вакансия исправника,

Гоц поехал в Житомир и выхлопотал себе это место. Он был семейный человек, но семью свою давно бросил.

… Гоц плавает как, сыр в масле. Он играет теперь по большой, расплачивается полуимпериалами и сторублевыми бумажками. Чего теперь у него за столом нет – и виноград, и ананасы, и редкие береры груши, и всякая дичь, и старая водка, как прованское масло, и столетние меды, и дорогие вина.

Все пальцы у Гоца в дорогих брильянтовых кольцах, все это подарки панов, которых он защищает и которым позволяет все. Как действовал во время мятежа Гоц, приблизительно также действовали и все прочие исправники Юго-Западного края. Они метались, шумели, доносили, и доносили всегда неверно, преследовали самым грубым образом мелкоту, учеников и студентов, которые были только орудиями в руках богатых панов и влиятельных ксендзов. На, последних же, подготовивших восстание и старавшихся руководить им, смотрели сквозь пальцы, получая от них подарки и даже заискивая у них протекции.

Генерал-губернаторы и губернаторы действовали в том же духе – все влиятельные богатые паны состояли с ними в самых дружеских отношениях. Тот только исправник сидел прочно на своем месте, который пользовался расположением и протекцией панов.

Сколько бы исправник не заплатил за свое место правителю губернаторской канцелярии и в губернское правление, если он не сумел угодить какому-нибудь крупному пану – он летел вон с должности.

Чтобы управлять губернаторами и генерал-губернаторами, паны часто пользовались услугами очаровательных своих пань, круживших головы сановникам и, в экстренных случаях всегда готовых для достижения политических целей жертвовать своим телом.

Особенною поблажкою паны пользовались у генерал-губернаторов князя Васильчикова и Анненкова, у губернаторов Гене, Брауншвейга и князя Друцкого-Соколинского.

На место Петре городничим был назначен тоже русский, но уже ополяченный, имевший несколько дочерей-невест, более употреблявших польский, чем русский язык.

Городовой врач Тарногродский, горячий польский патриот, женатый на польке патриотке, старался держать свой дом в уровень с самыми аристократичными. Он давал балы и устраивал карточные вечера. Около его красивой брюнетки дочери, с манерами очень развязными, но не лишенными грации, всегда увивались квартировавшие в городе офицеры, и наконец, ей удалось выйти замуж за адъютанта какого-то генерала.

Тарногродский жил хорошо. Больница городская доставляла ему доход. Но главные доходные статьи Тарноградского были: 1) рекрутский прием, доставлявший ему ежегодно тысячи четыре и 2) выдача разрешений для погребения умерших евреев. За каждое такое разрешение он установил плату по полуимпериалу золотом, а с зажиточных евреев брал по три и по пять полуимпериалов.

Евреям эти разрешения стояли поперек горла. Они жаловались, писали анонимные письма, но все напрасно. Наконец евреи придумали ловушку Тарногродскому. Явилась еврейка с воплем поздно ночью к Тарногродскому и, подавая ему полуимпериал, просила разрешения похоронить умершего мужа. Тарногродский выдал разрешение. А через месяц это разрешение было представлено при жалобе губернатору, с пояснением, что Тарногродский за деньги, уплаченные ему врагами жалобщика, сделал распоряжение похоронить его, хотя он никогда не болел и не умирал, и что его жизни теперь грозит опасность, так как враги, на основании разрешения Тарногродского, могут схватить и похоронить живым жалобщика. При этом указывались все злоупотребления Тарногродского. Назначено было расследование, которое замяло все дело, и Тарногродского только перевели в другой город.

Левинские были люди весьма порядочные, гостеприимные, любезные и отличались замечательным тактом. У них не было заносчивости и надутости других чиновных аристократов. Вечера их не отличались роскошью, напротив были очень скромны относительно угощения, но за то у них было все прилично и весело. Две дочери невесты, очень недурные, Камилла и Олимпия, были музыкальные и премилые девушки.

Известно, впрочем, было, что Левинские сильно преданы польскому патриотизму и близки с ксендзами. Кроме собственного дома у них ничего не было. Брат Левинского,

студент-медик Киевского университета, не без задней мысли, познакомился со мною перед моим выездом в Ровно, просил передать брату письмо и просил бывать и доме брата. Из учителей, впрочем, никто не ухаживал за Левинскими девушками потому, что дом этот считался, во-первых, вполне польским, а во вторых, девушки привыкли к такой обстановке, которой учитель не в состоянии им был дать. Камилла вышла замуж за стряпчего, а Олимпия осталась в девушках и в 1863 г. принимала живое участие в патриотических манифестациях, за что и отсидела в Житомире под арестом. Сын Левинского, отличный ученик, окончил гимназию с медалью, а университет со степенью доктора медицины.

Был еще в Ровно один дом, считавшийся аристократичным, дом Циолковского, который основал в городе винную торговлю французскими винами, получаемыми прямо с места их выделки, и при этой торговле открыл буфет.

Дом Циолковского состоял из старого отца Циолковского, из мужа и жены Циолковских, из маленьких детей и сестры Циолковского.

Говорили, что отец Циолковской уже давно отравился. Отец Циолковского, бреясь, перерезал себе горло, а ловкая, статная, красивая жена Циолковского из ревности к мужу, содержащему при буфете свою любовницу, повесилась в сарае и по медицинскому исследованию оказалась беременной. После ее смерти Циолковский закрыл в Ровно винную торговлю и буфет и куда-то уехал. В собственном доме осталась только сестра его Корнелия, принимавшая с Олимпией Левинской участие в манифестациях и вместе с нею высидевшая арест в Житомире.

Циолковский был в эмиграции во Франции вместе со вторым братом Павловой еще с 1831 года. Брат Павловой женился на дочери французского виноторговца, и по возвращении на родину вместе с Циолковским стал торговать винами.

Хотя эта торговля пошла весьма успешно, так как окрестные помещики были охотники до хороших вин и с удовольствием их пили и покупали у польских патриотов, но Павловой и Любомирским не нравилось, что брат торгует. Поэтому вся торговля осталась в руках Циолковского, а брат Павловой взял аренду. Циолковские вели знакомство с окрестными помещиками, а в городе только водились с домами Павловой, Левинским и Степулковским.

Между жителями города еще известен был дом отставного военного доктора Цибульского и секретаря суда Сущевского, всеми силами тянувшиеся к аристократам.

Цибульский жил в гимназии, а немолодая жена его жила в собственном каменном доме и воспитывала в гимназии 2-х сыновей. Оба хорошо учились, старший поступил в университет с золотой медалью, кончил университет доктором медицины. Он в несколько дней лишился жизни от карбункула. Цибульские – поляки, но не патриоты. Они охотно водились с русскими, на вечерах у них всегда присутствовали учителя гимназии.

Мадам Сущевская была красавица, полная, статная и имела дочь, тоже красавицу, лет 14. Учителя у них не бывали, исключая Епифановича. У Сущевской толклись постоянно военные, и она известна была многими любовными похождениями, но связь ее с командиром полка была совершенно бескорыстная. Когда полк перешел в Варшаву, полковник слал ей в ящиках подарки за казенный счет. Часто сам к ней приезжал и часто ее забирал с собою в Варшаву. Хорошенькой дочери мать подавала хороший пример.[...]

У инженера, майора шоссейного, никто из учителей не бывал. На звание учителя он и его семейство смотрели пренебрежительно.

Был еще в городе состоятельный человек поляк доктор Лямпрехт. Он не имел детей и жил вдвоем с молодою еще женою в собственном доме недалеко от аптеки. Лямпрехт был глубокий старик и отличный доктор и акушер. Он лечил богатых помещиков и нажил порядочное состояние. В городе Ровно он поселился на отдых и весьма редко выезжал в окрестности к больным. В городе же лечил почти безвозмездно, и от учителей вознаграждения не принимал, называя их коллегами академиками. Лямпрехт в карты не играл и вечеров не давал. Знакомство вел только с Степулковским и Левинским, хотя на вечерах у них никогда не являлся ни он, ни его жена.

В городе был еще состоятельный человек, глубокий старик казначей Лучинский. У него были дома, сад, большое хозяйство и собственная земля, на которой он производил посев хлеба. Дочерей от первого брака он уже пристроил, а от второго брака у него

был только один сын гимназист. Лучинский дружил только с домом Жуковского, старого сослуживца по житомирской казенной палате, приглашал он к себе на чай, ужины и обеды исключительно одних только учителей. Некоторые из них репетировали с его сыном. Сын кончил гимназию и юридический факультет университета.

Эмерит (Пенсионер) учитель, поляк: Т-вич, содержал на квартире учеников, воспитывал двоих сыновей в гимназии, и раз в год тоже угощал учителей у себя. Он был, страшный патриот, но весьма ловко вел свои дела, так что во время восстания и после к нему не могли придраться. Притом он состоял под особенным покровительством князей Любомирских, помещиков города Ровно.

Элегантным домом считался дом гимназического врача Богуцкого. Этот дом принадлежал к аристократии, но учителя там выпивали и запросто и на вечерах. Богуцкая была изящная маленькая кокетка. Она манила любовников одного за другим, но учитель Иван Васильевич Коленко, здоровый, красивый брюнет надолго подчинил ее своей власти. Когда Богуцкий за участие в революции 1864 г. был выслан административным порядком в Казань, Коленко до его возвращения жил с Богуцкой как с женой, совсем открыто и обдирал ее без совести. У Коленко являлись полуимпериалы и он повел большую игру в штос. Коленко от Богуцкой знал о всех передвижениях и замыслах польских банд и обо всем доносил секретно генерал-губернатору. Он проживал в доме, отлично выучился по-польски говорить и в беседе с панами высказывал полное сочувствие к польской «рухивке». Богуцкая считала его преданнейшим к польскому делу человеком, и была увлечена им и потому перед ним не могло бить никаких тайн.

За доносы Коленко получил 300 руб. пенсии пожизненно верх жалования. Когда же поляки пронюхали о его доносах, перевелся, кажется, в Чернигов, но предварительно женился на старшей и весьма некрасивой дочери. Мадам Линден посредством Туманова […] доставила Коленку в приданое место инспектора в Гродненской гимназии. Затем Коленко был директором Новгород-Сиверской гимназии и за то, что Новгород-Сиверская гимназия по его почину приняла участие в манифестации по случаю смерти Тургенева – лишился места. Впрочем, с назначением и личной и заслуженной по должности директора пенсии и умер еще во цвете лет в минувшем 1884 г.

Богуцкие, вошедшие в заговор готовившегося восстания, боялись, что дом их может в случае неудачи подвергнуться конфискации, и потому продали его разорившемуся помещику Д-свому, который, хотя еще пользовался своим имением, чрезвычайно запутанным, переехал на жительство в город. Этого, кажется, требовало и участие его в политическом заговоре. Дом, он купил на имя жены, и имение тоже было переведено на ее имя, а сам готовился в предводители. Он прежде служил в русской кавалерии и знаком был с военным делом.

За директорской квартирой находился каменный двухэтажный дом промотавшегося помещика Черчицкого, который вместе со своим квартирантом, помещиком Колкевичем вечера круглый год проводили в гостях, играли в карты. Дочь Черчицкого, девушка лет 40, занималась посещением костела и политикою, а за манифестации сидела в тюрьме в Житомире. Черчицкий у себя в доме вечером никогда не делал вечеров, но его везде приглашали как игрока. Колкевич раза два в год приглашал к себе на чай и карты учителей, так как два его сына воспитывались в гимназии.

* * *

Князья Любомирские не сообщались с городской аристократией. У них бывала только Павлова, Туманов с женой (Софьей Павловой), Б-ие, так как Б-ая была дочерью управляющего его имениями Стечинского, уже покойного и Т-ич. Кроме того, приглашался иногда на чай исправник, как лицо нужное.

Имения Любомирских, как говорили, доставляли в год 50000 руб. чистого дохода. Но этой суммы недостаточно было на уплату одних процентов по долгам, заведенным главою семейства князем Казимиром Любомирским. Семейство состояло из вдовы, княгини Любомирской, второй жены покойника отца Казимира, князя Казимира, его супруги и двоих детей: сына и дочери.

Зінаїда Любомирська (Голинська). Малюнок В. Гау. 1844 р.

Вдова была прежде актрисой венского театра. Это была видная еще красивая пожилая дама, отличавшаяся в молодости необыкновенной красотой. Ей назначено было покойным пожизненное содержание, и другие члены семейства относились к ней, как к чужой. Она жила в Ровно, пока не переехали на постоянное жительство в свой дом остальные члены, и затем удалилась в Варшаву.

Князь Казимир был мужчина лет под сорок. Но беспутная жизнь в столицах и заграницей сделала его дряхлым, седым стариком и подвергла страданию позвоночного хребта. Он уже не ног сам ходить, его возили в креслах. Страдания его были так велики, что он не кричал, а просто ревел и рычал от боли, и рев его далеко слышен, был из дому на улицу. В страданиях, продолжавшихся несколько лет, он кончил в Ровно свою жизнь.

Он издерживал десятки в сотни тысяч на актрис и разных кокоток в Вене и Париже и расстроил все свое громадное состояние. Он писал в молодости стихи польские и сам полагал их на музыку. Он славился, как отличный музыкант[1].

Жена его – племянница бывшего генерал-губернатора Гурьева. Отличалась она величественной осанкой и необыкновенной красотой[2]. Она не была богата, но Любомирский Казимир состоял под надзором полиции, желая от него избавиться, он поступил в канцелярию генерал-губернатора, конечно, бывал у него, как магнат, на вечерах и, пораженный красотою племянницы, сделал предложение и сейчас был освобожден от надзора.

Любомирская была православного исповедания, но под давлением фанатической родни мужа и той среды, в которую попала, она перестала посещать церковь, а затем стала исповедоваться у ксендзов. Дети по закону должны были быть православными, но их крестил ксендз. Кто-то из православного духовенства возбудил дело. Поручено было местному протоиерею доносить в консисторию ежегодно об исполнении Любомирской исповеди. Любомирская ежегодно доставляла об этом протоиерею свидетельство какого

[1] Князь К. Любомирський (1813–1871) – представник віденської школи музики на Волині. Його першим учителем був відомий капельмейстер дворового оркестру Любомирських Й. Шмідберг. Активний період творчої та громадської діяльності композитора припадає на 1852–1858 рр., коли він у Варшаві виконував обов'язки віце-президента Товариства допомоги бідним музикантам. У цей період К. Любомирський тримав свій музичний салон, який користувався великою популярністю. Після 1860 р. уже відомий музикант оселився у Рівному, успадкованому ще у 1848 р., ретельно виконує обов'язки попечителя гімназії, часто приїздить у справах до губернського центру – Житомира. Протягом усього життя К. Любомирський займався фортепіанною музикою. Помер у Львові. На початку минулого століття у рівненському костьолі було встановлено епітафію членам родини Любомирських, де поруч із іншими було вибито й ім'я К. Любомирського [34: 208]. К. Любомирський – автор 36 пісень, які були на той час дуже популярні. Серед них найбільший успіх припав на долю пісні «Oj gwiazdeczko, coś błyszczała…» – Див.: Єршов В. О. Духовний світ митця Г. П. Олізара // Українська полоністика. 2005.– № 2.– С. 157–173

[2] Зінаїда (Zenejda, Zinaida) Любомирська народилася 24 вересня 1820 р. Після повстання 1863 р. виїхала за кордон. Проживала в Парижі. В 1880-х рр. повернулася в Рівне. Померла 2 квітня 1893 р. – Див.: Краснолуцкий А. Злая судьба рода Голынских? – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. – С. 76.

Палац князів Любомирських.
Листівка. Початок XX ст.

то сельского священника за подписью всего причта, а сама продолжала исповедоваться с детьми в костеле.

Любомирские вели знакомство только с крупными польскими магнатами, хотя их средства до того истощились, что в лавках часто не хотели евреи отпускать им говядину под расписку. Они оставили огромный старый палац, находившийся на острове среди прудов, и жили в небольшом каменном доме, на Романсовой улице. Палац оставили за невозможностью, по недостатку средств, ремонтировать его, равно как и разрушившиеся два моста, которыми остров соединялся с городом. Этот палац они пожертвовали Министерству народного просвещения на нужды местной гимназии. Гимназическое начальство совсем не ремонтировало палаца, и он более и более разрушался.

В великолепном, большом, расписанном фресками зале устроили гимназическую каплицу (часовню). Странно было смотреть, как на католическое богослужение с потолка зала глядели мифологические нагие боги, богини и амуры.

На первом этаже помещались три учительские семейства и надзиратель Пухальский, да во флигеле еще одно семейство. Пухальский сильно опустошил этот великолепный палац. Он отыскивал 60000 червонцев, которые, по преданию, одной из Любомирских были где то запрятаны. Он разбирал мраморные камины, разбивал стены, срывал паркет, квадрат которого в свое время обошелся каждый в 25 руб. серебром, обрывал бронзовую оковку и пр.

Оранжерея, отличавшаяся огромными апельсиновыми и лимонными деревьями, посаженными в грунт и приносившими массу хороших фруктов, была запущена, оставаясь без садовника, и наконец, деревья эти, да и другие растения вымерзли. Огромный фруктовый сад[1], подле оранжереи, вследствие плохой огорожи, обгрызли еврейские козы, и он совсем уничтожился.

До освобождения крестьян в доме Любомирских продолжала состоять в безделии огромная дворня. Был и дворецкий, и лакеев штук 12-ть, и казачки, и казаки, и охотники, и начальник охоты, и псарня, и придворный живописец, и повара, кучера и форейторы, и много всякой другой челяди. Все это теснилось во флигеле подле дома.

Князь Казимир не имел никаких отношений в гимназии, хотя отец его построил для помещения ее двухэтажное каменное здание, причем и у строителя здания Рыльке

[1] Очевидно, забыто автором записок: сад был очень невелик. (*Прим. ред. КС*).

одновременно вырос двухэтажный каменный дом и большой одноэтажный флигель. Говорят, что потом князю Рыльке поднес к подписи, какую то бумагу, и князь, не зная, что подписывает, скрепил своею подписью дарственную запись Рыльке на место, на котором последний произвел свои постройки. За эти проделки Рыльке потерял место, но он в нем более и не нуждался. Дом его сейчас же был нанять под общие квартиры для гимназии и большая наемная плата совершенно обеспечивала его семейство.

Из городских жителей я помню еще отставного полковника Голтвинского, служившего в полку, которым командовал Пестель. Но Голтвинский в заговоре не участвовал, он был старый холостяк и нигде не бывал. Вел он жизнь весьма скромную, посещая аккуратно богослужения.

Секретарь полиции Венцель имевший собственный дом с садом, и большое семейство, тоже иногда являлся на карточных вечерах у чиновников и позволял себе крупную игру, хотя жалованье получал грошовое.

Жила еще около аптеки вдова, бывшего когда-то в Ровно городничим, Фон-Фридрикс.

У Фридрикс были две красавицы-дочери: одна лет 20, другая 14-ти. Сама Фридрикс еще отлично сохранилась и была весьма красива, но ее безобразила необычайная полнота. Она вела знакомство большое всегда с учительским кружком, рассчитывая, что, может быть, кто-нибудь из учителей женится на одной из ее двух дочерей. Впрочем, она и сама не прочь была повести роман. Степунковский, аптекарь с нею чрезвычайно сдружился и пользовался ее благосклонностью несколько лет, пока не подросла старшая дочь, которая вскоре забеременела от Степунковскаго, человека семейного.

Степунковский, по общей молве, дал лекарство, чтоб выкинуть плод. Но приняв лекарство, она почувствовала тошноту, и через час ее не стало. В это время была холера, и смерть ее мать отнесла к эпидемии. На слухи же об отравлении, приятель Степунковского городничий Петре не обратил никакого внимания. Степунковский снова сошелся с m-me Фридрикс.

Но вот младшей дочери кончилось 15-ть лет, у нее был уже жених, учитель гимназии Суворов. Мать ли сама выдала дочь своему любовнику Степунковскому, или он сам успел, не известно. Только стали говорить, что и этот ребенок уже забеременел. Степунковскому опять услужила холера. 15-тилетний ребенок скончался при тех же симптомах, что и старшая сестра.

Труп долго не разлагался, не смотря на июльскую жару, и бедный Суворов не отходил от мертвой своей невесты в течение трех суток, ожидая, что она оживет. Конечно, он ничего не знал ни о ее беременности, ни об отношении ее к Степунковскому.

M-me Фридрикс получала особую, не в пример другим, пенсию, вполне обеспечивавшую ее содержание. Муж ее служил фельдъегерем и женат был на необыкновенной красавице. Великий князь Константин Павлович увидел ее, и предложил ее мужу место несменяемого городничего в Ровно и 20000 рублей за уступку жены. Вместе с тем обязался, что если Фридрикс женится на другой, то жена и дети ее– сыновья до совершеннолетия, а дочери до выхода замуж будут получать обеспечивающую их пенсию.

Фридрикс уступил великому князю свою жену, им дан был развод, женился на другой, тоже красавице, которая, оставшись вдовою, действительно аккуратно получала обещанную пенсию, не смотря на то, что великого князя давно не было в живых.

Местный ксендз каноник, Мороз, бывал также часто на вечерах у знати. Он в карты не играл, но зато пил немилосердно. Это был старик лет 60-ти, полный, краснощекий и необыкновенного здоровья. Он был, как и все ксендзы, фанатик. Но любил, есть хорошо, пить без меры, повеселиться и пошутить в компании. Он мог трое суток есть, и пить пунш не ложась спать. Только на рассвете, чтобы освежиться, он раздевался донага и, покрывшись плащом, выбегал в сад. Повалявшись в снегу, он вытирался простыней досуха, становился совершенно трезвый и опять начинал пить.

* * *

Скажу еще несколько слов о тяготевшем над православным народом дворянском помещичьем классе, принадлежавшем к чуждой народу католической религии и чуждой народу польской национальности.

У польских помещиков, их крепостной православный народ именовался bydło (скот), а также хамы. До инвентарей, введенных генерал-губернатором Бибиковом, по которым работа на помещика полагалась только в течение трех дней с души, народ работал всю неделю, не исключал и праздников. Свой хлеб обрабатывали более по ночам.

Крепостной человек – это лицо, стоящее вне закона: сечь его можно было сколько угодно, можно было и до смерти засечь, если польский помещик ладил с властями. Жены и дочери крепостных служили похоти панов и панычей. Женщин секли наравне с мужчинами.

Секли крепостных паны и пани, секли их управляющие, секли экономы, секли полицейские и всякие другие власти, секли за преступления и проступки, секли по суду и без всякого суда, секли даже из животной страсти видеть вздрагивания страдающего человеческого тела, видеть брызги и потоки крови.

Вторая жена ровенского предводителя дворянства, женщина молодая, лет 20-ти и весьма нежной, нервной натуры, всем зрелищам предпочитала зрелище наказания молодых мужчин по голому телу до крови. Услужливые экономы ежедневно в течение лета подводили к балкону, на котором сидела после обеда и кушала сласти Заленская по 6-ти парней. Их обнажали и секли. Заленская, просто блаженствовала, глаза разгорались, все ее тело вздрагивало от наслаждения. Наказуемые не чувствовали за собой никакой вины. Они знали, что идут под розги, чтобы доставить удовольствие своей пани. Их просто экономы назначали по очереди. При этом наблюдалось, чтобы очередные были одеты в чистое свежее белье и чтобы на теле у них не было уже следов прежнего наказания.

Польская магнатка Стецкая в Северо-Западном крае воскрешала застенок со всевозможными пытками. Власти обо всем знали, но получая жалованье от Стецкой покрывали ее зверства. Между крепостными она имела любовников. Однажды она проведала, что лакей, ее любимейший фаворит, завязал связи с ее красавицей горничной, девушкой лет 16-ти. Из ревности она взяла горничную в комнату пыток, ставила ее босыми ногами на раскаленную жаровню и т.п. Раскаленными щипцами изуродовала ей детородный уд и наконец, стала нагую сечь от шеи до пяток сзади и спереди. Вся комната обрызгалась кровью, куски вырванного тела валялись на полу. Стоны и просьбы наказуемой затихли – она умерла под розгами. Стецкая призвала тогда повара и приказала ему, под угрозой смерти, из тела засеченной девушки приготовить для провинившегося лакея котлеты, которыми сама накормила его, объявив после кушанья из чего они приготовлены. Лакей бежал в Петербург и подал Николаю Павловичу донос на зверство Стецкой. Назначенный государем из Петербурга следователь раскрыл всю истину. Стецкая посажена была в тюрьму, где вскоре скоропостижно скончалась. Говорили, будто она сама отравилась.

Помещик Луцкого уезда Зенон Чарнецкий из Забороля (Омелянки) по праздничным дням сочинил для себя следующее развлечение. Он приказал выкопать длинный и весьма глубокий и широкий ров, по одну сторону рва устроен был барьер. Ко рву собирали девок и приказывали прыгать через ров. Которая счастливо перепрыгивала – то получала рубль, а которая попадала в ров – получала 25 розог.

После Крымской войны обратили, наконец, внимание на этого сумасброда, и имение его отдали в администрацию. Раз он, весною проезжая через пруд, обломался и тонул. Крепостные спасли его. Зенон того же дня пересек своих спасителей, и поставил около пруда крест (фигуру) с надписью:

Pan (Bóg) pana od śmierci zbawił
Pan Panu krzyż postawi!

Кто–то внизу прибавил:

Nie bojsie panie Zenonie,
Co ma wisieć, nie utonie!

Крепостных и мещан мог сечь, сколько угодно тот, у кого они состояли в услужении – будь это чиновник, шляхтич, или даже жид. Жаловаться было некому.

Евреи-почтосодержатели пороли ямщиков ежедневно. Жиды-корчмари тоже драли своих пахолков (сторожей, рассыльных), которые назначались им из экономии, пороли наймычек, служанок из христиан.

Запрещено было в городах и местечках евреям иметь христианскую прислугу, а между тем не было зажиточного еврейского семейства, у которого ее не было бы христианской прислуги. Эту прислугу колотили сколько влезло собственноручно и часто отправляли на съезжую, где за ничтожное приношение квартальный надзиратель, а иногда и сами десятские, раскладывали еврейскую из христиан прислугу и отсчитывали целые сотни.

По-видимому, паны, жиды и полиция задали себе задачу приготовить спины и задние части простого народа к тем экзекуциям, которые ожидали несчастных в военной службе. Там сечение превосходило всякое вероятие, это было просто умопомрачение.

Нужно удивляться живучести и выносливости русской спины и задницы, выдерживавшей безропотно в течении 25-летней службы почти непрерывные истязания. Нужно было видеть купающихся летом мужчин и женщин крепостных или солдатиков. Ни у кого из первых не оказалось задней части не испещренной всевозможными ударами, царапинами, подтеками и углублениями, а у вторых спины и задние части при тех же иероглифах у некоторых имели такой вид, как будто их расписали сажей.

Фон-Ляуниц, а за ним и другие твердили подчиненным, что можно засечь на смерть 9 солдат, лишь бы десятый достиг совершенства в выправке, маршировке и ружейных приемах.

Я сам помню дело об одном почтосодержателе-еврее в селенье Крапивне, кажется, Липовецкого уезда, который не только до полусмерти, засекал ямщиков, но одного в пьяном виде, немилосердно высекши, в трескучий мороз приказал нагого привязать к столбу, около которого гоняли лошадей и облить водою. Ямщик моментально умер. Началось следствие. Еврею оно обошлось тысячи в три, но ямщик признан был умершим от загоревшегося в нем спирта и удара апоплексии.

Помещик волен был крепостного продать, променять, проиграть в карты, отдать внаем, словом распорядиться им, как домашним животным, как бездушной вещью.

Церковь признавала такой порядок отношений между людьми согласным с вероучением Спасителя Мира, завещавшего миру взаимную любовь, любовь даже к врагам и гонителям, и требовавшего, чтобы больший был слугою всех.

Правда, в Западном крае низшее духовенство, которое само собственноручно немилосердно драло свою прислугу, было враждебно настроено против польских панов и ксендзов, стремившихся всеми путями окатоличить своих православных крестьян. Хотя оно убеждало своих прихожан крепко хранит веру отцов и не поддаваться панам, но все-таки волей неволей они стояли за существующие порядки, и доносило, как жандармы, о всяком неосторожном слове или признании на духу, противоречившем существующему порядку.

Ополячение и окатоличение главным образом совершалось в среде панской дворни, и если местный священник слишком горячо заступался за свою паству, то полиция, оплаченная паном, представляла такого священника высшей власти, как революционера, возбуждающего крепостных против панской власти.

Ходатайство пана у секретаря консистории и членов решало судьбу упрямого попа: если он имел средства и сам дарил консисторию, ему делали выговор и перемещали в другой приход, в противном случае оставляли за штатом или ссылали в монастырь, а иногда даже сажали и в тюрьму.

Во многих селениях существует множество католических дворов, именующих себя шляхтою. Это все совратившаяся из православия панская дворня. В ксендзовках, т.е. селениях и деревнях, принадлежащих католическим приходам, все православные дворы огулом совращены, и в них и теперь нет ни одной православной души. Теперешние жители ксендзовок по большей части действительно польского и католического происхождения, хотя не знают почти ни слова по-польски и говорят только на местном украинском наречии. Это потомки незаконнорожденных детей ксендзов. Многочисленная женская прислуга

на пробоствах часто менялась ксендзами. Возвращались в семью и женщины и девки забеременевшей. Места их занимали другие красивые женщины и девки.

На ксендзовских огородах и в садах все лето работали девки из ксендзовок, и многие из них после работы оказывались беременными. На таких по приказанию и благословению ксендза должны были жениться сыновья более зажиточных крепостных. В случае протеста ксендз сек их розгами в деревне, а в крайнем случае требовал к костелу праздничный день и публично перед народом сек на паперти веревками от костельных колоколов до тех пор, пока не получал согласие жениться на забеременевшей от ксендза девке. С польской революции 1831 г[1]. эти порядки начали проходить. Но было уже поздно. Ксендзовки окатоличились, и жители их стали себя считать польскою шляхтою, хотя продолжали употреблять и употребляют до сих пор свой природный язык.

До революции 1831 года русский чиновник в суде и полиции составлял редкость. Жандармы тоже состояли из поляков. Судья, подсудки избирались панами из своей среды. Так называемый (род прокурора) писарь, секретарь и архивариус назначались правительством из поляков, детей панских оффициалистов. Суд был гласный. При открытых дверях адвокаты защищали дела. Сессии суда назывались каденциями. Русский в этих судах никогда не оказывался правым.

Полиция известна была под названием земского суда. Она состояла из капитан-исправника, раненого капитана или майора в отставке часто полуграмотного, часто даже поляка, из четырех заседателей помещиков, служивших по выборам польского дворянства, подписывавших свои фамилии по подписям карандашом, сделанным на русском языке секретарем суда, из секретаря и столоначальников.

По всем происшествиям следствие производилось в земском суде, для чего виновные вызывались в суд. Иногда же исправник, совместно со стряпчим и одним из заседателей, производил следствие на месте, например – в случаях грабежа, убийства. Следственное дело отправлялось в уездный суд.

Делопроизводство в земском суде производилось исключительно на русском языке, почему секретарь и столоначальник назначался правительством из русских семинаристов. Исправник тоже назначался правительством. В уездном суде письмоводство тоже велось на русском языке, но каденции велись на языке польском.

Как в земском, так и в уездном суде всю суть составляли секретари. Секретарь земского суда вполне управлял уездом.

Исправник производил следствия, разъезжал по помещикам, которые посылали ему целые обозы всякой всячины, водворял повиновение крепостных предержащей панской власти. Кутил с ксендзами, словом – катался, как сыр в масле, а секретарь управлял уездом.

Заседатели почти никогда не являлись в суд. Каждый из них в доме секретаря держал конного стойчика. Такие стойчики каждую ночь по очереди возили в кожаных сумках бумаги заседателям для подписи.

Исправники были всецело в руках панов, так-что, при первых приготовлениях к восстанию 1831 года, когда им случалось проезжать мимо кузниц панских, на которых открыто приготовлялись пики и оттачивались палаши, и когда ямщики, указывая на это, предупреждали их, что паны готовятся бунтовать против царя, то они запрещали ямщикам выдумывать небылицы и болтать вздор, грозя за клевету наказанием. Крестьян же, которые доносили об этом, секли нещадно за распространение тревожных слухов.

Несмотря на сплошное русское и православное население Юго-Западного края, несмотря на массу в нем православного духовенства и православных церквей и относительно ничтожную в нем горсть поляков панов и их оффициалистов, а также ксендзов,– сведения об этом крае петербургского правительства были столь не точны, что край этот признавался в Петербурге вполне польским и католическим.

---

[1] Листопадове повстання (29 листопада 1830 - жовтень 1831 рр) - польське національно-визвольне повстання, яке охопило території Царства Польського, частину Литви, Білорусі, Правобережну Україну, тобто землі колишньої Речі Посполитої, що відійшли після її поділів до Російської імперії.

Такой взгляд не вполне исчез и до революции 1863 года. Лучшим доказательством служит то, что русские, занявшие после 1831 года место в учебных заведениях этого края, с переводом Бибикова министром внутренних дел и назначением в Киев князя Васильчикова генерал-губернатором, снова стали заменяться поляками. Так что в Ровенской гимназии перед 1864 годом, кроме капеллана, в педагогическом совете гимназии числилось шесть поляков католиков и шесть протестантов учителей.

Вследствие представлений Туманова в Ровенскую гимназию проникло немалое число учителей из поляков: учитель польского языка, учитель математики Скольский, учитель французского языка Вронский, учитель польской литературы Гродецкий, учитель чистописания и рисования Глинский, учитель естественных наук Тушецкий. И эти учителя, с согласия Туманова, завели порядок при начале и окончании уроков читать с коленопреклонением молитву на польском языке, которая до сих пор читалась по-русски. Православных учеников насмешками и притеснениями заставляли тоже преклонять колени.

К началу манифестации Ровенская гимназия приняла характер совсем польского учебного заведения.

Русский элемент совсем ослабел в педагогическом совете. Директор и поляки составляли решающее большинство, так как протестанты оставались нейтральными и всегда голосовали с большинством.

Протестантов было тоже довольно: французского языка учитель швейцарец Лемп, немецкого языка Дихеус и Фанц, математики Гвайт и Венерт и латинского языка Ределин.

Русские учителя были только следующие: 1) законоучитель протоиерей Клюковский, 2) русской словесности Солтановский, 3) русского языка Иван Коленко, 4) истории Трофимов, 5) учитель математики Иван Суворов, 6) законоведения Невгодов.

Преподавание географии разделено было между наличными учителями русскими и поляками.

* * *

Я сказал уже, что полиция, даже из русских, смотрела сквозь пальцы на приготовления поляков. Предполагалось до вооруженного восстания производить манифестации, а для этого пригоднее всего были женщины и дети, с которыми, не роняя себя в глазах Европы, правительство не могло обойтись серьезно, как с полноправными гражданами. Манифестации были необходимы для возбуждения внимания Европы, для запугивания правительства и для возбуждения в поляках патриотического духа.

Не знаю, что делала вначале демократическая польская партия, да и делала ли она что-нибудь, но, сколько я мог заметить, в Ровно вначале вся интрига сосредотачивалась в руках магнатов и духовенства, и из их среды исходили все распоряжения. Может быть, и демократы были посвящены в интригу, но по предначертанному аристократией плану, время употребить в дело демократию еще не приспело. Ввиду всего этого обращено было особенное внимание на учебные заведения.

Начали определять по интригам и рекомендациям панов в начальники заведений лиц, хотя и русского происхождения, но или ополячившихся, или ради корысти отдавших себя вполне в руки панов.

Русские учителя стали переводиться за Днепр, а их места занимали или поляки, или другие иноверцы. Даже стариков-капелланов, на энергию и способности которых мало было расчета, заменяли ксендзами, исключительно подготовленными в последнее время к интриге, молодыми, изящными, ловкими, умевшими пускать пыль в глаза даже русским патриотам. Капеллан Ровенской гимназии, преподававший в ней десятки лет, получил приход. Он был обременен семьей племянников и племянниц, жил весьма скромно, привык в прежнее время всего остерегаться, о политике боялся проронить лишнее слово, словом – отвык от интриги, и не был в состоянии рисковать собою и семьей. Его место занял племянник епископа – ксендз Тваровский, молодой элегантный, энергический ксендз. Для него вдруг возникла на гимназическом дворе каплица, при содействии, разумеется, Туманова.

При его же содействии, в гимназии стали водворяться на учительских местах один за другим поляки. Под видом уроков молодой княжне, они стали посещать князя Любомирского, где познакомились со всеми окрестными польскими магнатами.

Потребовалось иметь удобное место для заготовления фуража, амуниции и оружия для повстанцев. И вот, Туманов, секретно, никому не говоря ни слова, начинает ходатайствовать о возвращении из учебного ведомства обратно Любомирским старого палаца, в котором имело несколько учительских семейств даровые квартиры. Ходатайство он подкрепляет указанием на то, что через год или два палац обратится в груду мусора. Что из него нельзя сделать никакого употребления, что в нем никто не живет, что он никогда не ремонтировался за неимением средств. Что теперь и невозможно ни за какие суммы его ремонтировать, разве на его месте возводить новое здание, в котором гимназия не имеет никакой нужды, и что напрасно уплачиваются из гимназических средств деньги сторожу.

Сторожа, впрочем, никогда не было, а учителя сами ремонтировали за свой счет свои квартиры. Попортилась в здании главным образом только крыша, и в необитаемых залах потолки от течи. Все это легко было за небольшие деньги привести в порядок. Здание же отличалось вековой прочностью и стоило сотни тысяч.

Для Любомирских, представлял Туманов, оно имеет громадное значение, как исторический родовой памятник, и они не откажутся принять его обратно. Любомирские со своей стороны стали ходатайствовать. Здание разрешено отдать Любомирским[1].

Любомирский предложил семейным учителям зимою в три дня очистить здание, а после трех дней прислал псарню с псарями и шумом, трубами и лаем собак приказал выжить учителей поскорее.

Учителя были в затруднительном положении. Осенью на свой счет они ремонтировали свои квартиры, поиздержались, а теперь вдруг, не имея денег, в холод, когда все квартиры в городе уже заняты, им пришлось в три дорога платить за самые мизерные помещения на окраинах города, далеко от гимназии.

Учитель Солтановский[2] все это разъяснил в письме к попечителю Пирогову. Письмо он писал недаром. Пирогов приказал из экономической суммы отпустить Солтановскому 150 руб.

Уступленный Любомирским их старый палац ценен был для них не как исторический памятник их рода, а как место, уединенное на острове, куда прямо через пруд ночью с поля можно было переправлять повстанские принадлежности. Хранить их тоже было удобно в обширных подземельях палаца.

Крупные помещики хватались за малейший случай, чтобы собраться вместе, не возбуждая внимания своих крестьян, и потолковать о готовящемся деле. Свадьбы, похороны, особенно охоты и карнавальные балы собирали воедино панов не только Юго-Западного края, но и Северо-Западного. Являлись даже магнаты из Царства Польского и Галиции. Съезды продолжались иногда по две и три недели. Полиция ничего не видела или не хотела видеть.

Проезд артиста скрипача Контского через Житомир и Ровно в Варшаву, где готовилось открытие основанной им консерватории, собрал массу магнатов в Ровно. Они жили в Ровно около месяца и ежедневно собирались по вечерам у князя Любомирского.

В здании гимназии Контский дал три концерта в течение двух недель. Четвертый концерт он играл бесплатно для учителей и учеников гимназии. На этом концерте присутствовало всего десятка два магнатов, исключительно меломанов.

Съезд панов заключился в гимназическом зале лотерею-аллегри и балом. Ничтожные выигранные вещицы опять разыгрывалась аукционным способом и за каждую платили

---

[1] По этому поводу мы считаем нужным напомнить читателю наше замечание, которое было помещено еще ранее, а именно: автор записок всюду готов видеть результаты польской интриги, а потому многие из сообщаемых им фактов требуют большой проверки. (*Прим. ред. КС*).

[2] Очевидно, записки писаны с интервалами, т.к. вначале они ведутся от лица автора, а затем он говорит о себе в третьем лице. (*Прим. ред. КС*).

бешеные деньги. Аукцион производили дамы и девицы. Для какой цели собирались деньги – не известно. Туманов из кожи лез, что бы продать более билетов.

Вскоре стали ходить слухи, будто то в том, то в другом месте крестьяне оказывают неповиновение панам, это были простые недоразумения, с умыслом вызываемые панами. Недоразумения эти, при содействии полиции, принимали в глазах правительства вид бунтов. Посылались военные команды и производились беспощадные сечения. Панам этого только и нужно было. Они рассчитывали, что обижаемые, истязуемые крестьяне возненавидят мучителей своих – правительство, и что их легко будет склонить к поддержке повстания.

Выдумали в то же время какую-то хлопоманию. Молодежь стала наряжаться в мужицкие костюмы. Делали это большею частью поляки, особенно киевские студенты, но в то же время распускали слухи, что хлопоманы – малороссы, и их агенты мутят против панов крестьян, мечтая о самостоятельном существовании Малороссии.

Пани и паненки в то же время пытались по деревням и селеньям основывать школки, в которых сами обучали детей на польском языке. В школу обязательно должны были дворовые люди посылать своих детей. Другие же дети привлекались подарками. Евреи по накладным на соду и другие аптечные принадлежности провозили в указанные места партии боевого пороха. Они же провозили свинец, оружие и даже небольшие пушки.

С давних времен, еще от первого восстания, у панов осталось много чугунных пушек и маленьких медных орудий, из которых стреляли во время пиршеств, так называемых виватовых. Все это разыскивалось, выкапывалось иногда из земли, где лежало с 1831 года, и приводилось в порядок. Все это делалось таинственно по ночам, чтобы не подсмотрели хлопы. Кто готовился к деятельному участию в восстании, тот переводил законным порядком свое недвижимое имение на свою жену или родственников. Словом, везде работа, везде были приготовления к восстанию.

Между поляками-учителями выдающуюся роль играл учитель польского языка и литературы, человек молодой и энергичный, но не возбуждавший никакой симпатии. Он действовал весьма резко, уповая на князя Любомирского и его делегата в гимназии, директора Туманова. С разрешения последнего, он учредил в своей квартире литературные вечера для учеников трех высших классов. Вечера эти происходили ежедневно и обратились в настоящую политическую сходку. Вечерами руководил этот учитель, а также капеллан Тваровский.

Другие поляки-учителя на них не являлись. На вечерах прочитывались запрещенные сочинения, пелись патриотические гимны. Сообщались политические новости, и наконец, из более энергических и толковых учеников, учреждено было общество для производства манифестаций, битья окон, срывания русских гербов и проч., а также установлена была своя полиция, долженствовавшая следить за всеми учениками и учителями гимназии и распоряжаться во время манифестаций. Другая часть этой полиции должна была следить за всеми городскими жителями и собирать в польских домах и костеле «офиару» на восстание.

Наконец, разнесся слух, что на одном из вечеров все эти лица принесли присягу: клялись крестом и мечем положить все свои способности и жизнь на алтарь отечества и до тех пор не переставать, пока оно не освободится от власти москаля.

Клялись слепо повиноваться велениям своего «ржонда» и, если нужно будет, отравлять и убивать всякого, кого ржонд приговорит к смерти. В случае неповиновения или измены, они обрекали себя отлучению от католической церкви, вечному проклятию и смерти, достойной изменника. Присягу каждый приносил с веревкой на шее, в знак того, что нарушением присяги обрекает себя на смерть через веревку.

Такие же вечера, только не литературные, а карточные, почти ежедневно имели место в одном частном доме. Туда собирались поляки-чиновники и вся окрестная польская шляхта.

Рядом с зажиточным помещиком, на этих вечерах являлись управляющие, экономы, кассиры и всякие помещичьи писари и даже охотники.

Таким образом, имелось в Ровно три политических центра. Один – для высшей знати, другой – для чиновников и шляхты, третий у учителя польского языка и литературы – для юношества. Дамы группировались отдельно, они приготовляли корпию, знамена и расшивали украшениями конфедератки для вождей банды. Собирались пожертвования по домам под разными предлогами, а в праздники в костелах. Жертвовались не только деньги, но и дорогие женские украшения. Кроме того, дамы по частям взялись вышить для гимназической каплицы огромнейший ковер, который должен был украсить каплицу в день первой победы над москалем. С русскими поляки продолжали любезничать, но устранялись от посещения русских и у себя их не принимали.

Один пан около Ровно, забыл я его фамилию, холостяк лет 60-ти и довольно богатый, устроил из своих крепостных девок оркестр и певческий хор. Девки все были на подбор – статные, свежие, красивые от 14 до 20 лет. Одевались они всегда в мужской костюм, весьма красивый, придуманный паном. Музыкантши носили коричневый костюм с золотыми галунами, а певцы голубой с серебряными галунами. Они жили в особых флигелях в саду, который был обнесен высокой оградой.

При посвящении католической каплицы в 1861 г[1]., построенной на гимназическом дворе, присутствовал этот пан со своим оркестром и хором. Каплица строилась на добровольные пожертвования панов. Сборами пожертвований занималась: княжна Любомирская, Павлова, гимназический капеллан Тваровский и жена директора гимназии Софья Туманова, дочь Павловой. Туманов же исходатайствовал у генерал-губернатора Васильчикова разрешение построить каплицу на гимназическом дворе, под тем предлогом, что ученикам далеко ходить в дурную погоду в городскую каплицу, лежавшую на католическом кладбище в предместье «Воли».

Это отчасти была правда. Огромный городской каменный костел совсем уже разрушался и отправлять в нем богослужение было запрещено. В подвале этого костела находился родовой склеп князей Любомирских. Их набальзамированные трупы, одетые в богатые кунтуши, весьма хорошо сохранились. Органист за небольшое вознаграждение охотно показывал их любопытным.

Поляки воспользовались гимназической каплицей в 1862 и 1863 г., чтобы совершать в ней манифестации, петь запрещенные гимны, и в погребе некоторое время хранили порох и разное оружие для повстанцев.

Для сформирования нерусского большинства в педагогическом совете начались частые перемещения учителей. Одни выбывали, другие прибывали и затем опять выбывали. Вместо немцев, правда не в меру пивших, плохо обучавших и служивших потехою для учеников, стали появляться немцы трезвые, строгие к ученикам, не позволявшие с собою шуток, но успехи у них тоже оказывались посредственными. Первые были совершенно преданы правительству, хотя преданность эта проявлялась иногда бестактно, дружелюбно относились к русским и ко всему русскому. Последние считали себя наемниками русского правительства, считали его неразумным, деспотическим, презирали русских и все русское считали варварским, сочувствовали стремлению поляков сбросить с себя московские оковы.

Один из этих прежних немцев, Баландин кутил иногда продолжительное время, кутил до чертиков, валялся пьяным по рвам, или в одном белье, в трескучий мороз и вьюгу пробирался домой из загородных шинков.

Это был добряк и хороший товарищ. Ученики его любили, но позволяли себе с ним всевозможные штуки, и каждый день измышляли над ним какие-нибудь пакости. Он, будучи надзирателем в общих квартирах, требовал, чтобы ученики, по первому колокольчику в 5 часов утра, поднимались с постелей, для чего в общей спальне против своей кровати приказал поставить шкаф с часами. Часы отличались громким боем. Бой часов поднимал его, а он учеников.

Ученики подобрали ключ к шкафу, и один из них прятался в шкаф до прихода Баландина в спальню. Едва Баландин засыпал и начинал храпеть, как часы били пять. Он вска-

[1] Построена она значительно раньше, в [18]56- [18]57 г. (*Прим. ред. КС*).

кивал, поднимал учеников, но затем, удостоверившись, что стрелка показывает не пять, а одиннадцать, опять ложился, а ученики уверяли его, что ему приснился бой пяти часов.

Каждую ночь эта шутка повторялась по несколько раз. Баландин, при своей полноте, просто изнемогал от частого перерыва сна. Шалуны торжествовали, уверяя его, что он своими галлюцинациями их замучит. Наконец достигли того, что Баландин и тогда не поднимался с кровати, когда действительно било пять часов, и ждал прихода лакея с колокольчиком.

Иногда тушили ночник в общей спальне и в коридоре, протягивали между кроватями веревки, а в противоположном от кровати Баландина конце раздавался раздирающий душу крик: «Господин учитель, спасите! Меня душат!»

Спросонок Баландин бросался на крик и падал, делал скачок далее – и опять падал. Между тем в спальне поднимался страшный шум от летавших во все стороны подушек. Наконец подушками заваливали Баландина. Он сам начинал звать на помощь и требовать огня.

Пока лакей, бывший в заговоре с учениками, являлся с огнем, ученики успевали разобрать подушки, улечься и притворялись спящими. Баландин начинал браниться, обзывая учеников мятежниками, повстанцами. Они протестовали, что он не дает им спать, мучимый галлюцинациями.

После ужина и молитвы на первом этаже, ученики отправлялись на второй этаж в спальню, а Баландин заходил в надзирательскую комнату на первом этаже – покурить. Однажды он слышит на втором этаже раздирающие душу крики: «Пожар! Горим! Кто в Бога верует, спасайте!»

Не помня себя, Баландин взбегает на второй этаж и видит, что входная в спальню дверь вся в огне, а в спальне крики о спасении. Баландин вперёд и со всего бегу, зацепившись за протянутую поперек коридора веревку, растягивается во всю длину, поднимается, скачок вперед – и опять растягивается. И так почти через весь коридор. Вдруг пламя исчезает моментально, затихают вопли, и настает темнота и тишина.

На крик Баландина являются лакеи, приносят огонь. Дверь оказывается в порядке, все ученики спят на своих кроватях, только воняет немного дымом. Ученики старались уверить его, что это одна из его галлюцинаций, а дым был слышен от потухших ночников.

Однажды Баландин в праздничный день повел учеников на прогулку за город. Вечер случился великолепный, и ученики упрашивали Баландина подолее погулять. Когда совсем стемнело, все отделение прошло прямо с прогулки в столовую, а затем помолившись, в спальню. Баландин был при учениках безотлучно.

Когда все улеглись, он опустился вниз в свою комнату покурить. Комнату он запирал на ключ, который хранился у него в кармане. Вынув теперь ключ из кармана и, отперши комнату, он смело шагнул в темноте вперед. Но вдруг. О ужас! Он наткнулся на какую-то живую, мохнатую громадину, лизнувшую его по лицу. Баландин заревел не своим голосом и с перепугу почти без чувств упал на землю.

Оказалось, что во время прогулки, когда стемнело, несколько шалунов отлучились в общую квартиру, поймали издыхавшую старую, престарую клячу Черчицкого, которая и день, и ночь, зимою и летом, сама промышляла себе корм на берегу пруда, и, при помощи подобранного ключа отперши дверь, поместили ее в надзирательскую комнату, а сами благополучно присоединились к гуляющим. Ученики старались уверить Баландина, что это черт обратился в клячу Черчицкого, так как живая кляча никак не могла пробраться в запертую комнату, жаль, что найденную клячу выпустили, нужно было окропить ее святою водою, и нет сомнения, что она обратилась бы в кусочек смолы. После этой истории Баландин отказался от надзирательства.

Из вновь присланных немцев отмечу раньше всего Дихеуса. Его считали все странным, полоумным, почти сумасшедшим, но в сущности, это был высокообразованный человек и истинный христианин. Он служил в Киеве в Подольском училище.

Во время холеры какой-то мальчик мгновенно заболел на улице. Все от него бежали. Проходивший Дихеус, взвалив его себе на плечи, пронес к себе на квартиру и оказал ему первое медицинское пособие. Затем привел доктора, день и ночь возился с больным,

Рівненське реальне училище.
Фото. Початок XX ст.

растирая его и поя лекарствами, и таким образом спас его от смерти, рискуя заразиться от него. Мальчик был из бедного класса. Дихеус не только на свой счет его лечил, но, когда мальчик выздоровел, одел его в новое белье и платье и дал ему на улучшение пищи последних несколько рублей.

В Ровно жила старушка Адлер, швейцарка. Она была прежде гувернанткой, но от старости потеряла зрение, жила в какой-то коморке, питаясь подаянием.

Дихеус, разыскав ее, кормил и одевал на свой счет и, когда она заболела тифом, по целым ночам ее караулил. После смерти похоронил ее на свой счет.

Он сам лето и зиму ходил в одной и той же одежде, потертом вицмундире и таком же пальтишке. Питался, чем Бог посылал: иногда хлеб, соль и редька составили всю его пищу. Только изредка он разрешал себе лакомиться кофе и тарелкой супу.

Желая небольшими средствами своими помогать бедным, он поселился в сарайчике, в холодной без печки коморке, у бедной вдовы Лавровской, содержавшей на квартире учеников.

Желая к ней привлечь по более учеников на квартиру, он безвозмездно занимался с ними репетициями и сверх того учил малолетних детей вдовы. Вдова эта была полька. Но для Дихеуса все люди были равны. Да, это был истинный христианин, какого мне не случалось более встречать во всю мою жизнь ни между мирянами, ни между духовенством.

Другой немец Ределин знал отлично древние языки и был суров и строг с учениками. Они его сильно боялись. Отличительной чертой его характера было то, что он не верил ни во что сверхъестественное, но нашлась бедная вдова полька, крепко на некоторое время поколебавшая его неверие.

Он поселился в двух больших комнатах на втором этаже старого палаца. Ход был из бокового крытого подъезда по витой лестнице в его переднюю. В комнатке около лестницы внизу жила бедная молодая вдова-полька, которая пекла вкусные пироги с мясом, продавала их гимназистам и на барыши содержала и себя, и детей. Квартиру ей дали даром. Из ее кухни часто угар поднимался по лестнице вверх. Ределину это не понравилось, и он приказал вдове убираться с детьми вон.

У Ределина служил лакеем мальчуган-католик лет 15-ти. Он у себя над кроватью навешал в передней массу изображений святых. Барину это не понравилось, и он приказал мальчику убрать картины вон, а когда последний не исполнил его приказания, изорвал в кусочки все эти изображения. Мальчик пожаловался вдове. Ловкая женщина задумала наказать Ределина и за себя, и за его неверие.

У учителя рисования, жившего в том же палаце на первом этаже, был ученик лет 20-ти, который приволакивался за молодою вдовою. Они-то втроем – вдова, мальчик Ределина и ученик – сыграли злую шутку с Ределиным, чуть не вогнавшую его в болезнь и сделавшую его предметом насмешек, так что он поторопился поскорее убраться из Ровно.

Однажды Ределин, ночью возвратившись домой и, взобравшись по винтовой лестнице на второй этаж, стучит в дверь передней и зовет мальчика. Последний окликает его и отвечает, что барин давно воротился домой, и он никого более ночью не впустит в квартиру. Ределин бесится, кричит, стучит, грозит, что завтра же прогонит мальчика и изобьет его до смерти. Мальчик отвечает, что он пойдет и разбудит барина: «Пусть барин делает, как знает» –прибавляет он.

Ределин слышит, что мальчик с огнем отправляется в его комнаты, слышит, как он торопливо возвращается назад, торопливо отворяет двери и с криком: «Ах, барин, несчастье!» – падает на землю в обмороке. Ределин не понимает в чем дело, вспрыскивает мальчика водой, толкает, уговаривает не пугаться, всмотреться, что это он, его барин.

Мальчик приходит в себя и, боязливо озираясь, рассказывает: «Что часа два назад он услышал стук в дверь и затем голос барина: «Отворяй! Это я!»

Зажегши свечу, он отпер. Барин вошел, выпил стакан воды, переоделся в халат, с полчаса гулял по комнатам, затем приказал снять с себя сапоги, лег в кровать, закурил сигару и отослал его спать. А теперь, вы, барин, не выходивши, опять стучитесь и приказываете отворить! Я побежал в спальню, в полной уверенности, что вы спите, с целью разбудить вас и доложить, что кто-то ломится в дверь и вашим голосом, называя себя барином, приказывает отворить. Я вас в кровати не нашел. Постель была смята, книга раскрыта, свеча подле кровати. Я страшно испугался, я не мог понять, как вы вышли, и кто за вами запер дверь».

Ределин выбранил мальчика за глупый его рассказ, сказав, что ему приснилось возвращение барина, и что он дурак сам измял ему кровать и возился с его книгою. Ночь прошла благополучно. Но рассказ мальчика произвел на Ределина впечатление, хотя он не верил в существование каких-нибудь духов. Ределин более для успокоения мальчика решился следующий вечер провести дома.

Часов в 12 ночи, когда Ределин готовился уже тушить свечу, вскакивает в спальную бледный, испуганный мальчик с криком: «Ой, барин! Вы опять ломитесь в двери и приказываете отворить».

Ределин вскакивает, бежит в переднюю и слышит грубый, мужской голос, с немецким выговором, повторяющий слово в слово приказания, какими Ределин имел обыкновение будить и поднимать на ноги мальчика.

«Что же ты, болван, не узнал меня, своего барина! – кричит голос.– Отворяй сей же час, а то завтра я тебя выгоню вон и исколочу на мясо!»

Ределин крикнул, что он сам дома, и никого незнакомого в квартиру свою ночью не пустит, а если силою будет ломаться, то он, Ределин выстрелит в него из пистолета. А пистолета то у Ределина не было никакого. После этой угрозы все затихло, и он слышал, как очень тяжелые шаги опускались вниз по лестнице. Ределин не ложился всю ночь, боясь какого-нибудь нападения и полагая, что это непременно вор.

На другой-же день у полкового командира Ределин занял пистолет. Когда на следующую ночь повторилась та же история, Ределин приказал мальчику быстро отворить дверь и осветить выход и лестницу. Выскочив сам с пистолетом, но никого не замечая на лестнице, которая оканчивалась в открытом люке чердака, для острастки выстрелил на воздух. Все затихло.

Ределин, в полной уверенности, что после выстрела его уже никто не осмелится беспокоить, разделся, лег в кровать и принялся читать книгу. Вдруг он слышит тихие,

тяжелые шаги в своей спальне, медленно приближающиеся к его кровати. Думая, что это мальчик бродит в гостиной, он быстро соскочил с кровати, бросился в гостиную – никого нет, бросился в переднюю – мальчик храпит на постели. У Ределина прошла дрожь за спиною и волоса стали дыбом. Ему сделалось страшно, но он стыдился разбудить мальчика.

Он опять лег, положил около себя пистолет, закурил сигару и, путаясь в объяснении естественным путем этого явления, стал невольно чутко прислушиваться. Опять кто-то заходил по комнате, то приближаясь к его кровати, то уходя от нее в угол.

Так продолжалось около получаса. Вдруг, стенные часы стали звонить двенадцать. Ределин лежал, ни жив, ни мертв. Часы затихли, и вдруг, среди спальной комнаты раздался выстрел. Не помня себя от испуга, Ределин выскочил в переднюю, разбудил своего мальчика и приказал ему лечь в спальне. Сам оделся и с пистолетом в руках шагал по комнате, ломая голову над этим сверхъестественным явлением.

Так как лестница его была с задней стороны палаца и с этой стороны никто не жил, то, желая иметь к себе поближе живых людей, Ределин на другой день объявил вдове, что его намерения теперь изменились, и она может оставаться в своей квартире сколько угодно. Ределин начинал невольно верить в существование духов, но ему стыдно было в этом сознаться перед другими.

Следующие ночи сопровождались такими же явлениями. Мальчик спал в спальне, и, когда раздавался выстрел, вскакивал, спрашивая барина, в кого он выстрелил. Ределин отвечал, что он пробует пистолет.

Бессонные ночи, угнетенное состояние духа, борьба с самим собою сделали то, что Ределин обратился в скелет, глаза налились кровью, его постоянно била лихорадка. Ему казалось, что он сходит с ума. Не может быть, что бы все это было в действительности. Это во мне происходит, что-то нехорошее. Это не более, как галлюцинации больного организма. И он действительно был болен и мог бы серьезно заболеть, но не выдержал к своему счастью и во всем признался сослуживцам.

На следующую ночь три сослуживца вызвались ночевать у него. Они удостоверились в действительности всего рассказанного Ределиным: были слышны и шаги, раздался и выстрел.

Ределин рассказал все это полковнику Лобанову-Ростовскому. Последний вызвался сам ночевать у него. При нем повторилось все то же. Лобанов не поверил участию в этих проделках духов и на следующую ночь привел с собою 24 человека солдат, поставил караул на лестнице, в больших парадных сенях, на чердаке и наконец, вокруг палаца. Ночь прошла спокойно. В течение нескольких ночей караулили солдаты, и никаких явлений не было.

После снятия караулов Ределина уже более не беспокоили духи, но ему сделалась противною квартира и самый город Ровно. Он выхлопотал себе перевод в Киев.

После отъезда Ределина, вдова созналась, что все это были ее проделки совместно с учениками. Зал, в котором временно помещался католический костел, прилегал к спальне Ределина. Вдова мыла костельное белье и потому у нее хранились ключи от зала. Ночью ученик пробирался в зал и до 12 часов мерно там под стеною спальни Ределина расхаживал, а в двенадцать часов производил выстрел из ружья в дымовой канал, проходивший в той стене. Эхо переносило эти звуки в комнату Ределина. То же эхо пугало и на лестнице. Тут сама вдова на первой ступеньке внизу лестницы стучала ногами на месте, а эхо эти звуки переносило так, что казалось – кто-то шагает по лестнице. В то же время ученик из люка, бывшего в его комнате, пробирался чердаком к дверям Ределина, стучал там и, подражая его голосу, приказывал открыть дверь.

* * *

Ко времени предстоящих политических манифестаций определен заведующим провиантским ровенским магазином интендантский чиновник, поляк К-ский. У него была немолодая жена и две взрослые падчерицы, бледные брюнетки. Они по приезде своем, сейчас стали являться в костеле и на улицах в черных шерстяных платьях с плерезами. Сначала на это никто не обращал внимания, думали, что это траур по ком-нибудь из родных. Но вот и месяца не прошло со дня их прибытия, как все польки всех званий и по-

ложений облеклись в более или менее глубокий траур. Разумеется, жены чиновников подали пример. Разнеслись глухие вести о варшавских манифестациях, о манифестациях во всем царстве польском и северо-западном крае. Молодежь стала появляться в штыфлях (походные ботфорты), чемерках и даже в конфедератках. Появились подметные, угрожающие письма, обещавшие пожары. По ночам стали исчезать с фронтонов и казенных зданий государственные гербы.

Явилась партия странствующих музыкантов, и кто то распорядился, чтобы они попеременно на окраинах города, то в одной стороне, то в другой, играли всю ночь, а играли они запрещенный марш Кошута и «Jeszcze Polska nie zginęła».

На следующий день музыкантов в городе не оказалось. Ученики высших классов совсем перестали учиться и по вечерам собирались в квартирах гимназического капеллана и учителя польского языка и литературы.

Исправник Гоц ругался, плевался, но не принимал никаких мер. Не знаю, доносил ли он начальству о всех этих выходках. Слухи носились, что поляки запасаются порохом, свинцом и оружием, что жиды все это доставляют им через австрийскую границу и из Одессы. Жиды вдруг стали на польскую сторону, стали звать себя поляками Мойсеева закона.

«России теперь несдобровать – говорили они.– В Крымскую войну ее побили, а теперь будет и совсем конец москалю. Сам Наполеон со всею Европою, и англичанином, и австрияком, идет на помощь полякам, он хочет восстановить крулевство».

Явились среди евреев массы фальшивых (и русских и польских) денег. Правительство, казалось, на все это смотрело сквозь пальцы.

Поляки становились все смелее и смелее. У чиновников-поляков, особенно акцизных, явился на рукавах траур.

Наш гимназический капеллан был замечательная личность. Он был очень высокого роста, сухой, костлявый. Лицо в морщинах, цвета желтой юфти. Пальцы на руках необыкновенно длинные, костлявые. Глаза вечно были опущены, но когда он их поднимал, в них светился какой-то особенный огонек. Ходил он как-то нервно, как человек пьяный, и вообще вся фигура его заставляла предполагать, что это подвыпивший человек. Но это предположение было ошибочно. Первый раз я встретил его у инвалидного начальника на первый день Светлого Воскресения. Он сидел за столом против хозяйки и молчал, опустив глаза и покачиваясь. Я заподозрил, что он крепко уже подвыпил.

Хозяйка стала меня расспрашивать о здоровье моего двухлетнего сына Владимира, больного лихорадкой. Его замучила лихорадка до такой степени, что он оставался постоянно в полусонном состоянии, не принимал пищи, не мог удерживать на шее головы, когда его поднимали, и совсем высох, как скелет. Доктора назначили ему жить не более трех-четырех суток. Все это я рассказал в ответ на вопрос хозяйки.

Капеллан вдруг обратился к ней, прося дать ему веревочку вроде такой, какою обвязывают сахарные головы. Хозяйка недоумевала, на что вдруг потребовалась веревка, но, конечно, сейчас-же приказала подать. Тут я по голосу решил, что этот господин не пьян, но что он ужасно странный. Он стал мять веревку в руках под столом и по-прежнему молчал. Когда стали прощаться, простился и он, и мы вместе вышли на улицу. «Где ваша квартира? – спросил он,– Я желаю видеть вашего ребенка, я помогу ему».

Дорогою он все мял в руках веревку. Мы шли молча. Когда вынесли показать ему ребенка, он долго в него всматривался, после повесил ему на шею принесенную веревку и сказал, чтобы ее до тех пор не снимал, пока мальчика не бросит совсем лихорадка.

«Ручаюсь,– сказал он,– что у него не будет больше ни одного пароксизма. В течение трех дней у него будет небольшой озноб, и посинеют ногти на руках, и только, но он вдруг оправится. Сегодня у него появится аппетит, но на первых порах не давайте сразу много пищи: лучше давайте чаще, понемногу. Пищу давать сначала удобоваримую, после давать все без разбора, к чему привык уже его желудок. Он уже никогда в жизни не будет иметь лихорадки. Могут случаться другие болезни, но лихорадки он никогда не будет иметь!»

Мы поблагодарили его за его доброжелательную услугу, но не поверили в целебность мятой им веревки. Однако ж, все сказанное им сбылось в точности.

После трех суток мальчик, приговоренный докторами к смерти, совсем оправился, повеселел, стал кушать с большим аппетитом и бегать по комнате. Он подвергался в своей жизни разным детским болезням, перенес сильнейший брюшной тиф, дизентерию, но никогда уже не страдал лихорадкой, даже тогда, когда служба занесла его в местность, где лихорадки весною и осенью составляют обыкновенное явление, отличаются иногда упорством, а иногда и печальным исходом. Капеллан, без сомнения, вылечил магнетизмом.

Стоило бы, чтобы врачи наши не пренебрегали такими способами и средствами, которые, хотя не входят в круг аллопатии, но, несомненно, исцеляют, и которые иногда практикуются лицами, не учившимися никогда медицине.

* * *

Не только в других ведомствах сплошь и рядом служили перед восстанием поляки, но даже полиция была ими переполнена. Секретари, столоначальники и писцы в полицейском управлении были все поляки. Старшие заседатели, помощники приставов и даже становые пристава тоже были поляки. И весь этот люд деятельно способствовал к подготовлению революции.

В городе жила жена управляющего имениями графа Красицкого Венгловская, которой родная сестра была прежде замужем за ее теперешним мужем, но развелась с ним и вышла за графа. Таким образом, Венгловский не только занял место управляющего у Красицкого, но вступил с ним в родство. Когда Красицкий принял деятельное участие в мятеже, Венгловский и его семейство посвятили себя всецело польской справе. Венгловский умер в тюрьме в Каменце. Два сына его, кончившие Ровенскую гимназию и бывшие в университете, поступили в банду и были взяты с оружием в руках и сосланы в Сибирь.

У Венгловского были еще две дочери. Для воспитания их и сыновей сама Венгловская жила в Ровно. Хотя дети уже были на возрасте, но она была красивая блондинка, манеры ее были мягки, симпатичны и вкрадчивы. В доме ее собиралось все учительство.

Время там проходило весьма весело. При гостеприимстве и любезности хозяйки и ее дочерей все было как дома: играли в карты по маленькой, играли в игры и танцевали. Наряду с приемами и угощениями русских учителей, Венгловские принимали у себя и учеников, и юнкеров, и солдат, и офицеров поляков. Это был род конспиративной квартиры в Ровно. Дочери шили конфедератки, значки и готовили корпию. Но самым важным центром польской организации в Ровенском уезде был дом аптекаря. Там ежедневно собирались и совещались и паны, и их официалисты, и чиновники-поляки.

Для гимназистов местом совещаний, как было сказано, были квартиры: гимназического капеллана и учителя польского языка, для магнатов таким местом был дом князей Любомирских, для зажиточных помещиков – квартира предводителя дворянства, помещавшаяся прямо против квартиры исправника, для мелкопоместных панков – дома гимназического врача и уездного доктора.

Раз я встретил, возвращаясь из лавок, исправника Гоца и пошел с ним рядом по тротуару. Разговор вертелся на злобе дня – польских манифестациях. Гоц грозил, что он заставит наших дам снять траур. Вдруг из-за директорской квартиры по направлению к гимназической каплице показалась княгиня Любомирская с дочерью в глубочайшем трауре с плерезом. На обеих были простые шерстяные черные платья и такие же шляпки, даже чулки были черные шерстные. В руках они держали переплетенные в траурную обложку молитвенники, на которых красовались сломанный крест и якорь. Вот думал я, произойдет сцена, вот Гоц себя покажет. Действительно, Гоц рысцой бросился навстречу княгине. Подбежал, снял кепи, приложился к ручкам с траурными молитвенниками и пошел провожать их в гимназическую каплицу. Траура на них он как будто не заметил. Разумеется, при таких дипломатических приемах нелегко было остановить ношение траура и манифестации. Знатным все дозволялось, бедняков преследовали, они переносили наказания и считали себя искупительными жертвами польской справы. Гоц, а за ним и другие чиновники русского происхождения, служили и вашим и нашим.

Я полагаю, что не только масса польского народа, но даже люди среднего класса, так называемая интеллигенция края, сжились бы с Россией. При всем желании, всосанном

с молоком матери, видеть Польшу свободной и самостоятельной, они никогда не прибегли бы к манифестации и оружию, если бы правящие ими люди, при постоянной энергии и твердости управления, щадили самолюбие поляков и поступали с ними гуманно и справедливо. Тогда магнатам и ксендзам никогда не удалось бы устроить революцию.

Магнаты никогда не забудут того произвола, которым они жили в Речи Посполитой. Стоит иностранной державе или папе (римскому – упоряд.) кивнуть пальцем, и они готовы, держась, впрочем, в стороне, на почве законности, употребить и деньги, и интригу, чтобы взбудоражить и поднять против России среднее сословие и ремесленников, а также, насколько возможно, и народ.

Ксендзы настолько фанатики, настолько сжились с магнатами, настолько ненавидят схизматиков русских и Россию, что всегда, без устали интригуют против России. У них в руках страшное орудие – исповедь, их покорные и умелые агенты – женщины. Власть ксендза над женщиной так велика, что нет жертвы, которую бы женщина не принесла ксендзу. Замужняя и девушка, магнатка и шляхтянка – во всякое время готова для ксендза жертвовать даже своею честью.

Ксендзы пользуются всякой слабостью, всяким промахом русских, которым приходится управлять поляками и служить в Польше. Если русский – любитель женского пола, ксендз окружает его женщинами и пользуется им, как своим орудием. Если русский любит роскошно жить, покутить – ксендз окружает его людьми по его вкусу и тоже приберет его в свои руки. Если он взяточник – ксендз облегчит ему получение взяток. Если он деспот, жесток, груб,– ксендз старается эти качества развить в них до безобразия, и укажет на них всякому в интимном разговоре, укажет на них даже на исповеди. Если русский следит за собою, если ксендз не может открыть слабости, посредством которой может эксплуатировать русского,– тогда горе последнему: о нем пойдут рассказы один злее другого, на него возведут такие преступления, о которых ему никогда не приходило на ум. Ему ни на минуту не дадут покоя. Его выживут или посредством его начальства, или самого заставить убраться, пока цел. Словом, ксендз самый неутомимый борец за освобождение Польши. И борется он не без успеха.

Если бы правительству пришло на мысль дать здешним католикам молитвенники и богослужение на русском языке, они перестали бы считать себя людьми польской веры и не русскими, и тогда влияние польской идеи на русских католиков Юго-Западного края совсем прекратилось бы. Но генерал-губернатор Потапов не только не позволил ей осуществиться, но выгнал из службы, как преступников, тех лиц русского происхождения, которые посмели предъявить эту идею на его благоусмотрение.

Следующие за Потаповым генерал-губернаторы, в том числе поляколюбивый Альбелинский, хотя и не в столь резкой форме, последовали примеру Потапова. В Юго-Западном крае эта идея никогда не могла возникнуть.

Бибиков был бестолковый деспот. Он не мог понимать положения дел, не мог принимать меры для прочного и окончательного обрусения края. Он все спасение находил в карах. От его трепетали паны и ксендзы, а втихомолку вели ту организацию, которая разразилась бунтом 1863 года и предъявила права Польши на русский Юго-Западный край.

Его наследники: князь Васильчиков и генерал-адъютант Анненков – те были простыми орудиями в руках панов и на все смотрели их глазами, и старались своими представлениями ввести в заблуждение высшее петербургское правительство. Им не мало в этом помогали их помощники губернаторы: князь Друцкой-Сокольский и Рудольф Иванович Брауншвейг, проливший целые потоки мужицкой русской крови в угоду панам. В самый разгар бунта, он имел смелость уверять правительство в верноподданничестве польских панов, и смуту в Юго-Западном крае умалять до ничтожных размеров. В тоже время, он старался уверить правительство, что настоящая опасность угрожает России от коренного русского населения, проникнутого будто бы духом сепаратизма. То есть от мужиков, так как вся интеллигенция этого края заключалась в состоящих на службе немногих чиновниках, которые не в состоянии были, (и не смели бы) иметь в себе и проявлять сепаративный дух.

Анненкову верили – вот пошло гонение на собирателей народных песен и сказок, запрещено печатание на малороссийском языке книг. Запрещены представления «На-

талки Полтавки», «Москаля Чаривныка» и других невинных драматических пьес на малороссийском языке.

В губерниях Черниговской, Полтавской существовала малороссийская интеллигенция в лице помещиков – но эта отупевшая интеллигенция не имела никаких идей. Она кутила, пьянствовала, дебоширствовала, старалась, во что бы ни стало, добыть мундир и чин, и глумилась и жестокосердствовала над своим единоверным и единокровным крепостным мужиком, который являлся более забитым, чем мужик Юго-Западного края, состоящий под властью польского пана. Малороссия с Юго-Западным краем со времени татарского ига никогда не представляла самостоятельной политической единицы, да и до татарского ига таковою не была. Почему совершенная чепуха верить в сепаратизм народа, который никогда не существовал самостоятельно и всегда считал себя частью Русского единоверного ему народа.

* * *

В один прекрасный день, помнится в Великий пост, по улицам города Ровно потянулись кареты, почт-кареты, фаэтоны, брички, нейтычанки, шарабаны, фургоны и фуры с рухлядью и кухней. Все заезжие дома, все свободные уголки в городе были заняты панами Ровенского уезда и их семействами. Паны бежали от мужиков, которые будто собирались на Пасху вырезать всех их.

Нет сомнения, что мужики косо смотрели на все панские затеи, что они зорко наблюдали за панами и их челядью, но чтобы они решились вырезать панов, без позволения правительства – это было невозможным делом. Скорее нужно полагать, что слухи о резне распущены были агентами польского «ржонда», чтобы вдруг собрать под благовидным предлогом в одно место всю массу панов для совещаний. Сверх того, могли рассчитывать на отвлечение от панов внимания местных властей. Наконец, ксендзы могли разблаговестить по всей Европе, что хлопы, подстрекаемые правительством, собираются резать панов.

В трактире, винном складе, у предводителя дворянства, у князя Любомирского, в аптеке, у ксендза капеллана и в других местах пошел дым коромыслом: игра в карты, совещания, песни…

Гоц потерял голову. Он с утра до ночи метался по панам, уговаривая их возвратиться восвояси и ручаясь своею полковничьею честью, что ни один мужик не осмелится тронуть даже панский волосок. Что он вслед за панами поедет в уезд и строго прикажет мужикам сидеть смирно и слушаться панов.

* * *

Все до сих пор напечатанные нами отрывки из записок А. А. Солтановского принадлежат к той части его рукописи, которая носит характер воспоминаний, изложенных в более или менее строгой последовательности. Вся же дальнейшая часть представляет собой дневник, веденый по числам, с обозначением состояния погоды в Ровно, с краткими записями разных городских происшествий, и тут же находятся в громадном количестве различные эпизодические рассказы, на первый взгляд кажущийся несвязанными друг с другом. Однако связь эта устанавливается легко тем обстоятельством, что весь интерес рассказов сосредотачивается около польского восстания 1863 года, а потому все передаваемые события в сумме своей дают довольно полную картину этого печального момента в жизни юго-западной Руси. Конечно, мы лишены возможности поделиться с читателями всеми фактами, собираемыми автором записок, т.к. часть из них затрагивает слишком еще животрепещущие вопросы недавнего пришлого, а часть – едва-ли когда-нибудь попадет в печать, касаясь слишком мелочных, и даже личных, отношений людей друг к другу, в чем нельзя отыскать почти никакого общественного интереса. Мы ограничимся в дальнейшем тексте наших «отрывков» помещением тех эпизодов, которые являются характеризующими пережитой исторический момент и умонастроение известных общественных групп.

1862

Начинается эта часть записок-дневника февралем 1862 года. Начало дневника носит характер очень сухого изложения в такой форме: «15-го, 16-го, 17-го, при северном ветре, буря и метель, пропасть снегу», или в другом месте: «25–28-го при сильнейшем северо восточном ветре – снег. В городе улицы местами засыпаны снегом на сажень, в поле занесены дороги, нет проезду». Тут-же, например, встречаем такие любопытные справки: «11–15-го июня на северо-западе комета. 6-го июля солнечное затмение неполное. 3-го июля сильное северное сияние».

Наряду с этими справками, имеющими преимущественно значение для метеорологии, автор сообщает через несколько строк уже факты общественного характера, к которым мы и обратимся теперь, повторяя, что они будут иметь вид отдельных эпизодов.

19-го октября. Дождь. Разнеслась молва, что будет сожжена вся Тополевая улица. Жители всю ночь бодрствовали.

20 [октября]. Солнце, тепла 10°. Явились подметные письма. Одни найдены около квартир акцизного надзирателя. Он все водился с окрестными панами, и все его надсмотрщики поляки, готовящиеся в банды.

Говорят, что при въезде назначенного вместо графа Лямберта 1-го наместником генерала Лидерса, поляки манифестировали и обливали русских, проходивших по тротуарам, из окон 2-х этажей нечистотами.

Инспектор Коленко страшно трусит. Он присмирел, ученики делают ему всевозможные дерзости, особенно ученики, удаленные из Житомирской гимназии и, по ходатайству панов у попечителя принятые в Ровенскую гимназию.

Помощник исправника привез в заседание педагогического совета подметные письма. В одном извинялись, что еще не успели исполнить обещанного в прежних письмах – сжечь Тополевую улицу и угрожали исправнику Гоцу дом его сжечь, а его самого повесить. Тут же нарисована была виселица с висящим на ней полковником Гоцом, в мундире и орденах, а внизу подпись «O tak lajdakovi!»[1].

В другом письме от какого-то полковника Б. извещалось, что Гоцу грозит действительная опасность. Подозревались в сочинении писем ученики гимназии, и частный врач, которому прежний агент польского движения в городе Ровно, ксендз Тваровский, передал свою власть, данную ему волынским комитетом польского восстания, и оставил подробные инструкции.

* * *

Октябрь. 23, 24, 25 и 26. Приморозки по ночам, днем солнце и грязь.

Ученики становятся с русскими учителями дерзки до крайности: не раскланиваются на улице, на коридоре толкают, грубят, не готовят уроков, неисправно их посещают, и в классе молитвы читают на польском языке с коленопреклонением.

Я стоял в коридоре против 2-го класса. В ожидании учителя в дверях 2-го класса стоял ученик Б. Вдруг из четвертого класса выскочил один рослый ученик-католик, и, смотря мне прямо в глаза, отпустил Б. две пощечины. Я пригласил виновного идти к инспектору, а мне вслед, принятые из Житомирской гимназии, ученики гаркнули: «Полицмейстер!»

Через Ровно провезли в Житомир, бывшего ученика 2 класса, помещичьего сына П-ча, который на чью-то свадьбу явился в кунтуше, штыфлях, конфедератке, при карабеле (сабле) и пил тост за тостом за успех восстания и истребление москалей.

Гоцу опять подбросили письмо, от какого-то проблематического полковника Б., в котором извещается, что ученики такие-то с экономом князя составили заговор убить Гоца. В заговоре участвуют также врач и княжеский ловчий.

Ученик Н-ий сбил с тротуара начальника телеграфной станции со словами: «Precz moskalu!»[2]

---

[1] «Так негідникові!» (*польск.*).

[2] «Геть москалю!» (*польск.*).

30 [октября]. Дождь. За манифестации отправили высиживать в тюрьму в Житомир падчерицу интендантского чиновника, Т-скую, жену гимназического врача – Богуцкого и дворянку-девушку – Ц[1]. Последняя плакала и говорила, что у нее, верно, конфискуют наследственный капитал в 10000 руб., что лично она ничего не боится, готова страдать и жертвовать собою и своим телом.

* * *

Любомирские князья, владельцы г. Ровно, для поднятия его и оживления в нем торговли, хлопотали о перенесении гимназии из Олыки, местечка, в Ровно, куда перешли уже из Олыки и присутственные места. Для помещения гимназии Любомирские построили двухэтажное каменное здание и сверх того пожертвовали под учительские квартиры старый свой палац на островке, лежащем среди прудов: двухэтажное каменное здание, с каменным сараем подле упразднившейся оранжереи, и два каменных, а также два деревянных дома.

Когда польское панство стало готовиться к восстанию, происходили частые съезды помещиков под разными предлогами: охот, похорон, именин, концертов, лотерей в пользу костелов. Особенно был большой съезд титулованных панов в Ровно по случаю концерта Контского.

Съезд этот продолжался недели три. На нем паны решили, между прочим, исходатайствовать: 1) преподавание польского языка и словесности в гимназиях Юго-Западного края и допущение в эти гимназии на службу поляков, во-2-х) для придания гимназии чисто польского и католического характера – постройку на гимназическом дворе деревянной каплицы, в которой предполагалось производить политическо-религиозные манифестации и в-3-х) отобрать у учебного ведомства старый палац, каменные подвалы которого могли служить удобным местом для склада пороха, свинца, оружия и амуниции и устройства даже мастерских, чему особенно способствовало его уединенное на острове положение.

Директор Туманов взялся исходатайствовать постройку каплицы и возвращение палаца. Он немедленно вошел с представлением, что из-за отдаленности католической каплицы ученики, особенно в зимнее и осеннее время, простуживаются, и болеют. Разумеется, он ни словом не напомнил о положении православных учеников, которым следовало ходить в церковь, не только далеко отстоявшую от гимназии, но помещавшуюся в самом грязном месте города среди еврейских лачуг. О палаце же он написал, что это здание совсем валится, что поддерживать его нет никаких средств и что в нем никто не живет, тогда, как в нем жили учителя. По случаю частых обысков не удалось в этом палаце устроить дело повстанских принадлежностей.

Палац этот по преданию построен на острове, который насыпан среди прудов пленными татарами и хлопами. Он соединен двумя разваливающимися мостами с городом и некогда представлял не только роскошное помещение для князей и их челяди и войска, но служил малодоступным укрепленным местом. Пруды теперь заросли очеретом, особенно вокруг острова.

* * *

Привезли жандармы из Житомира аптекаря Степунковского, живописца княжеского Борковского и Домбровского для разбора на месте их дела. Поехали прямо к полицейскому управлению.

Гоц поздоровался с Степунковским, и вещи его стали было сносить с повозки. Степунковский объявил, что желает послать телеграмму к губернатору, чтобы ему позволено было с товарищами нанять помещение до окончания их дела, так как они не намерены

[1] Мова йде про демонстрацію в костьолі м. Рівного, організатором якої був лікар Г. Богуцький, який поширював «шкідливі ідеї» серед учнів Рівненської гімназії. – Див.: Справа про лікаря Г. Богуцького і його дружину Г. Богуцьку як організаторів і учасників демонстрації, яка проходила в 1861 р. в м. Рівному. ДАРО. – Ф. 379 (Рівненський повітовий справник). – Оп. 1. – Спр. 11. – Арк., 3, 6, 8.

сидеть в тюрьме с ворами. Гоц заспорил. Слово за слово, и Гоц заревел: «Мятежники! Подлецы! Казаков!»– и отправил их в тюрьму.

Гнев Гоца прошел. По настоянию княгини Любомирской и предводителя дворянства Заленского Степунковский отпущен к жене и за тем с Пиотровским и Домбровским помещены комфортабельно. Они принимают сообщников и знакомых и не тревожатся на счет суда. Они сознают, что положение правительства весьма шатко уже в здешнем крае, что одни агенты его подкупны, другие придавлены помещиками и угрозами кинжальщиков. Они уверены, что не найдется судья, который, рискуя или местом или жизнью, решился бы произнести им осуждение. Их дело поручено производить их сообщнику, судебному следователю – поляку.

Аптекарь Степунковский, был весьма зажиточный человек и патриот первого сорта, но считался между поляками ловким дипломатом: он вел дружбу с русскими чиновниками и особенно с городничими и исправниками. Говорил только на польском языке и незаметно приучал к польской беседе за картами таких русских, которые вовсе не знали польского языка. Степунковский особенно сдружился с исправником Гоцом, который днем ежедневно бывал у него, а вечера почти ежедневно за картами проводил или у него или у себя.

Революционный комитет назначил Степунковского начальником города Ровно и его уезда. И так, революционный начальник и правительственный начальник были самыми близкими друзьями. Гоц просто скучал, если какой день не случалось выпить в закусить с Степунковским и поиграть с ними в карты. А Степунковский был себе на уме и под покровительством Гоца обделывал дела и свои личные, и польской справы.

У Степунковского все чаще и чаще стали собираться из уезда гости: у него обедали, у него игрывали по вечерам в карты, и тут-же присутствовал и Гоц. Засадят Гоца играть в карты, подпоят, а в других комнатах совещаются, делаются революционные распоряжения.

Раз после обеда Гоц настаивал на тосте за государя. Он сам выпил, а гости и Степунковский приложили только уста к бокалам. Гоца посадили играть в карты, а Степунковский с гостями отправился в конюшню. У всех были в руках бокалы не выпитого шампанского. По приказанию Степунковского его лакей снял в аптеке со стены портрет государя и прикрепил его к каменной стенке конюшни. Степунковский предложил тост за погибель русского царя и за успех революции и затем выстрелил из револьвера в лицо портрета. Гости с криком «Niech żyje Polska!»[1] повторили выстрелы в портрет и растрепали его в лоскутья.

Прислуга Степунковского присутствовала при расстреливании портрета русского царя. В числе прислуги была красивая бабенка, которая имела от Степунковского парнишку лет восьми или десяти. Она возмутилась расстреливанием царя, и стала бранить на кухне поляков и пророчить им гибель. Лакей донес об этом Степунковскому. Бабенка вместе с побочным сынком Степунковского немедленно была изгнана из аптеки.

По городу прошли слухи о расстреливании портрета государя, и русские обращались к Гоцу с вопросом: «Правда ли это?»

Гоц ручался своею военною честью, что все это клевета, что он сам был на обеде и что Степунковский с поляками-гостями пили в его присутствии тост за государя.

Между тем Степунковский становился все смелее и смелее в своей деятельности и между своими обзывал Гоца пьяным, крикливым дураком.

«Он глупый, но впрочем добрый человек,– прибавлял Степунковский.– Я его не позволю повесить! Прикажу только закатить ему двести нагаек, сдеру с задницы полковничью шкуру и отпущу на все четыре стороны».

Степунковский у себя на хуторе заготовлял сухари, окорока, вялил сало в колбасы, приобретал свинец, порох, оружие, даже запасся двумя небольшими пушками. Все в городе знали, что он начальник, что он делает запасы продовольствия и оружия. Передавали об этом Гоцу, но тот даже сердился, говоря, что все это сплетни что это нарочно выдумывают на Степунковского мятежники за то, что он восстает против их глупых затей. Гоц ручался за Степунковского, как за себя самого.

[1] «Хай живе Польща!» (*польск.*).

Между тем один ровенский еврейчик в огромной еврейской извозчичьей халабуде с четверкой здоровых лошадей, вез из Одессы по накладной в ровенскую аптеку соду. Он благополучно добрался, до Острога. В Остроге предъявил паспорта, свой и извозчика, и накладную. На заставе сняли с повозки прикрытие – нашли соду, и пропустили через заставу. Извозчик по требованию доставщика не остановился в Остроге кормить усталых лощадей, а потянулся далее.

На дороге под Острогом есть деревня. В деревне возле самой дороги стоит капличка со статуей какого-то святого и тут колодезь. Извозчик остановился подле колодца кормить лошадей. Сельская стража осмотрела паспорта и накладную, получила на водку и отправилась в корчму. Крестьянские дети стали собираться вокруг повозки и шалить. Некоторые посмелее стали взбираться на повозку и подползать под нее. Извозчик еврей спал. Доставщик прогонял детей несколько раз и, наконец, употребил в дело кнут. Он хватил одного упрямого мальчика кнутом по лицу. Тот драла с криком: «Жиды бьют, жиды везут панский порох!». Его крик подхватили все дети, и крича: «Бьют! Порох!» – разбежались по деревне.

Мгновенно повозка окружена была мужиками и бабами. Побитый мальчик клятвенно уверял, что в повозке порох. Приступили к обыску. Доставщик вдруг отвязал пристежную и стал на ней удирать. Мужики выпрягли остальную тройку, погнались за ним и поймали его. Тут уже соду прямо стали ссыпать на землю и в соде нашли несколько бочонков пороху и свинец. Евреев с поимкой доставили в Острог.

Гоц только что возвратился от Степунковского, где обильно позавтракал и выпил и где Степунковский распинался, что никакой революции не будет, что несколько дурней пошалят, по манифестируют, и все дело этим кончится. Что напрасно правительство суетится и принимает ненужные стеснительные меры, которые не могут не вызывать общего неудовольствия. Только что Гоц, размышляя обо всем этом и частью соглашаясь с Степунковским, принялся за свое разоблачение, желая перед обедом часик всхрапнуть, как вдруг от воинского острожского начальника секретная телеграмма: «Немедля произвести в квартире и аптеке Степунковского самый тщательный обыск и о последствиях сообщить– ему,– телеграммой».

Гоц рассердился. «Вот как повстанцы гадят Степунковскому! В другие уезды доносят на него!»– сказал он.

Но нечего делать, собрал казаков и понятых и отправился для обыска. Обошли дом, аптеку, конюшню, сарай, погреб и даже сад и ничего не нашли.

Казацкий офицер и Гоц выпили у Степунковского по чарке старой водки, распустили казаков и понятых и отправились восвояси.

Гоц, послав телеграмму в Острог, что ничего подозрительного не найдено, пообедал и залег спать, приказав ранее известного часа не будить себя.

Между тем весть об обыске у Степунковского быстро разошлась по городу. В аптеку прилетели от князя живописец, врач и доезжачий. В аптеке пошла суетня. Выкатили из сарая повозку, стали вырывать из земли в саду бочонки и огромные аптечные бутыли с порохом, ружья, свинец и тащить в повозку.

Все это видел сквозь забор какой-то мальчик, который с матерью тут по соседству жили в жидовской лачуге. Собрались и другие любопытные. Повозку наполнили, покрыли сеном, запрягли лошадку. Врач и живописец сели на козлы и выехали за ворота. Мальчик последовал за ними.

Чтобы не возбудить подозрения, а частью для безопасности, т.к. повозка была тяжела, двигались шагом. Особенно медленно ехали возле квартиры Гоца. Мальчик, сообразив, что все это везут на хутор, прямо свернул во двор Гоца и потребовал чтобы его представили полковнику. Рассыльные хотели его прогнать. Но он стал кричать, что он хочет сообщить о повстанцах очень важное и экстренное.

Разбудили Гоца. Тот напустился на мальчика и потаскал его за уши. Но мальчик ревел, чтобы сейчас послали погоню за живописцем и доктором, которые повезли из аптеки на хутор целую повозку пороху. Гоц прогнал мальчика, но мальчик не унимался – ревел на всю улицу, стал собираться народ.

Гоц приказал арестовать мальчика и послал вдогонку за повозкой конных рассыльных. Через полчаса они были доставлены. В повозке оказались порох, свинец, оружие. Волей неволей Гоц опять собрал казаков и понятых и произвел второй обыск. Найден еще порох, свинец и две небольшие пушки. Получена вторая телеграмма из Острога с указанием поимки и требованием вторичного обыска.

Гоц арестовал Степунковского и донес губернатору. Приказано виновных прислать в Житомир, имущество Степунковского опечатать, а аптеку взять в администрацию. Жена Степунковского с детьми оставила свой дом, но Гоц позволил им забрать все драгоценности и наличные деньги, в том числе и неродовые.

До высылки Степунковского составлен был план защиты: дали денег жене поставщика пороху и свинца, чтобы он принял всю вину на себя, и обещали, в случае его ссылки, обеспечить его семейство.

Еврей показал, что Степунковский подрядил его перевезти из Одессы одну соду, но он как, в виду хороших барышей, купил пороху и свинцу, а оружие, выкопанное в саду Степунковского, было объяснено так, что провизор, занимаясь охотою, имел у себя ружья, порох и свинец, давно купленные по дешевой цене. Опасаясь, что теперь у него все это могут отнять, он, тайком от Степунковского, все это спрятал в землю в саду.

После же обыска испугавшись, он вырыл все это и хотел спрятать па хуторе. О мортирах же никто не знал – это «виватувки» польские, закопанные бог знает в какое время.

* * *

Присяга учеников VI и VII класса

Незадолго до панихиды (См. ниже) гимназический капеллан в присутствии какого-то члена революционного комитета привел к присяге в гимназической каплице учеников VI и VII классов. Клялись они на Евангелии, кресте, револьвере и мече положить жизнь за восстановление Польши и не выдавать друг друга. Кто изменит, того здесь покарает меч или револьвер, а на том свете Евангелие и крест. Чтобы, не возбуждая подозрения, ученикам можно было присягнуть, два польских учителя, имевшие в VI и VII классах первые уроки, сказались больными. Учеников отпустили домой. Ученики пошли в костел, где их ожидал капеллан и делегаты. Заперли изнутри костел, и совершилась присяга.

Панихида по пяти убитым в Варшаве.

С утра возле кладбищенской каплицы, что на вале, замечалось в будни особенное какое-то движение. Около 11 часов стали съезжаться из имений, не только окрестных, но и отдаленных, всевозможные экипажи с панами, панями, паненками, официалистами. Кареты, кочи, фаэтоны, шарабаны заняли огромное пространство.

Полиция не понимала, что это за торжество. Исправник Гоц послал в каплицу квартального надзирателя: посреди каплицы стоял траурный катафалк с пустым гробом, и надпись: «Pięć ofiar zamordowanych w Warszawie moskalami»[1]. Тут же за стеклом красовались карточки убитых и карточка, изображающая их в гробах, а также карточка их торжественных похорон.

В гимназии об этом начальство ничего не знало. Отпустили на большую перемену учеников домой на завтрак. После перемены явились русские учителя, но ни учеников, ни польских учителей не было. Уроки не состоялись.

После узнали, что ученики и поляки-учителя собрались на определенном заранее пункте, и стройными рядами пошли в кладбищенскую каплицу. Всем распоряжался в каплице сын одного помещика, студент университета. Он раздавал листки с запрещенными гимнами, он руководил пением, он вручил листок и полицейскому надзирателю, он же

[1] «П'ять жертв замордованих у Варшаві москалями» (*польск.*). Натяк на жертви політичного протистояння у Варшаві 27 лютого 1861 р., коли під час маніфестації організованій студентами відбулися сутички з військами. Похорон загиблих, відбувся 2 березня 1861 р. став потужнім проявом політико-соціального протесту проти російського панування в Царстві Польському.

собирал и пожертвования. Дамы, кроме денег, бросали на поднос часы, серьги, кольца, золотые цепи.

Генерал-губернатор, недоброжелательно относясь к тогдашнему попечителю округа Пирогову, почему-то полагал, что все дворянство и вообще поляки, не смотря на варшавские манифестации, остаются чуждыми всем противоправительственным происка. Что только одни учебные заведения, которые красными идеями Пирогова доведены до последней степени распущенности, сочувствуют варшавянам и подражают им. Вот почему чиновник волынского губернатора, производил следствие о панихиде по убитым, всю вину свалил на гимназистов. Это ему было и выгодно: паны хотели быть в стороне и не жалели для этого порядочных кушей. Впрочем, чиновнику этому не вполне удалось скрыть участие панов в манифестации, благодаря депутатам со стороны учебного ведомства, и он подвергся опале.

Порча тумб на шоссейном мосту учениками.

Зима 1863 года отличалась дождями и невылазною грязью. Шли дожди, а снегу почти не было. Конец января и начало февраля отличались теплыми солнечными днями. Поляки узнали, что через Ровно из Новоград-Волынска (Звягля) будет проходить в Царство Польское батарея. С ведома одного учителя, его многолюдная ученическая квартира, соединившись еще с другими учениками-охотниками, отправилась по шоссе в лес гулять и рвать ранние цветы. Проходя через мост на 3-ей версте от города, подле леса, взрослые решили испортить мост и таким образом остановить движение артиллерии. Но мост оказалось трудно испортить. Удалось только сломать несколько гнилых тумб.

Затем, возвращаясь в город, один из учеников подле верстового столба произнес речь: «Братья поляки! Представьте себе, что этот столб не просто столб, а представляет собою всю Россию, всех москалей. Смерть москалям! Долой их эмблему!». И, схватив камень, ударил в столб. Посыпались камни, и столб был порядочно покалечен. Люди, бившие на шоссе камень, бросились к ученикам. Ученики разбежались и удрали в город. Один из рабочих узнал в лицо шесть человек учеников. Их, по распоряжению генерал-губернатора, исключили из гимназии.

* * *

1 мая. Экономка аптекаря рассказывает, что до его ареста, у него на хуторе, около Тынного, в течение трех недель пекли ежедневно хлебы и куда-то на повозках увозили в лес. Вчера ожидали нападения повстанцев на Ровно. Крестьяне из Липок доставили экономского сына, у которого, по рассказам одних, нашли в повозке пуд с четвертью пороху, а другие говорят, что сверх того отыскали ружья на пять человек, что он спешил в банду.

В городе вчера была тревога: казаки летали по улицам. В 11 часов исправник с казацким майором в фаэтоне, в сопровождении 30 казаков, ездили обыскивать одного помещика, а после в 3 часа пополудни производили ревизию у другого помещика в Омеляной.

Ученикам взрослым повстанский комитет, говорят, раздал деньги, чтобы они, при вступлении в город банды, присоединились к ней. И действительно, у самых бедных учеников замечается не только серебро, но и золото. Предводитель дворянства говорит, что повстанцы образовали банды в лесах уездов: Житомирского, Заславского, Острожского, Новоград-Волынского и Староконстантиновского.

В Житомирском уезде крестьяне наловили до 140 повстанцев. У одного из них сверх дорогого коня и оружия оказалось три тысячи рублей. И конь, и оружие, и деньги подарены помещиком. В одном месте крестьяне остановили фургон с оружием и шестью повстанцами, из которых один выстрелом призвал банду, стоявшую недалеко. Банда окружила крестьян и нескольким из них отрубила кисти правой руки.

Девушки и дамы приготовили собственными руками, огромнейший ковер для гимназической каплицы, с разными эмблемами: якорями спасенья, сломанными креста-

ми, одноглавыми орлами и пр. Для алтаря соорудили antepedium[1] с польской короной и одноглавым белым орлом, внизу подпись: «Pod twoje obronę panie»[2], и разные занавесы траурного и кровавого цвета. Сегодня все это развесили. Собралась огромная масса народу, особенно женщин, на вечернее «majiowe nabożeństwo», и вдруг, от свечи загорелись занавесы и сгорел antepedium. Произошла суматоха. Пожар успели потушить. Но этот случай произвел на набожных полек удручающее впечатление, боятся дурного исхода затеваемого на Волыни восстания.

* * *

Казацкий полк из Киева ожидался сюда к 10 мая. У меня на квартире жили ученики. Я запретил им покрывать воротники крепом, как это сделали все ученики гимназии. Это озлобило других учеников, и они в классе моим квартирантам вымазали воротники чернилами. Ксендз именем революционного комитета приказал ученикам, квартировавшим у русских учителей, переменить квартиры. Все они или выбыли из гимназии, или перешли на квартиры в польские семейства.

Ни для кого не тайна, что в самом городе где-то заготовлено оружие, порох, пули, конфедератки и чемарки, которые будут розданы по приходе банды в Ровно – взрослым ученикам и всем, кто пожелает вступить в банду.

Начиная с магнатов и кончая беднейшим польским семейством – везде женщины и девицы по целым дням и ночам готовят корпию, бинты, значки, знамена, конфедератки. Полиция на это не обращает внимания.

Сперва поляки в течение нескольких месяцев безнаказанно гуляли во всевозможных старопольских костюмах, производили манифестационные процессии, служили революционные молебствия с пением возмутительных гимнов: «Boże coś Polskę!»[3] и «Z dymem pożarów»[4]. Собирали «ofiarę» на восстание, глумились над русскими, плевали на попов, а потом, под покровительством мировых посредников из панов, составили банды. Только тогда правительство стало принимать меры против всех этих проявлений польского патриотизма. До того же времени, т.е. до вооруженного восстания, правительства русского и полиции казалось совсем не существовало в крае.

2 мая. Поляки говорят, что сегодня войска дерутся с повстанцами в Таращанском уезде Киевской губернии и в Богуславе.

3-го мая. Еще три сообщника экономского сына из Липок доставлены крестьянами и посажены в тюрьму. Статский советник Тихомиров, чиновник особых поручений при киевском интендантстве, пишет жене, что путь из Ровно в Киев не безопасен от повстанских банд.

Ученик V класса Ровенской гимназии, который несколько дней тому назад уехал домой, схвачен с оружием крестьянами и доставлен в заславскую полицию. Туда же доставлен, по слухам, граф Потоцкий, зять князя Сангушка.

Жандармы встретили толпу крестьян, сопровождавших около 30 связанных повстанцев. Соколовский, становой пристав из Межеречья, привез сегодня двоих повстанцев, доставленных крестьянами. Предводитель дворянства, потребовал его к себе и сказал, что он очень рискует, арестуя инсургентов[5]. Пристав объяснялся, что его к этому принуждают крестьяне, которые в случае явной потачки повстанцам могут убить его самого, как изменника. Тот же Соколовский передавал, что, по рассказам крестьян, в глубоких лесах Полесья бродит несколько шаек.

---

[1] Antepedium – (*назва походить від лат. ante pedes «перед стопами»*) передня стінка вівтаря або розкішно оздобленні гапти.

[2] Слова молитви «Під Твій захист прибігаємо, Пресвята Богородице Діво» (*польск.*).

[3] Назва католицької патріотичної пісні «Боже, що Польшу впродовж століть оточив блиском могутності й хвали».

[4] «З димом пожеж» (*польск.*) – пісня польських повстанців 1863 р.

[5] Інсургенти (*від лат. insurgens – повстанці*) – участники збройного повстання проти уряду. Інсургенти вважались не кримінальними, а політичними злочинцями.

4 мая. Поляки открыто заявляют, что ночью ожидается в Ровно банда повстанцев. Исправник телеграммой просил у губернатора двух рот пехоты. На весь уезд только 50 казаков и 50 инвалидных солдат. Поляки хвастают, будто вчерашней ночью инсургенты заняли Новоград-Волынский, прогнали войска и овладели 8-ю русскими пушками. Конечно – это ложь.

В Заславском уезде мировые посредники – поляки официально предписали волостным старшинам снять повсеместно земскую стражу на трое суток. В это время повстанцы беспрепятственно по два, по десятку и более со всех сторон направились к Славутским лесам и успели образовать банду в 2000 пеших и в 600 конных вооруженных людей. Эта банда ночевала в имении мирового посредника, помещика Х., который об этом нарочным уведомил сына, воспитанника V класса Ровенской гимназии, и поручил ему немедленно известить об этом предводителя дворянства, прибавляя, что банда пойдет на Ровно для соединения с другой, идущей из-за Горыни из Литвы.

Л. застал у предводителя исправника. Последний сказал, что, по слухам, в Заславском уезде инсургенты вешают становых. Предводитель отвечал: «Не бойся, полковник, не вешают,– но – bię w skore!»

«Т. е. по роже?» – поспешил сказать исправник.

«Нет!» – продолжал предводитель,– Просто спустят штаны, дадут 200 нагаек, натрут раствором соли и пустят «łajdaka»[1] на все четыре стороны. Уже троих так высекли!»

«Плохи дела!» – сказал исправник и побежал в управление опять телеграфировать о подкреплении.

Сегодня же должно произойти нападение на острожское уездное казначейство, в котором, по словам управляющего акцизов, хранится, вследствие опасности пересылки, 886000 руб.

* * *

Вечером на нишпораль в ученической каплице собрались все ровенские дамы и девицы и со слезами и рыданьями пели молитвы. Было в каплице около десятка загорелых чамарок, вероятно, прибывших из леса. Около них терлись все взрослые ученики. Полиция так струсила и растерлась, что не посмела их арестовать. Один ученик VI класса, из житомирцев, сын очень богатого человека, и гувернер его, кандидат университета св. Владимира поступили в отряд заславских инсургентов. Ученик V класса, исключенный за порчу моста на шоссе, в том же отряде.

Исправник собрал волостных старшин и требовал, чтобы они мешали повстанцам соединяться в банды. Если кто из панов захочет отлучаться из дому без его разрешения, того арестовать и доставлять ему. Старшины просили оружия. Исправник обещал вечером опустить по 10 ружей на волость, но, узнавши, что старшин подбил просить оружия мировой посредник, помещик Я-цкий, он оружия не отпустил.

По рассказам поляков, в Киеве образовалась на глазах генерал-губернатора и полиции огромная банда, состоящая из студентов, учеников и чиновников-поляков. Она без препятствия двумя партиями отправилась в лес. Пешая партия к реке Ирпени, а другая, конная, бросилась по направлению к Тараще. Вслед за первою посланы были на пожарных телегах стрелки и несколько драгун. После горячего боя на Ирпене банда рассеялась. Много повстанцев убито, ранено и взято в плен. Другие разбежались по лесу. Их ловят крестьяне и, привязанными к длинным шестам, под караулом баб с кочергами препровождают в Киев.

Конная партия тоже истреблена, предводитель ее, учитель верховой езды в университете – Ольшанский, взят в плен и расстрелян. Сынки экономов, мелких помещиков и разные панские оффициалисты, старались подбить народ к возмущению против правительства, раздавая ему золотые грамоты, в которых обещалась народу, уже освобожденному от барщины, свобода, равенство и проч. Народ представлял властям раздавателей грамот.

Паны дурачили перед восстанием правительство, пугали крестьянскими мнимыми бунтами, идею свободной Украины и предлагали нещадно сечь народ и морить его военной экзекуцией. Они рассчитывали, что эти несправедливости и жестокости восстановят против правительства украинский народ, и он присоединится к польской революции, но горько ошиблись.

[1] Лайдак, негідник (*польск.*).

* * *

Флигель-адъютант Казнаков настиг 10 мая близ селения Линковцы Заславского уезда банду повстанцев в 2000 человек и разбил ее совершенно. Они через Староконстантиновский уезд побежали к австрийской границе. Убитых на поле битвы найдено 78, в том числе 3 ксендза и предводитель банды помещик Ц-ский, в плен взято 59 и весь повстанский обоз. В наших войсках убито 10 стрелков и 1 казак, ранено 16 стрелков и 1 казак. Об этом в Ровно сделалось известным уже 11 мая посредством устроенной поляками быстрой революционной почты. Поляки упали духом.

12-го мая прошла через Ровно в Новоград-Волынский рота Забалканского полка, а вечером того же дня 3 сотни казацкого полка во Владимир-Волынский. Это те сотни, которые дрались под Линковцами. Они вели с собою прекрасных повстанских лошадей, отбитых у повстанцев. Особенно выделялся тысячный белый жеребец предводителя банды Ц-ского. Ц-ский – помещик, майор в отставке. Зимою он хлопотал об адресе государю, такой же, какой был составлен в Подольской губернии, но потерпел почему-то неудачу. Он одет был во время битвы в малиновую конфедератку с белыми и черными перьями и белым одноглавым орлом. Малиновая чемерка вся зашита была золотом и украшалась жирными генеральскими эполетами. Через плечо красовалась широкая лента Белого орла.

Миропольской бандой предводительствует подполковник генерального штаба Ружицкий, адъютантом при нем женщина.

В Острожском уезде по лесам бродят еще небольшие банды. Крестьянам на уезды раздали по 400 ружей и пик. Образована по деревням и селеньям вооруженная стража и особые отряды из крестьян, которые обходят леса. Они ловят одиночных и истребляют маленькие банды. В присутственных местах приказано употреблять русский язык в разговоре.

У помещика Л-ича повстанцы насильно вытребовали 14-ть тысяч. Телеграфист Т-ский взял отпуск домой, а между тем пошел в Линковецкую банду и, по разбитии ее, бежал в Ровно и вступил в свою должность. Полиция проведала и сегодня посадила его в тюрьму.

Из 28 учеников VII класса явилось на экзамены только восемь. Ученики высших классов и вся служащая молодежь сейчас бы отправилась в лес, если бы ей удалось увести с собою где-то спрятанное оружие, но теперь это трудно сделать, так как крестьяне и мещане зорко следят, даже по ночам, за всеми поляками, а также и казаки: пикеты их всю ночь окружают город.

Жиды натаскали из Варшавы массы портретов Костюшки, варшавских повстанцев, убитых в сражении, а также торжественных их похорон, траурных браслетов с повстанскими эмблемами, серег, колец. Ярые польки, в виду преследования траура, стали носить траурные под платьями юбки, подвязывать чулки траурными подвязками и даже обшивать трауром подолы рубах. Об этом рассказывают ученики взрослые и молодежь, которых польки, откровенным с ними обхождением и ласками, стараются наэлектризовать и толкнуть непременно в банды.

Июнь. Молодежь на улицах обрывает на дамах русских светлые платья или обливает серною кислотою. Исправник же со своей стороны преследует на женщинах траур, но только его преследованию подвергаются малозначащие личности, крупные пани и паненки безбоязненно и беспрепятственно щеголяют в трауре.

Гоц похвалялся, что ему остается барыням на улице задирать юбки и свидетельствовать благонадежность рубах и всего прочего. Он этого конечно не посмел сделать, но барыни, завидя его и, зная его беспардонность, шмыгают куда попало, чтоб с ним не повстречаться.

Раз я встретил, возвращаясь из лавок, Гоца (исправника) и пошел с ним рядом по тротуару. Разговор вертелся на злобе дня – польских манифестациях. Гоц грозил, что он заставит таки дам снять траур. Вдруг на улице, покрытой текущей жидкой грязью, в виде киселя, и достигавшей лошадям по брюхо, показалась бриченка и в ней две деревенские барыни, вероятно экономская семья в шерстяных черных платьях и таких же шляпках.

Гоц заторопился: «Ей вы, шлюхи! Засранки! Пошли в полицию! Сейчас протокол и в тюрьму! Как вы смеете носить ночные (черные?) шерстяные платья! В тюрьму! Непременно в тюрьму!»

Барыни выскочили из брички, и бух в грязь на колена перед Гоцем.

«Смилуйся, пане полковнику!»

«Нет, шельмы,– ревел Гоц, - не помилую! Всех вас засранок в тюрьму!»

Барыни приползли к Гоцу по пояс в грязи и стали целовать ему руки.

«Вон шельмы из города! Сию минуту, чтобы и духа вашего не пахло!»

Барыни по грудь измоченные в грязи скорее на бричку и драла.

«Вот видите,– говорил Гоц,– как испугались! Боятся тюрьмы шельмы! О, я заставлю их бросить этот проклятый траур!»

Так говоря, мы подошли к перекрестку улиц. Вдруг из-за директорской квартиры, по направлению к гимназической каплице, показалась княгиня Любомирская с дочерью в глубочайшем трауре с плерезами. На обеих были простые шерстяные черные платья и такие же шляпки, даже чулки были тоже черные. В руках они держали переплетенные в траурную обложку молитвенники, на которых красовались сломанный крест и якорь.

Вот, думал я, произойдет сцена. Вот Гоц себя покажет. Действительно Гоц рысцой бросился навстречу княгине. Подбежал, снял кепи, приложился к ручкам с траурными молитвенниками, и пошел провожать их в гимназическую каплицу. Траура на них он как будто не заметил. Разумеется, при таких дипломатических приемах нелегко было остановить ношение траура и манифестации. Знатным все дозволялось. Бедняков преследовали. Они переносили наказания, и считали себя искупительными жертвами польской справы. Гоц, а за ним и другие чиновники русского происхождения служили и вашим и нашим[1].

Приехали из Киева пять студентов на вакации: Писарский, Цибульский и другие три. Они явились к Гоцу предъявить свои билеты. Гоц обругал их, зря, паршивыми поляками, мятежниками, молокососами и дураками.

Сегодня чуть свет, в высокоторжественный день, через столовую и гостиную, в спальню жены ворвался, не смотря на возражения служанки, пьяный десятский и криком своим перепугал мою жену: «Начальник полиции, полковник Гоц приказал вечером в каждом окне зажечь по две свечи. Кто не поставит свечей, того в тюрьму!»

Узнав, что десятские в польских почетных домах: у князя Любомирского, Дворжанского, докторов Левинского и Тарногродского и у прочих подобных выходок не только не сделали, а скромно вручили прислуге повестку, я попросил объяснения у Гоца.

Он стал твердить, что пьяный или тверезый десятский имеет право обойти все комнаты во всякое время у всякого обывателя, и если обыватель русский патриот, то этим не должен обижаться.

Но когда я ему указал, что такому оскорблению, однако ж, не подвергли почетные польские дома, что им послали повестки, что я просто в письме генерал-губернатору изложу это дело и поручу свою семью его защите, Гоц стал просить оставить это дело без последствий и обещал искровавить десятскому всю морду.

9-го провезли через город в Пермь двух ксендзов из Вишневца Кременецкого уезда. Ксендзы завтракали в трактире. Когда они садились на повозки в сопровождении двух чиновников и двух казаков прощавшихся с товарищами, подошел Гоц.

«Пошел!» – закричал он.

Ксендзы ему поклонились.

«Скорее вон из города [эту сволочь! Запаскудят город]!» – кричал Гоц.

Жидов собралась целая толпа. При приближении Гоца они стали расходиться.

«Что не плачете? Подлецы! Видите ксендзов везут!»

---

[1] Дискримінаційні заходи, які поширювались на польську шляхту з боку царських властей, часто обминали представників найбільш знатної земельної аристократії. Вона користувалася відвертим покровительством з боку царського двору. Подібні обмеження прав поляків не поширювалися також і на князя і княгиню Любомирських. Так, 13 квітня 1866 р. волинський губернатор надіслав Луцькому повітовому суду циркуляр за № 6019, в якому зазначалось, що імператор велів надати князю і княгині Любомирським полегшення щодо сплати процентних зборів і що на них нові правила, встановлені для осіб польського походження, не поширюються // ДАВО. – Ф. 361. –Оп. 1. – Спр. 1986. – Арк. 58, 67. Цит. за вид: Буравський О. Поляки Волині у другій половині XIX – на початку XX ст. – Житомир: Вид-во ЖДУ, 2004. – С. 41, 149.

В это время какая-то девушка, кажется Ковальская, шла с базара по шоссе в парном платье. Заметивши Гоца, она подбежала под еврейский дом, подобрала под бурнус булавками черное платье, и осталась в белой юбке. К ее несчастью, сзади, из-под бурнуса, выставился черный хвост.

«Эй ты, дрянь! – заорал на весь город Гоц.– Вижу, что платье подобрала, только хвост черный торчит! Смотрите, хвостатая дрянь! Настоящая засранка!»

Девушка удирать.

«Вот скотина хвостатая удирает. Эй засранка!» – гаркнул он в заключение и пошел домой. Вот прямо навстречу ему музыкант Белецкий с женой в черном платье.

«Не носить черного платья!» – закричал Гоц.

Белецкий стал оправдываться.

«Засранцы, подлецы, скоты, мятежники! … Вашу мать, сволочь проклятая! Вон из города! Вон из Русской земли! Пошли к своим компатриотам, к бунтовщикам!»

Гоц распекал на улице за польский костюм бывшего ученика класса Прушинского. Он, неизвестно для какой цели, прибыл в город и поселился у пани Юрковской вместе с бывшим учеником Милятицким. Гоц намерен выслать их из города.

После разбития главных шаек, добровольно организовалась стража из крестьян. В каждом селенье, в каждой деревне проезжающих обыскивают. В сенокос и жнива караул держат бабы, вооружённые кочергами, ухватами, цепами и проч. Даже дети караулят и производят обыски.

Сегодня в городе впереди меня шел Гоц с поляком стряпчим Радынским. Ему на встречу попадается мать и две взрослые дочери, по-видимому, семья какого-то эконома из именья. Они только что приехали в город за покупками и были одеты в черные шерстяные платья.

«Гей, десятский! – заревел Гоц. – В полицию их! Сейчас отправить в Дубно судье Голубовскому. Пусть этих засранок там посекут по задницам. Нарядились воронами, … вашу мать засранки! Сейчас в Дубно! Пусть казаки нагайками распишут голые ж… и повыдергают бороды между ногами!» Те на колени – ревут, просятся, целуют Гоца в руки.

«Что же вы одеваетесь в траур, а жалеете пожертвовать за ойчизну голыми д … ! Га? Отвечайте, шлюхи! Вон из города,чтобы и духу вашего не было!»

После разбития главных шаек, добровольно организовалась стража из крестьян.

В каждом селенье, в каждой деревне проезжающих обыскивают. В сенокос и жнива караул держат бабы, вооружённые кочергами, ухватами, цепами и проч. Даже дети караулят и производят обыски.

9 июня. Сегодня едут в Киев на съезд учитель словесности Солтановский и учитель русского языка из духовного звания, пожилой человек Егоров.

Почтовые станции по Киевскому шоссе поместительны и содержатся весьма опрятно. Стены выклеены бумажкой, мебель на пружинах. Смотрители – народ вежливый и услужливый. Прислуга, самовар, свечи поставляются от казны бесплатно.

Около второразрядных станций устроены квартиры, а в перворазрядных имеются царские покои. Лошадей дают без задержки. Лошади здоровые и застоявшиеся, по случаю малой гоньбы, вследствие мятежа. Лошади с места просто несут, пока не успокоятся.

Новоград-Волынский довольно красивенький уездный городок и опрятный.

10 июня. Житомир очень красивый и опрятный город. Мостовая хороша. В городе много зелени и здоровый воздух. Насколько в уездных городах строги к траурным костюмам, настолько в Житомире снисходительны. Траурные костюмы у дам попадаются на каждом шагу, между мужчинами есть и чамарки, и конфедератки, и штыфли. Траурная дама, встретивши чиновничью кокарду или военного, злобно осмотрит и затем в сторону плюнет. На каждой улице непременно встретишь или ксендза, или католического монаха, или клирика.

Около Житомира река Тетерев с впадающею в нее Каменкою. Берега обеих рек обрывисты, каменисты поросли деревьями и отличаются дикой красотой. На Каменке деревянный шоссейный мост, с деревянными перилами. Он поднят ужасно высоко на устоях в несколько этажей, покоящихся на массе обделанного плитняка.

Около Горбакова на реке Горыни тоже высоко поднят деревянный мост, утверждений на столбах в несколько ярусов. Против течения под мостом устроены из столбов остроконечные углы, такие же углы имеются в концах моста для разбития весеннего ледохода.

В Новоград–Волынске шоссейный мост на Случи на каменных устоях с чугунными перилами. От Ровно до Корца места тоже открытые и волнистые, шоссе поднимается с холма на холм, везде горизонт широк, кругом далеко виднеются села, деревни и небольшие рощи.

В Корце площадь обстроена хорошими домами. В стороне развалины замка Корецких князей.

Берега Случа обрывисты и каменисты. За 16 верст перед Новоград-Волынском начинается сплошной лес: дуб, береза, сосна, лещина, и тянется почти без перерыва до самого Житомира. В некоторых местах он подходит к шоссе, образуя сплошную зеленую стену. Деревни в лесу попадаются редко, заездных домов и корчем нет. Одни только в лесу почтовые станции. Местами лес растет на мочарах, и под травой везде вода.

За Житомиром, вплоть до Киева, опять леса или на песке, или на болотах.

Около Коростышева опять с обрывистыми каменистыми берегами Тетерев. Через него в Коростышеве шоссейный мост с чугунными перилами. К Киеву местность становится холмистой. От шоссейной заставы, которая по Житомирской дороге в 25 верстах от Киева, виден уже купол колокольни Киево-Печерской Лавры.

23 июня. Явился какой-то мальчик и заявил, что в Тучинских лесах видел банду. Во- дили туда с мальчиком роту пехоты, но никого не нашли.

Крестьяне не хотят снимать помещичий хлеб. Исправник то упрашивает их, то грозит им плетьми. Как действовал во время мятежа этот исправник, приблизительно также действовали и все прочие исправники Юго-Западного края. Они метались, шумели, доносили – и доносили всегда неверно, преследовали самым грубым образом мелкоту, учеников и студентов, которые были только орудиями в руках богатых панов и влиятельных ксендзов. На последних же, подготовивших восстание и старавшихся руководить им, смотрели сквозь пальцы, получая от них подарки и даже заискивая у них протекции. Тот только исправник сидел прочно на своем месте, который пользовался расположением и протекцией панов. Если исправник не умел угодить какому-нибудь крупному пану – он летел вон с должности.

Если бы с начала варшавских манифестаций, администрация Юго-Западного края строго отнеслась к панам и ксендзам, то в этом крае, при сплошном русском православном населении, враждебно расположенном к шляхте, немыслим был бы мятеж, не было бы ни манифестаций, ни банд, ни бесполезных жертв и напрасной траты денег.

* * *

5 августа. Сегодня из Ровно посланы в Цумань казаки, где появилась какая-то банда, пытавшаяся собирать с крестьян на народову справу по 60 коп. с души. Говорят, что это не военная банда, а кинжальщики.

Где то около Ивангородской крепости разбит русский отряд, состоявший из роты сапер и роты гарнизона, казаков и пушки. Отряд из крепости провожал арестантов и денежный ящик. Поляками офицерами извещена была большая повстанская банда. Отряд двигался без предосторожностей и разъездов. Вступив в небольшой лесок, расположенный на холме, отряд был осыпан пулями и мгновенно окружен. Пробилось весьма немного и то раненных. Арестанты дрались вместе с солдатами против поляков. Казна и пушки перешли к полякам.

Виленский предводитель дворянства Домейко, который представил адрес за подписью 235 помещиков, изъявивших верноподданнические чувства и просивших помиловать их, подвергся нападению кинжальщика в собственном кабинете и ранен кинжалом.

Через Ровно и ведут, и везут инсургентов: все молодые паны в черкесках, свитках и великолепных штыфлях.

30 августа. Сегодня в церкви читал манифест об освобождении крестьян Даниил Клюковский, ровенский протоиерей, после прочета манифеста он произнес крестьянам слово, в котором прежний быт крестьян сравнил с египетским рабством, а государя-осво-

бодителя Александра II назвал вторым Моисеем. «У вас теперь нет панов! Теперь вы сами паны!» – заключил он свое слово.

Кокошкин, сотрудник газеты «День», сегодня посещал гимназию и осматривал фундаментальную и ученическую библиотеки. Его сопровождали директор и инспектор. Исправник весьма ухаживает за Кокошкиным: пригласил его на обед и возит на прогулку в Шпанов.

* * *

15 сентября. Поляки распустили слух, что в городе Луцке было сраженье. Слух оказался ложным. Он был, кажется, распущен, чтобы помешать приезду Николая Николаевича Анненкова на ревизию. Анненкова ожидают завтра. Квартира для него отведена в помещении директора гимназии. Анненков в Ровно будет смотреть войска.

На другой день с утра было пасмурно, а потом показалось солнце. В 2 часа объявлен приезд Анненкова. У крыльца поставили две караульные будки. Улицу посыпали белым песочком. Собрались все власти, и приехал генерал Иордан, Все это с 2-х часов расхаживало по улице около дома, скучало, курило папиросы или сидело в приемной. Исправник уехал на встречу, его помощник караулил на дрожках на заставе. За несколько верст от города расставлены были махальные казаки на лошадях.

Стало темнеть, а генерал-губернатор не приезжал. Послышались предположения: не попал ли он в руки какой-нибудь банды. Зажгли свечи. В 8 часов прискакал жандарм и сообщил, что если к 9 часам не приедет Анненков, то власти могут разойтись, за исключением военных и полиции. В 9½ часов приехал чиновник Анненкова, а в 11 часов явился сам он.

С раннего утра квартальный и десятские ходили по улице, удаляя все, что могло мешать сну Анненкова: прогоняли воров, свиней, кур, гусей, и не позволяли ездить по улице.

В 8 часов утра стали отворять ставни.

В 9 – Анненков вышел на улицу с папиросой и прошел к гимназическому зданию. Обошел его кругом в сопровождении инспектора. Затем представлялись ему начальственные лица. В распоряжение Анненкова князь Любомирский прислал свой фаэтон в национальной краковской упряжи и три верховые лошади.

Из клеванского имения, принадлежащего князю Чарторыйскому, явились крестьяне с жалобою на управляющего М-ского, с которым исправник в отличных отношениях. Он сейчас же распорядился мужиков упрятать в кутузку, а евреев, явившихся к Анненкову с разными прошениями, приказал отгонять прочь. Вот подъехал к крыльцу фаэтон, выскочили вперед на лошадях два казака, отворились в фаэтоне дверцы, и Анненков уехал на смотр. Уезжая, Анненков обещал директору, что прямо со смотра приедет в гимназию. Директор все время в мундире караулил его в гимназических воротах. Около директорской квартиры поставлен был караулить приезд Анненкова надзиратель, а далее около квартиры исправника гимназический сторож. В час стали возвращаться со смотра роты.

В 2 часа кончились в гимназии занятия, но учеников удержали в классах. Анненков поехал со смотра в лазарет, тюрьму, а затем на завтрак к князю Любомирскому. В три часа примчался помощник исправника, затем сам исправник с инвалидным начальником, и наконец, показался фаэтон с Анненковым. Казаки впереди и фаэтон неслись стрелою. Анненков приказал собрать в гимназический зал и учителей, и учеников.

Не обратив внимания на общий поклон учителей, Анненков направился к ученикам. «Здравствуйте!» – сказал он.

«Здравия желаем ваше высокопревосходительство!» – отвечали ученики.

«Вы должны ценить милости правительства, которое на ваше образование тратит много денег,– продолжал Анненков.– Вы должны делать свое дело – учиться. Ваше доброе поведение будет оценено правительством. Без учения нельзя быть полезным ни правительству, ни себе, ни обществу, ни семейству. Патриотизм выкиньте из головы. Некоторые патриоты бунтовали. Бунтовать против правительства все равно, что сражаться с ветряными мельницами. Кто не будет исправлять своих обязанностей, того, как дурную траву, вон с корнем!» И, обратившись к директору, прибавил: «Без послабления»!

Затем повернулся и пошел к выходу, но остановившись, сказал, обращаясь к ученикам: «Не пеняйте, что задержал вас лишнее время»!

Учителя опять отвесили поклон, на который Анненков опять не обратил внимания, и вышел. По полутемной лестнице он пробрался в физический кабинет, а затем в библиотеку: «Книг достаточно! А хорош ли выбор?» Директор похвалил.

Директор удивлен небрежностью, с которою Анненков обошелся с учителями, и думает, что причиною рекомендация княгини Любомирской, недовольной тем, что ее друзей, учителей поляков, заменяют русскими. Пообедав у князя Любомирского, Анненков уехал вечером в Дубно.

Поляки о самых секретных распоряжениях власти знают скорее, чем те лица, которые эти распоряжения должны приводить в исполнение. Так, помощник исправника шел из полиции на обед и повстречался с поляком, подсудком К-ским. «Что у вас нового?» – спросил последний. «Ничего!» – отвечал тот.– «А разве вы не получили еще распоряжения об уменьшении контрибуции с 10 на 6 процентов, и что время взысканий продолжено на 3 недели?»

Действительно, такое распоряжение было получено, но только спустя неделю. Эта милость была следствием ухаживаний за Анненковым стариком польских панов и пань.

17 сентября. Военный начальник города Ровно майор В-ский получил от революционного комитета предписание выйти в отставку. Он поляк. Не знаю, что он сделал с этим предписанием – представил ли его своему начальству или не представал, знаю только, что он обращался к доктору поляку с просьбою написать в комитете, что у него 3 сына на содержании правительства в кадетском корпусе и, сверх того, дома куча детей. Впрочем, он готов повиноваться комитету, если последний вполне обеспечит его семейство. Доктор отвечал, что он никакого комитета не знает и сношений с ним не имеет.

Говорят, будто в Житомире в высокоторжественный день у губернатора Друцкого во время официального обеда, после тоста за государя, русские чиновники предложили тост за Муравьева и послали ему телеграмму.

Друцкой предложил тост за Анненкова. Поляки охотно выпили, но между русскими послышалось: «Не стоит. Анненков заботился не о русских интересах!» – «Он теперь заботится!» – сказал, будто, Друцкой. Обо всем этом поляки сейчас доведи до сведенья Анненкова.

Теперь, проезжая через Житомир и принимая русских чиновников, он всех распушил, а некоторым предложил убираться вон. «Мне с такими служить неудобно!»– объявил им.

Из 2-го этажа с балкона дома графа Замойского брошена была в экипаж наместника Берга орсиньевская бомба. Экипаж пробит в 17 местах, убито среди черкесского конвоя 2 лошади и один черкес. Наместник и его адъютант уцелели. Дом Замойского навсегда конфискован в военное ведомство. Виновники покушения скрылись.

Пришел в Ровно Кременчугский пехотный полк, направляется в Люблин. Это уже третий пехотный полк идет в Царство через Люблин.

Рассказывают, будто дочь русского генерала П., получившая воспитание в варшавском институте, вступила в банду и состоит адъютантом при одном из предводителей.

Польский революционный комитет в особой прокламации объявил всех русских офицеров, действующих в Царстве, Северо – и Юго-Западном крае, состоящими вне закона и в случае плена подлежащими повешению.

Октябрь 1863 года. Майор В-ский говорил ученикам, будто западные державы уже объявили войну России. Это разнеслось по городу. Исправник по этому поводу имел какое-то объяснение с В-ским.

* * *

Евреи говорят, что около Томашполя граница совсем открыта, и везут оттуда беспошлинно всякие товары. В Каменце ученики побили надзирателя гимназии и инспектора.

В Подольской губернии организовалось польское тайное правительство, в начальник города Каменца за своею псевдонимною подписью и печатью с белым одноглавым орлом

прибил ночью на столбах и стенах объявления, чтобы никто не смел покупать имущества помещиков, которые будут продаваться с аукциона за невзнос контрибуции.

В Европейской гостинице в Варшаве кинжальщики закололи какого-то доктора Германа. Гостиница конфискована в военное ведомство.

Военный отряд сопровождает пинскую почту от Ровно до Колок. Оставшиеся учителя-поляки еще настолько сильны по составу, что в совете решают принятие обратно в гимназию учеников. заведомо выбывших для поступления в банды или побывавших уже в бандах.

1 Ноября. Поляки по случаю праздника всех святых толпятся в гимназической каплице. Не смотря на крики исправника, все еще облечено в траур. Поляки проповедуют, будто в Пруссии восстание и будто французские войска уже на Рейне. Говорят также, будто вторгшаяся из Галиции банда дралась на прошлой неделе под Порецком.

Помещик Кондаковский, возвратившись из Люблянской губернии, рассказывал у учителя Скальского, что по дороге в лесах встречал банды польских улан, драгун и косиньеров. Где русских войск нет, там царит ржонд. Везде по дорогам виднеются черные кресты с терновыми венками. В радзивиловской таможне поляки потеряли места.

20 ноября. Сегодня умер гимназический капелан Яницкий. Страдая чахоткой и много работая для восстания, он совсем расстроил себя. Вынос тела 22-го .

22 [ноября]. Гоц сегодня очень взволнован. На тротуаре с ним встретился какой то ученик лет 10-ти, Гоцу показалось, что тот задел его рукавом шинели. «Повстанец! Толкай своих учителей!»– огрызнулся Гоц.

Встретил другого постарше ученика. «Ваш ксендз Яницкий не важная птица – он мятежник!» – прокричал Гоц.

Поляки учителя и ученики поручили учителю польского языка Гродецкому сказать Яницкому прощальное слово на польском языке. Гродецкий явился с этим словом к Гоцу. «A o najjaśniejszem Panie в вашем слове есть?» – спросил Гоц. «Нет» – отвечал Гродецкий. «Ну так я nie pozwalam!» – сказал Гоц.

Директор разрешил собирать деньги на погребение ксендза Яницкого учителю-поляку естественных наук Тышецкому. Последний сам пошел в польские дома, а в русские послал бывшего ученика и вожака манифестации среди учеников Фому Милятицкого. Учитель Трофимов ничего не дал Милятицкому.

«Do tych psów nie chodzić[1],– сказала княгиня Любомирская – «Księdza będę w grobie ciężic ich pieniędze!»[2]

Гоц утверждает, что теперь документально известно, что после Степунковского повстанем в городе и окрестностях заведывал гимназический капеллан ксендз Яницкий. Он приводил в гимназической каплице по ночам к присяге и раздавал повстанцам деньги. Если бы он не умер, то очутился бы в Вятке.

Лапицкий говорил в Совете, что покойный гимназический капеллан ксендз Яницкий сочинил на французском языке приветственную речь, которой намерен был встретить французов, когда они вступят в Ровно победителями.

При выходе из Совета, директор Теодорович сказал мне, что по слухам поляки хотят-таки нас перерезать. В лесу за Днепром найден студент, православного исповедания, в голову которому было вколочено 89 больших гвоздей.

22 ноября. Вечером приехал на ревизию попечитель округа Федор Фёдорович Витте.

23 ноября. Еще ночью бегал по учителям гимназический сторож и передавал приказание в 7½ часов в полной мундирной форме быть в инспекторской.

В 8 часов явился в инспекторскую со звездою на груди Витте. Директор представлял учителей, и каждому Витте старался сказать какую-нибудь любезность.

Учителю польского языка Гродецкому сказал, что в Государственном Совете теперь обсуждают упразднение польского языка в гимназиях, но что он, Витте, постарается дать Гродецкому другое место.

---

[1] До тих псів не ходити (*польск.*).

[2] Священикові їхні гроші будуть тягарем (*польск.*).

Учителю словесности Солтановскому сказал, что из Ровенской гимназии получается в округ много хороших сочинений ученических. Учителю законоведения Невгадову – что этот предмет тоже будет упразднен в гимназиях, и учитель получит другое место, при этом Витте прибавил, что сам он доктор законоведения.

Протоиерея Клюковского просил пораньше завтра служить обедню и отслужить молебствование за успешный объезд округа. Затем предложил учителям переодеться в вицмундиры, которые они принесли с собою в платках, согласно предварительному указанию.

Прежде всего, Витте был у старика Епифановича на латинском языке в VII классе и остался очень доволен. Старик Епифанович, который еще не совсем оправился от недавней простудной болезни и всегда привык тепло одеваться, пробывши несколько часов в вицмундире в холодной классной и коридорной атмосфере, сейчас после уроков серьезно заболел. Доктора Богуцкий и Ландсберг уже были у него на консилиуме.

Затем Витте посетил урок физики Лапицкого, который был заранее отрекомендован Витте директором 2-й киевской гимназии Вилуевым, с которым Лапицкий служил в Белой Церкви. Вилуев же – товарищ Витте по педагогическому институту.

По окончании урока, Витте, обращаясь к ученикам сказал: «Г. Лапицкий своим преподаванием делает честь Ровенской гимназии. Вам можно позавидовать, что у вас такой учитель».

Действительно, Лапицкий отличный учитель и весьма способный человек, но крайний нигилист. Лапицкий блондин, высокого роста, с голубыми глазами и богатырски сложен.

Витте посетил еще уроки: словесности, законоведения, естественных наук и польского языка. После уроков осматривал две ученические квартиры: Сушинской и Борженевской. Осматривал еще одну учительскую квартиру в здании оранжереи, где предполагается устроить православную церковь. Церковь и до сих пор (1885 г.) не устроена.

24 ноября. Витте был в церкви на богослужении, посетил еврейское училище и ездил в Шпанов для ревизии приходского училища. Обедал у исправника. На обеде были: какой-то офицер, назначенный мировым посредником, бывший мировой посредник, помещик Яновицкий, Дворжанский, директор, инспектор и учитель Лапицкий. Дворжанский завел разговор об освобождении крестьян и считал его обременительным для помещиков и вредным для самих крестьян. Лапицкий горячился, доказывал противное, Витте говорил в примирительном духе.

25 ноября. Попечитель не был в гимназии: у него нарыв на щеке. Из Каменца депеша, требующая безотлагательного приезда попечителя. Рассказывают что уволенный учитель польского языка Коперницкий собрал в гимназию в торжественный зал всех учеников и сказал им такую патриотическую прощальную речь, что на другой день, когда надзиратель предложил ученикам разойтись по классам и не толпиться в коридоре, ученик V класса ударил его 2 раза по лицу. Инспектор хотел арестовать ученика, но его выгнали ученики из класса. Послали за полицеймейстером. Между тем в гимназии ученики стали буянить до крайности. Решили убить надзирателя. В его квартире переломали всю мебель. Искали его в учительских квартирах.

По требованию шефа жандармов Долгорукого, попечитель уволил учителей киевских гимназий: Малерба, Шумовского, Рупневского и Козловского. Рупневский и Козловской сверх того назначены в приходские училища в Малороссию.

Между учениками 2-й гимназии распространился слух, будто эти увольнения состоялись по доносу директора 2-й гимназии Вилуева. Они стали кричать в коридоре и требовали Вилуева. Когда явился Вилуев, в него пущены были книги и сапоги.

28 ноября. Попечитель был все утро на уроках в гимназии. Вечером в квартире директора – заседание под председательством попечителя. Потом чай. Попечитель благодарил директора, учителей: Лапицкого, Епифановича, Солтановского, Тышецкого.

Полякам учителям запретил в гимназии говорить с учениками по-польски. Требовал, чтоб все без исключения учителя содействовали директору в поддержании порядка в гимназии, К 1865 г. обещал прибавку к жалованию.

До заседания был у князя Любомирского и завтра у него обедает.

29 ноября. На 3-и уроке попечитель распрощался с учителями и учениками, и, согласно просьбе учеников 7 класса, позволил у них прекратить уроки с 15 марта, дабы они могли приготовиться к окончательному испытанию.

7 декабря. В доме покойного мирового посредника – помещика Калиновского, в сарае, в шкафу случайно открыли большой склад золотых грамот[1], которые распространялись мировыми посредниками.

11 декабря. Ученик VI класса Б., квартировавший у учителя Венерта, женатого на дочери польского эмигранта, отпросился домой в Кременецкий уезд, а оттуда, с братом, тоже бывшим учеником VI класса, ушел в Австрию к инсургентам. Венерт– лютеранин, уроженец остзейских губерний, воспитывался в педагогическом институте. Он был уже прикосновен к делу, о раздаче в костеле запрещенных гимнов во время панихиды по убитым в Варшаве.

1864 год.

4 января. Арестовано много помещиков Острожского, Староконстантиновского и Кременецкого уездов. Некоторые арестованы за распространение фальшивых ассигнаций.

Ксендзы запрещают католичкам браки с православными, а тем, которые уже замужем, толкуют, что такого рода брак недействительный, что они не в брачном союзе, а в простом сожительстве, а изменять сожителю, изгонять сожителей не грех, особенно если сожитель схизматик, враг католицизма и короны.

Недавно, исповедуя жену одного чиновника, клеванский прелат утверждал ее в этих мыслях и лишил причастия. Муж жаловался. Прелат объяснил, что она налгала на него за лишение ее Евхаристии, а лишена она за то, что призналась ему в крайне развратной жизни: имела десятки любовников.

31 января. Пришло распоряжение около почтовой конторы ставить на ночь караул, почту денежную сопровождать конвою, осматривать проезжающих, и вообще принять всевозможные меры предосторожности.

На днях исправник с офицером, казаками и понятыми обыскивали костелы в Клевани и Тайкурах, но ничего не нашли.

Сегодня на подводах куда-то повезли роту пехоты, и поехал сам исправник.

6 февраля. После обеда исправник, военный начальник, рота пехоты и масса крестьян с заступами и топорами оцепили весь гимназический двор. Произвели обыск на чердаках, в библиотеке, в кабинетах, в классных комнатах, лазили на печки. Конечно, ничего не нашли в здании, где администрация русская, а служителя – отставные русские солдаты.

Обыск в гимназии произведен по следующему случаю. Командир сводного батальона, квартирующего в Корце, полковник Мясоедов уведомил есаула Гроховского, квартирующего в Ровно, что по секретным слухам ему сделалось известным, что в г. Ровно в дворянской школе хранятся боевые припасы.

Командир предлагал Гроховскому объявить об этом военному начальнику Федорову, секретно разведывать и, если слухи окажутся верными, то немедленно преступить к военно-полицейскому обыску. Как только Гроховский сообщил Федорову письмо Мясоедова, то этот майор сейчас собрал 20 казаков, 80 человек пехоты, и явился в 11 час утра к исправнику, требуя немедленно провести обыск. Домский,[2] помощник исправника, едва успел убедить Федорова подождать окончания уроков. Казаков и пехоту спрятали во дворе исправника, и как только ученики стали выходить из гимназии, сейчас оцепили весь

[1] «Золота грамота» – назва складеної у Варшаві 31.III.1863 від імені революційної Народної управи (нар. уряду), золотими літерами українською і польською мовами відозви до «сільського народу» з приводу польського визвольного повстання 1863—64 рр. «Золота грамота» адресувалася селянам Волині, Поділля і Київщини. Автори грамоти закликали українське селянство взяти участь у народній війні проти «московського панування» і в разі його повалення разом будувати нову державу конфедеративного типу, засновану на спілці трьох народів – Польщі, Литви та Русі (України). Див.: Юридична енциклопедія. В 6 т. – Т. 2.: Д – Й.– К.: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана. – 1999. – С. 640.

[2] В тексті зустрічаються різночитання прізвища як «Домбский Т. И.», «Дембский».

квартал, где находится гимназическое здание, и начали обыск. Так как директор в учителя делали все возможное, чтобы противиться мятежному течению в гимназии, то поляки посредством жидов-факторов в отместку устроили русским этот скандал.

Федоров при обыске грубил заступающему место директора, инспектору Коленку, и русским учителям. Донесено об этом генерал-губернатору и попечителю.

Действительно, при прежних капелланах носились слухи, что в гимназической каплице где-то прячут разные документы и даже оружие, но тогда власти не обратили своевременно на это внимание, да и теперь почему-то, роясь в песочницах в классных комнатах, оставили без обыска каплицу, стоящую отдельно среди вековых лип на гимназическом дворе.

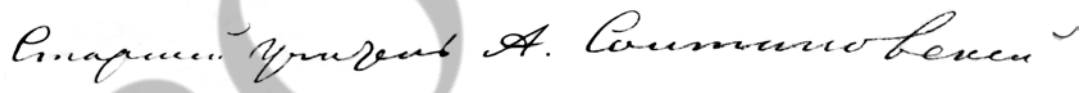
Говорят, что начальник кинжальщиков, молодой помещик г. Бобр, встретив на улице в Дубно судью Голубовского, старика хромого лет 70-ти, сбросил ему палкой с головы шапку, и когда Голубовский нагнулся поднимать шапку, он топориком рассек ему пополам череп. Бобр [был] схвачен и предан военному суду.

Голубовский, состоя председателем комиссии в Дубно для разбора дел по разного рода манифестациям, беспощадно приговаривал обвиняемых к тюрьме и огромным денежным штрафам. За это его и приговорил «ржонд» к смерти.

* * *

29 февраля. Директор Ровенской гимназии Теодорович приглашен директором Каменец-Подольской гимназии, а учитель словесности Солтановский – инспектором. Витте пригласил обоих для исправления этой гимназии.

9 марта. В Дубно сегодня вешают Бобра[1]. У него нашли много денег в золотой монете, важных бумаг и фотографические карточки жандармов-вешателей[2]. По этим данным арестовали уже 18 человек, в том числе, К-ля, сына городового врача в Дубно, и брата жены Л-га, ровенского городового врача. Арестованы также бывшие ровенские воспитанники два брата В-чи. 7-го через Ровно проехал из Житомира в Дубно жандармский полковник, чтобы присутствовать при экзекуции над Бобром.



Автограф А. Солтановського

[1] За свідченням А. Сендульського, поміщик с. Сівки Острозького повіту Олександр Бобр був розстріляний за містом (Сендульський А. Город Дубно // Волын. епарх. ведомости. – 1877 – №14.– С. 605). На місце загиблого Голубовського було призначено Галактіона Короленка – батька письменника Володимира Короленка. У «Волинских губернських відомостях від 21 березня 1864 р. №12 було об'явлено: «Определены: 9 марта … Судебный следователь Житомирского уезда 2 участка надворный советник Короленко – дубенским уездным суддею».

[2] Жандармы-вешатели – виконавці розпоряджень центрального комітету, який керував польським повстанням. Вони захоплювали і страчували тих осіб, в яких комітет вбачав ворогів повстання.

СПОГАДИ УЧНІВ-ПОЛЯКІВ ПРО РІВНЕНСЬКУ ГІМНАЗІЮ

Мечислав Щепковський

СПОГАДИ

Ті, хто хоче дізнатися хоча би побіжно про стосунки, які панували серед молоді Рівненської гімназії в період після повстання, повинні розпочати своє дослідження з моменту самого повстання 1862–1863 рр.

Я не знаю, чи ще живий хтось з учнів старших класів гімназії, хто міг би відповісти на питання, що нас цікавить, однак ми не повинні забувати, що учні 6 і 7 класів у п'ятдесятих і шістдесятих роках минулого століття не були хлопчаки 16 або ж навіть 18 років. Це були переважно зрілі повнолітні молоді люди, які неохоче голили вуса, вважаючи їх польською національною рисою («Вуса і перука» Корженевського). Тому, на сьогодні випускник 7-го класу мав би близько 90 років.

Якщо в наш час немає прямих свідків, які б могли розповісти нам про настрої і діяльність рівненської молоді під час повстання, то потрібно зібрати будь-які найменші свідчення з розповідей батьків, матерів і близьких, які є синами і онуками цього покоління.

З розповідей Вінсента Сежпутовского і Томаша Милятицького запала мені в пам'ять розповідь про те, як троє рівненських гімназистів, як казали пізніше, втекли (в 1862 або 1863 році?) «до лясу». Один з них потім повернувся і після тілесного покарання (різками) навіть знову був прийнятий до гімназії. Йому повірили, що за сімейними обставинами не зміг після Масниці вчасно повернутися на навчання, а також, щоб не потрапити до рук повстанців, які дошкуляли нападами з безкрайніх славутських лісів. З двох інших гімназистів, один загинув під Міньківцями 22 травня 1863 р., другий, після битви під Салихою 26 травня 1863 р., змушений був відійти із загоном Едмунда Ружицького[1] до Галичини

У Рівному був Народний комітет (чи просто осередок) з відділом, я б сказав, зв'язків, до якого належало досить багато учнів старших класів гімназії. Метою цього угрупування було підтримувати зв'язки зі схожими комітетами (або групами) в сусідніх повітах і, навіть напряму з підрозділами повстанців, які діяли недалеко від Рівного в лісах південної Звягельщини, Заславщини і південного Полісся.

Скарбником комітету був повнолітній учень 7 класу Томаш Милятицький (народився 1838 р.). Архів комітету зберігався в гардеробі княгині Зінаїди Любомирської, дружини власника Рівного.

---

[1] Ружицький Едмунд Тадеуш Домінік (1827–1893) – діяч польського визвольного руху. З 1848 р. служив у російській армії. В 1854 р. закінчив Академію Генштабу. В 1861р. вийшов у відставку в чині підполковника й оселився в Житомирі. В серпні-грудні 1862 р.– голова повстанської організації «Провінційний комітет на Русі». Під час польського повстання 1863–1864рр. з січня по травень 1863 р. входив до складу «Тимчасового уряду на Русі». Очолював повстанські сили на Волині. Після поразки повстання емігрував до Парижа. З 1872 р. жив у Кракові.

Перебуваючи на нелегальному становищі, Милятицький не мав змоги закінчити гімназію в Рівному. Змушений переховуватися і тікати, зник з волинських обріїв та отримавши рекомендаційні листи, подався per pedes apostolorum[1] до Києва, де, як казав мені один з його однокласників (росіянин), почав маршувати в модній на той час, забороненій, повстанській чемерці[2] без жодної білизни під нею.

Гімназію вдалося йому закінчити в 1866 р. у Чернігові, у віці 27 років.

Про настрої рівненської молоді через декілька років після повстання я нічого не можу сказати. Мало що залишилося в моїй пам'яті зі середини 70-х років XIX століття. Суперечки молоді зі старшими, які точилися на сторінках варшавських журналів, гучним відлунням відбивалися у волинських будинках і двориках, звідкіля проникали в учнівські осередки. Виникали суперечки і дискусії. Імена Букле, Драпера, Фохта, Бюхнера, Молешотта неодноразово згадувалися серед молоді. Новини про них, зазвичай, отримували, переважно, зі шпальт часопису «Przegląd Tygodniowy»[3]. Одночасно всмоктувалося все, що вдалося знайти з великої спадщини, що залишили нам романтики. Я пам'ятаю дискусії про статтю ксьондза Францішка Крупинського: «Романтизм і його наслідки». Якщо пам'ять мені не зраджує, висновки мудрого піара знайшли серед колег тільки одного опонента. Ідея незалежності ніби поринула в летаргію. Проте національна ідентичність була сильною.

Пригадую такий факт. Приїхав до Рівного з Києва, здається в 6-й клас, син «протоієрея» (православного благочинного) на прізвище Птіцин. Звичайно, він не тільки не міг спілкуватися польською, але навіть не розумів нашої мови. Через рік навчання в Рівненській гімназії на учнівській квартирі по вул. Тополевій (тепер вул. маршалка Ю. Пілсудського) він вже читав нам вголос «Пана Тадеуша» Міцкевича. Цікавий приклад полонізації, а не русифікації.

Я повинен відзначити, що з боку педагогічного колективу Рівненської гімназії не було ніякої насильницької русифікації. Може причина полягала в тому, що директор Сущевський походив з уніатської родини, однак навіть росіянин (великорос) інспектор Юшков не намагався нас асимілювати. Коли один з учнів (Хонский) сказав йому, що польською синус і косинус потрібно називати wstawa і dostawa, він зауважив, що не вважає це корисним, оскільки використання латинської назви будь-якої речі не може спричинити асиміляції, а полегшить спілкування з математиками інших національностей.

Крім впливів на молодь ідеалів так званих варшавських «позитивістів», на певні кола молоді з колишнього шляхетського середовища і навіть «однодвірцев», тобто околичної шляхти[4] здається з Людвиполя (Соснове), Коловерті і Харалуга, певний вплив мав власник невеликого фільварку Міхал Яцковський.

Завдяки сестрі він породнився з великою родиною Вігурів, мав добрі відносини з молоддю. В той час ідеали демократії рідко зустрічалися в повсякденному житті і це підштовхнуло його до тісніших стосунків з околичною шляхтою, серед якої Богатировичі становили незначну частину[5].

Яцковський замолоду писав у малоросійському (або як тепер називають українському) щомісячнику «Основа», засновниками якого були Костомаров, Шевченко, Маркевич

---

[1] Стопами апостолів (*лат.*) – тут: пішки

[2] Чемерка – старовинний чоловічий верхній одяг, пошитий у талію з фалдами ззаду

[3] Przegląd Tygodniowy Życia Społecznego, Literatury i Sztuk Pięknych – тижневик, що видавався у Варшаві в 1866–1904 рр.

[4] Околична шляхта (*пол.* szlachta okoliczna), або застінна шляхта – стан збіднілих, здебільшого безземельних, шляхтичів, які, володіла присадибними господарствами, але не мали селян. самі трудилися на своїй землі, утворювали цілі шляхетські поселення – так звані «застінки» (пол. zaścianki) або «околиці» (*пол.* okolice), відокремлюючи поселення від решти плебейського світу. Пізніше їх позбавили усіх привілеїв та виключали із дворянства.

[5] Герої роману польської письменниці Е. Ожешко (1841–1910) «Над Німаном» (1887) дрібні шляхтичі, прихильники національно-патріотичних традицій часів Січневого повстання 1863 р. Вони жили цілим селом – Богатировічами. «Жителі цього села володіли колись документами, що засвідчували їх дворянство, але давно вже їх втратили, і тепер вели убоге, трудове життя дрібних хліборобів».

та інші в Києві. Підписував свої поетичні твори псевдонімом «Михалко з-над Случа». Ідея цього журналу, а також Кирило-Мефодіївського товариства полягала у створенні федерації слов›янських народів, наріжним каменем якої повинна була стати польсько-малоросійська федерація. Переживали у Яцковського і закриття «Основи», і заслання Шевченка до Оренбурга, і Костомарова в глиб Росії, і Січневого повстання. Яцковський стверджував, що самі поляки ніколи не матимуть змоги досягти незалежності, в той час як 12 мільйонів поляків разом з 18 мільйонами малоросів (так подавав чисельність двох народів) становлять вже дуже грізну силу, яка може спричинити серйозну зміну в історичному балансі, особливо якщо буде пропагуватися ідея всеслов'янської федерації.

На наше переконання, відмова від своєї національної приналежності в ім'я цих ідеалів проф. Антоновича і Садик-паші-Чайковського[1], для погибелі заради національної справи майбутніх поколінь заможного роду Рильських, відповів вказуючи на рід Підгорецьких, які своїх дітей возили хрестити до Львова тощо.

Його вплив не сприяв асиміляції, бо зрештою і сам себе вважав якимось покручем, Gente Ruthenus natione Polonus[2], але під його впливом були фотограф, декілька учнів в українських свитках, а їхні сестри або кузини з групою ентузіастів в малоросійських вишиванках. У всякому разі, всі погоджувалися, що необхідне зближення і порозуміння, однак різними були погляди на те, як це зробити – чи за зразком угоди Яна Кароля Ходкевича[3] з Петром Конашевичем Сагайдачним, чи на кшталт пізніших угод Івана Виговського.

Як би там не було, але з відстані часу не бачу, щоб Яцковський погано вплинув на молодь. Згасаючи під впливом може погано зрозумілих ідей, під впливом неправильних замовлень творців ідеї «органічної праці», розбудили ідеї боротьби за незалежність, змусили шукати засоби для їх реалізації.

При подальших спогадах треба відзначити, що російські революціонери сприяли відродженню серед молодих поляків національних почуттів.

У середині сімдесятих років минулого століття до Рівненської гімназії на посаду викладача хімії було призначено якогось Хоменка. Йому вдалося здобути велику популярність серед учнів, не дивлячись на суворі вимоги до свого предмету. Хоменко, як з'ясувалося пізніше, належав до російської революційної організації «Земля і воля», яка потім поділяється на дві групи: «народовольців» і соціал-революціонерів (есерів), націонал-соціалістів і трудовиків, селянську партію, або інакше «Чорний переділ», які потім перетворилися в соціал-демократів.

Хоменко для участі в революційних починаннях влаштував до 7 класу учня Камінського, кажу «влаштував», тому що і сьогодні не розумію, як йому вдалося зробити учнем одруженого молодика, а Камінський мав дружину. Працюючи у потрібному йому напрямку, Камінський встановив зв'язок з керівництвом, або можливо, з одним із працівників книгарні Веста в Бродах, який постачав йому, а через нього і нам, заборонену літературу. Йому – російську, а нам – польську. Від нас ці скарби розходилися переважно з уст в уста, або оказією серед колег, які їхали на свята додому, серед кузин. Бували однак посилки, які відсилалися державною поштою. Пригадую посилки до Києва і одну навіть до Варшави.

З якихось причин Камінській змушений був тікати з Рівного і що сталося з ним і з тими посилками не знаю, оскільки і сам залишив Рівне. Однак, у мене склалося враження,

---

[1] Михайло Чайковський або Садик-паша (1804 —1886), польський та український політичний діяч, письменник. Нащадок гетьмана Івана Брюховецького. Народився недалеко від «святої» Кодні, про що сам зазначає у своїх спогадах. Брав участь у польському повстанні 1830 —1831 рр., згодом перебував в еміграції в Парижі і Константинополі. 1850 р. перейшов на турецьку службу і прийняв іслам.

[2] Поняття gente Rutheni, natione Poloni (руського племені польської нації – *лат.*) з'явилося в першій половині XIX ст. на означення політичної та національної самоідентифікації польських патріотів, переважно з числа нової інтелігенції, що мали руське походження. Авторство вислову приписують С. Оріховському (1513–1566) – каноніку римо-католицької церкви польському гуманісту русинського (українського) походження доби Відродження.

[3] Ян Кароль Ходкевич (1560—1621, Хотин) – визначний польський військовий і політичний діяч литовського походження, великий гетьман литовський (1605–1621).

що вони були, і що кур'єром через декілька років був інженер Поліської залізниці Міхал Гатовський.

До низки фактів, які варто згадати, належить також відвідини гімназистами могил повстанців у минковецькому лісі і поля битви за дамбою під Саліхою. Знаю, що вони повторювалися і після мого від'їзду з Рівного, так що, можливо хтось з молодших колег розкаже про те.

Консолідації національного почуття сприяли польські аматорські театри, які, звичайно, були в приватних будинках, про публічні польські вистави на Волині, Поділлі та Україні не могло бути й мови. У Рівному були дві такі родини, які для цього надавали свої салони. В будинку пані Дунінової, крім бажання, я б сказав, грати в театрі було ідейне відчуття національної потреби в тих виставах. Будинок панів Братковських, де основним захопленням була лише гра в аматорському театрі – і ті вистави мали великий резонанс, оскільки під час свят аматорські колективи іноді виїжджали за межі Рівного і влаштовувалися вистави в будинках поміщиків. У складі чоловічих колективів тих театрів були, за одним лише винятком, гімназисти.

Щоб мати повну картину шкільних стосунків треба додати, що серед персоналу, який спілкувався з учнями було декілька осіб польського походження або в родинних стосунках з поляками. Перш за все, поляком був кожен ксьондз-префект. За мого часу це був ксьондз Баєвський, пізніше керуючий Житомирською дієцезією, людина освічена, на його уроках постійно відбувалися диспути. Нас він називав єретиками, але не був фанатиком.

В моїй пам'яті, незважаючи на постійні дискусії зі мною, він залишив найкращі спогади.

Іншою людиною, яка постійно спілкувалася з учнями, був шкільний лікар Погоновський. Його польський характер проявлявся в тому, що відвідуючи хворих або гімназистів, які вдавали що хворіють, постійно розмовляв з ними польською мовою, а також з шкільним фельдшером євреєм Саніем. В усьому останньому він тримався осторонь, дбав лише про роботу і впливав на синів, щоб вони не брали участь в жодній акції, не санкціонованій урядом. Середнього його сина і мого однокласника, зрештою доброго хлопця, мені не вдалося залучити до жодної нелегальної роботи.

Поляком був вчитель французької мови Карл Клясс. Шляхетна душа, але в мій час то був вже виходець минулих часів, сліпий виконавець волі дружини і нещасна жертва бешкетування гімназистів. Звичайно, про будь-який його вплив на вихованців не могло бути й мови.

Вчитель німецької мови Антоній Ланг був одружений з полькою, з родини Бордецьких, через неї породичався з численними родинами околичної шляхти. До кінця життя говорив із сильним німецьким акцентом, але з їхніх дітей тільки старший син знав німецьку мову. Ані другий син, ні дочка батьківською мовою не розмовляли. В його дочки неодноразово зберігали заборонену літературу. Він утримував так звані учнівські квартири, мешканці яких у повсякденному спілкування не чули іншої мови, крім польської. Впливу на учнів, незважаючи на великі знання в галузі літератури і мистецтва, не мав ніякого. Він давав приватні уроки німецької, його звинувачували, що за добру плату він допомагав вступити до школи.

Станіслав Михальський

СПОГАДИ ПРО ШКОЛУ[1] (1874/5-1881/2)

У 1874/5 р. я вступив до першого класу реальної гімназії в Рівному, а закінчив сьомий клас 1881/2 р.

Готуючись в селі до вступного іспиту, я ще вирішив вивчити так званий царський катехізис («царський катехізис» – брошура російською мовою 16^0 формату, що містила перелік запитань і відповідей про імператора та його родину. Подібний екземпляр зберігається в колекції Ягеллонської бібліотеки). В гімназії я дізнався, що катехізис вже вилучений з навчання[2].

Викладання, навіть уроки католицької релігії (ксьондз Хжановський), відбувалося тоді російською мовою. Уроків польської мови не було взагалі.

З персоналу в моїй пам'яті закарбувалися наступні постаті – це два наглядачі, що найчастіше з'являлися серед учнів: кульгавий, найбільш ненависний серед гімназистів Діткевич Дорофій Іванович, якого просто звали «Воробей Барабанович» і другий – Бутович, який одночасно викладав каліграфію.

Жертвами учнівських жартів ставали передусім викладачі французької мови: поляк Карл Клясс, пізніше француз Марксер. Симпатизували математикам Комарову, Органову, Циссу, історику Коркушко і вчителю російської мови та літератури – Сеферовському. (Останні три належали до радикальної групи) .

Пригадую, коли Сеферовський розпочав викладати в 5-му класі урок історії російської літератури, то висловив нам жаль, що в класі зібралися, майже самі поляки, але у нас немає уроків рідної літератури. Це мене дуже вразило. Незволікаючи, я замовив собі з Варшави підручник історії польської літератури – з метою заповнити прогалини в самоосвіті. Щодо спілкування Сеферовського з учнями, то пригадується наступний випадок. Якось з колишньої школи піарів у Межирічі Корецькому до Рівненської гімназії надійшла польська книгозбірня для створення фундаментальної бібліотеки, якою не дозволяли користуватися гімназистам. Сеферовський, для впорядкування книжок щонеділі брав на допомогу собі учнів, яким на місці дозволяв читати.

Загалом, у 5-му класі (за директорства Сущевського) не було тяжкого пригноблення учнів польської національності, окрім урядової русифікації (наприклад, не дозволялося розмовляти польською мовою в класах і коридорах), як в гімназистів з Варшави, Любліна (де працював відомий директор-русифікатор Сенгалевич), Ловіча, та ін., які втікали до Рівного з метою закінчити навчання. Наприклад, в 5-му класі товаришував зі мною Броніслав Лелевель (здається, внук Прота), який перевівся з Ловицької до Рівненської гімназії (пізніше закінчив Санкт-Петербурзький гірничий інститут, був заарештований в Домброві за розповсюдження нелегальної літератури. Він довго просидів у в'язниці, а тепер проживає у Варшаві).

---

[1] Доповідь виголошена на зібранні колишніх учнів Рівненської гімназії у Рівному 1931 р. (*Прим. авт.*)

[2] На той час 1-й клас знаходився в партері, наприкінці кураторіуму, з боку гімназійної каплиці (тепер там педагогічна бібліотека кураторіуму Луцького навчального округу). Над 1-м класом, який був на першому поверсі, знаходився 5-й клас. (*Прим. авт.*).

Закарбувалося в моїй пам'яті і те, як один з вчителів переконував гімназистів, що Польща ніколи не була незалежною державою. Гімназійне начальство намагалося впливати на молодь, залучати її до російського товариства, заманювали до офіцерського клубу. Однак, це не мало великого впливу.

Ще в моїх споминах виринає образ вчителя природознавства Завістовського, одруженого з єврейкою, оригінала, який впливав на молодь своїми уроками (завжди надавав літературу з предмету і радив, що прочитати. Він був на поганому рахунку в директора Дзюблевського, у нього навіть провели обшук.

Якось на уроці в старших класах Завістовський висловився: «Дайте мені живу органічну клітину – я створю вам людину». Можна собі уявити, скільки потім в Рівному ходило пліток і коментарів з цього приводу!...

Іншого разу Завістовський намовив мене, щоб я прийняв православ'я, бо тоді я міг би зробити більше для Польщі. Його дружина також впливала на гімназистів: найважливішою книгою для моєї самоосвіти (мав тоді неповних 16 років) вважала фізіологію статевих органів людини, яку мені люб'язно позичила, до того ж щедро ілюстровану... .

З гімназійних священиків, після отця Хжановського, я пам'ятаю ксьондза Антона Баєвського, освіченого і вельми шанованого. Він рекомендував мені, пригадую, підписати варшавський щомісячник «Ateneum». Він мав сутички з поліцією з приводу однієї з проповідей, в якій казав, що Римська імперія, хоч була велика і потужна – однак розпалася. В тому побачили натяк на «Великую Россию». Його заступив молодий і гарячий ксьондз Камінський, який збирав у себе на квартирі «на чай» гімназистів, які бажали працювати в релігійному та польському дусі. Пам'ятаю, що він навіть намовив до участі в цих зустрічах одного з моїх однокласників, зрусифікованого поляка-атеїста, який переконував мене, що «Бога нема, це ясно доводиться вищою математикою на осях координат».

Ксьондз Камінський, посилаючись на канонічне право, заборонив нам ходити до гімназійної православної церкви на головне богослужіння, як того вимагало шкільне начальство, за що він був негайно висланий з Рівного. Після нього був ксьондз Бялостоцький.

За спогадами, отриманими від старшого за мене на кілька років товариша Фелікса Бродовського, тепер відомого письменника, «період 1878–1883 рр. запам'ятався змінами в гімназійному житті – з ліберального режиму на реакційний»[1].

На той час Рівненська гімназія випустила ряд людей, які надалі продовжили своє навчання в Технологічному і Лісовому інститутах в Петербурзі або в Петровсько-Розумовській сільськогосподарській академії в Москві і з часом уславилися як борці з царатом.

«Я чув,– пише далі Бродовський,– треба це перевірити, що до процесу Желябова, Перовської та інших (вбивство імператора Олександра II) були причетні вихованці Рівненської гімназії. З того часу про гімназію поширилася погана слава. Час реакції для Рівного розпочав помічник попечителя Київського навчального округу Ростовцев.

Насамперед, змінили директора Сущевського, людину старої школи, який мав у гімназійному середовищі прізвисько «Папаша» і був доброзичливим другом молоді, батьківсько-патріархального типу, відомого з повісті Михайлова про шкільне життя[2].

В його часи тон морального життя молоді в Рівному задавали три вчителі: Сеферовський, Коркушко і Цисс (математик). Вони допомогли молоді отримати надзвичайно цінний скарб у вигляді бібліотеки заборонених книг. Як такої таємної організації в гімназії не існувало, можливо в старших класах, або вона була добре законспірована. Напевно, її згуртував навколо себе син Цисса в 7 класі. В ньому бачили майбутнього активного борця з царизмом. Була групка, яка налічувала не більше десятка учнів, яких решта називала «радикалами». То були читачі книг з таємної бібліотеки, які читали Луї Бланка, Лассаля,

---

[1] Фелікс Бродовський (1864–1934) – письменник, літературний критик. Бродовський в 1875 р. був прийнятий у 2-й клас початкової школи в Любліні. Але через надмірну русифікацію школи Бродовський перевівся до реального училища в Рівному, яке він закінчив у 1883 р. Див.: Brodowski F. Wspomnienia.– Warszawa, 1929.– 256 s.

[2] Ймовірно мова йде про повість М. Л. Михайлова «Адам Адамич» Див.: Михайлов М. Л. Адам Адамич и другие. – М.: Правда, 1991.– 496 с.

Д. Пісарева, Міртова та ін. Поляки в тому гуртку популяризували Пруса («Міхалко», «Антек»), Сенкевича («Замальовка вугіллям») і в основному Свєнтоховського, який тоді друкувався у «Przeglądzie Tygodniowym».

Поза школою прогресивному руху молоді співчували родина Єловицьких, в будинку Камоцкіх, панна Софія Рокосовська, високоосвічена шляхтанка та ін. В колі «радикалів» національні відмінності не простежувались надто гостро. Поляки і росіяни зближувалися на ґрунті ліберальних ідей. Євреї, яких було декілька процентів, зазвичай, були пасивно лояльними.

Директора Сущевського замінили у 1879 р. на реакціонера Дзюбенко-Дзюблевського – математика, якого прислали з метою викорінення паростків нелояльності і «вільнодумства». Припинилися будь-які відкриті стосунки з Сеферовським, Коркушко і Циссом. Бібліотеку Сеферовський приховав, але, звичайно, це вже не стримувало поширення вільнодумства…

Чарівні околиці Рівного пробуджували в молоді любов до природи і ландшафтів. Серед гімназистів завжди були популярними прогулянки на човнах ставками, в заростях очерету, в приміський ліс «Грабник» (якого сьогодні не існує), до урочища «Сосенки», в село Басів Кут. Але були й ті, хто потайцем полюбляв більярд або смак чеського пива та російської вишнівки...».

Так згадує Бродовський.

Наскільки я пам'ятаю, життя польської громади в Рівному зберігалось в окремих будинках нашої інтелігенції, наприклад, панів Зенковських, патріотів і людей високої культури та ін. Тут можна було побачити польську книгу або часопис, які не завжди легко було дістати.

З тижневиком «Prawda» Свєнтоховського я ознайомився у 7-му класі. Також я читав щомісячник «Ateneum» і тижневик «Wszechświat». В «Ateneum» тоді була опублікована стаття Петра Хмілевського під назвою «Młode siły» («Молоді сили») про перші твори Сенкевича і Пруса.

Зі Сенкевичем познайомився, прочитавши російський переклад «Szkiców węglem» («Ескизы углем») в «Русской мысли» . Це спонукало мене прочитати твори Сенкевича і Пруса в оригіналі.

Після розгрому польського повстання у Рівному всюди панувало почуття депресії і побоювання, що звинуватять в антиурядових виступах. Крім того, уникали приятельских стосунків з росіянами. Занадто свіжою ще була пам'ять про повстання, яка підтримувалась завдяки «сибірякам», що повернулися з каторги.

Перед моїм вступом до гімназії, близько 1873 р., до нашої родини з Іркутська повернувся брат матері Франтішек Новицький, колишній студент Київського університету, засланий до Сибіру після перестрілки під Києвом. Його розповіді про повстання глибоко закарбувалися в моїй пам'яті…

В найближчому моєму родинному оточенні знане було ім'я діда – доктора Генріха Богуцького, в будинку якого в Рівному збиралися повстанці, а між ними молодий вчитель польської мови з Рівненської гімназії, блаженної пам'яті Мар'ян Дубецький, з яким я мав честь зустрічатися в Кракові на 87 році його життя.

Наприкінці я повинен згадати, що настрій серед рівненських гімназистів під час Січневого повстання добре і неупереджено описав в своїх 4-х томних мемуарах російський письменник Короленко (мати якого була полькою), син директора казначейства[1] у Рівному. Він тонко описав пробудження патріотичних почуттів серед гімназистів-поляків та їхні почуття відчуженності від однокласників-росіян. Той же автор, говорячи про Рівне, в повісті «В дурном обществе» описує руїни каплиці на Волі – передмісті Рівного, де в підземеллях тулилися в злиднях рівненські безхатченки-вигнанці (наприклад, напівбожевільний Туркевич).

Якщо ж говорити про нашу гімназію, то ми завдячуємо їй лише одним – вихованням в нас сильної ненависті до російського поневолення і глибоко прихованою тугою за

[1] Автор помиляється, насправді батько Володимира Короленка, Галактіон Короленко був повітовим суддею.

польськими ідеалами. З цим ми поїхали на схід до російських академічних інститутів, де в черговий раз в польських студентських колах займалися самоосвітою в польському національному дусі, готувалися до щоденної праці на батьківщині.

Ми вирішили, що після закінчення навчання не будемо погоджуватися на посади в Росії. Повернемося тільки до Польщі, здолаємо всі труднощі в пошуках роботи в краї. Відмовимося від привабливих пропозицій, які нам постійно надходили з Росії, отримати пристойний статус в суспільстві.

Приїжджаючи з Росії до Рівного на літні канікули і різдвяні свята, усі випускники намагалися впливати на наших молодших товаришів, які ще залишилися в гімназії.

* * *

Ось короткий нарис небагатьох подій з пригніченого, похмурого періоду нашої молодості, яка постраждала від неволі…

Ми не відчували тоді, що у 1-й російській гімназії у Вільно, за мурами Віленського університету, під жорстоким російським гнобленням, разом з нами зростали, майбутні революціонери, Вождь і Очільник Нації[1], і що за нашого життя Польща буде звільнена і для Неї ми будемо працювати…

Болеслав Моркевич

СПОГАДИ ПРО ШКІЛЬНІ РОКИ
1890-1900

Період часу життя в стінах колишнього Рівненського реального училища, про яке я маю честь розповісти шановним колегам, розпочався з 1890 р. і продовжувався до 1900 р. На жаль, він не був позначений яскравими проявами національного політичного руху серед місцевих учнів-поляків.

Здавалося, що після Січневого повстання, яке вибухнуло в центрі краю і хвилею прокотилося до кресів, та після гарячих днів повстання, настала тиша і сувора політична зима, за якої заціпеніли всі паростки вільного життя. Герої Січневого повстання, які не згинули на шибениці або в царських казематах, були не тільки морально зламані невдачами, але й були вже похилого віку і не мали достатньої енергії виборювати свободу.

Молодше покоління, що з дитячих років було свідком жахів «усмирения польского мятежа», так злякалося, що пошепки розповідало про злочини жандармів. Нові бійці, які повинні були встати до подальшої боротьби супроти поневолення, тільки почали з'являтися на політичному обрії. Саме завдяки їхній боротьбі ми змогли сьогодні зібратися, щоб вшанувати пам'ять героя і поділитися своїми спогадами, не боячись, що «стіни мають вуха».

Тому, починаючи свою скромну оповідь з минулих літ, я не можу стримати вигуку на честь всіх тих борців, деякі з них є серед нас, які своєю працею і тернистим життям сприяли, щоб стали можливими сьогоднішні урочистості.

Кожен з нас пам'ятає, як охоплювала радість після здачі іспиту, вступу до школи і першу примірку омріяного шкільного кашкету. Але всі ці милі спогади перших шкільних канікул були отруєні майже відразу, як тільки я переступив поріг гімназії.

[1] Мова йде про Юзефа Клеменса Пілсудського (1867-1935) — польського політичного і державного діяча, першого голову відродженої польської держави, засновника польської армії, маршала Польщі.

Перша зустріч зі школою показала, що вона спрямована на русифікацію і розтління душі. За кілька днів після початку навчального року, коли всі разом гралися в золотавому осінньому саду школи, ми дізналися, що польською «га-а-варить не-ель-зя», навіть під час забав. Це був перший стимул до обережності, усамітнення, іншими словами, конспірації. І ті, хто знали один одного ще до школи, почали спілкувалися і розмовляти польською потайки, за межами школи, коли впевнювалися, що їх не чує пан Стеткевич, гімназійний наглядач або горезвісний Порфирій – місцевий двірник. Той «милий» пан мав звичку часто нагадувати: «Якщо пан палить, треба гасити». Побоюючись, що Порфирій знає про якийсь гріх, ми «гасили вогонь» за допомогою 20 копійок аж до рубля, в залежності від внутрішнього відчуття провини.

Скоро події спричинили новий поштовх до подальшої конспірації. Закон Божий нам викладали російською, а оскільки діти поляків володіли мовою погано, то наш ксьондз префект Ляхович, великий патріот, намагався розмовляти з нами польською. Про це швидко дізнався директор Радкевич і наказав, щоб уроки з релігії для всіх класів проходили у фізичному класі, поряд з кабінетом «Его Превосходительства».

Отож, ксьондз Ляхович, ходячи по класу, зреагував на цей наказ у такий спосіб, віддаляючись від зловісних дверей, ступаючи між учнівськими партами, тихо говорив польською, а підходячи ближче до дверей, він продовжував голосно говорити російською. В результаті, директор вважав, що лекції ксьондз проводить російською, а ми усвідомлювали себе «католиками», як нас офіційно називали і повинні були стерегтися москалів, тобто конспіруватись.

Ці та подібні події, вже в перші дні перебування в гімназії, вчили нас об'єднуватися з перевіреними польськими групами. Пам'ятаю, що за час навчання в школі, я ніколи не був у близьких стосунках з «не католиками», в той же час поляки жили разом досить приязно, а в старших класах навіть дуже дружньо. По можливості, допомагали, позичали один одному польські книги. Збиралися в надійних будинках, де відбувалися диспути і шукалися відповіді на численні питання. Звичайно, це не були ніякі таємні організації в буквальному сенсі, але в дуже молодому віці я зрозумів важливість організації та конспірації, які стали в пригоді вже в зрілому віці.

Найкращим вчителем у цій справі (конспірації) був пан Стеткевич. Він відслідковував своїх вихованців, сховавшись за колонами, біля входу до гімназії, чи маючи високий зріст, ходив зсутулений, вдивлявся у вікна присадкуватих провінційних хатинок. Такі спогади перших років навчання в Рівненській гімназії не викликають сильних емоції. Кажуть, що людина до всього може призвичаїтися. Ми, також, звикли до того, що нам закидали полонофільство через погану російську вимову. Недозволяли вживати «заборонену» мову вдома і взагалі за межами школи, «заганяли» двічі на рік на (православний) молебень, тому що католицького Бога влада не визнавала. Отже, щоб отримати хороші оцінки в навчанні, доводилося на початку шкільного півріччя звертатися з молитвою до православного Бога та одночасно вислуховувати молитви за «царя – помазаника божого».

Всі ці неприємності, разом зі спілкуванням на прогулянках і в усіх будинках польських родин, виховали в нас дух обережності і супротиву. Без перебільшення можна сказати, що найбільш революційним елементом в Рівненській гімназії були поляки. Це неодноразово підкреслював і пан інспектор Тимофєєв. Уникаючи такого страшного слова як «революція», він вживав натомість інших епітетів на кшталт «Ах, уж эти католики-разбойники!»

Серед учнів нашої гімназії ходили дуже дотепні вірші російською мовою, в яких давалися характеристики нашим вчителям. Вкрай негативно в них була представлена постать пана директора. Керівництво намагалася знайти автора. Ми, поляки, знали, що ці вірші писав поляк Клімашевський. Від ксьондза-префекта дізналися, що пан інспектор підозрює в авторстві поляка.

Близько 1895 р., коли ми були в 4-му класі, в нас відбувся перелом і значне посилення боротьби за свободу Польщі. Певною мірою це було пов'язано зі смертю царя Олександра III. Я пригадую, що, коли поляки гуртом поверталася з так званої «панахиди», точилася розмова навколо молитви за ворога нашого народу. Була висловлена пропозиція про більш

Меморіальна дошка М. Дубецькому на стіні Кураторіуму в Рівному. Фото. 1930-ті рр.

тісне згуртування. Ідея про об'єднання витала в повітрі, але бракувало людини, яка б згуртувала і скерувала організацію у потрібне русло.

Близько 1896–1897 рр. до Рівного приїхав делегат з Варшави, представник однієї з польських організацій, але він теж не зміг створити серйозний осередок. Саме з того часу розпочинається певний чіткий рух самоосвіти серед наших товаришів і початок просвітницької роботи. Група надійних учнів зі старших класів завідувала невеликою таємною бібліотечкою, з якої видавали книги молодшим товаришам. Вже при перших спробах просвітницької роботи ми зіткнулися зі значними труднощами, тому що частина місцевої людності вважала будь-який просвітницький рух анархічно-підривним. Так, наприклад, одна з місцевих панянок, до якої ми звернулися з проханням надати її оселю для просвітницьких цілей, не дала згоди на це, стверджуючи що від освіти втратить добру прислугу, і що кухарка, яка навчиться читати, не захоче потім готувати.

Прикро, але до закінчення навчання так і не вдалося створити серйозну організацію і тільки поодинокі учні взяли участь у громадсько-просвітницькій діяльності.

Я особисто, разом зі своїм молодшим товаришем Юзефом Кавкою деякий час працювали в невеликих робочих гуртках. Перед самим закінченням гімназії, власне перед самими іспитами, під впливом новин про студентські заворушення в Росії, мав відбутися мітинг в місцевому ліску, так званому «Грабнику», якого зараз вже немає. Пан інспектор дізнався про це і не дозволив мітинг, накричав на нас і виголосив промову, яка розпочалася словами: «Жаба надувалася і луснула. І ви лусните, якщо будете роздувати себе до ролі студентів».

Вже студентом, приїхавши до батьків із Санкт-Петербурга, я дізнався, що в нашій гімназії виник серйозний рух серед польської шкільної молоді і, насамперед, почали організовуватися польські учнівські гуртки.

На завершення короткого опису громадського життя моєї епохи, дозволю собі додати декілька епізодів з життя нашого гімназії, які характеризують пануючі в школі настрої.

Одним з найбільш непопулярних вчителів був викладач німецької мови пан Фанц[1], про якого один з учнів написав на паркані по вулиці Директорській[2] «Фанц – дурак». В тому він не дуже помилився, бо пан Фанц, замість наказати замалювати невдалий жарт учня, почав бавитися у розвідника. Декілька днів не дозволяв замальовувати напис, з метою графологічної (експертизи). Поголос про його славу ширився містом серед людей, охочих до цікавого, які ходили дивитися на той історичний напис.

Коли графологія не допомогла, Фанц почав викликати до себе поодинці «католиків», наказував цілувати розп'яття і давати клятву, що учень того не писав. В справу втрутився ксьондз-префект, заборонивши присягатися без нього. Напис замалювали, однак озлоблення серед учнів залишилося. Вирішено було всім класом провчити Фанца. Серед змовників були не тільки поляки, тому змову було викрито і влада вирішила усунути провідників, яких не змогла відшукати. Директор вважав за доцільне вигнати декілька учнів-поляків, зокрема, з нашого класу Віктора Михальського. У місті зчинився ґвалт. Директор зрозумів, що утнув дурницю і, посилаючись на амністію з нагоди коронації[3], поновив Михальського.

[1] В автора помилково написано Фукс.

[2] Сьогодні вул. Бандурського (*Прим. авт.*). Нині – вул. М. Драгоманова.

[3] Коронація царя Миколи II.

Кураторіум народної освіти в Рівному. Листівка. 1930-ті рр.

Ось ще один епізод, який характеризує ставлення до нас пана інспектора, про якого ксьондз Ляхович казав: «Дурак и еще твердый знак».

До Рівного прибув чудотворний образ Почаївської Божої Матері, і як було прийнято у росіян, нас звільнили від навчання на два дні, оскільки ми повинні були брати участь в урочистостях.

Скориставшись вільним часом, я вирішив піти у театр, але спочатку треба було отримати письмовий дозвіл на спеціальному квитку від пана інспектора. Я пішов до керівництва.

Дзвоню. Відкриває мені кухарка. Заходжу до передпокою і бачу через відчинені двері, як пан інспектор попиває чай з двірником Порфирієм (для більшого престижу він приймав учнів у передпокої). Виходить пан інспектор з коротким: «Чево?» Подаю йому папір на підпис. Інспектор робить крок вперед, випинає живіт, грізно на мене дивиться і вигукує: «Ах, вы разбойник! Богородица в городе, а он в театр захотел идти. Будете завтра сидеть в карцере!»

Що було робити? Я несподівано заробив покарання, хоча місцева зала клубу цього вечора була переповнена – ставили якусь комедію Островського.

Звичайно, що не лише сумні спогади залишилися в нашій пам'яті. Ми були юні, нам подобався гумор і тому вчиняли пустощі. Мали в нашому товаристві приятеля-поляка, майстра усіляких трюків і організатора різних витівок.

Пам'ятаю, як викладач природознавства, приніс до класу скелет, в якому була пружина між нижньою і верхньою щелепою. Здавалося, що скелет хоче нас з'їсти. Отож, цей товариш сконструював з допомогою ниток керма і коліс досить складний механізм, що дозволяв йому здалеку маніпулювати скелетом. Одного разу, під час уроку з алгебри, викладач Слєсаревський проходив вздовж парт і пильнував, щоб ніхто не списував, затримався біля скелету, вивчаючи його поглядом. Тієї ж миті бешкетник привів у дію свій механізм. Скелет почав вишкіряти зуби. Ефект був несподіваним, що викладач аж присів. Пан інспектор розпочав слідство і по нитці дійшов до клубка. Приятель-невдаха змушений був відсидіти в карцері за свій жарт.

Так минули шкільні роки. Треба визнати, що в них було більше гіркоти, ніж веселощів. Согоднішні учні рівненської школи винесуть кращі спогади з дитячих і молодих літ, ніж ми, завдячуючи героям, пам'ять про яких ми шануємо в особі блаженної пам'яті Мар'яна Дубецького і бійців під прапором сучасного Вождя Нації, який у важкі часи духовного занепаду перший закликав до незалежності, виборовши свободу Вітчизні, а також право на вільну Польську Школу.

Владислав Римвід-Міцкевич

СПОГАДИ ЗІ ШКІЛЬНИХ РОКІВ У РІВНОМУ. 1900-1906

I

За останні сто років місто Рівне пережило три періоди «великих перетворень». Перші зміни відбулися в середині XIX ст., коли невеличке, тихе волинське, переважно з польським населенням, містечко, почало набувати рис типового міста «Південно-Західного краю» Росії, де головну роль почав відігравати зростаючий потік російських чиновників. Мировий суд, російська гімназія, переведена з Клеваня, військо у щойно збудованих казармах – все це надало скромному місту, з польськими старосвітськими двориками на вузьких, без бруківки, брудних вулицях, нового незнаного до того вигляду, який остаточно сформувався після повстання 1863 р.

Ці зміни «in statu nascendi»[1] описав своїх спогадах В. Короленко[2]. Остаточно ці перетворення завершилися в 1893 р., коли, в присутності царя Олександра III, були проведені великі військові маневри поблизу Рівного.

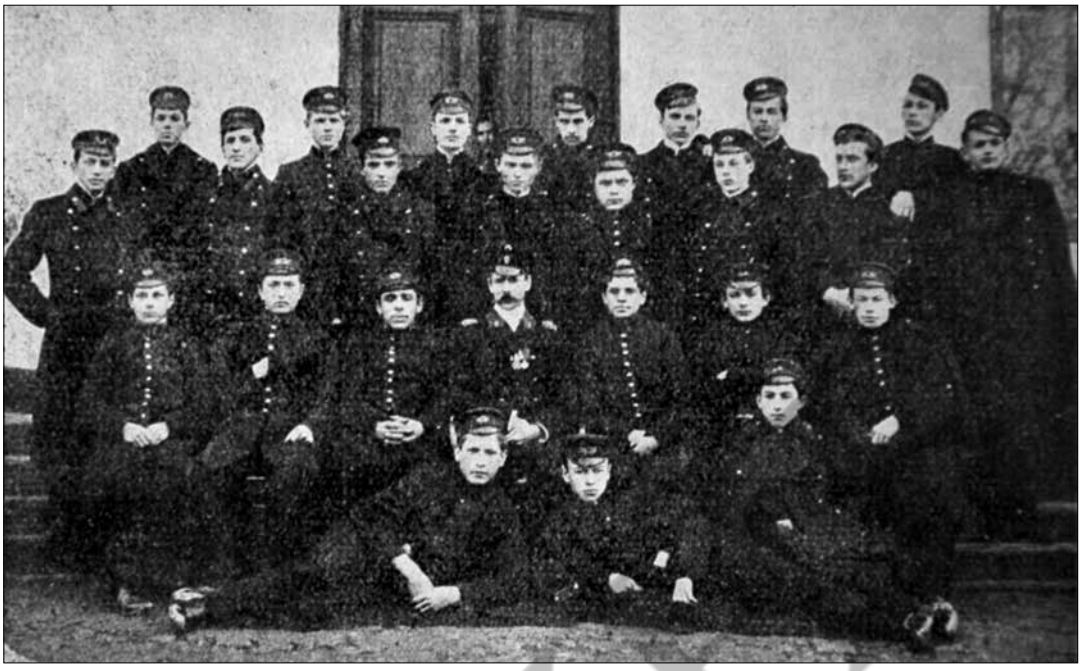
Але вже тоді Рівне увійшло на всіх парах в інший, наступний етап свого розвитку, пов'язаний з будівництвом «поліської залізниці». На Волині з її родючими землями, яка тонула в ланах, з величезними, незайманими лісами, болотами і трясовинами Костополя, Сарн, Лунинця – Рівне почало швидко зростати і розвиватися як великий центр торгівлі. З півдня, в напрямку до Вільна, і, можливо, навіть далі, йшли вантажі жита, пшениці, картоплі – з півночі поверталися платформи, завантажені дубовими і сосновими колодами. Почали один за одним з'являтися великі склади дерева, багаті фірми, які торгували збіжжям. Виникали нові й нові магазини, в яких торгували залізом, мануфактурою. Зростала рухлива, підприємницька і галаслива єврейська людність, яка привнесла із собою російську мову як мову освіти, мову вищих верств суспільства, російської культури, як ознаку прогресу і цивілізації. Польський елемент загубився в тому галасі і його частка різко зменшилася. Ще наприкінці XIX ст. «головою» міста був поляк, доктор Яблоновський – його наступниками були лише росіяни. Чиновники, зазвичай були росіяни (за окремими винятками, як наприклад, мій батько, який насправді не був офіційною особою, однак у якості нотаріуса підпорядковувався Міністерству юстиції).

Торгівля, поза конкуренцією, належала євреям. Декілька польських магазинів ледве жевріли. Тільки аптеки належали полякам – крім того можна було порахувати заледве декілька лікарів, пару юристів, декількох майстрів, і, нарешті, зовсім багато осіб, в той чи інший спосіб пов'язаних з інтересами князя Любомирського, який володів значними статками і самим містом Рівним на правах чиншового володіння. Натомість дрібна шляхта була переважно польською. Три цукрові заводи (Корецький, Житинський і Шпанівський) належали полякам, навіть у багатьох маєтках, власники яких були росіяни, адміністрація була польської національності. Тому роль польського елементу на Волині була значно більшою, ніж це виглядає на перший погляд.

За відсутності будь-якої іншої можливості заявити про себе, коли всі об'єднання, організації, бібліотеки тощо, які мали польський характер, були абсолютно немислимі. Навіть польський театр на Волині був заборонений (так, наприклад, Римо-католицьке

[1] На самому початку становлення (*лат.*).

[2] Див.: Короленко В. Г. История моего современика. – М., 1965.



Учні п'ятого класу Рівненського реального училища. Фото, 1903-1904 рр.
Стоять: Резнік, *Болеслав Яцковський*, *Міхал Куровський*, Садовець, Полумисний, *Наполеон Кербедж*, Шумовський, Чаніков, Квашенко, *Тадеуш Таборовський, Владислав Римвід-Міцкевич, Станіслав Богушевський, Станіслав Кушелевський, Томаш Сулковський*, Новодворський.
Сидять: Кахан, Сомол, Степанов, Яків Альдінгер (вчитель німецької мови), Письменний, *Олександр Ласковський*, Бергер.
Внизу: Скрібов, Козяков, Боренштейн.
(Курсивом виділені прізвища школярів польської національності)

благодійне товариство почало діяти лише після 1904 р.), З часом на Волині польський елемент проявився в досить несподіваний спосіб. Наприклад, в будь-якій фірмі, серед щорічних банкетів найбільш «фешенебельним» вважався, так званий, «польський» бал. Мабуть, це був єдиний легальний спосіб, коли польська громада могла вільно зібратися, поза костелом, і заявити про себе.

Тим не менше, до кінця російського панування, у єврейських магазинах можна було розмовляти польською. Цікаво, що навіть у 1895–1896 рр. невеликі єврейські торговці рахували не інакше як у злотих і грошах (злоті: 15 коп., грош: ½ коп., так що, наприклад, замість «полтинник» говорили: «три злотих, десять грошей») .

У цей період разом зі зростанням міста з «майже американською вправністю» виникли нові райони, як наприклад, «Воля» з типовою для тих часів вулицею: «Хабарівкою»[1]. Тихі невеличкі садиби зникли – натомість їх замінили дешеві цегляні потворні будинки, зазвичай, «для краси» пофарбовані в кричущі кольори.

Вулиці були криві, засмічені, вузькі, в багнюці або в пилюці, недбало забруковані базальтом з ближнього Берестовця[2]. Незграбні і без плану, жалюгідні халупи виростали на околицях міста в найнесподіваніших місцях, як гриби після дощу. Вони вилазили на глинисту цвинтарну гору (так званий «Кавказ»), потім знову сповзали до води над берегом ставка, затягнутого очеретом і лепехою, з якою точилася партизанська боротьба.

[1] Хабарівка- від слова «хабар», тепер Ягелонська. (*Прим. авт.*). – Нині вул. П. Могили.
[2] Нині с. Берестовець в околицях Костополя.

Починалося з того, що якийсь закуток заливали помиями, закидали сміттям, аж поки не утворювалася тверда основа, на якій можна було звести убогу хижу.

Головною особливістю Рівного стала тиснява, дбайливе використання кожного, найменшого клаптика вільної землі, аби ж тільки щось поставити: якщо не кам'яницю, то хоч магазинчик, або характерну для цього міста «будку» з содовою, гасом, оселедцями, милом і подібними дрібницями.

Це явище пояснюється тим, що місто зростало на чиншовій землі князя Любомирського. Бажання власника міста: використання в найкращий спосіб своїх привілеїв, співпадало з бажанням мешканців на повну скористатися набутими правами щодо найменшої ділянки землі.

Був у цьому і позитив. Чи то від того, що Любомирський зажадав занадто непомірну ціну за продаж землі, що безпосередньо прилягала до міста, чи тому, що російські закони не дозволяли володіти євреям землею за межами міста, то відразу за містом починалося справжнє село. По обидва боки широкої, обсадженої тополями дороги[1], що вела до Басового Кута, далеко розкинулися лани полів аж до річки Усті, до мальовничого, високого берега озера, біля якого рівненська дітлашня так любить влаштовувати прогулянки.

З іншого боку – за в'язницею, по дорозі в напрямку до Корця, самотньо виднівся «Грабник»,– привабливий лісок, місце зустрічі закоханих пар. Менш відвідуваний, але значно кращий був лісок «Золотіївський» над Устею, поруч із залізничною колією, з таємничим курганом і віковими деревами, що росли на ньому.

Та найгарніший сосновий ліс «Сосенки» ріс за три кілометри від міста в напрямку Корця. Туди організовували цілі екскурсії – майже на цілий день з їжею, бо ліс був дуже великий, поєднувався з молодим модриновим лісом, таємничим і загадковим у своєму мовчанні – він сягав аж Колоденки до місцевих лісів, які тягнуться невідомо як далеко…

Тепер Рівне вступило в новий період розвитку: період планової забудови, систем водопостачання, каналізації, пристойних широких вулиць і тротуарів – одним словом, на шляху до того, щоб стати європейським містом. Шкода, що це повинно поєднуватися з втратою того, що було в місті привабливого, зокрема, красивих околиць.

***

Помешкання, в якому жили мої батьки знаходилося на вулиці Тополевій[2], мало дуже великий сад, який безпосередньо прилягав до ще більших садів садиби лікаря Миколи Савицького на вулиці Директорській[3]. Про того пана Савицького згадує В. Короленко як про маленького учня 1-го класу, героя грізного конфлікту шкільного керівництва з губернською владою[4]. У мої часи, Савицький був величезним чоловіком, який вирізнявся надзвичайною повнотою. Говорив з великими труднощами, важко дихав, засапувався так, що його ледве можна було зрозуміти,– здавалося, що його розірве. Але з його сином, Колюшею, я був добрим приятелем. Коля був єдиною дитиною у своїх батьків, але страждав від серйозної хвороби – епілепсії. Батьки його дуже любили. Він завжди мав багато цікавих іграшок, на які я із захватом дивився з-за високої огорожі, що розділяла наші ігрові майданчики. Коля був на два роки старший за мене, ходив в учнівській формі і тим дуже пишався.

Я готувався до вступних іспитів і цілком усвідомлював свою неповноцінність та мріяв про ту хвилину, коли зможу з ним зрівнятися. Можливо, то була головна причина, через яку наближення часу іспитів не хвилювало мене. Я зрештою був добре підготовлений –

---

[1] Тепер вул. Ю. Пілсудського. (*Прим. авт.*). – З 17 березня 2000 р. перейменована на вул. В. Чорновола.

[2] Тепер вул. Ю. Пілсудського. (*Прим. авт.*).

[3] Тепер. вул. Галлера. (*Прим. авт.*). – Нині вул. 16 Липня.

[4] Арешт учня Савицького генерал-губернатором В.Короленко описує в «Истории моего современника», але в неопублікованому нарисі «Еще о Безаке» письменник називає інше призвіще учня –Томашевський. В. Короленко пише: «Когда для сего пришли в кутузку, то нашли мальчика в жестоком судорожном припадке. Хотя с тех пор припадки эти с ним и повторялись многократно, а может быть, и всю жизнь, но зато в юную душу поселено было благодетельное почтение к власти, и престиж оной среди инородцев не потерпел урона. Впрочем – сей Томашевский сам оказался русским и православным». Див.: Короленко В. История моего современника. – М.,1965.– С. 169-173, 943.

найбільшою проблемою, яка могла виникнути під час навчання, могла бути мова, однак я тим не переймався, оскільки вільно володів російською мовою – і екзамен здав успішно. Таким чином, у сім років я став членом невеликого товариства, яке жило і спілкувалося за неокласичною колонадою реального училища в Рівному.

II

Перші шкільні враження в мене залишили почуття повного хаосу. Вдома я звик до тиші і самотності – братів я не мав, сестри навчалися у пансіоні у Варшаві – тому галас, який створювали 60 моїх однокласників з 1-го класу, повністю мене оглушив. Та найгіршим було те, що з нагоди початку шкільного року навчання, нас відправили на богослужіння до шкільної православної каплиці. Припускаю, що це сталося тому, що колишній капелан отець Ляхович виїхав з Рівного, а новий ще не прибув.

Я ніколи не був у церкві, тому все, що відбувалося, пісні, запах ладану, це було для мене дивним і незвичайним. І коли інспектор особисто мене приставив до клірика, який дав мені поцілувати «плащаницю» і окропив свяченою водою, я був дуже стурбований тим, що вже мене перехрестили на православного. Після цього зі мною трапилася інша неприємна подія на тлі релігійних почуттів: коли мені сказали, щоб я вивчив і промовляв молитву перед всім класом і після занять, коли буду черговим. До цих пір я пам'ятаю церковнослов'янський текст тих молитв, які виголошував слово в слово, не розуміючи жодного: «Преблагий Господи! Ниспошли нам… благодати Твоея, во ежи внимати учению…»[1].

Російська мова, якою постійно користувалися в школі, не дратувала мене, тому що я зрозумів, що в державній інституції та мова є обов'язковою для використання. Однак, я мав певні труднощі з російською мовою, інколи досить гумористичні, коли наприклад в байці Крилова ворона співала до лисиці «angielskim gołoskom» («ангельським голоском»), я здивувався, чому лис зажадав, щоб ворона співала йому англійською мовою!

Конфліктів з приводу використання польської мови наразі не було, в основному тому, що в середовищі багатьох учнів спочатку було важко зрозуміти, чи даний однокласник є росіянином, євреєм чи теж поляком. Зрештою я не задумувався про те, що коли лунав милий голос дзвоника, який сповіщав про початок «перемены», зазвичай користувався відносною свободою кричати мовою більшості.

З часом почуття національної ідентичності проявилося, як це часто буває, ревною діяльністю влади: то один або інший однокласник потрапляв у куток або отримував суворіше покарання за розмову польською мовою під час перерви.

Я запам'ятав як поєдналися різні емоції – страху, гіркоти, обурення – коли інспектор наклав на маленького, загального улюбленця Порчинського, який голосно закричав до когось у коридорі: «Poczekaj!».– «А кто это сказал «почекай?» Останешся на час под арестом!»

Я також пригадую неприємний момент, коли вчитель російської мови задав нам вірш, здається Кольцова, який називався «Русь». Був там рядок про «підступних ляхів» з відповідними додатками. Мусили вивчити його на пам'ять. Наступного уроку сидів, благаючи: «Боже! Дай, щоб мене не спитав!».

Вчитель наказав декламувати цей твір тільки росіянам, напевно, було це просто везіння, але це викликало в мені свого роду вдячність до нього. І раптом, викладач викликав поляка. Я сидів на лавці, дивлячись на бідолаху з великим співчуттям, що він буде робити, чи нещасний пропустить той огидний рядок, чи розкаже. Він розповів,– якимось мертвим голосом, втупившись в стіну над головами учнів,– а потім підійшов до свого місця з опущеними очима. Я щиро шкодував його – не знаю, щоб я зробив на його місці,– але добре розумів його. Ми дуже боялися того вчителя російської мови з гарним польським прізвищем Ланскоронський.

Ці та подібні факти швидко розбудили в нас ненависть до всього російського – ненависть, поглиблену системою освіти, яка базувалася на основі взаємної недовіри і вихованні слухняності за допомогою залякування. Результатом було те, що в старших класах учні-

[1] Автор спогадів наводить рядки з двох православних молитов, що читаються перед початком і наприкінці навчання.

поляки не тільки не користалися між собою іншою мовою, крім польської, але й не читали російських книжок. Красиву і багату російську літературу сприймали як щось вороже, введене з метою денаціоналізації, і навіть у класі під час уроку, учні-поляки сиділи разом з одного боку, окремо від учнів-росіян.

Це вже були часи російсько-японської війни і революційного збурення, інший дух переважав серед викладацького складу. Це вже були інші люди, ніж ті, кого я бачив, вступивши до училища.

Ті – це, головним чином, маленький, грубий директор [Ілля Гаврилович] Радкевич. З ним ми, хлоп'ята молодших класів, зазвичай, не мали ніяких стосунків (викладав фізику). До фізичного кабінету ходили католики на уроки Закону Божого.

Одного разу, мабуть, це було після якихось хімічних експериментів із сірководнем – в кабінеті панував досить неприємний запах. «Фе! Але ж смердить!» – кричали ми.

«Здесь руський дух, здесь Русью пахнет» – почав хтось декламувати з сильним акцентом.

У цю ж мить двері відчинилися і із сусідньої лабораторії увійшов сам директор – але, відверто кажучи, він не міг звинуватити нас, так як за гучні декламації уривків з «Руслана і Людмили» Пушкіна не можна бути покараним.

Значно гірші спомини залишив по собі інспектор [Георгій Іванович] Тимофєєв на прізвисько «Пініо», і його права рука «шкільний наглядач» [Єлевферій Андрійович] Стеткевич. То один, то інший заглядали до класу і без зупинку сипали карами, як з рогу достатку. Товариші розповідали про них жахливі речі, що Стеткевич якогось бідолаху тягнув за вуха, аж підняв його на пів-аршина від землі і т.п. Легенди ті передавалися в молодших класах з року в рік і свідчили про страх, який наганяв на дітлахів той педель[1].

Інша цікава легенда дожила на теренах школи до мого часу. В зоологічному кабінеті стояв скелет, який, начебто, клацав щелепами. Отож, як мені розповідали товариші – якось одного з учнів зачинили в карцері власне в тому кабінеті, в товаристві того скелету. Коли скелет почав клацати зубами, хлоп'я так злякалося, що померло від страху.

Про цю легенду згадує Короленко і додає, що хлопчика поховали рідні на католицькому цвинтарі і поставили на його могилі пам'ятник з написом «Жертва тиранії шкільної влади»[2].

Цей напис влада наказала замазати гіпсом, але учні – друзі загиблого ножами вишкрябали його знову. Так почався тривалий період суперництва шкільних властей та підлітків. Час від часу рядки замазували гіпсом, потім учні знову його вишкрябували… Це поєднувалося з великим ризиком, тому що наглядачі і інспектори ховалися в околицях кладовища, сподіваючись зловити на гарячому злочинців вартих покарання за відновлення незаконного напису. Та учні прокрадалися на кладовище вночі і тікали на світанку. Затяте протистояння обох сторін, кінець-кінцем, набуло характеру якогось особливого виду спорту.

З педагогів дуже боялися молодші школярі вчителя малювання [Геннадія Івановича] Макарова. Насправді, це була непогана людина. Він також викладав у старших класах. Йому нічим було дорікнути, крім того, що його система навчання тільки у виняткових випадках, давала гарні результати. Полягала вона в тому, що вчитель вішав на дошку малюнок або ставив гіпс і залишав учнів на свій розсуд виконувати завдання. Самостійне бачення, в такий спосіб, виглядало таким чином, що копіювався малюнок, зроблений здібнішим хлопцем, але завершальний штрих клався на добре зроблений «силует». За це малеча вислуховувала чимало епітетів на зразок «Идиот, дурак, болван», і т.д., які, без найменшого сумніву давали зрозуміти, що пошук мистецької форми йде хибним шляхом.

У підборі букету соковитих епітетів і маячні перше місце тримав вищезгаданий [Віталій Петрович] Ланскоронський. Він сидів на кафедрі і грізно виглядав якогось нещас-

---

[1] Педель (*нім., заст.*) – наглядач за вихованцями навчального закладу.

[2] В. Короленко дещо інакше описує напис: «На плите после традиционных трех букв D. O. V. (Deo Optimo Maximo – во славу величайшего и высшего бога – *лат.*) стояло уменьшительное имя с фамилией (вроде Ясь Янкевич), затем год рождения и смерти. Вверху выцарапанные в глубокой борозде гвоздями и ножиками, виднелись два польских слова: «Ofiara strogosci» (жертва стророгости)». – Цит. за вид.: Короленко В. История моего современника. – М. 1965. – С. 133.

ного, який заховався зі страху під лавку. Отриманий ефект викликав задоволення викладача. Я підозрюю, що це відбувалося, коли він приходив до класу після важкого похмілля, і це було головною причиною поганого настрою, який він виливав на голови переляканих першачків, разом з усією гіркотою своєї душі. Зазвичай, він згадував, я не знаю, чи то було насправді в Рівненській гімназії чи вичитано з газет, такий випадок, як якийсь учень з револьвером у руці вимагав від вчителя, щоб йому виставили добрі оцінки на іспиті.

«От, сидить тут бовдур, сидячи тут – повторював він,– лупає очима. А потім приходить з револьвером і давай йому атестат. Папір йому потрібен, бо хоче бути інженером, гнилі шпали, щоб купити! Ти бачиш його – сидіть тут, нічого не розуміє,– але гнилі шпали вкладати на залізничних коліях, він буде в змозі…».

Так могло тривати весь урок. Іншим разом він казав: «Так, брати! Російська мова не математика. Це, брати мої, не те, що *A+B* дорівнює два *AB*. Тут потрібно думати».

До цих пір я не можу зрозуміти, чому Ланскоронський був такої поганої думки про математику, яка в нас була на високому рівні завдяки досвідченому, вимогливому, але справедливому вчителю Павлу [Олександровичу] Долгушину. Я чув, що деякі мали до нього претензії з приводу поганих оцінок, після випускних екзаменів навіть розбили йому вікна. Я думаю, що це були наслідки загальних недоліків в системі виховання в школі, а не особистої ненависті до фаху викладача.

Досить байдуже ставилися учні до викладача історії [Василя Миколайовича] Осташкова. Звичайно, його уроки містили моменти русифікації, але без маячні та перебільшень. Проте великою симпатією серед малечі користувався вчитель німецької, русин з Галичини, [Юрій Васильович] Жулковський. Його система навчання нам подобалась: він давав завдання визубрити уривки з підручника, а потім цілий клас хором скандував, на запитання «Was fur Metallen giebt es?» хором відповідали: «Es giebt: Gold, Silber, Eisen, Kupfer…» і т.д.

Через рік Жулковського замінив [Яків Іванович] Альдінгер, щуплий і маленький німець, який раніше викладав тільки в старших класах. Я знав його давно, тому що він був частим гостем в моїх батьків, і я його дуже любив. Він міг дуже цікаво з гумором розповідати, ламаною російською мовою, часто повторюючи: «Нун с-нан, что-ж такое», про свої далекі подорожі і побачені країни. Він був самотньою людиною, яка цілий рік вела дуже простий і скромний спосіб життя, зате під час відпусток жив справжнім життям – вирушав у світ! В такий спосіб, він відвідав майже всю Європу, був в Італії, Іспанії. Якогось року відвідав Норвегію. Одного дня мої батьки отримали від нього вітальну поштівку, написану в Нордкапі[1], під променями сонця, що ніколи не заходить. Іншим разом він дав про себе знати з вершин пірамід в Єгипті, потім зі Святої Землі, з Єрусалиму.

Як учитель він був на належному рівні, вимагаючи від учнів знань – незалежно від того чи подобався йому учень. Незважаючи на те, що його любили, декілька разів він ставав об'єктом невинних жартів, на які Альдінгер реагував з гумором, насилу стримуючись, зберігав серйозний вираз обличчя.

Жертвою студентських жартів, насамперед, ставав вчитель французької мови [Йосип Сильвестрович] Барбас. Але він мав перевагу, що ніколи не скаржився інспектору – все ненормальне, що відбувалося на його уроках, приймав з олімпійським спокоєм, навіть хімічні атаки, поєднанні з викидами сірководню з-під кафедри не справляли на нього ніякого враження. Це нарешті учням набридло і відбило найменше бажання до подальших знущань. З вивченням французької, однак, було гірше – до кінця навчання вона базувалася на перекладі уривків з підручника російською мовою. Більшість учнів виконували це так погано, що пан Барбас винайшов спеціальний спосіб, аби не завалити випускні іспити на атестат зрілості. Він давав собі раду наступним способом: маючи у себе «учнівську» квартиру, зазвичай, перед початком іспитів він забував на столі перелік екзаменаційних питань. Звичайно, учні «знаходили» їх і переписували, і потім іспит відбувався гладенько, так що всі були задоволенні.

Особливе становище в школі обіймав префект – капелан, оскільки при школі була католицька каплиця. В наш час це був молодий ксьондз [Генріх Модестович] Яржимовський,

[1] Мис на острові Магерьо на півночі Норвегії. Обігнувши мис, кораблі входять в арктичні води.

який щойно прибув з Духовної академії, сповнений педагогічного запалу. Він не мав великого впливу на молодь, але його поважали як людину, що протистояла русифікаторським діям шкільної адміністрації. Уроки Закону Божого відповідно до загальноприйнятих правил повинні бути викладатися російською мовою, але ксьондз Яржимовський викладав польською. Він говорив тихо, сидячи на одній з учнівських парт, час від часу вставав, ходив великими кроками по класу і голосно вигукнув: «Ну, вот, господа!» А потім, раптово, виглядав в коридор і, нарешті, знову сідав на лаву і продовжував перерваний урок. Спочатку таке навчання викликало в нас подив.

Після указу про віротерпимість 1905 р[1]. уроки Закону Божого дозволили викладати «рідною мовою учня» і в Рівненській гімназії. Я навчався в той час у 6-му класі. Власне тоді почалися перевідні екзамени до 7-го класу. Напередодні іспиту із Закону Божого всі поляки заявили, що здаватимуть польською. Важко описати наш тріумф, коли перед всією екзаменаційною комісією сам директор на свої запитання мусив вислуховувати відповіді мовою до того суворо забороненою в стінах школи.

Поляки становили значний відсоток учнів Рівненської гімназії, наприклад, в 1903–1904 рр. в 5-му класі на 25 учнів було 9 поляків, 10 росіян, 4 єврея, 1 німець і 1 чех. В молодших класах, через штучні перепони у вступі поляків до школи, цей відсоток був нижчий; але поляки складали більш інтелігентну і здібну частину, ніж росіяни. В старших класах вони вже складали більшість, оскільки багато росіян, «убоявшись премудрости»[2], залишали стіни школи після кількох років навчання.

III

Більшість поляків були синами місцевих землевласників, вони були змушені жити в так званих учнівських «квартирах» або учнівських квартирах з утриманням, які здавали деякі викладачі, як, наприклад, Барбас або приватні особи, серед яких популярністю користувалась Кушелевські. Такі квартири були під прискіпливим наглядом адміністрації школи. Інспектор, з невідступним Стеткевичем, з'являлися там постійно, перевіряли чи раптом не відсутні учні в квартирі після 8 години вечора. Постійно здійснювали перевірки з метою виявлення польських книг, які тримати в себе учням заборонялося. В цих ревізіях відзначився новоприприбулий з Ніжина наступник Тимофєєва, інспектор [Яків Ернестович] Вінклер. Один з моїх товаришів, Наполеон Кербедзь, здається, онук творця залізничного мосту у Варшаві, розумний і освічений хлопчик, був виключений зі школи за те, що в нього під час перевірки, був знайдений на дні скрині переписаний від руки хорал: «Z Dymem Pożarów».

Вінклер іноді дозволяв собі ревізії навіть у приватних будинках, наприклад, в учня 6-го класу Юзефа Кавки, що, без сумніву, було незаконним, тому що адміністрація школи перебирала на себе частину повноважень поліції. Та інспектор був переконаний, що батько Кавки, простий ремісник у часи панування російських порядків, не наважиться вчинити будь-які дії супроти нього.

Гарячкові дії шкільної влади, на щастя, ніяким чином не зашкодили діяльності в Рівненській гімназії «гуртку самоосвіти» польської молоді.

У той час, коли товариші повідомили мені, що існує таємна організація учнів, і я був до неї прийнятий, вона була на піку свого розвитку. До неї належали майже всі учні-поляки двох старших класів, багато з 5-го класу, і навіть деякі старші і дорослі учні з 4-го класу. Як випливає із самої назви, завданням «гуртка» було поповнити свої знання в тій галузі, яку російська школа свідомо ігнорувала, тобто всього, що стосувалося польських справ. Все починалося з польської граматики та письмових диктантів, потім викладу польської історії та літератури. У подальшому навчання полягало у вивченні окремих питань, наприклад, про соціальні проблеми в Польщі. «Гурток» складався з кількох секцій, у кожній з яких було по 5–6 осіб, якою керував член ради «гуртка». Коли я вступав до «гуртка», то раду очолював Колодинський. Секційні зібрання відбувалися по неділях, після служби в каплиці, в приватному помешканні когось із товаришів. Секція, до якої на початку я належав, збиралася

[1] «Указ об укреплении начал веротерпимости» був прийнятий 17 квітня 1905 р.

[2] «Убояся бездны премудрости» - вираз з комедії Д. І. Фонвізіна «Недоросль».

під керівництвом Станіслава Маркевича, в будинку його батьків. У наступному році він був призначений заступником секції – тоді ми збиралися в квартирі Єльських.

«Гурток» мав бібліотеку, досить непогано укомплектовану історичними працями, творами ранньої та сучасної польської літератури тощо. Крім того, існувала бібліотека закордонних видань де можна було знайти визнані шедеври світової літератури: третю частину «Dziadów»[1], «Księgi Pielgrzymstwa»[2], «Kordian»[3] та інші патріотичні твори. Зрозуміло, що бібліотека гуртка, як і сам гурток, були добре законспіровані.

Перед закінченням навчального року, на загальних зборах членів «гуртка», обирали керівників на наступний рік, заслуховували доповідь за попередній період тощо. Крім того, впродовж року іноді збиралися загальні збори з метою виголошення рефератів перед учнями, підготовлених, як правило, колишніми членами «гуртка», після чого починалися дискусії.

Без сумніву, своєму існуванню та успішному розвитку «гурток» зобов'язаний в значній мірі допомозі місцевої польської громади. Завдяки цьому, вдалося у безпеці зберігати і розширити бібліотеку, з особистих видатків пожертвуваних для цієї мети. За мого часу, бібліотека була розташована в помешканні пана Квасневського, власника слюсарні. Найціннішу організаційну та матеріальну допомогу надала «гуртку» родина Косців. Двоє маленьких хлопчаків-близнюків, були в одному з молодших класів Рівненської «халабуди». Вони були так схожі, що рідна мати інколи не могла їх розпізнати. На цьому ґрунті, в школі виникали різні непорозуміння і «qui pro quo»[4] – особливо часто їхньою жертвою ставав «француз», який кінець кінцем вирішив відразу викликати до дошки обох братів. Принаймні, був впевнений, що вони обидва відповідають урок, а не двічі один і той самий. Їхню старшу сестру Габріеллу, яку любила вся шкільна молодь, по праву можна назвати «хрещеною матір'ю» «гуртка», так близько до серця вона брала всі справи, що стосувалися організації.

Пізніше розподіл молоді на «національну» та «соціалістичну» існував у зародку ще до 1905 р., правда, у дещо наївній формі. Пригадую розмову кількох друзів після виголошення реферату Олдаковського – студента зі Львова. «Бачиш,– казав один з них,– він соціаліст, бо вважає, що поляки можуть власними силами, без допомоги іншої країні, вибороти собі незалежність».

В той час молоді люди ще були переконані, що різниця між «національною» і «соціалістичною» ідеологією полягає в тому чи чекати на допомогу із-за кордону, чи розраховувати лише на власні сили, прагнучи здобути незалежність.

Події в Росії після війни з Японією швидко поглибили знання польської молоді з цього питання. Крім закордонної патріотичної літератури почала діяти нелегальна Польська соціалістична партія[5] – брошури Лісни та інші розширювали горизонти – виникла секція «гуртка», спеціально присвячена суспільним наукам. Прихильники соціалістичної ідеології стали Кавка, Генріх Гурський. Гарячими прихильниками «націоналізму» залишилися Хамець, Зигмунт Ожешко. Більшість з них, через свою молодість, були ще неспроможні сформувати свої зрілі судження щодо питань пов'язаних з наближенням революції.

IV

Наприкінці мого навчання обличчя Рівненської гімназії дуже змінилося. Не було вже грубого директора Радкевича – його місце обійняв неспокійний, завжди заклопотаний [Андрій Микитович] Дьяченко – викладач математики, після від'їзду Долгушина. Помилуй

[1] Драматична поема Адама Міцкевича «Дзяди» складається з 4 окремих частин. Третя частина написана 1832 р.

[2] Твір Адама Міцкевича «Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego» («Книги польського народу і польського пілігримства», 1832).

[3] Драма Юліуша Словацького «Кордіан» (1834).

[4] «Послуга за послугу» (*лат.*).

[5] Польська соціалістична партія (ППС, Polska Partia Socjalistyczna) була заснована в 1893 р. Її керівники, зокрема Ю. Пілсудський, вважали, що лише збройна боротьба і національне повстання є єдиним шляхом до відновлення Польської держави. Перші бойові групи ППС були створені в травні 1904 р.

Боже, що це були за уроки! Полягали вони у відпрацюванні кількох типових завдань, зазвичай подібних: на дошці в класі, дома, потім знову в класі, аж до нудоти.

Зате колектив вчителів істотно змінився на краще. В основному це були молоді люди, які набралися в університетах духу гуманізму і прогресу. Навіть ті з них, хто не піддався подиху наближення революційної бурі 1905 р., не були образами застиглих тупих чиновників Міністерства освіти відомих за оповіданням А. Чехова «Человек в футляре».

В першу чергу я мушу згадати [Дмитра Романовича] Єгорова, тихого, сором'язливого викладача природознавства. Його дуже любили. Він був порядною і щирою людиною прогресивних поглядів. Учні часто заходили до його помешкання, щоб поговорити і взяти книжки, але на уроках ніхто не зважав на те, що говорив вчитель. Довгі, ретельно підготовлені виступи, за допомогою яких викладач намагався прищепити учням принципи потрійної стриманості, проходили без вражень, в загальному гармидері.

Дивна річ – на уроках російської мови вчителя [Констянтина Констянтиновича] Кузнецова панували тиша і порядок, хоча він і не користувався симпатією учнів. Зокрема, дратували тривалі дискусії на різні теми: політичні, соціальні і моральні, під час яких Кузнецов своїми в'їдливими репліками доводив деяких учнів до страшенної люті.

Також вимогливим був вчитель німецької мови [Віктор Іванович] Екк. Високого зросту, грубий, зверхній, він дивився грізним поглядом з-під золотого пенсне, примушуючи до послуху.

Математику в старших класах викладав, замість директора, молодий рудий німець [Іван Іванович] Мустров, тактовна людина, яка була здатна пристосуватися до будь-яких обставин і передбачити наслідки будь-яких змін, що відбуваються в сферах, які могли вплинути на його кар'єру. У небезпечний період «визвольного руху» в Росії добре співпрацював з учнями – його було видно навіть на мітингах і зборах, але це не завдало йому шкоди в очах влади, і з часом Мустрову запропонували обійняти посаду директора.

Прекрасним педагогом був новий вчитель історії Олександр [Африканович] Красін. Високий, стрункий, візуально схожий на популярного в свій час «Трибуна народу» Олексинського. Людина крайніх лівих переконань, впустив свіже повітря в затхлу атмосферу школи, примусив думати навіть найтупіших синочків рівненських урядовців і військових з місцевого гарнізону. Завдяки чудово викладеним темам, вмів зацікавити учнів і заохотити працювати і поза школою. У роки революційного збурення і послаблення утисків цензури, з'явилися численні публікації про соціалістичні тенденції, що часто виходили з під пера відомих фахівців, в яких розглядали наболілі питання сучасної Росії. Ці брошури, рекомендовані Красіним для домашнього читання, старанно штудіювали. Для багатьох це стало справжнім одкровенням. Красін не довго затримався у Рівному. За активну участь у революційних акціях, незабаром, він змушений був покинути стіни нашої школи. Дозвольте мені тут віддати шану пам'яті цій благородній людини.

На тлі цієї групи вчителів, більш-менш симпатичних, кращих або гірших педагогів, але живих людей, мимоволі вдягнених у мундир із золотими ґудзиками, гротескно виглядає постать інспектора Вінклера.

Разом з ним в школу прийшли тривожні чутки про його попереднє врядування в Ніжинській гімназії. Це був повний, зовсім сивий німець чи латиш з-під Любави. Він не володів вільно російською мовою, і тому змушений був допомагати собі постійними повторами на кшталт «Вот именно». Це надавало його промовам комічного характеру. Знаходитися близько біля нього було неприємно через відштовхуючий запах з рота – учні стверджували, що це результат цинги. Незабаром, після прибуття, Вінклер виголосив перед учнями довгу промову, з якої випливало, що в стінах школи не повинні говорити на мовах, які не викладаються. З великим інтересом ми почали питати, яке покарання загрожує за висловлювання думок англійською або італійською, але так і не спромоглися отримати вичерпної інформації.

Здавалося, що головним прагненням Вінклера було приборкати польський дух на теренах школи. Скоріше за все, він мусив знати про існування «гуртка» і польську учнівську бібліотеку. Звідси і його завзяття в обшуках студентських скринь. В тому не було нічого дивного, велика кількість учнів була посвячена в таємницю. За межами нашого гурту достатньо було лише одного необережного слова, тим більше, що ми не приховували, що добре знаємо польську історію та літературу.

Одного разу Осташков причепився на уроці історії до одного з моїх товаришів Богушевського. І непомітно з історії Росії перейшов до польської історії. Богушевський відповів добре – перерахував всіх королів і період їхнього правління. Я не знаю, яким чином він отримав ці знання, але ми слухали його відповіді з гордістю.

Ймовірно, Стеткевич мусив накинути оком на помешкання деяких учнів, які здавалися йому підозрілими. До таких, напевно, зарахували Маркевичів – бо невдовзі, після мого вступу в «гурток», Вінклер почав докоряти мені під час уроку: «Думав, «вот именно» що ти є порядний учень, але зараз «вот именно», розчарувався «вот именно» в тобі».

Дуже незлюбив Вінклер Ожешка. То був худий, шепелявий і короткозорий блондин, і до того ж дуже низького зросту. Ці вади Ожешко намагався приховати за допомогою дуже високих підборів, які мали недолік – голосно стукали при ходінні. Це стукання, ймовірно, виводило з себе Вінклера: «Я терпіти не можу того Ожешка»,– так він казав, не соромлячись, в присутності всього класу. Треба визнати, що Ожешко відплатив йому тією ж монетою. І в цьому бажанні він був непоодинокий. Ненависть учнів до цього інспектора виявлялась в якийсь затятий спосіб. Спочатку йому влаштовували більш-менш невинні жарти. Наприклад, принесли на його уроки дитячий клавесин, на якому учні грали по черзі, передаючи його з рук в руки. Вінклер, шаленіючи від гніву, виганяв з класу одного учня за іншим. Нарешті, більша половина класу опинилася за дверима та мелодійні звуки клавесину все ще продовжували бриніти.

З часом, учнівські жарти почали ставати все більш дошкульними, з чітким бажанням зробити вчителю неприємності. Коли інспектор для демонстрації свого досліду (оскільки він викладав фізику) затемнював приміщення, зчинявся гамір і крики, в інспектора летіла крейда і псувала його лабораторні прилади. Він якось поскаржився нам, що учні 7-го класу навмисно розбили йому цінне скло для телескопів, коли він хотів показати їм кільця Сатурна.

Фізика завжди викликала найбільший інтерес серед учнів, але зростаюча ненависть до вчителя переносилася і на предмет, який він викладав. Дійшло до того, що під час перерви між уроками головною темою розмов, що точилися між учнями, були спогади про відплату заподіяних кривд грубому і нетактовному інспектору, пропонували різні ідеї помсти, з яких підпал його будинку не був найфантастичнішим. Розвиток таких настроїв у той час, на тлі загальної ситуації в Росії, мусив привести до катастрофи.

Це був період, коли загальноросійський страйк закінчився маніфестом 30 жовтня 1905 р., хвиля виступів охопила всю країну, селянські заворушення поширилися на все більше нових територій. Бунтували армія і флот. У грудні почався 10-денний кривавий бій на барикадах Москви. Під впливом цих подій, в багатьох школах вибухнули учнівські страйки, які часто поєднувалися з самосудом над особливо ненависними вчителями.

У листопаді 1905 р., після бурхливої розмови з учнем 4-го класу Яворським, Вінклер отримав від нього ляпаса, а потім був жорстоко побитий учнями. Це стало сигналом для початку страйку в Рівненському реальному училищі. Студенти кинулися до актової зали і з величезним піднесенням ухвалили резолюцію з переліком вимог, головною з них було усунення зі школи Вінклера. Потім всі гуртом рушили до жіночої гімназії, у розпалі загального безладу були зірвані уроки, учениць закликали до актової зали. Обрана ad hoc[1] комісія опрацювала резолюцію, прийняту згодом на підставі одностайного гучного схвалення.

Вимоги, що містилися в обох резолюціях, не мали політичного характеру, мова йшла, головним чином, про зменшення утисків шкільної адміністрації на території школи і за її межами. В жіночій гімназії, на додаток до всього, вимагали викладання польської мови.

Наступного дня після початку страйку раптово помер один з головних членів учнівського гуртка Генріх Гурський. Його раптова смерть, безсумнівно, настала від пережитих подій. Похорон Гурського вилився у велику маніфестацію, в якій взяло участь все населення міста, бажаючи таким чином висловити свою підтримку молоді, яка піднялася на боротьбу з однією з форм загальноненависного режиму.

[1] *Ad hoc* – від лат. «виключно з метою», правила, що регулюють діяльність спеціальних, представників, комітетів або робочих груп тимчасового характеру, створених для виконання спеціальних завдань.

Страйк тривав впродовж кількох місяців. У цей період в місті відбулися численні мітинги, деякі за участю широких мас громадськості. Ще частіше збиралися учні на так звані «сходки», на яких відбувалися досить наївні дискусії на різні теми, що іноді збивали з пантелику. Наприклад, одне з таких зібрань закінчилось нічим, оскільки його учасники не могли дійти згоди чи є Франція демократичною республікою, чи ні.

Іншого разу справа набула небезпечного характеру: вирішили страйкувати до тих пір, аж поки в Росії не буде введена конституція. Хтось виступив з пропозицією скласти відповідну резолюцію і передати її в руки директора з підписами всіх присутніх.

Декілька присутніх на засіданні учнів змогли зупинити головуючого поставити на голосування таку пропозицію, але відповідно відредагована резолюція, хоч і без підписів, о 10 годині вечора була вручена спеціально обраною комісію переляканому нічним візитом директору і всевидячому Стеткевичу.

Зайве говорити, що наступного дня двох головних серед учнів активістів заарештували і вислали з міста. То були євреї: учень класу 6-го класу Барер та інший прізвище якого я вже не пам'ятаю[1].

Євреї складали найбільш енергійну частину учнів, яка брала активну участь в страйку. З їхнього середовища були обрані головуючі учнівських зборів. Євреї також становили більшість учасників цих зборів. Саме вони, головним чином, приймали участь в обговореннях. Поляки, які власне розпочали страйк, надалі все менше долучалися до дискусій.

Більшість учнів-поляків відправилася по своїх домівках, а хто залишився в Рівному, з кожним разом все рідше бували на мітингах і не приймали участь в дискусіях. Та коли страйк припинився, частина учнів-поляків не повернутися в школу, не бажаючи підкоритися, як того вимагали, подати заяви про повторний вступ до школи.

Серед учнів-росіян тільки невелика частина відкрито підтримала страйк, основна маса – це були люди, які не визначилися, або не виказували своєї особистої думки. Але серед них було багато і таких, хто відкрито протиставляв себе решті молоді.

Через кілька тижнів після початку страйку, під головуванням предводителя дворянства Андро, був організований Комітет з метою налагодження контактів зі страйкуючою молоддю і вияснення можливості знову розпочати навчання в школах. На першому засіданні цього Комітету, за участю страйкуючої молоді, виступило двоє учнів-росіян, які заявили, що страйк розпочали поляки і євреї, а вони – росіяни, жодних вимог не висувають і просять якнайшвидше відкрити школи для навчання. Той виступ мав тільки негативне значення, жоден з російських товаришів з іншими поглядами просто не були присутні на зборах.

Після тривалих перемовин: учнів з одного боку та шкільної адміністрації з іншого, Комітет Андро дійшов висновку, що перешкод для відкриття школи не повинно бути, якщо основні вимоги учнів будуть прийняті і виконані. Про бажання вивчати польську мову якось забули. Незабаром призначили термін початку навчання. Остання учнівська «сходка» ухвалила припинити страйк і повернутися до школи. Сумним було закінчення навчального 1905–1906 року. Політична атмосфера в Росії формувалася під домінуючим впливом переконливої перемоги реакції. Кожному було зрозуміло, що повернення до старих порядків є лише питанням часу.

Учнівський гурток втратив частину своїх найактивніших членів. Я мав честь в цей період займати високе становище в організації. Останні прощальні збори я забажав провести в помешканні моїх батьків. Наступного року обрали нове правління на чолі з Владиславом Корсаком. На прощання ми побажали всім, хто лишився, безболісно пережити скрутні часи наступу реакції.

[1] Про заворушення в Рівненському реальному училищі див. на с. 317-318.

ДОДАТКИ

РОУНБ

Иван Кулжинский

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЛЫНИ

После польского мятежа 1831 г., вполне обнаружившего гадкую неблагодарность поляков к благодетельному для них русскому правительству, и выставившей на позор векам и народам всю нравственную и умственную испорченность их,– два известные училища и рассадники революции,– Виленский университет и Кременецкий лицей, были закрыты; а все прочие училища Волынской и Подольской губернии, бывшие до того времени в составе Виленского учебного округа, были причислены к Харьковскому округу – впредь до открытия нового Киевского учебного округа. Вместе с тем было Высочайше повелено вместо Кременецкого лицея открыть в Волынской губернии две русские гимназии,– одну в Житомире, другую в Луцке.

Я в то время был учителем Харьковской гимназии и, кроме гимназической службы, был до того завален уроками в тамошних частных пансионах, что даже не успевал читать газет и, постоянно беседуя «с мертвыми греками и латинами», не много имел времени для любопытства о том, что делалось в современной жизни.

Впрочем, слух об открытии двух русских гимназий на Волыни дошел и до меня, и притом с одним неприятным добавлением, что начальство хочет послать меня в одну из тех гимназий.

6-го августа 1832 г., неожиданно, был я призван к попечителю (В. И. Филатьеву) и получил предписание о назначении меня в должность директора гимназии, предположенной к открытию в г. Луцке. В предписании было сказано, чтобы я открыл гимназию непременно 6-го декабря того же года, и чтобы все учебные предметы были преподаваемы в гимназии непременно на русском языке.

Выбор инспектора гимназии предоставлен был мне, а учители были назначены начальством, частью из других русских гимназий, а частью из польских учителей бывшего Кременецкого лицея. Начальство и тут показало свою необыкновенную милость к этим заблудшим пастырям заблудших овец: вместо того, чтобы уволить их в отставку, разместило их учителями, то в Луцк, то в Житомир, то даже профессорами в открытый скоро затем университет св. Владимира.

Читатели этих «воспоминаний» (предполагая, что они будут), быть может, станут удивляться, как это могло случиться, что в коренном, искони – русском крае,– на Волыни, только с 1832 г. ученье в школах началось на русском языке? На каком же языке учили и учились там прежде? Увы!.. этот русский край тогда был до того ополячен, что все русские чиновники, служившие там, и даже не все женатые на польках, говорили и писали по-польски. В домах и семействах православных священников тамошних, даже имевших академическую степень магистра богословия, говор польский считался модным, служил признаком образованности; судопроизводство и делопроизводство было ведено на этом же языке.

Новоприезжего русского чиновника сейчас же брали на воспитание польские дамы, и ежели выходил такой тупица, что никак не мог усвоить себе разных польских брже… прше… и прочих благозвучностей польского языка и на отрез отказывался говорить по-польски, то с ним говорили по-французски, но отнюдь не по-русски,– вообще говорю, наш прекрасный русский язык опозоренный там именем хлопского языка, был изгнан в села и захолустья – к мужикам, а в городах и паны (большею частью виродки русских предков), и прислуга русская, и священники, и чиновники, и евреи – все говорили по-польски!!

В бывших там училищах русский язык числился, для благовидности, между прочими учебными предметами, но ему никто не учился; а бывший профессор «российской словесности» в Кременецком лицее г. А-ий (природный русский, из воспитанников педагогического института), за 20 лет своей службы в Кременце, сам совершенно разучился говорить по-русски от редкости случаев к употреблению своего родного языка; а два сына его, бывшие студенты лицея, хотя по спискам значились «православными», но в 1831 г., вместе с другими своими товарищами поляками, пошли до лясу, в рухавку, и… погибли!

Вот в каком состоянии находился тогда русский язык в русской стране, на Волыни! Длинная и всем известная вышла бы история, если бы стать – рассказывать, каким образом издревле – рус-

ская Волынь, возвратившись в состав своего русского отечества и находясь под русским правлением, была ополячена.

По крайней мере поблагодарим Бога за простой русский народ, населяющий эту страну, который, не смотря на носимое им тогда двойное тяжкое иго – крепостного подданства польской шляхте и арендаторства жидам,– не изменил ни своему славяно-русскому языку, ни своей православно-русской вере,– не ополячился, не олатинился и не ожидился. А древние русские дворяне и потомки древних волынских православных князей, все переделались в поляков и папистов.

Іван Кулжинський

Для переделки русского человека в поляка и паписта, на Волыни польская пропаганда имела три главные средства: женщин, фабрикацию документов о дворянском происхождении для всякого (хотя бы даже для жида), кто переходил в папизм, и – училища. Проходя молчанием два первых средства, к которым я мало имел отношения,– скажу несколько слов о волынских училищах.

После возвращения Волыни в состав единокровной России, сперва иезуиты, потом достойные сподвижники их базилиане и пиары захватили в свои руки все тамошние училища и содержали их на свой счет. В первые годы нынешнего столетия, с открытием в России Министерства народного просвещения, явились на Волыни два полонизатора, оба – ополячившиеся потомки русских предков, величайшие фанатики, кн. Адам Чарторижский и Фаддей Чацкий, которые, перепробовав разные средства к утверждению и распространению польского элемента на Волыни, обеими руками ухватились за народное просвещение, как за самое верное средство пропаганды. Первый из них выхлопотал для себя должность попечителя Виленского учебного округа и Виленского университета, а последний сочинил для себя место генерального визитатора училищ Киевской, Волынской и Подольской губерний.

Таким образом – Белоруссия, Литва, Киев, Волынь и Подолия поступили в просветительное распоряжение двух поляков, которые, как ренегаты, своим фанатическим прозелитизмом удивляли даже родовитых, самых завзятых поляков. Припоминать полезную истину никогда не поздно и никогда не может быть неуместно. А потому невольно припоминается басня Крылова о том, как Змея просилась к мужику в няньки для его детей. Благоразумный мужик справедливо решил, что «самая лучшая змея» не годится в наставники для его детей. А у нас, к этому делу, были припущены разом две змеи, за которым поползло бесчисленное множество других меньших змей, которые все обвились вокруг здорового тела западной России и немилосердно высасывали из него здоровую русскую кровь, отравляя всё тело папско-польским ядом. Поляк – попечителем русского университета и русского округа!!

Ну, скажите по совести, не одно ли это и то же, что Змея – нянькою детей у мужика?! Поляк – визитатором русских училищ! Поляки – директоры и учители школ в России!! После этого нет никакой причины удивляться тому, что поляки уже два раза имели дерзость затевать мятеж против русского правительства.

С простонародьем труднее было управиться полонизаторам. Даже пресловутая церковная уния не истребила в простом народе памяти о русском его происхождении, волынский крестьянин всегда называл себя «руським».

Для совращения русского простонародья в папизм, Чацкий выдумал так называемые «парафиальные школки». Делалось это следующим образом. Среди православного села или местечка, имевшего православную церковь, вдруг какой-нибудь пан – поляк или миссионер какого-нибудь латинского просветительного ордена строит латинский костел, и при нем непременно школу. Прихожанами костела состояли сам пан со своим семейством, да оффициалисты его, большею частью ренегаты из русских дворовых людей; а дети этих прислужников были учениками прикостельного приходского училища.

Случалось, что дворовый человек, православный русский, не совсем ещё ополячивался, но – как слуга двору – он своих детей должен был посылать учиться уже не к дьячку своей православной церкви, но к «бакаляру» прикостельной школки, и там дети его непременно делались поляками и папистами[1]. Каждая польская «парафиальная школка» в православном волынском селе была похожа некоторым образом на жидовский шинок среди чистого поля. Лежит, например, пустое поле,

[1] Православные крестьяне, говоря вообще старались избегать этой опасности для своих детей, но бедность и служба при панском дворе не редко увлекали и их в омут польской пропаганды. *(Прим. авт.).*

возле него вьется проселочная дорожка, посреди поля пан выстроил хату – даже без сеней, а в той хате поселился жид-шинкарь и продает горилку, заржавленную тарань и селедку. Казалось бы, кто придет к нему выпить, и какие барыши предвидит он от своей торговли на таком неудобном месте? А между тем жид торгует себе да торгует, и сени уже пристроил к хате, и сшил себе новый кафтан, и козой и лошаденкой обзавелся. Кто-нибудь, когда-нибудь, все-таки заезжает к нему и выпивает одну-другую чарку горилки и закусит пятилетнею селедкой. А как у него горилка раздвоена водою, грошевая селедка продается 3–5 коп., то жид всегда оставался в барышах. А при горилке жид не прочь и от всякой другой торговли, особенно запрещенной. Так точно работала и польская «парафиальная школка» в православном русском селе: не сегодня, так завтра, а всё-таки попадало в неё одно-другое русское дитя и – ополячивалось!

Приехавши в Луцк и осмотревшись там, я, с крайним сожалением, увидел, что в моей будущей русской гимназии число новоопределенных – поляков гораздо больше числа русских учителей. Как же с подобными сотрудниками, думал я,– устрою здесь русскую гимназию?.. Но, к удивлению моему, все эти поляки-учители сразу начали говорить и писать очень хорошо по-русски, как будто они и не были поляками.

Удивительная ловкость этого племени! Вот, кажется, его мосць дошел до безнадежного состояния,– по незнанию русского языка не годится в русскую службу и, по предшествовавшим обстоятельствам, подлежит сильному подозрению; ничуть не бывало! Он так заговорит и убаюкает вас своим русским говором и так очарует вас своим русизмом и эластичностью, что его сделают или русским учителем, или правителем русской канцелярии, или даже повыше!

В одно время с назначением меня в Луцк, поляк был определен директором гимназии в Житомир. Из многочисленных опытов я убедился, что если бы какой-либо его мосць или какая-нибудь пани из польской аристократии уверяли вас, что они не знают русского языка, то – не верьте им! Они не знают, т.е. не хотят говорить на этом языке до первой крайней необходимости, но ежели только можно извлечь пользу из русского языка, знание его тотчас найдется.

Один польский поэт очень верно описал г. Луцк следующими словами: «Килька карчем и килька кляшторов». Кроме кафедрального римского собора с бискупом и с множеством прелатов, ксендзов и клириков, тогда в Луцке было шесть латинских монастырей и в них более 200 человек монахов разных костюмов и цветов – от черного до белого. Прочее народонаселение Луцка состояло преимущественно из жидов, да между жидовскими корчмами где-не-где мелькали дома немногих чиновников уездных присутственных мест.

Того, что называется народом, не было тогда в Луцке, и хотя этот город имел тогда магистрат с магдебургским правом, но мещан-христиан было в нем всего на все (буквально) только один человек, не успевший ещё выхлопотать себе документов на дворянство; все прочие мещане и купцы – жиды. Старинные мещане-христиане с переходом в папизм все поделались шляхтичами,– и окрестности Луцка кишели такими панами и полупанками, помещиками и посессорами. Истинный народ был по селам и хуторам. Это – искалеченные работой, но сохранившие и веру, и язык своих праотцов, от времен дидича всей этой страны, св. Владимира Равноапостольного.

Я приехал в Луцк ровно через 20 лет по смерти основателя Кременецкого лицея – Чацкого и был свидетелем, как его лицей переезжал в Киев и был там преобразован в университет св. Владимира. На Волыни тогда жива ещё была память о Чацком, и живо было то направление, которое он дал образованию тамошнего дворянства.

Отличительный характер этого образования состоял, между прочим, и в надувательном характере торжественных речей, которые там были произносимы при всяком мало-мальски удобном случае. Вот, например, один случай из множества подобных. Один раз пришла ко мне пожилая, почтенная пани с прошением проэкзаменовать её дочь-девицу в совете гимназии на звание домашней учительницы. Подавши мне просьбу, она сделала реверанс, взмахнула по-ораторски рукой, и произнесла мне речь, в которой всё было: и «Фебус», и «музы», и «Атены» и прочая подобная дребедень. С большим трудом мог я сохранить серьёзный вид и не рассмеяться, слушая красноречие вельможной пани.

Ещё, сколько помню, очень замечательно было то, что во всех слышанных мною на Волыни польских речах каждый оратор, кстати и некстати, а уж непременно приплетал несколько слов «о благе края и народа» (o dobro Kraiu i narodu), разумея под именем народа исключительно шляхту, а под именем своего края русскую Волынь и проч.

Простой народ, т.е. вся масса коренного русского народонаселения, не шел в счет тамошнего народа, но считался рабочими животными, а история, как неоспоримый и неприятный документ о русской национальности этого края, была подскоблена, подчищена и подделана, подобно испорченным фальшивым документам, в пользу польского меньшинства, овладевшего этим русским краем. Нечего сказать, сих дел мастера!

Іван Кулжинський

Первое лицо в Луцке, по сану, по богатству и по влиянию, был тогда р[имо]-католический бискуп Михаил Певницкий. Он, по своему происхождению, был русский и, до возвращения Волыни в состав России, был неженатым (caelebs) униатским священником; но когда тамошние униаты начали просить русское правительство о возвращении их в православие, он совратился в папизм и быстро пошел вверх по ступеням церковно-папской иерархии. Хотя он тщательно скрывал свое русское происхождение и ни одним русским словом не обмолвился предо мной, в продолжение двухлетнего моего знакомства с ним, как ни старался я навести его на русскую речь, но о его происхождении все знали, а один старик прелат его кафедры, неосторожно иногда обращавшийся с венгерским вином, не раз в таком состоянии упрекал его русским происхождением, и даже кощунственно называл его «проскуркой» в том смысле, что он, будучи униатским священником, служил обедню на просфорах, а не на римских облатках.

Приготовляясь к торжественному открытию гимназии 6 декабря 1832 г., я, с советом моей гимназии, составил «церемониал» этого открытия, и экземпляры церемониала официально разослал всем луцким властям, а бискупу Певницкому сам лично повез и вручил, прося его почтить наш праздник своим присутствием.

Порядок церемониала назначен был такой: после литургии и молебна в православной церкви русское духовенство с процессией прибудет в дом гимназии, освятит в нем воду и окропит все здание; потом самый акт открытия гимназии будет вечером в пять часов. По собрании в залу гостей, учителей и учеников, акт начнется пением молитвы «Царю Небесный», после которой директор гимназии произнесет речь, и т. д… Бискуп при мне прочитал церемониал, ничего не возражал, и оставил экземпляр у себя.

Настало 6 декабря. В назначенное время я со всеми учителями и с православными учениками пошел в православную церковь к литургии и молебну, а инспектор с учениками-папистами отправился в латинский собор; письмоводителя моего я оставил в гимназии для приготовления всего нужного к водосвятию. Под конец литургии вдруг прибегает ко мне в церковь испуганный письмоводитель и тихонько рассказывает, что бискуп из костела прислал в гимназию своих прелатов и клириков со святою водой, и они уже окропили всё здание. Что тут делать?! Искушение, и только!.. Но искушение не остановилось на этом. В пять часов пополудни, когда все собрались в залу гимназии, и когда, после пропетой молитвы: «Царю Небесный», я сделал уже шаг на кафедру, чтобы произнести мою речь, вдруг бискуп со своего места делает рукою ораторский жест, и со словами: «Шановне згромадзенье!» – начинает говорить свою польскую речь, о которой он вовсе не предварил меня.

Я собрал всё присутствие духа и самообладание, чтобы не сконфузится и не забыться; но, избегая скандала, я кое-как перемог себя, и потом уже, после бискупа, произнес свою речь, которая, как будто нарочно, была совершенно противоположного содержания речи бискупа. Вся его речь состояла из вариаций на следующую тему: «Дети! Кохайте свой костел, свой край, свою ойчизну», а я, между прочим, говорил ученикам так: «Каждый день вашей жизни начинайте и оканчивайте теплою молитвой о здравии и долгоденствии нашего Государя императора Николая I-го, который открывает вам все средства к истинному просвещению».

О двух сюрпризах бискупа по случаю открытия гимназии я на другой же день донес попечителю. Слышно было, что тогдашний генерал-губернатор, граф В. В. Левашов требовал объяснения от бискупа, но на этом и кончилось.

Приступая к открытию учения в классах, я предварительно прочитал учителям предписание начальства о преподавании всех учебных предметов на русском языке. Р[имо]-католический законоучитель, ксендз Иосиф Варховский (племянник бискупа), весьма неравнодушно спросил меня: «Неужели и закон Божий р[имо]-католического исповедания преподавать на русском языке».

«Непременно! – отвечал я.– Вы, отец Иосиф, потрудитесь на русском языке составить программу вашего преподавания и представьте её мне».

«Да как же это? да возможно ли это? да к чему это? Ведь и католических катехизисов нет на русском языке» – возражал разъяренный ксендз.

«Вы, г[осподин] ксендз, будете переводить польский катехизис на русский язык; ученики будут списывать и заучивать, и дело уладится; а там, я думаю, и печатные руководства поспеют».

Слух об этом «необычайном происшествии» разнесся по всем кляшторам Луцка. Бискуп был чрезвычайно встревожен и вошел со мною в переговоры; но я показал ему предписание попечителя и настоял на своем. Ксендз законоучитель преисправно переводил с польского на русский язык священную и церковную историю и катехизис; ученики переписывали и учили,– и дело пошло как нельзя лучше. Но ляхи неутомимо работали против употребления русского языка в учении веры: меня обнесли, как фанатика, и достигли того, что я через два месяца после открытия гимназии получил предписание о преподавании Закона Божия р[имо]-католического исповедания на польском языке.

Тогдашнее настоящее сделалось прошедшим. Через 25 лет после открытия Киевского университета профессор Шульгин (нынешний издатель «Киевлянина») напечатал историю этого университета и Киевского учебного округа. В этой «истории» он, не называя меня по имени, но вообще шутя над излишнею ревностью некоторых педагогов к водворению русского просвещения в Киевском учебном округе, говорит, между прочим, нечто подобное в таком роде: «нашелся один директор гимназии, который требовал, чтобы на русском языке был преподаваем даже Закон Божий р[имо]-католического исповедания»… Старые мои сослуживцы, читавшие «историю» г. Шульгина, говорили мне: «Это о тебе напечатано!» – «Обо мне»,– отвечал я, но я и тогда не краснел и теперь не краснею от подобного укора. А вот не далее, как в прошлом 1864 г., в русской журналистике был поднят вопрос: не должно ли, в самом деле, в наших училищах Юго-Западного края преподавать на русском языке Закон Божий р[имо]-католического исповедания? М. Н. Катков представил такие непреоборимые доказательства о необходимости преподавания на русском языке, и с такой серьёзной точки зрения обозрел этот вопрос, что мне очень желательно теперь знать, переменил ли г. Шульгин свой шуточный взгляд на этот важный предмет, или по-прежнему он остается при своем убеждении в пользу польского преподавания.

После бискупа первое лицо между тогдашним р[имо]-католическим духовенством был инфулат (т.е. прелат с епископскою митрою инфулою, нечто вроде архимандрита), Алоизий Осинский, бывший прежде того профессором латинской и польской литературы в Кременецком лицее. Его инфулация, т.е. приход, с особенными преимуществами и выгодами, был в местечке Олыке,– 30 верст от Луцка.

Я познакомился с Осинским в Луцке у бискупа, и так как он не умел или не хотел говорить по-русски, а я – по-польски, то мы с ним избрали для разговора нейтральный язык – латинский, и латынь сблизила нас.

Ехавши один раз чрез Олыку, я счел долгом посетить старого латиниста. Подъехавши через широкий двор к дому инфулата, я увидел на крыльце двух пожилых поляков в старосветских польских кунтушах, с дорогими поясами. Оба старика, унылые и мрачные, сидели молча. На вопрос мой: дома ли хозяин? один из стариков приподнялся, провел меня в прихожую и указал рукою на дверь в залу. Вошедши в залу, я нашел в ней хозяина, который, тщательно причесанный, в парадном прелатском одеянии, и даже с орденом на шее, сидел на диване, и читал что-то из лежавшей пред ним на столике толстой польской книги, а на кресле пред диваном сидела заплаканная молодая дама.

Ксендз-инфулат вовсе не сконфузился моим неожиданным появлением и, после обыкновенно восторженных приветствий, сейчас же познакомил меня с предметом своего собеседования – с дамою, и даже просил моей помощи. «Вот это – как видит пан директор – молодая дама (говорил Осинский), а там, на крыльце пан директор видел двух почтенных стариков,– один из них отец этой дамы, а другой – муж её. Эта дама недавно вышла замуж, но не любит своего мужа и просит себе развода. Так вот ксендз-бискуп наш прислал их всех троих ко мне, чтобы я примирил их. Пусть пан директор поможет мне убедить эту даму, чтобы не просила развода. А я ей теперь читал из мого лексикона всё то, что великие польские поэты и прозаики говорили о «коханьи»,– ведь не даром же писано».

Я заглянул в лежавший пред Осинским толстый лексикон польский и едва мог удержаться от смеха: таким необыкновенным средством отговаривать несчастную женщину от желаемого ею развода показался мне лексикон почтенного инфулата!

Надобно знать, что ксендз Осинский, обладая обширною памятью и бывши половину своей жизни профессором польской словесности, издал огромный филологический словарь, в котором каждое слово, по алфавитному порядку, снабжено цитатами из польских писателей, употребивших это слово в том или другом смысле. Например: о «Коханьи» были там собраны цитаты и pro и conra, так что кроме филологического сведения об употреблении этого слова разными авторами, никакого решительно нравственного вывода нельзя было сделать из множества цитат.

Вскоре затем к нам в залу вошли отец и муж заплаканной дамы. Осинский сказал им, что он довольно уже убеждал «имосьциню», и просит их привезти её к нему ещё в другой раз. С этим они и уехали.

Зная, что кс[ендз] Осинский, служивши профессором в Кременецком лицее, был очень близок к основателю лицея – Фаддею Чацкому, я старался навести разговор на эту замечательную личность. Осинский воспламенился, вынес мне из своего кабинета книгу своего сочинения «O życiu i piśmach Tadeusza Czackiego», подарил мне эту книгу со своею надписью, и всё время, проведенное мною в его доме, уж ни об чем другом не говорил, как только о Чацком.

Из рассказов и из книг Осинского я составил себе ясное и определенное понятие об этом человеке, пред которым благоговели поляки, и о котором не могли говорить равнодушно. Не смотря на счастливые умственные способности и разнообразную ученость, Чацкий был прожектер, знаменитый фразер, педант и даже оратор, увлекавший толпу своим красноречием, великий мастер достигать предположенных целей. Но и в выборе целей для своей деятельности, равно как и во все своих проектах, он всегда опаздывал, и – благодаренье Богу – такая несвоевременность действия была причиною, что Чацкий не мог сделать для России столько вреда, сколько хотел и думал. Ежели к кому, так именно к идолу поляков – Фаддею Чацкому нужно отнести известную польскую пословицу: «Мудрый лях по шкоде».

[...] 1803 г. Чацкий был назначен генеральным визитатором училищ Киевской, Волынской и Подольской губерний, в помощь князю Адаму Чарторижскому, сделавшемуся тогда попечителем Виленского ученого округа. В мастерские руки попало народное просвещение. Князья Чарторижские, по феодальному обычаю, всегда титуловались и подписывались так: «князь на Несвижу и Клевани». Несвиж и Клевань – два родовые имения их.

В местечке Клевани (Ровенского уезда Волын[ской] губ[ернии]), в тамошней православной церкви, доселе показывают могилу православной княгини Елены Чарторижской, а в алтаре на престоле можно видеть Евангелие, пожертвованное этой княгиней, на особом листе которого она сама собственноручно записала по-русски это пожертвование от себя и от двух своих православных сынов,– князей Чарторижских. Впоследствии времени эта издревле православная фамилия литовско-русских князей совратилась в папизм и ополячилась. Удивительно, как способен папизм убивать и уничтожать в людях все приметы коренной генеалогии[1]!

«Со дня вступления Чацкого в должность визитатора училищ (говорит Осинский), история его жизни соединяется с историей Кременецкого лицея». И действительно – последние 10 лет своей жизни он жил уже единственно «для школ», т.е. для задуманного им ополяченья западного края России посредством польских училищ.

В трех, заправляемых им губерниях (Киев[ской], Волын[ской] и Подольской) всех жителей было около четырех миллионов,– в том числе только 300 тысяч, так называемых поляков, т.е. немногих поселившихся там выходцев из Польши и ополячившихся русских, или «перевертней». Для умножения, просвещения и укрепления этого чацкинского избранного народа была посвящена вся остальная жизнь этого неугомонного прожектера и полонизатора. По словам Осинского (стр.. 200), «он был неукротим в своих проектах и деятелен до дерзости в исполнении их» – («bujnym był w tworzeniu przedsięwzięć a nagłym i dzielnym w ich dokonaniu») .

Чацкий, держа в руках книгу, приготовленную для записывания пожертвований на задуманный им Кременецкий лицей, явился в дворянское собрание, произнес экзальтированную речь, которою воспламенил своих земляков, и хотя думал маскироваться распространением просвещения вообще, но невольно проговорился, что все это предпринимается им «dla ocalenia droższego dziedzictwa – mowy rodakow» (для сохранения родового наследства– языка своих единоплеменников). Вскоре потом (20 октября 1803) был устроен в г. Луцке съезд латинского духовенства, куда также явился Чацкий с восторженною речью и с приглашением к пожертвованиям. И от дворян, и от духовенства пожертвования посыпались щедрою рукою, так что в самое короткое время из таких пожертвований составилось 415,720 польских злотых, или 62,358 руб. серебром[2].

Кроме денежных пожертвований, Чацкий обогатил задуманный им Кременецкий лицей библиотекою и другими учеными богатствами. По его приглашению всякий жертвовал кто что мог; а библиотеку, оставшуюся по смерти короля Станислава-Августа, Чацкий купил для лицея за 7,500 черв[онных] злотых. По ходатайству Чацкого, император Александр Павлович назначил для

[1] При этом благоприятном случае считаю заметить, что хотя некоторые, даже русские писатели называют Фаддея Чацкого графом, он никогда не был ни от какого двора пожалован в это достоинство. Говорят, впрочем, что за границею трактирные слуги называют всякого богатого русского – князем, а поляка – графом. (*Прим. авт.*)

[2] Замечательно, что в списках этих пожертвований в пользу польского просвещения четыре русские монастыря базилианов – униатов записали более 10 тысяч злотых, а потомки древних русских князей (Четвертинские, Чарторижские, Яблоновские, Любецкие, Воронецкие и другие) пожертвовали более 14 тысяч злотых. (*Прим. авт.*)

содержания лицея доходы со староства Кременецкого, бывшие дотоле в пожизненном владении умершего князя Сангушки.

В Высочайшем указе 13-го октября 1806 г. сказано, что эти доходы назначаются для содержания училищных заведений, учреждаемых при Волынской гимназии, т.е. Кременецком лицее. Наконец – и русские монахи (униаты-базилиане) должны были посторонится пред пропагандой и замыслами Чацкого. Должны были отдать для помещения лицея весь свой монастырь в Кременце, а сами поместились в монастыре ксендзов-реформатов.

Ещё до уничтожения Польши сейм 1775 г. определил: все имения и капиталы, оставшиеся в королевстве Польском после изгнанных иезуитов, обратить в пользу училищ,– для управления каковыми делами была учреждена в Польше так называемая «Эдукационная Комиссия». После окончательного раздела Польши дела этой комиссии относительно русских частей Польши, возвратившейся в состав Российской Империи, находились в чрезвычайной запущенности. Чацкий подал мысль и сам же помог привести её в исполнение, чтобы для управления делами иезуитских имений и капиталов были учреждены в России две эдукационные комиссии – одна для губерний Киевской, Волынской и Подольской, а другая для пяти губерний белорусских и литовских. Будучи назначен президентом первой комиссии, он распутал дела самые многосложные и открыл в пользу училищ, из доходов и процентов поиезуитских имений и капиталов, фундуш в 2,350,000 злотых польских, или в 352,500 руб. серебром.

С такими огромными средствами можно было смело приступать к открытию училищ, не боясь никаких препятствий,– тем более, что в первые годы нынешнего столетия «просвещение народа» (без отчетливого понятия о народе и о просвещении) было самым модным словом; а потому, под влиянием этого магического слова, Чацкий смело приступил к полонизации Волыни, Подолии и Киевской страны посредством учреждения польских училищ. Волынская гимназия названа впоследствии времени Кременецким лицеем и должна было служить для этого края рассадником польского просвещения.

По приглашению Чацкого три ученые поляка: Игнатий Потоцкий, Гугон Коллонтай и Ян Снядецкий, составили план и проект устава для лицея, который устав, после окончательной редакции самим Чацким, был установленным порядком представлен на рассмотрение, и Высочайше утвержден 29 июля 1805 г.

Лицей состоял из четырех низших классов однолетних, и из трех высших курсов – двухлетних; следовательно, весь курс учения в нем совершался в 10 лет. В низших четырех классах было обращено преимущественное внимание на изучение языков: польского, «российского», латинского, французского и немецкого, и на общие так называемые гимназические науки (humaniora studia), в элементарном их объеме. А в трех высших курсах, в продолжение 6-ти лет, были преподаваемые (обязательно для всех учеников) следующие науки: математика, топографическое черчение, физика, естественная история, химия, всеобщая история, естественное, гражданское и народное право, политическая экономия, литература польская, «российская», греческая, латинская, французская и немецкая.

Очевидно, что язык российский и литература российская допущены были в устав лицея из приличия, на показ, для закраски,– потому что без нее слишком сквозила бы пропагандивная цель заведения и проект его устава мог быть неутвержден, а для русских людей не было бы приманки в заведение.

Наконец, 1-го октября 1805 г. был торжественно открыт Кременецкий лицей. На это торжество приехали волынский губернатор, князь Волконский, луцкий р[имо]-католический архиепископ Каспар Колюмна-Цецишевский (предместник Михаила Певницкого), Полемонский (in partibus infidelium) епископ Божидар Подгороденский и съехалась вся польская аристократия Волыни. От имени дворянства произнес речь граф Александр Ходкевич; от имени Виленского университета –Ян Вилежинский и от имени Варшавского общества любителей науки – Ян Лернет.

Но все эти речи покрыл своим восторженным ораторством виновник торжества, Чацкий! Речь его ошеломила всех до того, что министр народного просвещения граф Завадовский, получивши её от Чацкого вместе с описанием торжественного открытия лицея, отвечал ему (14-го ноября 1805 г. за № 667), что «он, читая эту речь, так наслаждался, как наслаждались древние греки, слушая Геродота, читавшего им свою историю. «Тем, которые утверждают, будто природа, утомленная созданием великих гениев, теперь уже отдыхает, я могу (писал министр) указать на гений Чацкого, который на польском Парнассе воскрешает муз, умерших в Аттике». Жаль только, что этот «польский Парнасс» был устроен на русской земле, где ему не место, и что большинство этих «муз» ушли в свое время до лясу к повстанцам!

По окончании первого учебного года, 15 июля 1806 г., опять было в лицее собрание, и опять Чацкий говорил речь. Обращаясь к архиепископу Цецишевскому, он так сказал: «Благослови это училище! Наши покорные сердца Творец примет в жертву чрез твои святые руки. Это твое дело,

которым ты ныне утешаешься. Будь уверен, что мы желаем этому училищу существовать только до тех пор, пока оно будет украшаться религией и добродетелью. Пусть оно превратиться в развалины, ежели запятнает себя «преступлением»!».

Это проклятие, изреченное Чацким в виде угрозы, постигло Кременецкий лицей в 1831 г., во время незабвенно-постыдной революции польской. Но так как лицей существовал все-таки на благословенной русской земле, то с уничтожением преступного лицея, здания его не превратились в развалины, но послужили и теперь служат для помещения православной русской семинарии.

Открывши лицей, Чацкий не удовольствовался этим, но задумал ещё открыть при нем школу практической механики, школу землемеров, и хирургическое отделение для обучения акушерок. Последней школы он не успел открыть, но зато устроил при лицее астрономическую обсерваторию с лучшими в то время инструментами, и сверх того завел превосходный ботанический сад, в котором, на открытом воздухе и в теплицах, состояло более 5 тысяч растений, доставленных со всех сторон света.

Однако со всеми этими заведениями при лицее не можно ещё было достигнуть желаемого полонизатором «просвещения народа», а потому Чацкий, с первых дней своего визитаторства, старался об учреждении приходских и уездных училищ в предположенном духе и направлении. По его приглашению, латинское духовенство Луцкой епархии положило открыть и содержать, на свой «кошт», приходскую школу при каждом костеле; а духовенство Каменец-Подольской епархии назначило на сей предмет десятую часть доходов каждого приходского ксёндза (плебана) и немедленно прислало Чацкому таких денег 10,958 злотых польских. Таким образом, в самое короткое время Чацкий устроил следующее число приходских училищ: 85 в Волынской губернии, 26 в Подольской и 15 в Киевской.

Все эти «парафиальные школки» (как выше было уже сказано) были западнями для уловления в папизм православных русских детей, и таких ловушек вдруг расставлено было сто двадцать шесть!!! Для учреждения уездных училищ также не замедлили явиться пожертвования со всех сторон[1].

По утверждении штатов вскоре затем были открыты следующие уездные училища: Владимирское (на Волыни), Домбровицкое, Любарское, Бердичевское, Овручское, Житомирское, Барское и Винницкое, кроме существовавших прежде Каневского и Уманского.

Для учреждения гимназии в Киеве дворянство пожертвовало по 1 рублю ассигнициями от каждой ревизской крестьянской души, и таких денег составилось 462,000 руб. ассигнациями,– из чего видно, между прочим, что около полумиллиона православных человеческих душ находилось тогда в порабощении у польских помещиков-папистов!.. И из этих православных душ русских собираема была подать для полонизации русского края!!! Позвольте спросить вас, гг. современные гуманисты и полонизаторы: как это вам кажется?!.. Впрочем, Киев – слишком русский город, чтобы можно было ополячить его посредством польской гимназии: было о чем задуматься Чацкому!

Киевские граждане хотели, чтобы гимназия была на Подоле – для ближайшего и удобнейшего хождения детей их в классы; но Чацкий, боясь, чтобы среди русского купечества на Подоле гимназия не сделалась чересчур русскою, настоял на своем и открыл гимназию вдали от Подола,– в Липках,– давая чувствовать всеми возможными способами, что эта гимназия открывается для дворянских детей, а не для русских граждан.

Чтобы положить твердое польское основание для этой гимназии, Чацкий определил в неё директором экс-иезуита Мышковского. Предстояла ещё одна трудность: надобно было при открытии этой гимназии произнести такую речь, которая хотя была бы на польском языке, но угодила бы даже и русским слушателям, а не одним полякам. Но – ловкость Чацкого и тут не изменила ему, хотя, говоря в строго-справедливом смысле,– польская речь в Киеве уже сама по себе была величайшее неприличие и даже оскорбление для русского народонаселения. Но – повторяем – ловкость не изменила Чацкому. Об его речи при открытии Киевской гимназии сам Адам Чарторижский отозвался так: «Чацкий с редкою ловкостью изложил свои мысли в таком необычайном порядке, что победоносною силой своего ума пробился сквозь великие трудности».

Дело шло о том, что в Киеве в одной и той же церкви Печерской Лавры почивают смертные останки князя Константина Острожского и – графа Румянцева-Задунайского. Чацкий, по своему заблуждению, считал князя Острожского поляком, согласился, что его польскому праху можно лежать вместе с московским прахом Румянцева, и что это может даже служить основанием для мира и единения поляков с русскими. Вот подлинные слова из его речи: «Воскуряйте фимиам обеим теням!... В пространстве веков великие люди сохраняют между собой братство. Они уже пред престолом Предвечного. Он – Господь всех людей. Каждый мужественный защитник, каждый доблестный поборник своего отечества имеет свою заслугу пред Его правосудием. Природа, древнейшая всех

[1] Замечательно, что и жидовские кагалы, любарский, овручский и барский, занесли от себя на этот предмет 900 злотых, а всего было пожертвовано 32362 злотых или 4929 руб. серебром. (*Прим. авт.*)

добродетелей и злодеяний, сглаживает силою времени все могилы – эти памятники несчастных несогласий. Старайтесь поставить и украсить алтарь мира и единения. Пусть все славяне прославляют Александра I»[1].

Действительно, нельзя не сказать вместе с Чарторижским, что Чацкий «пробился сквозь великие трудности».

Киевская гимназия была открыта 30-го января 1812 г., и после того Чацкий уже не открывал других училищ, потому что вскоре затем для него самого открылась дверь вечности. От натуги мысли и деятельности силы Чацкого начали ослабевать. В конце января 1813 г., находясь в Житомире, он получил известие, что князь Адам Чарторижский едет к нему в Кременец. Чацкий поехал навстречу своему сподвижнику, приехал в г. Дубно уже больной, и здесь встретил его. Но тут же нервная горячка положила его в постель, с которой он уже не вставал. Несмотря ни на какие усилия медицины продлить жизнь его, он умер в г. Дубне 8-го февраля 1813 г., на 48 году своей тревожной, хлопотливой и экзальтированной жизни.

Что касается открытой мною в Луцке гимназии, то с нею случилось следующее, довольно необыкновенное «происшествие». По истечении двух учебных годов, она в 1834 г. была переведена в местечко Клевань и называлась уже не Луцкою, а Клеванскою гимназией; потом ещё через 5 лет была переведена из Клевани в г. Ровно, где и ныне находится, называясь Ровенскою гимназией.

Это переселение гимназии объясняется тем, что в Луцке тесно было гимназии помещаться в четырех классных комнатах бывшего уездного училища; а большую часть поиезуитского дома, в котором она помещалась после уездного училища, захватили в свою власть монахини-шаритки и, отделившись от гимназии только дощатым забором, завели в своей части дома, под одною крышей с гимназией, и больницу, и прием подкидышей, и училище для девочек.

Я указывал на неудобство этого соседства, я доказывал, что поиезуитский дом весь должен принадлежать учебному ведомству,– тогда бы в нем весьма удобно могла помещаться гимназия. Я также указывал, что шариток, со всеми их заведениями, можно очень удобно поместить тут же в Луцке в кляшторе бригиток, в котором были огромные здания, а монахинь было менее десяти. Но нашли гораздо удобнейшим – перевести гимназию в Клевань, в тамошний замок князя Чарторижского, вместо бывшего там уездного училища, а училище обратить в Луцк на место гимназии.

В 24 верстах от м. Клевани лежит уездный город Ровно, принадлежавший тогда князю Фридриху Любомирскому. Князь, желая увеличить пропинацию, т.е. откупные статьи, приносившие доход ему, как владельцу города, начал стараться о переводе гимназии из м. Клевани в его город Ровно, и нарочито для гимназии построил новый дом, по указанному ему от начальства плану и фасаду, да сверх того для учительских квартир пожертвовал несколько домов.

Нельзя было пренебречь таким выгодным помещением,– и вот гимназия перешла в Ровно. На таких же основаниях устроены после того ещё две гимназии во владельческих местечках, в Белой Церкви и в Немирове.

Тут я хотел бы окончить мои «воспоминания о Волыни», но следующий вопрос сам собою напрашивается под мое перо: откуда у нас полонофильство? Каким образом русский человек делается иногда полонофилом?.. Обозревая этот вопрос со всех возможных сторон и подвергая наших жалких полонофилов всестороннему обследованию, я убедился, что полонофильство есть особенного рода мономания, происходящая от невежества, от незнания русской и польской истории, от бесхарактерности образования, лишенного религиозных и логических оснований, и от увлечения в сети, расставленные польскими женщинами, панами, ксендзами для совращения русских людей с пути правды.

Та, или другая причина, а нередко и все эти причины вместе так расслабляют и портят иногда русскую душу, что человек, под наитием этих действующих причин, делается, по пословице, ни рыба ни мясо, или, по словам Мирославского, делается полурусским и полуполяком, сочувствует полякам в их тенденциях и покровительствует им. Вышепоименованный бунтовщик говорит, будто таких полурусских и полуполяков теперь уже очень много расплодилось на всех путях нашей администрации. Правда ли это? Ах, дай Бог, чтоб была неправда!…

[1] O życiu i pismach T. Czackiego. – S. 159-160. (*Прим. авт.*)

Иван Сбитнев

ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВЕЕВИЧА СБИТНЕВА

(Из времени учреждения на Волыни и Подолии, после восстания 1831 г., русских школ, взамен польских)

Автор предлагаемых записок, Иван Матвеевич Сбитнев, родился в Новгород-Северске, воспитывался в тамошней же гимназии, из которой, по окончании полного курса, в 1816 г. поступил в Харьковский университет по физико-математическому факультету. Окончив здесь курс со степенью кандидата, Сбитнев был назначен учителем гимназии в Екатеринодар, а оттуда в 1820 г. переведен в Новгород-Сиверскую гимназию учителем математики. В 1832 г. он, в числе других учителей, был употреблен учебным начальством для дела устройства учебных заведений в Юго-Западном крае на новых началах.

Как известно, здесь, со времени присоединения края к России, парила система польского образования, поддерживаемая всеми силами польского общества и таких выдающихся его деятелей, как Адам Чарторыйский и Фаддей Чацкий, и широко сеяла польский дух, симпатии и традиции в среде коренного русского населения. С обнаружением польского восстания, подготовленного главным образом путем школы, император Николай повелел закрыть все польские учебные заведения в целом крае, чтобы образовать взамен их русские.

В эти новые заведения требовались новые деятели, которых решили выбрать из среды русских учителей; кроме того надо было привести в точную известность средства существования прежних училищ, исключительно частные, т.е. дарственные записи польских панов, так называемые фундуши. Для этой-то цели и был избран, в числе других, автор настоящих записок, И. М. Сбитнев, прежде исполнения сего последнего поручения назначенный инспектором новообразованной русской гимназии в г. Каменце-Подольском.

Записки Сбитнева обнимают время 1832–1835 г. и касаются самой темной поры в местной истории народного образования. Этим определяется немаловажное историческое их значение. Сущность данного Сбитневу поручения заключалась в открытии школьных фундушей и актуальном их установлении для так называемых приходских училищ в Подолии и на Волыни; в сведениях об этом и главный интерес его записок. Но этим не исчерпывается содержание их: автор с большою подробностью говорит о выборе деятелей народного образования для Юго-Западного края и о своем переходе туда на службу, а при этом нередко, хотя мимоходом, дает весьма интересные сведения, рисующие современное положение школьного дела, его предшествующую судьбу и главных его деятелей.

Автору недостает широты кругозора; ему неизвестны ни правительственные планы во всей их широте, ни их политическая основа, ни частности дела, к которому он вместе с другими призывался, он смутно представляет это дело и с боязнью смотрит на предстоящую ему службу в крае, который все считали еще польским; но что доступно было его ведению и наблюдению, то он отмечает тщательно и вполне добросовестно.

Ведя свои записки в форме путевых заметок и наблюдений, автор разнообразит и пополняет свой рассказ описанием, иногда же и краткою историею посещенных им мест – от Новгород-Северска до Харькова и от Харькова до Каменца-Подольского и отдаленных северных пунктов Волыни. Это придает запискам живость, которую они утратили бы, если бы представлены были в форме официального отчета.

Помимо исторического интереса записки Сбитнева не лишены и некоторых литературных достоинств; автор их в свое время пописывал в столичных журналах и в записках его заметно выделяются литературные приемы того времени.

И. М. Сбитнев был вообще образованным и развитым человеком своего времени. Многочисленные ученики его сохранили самую светлую о нем память за его гуманное с ними обращение; он был враг педантизма того времени, защищал своих учеников в совете

гимназии, старался развить в них вкус к литературному чтению и понимание высших интересов жизни. Прослужив более определенного срока, он вышел в отставку, поселился снова в Новгороде-Северске и умер здесь в августе 1856 г.

Записки начинаются призывом их автора в командировку и оканчиваются с исполнением данного ему поручения.

[...]25 мая получил я от г. попечителя округа пакет на мое имя, с надписью «по секрету». Так как этому секрету прошло уже много лет, при том этот секрет уже приведен в исполнение, о нем знают уже почти все волынские помещики и теперь он попал уже в разряд давних исторических событий по киевскому учебному ведомству, то я имею полное право сделать его явным.

Г. фон Брадке предписал мне, по приезде в Каменец профессора Кременецкого лицея, А. Н. Мицкевича, сделать с ним совещание о том:

1) как удобнее и скорее осмотреть на местах приходские училища, закрытые во время последних польских смут, сперва в Волынской, потом в Подольской и Киевской губерниях, для чего дан нам подробный список этих училищ;
2) войти в сношения с гг. фундаторами сих училищ о приведении в надлежащий порядок домов, в которых они помещались прежде, для открытия их вновь;
3) совершить с фундаторами законные сделки или об отпуске денег, или об отводе земель, для содержания училищ, на основании данных ими обязательств;
4) привести в известность училищные недоимки, которые произошли от несвоевременной уплаты следуемых от фундаторов денег на содержание училищ, а также самые капиталы или фундуши на устройство и содержание училищ, где таковые еще не были открыты, и эту последнюю сумму обеспечить на свободном имении фундаторов;
5) избрать места, где бы можно было устроить училища для униатов, в тех местах, конечно, где они живут в значительном числе;
6) сделать испытание тем учителям закрытых школ, которые пожелают служить, и если окажутся способными, то сделать о таковых представление на благоусмотрение его превосходительства.

В этом предписании вменялось мне, как русскому, в особенную обязанность заняться означенными делами внимательно, с патриотическим усердием, и дозволялось отдельно, по секрету, представлять попечителю заметки о важных событиях, которые могут случиться при местных наших действиях.

Самый проект попечителя об открытии приходских училищ, как сказано, было в предписании, первоначально одобрен г. министром просвещения и потом высочайше утвержден государем императором.

В присланном мне пакете приложены были также открытые листы от киевского, волынского и подольского генерал-губернатора графа Левашова и от латинских бискупов: Мацкевича и Пивницкого, для содействия нам, буде нужно, от гражданских чиновников и латинского духовенства.

Скоро потом, а именно 7 июня, прибыл ко мне в Каменец Мицкевич. При первом-же нашем свидании, мы очень скоро и единодушно покончили наши совещания и намерения по исполнению возложенного на нас поручения, и именно следующим образом: так как обстоятельства сего обширного и важного дела нам обоим совершенно неизвестны, то следует нам, не мешкая, отправиться в Кременец, чтобы там посоветоваться с чиновниками, служившими в эдукационной комиссии, а потом уже приступить к исполнению высочайшей воли.

При этом считаю приличным заметить, что профессор Мицкевич есть родной брат знаменитого польского поэта. Воспитывался он в Виленском университете, где получил ученую степень магистра по юридическому факультету; знает основательно латинский, немецкий, французский, русский и польский языки и в дополнение обладает благороднейшею душею.

Эти качества души его, и я изведал в затруднениях и недугах моих, во время совместного нашего путешествия по Волыни, и в последующие годы. Его теплое, родственное участие проявилось потом и на моем сыне, который, под его руководством, воспитывался в Харьковском университете. Эта память сердца моего да будет хотя слабою данью моей душевной к нему благодарности!

Поездка в Кременец

И так, вследствие наших совещаний, Мицкевич и я, 9 июня, в 11 часов вечера, оставили Каменец-Подольский. Не скрою при этом моего наслаждения: мне в первый раз в жизни моей довелось путешествовать в июне месяце, в месяце, столь роскошном растительностью и благорастворением воздуха, в месяце столь трудном, тяжелом как для воспитателей, так и для воспитанников. Как легко, приятно подышать ароматным, свежим воздухом после спертой, зловонной каменецкой атмосферы! Всю ночь напролет, без устали, мы проскакали на почтовых лошадях и уже в Проскурове решились несколько отдохнуть и согреться чаем от прохладного утра.

Верстах в пяти от станции Западинцы, пред нами открылась обширная, прелестная равнина, а в средине оной Старый-Константинов, орошаемый р. Стрый и принадлежащий графам Ржевуским. В Старом Константинове нам разсказали, что когда-то на этой равнине император Александр Благословенный делал смотр войскам своим и принял милостиво от графов Ржевуских великолепный бал, сделанный для него и его сподвижников.

В Каменце я часто встречался с графинею Ржевускою, где она проживала на наемной квартире, скромно, довольствуясь достаточным количеством денег, назначенных ей от правительства; а имение графов Ржевуских секвестровано по причине сильного участия владельцев оного в эпоху последних смут в Царстве Польском.

В Заславль мы приехали в сумерки. Этот город принадлежит князьям Сангушкам, которые устроили в нем суконную фабрику и каретный завод, очень известные в тех местах по отличной доброте предметов, на них выделывающихся. Тут случилось с нами маленькое происшествие, несколько нас побеспокоившее. На станции дали нам порядочных лошадей; но ямщику захотелось везти нас медленно, почти шагом, под предлогом песчаной дороги и будто слабости лошадей. Товарищ мой, истощив все меры понуждения, решился, наконец, погрозить ему палкою. Ямщик, не дождавшись еще исполнения этой угрозы, быстро спрыгнул с козел экипажа и скрылся в лесу. И так, мы остались в лесу без кучера и в темную ночь! Что оставалось нам делать? Не сидеть же целую ночь в лесу напрасно, без всякой цели! Мицкевич приказал своему человеку сесть на козлы и гнать лошадей до следующей станции, до которой еще считалось 8 верст. Боже мой! Как всполошили мы станционного смотрителя, когда приехали к станции без ямщика! Но чрез час явился и сам ямщик, начались следствие, разборы, очные ставки; из них станционный смотритель убедился, что сам беглец очень не прав.

С чувством благоговейным я приближался к Острогу, городу, где во время унии православие долго боролось с фанатизмом латинского духовенства, к отчизне князя Острожского, который так успешно поддерживал православие и так справедливо заслужил титул святого[1]. Славная река Горынь орошает и украшает этот город. В нем существуют развалины бывших огромных зданий, где когда-то живали православные епископы, где существовала во время унии знаменитая типография для церковных книг, которые ревнители православия рассылали во множестве по Червонной Руси.

Пожар, случившийся в 1820 г., привел эти здания в ужасное разрушение. Вследствие того, владелец Острога, князь Яблоновский, поместил и волынского пастыря, и Волынскую семинарию в Аннополе, отдав для этой цели и свой дом, и все свои экономические постройки.

Солнце склонялось к западу, вдалеке забелели здания города Дубно. Он принадлежит князьям Любомирским и до последних смут славился контрактами, на которые стекались многие помещики и повеселиться, и для совершения торговых сделок. В Дубне недавно учрежден склад воинских потребностей. Здешний костел величествен и прелестен.

Вот королевский мост чрез реку Икву, возле которого мятежный Дверницкий стоял лагерем, угрожая Кременцу! Уже и горы Кременецкие более и более возвышались по мере нашего к ним приближения! Вот и узкий проход, или, лучше сказать, ущелье в трущобу, огражденную высокими, почти отвесными скалами, в которой солнце восходит двумя часами позже и заходит двумя часами ранее! В этой-то трущобе построен Кременец, который во время существования лицея слыл на Волыни Афинами.

Кременец

В Кременце мы застали попечителя учебного округа, прибывшего сюда, чтобы разобрать споры и жалобы, возникшие между лицеальным ведомством и посессором лицеальных недвижимых

[1] Автор, очевидно, смешивает преподобного Федора князя Острожского (†1438 г.), которого мощи почивают в Дальних пещерах Киевской лавры, и князя Василия-Константина Острожского († 1608 г.), жившего в период Люблинской и Брестской унии и известного горячею защитою православия и вообще широкою просветительною и благотворительною деятельностью в пользу оного. (*Прим. ред. КС*).

имуществ, и вместе распорядиться перемещением лицея в Киев, которое должно было исполниться непременно к 26 июля.

Являясь к его превосходительству, мы сознались ему искренно, что не знаем, как приступить к исполнению обширного дела, нам порученного, и что по этой причине мы решились приехать в Кременец, чтобы посоветоваться о том со знающими и опытными людьми и запастись потребными актами. Меру эту попечитель вполне одобрил и при том советовал нам, согласно с мнением Бокщанина, управляющего лицеем, посетить помещиков Подгородинского и Борейку, которые долгое время была членами эдукационной комиссии и неоднократно визитировали приходские училища в западных провинциях, а потому могли дать нам опытное руководство к полезному исполнению данного нам поручения.

Прощаясь с нами, его превосходительство приказал, чтобы мы явились в Киев непременно к 25 июлю и обрадовали его основательными сведениями, по крайней мере, о тех училищах, которые встретятся нам по пути к Киеву. Потом, отведя меня в сторону, сказал тихо: «На вас надеюсь, г. Сбитнев. Вы русский, вы понимаете важность этого щекотливого дела. Будьте же расторопны, осторожны; делайте уступки, снисхождения, только-бы сохранить эти фонды. Я не забуду вашего труда. Желаю вам успеха».

И тотчас-же уехал в Киев.

И так, мы обратились за советом к правителю дел эдукационной комиссии, Казачинскому, который, сверх того, снабдил нас списком приходских училищ, с перечнем о каждом порознь, сколько каждое училище получает доходов для своего содержания и сколько на каждом фундаторе училища считается недоимки. Эти сведения нам показались поверхностными и притом составленными еще прежде, до закрытия училищ, следовательно, в это время уже неверными.

«А чтобы вам иметь подробные сведения об этих училищах,– добавил правитель,– так извольте вам дела» – сказав это, он раскрыл шкаф, нагроможднный связками бумаг в таком количестве, что трудно было-бы поместить их и в ломовую телегу.

«Здесь вы найдете,– продолжал он, – подлинные обязательства фундаторов, все расчеты о фундушах и всю переписку о каждой парафиальной школе порознь».

Нечего делать! Мы занялись прочетом дел и составлением выписок, вроде докладных записок, о таких училищах, которые нам должны встретиться на пути к Киеву, и сверх того о тех школах, которые находятся за Кременцом, на границе Галиции. Не стать же нам возиться на дороге с громадною кучею бумаг!..

Мы поместились на квартире у профессора древней словесности Якубовича, человека ученого, доброго и гостеприимного. К нему почти каждый день собирались его товарищи, по лицею; оставаясь без всяких служебных обязанностей, они любили потолковать о науке и былом, и о том, о сем. Время, проведенное с ними в часы моего досуга, я всегда буду вспоминать с полным удовольствием и благодарностью.

Профессор физики Абрамович, долгое время путешествовавший по Европе на счет Виленского университета, рассказывал нам, как очевидец, про революцию, бывшую в Париже 1830 г.. Про тамошние физические кабинеты, также о шаге, который в новейшее время сделала любимая им наука; не однократно водил нас в лицеальный физический кабинет, где для сюрприза делал нам многие эксперименты. В этом кабинете число предметов удовлетворительно и соответствует настоящему состоянию науки.

Профессор химии Зенович, теплый любитель своего предмета, в дружеских беседах наших развивал нам быстрые успехи этой науки, часто с жаром увлекался в область систем и новых гипотез, которые легко и удовлетворительно, по его мнению, объясняют многие физические явления в природе.

Он-то неоднократно повторял нам свое убеждение, что Кременецкие горы, идущие к Дубну, произошли чрез посредство вулканических сил и образовали провал, в котором построен Кременец, и что этот провал может быть засыпан упомянутою цепью гор наравне с горою королевы Боны, так что от них ни пылинки не останется, с прибавкою к тому кучи камней, находящихся при въезде в Кременец.

Говорят, что он для верности своего предположения измерил и высоту, и цепь гор, простирающихся на несколько верст…

Профессора математики Гречина и Вижевский сообщали нам о новых приемах и открытиях, сделанных ими и другими математиками в анализе, которые усовершенствовали теорию этой важной отрасли наук.

Беседы эти были и по вечерам, во время чая, и по очередным обедам. К нам иногда присоединялись отставные профессора, уже давно выслужившие эмеритуру, т.е. пенсион, сохранив и прежний свой костюм, и свои, длинные волоса, рассыпавшиеся по плечам, и свою степенную важность, и свою

трость. Беседа с ними была также поучительна в ученом, педагогическом и психологическом отношении. Для освежения от нестерпимого жару иногда мы все вместе ходили купаться к тинистой реке Икве, текущей мимо Кременца на полутораверстном от него расстоянии. Порою, но утрам, обозревали мы лицеальную библиотеку, богатую числом книг, библиотеку, составленную разными образами бывшим генеральным визитатором Фаддеем Чацким. В этой библиотеке хранится бронзовый бюст и сердце Чацкого…

Тадеуш Чацкий

Чтоб иметь сведения об основании и развитии учебных заведений в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, нужным считаю предложить здесь краткое описание жизни Чацкого. Сведения о нем я собрал из актов эдукационной комиссии, рассказов отставных профессоров, живущих в Кременце и знавших его лично, и записок бывшего латинского законоучителя Осинского.

Тайный советник и кавалер Белого Орла и св. Станислава 1-й степени, Тадеуш Чацкий родился 28 июля 1765 г., в местечке Порицке, Волынской губернии, Владимирского уезда.

С первых дней своего детства он испытывал горести сиротства. Отец его, коронный подчаший Феликс, содержался в Бродах под стражею за политические мнения свои, а мать от душевной скорби умерла. В этих несчастных для него обстоятельствах, дядя увез его, вместе с братом, в Данциг, где пробыл с ними около 4½ лет. Когда снята была опала с отца его, и дозволено было ему возвратиться в свою вотчину, Порицк, тогда и дети его соединились с ним.

Иезуит Фауст Гродзицкий обучал Тадеуша латинскому языку и геометрии, а для немецкого языка избран был гувернером Мартын Варминчик. Юный Чацкий успевал в преподаваемых ему предметах чрезвычайно быстро, читал прилежно латинских классиков, помнил основательно и подробно все то, что прочитал, и сильно напитался духом и обычаями римлян. Он уклонялся от забав и резвостей, свойственных юношеству, был послушен к старикам, тих и скромен. Получаемые на свои детские расходы карманные деньги употреблял он благоразумно не по летам, а именно: он отдавал их учителю за обучение сирот чтению, письму и Закону Божию. Для этой цели он выпросил у отца своего домик в Порицке, поместил в нем школу и учителя и содержал их на своем иждивении. Эта школа, в часы его досуга, доставляла ему единственное развлечение и несказанное удовольствие.

На девятнадцатом году своей жизни Тадеуш определился на службу в варшавский коронный суд, где приобрел практические сведения в юриспруденции. В досужное время слушал лекции по части истории и статистики у Нарушевича и Альбертранди; также покупал множество книг и рукописей, которые и отсылал в Порицк.

Горное искусство в Польше было в небрежении. Король Станислав воскресил это дело, определив в горную комиссию Чацкого. Чацкий предложил на сейме 1784 г., чтобы послать за границу несколько способных людей для усовершенствования в горных науках, пробирном искусстве и минералогии. Предложение это было принято. Вследствие сего были отправлены за границу Ян Мирошевский, Антон Виенковский, Ян Окрашевский и другие. За отличное устройство самой горной комиссии Чацкий получил от короля орден св. Станислава 1-й степени.

Вскоре после того король Станислав, узнав честность и бескорыстие Чацкого, в 1786 г. определил его подскарбием в финансовую комиссию. В этом звании Чацкий объезжал польскую Украину, с тем, чтоб составить проект улучшения водяных и сухопутных сообщений, которые потребны для успешного движения торговли; пожертвовал собственных десять тысяч червонцев для составления подробной гидрографической карты всей Польши, умножил государственные доходы посредством лотерейной игры, подал Посполитой Речи проект об образовании евреев, описал Краков и привел в порядок и известность рукописи, которые до того хранились в сырых подвалах тамошних монастырей.

В эпоху Тарговицкой конфедерации, Чацкий долгое время проживал в Кракове; этим он подал повод русскому правительству подозревать его в злоумышлениях против короля и России. Вследствие сего Порицк и все его имение конфисковано в казну. Тогда Чацкий отправился в Петербург, явился к генералу Зубову (?) и просил представить его государю, императору Павлу Петровичу. Затем наряжена была комиссия, под председательством Зубова, которой Чацкий представил ясные доказательства своей невиновности, устранения от всех партий, раздиравших Польшу, свои занятия об устройстве разоренного своего имения, свои труды по составлению ученых записок, которые он вел, пользуясь книгами тамошней библиотеки и советами тамошних профессоров академии. Вот какая была цель пребывания его в Кракове. Комиссия признала его невинным; император Павел приказал возвратить ему конфискованное имущество, принял его милостиво, благосклонно и пожаловал ему чин тайного советника, с предложением присутствовать в правительствующем сенате.

По случаю священного коронования императора Павла I, 2 апреля 1797 г., Чацкий через князя Куракина повергнул монаршему престолу всеподданнейшую просьбу поляков, живших на Волыни, в Подолии и Киевском наместничестве, в которой испрашивал:

1) милостивого забвения прошедшего тем полякам, которые политическими своими поступками заслужили кару законов;
2) перенесения архива республики, под названием «Метрика», в которой хранятся документы о польском дворянстве и привилегии на их имущество, в западные провинции;
3) возобновления присутственных мест на правах польских, которое желала произвести еще Екатерина Великая, но не успела по причине смут и неустройства в западных провинциях;
4) дозволения дворянам упомянутых провинций выбирать из среды себя маршалов, судей, исправников и других чинов в поветах и
5) производства всех судебных дел на польском языке, для уничтожения затруднений, происходящих от незнания русского языка.

Этот всеподданнейший доклад Чацкого император Павел благоволил утвердить во всей силе. Тогда-то Костюшко был освобожден от строгого заключения в Петропавловской крепости; поляки, сосланные в разные времена за политические свои мнения в Сибирь, были возвращены на родину; производство дел в присутственных местах и обучение юношества в школах началось на польском языке. Таким образом, уничтожилось намерение Екатерины II-й, желавшей при самом начале присоединения этих провинций к России, привить в жителях их дух господствующего народа посредством могучих средств учения и судопроизводства, чем, может быть, устраивались бы смуты и кровопролитие, которые случились в этих странах через 33 года.

По предложению киевского военного губернатора, Чацкий составил проект улучшения торговли на Волыни и в Подолии, богатых естественными произведениями, но громоздкими и не удобными для доставки к торговому пункту. Этот проект состоял в проведении шоссе из Волыни к рекам Бугу и Днестру, в учреждении, где-либо в западных провинциях коммерческого банка, в расчищении рек так, чтобы они могли сделаться судоходными, и других мерах.

Мало того, он составил компанию с Држевецким, Подгородинским и другими для закупки пшеницы в южных поветах Волыни и Подолии, учредил контору компании в Одессе и построил купеческий корабль для свозки пшеницы в Триест, Марсель и итальянские приморские города. Это предприятие его, не знаю почему, не удалось и лопнуло с великим ущербом для компании.

Движимый деятельностью своего духа[1], Чацкий вознамерился усилить народное образование в Киевской, Волынской и Подольской губерниях. Для того, сравнив воспитание юношества в этих провинциях под правлением польских королей и под властью русских государей, изложил письменно причины запутанности в этом важном деле. Эти причины, по его мнению, были следующие:

1) уничтожение эдукационной комиссии, распоряжавшейся учебными заведениями и их фундушами;
2) малочисленность школ в таком обширном и очень населенном крае;
3) запрещение преподавать польское и римское право и слабое преподавание латинского языка и
4) недостаток системы в управлении школами, с тех пор, как эти провинции вошли в состав империи.

Оттого, по выражению Чацкого, произошло невежество мещан, произведшее упадок городов и местечек, и слабое движение польской словесности и истории, сокрытой в заплеснелых рукописях, которые не имели до сих пор других приютов, кроме темных и сырых подвалов.

Записку свою по этому предмету Чацкий препроводил в 1802 г. к бывшему министру просвещения, графу Петру Васильевичу Завадовскому, который, по высочайшей воле государя императора Александра Первого, сделал Чацкого генеральным визитатором училищ Киевской, Волынской и По-

[1] Говоря о деятельности Чацкого по поднятию и расширению образования в Юго-Западном крае в чисто польском патриотическом духе, автор записок, призванный для насаждения там же образования русского, и не подозревает ни той ловкой антиправительственной агитации, которую вел Чацкий и руководимая им польская партия, ни той простоты и недальновидности, которую проявили тогдашние заправители нашей внутренней политики. (*Прим. ред. КС*).

дольской губерний, с чрезвычайным уполномочием открывать частные пожертвования на пользу училищ и вновь устраивать школы в местах к тому удобных.

Эту меру русского правительства тамошние жители приняли с великим восторгом. Чацкий в скором времени собрал 415,435 злотых 19 грошей (62,318 руб. 33½ коп. серебром.) для устройства волынской гимназии в Кременце.

Вскоре потом по зову Чацкого, а именно 26-го октября 1803 г., собралось латинское духовенство в Луцке, под председательством бискупа Каспера Цецишевского. Это заседание открылось речью Чацкого, в которой красноречиво, убедительно изложена потребность всякому поляку в знании Закона Божия, рахунков или арифметики и родного языка. Вследствие того, Цецишевский, с единодушного согласия Волынского духовенства, определил открыть при каждом костеле парафиальную школу, обязав каждого пробоща содержать это учебное заведение из костельных доходов.

При сем считаю приличным заметить, что упомянутое обязательство для латинского духовенства не есть новый налог. Они должны были приступить к этой мере еще прежде, потому что по эрекциям, или завещаниям фундаторов костелов и монастырей, пробощи и настоятели оных получали деньги, кроме как для себя, еще и на содержание учителей и костельных школ.

Следуя примеру волынского духовенства, также по настоянию Чацкого, каменец-подольский бискуп Ян Дембовский известил Чацкого, что и каменец-подольское духовенство постановило: взымать десятую часть из костельных доходов на устройство парафиальных школ в Подолии и хранить эти деньги в каменецком капитуле впредь до востребования и надлежащего употребления. В 1804 г. этих сумм уже было собрано 10,958 злотых 18 грошей (1643 руб. 79 коп. серебром). К сим пожертвованиям приступило и киевское латинское духовенство.

Волынское дворянство не только не отстало в усердии к образованию своего края, но гораздо больше превзошло в том и самое духовенство.

О пожертвованиях дворянства по каждой из трех губерний для устройства приходских училищ я в свою очередь сообщу подробно.

Чацкий, собрав все сведения о пожертвованиях дворян и духовенства, предположил открыть 85 приходских училищ на Волыни, 26 в Подолии и 15 в Киевской губернии.

Проект устава о приходских училищах, составленный Чацким, высочайше утвержден 31 августа 1807 г.

Для устройства поветовых училищ на степени гимназии Чацкий отправился во Владимир-Волынский, Добровицы, Любар, Овруч, Житомир, Бердичев. Канев, Умань, Винницу и Бар, чтобы самому лично осмотреть здания, принадлежащие тамошним монастырям и ознакомиться с настоятелями этих монастырей. При этом визите он согласил тамошних настоятелей к ежегодному взносу, для содержания поветовых училищ, следующих сумм, а именно для Владимирского 6,900 злотых, Добровицкого 1,900 злотых, Любарского 3,100 злотых, Овручского 900 злотых, Житомирского 1,350 руб. ассигнациями и 375 злотых, Бердичевского 2,500 злотых, Каневского 6,500 злотых, Уманского 2,000 злотых, Винницкого 6,787 злотых и Барского 1,400 злотых К тому же он нашел в каждом монастыре и несколько молодых ученых монахов, которые обязались преподавать в своих училищах какую либо науку или gratis, или за весьма умеренную плату.

Проект устава поветовых училищ, составленный Чацким по совету известнейших в то время ученых мужей в Польше, получил высочайшее утверждение также в 31 день августа 1807 г.

Окончив дела по этому предмету, он обратился к патриотическому чувству дворян Киевской и Подольской губерний, приглашая их к пожертвованию на святое дело воспитания юношества в этих провинциях.

Вследствие этого умного, пламенного воззвания, киевское дворянство пожертвовало единовременно по одному рублю ассигнациями с каждой ревизской души, что составило капитал 46,2000 руб. ассигнациями для устройства в Киеве гимназии на особых правах и в помощь другим училищам. А подольское дворянство взнесло 15,000 руб. ассигнациями для основания в Виннице гимназии и других училищ в Подолии.

Сверх того, в то же время граф Феликс Потоцкий обязался ежегодно уплачивать с каждой ревизской души своих крестьян, находящихся в Киевской и Подольской губерниях, по 5 коп. ассигнациями для содержания училища в Немирове.

Бывший министр просвещения, граф Завадовский, получив донесения о сих пожертвованиях дворян, всеподданнейше доложил о том государю императору Александру II-му. Волынское, подольское и киевское дворянство получило за то монаршее благоволение, а с этим вместе и Чацкий получил особенный высочайший рескрипт, в котором было изъявлено ему милостивое благоволение за неусыпные труды его по этому предмету.

Г. Ярковский, бывший префект Волынского лицея, с восторгом, со слезами на глазах, повествовал мне о торжественном открытии Волынского лицея в Кременце. Устав лицея был высочайше утвержден еще 19 декабря 1803 г., а открытие оного последовало 1-го октября 1805 г.

Еще заблаговременно прибыл в Кременец Тадеуш Чацкий, бойкий, мудрый, величавый Чацкий, для предварительного распоряжения и устройства этого народного торжества. А потом к назначенному дню приехали: бискуп Цецишевский с викарием Полимовским и неисчётное число каноников и пробощей, Волынский губернатор, граф Мнишек (?) из Вишневца, граф Ходкевич из Млынова, князья Любомирские и великое число владельцев волынских из Владимира, Луцка, Острога и Старого Константинова, словом: «из цалего свята».

Когда собралась публика в лицеальную залу, то Чацкий, взошёл на кафедру, произнес речь, исполненную богатых мыслей о воспитании вообще, о пользе просвещения, прославлял монархов русских: Екатерину Вторую, Павла Первого и Александра Первого за милости их к полякам, тепло, сильно величал дворянство западных губерний за любовь к просвещению, за их жертвы на пользу оного.

С живым вдохновением начертал счастливую судьбину будущих поколений в этих провинциях, их благосостояние, их богатство, которые, с помощью науки, извлекутся из недр плодоносных равнин, из утесистых гор, дремучих лесов, кристальных вод, прозрачной атмосферы.

Граф Завадовский, получив от Чацкого эту речь, благодарил его за то восхитительное удовольствие, которое доставило ему чтение этой поэтической речи, уподоблял Чацкого в красноречии Геродоту, когда-то повествовавшему на Олимпийских горах о происшествиях в Греции. «Я, - заключил свой рассказ Ярковский,– по неопытности на лицо директора лицея, Чеха, я, как префект лицея, принял от Чацкого, с чувством глубокого благоговения, высочайшую грамоту и устав лицея…».

В лицей поступили преподаватели из Виленского университета, Краковской академии и Львовского университета, по выбору самого Чацкого.

Чацкий позаботился умножить и в огромном количестве умножил лицей учебными пособиями.

Во-первых, он приобрел покупкой за 7,500 зол. червонцев у наследников последнего короля польского Станислава богатую библиотеку, состоявшую из 15,880 книг, подаренных заславскою княгинею Сапегиною. Также множество книг, принесенных в дар Яном Потоцким, Миклашевским и самим им, которые он или выпрашивал у владельцев, настоятелей монастырей, или тайно похищал у тех, кто почему-нибудь не склонялся на его просьбу. Таким образом, в самое короткое время библиотека Кременецкого лицея возросла до 52,468 томов.

Во-вторых, умножил минц-кабинет монетами и медалями, которые он купил у тех же наследников короля Станислава за 7,500 золотых червонцев. В непродолжительное время число монет и медалей в лицее возросло до 20,000 номеров.

В-третьих, выписал физические инструменты из Парижа, самого лучшего достоинства. В четвертых составил минералогический кабинет из пожертвований князя Иосифа Понятовского, Сосновского, графа Мошинского, Балицкого, петербургского купца Ситникова и известного ксендза Колотая, свирепого врага русских…

В-пятых, пригласил из Кракова ботаника Шейдта, для устройства лицеального ботанического сада.

В-шестых, умножил доходы лицея приобретением Кременецкого староства, которое было до того в пожизненном владении у князя Сангушка. Император Александр, вследствие представления бывшего министра просвещения графа Завадовского по этому предмету, благоволил Высочайше утвердить Кременецкое староство за лицеем в 13 день октября 1806 г.

В-седьмых, Чацкий испросил дозволение оправить базилианский монастырь, в котором поместил Волынский лицей удобно, прилично. Эго помещение лицея последовало также осенью 1807 г., и в нем лицей существовал до 1833 г., т.е. до времени своего перенесения в Киев.

Король Станислав Понятовский, на основании постановления сейма 1770 г., изгнал из Польши иезуитов, которые своим фанатизмом и пронырством сильно содействовали к ослаблению королевства, а богатое их имущество определил употребить на воспитание юношества. Для заведывания этими фондами, он учредил эдукационную комиссию, в ведомство которой передавал и другие эдукационные капиталы.

По присоединении Волыни и Подолии к России, эта коллегия перестала существовать, чрез то одни капиталы были совершенно утрачены, другие возросли до неоплатных процентов, а некоторые не были обеспечены никаким имуществом, следовательно, могли пропасть у частных лиц. Чацкий, желая собрать и сохранить эти капиталы, не утруждая других присутственных мест, кроме исполнительной власти, начертал проект учреждения двух эдукационных комиссий: одной в Кременце, а другой в Вильне.

Эти комиссии делятся на два отделения – экономическое и судное. Управление комиссиею поручается пяти или более членам, выбранным из дворян, известных своею образованностью

и благонамеренностью. В каждой комиссии должно быть по одному председателю и секретарю. Император Александр, 21 декабря 1807 г., вполне утвердил этот проект. Чацкий был избран председателем Кременецкой эдукационной комиссии, а членами оной граф Олизар, Борейко, граф Собанский, граф Ходкевич и граф Плятер.

Чацкий отлично исполнил свою должность председателя: вновь открывал училищные капиталы и как те, так уже и прежде открытые – или взыскивал, или обеспечивал на недвижимых имениях. Наличные суммы снова раздавал обывателям под залог, для приращения процентами. Таким образом, неподвижный эдукационный капитал скоро возрос до 2,350,000 злотых, или 332,500 руб. серебром. Сверх того на все обязательства фундаторов училищ Чацкий сделал акты и внес их в местные гражданские палаты на утверждение.

Его старанием открыта гимназия в Виннице 1810 г. и преобразована Киевская в 1812 г., 30 генваря, с предоставлением этой последней особых прав.

Всем известна преданность поляков бывшему императору Наполеону, который обольщал их обещаниями восстановить Польшу. Молодые люди нетерпеливо ожидали исполнения этих обещаний, а особливо кременецкие воспитанники.

Вследствие того, министр просвещения, в 1807 г., предположил перенесть Кременецкий лицей в Киев, постановив причиною тому близость Кременца от границы и необходимость надежного надзора за духом воспитывающегося юношества. Вместе с тем, военный губернатор, Голенищев-Кутузов, от 27 генваря 1807 г., предписал Чацкому отправиться в Харьков и быть там под надзором университета.

В Харькове Чацкий узнал, что осеннее его путешествие по Киевской, Волынской и Подольской губерниях возродило подозрение у его недоброжелателей, которые описали его императору человеком опасным, сильно поддерживающим в воспитывающемся юношестве национальность вредную для России. Там посещали его профессора университета: Стойнович, Рижский и Тимковский, входили с ним в учёные и политические беседы и пленялись его начитанностью, теплотою, благородными движениями сердца, благоразумны ми убеждениями и искреннею преданностью учреждениям правительства. Так прошло три недели. Никто не требовал от него никаких объяснений, никто не излагал причин, навлекших на него опалу.

Считая себя совершенно невинным во всех своих действиях, Чацкий послал всеподданнейшую жалобу государю императору, в которой просил, как милости, строгого, но скорого суда над собою.

Вследствие сего император потребовал его в Петербург и повелел графу Кочубею, князю (?) и Новосильцеву расследовать поступки его, которые в доносе были изложены. Здесь Чацкий, представил уважительных свидетелей, доказавших,[1] что он мирный человек, всегда уклонялся от партий, раздиравших Польшу, всегда в задушевных беседах с негодованием отзывался о тех лицах, которые смущали поляков против русского правительства и что он весь свой досуг, все свои путешествия по провинциям, всю свою деятельность более пяти лет употреблял для образования нового поколения ко благу страны. Комиссия, убедясь очевидными доказательствами в невиновности Чацкого, донесла о том государю императору, который повелел освободить его от суда, 20 июля 1807 г., и дозволил ему возвратиться на место прежнего его жительства.

Чацкий, посещая часто бывшего министра просвещения графа Завадовского, употребил все, свое влияние на него, чтобы только удержать лицей в Кременце, присовокупив к тому, что лицей может существовать только в этом городе, потому что обыватели к этому месту привыкли, для этого именно места определили фундуши и что в другом месте стены его будут пусты.

Министр решился оставить лицей в Кременце. Сверх того, проживая в Петербурге, Чацкий составил проект учреждения при Волынском лицее школы землемеров, каковой проект высочайше утвержден 27 июля 1807 г. С этим уставом Чацкий возвратился на Волынь.

В эпоху, когда Наполеон приуготовлял грозное свое нашествие на Россию, когда вызван уже был в Париж Иосиф Понятовский, друг Чацкого, для содействия этой цели, когда в западных провинциях снова разлилась молва о скором возобновлении Польши, именно в 1810 г., Чацкий снова возбудил подозрение правительства во враждебных действиях своих против России. Его потребовали в Житомир, где для того наряжена была комиссия.

Этой комиссии поручено сверх того еще расследовать:

1) способ преподавания наук в Волынском лицее соответствует ли видам правительства,
2) удобно ли помещается лицей в Кременце и если неудобно, то где бы лучше поместить оный и
3) эдукационные доходы достигают ли своей цели. Чацкий объяснялся сильно, убедительно и отчетливо пред этою комиссию, и она совершенно его оправдала от ложных доносов и нашла необходимою потребностью оставить лицей в Кременце.

Неусыпные труды Чацкого, понесенные им в продолжение многих лет на поприще воспитания юношества, и последние горести приобрели ему глубокое уважение волынян, и они, соорудив на свой счет бронзовый бюст его, определили поставить оный в лицеальной библиотеке, им созданной и умноженной. И сверх того в память этого народного торжества выбили медаль.

Чацкий умер от нервной горячки, 8 февраля 1813 г., скоро после того счастливого для России события, когда в ней не оставалось ни одного неприятельского воина. Тело его погребено в Порицке, а сердце с великим торжеством перенесено для хранения в Кременецкий лицей, в ознаменование того, что все его помыслы, все его действия в жизни были посвящены на приведение этого учебного заведения в цветущее состояние…

Краткие сведения о школах в западных провинциях, бывших до преобразования

Эти же занятия мои делами кременецкой эдукационной комиссии познакомили меня несколько с учебными заведениями, существовавшими в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, в том состоянии, в каком они были до закрытия их в 1831 г.

Эти учебные заведения были следующие:

А. В Киевской губернии.

1) Киевская гимназия на особых правах. В ней сверх наук, которые преподавались обыкновенно во всех гимназиях, были еще введены русское право, римское право и греческий язык. Воспитанник, по окончании гимназии, получал чин 14 класса. Для содержания этой гимназии суммы отпускались из казны, преподаватели были присылаемы из педагогического института и Харьковского университета.
2) Подольское уездное училище, в котором преподавались науки, введенные во все русские уездные училища. Содержание получало из казны.
3) Каневское поветовое училище о шести классах, на степени гимназии, содержалось на иждивении базилиан. В этом училище часть преподавателей была из монахов базилианских, часть выписывалась из Виленского университета.
4) Уманское поветовое училище, также о 6 классах, на степени гимназии, содержалось на иждивении базилиан.

Предметы в этих училищах преподавались такие, какие обыкновенно введены в гимназиях, но были еще особенные учителя для латинского языка, Закона Божия и польской словесности.

Сверх этих средних учебных заведений существовало пятнадцать приходских училищ.

Б. В Волынской губернии.

5) Кременецкий лицей или волынская гимназия. Этот лицей состоял из семи классов; в первых четырех классах преподавались предметы, как в семинариях, а в последних трех курсах науки преподавались в такой почти степени, как в университетах. Преподаватель должен иметь степень доктора, или, по крайней мере, магистра. Они присылались по большей части из Виленского университета. Лицей этот содержался из собственных доходов, пожертвованных дворянством, и доходов из Кременецкого староства.
6) Клеванское поветовое училище, о 6 классах, на степени гимназии, помещалось в замке, подаренном для сего князьями Любомирскими. Суммы для содержания его отпускались из казны.
7) Межирецкое поветовое училище, также о 6 классах, на степени гимназии, содержалось на иждивении пиаров.
8) Овручское поветовое училище было о четырех классах; но в последнем классе преподавались три года гимназические предметы для тех воспитанников, которые желали потом поступить в университет. Это училище содержалось иждивением базилиан.
9) Бердичевское поветовое училище, о четырех только классах, содержалось иждивением кармелитов.

Сверх того были на Волыни следующие городские училища: в г. Житомире, местечке Полонном, Кодне, Бердичеве, Новограде-Волынске, Корце, Остроге, Овруче, Велединке, Заславле, Старом Константинове, Теофиполе, Кременце, Петербурге, Вишневце, Алексине, Почаеве, Радзивилове,

Боремле, Млынове, Дубнах, Доростае, в большом и малом, Луцке, Мизоче, Локачах, Несвиже, Торчине, Владимире-Волынском, Седлице, Горохове, Порыцке, Сельце, Устилуге, Ковле, Турийске, Мельницах, Головах, Ратном, Коблине, Любаре, Чудном, Колках, Любомле, Ровне, Клевани, Олыке, Дерaжном, Степани, Бережинцах, Шпакове, Казимиркове, Горынь – Городе, Заблоце, Буковце и Троянове.

Большая часть из этих училищ содержались на счет владельцев помещиков, а остальные на иждивении латинского духовенства.

Владельцы для этого определяли:

1) дом о двух комнатах и при нем огород в два морга,
2) сенокос в два морга,
3) пахотной земли – в иных по 10, в других по 20, а в иных по 30 моргов; сверх того
4) учители получали деньгами 600 злотых,
5) в награду прилежным учителям 5 руб. 40 коп. серебром,
6) за каждую перемену владельца вотчиною платится цена 50 корцев ржи,
7) изгородь огорода, первую обработку полей и засев также брал на себя фундатор и
8) вдобавок, два кормленых кабана и две фастки масла.

В. В Подольской губернии.

10) Винницкая гимназия. Получала содержание из казны.

11) Меджибожское поветовое училище. Помещалось в замке князя Адама Чарторыжского и получало содержание от казны.

12) Каменец-Подольское поветовое училище. Получало содержание от казны.

13) Барское поветовое училище. Содержалось на иждивении тринитаров.

Все три последние училища были о 6 классах; в них преподавались науки в таком же объеме, как в гимназиях.

Сверх того существовало еще 29 приходских школ, содержимых по большей части латинским духовенством.

Оклад жалованья чиновникам был следующий.

В Кременецком лицее: директору 1,000 руб. серебром.

В Винницкой гимназии: директору 800 руб. серебром, префекту и преподавателям наук по 400 р. серебром.

В поветовых школах: штатному смотрителю 400 руб. серебром, учителям по 300 руб. серебром.

В приходских училищах жалованье учителю не превосходило 150 руб. серебром, если он сам не хотел заниматься обработкой назначенных ему земель.

Учебные книги для Киевской гимназии присылались из департамента министерства просвещения и Харьковского университета; а для прочих учебных заведений, по требованию, высылал комиссионер Виленского университета, Глюксберг. Все книги были на польском языке.

Каждый класс имел свою книгу, и они назывались: книга для первого класса, книга для второго класса, книга для третьего класса и т.д. В книге для первого класса изложена часть науки, которая должна быть пройдена непременно в этом классе, в книге для второго класса было продолжение той же науки. А в книге для третьего класса следовало продолжение науки с того пункта, на котором она оканчивалась в книге, предназначенной для второго класса, и т.д. Эти книги печатались на серой бумаге. Цена им назначалась очень малая: от 6 грошей до 2-х злотых, не дороже.

Виленское училищное начальство очень заботилось о том, чтобы не переменять учебников и тем не вводить воспитанников в разорение от частых покупок. Учителя для руководства в преподавании всеобщей истории имели историю Кайданова, переведенную на польский язык. Она всегда находилась на кафедре развернутою и, кажется, только и имела это назначение – лежать на кафедре, потому что преподаватели руководствовались другими учебниками по этой части. Тоже можно сказать и о русской истории.

Воспитанники по несколько человек помещались на избранных префектом квартирах, под надзором или старших учеников или окончивших прежде учение. Даже дети, живущие в том городе, где было училище, имели дозорца, надзирателя. Каждый дозорца имел переплетенную книгу, в которой прописывались имена воспитанников, их лета, в каком классе кто находился, какие у него книги, вещи, сколько у него денег, сколько издержал воспитанник денег и сколько у него осталось на лице. В этой книге ежедневно отмечались успехи воспитанников в науках и их поведение.

Префект почти ежедневно посещал квартиры воспитанников, а по утрам получал донесения о них от дозорцев. При посещении он пересматривал книгу, в которую собственноручно записывал свои замечания о воспитанниках, их вещах, состоянии квартиры, чиста ли она, тепла, или холодна, и все свои расправы, которые он учинил.

Расправы с воспитанниками на квартире были обыкновенно розги; эту экзекуцию всегда исполнял цензор, ученик атлетического роста и силы. По окончании годичного курса, дозорцы передавали эти книги префекту для хранения, а в начале курса им выдавались новые.

Сверх того префект имел особенного доверенного человека, шпиона, из посторонних лиц, иногда из простого сословия, даже из жидов. Эти тайные дозорцы, под благовидным предлогом, посещали хозяина квартиры, или воспитанников, ловко стороною разведывали о поведении дозорцев и воспитанников и секретно доносили о том префекту.

Дети достаточных родителей помещались при монастырях, в отдельных комнатах, называемых конвиктами, под надзором монахов, или живали на квартирах учительских с платежем денег по условию. И тем и другим платили значительные деньги. Дети беднейших родителей и круглые сироты помещались даром на общих квартирах.

Каждый класс имел свое знамя, которое выносилось только во время торжественных случаев, а именно: во время праздника Божие Тело, или во время маювки, т.е. майского гулянья. Этих гуляний было непременно три: 1-го и 30-го мая. Горе училищному начальству от родителей, если оно не выполнит этих трех гуляний с их детьми!

Между преподавателями находилось много с хорошим образованием. В гимназию определялись магистры, даже доктора, а в уездные училища кандидаты, Несколько из преподавателей Кременецкого лицея впоследствии заняли кафедры в Виленском университете. Известный Лелевель был сперва учителем в Кременецком лицее. Все преподаватели пользовались хорошим общественным мнением и принимались даже в домах аристократов, или магнатов, как там обыкновенно выражаются, с отличным уважением.

Преподаватели и воспитанники имели мундур, форменную одежду, высочайше утвержденную для Виленского учебного округа. Но местное училищное начальство не стесняло бедных воспитанников; им дозволялось являться в училище и в партикулярной одежде.

Дешевизна в учебных пособиях, квартирах и содержании, свобода в одежде, а особливо любовь поляков к образованию вообще, привлекали воспитанников в учебные заведения, которые были многолюдны.– В Межиречи, Каневе, Виннице считалось ежегодно до 300 учеников и более, а в Кременецком лицее число воспитанников доходило до 1000.

Преподаватели, даже и те, которые служили в училищах, содержимых духовенством, могли получать чины, если б того желали они сами. Но те и другие не любили рангов, чинов, боясь подвергнуться общественной насмешке. Я знал многих преподавателей, которые служили по двадцати лет, состарились, получили даже полный пенсион и не имели чинов. От них-то я узнал, что бывший попечитель Виленского учебного округа, князь Адам Чарторижский, сильно, могущественно поддерживал эту нелюбовь к чинам.

«На что вам чины? вы шляхтич, вы ученый человек; это выше всех чинов»! Так обыкновенно»–отвечал Чарторижский тем преподавателям, которые просили его о представлениях к чинам.

Все училища посещаемы были визитаторами, которые присылались, в разные времена, из Виленского университета; но по большей части, но распоряжению Виленского университета, эти училища визитировались или председателем, или членами эдукационной комиссии. По делам комиссии видно, что Чацкий, граф Плятер и Подгородинский часто посещали училища в качестве визитаторов.

Во всех училищах введен был обычай каждый день пред начатием учения водить учеников в костел для выслушания тихой мши, т, е. когда не играет орган и ксёндз шепчет про себя весь состав литургии. Это обыкновение было, по мнению моему, очень хорошо, потому что оно приучало детей молитвою начинать дневные труды.

В заключение, не могу утаить, что в давние времена в этих училищах сильно поддерживалась национальность польская: скрывали от воспитанников и движение образованности в России, и могущество ея под властью мудрых самодержцев, и развитие в ней промышленности, и благотворные действия и учреждения правительства, ведущие империю к цветущему состоянию; но за то умели возвеличить перед ними, при всяком случае, и прелесть края польского, и высокую образованность поляков, их великую заслугу в успехах изящной словесности; с теплотою прославляли мужество, непобедимость польских воинов, добродетели поляков, их врожденное дарование ко всему, и тому подобное. Оттого юноши не любили Россию, но обожали Польшу; одним словом, Россия была для учеников terra incognita, но за то Польша была известна со всеми подробностями, и в прошедшие, и в настоящие времена, и они не сомневались в исполнении их будущей судьбины, на основании тех понятий, которые заранее им внушались.

Не удивительно, если напитанные такими внушениями юноши и в возмужалых летах были глухи к призыву русского правительства на служение общему отечеству – России! Молодые люди с большим состоянием оставались в домах, хозяйничали, охотились, иногда путешествовали по Ев-

ропе с ученою целью и без цели. Люди со средним состоянием также хозяйничали, также охотились, но путешествовали не далее Львова и Варшавы, чтоб только сказали о них, что они путешествовали; а бедная шляхта служила у тех и других, сперва лакеями, кучерами, писарями, далее дворецкими. Потом если повезет необыкновенное счастье, то достигали выгодной должности комиссара, т.е. управляющего имением, а там чрез несколько времени делались посессорами, то есть брали во временное владение деревни у богатых. И наконец делались настоящими владельцами и достигали иногда почетного титла: hrabia, т.е. графа, пожалованного им от околодка, а иногда от целого уезда. Из этой шляхты были дельцы, занимались адвокатством,– самым прибыльным ремеслом и служили по выборам дворянства.

Девицы с порядочным состоянием получали воспитание преимущественно в женских монастырях у визиток, где внушали им страх Божий, строгое благочестие, высокую нравственность, любовь к деятельности, опрятности; за тем, по выпуске из монастыря, они узнавали в домах все то, что нужно им для общественной жизни.

Эти монастырские училища визитировались только бискупом или уполномоченным от него. Бедные шляхтянки воспитывались или в домах своих родителей, или у родственников своих, или в парафиальных школах; потом делались прислужницами и компаньонками в богатых домах.

Все польки вообще набожны, высокой нравственности, умеют одеваться к лицу, приветливы, ловки в обращении, а потому прелестны. Притом большие хозяйки и, нечего скрывать, большие патриотки и деспотки в домах своих, но деспотствуют силою женской дипломации: кротостью, красотою и прелестью. Об исключениях я не стану говорить ни слова.

Киев, 25 июля

Окончив наши выписки, столько, сколько нужно на первый раз, товарищ мой и я решились отправиться в путь прямо на Вишневец. Лишь только поднялись мы на гору, то казалось, что мы приблизились к земному полюсу градусов на пять: так и пахнуло на нас свежим воздухом, оживившим наши силы, чрезвычайно истощённые тропическою теплотою глубокого ущелья Кременецкого. В Вишневце мы остановились в доме тамошнего пробоща. Оправившись несколько после дороги, мы, в сопровождении этого духовного лица, отправились в замок графа Мнишка, но его, к несчастию, не застали в доме. Нас встретил управляющий его имением, который заблаговременно был уполномочен владельцем исполнять все наши требования. Вследствие того, мы отправились осмотреть училищный дом, находившийся против замка и приведенный в отличный порядок. В расчёте недоимки за прежнее время и в отпуске 150 руб. серебром на содержание учителя не только не произошло спора, но еще охотно исполнил он и другие наши предложения, которые клонились к лучшему благосостоянию училища. Акт был написан и подписан, как следует. Слава Богу! подумал я. Первый приступ к нашему делу исполнен удачно, а хорошее начало есть половина дела, говорит пословица.

Здесь кстати открыть истину. Все фундаторы училищ, кроме духовенства, вследствие своих обязательств, поставили непременным условием, что пожертвования их прекращаются с тех пор, как скоро училища будут закрыты. И так, мы имели большое основание обрадоваться первому нашему успеху.

Управляющий простер свою к нам приветливость еще далее. Он отправил гонца в Алексинцы с тем, чтоб все было приготовлено к нашему приезду, для того, говорил он, дабы мы не имели ни в чем остановки. А, кажется, цель его была другая: он известил тамошнего управляющего о том, что мы говорили и делали в Вишневце. Могу ли умолчать о том, с каким вниманием я осматривал замок, прекрасный парк, его вековые липы, под которыми, может быть, ложный царевич, Димитрий, за два века перед этим, очарованный ловкою дочерью Мнишка, Мариною, любовался прелестным положением Вишневца и мечтал с нею о царствовании своем над Московиею!

Действительно, в Алексинцах нам не было никакой задержки: мы в три часа покончили с тамошним управляющим все дела наши по училищу на таком же основании, как и в Вишневце. Почему, не мешкая ни мало, мы отправились в Почаев, местечко, знаменитое тамошним монастырем, где нашла приют чудотворная икона Матери Божией и где указывают на след стопы Ея, напечатленный на камне, след, из которого беспрестанно струится кристальная вода. Говорят, что этот монастырь был очень богат церковною утварью тогда, когда он был под властью базилиан. Как скоро они узнали, что этот монастырь предназначается в кафедру православного архиепископа, то, расхитив драгоценные камни, золотые и серебренные сосуды, скрыли их так, что никаких следов не оставили. Первою моею обязанностью почел я посетить и принять благословение от архиепископа Иннокентия, который недавно основал здесь свою кафедру, перенесши жилище свое из Аннополя. Преосвященный расспрашивал меня об основании, на котором будут открыты приходские школы и чьему надзору они должны быть поручены. Я тогда мог ему сообщить только то, что мне ничего неизвестно, ибо я боялся откровенным сознанием сделать огласку, которая могла повредить по-

лезному окончанию нашего дела. Затем я познакомился с наместником монастыря, архимандритом Антонием – ему самому угодно было показать мне достопримечательности монастыря и присутствовать при молитвенном обряде, посредством которого при гробе угодника Божия Иова изгоняли тяжкий недуг у какого-то человека. Мне и в голову не приходило тогда, что этот умный, кроткий и ученый Антоний, бывший незадолго пред этим законоучителем в Кременецком лицее, будет со временем возведен на первый святительский престол в империи. Во время легкой закуски были только он, я и дочь его, жена деревенского священника киевской губернии. И он, сознаваясь в недостаточном своем состоянии, с душевною скорбью принужден был отказать ей в таком денежном пособии, какого она с плачем требовала.

– «Дочь моя любезная! Я дал тебе столько, сколько мог; не требуй от меня большего! Я сам ничего не имею. Клянусь Богом!».

Таковы были последние слова его. После них я немедленно простился с ним. Мне грустно стало.

Из Почаева мы снова возвратились в Кременец, чтобы составить рапорт к г. попечителю учебного округа о первых наших успешных действиях по предмету устройства школ. Этот наш возврат был по низменной равнине, лежащей на северной стороне Кременецких гор. Роскошь растительности и частые встречи с прудами и быстрыми ручьями, обсаженными тополями и вербами, а может быть и особенное настроение духа, представляли мне эту равнину живым образом рая, в котором, казалось, разрушение не могло коснуться человеческого организма.

Чрез три дня, а именно 26 июня, мы снова вырвались из ущелья, называемого Кременцом, и направили наше странствование прямо в Дубны, куда прибыли на закате палящего солнца. В самом деле, этот день был зноен невыносимо.

На другой день, утром, мы посетили тамошнего почтенного пробоща, который по предмету дубенской школы с первого нашего слова на все согласился и все сделал. И так, не мешкая, учинили мы наезд к графу Ходкевичу, которого в тамошних окрестных местах именуют еще графом Млыновским, вероятно потому, что он живет в м. Млынове, и еще потому, что в Дубенском уезде есть другой граф Ходкевич, который также имеет другое придаточное прозвание, если не ошибаюсь, графа Варковичского.

По небытности в доме самого владельца, нас принял сын его, молодой человек, с отличным образованием. Он нам, между прочим, объявил, что он был уже предуведомлен о нашем приезде, а потому заблаговременно привел училищный дом в порядок и станет отпускать содержание учителю, на основании условия, «хот зараз». Нам осталось только благодарить его за внимание и приветливость. Этот молодой граф – большой любитель химии и имеет порядочную коллекцию книг по этому предмету. По этому, вся наша беседа вертелась около этой науки, и надобно правду сказать, беседа его была очень занимательна. Так как деревня Доростаи, принадлежит тому же владельцу, то и там нас не задержали. Оттуда мы отправились в Луцк, город, окруженный почти со всех сторон болотами, известный в отечественной истории тем, что в нем за 2½ века тому назад бывали частые соборы духовенства, православного и латинского, для совещания о предметах веры.

Здесь мы должны были остановиться на несколько дней за тем, чтоб составить второй рапорт к г. попечителю о наших занятиях.

В Луцке я представился латинскому преосвященному, бискупу Пивницкому, которому лично принес глубокую, душевную мою благодарность за циркулярную его инструкцию к подведомому ему духовенству. Вследствие этой инструкции, пробощи костелов оказали нам радушное гостеприимство, а главное: снабдили нас, со всею искренностью, местными сведениями об училищах и владельцах.

Потом посетил я директора гимназии, И. Г. Кулжинского, который ловко и дельно боролся с лицами, преданными с патриотическим фанатизмом прежним школам, и неусыпными трудами старался ослаблять в них предубеждения к училищам, устроенным на новых началах. Правда, эта борьба была для него не легка, особливо в Луцке, в центре высшей власти латинского духовенства, где так много молодых ученых каноников, получивших образование в Виленском университете, «первейшем в целом свете университете», по выражению поляков. В интимных наших беседах мы сознались, однако, что только время и терпение, эти верные союзники во всех человеческих предприятиях, помогут нам в головах некоторых сословий привить начала русской жизни.

В Луцке можно ли оставить без внимания великолепный костел и архив рукописей, ожидающий заботливого и ученого разбора!

Из Луцка отправились мы в Локачи, Несвиж, Торговицу, потом чрез Доростаи в Олыку, местечко, принадлежащее князьям Радзивиллам. Здешний костел великолепен и наделен огромными фундушами. Пробощ оного имеет звание инфулата, потому что носит инфулу и пользуется правами бискупа при священнодействии. За двести лет тому назад, епископ Заерский, в бытность свою инфулатом олыкским, завещал 70,000 злотых, обеспечив эту сумму на имении князя Радзивилла, с тем, чтобы основать в этом местечке семинарию и училище для всяких сословий. Вследствие этого

завещания князь Радзивилл, эрекциею 1638 года 15 апреля, основал духовно-светское училище в Олыке, в которое определил пять учителей: двух из духовного звания, а трех светских; они получали содержание из процентов означенного капитала. Из тех капиталов содержалось еще 8 так называемых анколетов, т.е. готовившихся к священному сану семинаристов. Потом олыкский инфулат, Сухинский, эрекциею (завещанием) 1657 г. 10 апреля записал 17,305 злотых для содержания при нем 7 семинаристов, под названием фиалетков. Наконец ксендз Козеровский в 1762 г. 20 августа пожертвовал в пользу училища 3,000 злотых.

Не взирая на такой значительный фундуш, училище существовало в разных формах и мало достигало своей цели, а иногда и вовсе не существовало. Проценты из означенных сумм, кажется, употреблялись на другие предметы, известные только олыкским инфулатам. Чацкий во время своего визита, в 1803 г., сделал распоряжение и условие об устройстве отдельного светского училища с двумя учителями. Это училище кой-как существовало с тех пор, а с 1824 г. и вовсе его не было. Это обстоятельство озаботило г. министра просвещения, графа Сергия Семеновича Уварова, и это дело передано нам для расследования.

Прибывши в Олыку, мы обратились к инфулату Осинскому, мужу ученому, острословному, который перед тем был законоучителем в Кременецком лицее. Он принял нас ласково, и мы сделали с ним расчёт училищных недоимок без всякого ропота с его стороны и постановили новые условия о будущем существовании школы,– единодушно, спокойно.

Отсюда мы отправились в Клевань, где остановились в замке, который князь Любомирский отдал для помещения дворянского уездного училища. Училище это должно было открыться в начале наступающего академического года.

По изустному преданию мы узнали, что князья Олыкские и Клеванские во время существования Польши держались иногда разных партий на сейме. Вследствие того существовали между ними распри, оканчивавшиеся по большой части кровопролитною битвою. Замки наполнялись мелкою шляхтою, которая во время вылазок нападала на поселения мирных жителей, грабила имущество их, умерщвляла их, сжигала дома и хлеб на полях их. И это убийство, этот грабеж, эти смуты, производимые во имя свободы, славили как счастливое, блаженное время!..

В Клевани мы составили третье донесение г. попечителю Киевского учебного округа по предмету устройства училищ, осмотренных нами по пути от Луцка.

Из Клевани мы отправились в Ровно, город, принадлежащий князьям Любомирским. Князь принял нас в загородном доме своем приветливо и угостил прекрасным завтраком. Потом показывал нам огромную оранжерею, устроенную не далеко от его прекрасного дома, который построен в средине города. При этом спрашивал у нас мнения, не может ли поместиться гимназия в этом здании, разумеется, с тем, что в нем будут сделаны наперед потребные переделки. Тогда я ему искренно объявил, что хотя это здание двух – этажное и каменное, но оно так узко, что в нем при всех возможных внутренних перестройках гимназия поместиться не может. Потом советовал ему достать план и фасад, которые недавно Высочайше утверждены вообще для зданий гимназических, и, по рассмотрении рассчитать, выгодно ли будет ему построить такое здание, после чего он уже может обратиться со своим предложением к г. попечителю. Князь, подумав несколько, сказал, что он по первой почте напишет к г. попечителю письмо, в котором изъявит желание построить в Ровно такое здание, какое пожелает училищное начальство, с условием поместить в нем Луцкую гимназию, которая теперь теснится в малом и неопрятном доме. А мы обещали ему, что, прибывши в Киев, при явке к его превосходительству, переговорим с ним о том подробнее. Вот начало основания гимназии в Ровно, а окончание оной последовало, кажется, чрез четыре года потом.

Успехи наши по устройству школ были быстры в Шпанове, Остроге, Аннополе, Корце, Новограде Волынском, Колонном и Межиричи, потому что не было никаких препон со стороны владельцев и еще потому, что мы сами искусились в этом деле совершенно. При том на все обстоятельства по этому предмету мы имели уже готовые формы.

Так как до 25 июля нам осталось несколько лишних дней, то мы решились отдохнуть в Житомире и в тоже время приготовить четвертое донесение к г. попечителю о наших действиях.

Здесь кстати заметить, что Житомирская гимназия вошла в свое дело смирно и успешно; она не встретила' никакого упорства от фанатизма к прежнему порядку; притом директор гимназии, Бокщанин, как туземец, немедленно ввел в учебное заведение, ему вверенное, все обстановки и обыкновения, приятные и обывателям. Вследствие того число воспитанников в первое полугодие простиралось до 250 человек. Помещение гимназии было, впрочем, очень-незавидно, даже не благовидно.

Путь наш от Житомира до Киева не имел никаких служебных остановок, а потому мы живо промчались чрез Радомысль, крепко неопрятный город, и не опомнились, как очутились на последней станции пред Киевом, в Белогородке. Поднявшись на гору, мы увидели сперва печерскую

колокольню, а йотом и величавый Киев и его великолепные храмы, которых куполы, казалось, горели от лучей заходящего солнца. Путь этот мы совершили почти в одни сутки.

При этом поневоле вспомнилось мне, каким гонениям, терзаниям подвергалась некогда православная церковь в стране, теперь мною пройденной,– в стране, в которой она прежде имела покойный приют! Глубокие Ея раны, при всех заботах правительства нашего, при всей ревности пастырей, еще и теперь не совершенно залечены.

Молитвенные дома наши, от которых в давние времена отстали вельможи и зажиточные обыватели, стали беднеть, ветшать: они построены на отдаленных от сел местах, часто едва приступных. А в тоже время, латинские костелы, великолепно сооруженные, с изваянными украшениями, оглашаемые мелодиею звучных органов, высились гордо на лучших площадях.

Латинское духовенство пировало и пирует, владея и значительными доходами из недвижимых имений, и процентами из капиталов, пожертвованных фундаторами костелов; а наши кроткие священники едва-едва могут прокормить себя и семейство свое доходами из скромных усадьб и мирских подаяний, очень скудных. Те самонадеянно вступают в пышные замки магнатов и, владея их совестью, веселятся с ними и получают сверх того все то, что им нужно для приятной, одинокой жизни; а нашим священникам едва доступны дома владельцев, и то разве только в деловых случаях.

Я видел наших священников, с набожным чувством вступавших в костелы, как храмы христианские, и молившихся Творцу Всевышнему, но ничто не заставит ксендза войти в православную церковь, которую они называют мужицкою, потому что в ней собирается только простой народ.

Часто я был свидетелем набожных чувствований православных из простого народа, которые в костелах молятся усердно, даже благоговейно повергаются долу и, переплетясь руками один с другим, недвижимо выслушивают целую мшу, но католик редко посетит нашу церковь, и то лишь в случаях необходимых…

На другой день по прибытии в Киев мы явились к г. попечителю округа с некоторым смущением и сильным любопытством, как он примет и наши действия, и наши отчеты по устройству училищ. Его превосходительство при первой встрече объявил нам свою благодарность и несколько раз повторил: «я очень, очень доволен вами; отчеты ваши совершенно удовлетворительны; о том я говорил уже генерал-губернатору, о том я писал и дальше». Потом приказал нам принять совершенный покой после таких непрерывных странствований и забот, впредь до востребования его.

Здесь я снова увиделся с профессорами бывшего Кременецкого лицея, прибывшими в Киев вместе с учебными пособиями оного и помогавшими г. Бокщанину в путевых заботах по этому предмету. Эти учебные пособия были сложены в длинном каменном доме, нарочно для того нанятом на Печерске.

После того, как я был обласкан г. попечителем, под влиянием этого отрадного состояния души моей, мне блеснула мысль, вместо того, чтоб покоиться в Киеве, испросить у него дозволение отправиться на самое короткое время в Новгород-Северск для устройства перемещения моего семейства в Каменец-Подольский. Я обратился о том к его превосходительству с просьбою, присовокупив к тому и долговременную разлуку мою с семейством, и неопытность семейства для такой далекой поездки. Г. попечитель милостиво и охотно изъявил на то свое согласие.

Кременец

[…] Г. попечитель поторопил нас к выезду из Киева с тем, чтобы мы снова продолжали наши занятия по устройству училищ на Волыни. Профессор Мицкевич отправился прямо в Кременец, я же, с дозволения его превосходительства, заехал прежде в Каменец-Подольский, желая сколько-нибудь помочь моему семейству в устройстве домашнего быта.

В Кременец я прибыл 28 октября, пробираясь от Ланцкорона по проселочной дороге, лежащей параллельно и близко австрийской границы, причем не редко казачьи разъезды останавливали меня и осматривали, нет ли со мною контрабанды.

Г. Мицкевич уже с неделю ожидал меня в Кременце. С приездом моим, мы снова занялись разбором училищных дел и выпискою из них. Эта работа, скучная и заботливая, заняла нас целый месяц.

С отъездом профессоров в Киев, умчались и все лица, которые были соприкосновенны лицею, а взамен их в Кременце водворились мертвенная тишина, скука и нищета.

Бывало, в больших домах кипели увеселения аристократов, а домики и самые отдалённые лачуги были набиты битком воспитанниками лицея, содержателями магазинов, торговцами и мастеровыми.

Теперь все лицеальные готические «муры» (здания), которые ежедневно посещало до 700 воспитанников, и все почти лучшие дома опустели, и только корчмы, наполненные жидами, обнаруживают еще, что Кременец не совершенно безлюден.

Эти жиды, во время существования лицея, живали изобильно; торговля, факторство и контрабанда доставляли им червонцы, богатую одежду, выгоды домашние. Теперь они или сидят в корчмах и охают от недостатка, или толпами сходятся на лицеальную площадь вспоминать о былом, золотом веке Кременца.

Бывало, нелегко найти выгодную квартиру за очень дорогую цену, а теперь каменные, огромные дома в несколько ярусов, с фруктовыми садами, украшенными тополями и колоссальными деревьями волошских орехов, продаются за баснословно дешевую цену, за три, даже две тысячи рублей серебром.

Бывало, воспитанники лицея, цветущие молодостью, упоенные самодовольствием, богатые, собирали своих товарищей и, пируя, строили воздушные замки. Мечтали восстановить Польшу, возродить счастье страны, блистать в свете, в советах, создать науку, воскресить литературу…

Бывало, по лицеальному «огроду», т.е. ботаническому саду, красивыми группами мелькали юные польки, одетые в дорогие ткани лионских фабрик, наполняя воздух веселым лепетом, смехом и благовониями, и бросали меткие, огненные взгляды на статную и ловкую молодежь.

Бывало, в богатых магазинах блестело золото, серебро, бронза, ослепляли дорогие ткани, произведения Востока. С переводом лицея в Киев все исчезло, как сновиденье, и из Афин Волыни Кременец стал лишь уездным городом Волынской губернии.

Можно себе представить, какому грустному одиночеству, в продолжение мрачного ноября, мы подвергались в Кременце, где ноябрь несравненно мрачнее, чем где либо. Утомясь от деловых выписок, скучных, запутанных, и наглотавшись протухлой пыли, которою проникнуты архивные дела, мы разнообразили наше там пребывание только тем, что выходили на лицеальную площадку подышать воздухом, или, спотыкаясь, бродили по улицам, прежде грязным, а потом взборожденных ноябрьским морозом.

В Кременце мы узнали, что все лицеальные здания уступлены православному духовенству для помещения в них духовной семинарии, которая до этих пор, как я уже сказал выше, помещалась в местечке Аннополе, Острожского уезда: Таким образом, семинария, став ближе к жилищу преосвященного, лучше сохранит православие в своих воспитанниках, удалит от них влияние туземных обычаев, приемов, симпатий и языка, который мало по малу усиливался, особенно между нашим духовенством.

Действительно, я был неоднократно очевидцем, что священники наши и в домах своих, и в личных сообщениях между собою говорили на польском языке; даже видел примеры, что и переписка между ними велась на этом же языке. Родное русское начало вкрадывалось в это сословие только влиянием двух, или трех лиц из высшего духовенства, следовательно, незаметными атомами.

29 ноября мы совершенно окончили наши извлечения из дел эдукационной комиссии и донесли попечителю о том, что я принял местный обзор приходских училищ в уездах: Дубенском, Луцком, Владимирском, Ковельском, Острожском, Ровенском, Новоград-Волынском и Овручском, а Мицкевич предоставил себе для той же цели уезды: Кременецкий, Старо-Константиновский, Заславльский и Житомирский.

Пунктом соединения мы назначили Житомир и в тот же день разъехались по своим участкам. Ни снег, ни дождь, чередовавшиеся в один день по несколько раз, не остановили нас от такой решимости. Так надоел нам Кременец!

Киев

В одни сутки приплыл я в Луцк, в сопровождении дождя и снега, которые очень много прибавили весу к моей верхней одежде. Если Луцк в самое жаркое летнее время бывает грязен, начиная от жилища бискупа почти до кафедрального костела, то можно себе вообразить, в каком грязном, неопрятном виде представлялся Луцк в ноябре месяце, сыром и дождливом. Грязь, по самому верному измерению, была по колени. Дома раскисли, жалки, казалось, плачут, а вал бывшей крепости час от часу распадался, являя взору кое-где исковерканный дерн, приятное времяпрепровождение некоторых животных, употребляющих обыкновенно вместо лап рыло.

Я вторично отдохнул и душею и телом, обменявшись искреннею беседою с Кулжинским. Бывши в Кременце, я целый месяц или молчал, или отмалчивался, считая невежливостью, даже жестокостью часто напоминать людям об их безрассудстве; а эта осторожность, затаенность душевных помыслов сильно тяготила, даже изнурила меня. В Кременце мне было нравственно холодно, как будто ледяная струя воздуха обдавала душу мою, скажу больше, мне как то страшно было в этом городе…

На другой день я снова представился бискупу Пивницкому затем, чтобы узнать, какие он сделал распоряжения о взыскании с пробощей денег, принадлежащих разным приходским училищам, и о количестве которых мы еще из Клевани, в июле месяце, препроводили к нему подробную ведомость. Его преосвященству угодно было показать мне всю переписку по этому предмету, и он

обещал, взыскавши немедленно, отправить эти деньги в Киев, в лицеальное казначейство. Бискуп Пивницкий служил в римско-католической коллегии, в Петербурге, где в долговременное свое пребывание заметил особенную способность у русских – построение красивых домов одним топором и фабрикацию превосходных карт для игры, и только…

Из Луцка я отправился по Владимирской дороге и ночевал в Локачах, где, вследствие известия о нашем визите, было уже все приготовлено к открытию училища. А именно: дом выбелен внутри и снаружи, полы вымыты, скамьи окрашены и таким образом порядочно меблированное жилище ожидало только учителя, или, как там обыкновенно называют, пана директора, пана профессора.

И подлинно, одинокому человеку, который еще не был избалован честолюбием и прихотями, эта должность доставляет приличное содержание. Он имеет просторное помещение, огород прокормит его зеленью, овощами и плодами, ибо он обязан заводить сад, для примера крестьянам. Имеет свое молоко, которое приносит ему корова, получающая корм из училищного сенокоса; поле доставляет ему в изобилии хлеб; 600 злотых дают ему средства для приобретения предметов несколько прихотливых.

К тому же, родители воспитанников, в знак благодарности, обсыпали его разною провизиею, а иные приглашали его на все вакационное время и не даром.

Таким образом, приходский учитель не только удовлетворял этими доходами всем своим потребностям, но были примеры, что он составлял еще значительный капитал для будущего времени. Во многих училищах, особенно при монастырях, участь приходских учителей еще лучше обеспечена.

Из Локачей я отправился в Порицк. С чувством особенного любопытства еще издали взглянул я на высокие куполы порицкого костела и потом въехал в это местечко, принадлежавшее Тадеушу Чацкому.

Квартира назначена была мне у каноника Шевалье, глубокого старца, бывшего французского эмигранта, который в девяностых годах прошедшего столетия сохранил свою голову от гильотины и нашел на Волыни роскошный приют. Ни лета, ни прошедшие бедствия не лишили этого бывшего аббата любезности, живости и гостеприимства. От него-то я узнал, что в октябре месяце урна, в которой заключено было сердце Чацкого, перенесена из Кременецкого лицея в порицкий костел. Этот печальный обряд сопровождали и стройные ряды латинского духовенства, и множество окрестных владельцев, съехавшихся для того, чтобы почтить память покойника. Сын и единственный наследник его вотчины рассудил, что с перенесением лицея в Киев сердце отца его может успокоиться только в порицком костеле…

Я познакомился с сыном Чацкого, молодым, образованным человеком, охотно изъявившим согласие на немедленное открытие училища в Порицке. Каменный дом, красивый, просторный, назначенный для этого предмета, уже совершенно отделан. В искренней беседе нашей он сознался, что заботы отца его, которые он употреблял для образования края, разорили как его собственное имение, так и имущество прочих владельцев.

При том, продолжал он, чрез него на всех почти имениях лежит тягость, приводящая помещиков иногда к затруднительному состоянию. Частные взыскания и секвестры возбуждают у них не благословение отцу моему, но ропот, порицание, а может быть и клятвы.

В Порицке дали мне лошадей для проезда в местечко Горохов, к бывшему польскому сенатору Стройновскому, который во время смут последней революции удалился в Галицию. Меня приняла приветливо его супруга, почтенная и образованная дама, и без всякого прекословия изъявила готовность к открытию в местечке училища. Назначение учителя возложила на волю училищного начальства. При этом случае она с горестью воспоминала о бывших смутах в 1830 г., заставивших мужа ея удалиться в Галицию.

Молодежь польская, ворвавшись в дом их, требовала от хозяина денег и гостеприимства; он не мог отказать ни в том, ни в другом, потому что его лишили бы жизни, как изменника отчизне.

«Вот и все преступление мужа моего, навлекшее на него подозрение местной полиции!» – заключила она. В ответ я ей сказал: «Правительство наше милостиво и справедливо, оно разобрало бы проступок вашего супруга, невольный, вынужденный страхом, и потом возвратило бы ему все права и свободу. А бегство за границу и уклонение его от суда усиливает только подозрение правительства, а, следовательно, и увеличивает его ответственность пред ним».

Оттуда я отправился в Селец, местечко принадлежащее Феликсу Чацкому, родственнику Тадеуша. Этот почтенный помещик, с аристократическими манерами, очаровал меня и большою начитанностью, и опытною наглядностью в свете.

Он много путешествовал по Европе и потом проживал на Волыни, с упованием, что в мире все идет к лучшему. Но Дверницкий, ворвавшийся с девятитысячною ватагою своею в его вотчину Боремель, заставил его уйти в Галицию, затем, чтобы избежать невольного участия в смутах. Вслед-

ствие того имение его было конфисковано. Однако по зову правительства, он явился в Киев к суду и был, как должно, оправдан, с возвращением ему всего имущества.

Впрочем, жена его с тех пор не могла еще поправиться в здоровьи, расстроенном сильными душевными потрясениями от бывших событий. Сделки мои с ним об устройстве в Сельце парафиальной школы окончены с возможною скоростью, в чем нам помог бывший начальник Клеванского училища, Риндинский.

Скоро окончились мои служебные дела в Устилуге, Турийске, Ратном, Ковле и я, измученный постоянными разъездами, в гнилую зиму, спешил отдохнуть в Голобах, у Вильги – молодого, образованного человека, воспитывавшегося в Кременецком лицее.

Он рассказал мне драматическое приключение, случившееся с ним в глубокую осень 1830 г. Вот, сидит он один в доме, ночью, погруженный в думу: что предпринять ему в это смутное время? Остаться-ли дома или выехать, хоть в Житомир, хоть в Киев? В первом случае сволочь, предводительствуемая Дверницким, о приближении которого в Киеве уже носилась молва, принудит его принять участие в смутах; а во втором она сожжет дом и деревню его, как изменника отчизны, если узнает о его бегстве.

Среди этих размышлений, внезапно налетела на двор его толпа всадников, расставила на всех выходах дома караул и вошла шумно, неистово к нему в залу. То были все его лицеальные товарищи, в нетрезвом виде, вооруженные с ног до головы. Вильга наружно обрадовался их посещению, но внутренно был в сильном смущении, догадываясь, что они прибыли к нему, вероятно, с целью взять его в ряды свои. И он не ошибся, потому что предложение было сделано немедленно: «Вильга, готовься с нами, на защиту отчизны!»

«Охотно, паны, – сказал он им в ответ, – но сперва позвольте мне угостить вас, товарищи!»

И вот стал он распоряжаться угощением, рассчитывая в то же время, что в самом разгаре пира можно будет как-нибудь улизнуть от мятежников. Но двое из гостей его по очереди следили за ним с пистолетами в руках. И раз, в часы искренних излияний беседы, они открыли ему свои подозрения такими словами: «Напрасно, пан, заботишься отделаться этим от нас. Не прогневайся, пан, если, при первой твоей попытке к побегу, или влепится в твое тело десять пуль, или будешь тут же в зале повешен».

Вильга догадался, что с нетрезвыми гостями шутить неловко, стал просить у них немного времени, чтобы собрать денег и отдать приказ по управлению имением, прибавив, что тогда уже будет готов к их услугам.

Мятежники, при этом отзыве Вильги, приступили к нему с остервенением. Одни кричали: «Повесить его, врага отчизны!» Другие: «Расстрелять его!» Один, самый неистовый, навел даже пистолет прямо в грудь Вильги и спустил замок, но к счастью кремень осекся. При этом хозяин вскричал: «Паны! Успокойтесь! Неужели я менее вас люблю свою отчизну и не желаю ей счастья? У меня теперь нет денег. Не верите? Вот ключи! Ищите, где хотите: не найдете более десяти червонцев. Найдете больше, тогда можете умертвить меня. Что же я буду делать без денег, без вооруженной прислуги?».

Такая энергическая речь хозяина остановила мятежников. Поставив стражу над ним, они стали делать розыски по всем шкатулкам, комодам, столам и кладовым: нашли и деньги, но мало! Стало быть, хозяин прав. Тогда велели ему призвать приказчика в свое присутствие, внимательно следили за миною, за распоряжениями хозяина.

«Паны! Ура! – воскликнул потом Вильга.– Бокалы шампанского!»

Снова пир закипел и продолжался около двух дней. Опьянелые гости, откинув в сторону всякое подозрение, стали уже убеждаться в искренности хозяина и ослабили надзор за ним. Он этим воспользовался и ушел чрез парк, где, по догадливости его лакея, в скрытном месте, еще заблаговременно была приготовлена пара верховых лошадей.

Переодевшись в простую одежду, Вильга шатался потом две недели в окрестности, подвергаясь ежеминутно опасности встретиться с шайкою мародеров. Наконец, в одной корчме от жида узнал он, что Боремльская битва окончилась не в пользу Дверницкого, что этот генерал всякой сволочи ушел за границу. Вильга сделал поверку в другом и третьем месте: одна и та же весть. Тогда Вильга воротился в Голобы, а за ним вслед явилась и земская полиция, которая проведала уже о наезде к нему вооруженных людей, двухдневном их пировании, двухнедельном отсутствии владельца… и караулила его. Чрез три месяца потом военный суд оправдал его.

И так, закончил свой рассказ Вильга, справедливо, что в смутное время события в своем стремлении увлекают и людей спокойных, преданных законному порядку и не одобряющих безумных предприятий своих родаков, и тем накликают на них беды, разорения и страдания.

Вильга, по причине расстроенного своего состояния, при расчислении недоимок по училищу, сделал ко мне отзыв о том, чтобы часть недоимок, числящихся на нем, употребить на починку дома и устройство училищной мебели, а остальную простить.

О том же ходатайствовал у меня и почетный попечитель Волынской гимназии, камергер Скибицкий, в бытность мою у него в деревне Вербе. Все это я представил на благоусмотрение г. попечителя. Последствия мне неизвестны.

От Голобов, по проселочным дорогам и чрез дремучие боры, пробрался я в Седлец, скоро очутился на большой дороге так, что Владимир остался за мною уж в 7 верстах назади, и потом чрез Луцк, также просёлком, прибыль вторично в Клевань, местечко, о котором я уже упоминал прежде.

Здесь я узнал, что г. попечитель приказал переместить луцкую гимназию в Клевань, а клеванское уездное училище в Луцк. В Клевани также узнал я и о том, что к Луцкой гимназии присоединен огромный фундуш доктора медицины Лернета, который завещал, чтобы на проценты сего капитала воспитывались ежегодно четыре воспитанника из волынян. И тем из них, которые окончат успешно курс наук в этой гимназии, выдавать сверх того каждому единовременно по три тысячи рублей серебром.

Уже настало 15-е декабря, но вместо снега, на мою беду, лил постоянно дождь. В это-то ненастное время я проехал Дережно, Степань и Бережницу, где окончил довольно успешно все мои обязанности по устройству в них училищ.

На возвратном пути моем в городок Степань сперва небо заволоклось снежными тучами, потом пошел снег, и ветр, усиливаясь мало-помалу, произвел сильную вьюгу. Эта пурга заставила меня переждать целый день в Степани, доставила мне приятнейшее знакомство с графом Вурцелем, владельцем города Степани. Согбенный летами граф и его супруга великодушно переносили свое одиночество, в которое повергли проступки детей их, вовлеченных, по легкомыслию, в недавние смуты. Боже мой! Буйные головы, промотавшие все свое достояние, и желавшие мятежом против законного порядка или поправить свое состояние, или насытить свое честолюбие, сколько семейств ввергли в невыносимые горести, отторгнув от них или отцов, или сыновей, или супругов!..

Из Степани, чрез местечко Казимировку, я по санной дороге прибыл в Ровно, вечером, в самый сочельник, пред праздником Рождества Христова. Признаюсь, после осенних поездок в ненастье, езда по зимней дороге, сухой, не труд, а отдохновение!

Князь Любомирский, узнавши о моем пребывании в Ровно, просил меня к себе провести целый день. Однако я уклонился от этого приглашения, желая успокоиться в чистой и теплой корчме. Беспрестанные поездки, частые перемены мест, лиц, принужденность при форменных свиданиях с ними, до того утомили меня, что я почел для себя самым большим наслаждением уединение.

В корчме, в которой я остановился, очень усердно прислуживал мне молодой еврей, довольно бойкий и сметливый. Он дешево взял с меня за труды, за то эта дешевизна стоила мне весьма дорого, потому что он сам себя наградил за свои услуги, тайно утащив часть моей одежды из чемодана в то время, когда я весь почти день провел во сне.

Мигом пролетел я Шпаков, Корец, местечко, известное фабрикою фарфоровой посуды, Новоград-Волынский, Овруч, бывшую столицу древлян, оттуда чрез Новоград прибыл в Житомир 30-го декабря. А это расстояние не безделица! оно составляет только 300 верст. Как? спросят меня, проехать 300 верст и о том сказать только несколько слов? Неужели на таком огромном расстоянии не встретилось ничего любопытного, ничего нового? В ответ таким вопрошателям доложу только, что не берусь рассуждать о причине тому, ни объяснять той апатии, того утомления душевного, того отсутствия всякой наблюдательности, которые завладели всем моим существом, особенно при конце моих странствований. Помню только то, что все мне надоело; знаю только то, что едва ли не все деятели при конце своих действий спешат и скучают…

Первым моим делом в Житомире было справиться, где квартирует г. Мицкевич, с которым для свидания назначил я этот город. Инспектор гимназии Македонский уведомил меня, что мой товарищ уехал в Киев еще вчера, чтоб успеть проститься с г. попечителем, спешившим выезжать в Петербург, для личного совещания об устройстве лицея в Киеве. Не теряя нисколько времени, и я поспешил с отъездом в Киев, и в одни сутки прибыл в этот город. Попечителя я уже не застал, исправление своей должности он поручил директору гимназии Петрову, к которому явился я с донесением о том, что было мною до сих пор сделано.

Работа моя в Киеве как-то не клеилась, пробудилось желание отправиться в Каменец-Подольский, тем более что и средства мои к содержанию уже стали истощаться. Я отправился к г. Петрову с тем, чтобы уведомить его, что я уже собрался ехать в Каменец-Подольский, при этом я показал ему предписание г. попечителя, которым мне предоставлен был выбор места, где удобнее я мог-бы заняться отчетностью порученного мне дела. И подлинно, где же мог-бы я найти более спокойствия, хорошее помещение и приличное содержание без излишних издержек, как не в Каменце? И при том, исполняя поручение, я в тоже время мог-бы заняться и настоящею моею должностью.

Эти мои доводы совершенно убедили г. Петрова; он принял мой рапорт и дозволил мне уехать в Каменец. Чрез три дня после этого дозволения я был уже там.

Среди моих занятий отчётностью по устройству училищ и забот по должности инспектора гимназии, должности шаткой в западных провинциях и требовавшей большой оглядки, особенно при первоначальном устройстве тамошних учебных заведений, пронеслась молва о том, что в Киеве, вместо лицея, будет основан университет.

С возвращением г. попечителя в Киев, в первых числах февраля 1834 г., эта разноречивая молва превратилась в истинное событие. Граф Сергий Семенович Уваров, узнавши из личного донесения попечителя, какими огромными пособиями владеет лицей, объявил ему, что, так как эти учебные пособия совершенно удовлетворяют всем потребностям университета, то будет всеподданнейше ходатайствовать об основании в Киеве университета. И вскоре последовало высочайшее повеление об учреждении в Киеве университета св. Владимира, которого краеугольный камень, девиз, святая обязанность пролить свет истины и просвещения, провести начала нашей русской жизни в западных провинциях. Все бывшие преподаватели лицея предназначены занять кафедры в новом университете. И так, мысль Екатерины Великой об учреждении в Киеве университета осуществилась уже в царствование внука ее, Николая I.

Среди огромных приготовлений к немедленному открытию университета, которое заняло все умы в западных провинциях, последовало открытие четырех дворянских уездных училищ: в Подолии – Немировского и Меджибожского, а на Волыни – Новоград-Волынского и Теофипольского.

Занятия мои по отчету о посещенных училищах окончились. На эту отчетность я употребил три месяца, начиная с половины января до половины апреля. 17-го апреля я отправил к г. попечителю окончательный мой рапорт, в котором изложил общий обзор всех наших действий и занятий но устройству приходских училищ на Волыни, а именно:

1) причину моей поездки в Кременец вместе с Мицкевичем;

2) занятия наши делами эдукационной комиссии, т.е. справки и выписки из дел о тех училищах, которые находятся вокруг Кременца и о тех, которые нам встретятся по пути от Луцка до Киева;

3) местный обзор выше означенных училищ, со значением времени нашего съезда на места, где существовали училища;

4) время прибытия нашего в Киев и занятия наши разбором спорного и запутанного дела о Немировском училище;

5) вторичную поездку в Кременец и предмет нашего занятия в этом городе в продолжение целого месяца;

6) причину разделения труда между г. Мицкевичем и мною при местном обзоре училищ и мою поездку на места, где существовали остальные училища;

7) сложный счет, сколько нашими занятиями сохранено сумм ежегодного взноса в пользу училищ (около 50 тыс. руб. серебром и недоимочных сумм около 25 тыс. руб. серебром, происшедших или от несвоевременного открытия училища, или от неполного взноса денег владельцем за прежнее время). Сколько сохранено училищных домов и моргов пахотной, сенокосной и садовой земли в пользу тех училищ, а равно, сколько верст пути употреблено мною на местный обзор (около 5,000 вер.). Поездку самую мучительную, совершенную по большой части по проселочным дорогам, в ненастное время, имевшую разрушительное действие и на мое здоровье, и на мой путевой багаж.

При этом рапорте моем приладил я также:

1) докладные записки о каждом порознь училище, со времени основания до закрытия их в 1831 г.;

2) копии с переписок моих с училищным начальством и фундаторами училищ и

3) ведомость о прогонных деньгах, употребленных мною при местном обзоре училищ.

За все это я, впоследствии времени, получил (следует пробел с цифрами 1, 2 и 3) 4-е, (снова пробел) и 1,000 руб. ассигнациями единовременного вознаграждения за потери, понесённые в пути.

Что сталось с закрытыми приходскими училищами в Киевской и Подольской губерниях, мне не известно. Знаю только то, что дело это остановлено училищным начальством по причине чрезмерных занятий, которыми оно озаботилось при открытии университета, найме квартир для временного помещения этого заведения и составлением проекта о постройке казенного здания для университета.

ПРОЕКТ

Орест Левицкий

ИЗ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ
в 1840-х годах

Педагогическая служба никогда у нас не была легкой и привлекательной, но в эпоху реакции 1840–50-х гг., когда над всей русской школой тяготило мрачное, ничем не вызванное подозрение, когда она, как заведомо неблагонадежное учреждение, была окружена ревнивым надзором, готовым в каждой мелочи видеть проявление «вольнодумных мыслей»,– в эту ужасную годину положение воспитателей российского юношества сплошь и рядом оказывалось прямо невыносимым.

Современная театральная публика, добродушно хохочущая, слушая Гоголевского «Ревизора», не в состоянии и вообразить, какой глубоко трагический смысл заключается, например, в известной жалобе смотрителя училищ Луки Лукича Хлопова: «Не приведи Бог служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек».

Простодушный и недалекий смотритель уездного училища не понимал, кажется, одного, это в этом всеобщем вмешательстве в дела школы было не одно тщеславное желание показать себя умным человеком, а нечто большее – система ревнивого надзора над школой. Сам же он дальше припоминает, что во время посещения училища предводителем дворянства оторопевший со страха учитель «скроил рожу» и хотя «сделал это от доброго сердца» – а смотрителю выговор: «зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству». И благо, если подобный инцидент оканчивался только выговором. Не диво, что тогдашние педагоги, забитые, запуганные, вечно дрожащие за свой жалкий кусок хлеба всегда без вины виноватые, нравственно опускались, тупели, теряли человеческий образ и приобретали смешные, уродливые странности, казавшиеся современникам «натурально неразлучными с ученым званием».

Так было тогда в целой России, но едва ли не горше еще было в нашем крае вследствие исключительных местных обстоятельств, без меры отягощавших положение деятелей на поприще просвещения.

Едва было усмирено польское восстание 1830–31 гг., как в то же время последовало высочайшее повеление о закрытии училищ в Киевской, Подольской и Волынской губерниях, и в течение 1831–32 гг. здесь было закрыто 245 средних и низших учебных заведений, а оставшиеся 19 должны были подвергнуться преобразованию по уставу 1828 г. Тогда же был учрежден отдельный Киевский учебный округ для губерний Юго-Западного края (с присоединением Черниговской).

Новая система народного просвещения, основанная на тройственном начале православия, самодержавия и русской народности, должна была стереть следы влияния прежней школьной системы, умело организованной здесь известным Ф. Чацким и всецело направленной к полонизации края. Теперь в деле воспитания и обучения с корнем вырывались здесь старые предания, из школы изгонялся польский дух и ей вменялось в обязанность перевоспитать молодые поколения местного польского дворянства, погасить в них старые национальные антипатии и слить две национальности в одну общую.

Но возлагая на школу столь непосильную и ответственную задачу, правительство в то же время подчиняло ее надзору не только со стороны учебного и административного начальства, но и со стороны местного дворянства в лице его предводителей и почетных попечителей, как-бы игнорируя тот факт, что эти почетные должности повсеместно в крае находились в руках поляков. И это допускалось не потому лишь, что так значилось в уставе 1828 г., отводившим дворянству влиятельную роль и школьном деле. Нет, это являлось логическим последствием основных принципов государственной политики Николаевского режима, одинаково ревностно заботившегося об укреплении русского начала в западных губерния и о неприкосновенности здесь крепостного права. А, следовательно, и о должном престиже местного дворянства, являвшегося в глазах правительства

и в этом крае, как и в коренной России, главной опорою престола, «даровыми полицеймейстерами». Легко представить, каково было при этом положение воспитателей юношества, обязанных с одной стороны «угашать питаемые в детях самого нежного их возраста чувствования фанатизма и ложного патриотизма и насаждать начала русской народности», а с другой – опасавшихся чем-нибудь не угодить вельможным мошродзеям!

Со времени назначения киевским генерал губернатором знаменитого Бибикова положение воспитателей в Юго-Западном крае сделалось еще более трудным и опасным. Как известно, первым его подвигом на новом месте был разгром высшей школы, незадолго пред тем основанной в Киеве. Прибыв сюда вначале 1835 г., он застал здесь особую следственную комиссию, занятую расследованием корней и нитей опасного политического заговора, гнездившегося в Литве (дело Конарского) и опутавшего якобы весь Юго-Западный край. Под руководством и энергичным побуждением Бибикова, эта комиссия с небывалым усердием повела дело и скоро обнаружила, что «почти в каждом уезде, в каждом местечке, в учебных заведениях даже женских (например в Бердичеве) находились тайные общества, управляемые эмиссарами парижского демократического польского общества, снабженные от него инструкциями, как начать и вести дело восстания». *(В. Шульгин. «Юго-Западный край в 1838–63 гг.».– С. 35.)* Такое же тайное общество обнаружено было и в самом Киеве, главным образом между студентами.

Аресты следовали за арестами. Университет был временно закрыт, 191 студент подверглись ссылке или отданы в солдаты, содержатель благородного пансиона в Киеве Боровский, доктор Бопре и помещик Михальский отправлены были на каторгу, профессора-поляки отрешены от службы или переведены в другие университеты и т.п. Совершив этот беспримерный разгром, Бибиков с, тех пор относился к школе с особенною подозрительностью и по самому ничтожному поводу готов был принимать против нее всевозможные репрессии. Не довольствуясь существовавшими до него мерами надзора за учебными заведениями, он подверг их новому унизительному, чисто полицейскому надзору: в 1839 г. он формально предписал всем городничим, полицмейстерам, исправникам и др. полицейским чинами иметь «неослабное наблюдение за учащими и учащимися» и обо всем ими замеченном непосредственно доносить ему, минуя учебное окружное начальство. Благодаря этому, Бибикову всегда было известно все, что делалось в школьном мире, и он задолго до формального подчинения ему Киевского учебного округа фактически управлял им. Тогдашний попечитель князь С. И. Давыдов нередко получал от него конфиденциальные сообщении вроде следующего: «Из последне полученных мною сведений о состоянии Каменец-Подольской гимназии неизлишним считаю сообщить вашему сиятельству некоторые, могущие быть необходимыми для ваших соображений:

1) Гимназисты уходят из квартир без билетов, кому куда вздумается; субординации у них нет, так что смотрители жалуются на данную начальством волю ученикам.

2) В день именин ученика Скордели, помещика Бессарабской области, 23 апреля (1840), в праздник св. Георгия, и следующего 24 числа, директор Вощинин и учители Морачевский *(Впоследствии известный переводчик Евангелия на украинский язык)* и Чайковский были в отлучке, и уроки не преподавались.

3) 1-го мая уроки не были спрошены и вновь заданы по случаю выезда брата директора Вощинина, 8-го мая также по случаю праздника св. Станислава; и

4) Ученик 3-го класса Константин Лукашевич сделал воровство, был допрашиваем в полиции, уличен – и из гимназии не исключен и не наказан».

Результатом этого сообщения была посылка в Каменец инспектора казенных училищ М. В. Юзефовича для производства дознания, о результатах которого Юзефович рапортовал непосредственно генерал-губернатору. По собранным им «из-под руки, на месте», сведениям оказалось, что хотя директор Вощинин с учителями Морачевским и Чайковским точно отлучались 23 апреля к помещику Скордели, откуда возвратились 24 апреля, но от этого не произошло никаких упущений по службе, так как в те дни означенные учителя не имели уроков.

1 мая ученики действительно были освобождены от послеобеденных занятий и отправлялись в рощу для прогулки, но это сделано было по давно заведенному обыкновению, а 8 мая не было занятий по случаю р[имо]-кат[олического] праздника.

Бибиков удовлетворился этим объяснением, но за то обрушился на ксендзов-законоучителей, о поведении коих, или точнее об их образе мыслей инспектор казенных училищ секретно доносил следующее:

«1) В Каменец-Подольской гимназии законоучителем состоит ксендз Иван Остапович, молодой человек, с небольшим 20 лет, ненадежен как по возрасту, так и по замеченным связям с польскою молодежью. На экзамене отказался говорить по-русски, отговариваясь незнанием языка, а после экзамена разговаривал с инспектором училищ по-русски. Удаляется совершенно общества русских.

2) В Меджибожском уездном училище законоучителем ксендз Карл Пильховский, 22-х лет от роду. Своеволен, груб, явно презрителен ко всем русским учителям и к самому штатному смотрителю; служит почти всякий день мшу, на которую брал, вопреки строгому запрещению, учеников из классов, а потом самоуправно освобождал их от сделанного им за то наказания, говоря, что нельзя запрещать молиться Богу. Не хотел однажды впустить смотрителя в костел во время службы. При свидании с инспектором отвечал ему тоном резким до дерзости. Для замещения его есть ксендз Яворский, находящийся в давней дружеской связи с нашим законоучителем того же училища, протоиереем Гогоцким, который ручается за его благонадежность.

3) В Ровенской гимназии, при испытании 7-го класса, инспектор училищ заметил, что так называемый Царский катехизис может быть умышленно утрирован ксендзами преподавателями до вредного преувеличения. В вышеозначенной гимназии, на вопрос: почему должно любить государя? – был ответ: потому что он земной Бог».

По распоряжению Бибикова, все означенные ксендзы были удалены от законоучительства без дальнейшего расследования, а попечителю округа было лишь предоставлено назначить на их места других лиц.

Бывало и так, что сам попечитель откровенно сознавался, что у него нет данных для суждения о нравственных или служебных качествах известного должностного лица, и почтительно просил генерал-губернатора поделиться с ним такими сведениями, если они имеются. В январе 1840 г. кн. Давыдов писал Бибикову: «Г. министр народного просвещения, получив безыменное письмо с жалобою, что и.д. директора Ровенской гимназии Фавицкий, пристрастившись ныне к горячим напиткам, является в неприличном виде в классы и строго наказывает учеников, предложил мне представить ему надлежащие по сему предмету сведения. Не находя в делах канцелярии округа никаких сведений, которые подтверждали бы или объясняли полученный г. министром донос, я имею честь покорнейше просить ваше пр[евосходитель] ство почтить меня уведомлением, не имеется ли подобных сведений о г. Фавицком в делах собственно вашего управления».

На это Бибиков ответил попечителю так: «Поспешаю сообщить о дошедшем до меня сведении, что 21 октября минувшего (1839) года директор Ровенской гимназии Фавицкий наказал более 100 учеников за леность розгами. Кроме этого, мне ничего более неизвестно о Фавицком со стороны его поведения».

Конечно, излишняя строгость директора по отношению к ученикам в то время едва ли могла уронить его в глазах начальства; но то обстоятельство, что на Фавицкого поступали доносы в министерство, обличавшие его не в одной жестокости, но и в пристрастии к горячим напиткам, должно было сделать его особу и управляемую им гимназию предметом усиленного надзора со стороны всех ведомств, наблюдавших в то время за учебными заведениями.

Самое большее усердие в этом деле проявила местная полиция. В ноябре того же 1840 г. частный пристав Занкевич, исправлявший в то время должность ровенского городничего, доносил генерал-губернатору следующее: «Из предписания вашего высопр-ства от 18 сентября прошлого 1839 г., за № 2778 последовавшего, имел я сщастие *(сохраняем правописание и стиль подлинника)* заметить, что благоугодно было вашему высокопр-ству поручить иметь секретное наблюдение как в отношении воспитания, направления и оповедения (sic) учеников, так и за самими учителями и надзирателями Ровенской гимназии, и о всем и малейшем замечании доносить вашему в. пр-ству. В следствие чего приемлю смелость донести:

1) что директор сей гимназии 6-го класса Фавицкий хотя имеет неослабное смотрение за учителями и учениками, однако отлучками своими иногда таковое ослабевает, каковые отлучки его были мною замечены: первая с 19 октября по 22 число того месяца выездом из г. Ровна в м. Александрию с некоторыми учителями на охоту, а равно с 1 сего ноября и до отправки сего донесения (2 ноября) не возвратился.

2) В праздничные и воскресные дни учителя, собравшись в соборную церковь, во время самой литургии беспрестанно занимаются один с другим наушным разговором и подают худой пример ученикам, за что и имеет неудовольствие протоиерей Лотоцкий.

3) Первое отделение ученической квартиры той гимназии, хотя помещается в весьма близком расстоянии от гимназии в доме дворянина Рилька, но как сей дом только сего года кончен, имеет еще в себе сырость, может впоследствии времени и особливо зимой вред на здоровьи учеников ученить.

4) Хозяин сего дома Рильке, продовольствуя всех помещающихся в его доме учеников, на сих днях к завтраку подал разваренный в пиве гнилой сир (сыр), и ученики, не могши употребить его в пищу, отправили было на усмотрение директору, но хозяин успел сие перехватить и переменил на лучший. За обозрением директора, признано

сие кушанье полезным, и ныне заставлено учеников употреблять тот же гнилой сир на завтрак с сухим хлебом, из чего между учениками происходит ропот; и

5) учитель Славутинский, имея издавна склонность к картежной игре, прошлого октября месяца последних чисел пригласил на свою квартиру учителей Нагулу, Каминского и Неугодова. При занятии их картежною игрою завели между собою ссору, из чего Славутинский с Нагулою подрались с признаками, и хотя сие стараются скрыть, однак учинилось то чрез сутки гласным, как между учениками, так и чиновниками г. Ровна».

Вслед за полицией выступил представитель дворянства. 9-го того же ноября волынский губернатор Лашкарев сообщил Бибикову копию с письма к нему ровенского уездного предводителя дворянства Омецинского следующего содержания (*сохраняем стиль и правописание подлинника*):

«К тому что, по случаю весьма тесного помещения учеников Ровенской гимназии в сыром доме двор. Рильке, ибо еще в августе месяце, оканчиваемом внутренною штукатуркою стен, от сырости для неосушивания отапливанием печей в теплые дни и для неочищения воздуха посредством душников в окнах, многие ученики подвергаются от того болезням, а не менее и от неотопливания до сего времени классных зал; больные же помещаются не в особой больнице, но гораздо невыгоднее здоровых: внизу того ж дома, в сутеринах, в коих сырость, неотсвеживание воздуха и самое беспокойствие от квартирующих наверху учеников весьма для больных вредны, и самое сообщение учеников с больными, особенно на прилипчивые горячки, опасно для здоровых. И о каковых неудобствах, хотя представляемо было гимназическим лекарем г. правящему должность директора Ровенской гимназии Фавицкому, но он до сих пор не принял никаких мер к требованному от него исправлению такового неустройства и не обратил на то никакого внимания.

Происшедшая недавно между двумя учителями Славутинским и Нагулою (кажется, при картежной игре) драка соблазнительна для юношества и неприличная учительскому званию, навлекающая на гимназическое начальство невыгодное мнение публики и могущая устранять родителей от воспитывания в сей гимназии детей своих, заставляют меня, по получении о том известия от дворян сего уезда, на основании словесного поручения вашего пр-ства, мне данного, довести о том до сведения вашего пр-ства и всепокорнеше просить о учинении начальничьего своего с кем следует сношения на счет прекращения сего зла, с поводу коего могущее случатся уменьшение числа учеников в здешней гимназии, ощущаемое уже и теперь, с начала наступающего училищного года, правительство может считать причиною учреждения закрытых заведений по Высочайшей воле, которой дворянство повинуются, а по точности должно быть отнесено на счет малой заботливости начальника гимназии г. Фавицкого в приведении в надлежащее устройство сих заведений и в ближайшем наблюдении за приличнейшим поведением некоторых из гг. учителей».

Как видим, маршалок Омецинский, как и подобало представителю первенствующего в империи сословия, пустые обстоятельства сумел возвести на степень важного государственного дела и при этом пустил в ход хитрую дипломатическую диверсию. Дело в том, что правительство, в видах более строгого надзора за жизнью и поведением учащихся, незадолго пред тем воспретило им проживать на частных квартирах и велело при всех гимназиях устроит род интернатов, содержателями коих должны быть лица благонадежные и начальством одобренные. Мера эта впервые введена была повсеместно в крае с началом учебного 1840 г., и так как она была направлена главным образом к тому, чтобы изолировать польских детей от влияния «фанатизма и ложного патриотизма», то она естественно не нравилась полякам, и многие из них из-за этого брали из гимназии своих детей. Но такой образ их действий истолковывался начальством как дерзкое противление высочайшей воле, и мог сопровождаться для них неприятными последствиями.

Желая наперед выгородить своих соотечественников и вместе с тем повредить директору Фавицкому, который почему-то был неугоден польскому дворянству, предводитель Омецинский и хочет дать такой вид делу, что хотя в Ровенской гимназии уже и теперь «ощущается» уменьшение учеников, но это происходит-де вовсе не оттого, что дворянство не хочет повиноваться высочайшей воле относительно учреждения закрытых общих квартир, а единственно от нераспорядительности директора.

Рапорт Омецинского и донесение городничего были сообщены Бибиковым попечителю для соответственных распоряжений. На этот раз производство дознания по данному делу было поручено инспектору 2-го благородного пансиона при Киевской 1-й гимназии, титулярному советнику М. Могилянскому. Но едва он прибыл в Ровно и приступил к делу, как его образ действий почему-то не понравился тамошнему и.д. городничего, и тот послал на него нечто вроде доноса Бибикову: «По делу о происшедших беспорядках помежду учителями Ровенской гимназии (доносил Занкевич), о чем я имел сщастие донести вашему высокопр-ству 2 сего ноября, по распоряжению начальства чиновник Могилянский, прибыв из Киева, чинил секретное разыскание, и хотя я требовал (sic!) от него сведения, что им открыто по сему предмету, но от дачи такового он отказался и 21 ноября уехал обратно в г. Киев».

При этом городничий представил в копии и отзыв Могилянского на его «требование»; отзыв этот не лишен колкости, и в этом разгадка, почему он не понравился городничему. Вот что писал Могилянский: «На требование вашего благородия от 10 сего ноября имею честь ответствовать, что о случившемся между некоторыми учителями здешней гимназии происшествии я, по кратковременности моего здесь пребывания, не могу вам сообщить ничего, что не было бы, без сомнения, известно вашему благородию по свойству должности вашей и при средствах, которые вы для того имеете».

Возвратившись в Киев, Могилянский так рапортовал попечителю округа о результатах порученного ему расследования: «Жалобы г. Омецинского частью неосновательны. Больница в доме Рильке переведена была из нижнего этажа в верхний, по словам самого гимназического доктора Богуцкого, в первых числах октября, а письмо предводителя от 2-го ноября. Больных я нашел в ней четырех и болезнями весьма легкими, кроме одного, у которого от ушиба сделалось потрясение мозга спинной кости. Что касается до уменьшения числа учеников гимназии, то это должно, скорее всего, приписать мере принятой для помещения их под ближайший надзор училищного начальства, каковая мера нашла вначале много противников; из заведения же выбыло 14 учеников.

Директор гимназии если и отлучался из города, то на, весьма короткое время, и притом вторая из его отлучек, указываемая городничим, случилась в свободное от учения время.

В бытность мою в Ровне два раза был я в соборе и не заметил, чтобы учители вели себя неприлично. Протоиерей Лотоцкий не показал мне никакого в этом отношении против них неудовольствия, хотя я неоднократно в разговоре с ним наводил его на это, стараясь дать ему повод высказать свои неудовольствия, если бы они были. По словам его, в церкви соблюдается должное благочиние, особенно со времени обнародования высочайшего указа, воспрещающего мирянам стоять во время богослужения вблизи иконостаса. Ученики же православного исповедания, коих числом 38, стоят всегда на клиросе и занимаются пением при литургии.

Продовольствие учеников вообще удовлетворительно; происшествие же с сыром, приводимое городничим, состоит в том, что воспитанникам I-го разряда однажды подан был на полдник творог с пивом не довольно свежий; но должно заметить, что содержатель их обязан по контракту давать им на полдник, только черный хлеб с солью, а давал им какое-либо кушанье, желая сделать им приятное. После случившегося неудовольствия он ограничивается точным выполнением контракта.

Учитель Славутинский действительно имеет репутацию большого охотника до виста, в который, впрочем, и он, и другие учители играют только для препровождения времени и по малой цене, а именно по 5, 10 и не более 20 грошей. Но, к сожалению, донесение городничего о случившейся между Славутинским, Каминским и Нагулою ссоре и драке не без основания, и повод к тому подал последний сварливым и чрезвычайно дерзким своим нравам. Порок этот был замечен в нем и в других случаях, за что подвергался он формальным от директора выговорам, оставшимся, однако, недействительными.

По долгу справедливости обязываюсь вашему сиятельству доложить, что в быту всех чиновников, принадлежащих к Ровенской гимназии, кроме означенных поступков учителя Нагулы, я не мог заметить никакого соблазнительного для юношества примера. Основания подобным слухам должно искать в недоброжелательстве дворян к директору, причиной коего можно предположить прежнее служение его в секретной канцелярии в Бозе почивающего цесаревича Константина Павловича, крутое иногда обращение его с теми, которые имеют до него дело, и неосторожно высказываемое им мнение о поляках. Нахождение в Ровне некоторых учителей, перешедших из римско-католической веры в православие, может также быть поводом к неудовольствию со стороны тамошних дворян».

Сообщая генерал-губернатору копию настоящего рапорта, попечитель кн. Давыдов сделал на полях следующие своеручные отметки: «Учитель Славутинский при удобном случае будет перемещен в другую гимназию. Учитель Нагула перемещен в Киев в должность младшего учителя. Директор Фавицкий представлен к увольнению».

Бибиков молчаливым согласием одобрил эти распоряжения. Таким образом, донос городничего и инсинуация предводителя не остались без последствий: картежники и драчуны, педагоги подверглись перемещению, а директор и вовсе удален со службы. Строгость кары по отношению к последнему представляется весьма странной после того, как дознанием Могилянского фактически было опровергнуто обвинение его в нераспорядительности и недостаточной заботливости об интересах учеников, а предыдущая служба Фавицкого, по-видимому, представляла полное ручательство за его чиновничью благонадежность. После службы его в секретной канцелярии вел. князя Константина Павловича, о которой ничего нам неизвестно, мы встречаем Фавицкого в числе чиновников, избранных в 1832 г. харьковским попечителем Филатьевым для устройства учебных заведений в Юго-Западном крае на новых началах.

Как видно из записок современника и участника в этом деле И. М. Сбитнева, *(См. «Киев.старина» 1884 г., № 2–5)* означенный выбор производился с особенною тщательностью: из 52-х лучших педагогов, вытребованных со всего южнорусского края, только 12 человек было признано достойными

важной политической миссии, какая возлагалась на них, и в числе избранных, наряду с такими хорошо образованными лицами и прекрасными педагогами, как сам Сбитнев, Морачевский, Китченко, Науменко и др., мы встречаем и Фавицкого, тогда же назначенного директором Винницкой гимназии.

Впоследствии, с открытием гимназии в Ровно, он, как опытный администратор, был назначен ее первым директором. Но здесь он встретил глухую вражду к себе со стороны польского дворянства, причину которой Могилянский видит отчасти в крутом характере Фавицкого, а главным образом в его прежней службе в секретной канцелярии наместника Царства Польского и в «неосторожно высказываемом им мнении о поляках». Очевидно, Фавицкий был полонофоб и не таился с этим, как не скрывал своего нерасположения ко всему польскому и сам Бибиков и многие другие из тогдашних русских чиновников в Юго-Западном крае. Но, очевидно, Фавицкий перешел известную меру в проявлении своего полонофобства, и когда против него образовался внушительный комплот, завербовавший в число своих союзников даже местную полицию, окружное начальство вынуждено было считаться с настроением польского дворянства и принести в жертву своего усердного, но бестактного чиновника.

Но если опасно было для тогдашних педагогов не угодить польским дворянам, то еще опаснее было навлечь на себя подозрение в недостаточно горячем сочувствии видам и предначертаниям правительства или в недостаточно ревностном исполнении таких предначертаний.

Выше было упомянуто, что в то время над всей русской школой тяготело мрачное подозрение, готовое видеть в ней на каждом шагу проявление вольнодумных мыслей. В Юго-Западном (и Северо-Западном) крае эта общая подозрительность еще усиливалась пугливым опасением, как бы школа не сделалась орудием пропаганды идей польской эмиграции. Несмотря на учиненный в 1839 г. грандиозный разгром революционных элементов, сопровождавшийся закрытием университета и многочисленными ссылками в Сибирь на каторгу и поселение, киевский генерал-губернатор получал отовсюду донесения, что с весною 1840 года польские эмиссары и тайные агитаторы расплодились по краю, как гусеница после весенних дождей. Они разъезжали по имениям богатых помещиков и собирали деньги на революцию. Из Литвы пробрался в Юго-Западный край основатель тайного общества «Ludzkosci» Залесский с целью вербовать последователей между помещиками, студентами, офицерами и волновать крестьян. Тогда же открыты сношения местных помещиков с обществом Славянской республики, организованным в Галиции. В Подольской губернии напали на след тайного «Общества мщения» (Towarzystwa zemsty), а из других мест полиция доносила, что между польскими патриотами составилось тайное общество «Безголовых братьев» – «Балагулов». Конечно, во всех этих донесениях было много преувеличенного, плохо понятого и еще хуже расследованного тогдашнею невежественною полициею, но несомненно, что среди польского дворянства существовало в то время, сильно выраженное и широко распространенное оппозиционное настроение. Со всех концов Юго-Западного края сотнями поступали секретные донесения о том, что тот или другой помещик «говорил нелепые слова» или «рассевает нелепые слухи», что такая-то помещица «читает в некоторых знакомых ей домах пасквильные стихи», что при обысках у таких-то лиц оказались книги «возмутительного содержания» или же «альбомы с возмутительными стихами и платки с революционными» изображениями и т. под.

В 1841 году штатный смотритель Луцких училищ при рапорте представил Бибикову список «распространяющейся между учениками молитвы с сомнительною надписью» и при этом пояснил, что эта молитва «весьма распространена между всеми поляками». Правительство, перед тем только что реформировавшее школы в западных губерниях именно в видах перевоспитания молодых поколений в духе государственных начал, больше всего опасалось, как бы эти школы не сделались снова орудием мятежной пропаганды польской эмиграции, и принимало против этого строгие меры. Начальствующим в учебных заведениях вменялось в обязанность иметь самое неукоснительное наблюдение за малейшим проявлением среди учащихся духа вольномыслия и немедленно пресекать заразу в самом ее зародыше.

Напуганные подобными инструкциями педагоги усерднейшим образом шпионили за своими питомцами, постоянно рылись в их тетрадях и, если находили в них невиннейшие стихотворения или что-нибудь подобное, создавали из пустяков криминал и строчили экстренные донесения разом попечителю и генерал-губернатору. Так весною 1840 г. знакомый уже нам директор Ровенской гимназии Фавицкий возбудил дело о найденных у ученика 5-го класса Антона Мациевского стихах. По поводу чего потребовалась нарочитая командировка инспектора казенных училищ Юзефовича для производства дознания. По расследовании дело это оказалось сущим пустяком: Юзефович рапортовал, что «стихи не заключают в себе ничего предосудительного, но что он, Мациевский, крайне ленив, неопрятен, уродлив, имеет до 20-ти лет и не подает никакой надежды на дальнейшие успехи. Впрочем, как за ним не оказалось никаких предосудительных поступков, то его велено в гимназии оставить». В рапорте умалчивается о том, что Мациевский при этом был изрядно высечен, но это подразумевалось само собою.

Не столь великодушно поступили винницкие педагоги по поводу аналогичного случая. В ноябре того же 1840 года директор Винницкой гимназии Яковлев доносил генерал-губернатору: «Ученик 6-го класса Северин Токаржевский написал в черновой тетради для классических упражнений (чтобы удобнее скрыть свой поступок от надзора) сочинение, в котором, изображая негодование свое за строгое смотрение за поведением учеников по квартирам и разумея под сокращением «И. Д. И.» исправляющего должность инспектора Попова, а под литерою П.– учителя Перелогова, отзывается об них насмешливо и в оскорбительных выражениях.

Тетрадь оная, представленная надзирателем, была рассматриваема в педагогическом совете, и по заключению оного ученик Такаржевский, как обнаруживающий в поступке своем худое направление нравственности, исключен из гимназии; о чем вашему высокопр-ству, на основании предписания г. попечителя Киевского учебного округа, имею честь почтеннейше донести». Бибиков молчаливым согласием видимо одобрил постановление совета.

Если так строго каралось и вызывало такую тревогу невиннейшее вольномыслие, лишенное, какой бы то ни было, политической окраски и в худшем случае направленное к порицанию отдельных педагогов, то легко представить, что делалось тогда, когда в поступках, суждениях или даже в пустых разговорах учеников ревнивое око педагогических аргусов усматривало хотя бы тень политического вольномыслия.

Характерный в этом отношении эпизод произошел в том же 1840 году в Немировской гимназии, где директором был тогда Ив. Г. Кулжинский, типичный педагог – чиновник того времени. Однажды в его присутствии между учителями шел частный разговор о том, о сем, и один из педагогов имел неосторожность рассказать в виде забавного анекдота, будто какой-то ученик когда-то сболтнул что-то о государе. Услышав это, Кулжинский встал с места, принял начальнический вид и из ласкового собеседника моментально преобразился в грозного инквизитора. Он тут же, на месте, подверг строгому следственному допросу как болтунаучителя, так и свидетеля, слышавшего анекдот, велел позвать сюда же других прикосновенных лиц, собственноручно написал для всех вопросные пункты и потребовал, чтобы каждый тотчас же дал на них письменные ответы. Следствие тотчас же в корне подорвало подлинность анекдота, и сам болтун-учитель формально отрекся от своих слов и просил прекратить дело. Но директор был неумолим и с каким-то страстным рвением громоздил обвинительный акт с таким искусством, которому позавидовали бы заправские прокуроры.

Окончив все формальности, директор немедленно настрочил следующее секретное донесение генерал-губернатору Бибикову: «Долгом почитаю донести вашему высокопревосх-ству, что 19 числа сего октября старший учитель вверенной мне гимназии Иван Кулеш-Чепега, бывши в моей канцелярии, в присутствии старшего учителя Самойленкова, объявил мне, что он, Чепега, с год тому назад слышал от исправляющего должность младшего учителя сей же гимназии Оппермана, что квартировавший тогда у него, Оппермана, а ныне квартирующий у учителя Самойленкова ученик IV класса Эмерик Сыревич между младшими учениками Оппермановой квартиры рассеивал худые слова о священной особе государя императора, при чем учитель Чепега и произнес эти слова, говоренные учеником Сыревичем так: «Русской государь не так образован, как иностранные государи, и только занимается военными делами». Удержав в канцелярии учителей Чепегу и Самойленкова, я тотчас послал за учителем Опперманом и тотчас сделал всем трем учителям письменные допросы по сему предмету. Учителю Чепеге предложил я следующие вопросы:

1) Какия именно слова и выражения говорил ученик Сыревич между учениками, как он, Чепега, слышал о том от Оппермана?

2) Между какими учениками он говорил те слова?

3) Когда он, Чепега, слышал от Оппермана о подобных словах ученика Сыревича?

4) И почему он, Чепега, тотчас не донес на начальству о таких дошедших до него сведениях?

Учитель Чепега в присутствии моем собственноручно написал следующие ответы на 1-й вопрос: он, Чепега, слышал от учителя Оппермана, что ученик Сыревич нехорошо выражался об особе государя императора, говоря пред учениками, что его величество не так образован, как его иностранные монархи. Преимущественно занимается военною частью.

На 2-й вопрос: он, Чепега не знает между какими учениками Сыревич говорил те слова; он Чепега об этом ничего не слышал.

На 3-й вопрос: он, Чепега слышал от Оппермана о вышеупомянутых словах Сыревича, кажется, в начале весны прошедшего года; и на 4-й вопрос: не донес Чепега немедленно о таком сведении потому, что основываясь на одних словах, не знал совершенно и обстоятельно этого дела.

Старшему учителю Самойленкову, как бывшему свидетелем при объявлении Чепеги о словах ученика Сыревича, предложил я прочитать 1-й пункт показания Чепеги и написать свое показание: так ли было в его, Самойленкова, присутсвии объявлено им, Чепегою? Каковыя слова Чепеги и подтвердил Самойленков своим собственноручным показанием.

Вслед за тем предложил я и.д. учителя Опперману прочитать собственноручное показание учителя Чепеги о слышанных им от него, Оппермана, словах ученика Сыревича, и написать тут же ответы на следующие вопросы:

1) Точно ли он, Опперман, говорил об этом Чепеге, и в таких ли словах Сыревич выражал свое мнение?
2) Между какими учениками Сыревич говорил свое мнение?
3) Когда это было и когда он, Опперман, сообщил о том Чепеге?
4) И почему он, Опперман, о таком мнении Сыревича тотчас не донес начальству гимназии?

На сии вопросы Опперман отвечал собственноручно на французском языке следующее:

На 1-й вопрос: когда один раз был у него Чепега, то он, Опперман, говорил с ним о своих учениках, что между ними нет ни одного негодяя и что иногда заставляет его кричать один только Сыревич, который беспокоит меньших учеников, но никакого бесчестного выражения (ancune expression infame) Сыревич никогда не произносил.

На 2-й вопрос: когда он, Опперман, говорил о Сыревиче, то говорил и о всех вообще своих учениках, а найпаче о маленьких, играм которых Сыревич любил мешать.

На 3-й вопрос когда это было он Опперман не помнит, но кажется более году; и на 4-й вопрос; он, Опперман, не почитал нужным доносить начальству о таких незначительных делах.

«После сего я того же 19 октября предписал секретно испр. должность инспектора гимназии Орде, надзирателю Штейну и содержателю 2-го отделения общей ученической квартиры 2-го разряда Самойленкову принять ученика Сыревича в строжайшее наблюдение и обратить самое бдительное смотрение на все его связи, на все его разговоры, на все занятия и на всю его переписку, окружив его со всех сторон самым строгим надзором; а сам я отправился на квартиру ученика Сыревича и под благовидным предлогом строжайше обревизовал все его вещи, книги и бумаги.

В книгах, вещах и бумагах Сыревича не нашлось ничего подозрительного. По истечении двоих суток, сего 21 числа октября явился ко мне в канцелярию старший учитель Чепега и подал мне рапорт о том, что он «не может совершенно поручиться в верности и точности своих слов, заключающихся в его ответе на первый из предложенных ему пунктов, и по давности этого обстоятельства с точностью не помнит слов, сказанных ему Опперманом, а очень может быть, что воображение преувеличило их значение, и он, Чепега, выразил с большею силою».

«Донося о сем с нынешнею же почтою и г. попечителю Киев. учебного округа и прилагая при том подлинный допрос вышеупомянутых учителей и подлинный рапорт учителя Чепеге, я между учениками гимназии, для избежания всякого соблазна, не делал никаких по сему делу расспросов. А как, несмотря на отречение учителя Чепеги от первого показания его, на ученика Эмерика Сыревича все-таки падает сильное подозрение в неблагонадежном образе мыслей, то для спасения прочих учеников от заразы такими мыслями я ныне же прошу г. попечителя уч. округа позволить исключить ученика Сыревича вовсе из гимназии».

К сожалению, нам неизвестен финал этого курьезного дела, и мы не знаем, согласился ли г. попечитель кн. Давыдов на ходатайство директора об исключении малолетнего государственного преступника, притом же совсем не уличенного в приписываемом ему преступлении. Кажется, и Бибиков оставил без внимания директорское доношение.

Но и помимо того данный эпизод представляет, по нашему мнению, ценный исторический факт, как живая иллюстрация болезненной запуганности тогдашних педагогов, от страха буквально терявших здравый смысл при одном намеке на проявление в школе чего-то в роде политического вольномыслия. Так бывало на Руси только во времена Бироновщины, в страшную эпоху «слова и дела», когда каждый трепетал, как бы не попасть в застенок за недонесение. Только подобным рабьим страхом можно объяснить совершенно безумное поведение директора, который, вместо того, чтобы проверить сообщенный ему в частном разговоре слух, предательски ловит подчиненного на слове, тотчас составляет протокол и с усердием заправского провокатора из пустяка торопится создать ужасный криминал, точно боясь, как бы кто не предупредил его доносом по начальству.

Уж подлинно тогдашние педагоги от чистого сердца могли повторить восклицание своего современника, Луки Лукича Хлопова: «Не приведи Бог служить по ученой части!» Служить по полицейской части в то время куда было легче!

Пусть не думает читатель, что в поведении Кулжинского в данном эпизоде сказались лишь дурные черты его личного характера – бездушный формализм, угодничанье перед начальством, желание выслужиться и т. под. и что в этом отношении он является каким-то исключением в среде тогдашней школьной администрации; напротив, судя по другим данным, его можно считать типичным директором той эпохи. С другой стороны, не следует отсюда заключать, что тогдашние деятели на поприще образования в Юго-Западном крае были все дурные люди и плохие педагоги, вроде современных чиновников-обрусителей, стремящихся на окраины из-за приманки служебных

льгот и выгод. Вспомним, с какою тщательностью их выбирали из лучших преподавателей, вытребованных со всего южнорусского края; следовательно, это был цвет тогдашнего педагогического сословия. И судя по личности одного из таких избранников, И. М. Сбитнева, достаточно раскрывшего свой душевный мир в своих записках, мы вправе предположить, что в большинстве это были люди хорошо образованные, идеально смотревшие на свою миссию – насадить русское просвещение в Юго-Западном крае и проникнутые бескорыстным стремлением, верою и правдою послужить отечеству, «содействуя видам правительства». Таков был их политический катехизис; и они действительно с полным усердием служили этим «видам» не только за страх, но и за совесть.

В числе таких избранников был и И. Г. Кулжинский. Где он раньше служил – не знаем, но видно, что в 1832 году, когда производился выбор, Кулжинский уже успел выделиться педагогическими заслугами или же, может быть, какими-либо личными достоинствами, так как харьковский попечитель Филатьев прямо назначил его директором Луцкой гимназии.

В то время Луцк был совсем не тем городом, каким он представляется в настоящее время: в нем находилась тогда бискупская кафедра, 13 богатых кляшторов, 2 униатских церкви и ни одной православной. Это был едва ли не главный очаг полонизма и католицизма для всего Юго-Западного края. И совершенно естественно, что здесь новая русская школа, открытая взамен польской, должна была встретить особенно сильное предубеждение со стороны польского или ополяченного населения.

«При всей нашей добросовестности в исполнении обязанностей,– пишет И. М. Сбитнев, бывший в то время инспектором Каменец-Подольской гимназии,– мы, однако, подметили, что за нами был надзор от уволенных в за штат учителей бывших школ, и надзор пристрастный. Они получали от детей сведения о наших действиях, и эти сведения, конечно неверные, искаженные передавали в публику в самом искаженном, превратном виде. Еще до прибытия нашего в Каменец кто-то оповестил туземцев, что мы варвары, тираны, и эта новость была причиною того, что во вновь открытую гимназию вошла ватага воспитанников) только из самого низшего сословия, родители же из других сословий присматривались к нам, забирали справки о наших действиях, дабы потом решиться на что-нибудь».

Если так было в Каменце, то в Луцке положение русских педагогов было еще затруднительнее. Год спустя после назначения Кулжинского в Луцк его навестил здесь И. М. Сбитнев и вот что отметил в своих записках: «Посетил я директора гимназии И. Г. Кулжинского, который ловко и дельно боролся с лицами, преданными с патриотическим фанатизмом прежним школам, и неусыпными трудами старался ослаблять в них предубеждение к училищам, устроенным на новых началах. Правда, эта борьба была для него нелегка, особливо в Луцке, в центре высшей власти латинского духовенства, где так много молодых ученых каноников, получивших образование в Виленском университете, «первейшем, в целом свете, университете» по выражению поляков. В интимных наших беседах мы сознались, однако, что только время и терпение, эти верные союзники во всех человеческих предприятиях, помогут нам в головах некоторых сословий привить начало русской жизни ».

Но скоро, однако, терпение это у одного из собеседников оборвалось, и в конце того же 1833 года Луцкая гимназия (не без участия, конечно, ее директора), по распоряжению начальства была перемещена в м. Клевань, подальше от сферы влияния высшего католического духовенства. Недолго спустя и сам Кулжинский исхлопотал себе перевод на директорскую должность в Немиров, где совсем не было ученых каноников и гораздо слабее сказывалось польское влияние.

Вынесши на своих плечах первую и самую трудную борьбу за право существования в Юго-Западном крае школы на русских началах, Кулжинский сильно ожесточился против всего польского и сделался страстным и убежденным сторонником правительственной программы полного слития с коренной Россией возвращенных от Польши губерний и истребления в них отдельной польской народности путем ассимиляции с русскою. Эту программу он неуклонно проводил в порученном ему педагогическом деле, ее же он придерживался и в общественной деятельности, как русский чиновник, поставленный на страже русского начала, на Подольской окраине.

Вот характерный образчик его деятельности в последнем роде. Летом 1839 года в Немирове появилась заезжая польская труппа и открыла представления. Кулжинский с негодованием переносил ее присутствие в местечке, не пускал в театр гимназистов и был уверен, что труппа скоро потерпит материальный крах и уберется из Немирова. Так оно и случилось на деле, но на помощь разорившейся труппе пришла местная экономия графа Потоцкого, и актеры решились надолго остаться в гостеприимном местечке.

Не стерпел этого директор немировской гимназии и в конце декабря послал помощнику попечителю Киевского учебного округа Карлгофу следующее конфиденциальное письмо:

«Ваше превосходительство, милостивый государь!

Возвращенные от Польши губернии до тех пор не сольются нравственно в одно целое с Россиею, пока не истребится в них отдельная польская народность.

Самый деятельный, чуть ли не первый проводник народности есть театр. По Волыни и Подолии разъезжают многие труппы странствующих актеров и своими представлениями везде распространяют дух польской национальности.

Одна из таких трупп, под дирекцией какого-то Грунвальда, остановилась в м. Немирове в прошлом августе месяце и, устроивши сцену под навесом жидовской корчмы, начала было свои представления. Успех не соответствовал ожиданию. Антрепренер задолжал жидам до двухсот целковых, и представления прекратились к концу сентября. Но немировская экономия графа Потоцкого тотчас явилась на помощь, выплатила их долг евреям, устроила для них новый театр в особом экономическом доме, вошла с ними в часть, дала свою прислугу и музыку, – и вот с 26-го сего декабря опять начались представления.

Кунтуши, усы, конфедератки, задорливая шляхта, польские фарсы – все это на сцене пошло и до крайности глупо; но здешняя публика в восхищении! «Наше, дескать, родовитое!»

Ученики гимназии теперь, слава Богу, разъехались домой на праздники, а после праздников я решительно не позволю им бывать в театре; впрочем, чувствую, что, при личной об этом просьбе самих родителей, это будет для меня чрезвычайно трудно.

Донося об этом вашему пр-ству, покорнейше прошу, для облегчения меня, или снестись с кем следует, чтоб в м. Немирове театр немедленно был закрыт, потому что здесь нет никакой полиции, кроме сотского и десятника, или же дать мне строгое предписание, чтоб я ни под каким предлогом не позволял ученикам быть в театре.

Этим предписанием я буду защищаться от нападения маменек и папенек.

29 декабря 1839 г.»

Получив это письмо, окружное начальство немедленно препроводило его Бибикову «на усмотрение», и тотчас возникла административная переписка по делу «о вредном влиянии, производимом на умы жителей странствующими актерами».

Подольскому губернатору послано было 16 января требование немедленно распорядиться о воспрещении актерам в Немирове давать представления и вместе с тем уведомить генерал-губернатора, «по чьему позволению они оныя начали».

27 января управляющий Подольской губ. вице-губернатор В. Нечай уведомил, что им уже послано предписание брацлавскому земскому исправнику воспретить представления в Немировском театре и велено донести, кто позволил там играть, а пока что вице-губернатор прислал 4 афиши пьес, игранных в Немирове. Затем последовал новый запрос подольскому губернатору: донести откуда прибыли актеры, игравшие в театре в м. Немирове, и кто позволил эти представления.

7 февраля губернатор Петров отвечал: «Имею честь при сем представить вашему высокопрству еще три афишки пьес, игранных польскими актерами на Немировском (sic) театре, присовокупляя, что вместе с сим я подтверждаю брацлавскому земскому исправнику о закрытии театра и доставлении мне о актерах сведений».

Спустя две недели тот же губернатор доносил: «Я получил донесение от брацлавского земского исправника, что находящейся в м. Немирове труппе актеров воспрещено давать представления и что помянутые актеры начали представление по дозволению уполномоченного по управлению имением помещика графа Болеслава Потоцкого, земская же полиция, не воспрещая им того, наблюдала только, чтобы они не играли пьес запрещенных».

Таким образом, больше месяца понадобилось на то, чтобы распоряжение грозного Бибикова о воспрещении театральных представлений в Немирове было наконец приведено в исполнение. Но мы увидим дальше, что актеры и после этого не уехали из Немирова и, кажется, продолжали давать там представления.

Это показывает, насколько исполнительна и надежна была тогдашняя губернская и уездная администрация, во главе которой стояли такие личности, как только что упомянутый подольский губернатор генерал-майор Петров, в том же 1840 г. отрешенный от должности «за деланные им злоупотребления чрез еврея Бродского»[...].

Анатолий Попов

Н. И. КОСТОМАРОВ – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РОВЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

(По архивным данным Ровенского реального училища)

О пребывании и деятельности нашего маститого историка Николая Ивановича Костомарова в городе Ровно Волынской губернии известно очень мало. В большинстве биографий его, печатавшихся как отдельно, так и в качестве приложений к полному собранию его сочинений, даются самые краткие сведения, но которым весьма трудно, если не вовсе невозможно, представить нашего ученого в качестве преподавателя этого учебного заведения; кроме того, год учительской деятельности, проведенный на Волыни, где и до сих пор сохранилась масса остатков старины, мало известных ученому миру, несомненно, дал богатый научный материал для его капитальных произведений по истории Малороссии, особенно для «Богдана Хмельницкого».

Для примера возьмем биографию Н. И. Костомарова, приложенную к собранию его сочинений в издании общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Биография эта, как гласить примечание, «составлена главным образом по «автобиографической записке», которая была напечатана в 1884 г. в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского университета святого Владимира», составленном и изданном под редакцией ординарного профессора В. С. Иконникова». В этой биографии пребыванию Н. И. Костомарова в г. Ровно уделено всего восемь строк: «В Киеве в 1844 г. он (т.е. Костомаров) получил назначение на место старшего учителя истории в Ровенской гимназии. Пробывши в г. Ровно (Волынской губернии) где, он в свободное от классов время совершал поездки в разные исторические местности Волынской губернии и собрал большой запас «народных песен», которые впоследствии были напечатаны Д. Л. Мордовцевым в его сборнике («Малорусский литературный сборник», Саратов, 1859 г.). В 1845 г. Н. И. Костомаров был переведен на ту же должность в первую Киевскую гимназию…». Вот и все, что относится к пребыванию Костомарова в Ровно.

В настоящее время, имея, с разрешения директора Ровенского реального училища, доступ к архивному материалу, хранящемуся в названном училище, постараемся обрисовать педагогическую и ученую деятельность Костомарова в Ровенской гимназии, насколько, конечно, это окажется возможным. Но прежде, чем приступить к изложению данного вопроса, посвятим некоторое внимание тому городу и тому ученому заведению, в которых жил и работал Костомаров.

Город Ровно весьма древнего происхождения. Еще за несколько веков до Рождества Христова, когда любознательный грек Геродот, объезжая греческие колонии, расположенные по северному побережью Черного моря, заносил в свои «Истории» все то, что ему удавалось видеть и слышать о богатых неведомым странах, поставлявших в Элладу в широких размерах сырые продукты, скифы, именем которых он без разбора окрещивает все население юга России, кочуя по беспредельным степям, оставляли там не богатые, но долговечные следы своего пребывания в виде курганов и могильников.

Такой след пребывания, быть может, и недолгого, скифов на месте, где впоследствии вырос город Ровно, был случайно недавно открыт.

Когда несколько лет тому назад в усадьбе, принадлежащей Ровенскому реальному училищу, где находятся квартиры служащих, стали рыть погреб, то найден был скелет, несомненно, скифского погребения: покойник лежал на правом боку, ноги были в коленях согнуты, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте. В могиле был найден небольшой горшочек того типа, который обыкновенно находят при раскопках скифских погребений, наполненный перегноем, получившимся, вероятно, из остатков пищи, которую зарывали с покойником, и небольшая, овальной формы металлическая бляшка длиною вершка в полтора И та, и другая находка от долгого пребывания в земле и близости подпочвенной влаги пришли в полную негодность и искрошились в руках любопытных, которые их осматривали.

После скифов в течение многих веков «народы сменяли народы, лицо изменилось земли», но от этих народов никаких следов до нашего времени не сохранилось. Только уже в VI веке по Рождестве Христовом, при расселении славян из Прикарпатского края в равнины Восточной Европы, дулебы, или бужане, сделали первую попытку образовать на Волыни, в состав которой входит Ровно, первое славянское государство Восточной Европы.

Государство это было недолговечно и пало, как известно, под ударами обров. Когда центром государственной жизни на юге России становится Киев, Волынская земля подчиняется ему, и это подчинение простирается до средины XIII века, когда на Волыни утверждается старшая линия Мономаховичей.

Мономаховичи, для которых Волынь стала «вотчиной», заботятся об устроении этой земли, стремятся расширить ее пределы и защитить их от сильных соседей, что им и удастся. Один из этих Мономаховичей, Роман Мстиславович, подчиняет себе оружием княжество Галицкое, ослабленное междоусобиями бояр, боровшихся за вакантный вследствие прекращения династии престол, и в 1199 г. соединяет Волынь с Галичем.

Микола Костомаров

Совместное существование Волыни с Галичем продолжается до начала XIV века, когда, теснимые с нескольких сторон Венгрией, Польшей и Литвой, они не выдерживают натиска более сильных соседей и, разделившись, подчиняются Галич – Польше, а Волынь – Литве.

Под властью Литвы русская народность и православная религия, как и во время самостоятельнаго существования Волынского княжества, сохраняют свое господствующее положение. Но после соединения Литвы с Польшей начинается постепенное ополячивание и окатоличивание края, усиливаются все более и более гонения на православие и русскую народность, вызвавшие реакцию со стороны православного населения в виде казачьих восстаний.

Не один раз население Волыни с оружием в руках защищало свою веру и народность, не один раз здесь разыгрывались кровавые драмы, среди которых видное место занимает битва Хмельницкого с поляками при Берестечке, недалеко от Ровно.

Эти-то войны за религию и самобытность русского народа и изучал Костомаров, как увидим выше, в бытность преподавателем Ровенской гимназии. С течением времени Польша, раздираемая внутренними смутами, постепенно клонится к разложению и, наконец, по второму разделу Польши Волынь, а с нею и город Ровно, опять возвращается к России вместе с другими исконно-русскими землями.

Но с присоединением к России Волыни польское влияние здесь хотя и уменьшается, но далеко не уничтожается. Путем обучения юношества, путем церковных проповедей польское общество старается поселить недоверие и вражду местного населения к русскому правительству, старается подорвать его, авторитет, чтобы подготовить почву для политической пропаганды. С этим антигосударственным польским влиянием приходилось считаться и Костомарову, который, как увидим выше, считал полезным для местного юношества более подробное и основательное прохождение курса русской истории, чем тот, который изложен в учебнике.

В летописи местность, занятая городом, упоминается впервые лишь в XIII веке. Здесь один из польских князей, Лешек Черный, разбил большой татарский отряд и, по преданию, сохранившемуся до нашего времени, велел трупы врагов сбросить в реку Устье, приток Горыни, протекающую теперь через город. Вследствие массы трупов, сваленных, по преданию, в реку, последняя вышла из берегов и образовала озеро, которое в настоящее время находится против реального училища, а тела убитых, перегнивши, образовали остров, на котором находится замок князей Любомирских, владетелей города Ровно, построенный гораздо позднее, не ранее XVII–XVIII веков. Такова сохранившаяся легенда.

В действительности же и остров, на котором расположен замок, и озеро, примыкающее к нему с востока, несомненно, сделаны искусственно, чтобы затруднить доступ к замку, который некогда был укреплен, хотя владельцы его это и отрицают. Перед замком и теперь можно видеть следы насыпи с двумя круглыми возвышениями по бокам дороги, ведущей в княжеский палаццо, на которых когда-то, вероятно, стояли башни, охраняющие доступ к нему.

Самое название города легенда также окружает поэтическим ореолом. По преданию, один из князей Любомирских пользовался не только большим влиянием среди местной шляхты, но любовью и уважением. Но у этого князя всех имений было неровное число – 99. Тогда местные шляхтичи, желая сделать приятное любимому и уважаемому князю, сложившись, купили населенную крестьянами, конечно, русскими, землю и поднесли это имение Любомирскому, у которого тогда число владений стала ровно сто, откуда и самый город, выросший здесь, получил название города Ровно.

Насколько достоверна эта легенда, сказать трудно. Более вероятно будет предположить, что название города произошло от равнинности почвы в том месте, где расположена центральная часть его, сравнительно, с холмистыми возвышенностями, занятыми окраинами, как Воля и Кавказ, самое название которого указывает на неровное местоположение.

В эпоху польского владычества в Юго-Западном крае г. Ровно стал частной собственностью князей Любомирских, и этот пережиток средневековья сохранился до настоящего времени.

Ровенская гимназия, ныне реальное училище, была основана в 1832 г. в городе Луцке, где за недостатком помещения и средств к постройке нового здания, которое бы вполне обслуживало нужды учебного заведения, она существовать не могла. А потому уже в 1834 г. гимназия перемещается в местечко Клевань, где помещается в здании уездного училища, а это последнее переводится в Луцк.

Впоследствии, спустя несколько лет, частный собственник города Ровно князь Фридрих О. Любомирский предложил, «желая со своей стороны соответствовать благонамеренным видам правительства», как сказано к акте, заключенном им с правлением университета св. Владимира, пожертвовать для гимназии участок земли с частью уже готовыми зданиями. Часть же обязывался возвести за собственный счет, но только на том условии, чтобы гимназия была навсегда переведена в гор. Ровно[1].

Предложение это было принято, и в 1839 г. гимназия переходит в гор. Ровно. В последующей судьбе этого учебного заведения уже после пребывания в нем Н. И. Костомарова были следующие крупные перемены: в 1865 г. оно было преобразовано в реальную гимназию, а в 1872 г. в реальное училище.

Ровенская гимназия, в которой преподавал Н. И. Костомаров, помещается в двухэтажном здании, которое выходит главным фасадом к озеру. В этом здании находится православная церковь училища, существующая с 1864 г.,[2] классы основные, дополнительный и приготовительный, актовый зал, физический кабинет, библиотеки фундаментальная и ученическая и проч. Около главного здания во дворе находится ряд построек; в одной из них теперь помещается квартира директора в другом более старинной постройки архив и др. К училищу непосредственно примыкает парк, в котором ученики в теплое время года отдыхают и резвятся во время перемен.

Училищу также принадлежит усадьба, на которой расположено здание, известное под именем «оранжереи», где находятся канцелярия училища и квартиры служащих, и другая усадьба с казенною квартирою инспектора училища, в которой во время Костомарова помещался директор с семьей.

В это учебное заведение в 1844 г. и был назначен старшим учителем истории Н. И. Костомаров. В это время Ровенская гимназия была довольно многолюдна, по крайней мере, сравнительно с общей цифрой населения города. В то время как теперь при общей численности населения города в тридцать слишком тысяч, в том же учебном заведении обучается ежегодно около 280 человек, при Костомарове, когда населения было всего 5.682 человека во всем городе, в Ровенской гимназии число учеников было 301, а во всей дирекции, т.е. всех учебных заведениях города 316 «мужска» пола и 46 «женена», всего же 860 человек, что составляло пятнадцатую часть жителей города Ровно.

Такой сильный наплыв учащихся объясняется тем, что в городе и его окрестностях в то время было мало учебных заведений, плата за учение в гимназии была ничтожная – всего пять рублей в год, а потому вся та масса людей средней состоятельности, которая теперь и не мечтает о среднем образовании для своих детей, помещая их в низшие училища, волей-неволей за ограниченным количеством таковых должна была стремиться поместить детей в гимназию, или вовсе отказаться от мысли дать им образование.

Причиною назначения Костомарова в Ровенскую гимназию было, вероятно, с его стороны желание изучить на месте второй период войн Хмельницкого с поляками, в частности же местность под Берестечком, где разыгрался славный, но печальный по своему исходу для казаков бой, что он с большим успехом мог сделать, имея здесь службу, со стороны же учебного начальства – желание поставить на должную высоту преподавание истории, которое страдало в то время некоторыми дефектами, как видно из циркуляра попечителя учебного округа, разосланного в 1843 г.[3] На молодого

[1] Анципо-Чикунский А. Историческая записка о Ровенском реальном училище. – К., 1894.

[2] Католическая же каплица при училище открыта гораздо ранее (1867 г.) православного храма (1864 г.) также, вероятно, из «соответствования благонамеренным видам правительства».

[3] Анципо-Чикунский А. Историческая записка о Ровенском реальном училище. – К., 1894. – С. 24–26.

учёного вполне естественно было возлагать надежды на улучшение постановки преподавании, так как он уже был известен своею трудоспособностью и беззаветною преданностью специальности.

В настоящее время при определении учителя на службу посылается бумага директору того учебного заведения, куда он назначается и ему на руки дается сопроводительная бумага, которую тот, являясь на службу, предъявляет начальству. Бумаги эти хранятся при делам учебного заведения. Таких бумаг от Н. И. Костомарова в архиве училища не сохранилось. Не сохранился также и его личный отдельный формулярный список. Вместо этих бумаг хранится тетрадь, на половину изъеденная мышами и залитая в нескольких местах наливкой, в которую занесены формулярные списки всех чиновников, состоявших на службе в училище в 1846 г. Среди других преподавателей Ровенской гимназии семнадцатое место занимает формулярный список Костомарова. Сведения, которые мы может из него почерпнуть, следующие (см. таблицу):

Эти данные, быть может, вообще и верны, но в вопросе имущественном не согласуются с теми сведениями, которые дает о себе по этому вопросу сам Костомаров. Сохранилось официальное письмо[1] надзирателя Ровенской гимназии Андрея Павловского, посланное Костомарову по распоряжению начальства гимназии, и ответ на него Костомарова. Вот оно:

«Милостивый государь Николай Иванович!»

Высшее училищное начальство требует формулярного о службе вашей списка. Для составления такового нужно иметь сведение: не имеется ли за вами или за родителями вашими недвижимого имения, родового или благоприобретённого, и, буде есть, где таковое и в чем именно состоит.

А потому покорно прошу вас означить на сем листе требуемое сведение.

«Ваш слуга Павловский».

22-го февраля.

Г-ну Костомарову».

На обратной стороне листа, на второй странице имеем собственноручный ответ Костомарова:

«За матерью моей имеется имение в Воронежской губернии, в Острогожском уезде в слободе Юрасовке, состоящее в пятистах десятинах пахотной и сенокосной земли и, восемнадцати душах, из которого имения четыреста десятин предоставлены мне по завещанию».

Таким образом, мы видим, что сведения, даваемые Костомаровым, несколько разнятся от официальных сведений формуляра.

Кроме формулярного списка, при делах[2] имеется «Именной список чиновников и преподавателей Ровенской гимназии на 1844 год», где, кроме данных, известных нам из формуляра, имеются еще интересные указания на деятельность Костомарова в гор. Ровно и получаемое им содержание.

Из этого документа видно, что, кроме гимназии, Костомаров нигде уроков не давал, что делали другие преподаватели. В это время в гор. Ровно существовали еще два, кроме гимназии, учебные заведения: частный девичий пансион и приходское училище.

Первое учебное заведение открыто было в мае 1887 г. и содержалось «платою от родителей воспитанниц». Состояло оно всего из двух классов и имело ограниченное количество учениц: при Костомарове их было всего 29, из которых окончило в этом году 19. В этом учебном заведений давали уроки преимущественно семейные учителя гимназии, пополняя, таким образом, свой скромный бюджет.

Второе учебное заведение, основанное в 1803 г. и содержавшееся на счет князя Любомирского, состояло из одного класса и имело всего двенадцать учеников при трех преподавателях, почему, конечно, не встречалось надобности приглашать преподавателей из других учебных заведений.

Жалованья, как видно из приведённого выше документа, Костомаров получал четыреста рублей серебром в год. На первый взгляд оклад этот может показаться очень незначительным но, принимая во внимание дешевизну жизни в то время, его все же можно признать достаточным.

Насколько была дешева жизнь и дороги деньги, можно судить по следующим данным. За право учения тогда вносили плату по пять рублей серебром в год. При гимназии в то время был ученический пансион на 150 с лишним человеке. Плата в этом пансионе была по четырем разрядам: по первому 70 рублей в год, по четвертому– 36 рублей. Если в течение года могли содержать ученика за 70 рублей, то весьма понятно, что 400 рублей для одинокого человека, каким был Костомаров, было весьма достаточно.

---

[1] Архив Ровенского реальнаго училища. 1884 г. Дело № 18.

[2] Ibidem. Лит. А.

Вообще в Ровенской гимназий установился взгляд на Костомарова, как на человека состоятельного: в то время, как другие преподаватели пользовались или казённою квартирою, или квартирными деньгами, Костомаров ни того, ни другого не получал, а жил на собственные средства, снимая квартиру где-то, как говорят, на Барматской улице.

Еще лет десять тому назад здесь жил один старик-еврей, который помнил и мог указать дом, где квартировал Костомаров, но он умер, и нам так и не удалось установить того места, где зрела творческая мысль нашего учёного и воплощалась в чудные картины героической борьбы русского народа за религиозную свободу и национальную самобытность.

Прогонных и подъемных денег, а также и какого бы то ни было пособия для переезда в новое место служения Костомаров также по получал, в виду, вероятно, его состоятельности. Но, несмотря на то, что он имел и значительное количество земли, и жалованье по тому времени получал приличное, он все же, по свойственной всем крупным ученых непрактичности в обыденной жизни, бывал и в затруднительном с материальной стороны положении.

Как-то раз, когда он находился именно в таком затруднительном положении, пришло циркулярное предложение от попечителя учебного округа от 30-го января 1846 г. за № 535[1] сделать сбор пожертвований на сооружение памятника Ивану Андреевичу Крылову, каковой с высочайшего соизволения производился повсеместно в империи. И вот мы видим, что на подписном листе, где сослуживцы Костомарова жертвуют из своего скромного бюджета по рублю и даже более на это важное для всякого русского дела, он подписывает только четвертак. Очевидно, не важны были его ресурсы в данную минуту и ему самому приходилось довольно туго.

К сожалению, у нас больше не сохранилось сведений о частной жизни Костомарова, а потому переходим к его учительской деятельности.

Как вы видели выше в формулярном списке Костомарова, он был назначен в Ровенскую гимназию 13-го октябри 1844 г., а перемещен в Киевскую первую гимназию 4-го августа 1845 г., следовательно, числился преподавателем этого учебного заведения всего девять месяцев и двадцать два дня, фактически же он присутствовал в гор. Ровне гораздо менее. Сохранился журнал заседаний педагогического совета, под протоколами какового стоят подписи только тех членов совета, которые присутствовали лично в этих заседаниях. Первую подпись Костомарова в этом журнале находим под протоколом заседания первого ноября, последнюю под протоколом заседания 1-го мая. Следовательно, это и был тот промежуток времени, когда Костомаров находился неотлучно в городе, за исключением рождественских каникул, когда состоялось одно заседание совета без его участия.

На основании приведенных данных можно утвердительно сказать, что Костомаров приехал в гор. Ровно между 13-м октября и 1-го ноября, преподавать здесь до Рождества, на Рождество уезжал куда-то, затем возвратился и преподавал до 1-го мая, после чего, хотя и жил в городе и являлся на службу, так как в это время заканчивался учебный год и производились экзамены, но часто отлучался в окрестности.

Весеннее время и было самым удобным для путешествий по селам и весям Полесья, которое начинается в Ровенском уезде. К этому времени здесь дороги подсыхают и становятся более или менее удобными для сообщения, раннею же весною и осенью небольшие речонки и болота, переполняясь водою, почти вовсе разобщают населенные пункты, особенно в отдаленных уголках Волыни. Этим удобным временем и пользовался Костомаров для собирания своего научного материала, особенно же народных песен и различных преданий.

При прохождении курса истории в Ровенской гимназии Костомаров практиковал учебники по всеобщей истории Смарагдова, по русской истории Устрялова во втором издании в пяти томах. В то время эти учебники стояли на должной высоте научных требований, предъявлявшихся учащимися, и директор гимназии Аврамов, при котором служил Костомаров, зорко следил за этим. Так, когда директор училищ Волынской губернии предложил[2] Аврамову выслать для Ровенской гимназии учебники истории Кайданова, к тому времени устаревшие, тот довольно категорически пишет свою резолюции на присланной ему бумаге: «Книги, вышедшие из употребления, для гимназии Ровенской не нужны. Аврамов».

Во время Костомарова существовал довольно интересный способ проверки научных данным, изложенных в рекомендуемых начальством учебниках. Так, министерство, рекомендуя для прохождения курса отечественной географии учебник Павловского: «Руководство к географии Российской империи. Дерпт. 1844 г.», вменяет в обязанность преподавателям, в случае нахождения в руководстве ошибок по той губернии, в учебных заведениях которой оно будет практиковаться, уведомить департамент Министерства народного просвещения для сообщения автору с целью

[1] Ibidem. Дело № 8.

[2] От 16 августа, 1845 г. за № 1359.

исправление. Поэтому вполне вероятно будет предположить, что и те учебники, по которым преподавал Костомаров, не свободны были от научных ошибок, которые ему приходилось исправлять самому при прохождении курса.

Теперь интересно было бы знать, каких взглядов на преподавание своего предмета и каких методов преподавания истории держался Костомаров? С целью разрешить этот вопрос мы обратились к «Отчету о состоянии и действиях дирекции Ровенской гимназии за 1844 год», в котором имеется статья под заглавием: «Предметы и способы преподавания». Вот что мы видим в этой статье: «Все учебные предметы, положенные по уставу 1828 г., преподаются по книгам, одобренным высшим начальством. Сверх предметов, положенных по уставу, никакие другие учебные предметы не преподаются. Методы взаимного обучения не существует. Согласно утвержденным в 1838 г. попечителем Киевского учебного округа правилам, подаются учениками письменные упражнения по проходимым в гимназии предметам». Вот и все. Очевидно, автор этой статьи имел весьма смутное представление о методах преподавания вообще.

Ответ на поставленный выше вопрос, хотя и частичный, мы находим в протоколе одного из заседаний педагогического совета, на котором присутствовал Костомаров и на постановлении которого, несомненно, отразился «взгляд знаменитого историка на постановку преподавания истории в средних учебных заведениях»[1].

В виду особого интереса, который представляет для нас этот протоколе, позволим себе привести его полностью.

«В заседании педагогического совета Ровенской гимназии[2] 15-го февраля 1845 г. прочитано было циркулярное предложение исправляющего должность помощника попечителя Киевского учебного округа от 31-го января за № 669 о распоряжении Министра народного просвещения преподавание статистики, как отдельной науки, уничтожить, присоединив ее к географий, в котором предлагает на обсуждение педагогического совета следующее: 1) на какие предметы следует употребить часы, которые останутся свободными за прекращением преподавания статистики, и 2) на каких основаниях и в какой мере соединить статистику с географией».

«Педагогический совет мнением своим полагает:

«1. Два урока в VI и VII классах, остающиеся свободными за прекращением статистики, заменить русскою историей, как наукою, заслуживающею особенного внимания в особенности в кругу образования юношества Западного края империи. При этом, однако, не должно принимать во внимание единственно обогащение памяти учеников школьным знанием, но учредить практические классы русской истории, где бы учитель не задавал ученикам уроков и не выслушивал их, а занимался:

а) чтением различных сочинений по русской истории, причем ознакамливал бы учеников с историческими взглядами, критикою и способами изложения и с разными преимущественно важными эпохами прошедшей жизни нашего отечества в подробностях;

в) разбором сочинений, которые ученики обязаны, будут подавать к такому практическому классу. Все это будет иметь неоцененную пользу не только для знаний исторических, но для языка и, что всего важнее в воспитании, для развития мыслительных способностей юношества».

«2. Что касается решения вопроса, на каких основаниях и в какой мере может быть соединена статистика с географией, совет гимназии находит полезным изложение статистических сведений отнести к двум наукам: к географии и истории, на следующем основании. Статистика, как наука, имеет целью изобразить настоящее развитие и состояние сил народной жизни, служащих условиями действительного бытия государство в смысле устроенного общества.

Существенным элементом всякого государства есть образованность (civilisation). Она двоякая: физическая и нравственная. В круг первой входит все, что служит к обеспечению животной жизни общественного человека; в круг второй – все, что показывает устройство его нравственных сил. Поэтому статистика делится на две части: одна занимается физическою производительностью, или промышленностью, другая – нравственною администрацией и просвещением. Соединенные и подведенные под одно начало, эти части образуют науку статистику. Ежели отсечь от нее всякие рассуждения, умствования, начала, тогда останутся факты, из которых первого рода войдут в область географии, потому что изображают только то, что есть на земле, населенной людьми, в физическом смысле бытия, а относящиеся ко второй части статистики будут принадлежать истории, как науке о развитии нравственных сил человечества.

Основываясь на таком понятии, физическая часть статистики, сельская промышленность (земледелие, скотоводство, шелководство, пчеловодство, садоводство, виноделие, звериные и рыбные, горные и соляные промыслы), мануфактурная (внутренняя и внешняя торговля) должна

[1] Анципо-Чикунский А. Историческая записка о Ровенском реальном училище. – К., 1894. – С. 33.

[2] Журналы заседаний педагогического совета Ровенской гимназии с 1 января 1844 г по 1 июня 1845 г.

быть отнесена к географии. Преподаватель излагает ее, в таком объеме, в каком излагает и прочие географические сведения. Но как при том объем географии необходимо должен увеличиться, то во втором классе гимназии, где преподается Европа, следует прибавить один урок, отняв его у латинского языка, так как все по этому предмету означенное в программе легко может быть пройдено за уничтожением одного урока. Но для того, чтобы статистические сведения были доступнее для учеников, полезнее было бы перенести преподавание Европы из второго класса в третий, во втором же изложить самый краткий обзор этой части света и подробно остальные его части.

«Нравственная часть статистики (правление, администрация, коренные законы, гербы, ордена, военная и морская силы, просвещение, церковь) должна быть отнесена к современной истории. Преподаватель истории обязан упоминать обо всем этом в VII классе при изложении истории европейских держав от падения Наполеона. Такое преподавание будет тем выгодно, что ученики могут видеть постепенное устройство нынешней Европы, ознакомясь наперед с новой историей, между тем как до сих пор статистика европейских государств преподавалась в VI классе, где всеобщая история едва доходит до начала XVIII века; от этого ученик должен беспрестанно встречать недоразумения в статистических сведениях.

Что касается нравственной части русской статистики, то для усиления и распространения знании об отечестве она, кроме изложения в VII классе, может быть изложена и в VI, при чтении географии Российской империи».

Внизу протокола среди подписей других членов педагогического совета, присутствовавших при обсуждении изложенного выше вопроса и вынесших после зрелого обсуждения указанное решение, стоит подпись Костомарова. Что указывает не только на то, что он присутствовал в заседании педагогического совета, но и был вполне согласен с вынесенным решением, иначе перед подписью стояла бы приписка «с особым мнением», чего мы, однако, здесь не находим.

И Костомаров не только в теории, но и на практике держался приведенных выше взглядов. При делах сохранилось несколько сочинений учеников на исторические темы, приготовленных для практических занятий по истории. Во время прохождения курса истории Костомаров не только давал ученикам известный контингент научного материала, требуемый программами, но и умел заинтересовать учеников своим предметом и заставить их специально работать над отдельными вопросами.

Так, на торжественном акте Ровенской гимназии в этом году одним из учеников была прочитана речь на немецком языке на тему; «Ueber den Zustand Bildungsanstalten in Russland vnn Peter den Grosami bis aut unsere Zeit», для которой, несомненно, нужно было много поработать над весьма обширным и сложным материалом.

Но особенное внимание обращал Костомаров на преподавание русской истории, которая, по его мнению, разделяемому также, педагогическим советом, должна была иметь особенное значение «в кругу образования юношества Западного края империи». И действительно, мы знаем, что незадолго до Костомарова в Западном крае разразилось польское повстание, бывшее отражением июльской революции во Франции, которое показало, что здесь еще не окрепли русские государственные идеи и что для закрепления этих областей за Россией необходимо бороться не только насилием против насилия, но путём убеждения и воспитания юношества на началах русской государственности, почему и необходимо было обращать особенное внимание на русскую историю.

И начальство, как ближайшее, так и высшее, ценило труд Костомарова и воздавало ему должную оценку. В 1844 г. инспектор казенных училищ ревизовал Ровенскую гимназию. На основании его отчета было составлено окружное предложение попечителя Киевского учебного округа князя Давыдова директорам училищ и гимназий. Здесь мы находим такой отзыв о Костомарове: «Нынешний учитель, магистр Костомаров, с особенною любовью преданный науке и уже доказавший отличные свои дарования некоторыми весьма дельными историческими сочинениями, имеет, без сомнения, все качества, потребные для вполне хорошего преподавателя»[1].

Должной постановке преподавания истории Костомарову много мешали не зависящие от него обстоятельства. До его назначения в Ровенскую гимназию часто менялись преподаватели истории, что, конечно, в значительной степени вредило успеху дела. Кроме того, случалось также, что за невозможностью скоро найти заместителя на вакантное место преподавателя истории прохождение этого предмета на некоторое время прекращалось. Поэтому Костомарову приходилось не только усваивать с учениками материал, положенный программою в данном классе, но и восполнять предшествовавшие пробелы, т.е. работать и за себя, и за своих предшественников.

Прекрасно понимая, что ученикам вследствие приведенных выше обстоятельств приходится работать также значительно больше того, что позволяли время и силы, Костомаров очень снисхо-

[1] Анципо-Чикунский А. Историческая записка о Ровенском реальном училище. – К., 1894. – С. 26–27.

дительно оценивал их знания при ответах, почему познания его учеников в его собственной оценке не всегда соответствовали действительности.

В сохранившемся до нашего времени экзаменном списке учеников VII класса, подвергавшихся испытанию по истории всеобщей и русской 19-го мая 1845 г., мы находим отметки по истории всеобщей и русской, а также и по статистике. Выставлены ли в этом списке отметки по всеобщей истории и статистике на экзамене, или же внесены в список для сведения преподавателя-экзаменатора и ассистентов,– решить трудно, так как никаких указаний на это не имеется.

В одной же из граф по русской истории стоит надпись «отметки по экзамену». Поэтому едва ли будет ошибкой рассмотреть отметки годовые и экзаменныя только по этому предмету. По этим отметкам видно, что Костомаров ставил отметки ученикам весьма щедро, почему отметки по экзамену значительно ниже годовых[1], в оценке преподавателя. Средняя годовая отметка преподавателя на класс 4,22 при успешности в 100%, средняя экзаменная на класс – 3,07 при успешности в 74%. Только в одном случае из 27 отметка преподавателя (5) совпадает с экзаменной, в двух случаях отметка экзаменная (5) выше, чем преподавателя, (4,75; 4,62), в остальных же случаях отметка экзаменная ниже, чем у преподавателя. При этом наблюдается иногда очень большая амплитуда: так, у ученика Адольфа Петровского годовая в оценке Костомарова 3.50, экзаменная 1 (един.); у Михаила Гутовского годовая 4, экзаменная тоже 1 (един.).

Такое резкое колебание, кроме снисходительности, основанной на указанных выше мотивах, может быть объяснено еще и тем, что за свое сравнительно недолгое пребывание в Ровенской гимназии Костомаров не мог, как следует узнать учеников, как со стороны их знаний, так и со стороны способностей и трудолюбия, и не имел еще настолько педагогического опыта, чтобы определить это за небольшой промежуток времени.

Кроме своих прямых обязанностей, как преподавателя Ровенской гимназии, Костомарову приходилось нести обязанности и побочные. Так, по распоряжению директора гимназии[2] он был назначен в числе других преподавателей присутствовать на экзамене по Закону Божию и истории в Ровенском девичьем пансионе 5-го июня 1845 г., несмотря на, то, что в это время он пользовался отпуском, разрешенным ему начальством. Затем для торжественного акта, который ежегодно устраивался в Ровенской гимназии, Костомаровым была специально написана речь на тему «О том, что было причиною беспорядков и расстройства Руси на удельный период нашей истории». Эта речь Костомарова была заслушана в заседании педагогического совета 1-го мая 1846 г.,[3] причем советь постановил: «представить (речь Костомарова) г. попечителю Киевского учебного округа в двух экземплярах», что и было приведено в исполнение. По рассмотрении речи Костомарова в округе, один экземпляр ее возвратили при следующей бумаге:

«Министерство народного просвещения.
Попечителя Киевского учебного округа.
Канцелярия. Стол первый.
Киев. 2-го июня 1845 года. № 2875.

«Господину директору Ровенской гимназии.

«Возвращая при сем речь, написанную старшим учителем Ровенской гимназии Костомаровым, я разрешаю произнести ее в исправленном виде на торжественном акте в Ровенской гимназии.

«Попечитель округа» (подпись).

Другой экземпляра, этой речи был оставлен при округе и по сей час почивает где-нибудь в архиве при делах. Тот же экземпляр, который был прислан обратно в Ровно, как видно из бумаг, была, возвращена Костомарову для прочтения и назад в гимназию не получен.

К сожалению, не имея под руками этой речи, трудно сказать, в чем именно погрешил наш историк, что не было одобрено начальством и из речи было удалено. Это могло бы пролить свет на те исторические взгляды, которых держался Костомаров, будучи учителем и, быть может, то, что считалось предосудительным и недозволенным около семидесяти лет тому назад, оказалось бы возможным для опубликования теперь и могло бы пролить новый свет, как на личность самого ученого, так и на освещение событий, ставших давно уже достоянием истории.

---

[1] Архив Ровенского реального училища. Экзаменный список учеников VII класса, по истории всеобщ. и русск. 1845 г. 19 май. 2) В списке эти отметки именуются «средним выводом из месячных», т.е. нашей годовой.

[2] Архив Ровенскаго реальнаго училища 1846 г. Дело № 18.

[3] Журнал заседаний педагогического совета Ровенской гимназии от 1-го января 1811 года по 1-е июня 1845 г.

Заглавие речи Костомарова, предназначенной для прочтения на торжественном акте, точно установить на основании архивных данных не представляется возможным: в одном месте она озаглавлена «О том, что было причиною беспорядков», в другом «Причины…», в третьем «О причинах». Это обстоятельство, тем не менее, не изменяет смысла заглавия, которое указывает на содержание речи, и для нас интересно в том отношении, что показывает, как Костомаров относился к своей работе. Заботясь о содержании ее, он мало обратил внимания на ее литературную вывеску и не постарался даже придать определенную, раз навсегда установленную форму. И эта черта для Костомарова характерна.

Торжественный акт в Ровенской гимназии, на котором должен был выступить Костомаров, состоялся 20-го июня 1846 г. как раз в то время, когда он, как видно из формуляра, числился в отпуску. Но в документах нет указания на то, что речь его не была произнесена или по его поручению читалась кем- либо другим. Поэтому нужно предположить, что для прочтения ее он явился в гимназию и во время отпуска никуда далеко от Ровно не уезжал.

Кроме речи, составленной Костомаровым со специальной целью для торжественного акта Ровенской гимназии, Костомаров во время пребывания в Ровно занимался и чисто учеными трудами.

Для составления отчета за 1844 гражданский год директор Ровенской гимназии делал опрос учителям и служащим этого учебного заведения по поводу их ученых работ. Вот эта бумага[1]:

Министерство народного просвещения.
Киевский учебный округ.
От директора Ровенской гимназии. Ровно.
23-го ноября 1844 года. № 667.

«Господам чиновникам и преподавателям Ровенской гимназии.

«Для составления отчета о действиях и состоянии гимназии за истекающий 1844 г. необходимо нужно дирекции следующее сведение: кто из чиновников и преподавателей гимназии занимался в 1844 г. сверх должности какими-либо учеными трудами, где оные помещены, что он издал; а потому предлагаю каждому чиновнику и преподавателю гимназии на сем листе собственноручно написать о себе ответ на вышеизложенные вопросы и потом лист сей возвратить в мою же канцелярию.

Тем же гг. чиновникам и преподавателям гимназии, которые на сем листе покажут себя занимающимися учебными трудами сверх имеющихся на сем листе, о каждом ответе предлагаю представить мне письменный ответ и не позже, как к 1-му числу декабря сего 1844 года.

«Директор гимназии Аврамов».

На четвертой странице того же листа, среди ответов других преподавателей, которые указывают свои, печатные труды, относящиеся к преподаваемым им предметам преимущественно учебники и учебные пособия, мы находим собственноручную запись Костомарова:

«Занимался:

1) сочинением истории войн украинских казаков с поляками в эпоху Хмельницкого;

2) собиранием и объяснением народных малорусских песен;

3) приготовил к изданию летописи, относящиеся к истории Малороссии;

4) издал и напечатал в сем году сочинение об историческом значении русской народной поэзии».

Учитель истории, магистр исторических наук Н. Костомаров.

Все приведенные выше труды Костомарова относятся, как мы видели, к 1844 г. Какими же трудами он занимался в 1846 г., какие сделал изыскания, какими трудами обогатил историческую науку, никаких данных в архиве Ровенской гимназии не сохранилось. Для разрешения этого вопроса следует обратиться к архивным данным Киевской первой гимназии, чего мы сделать не в состоянии, где в годовом отчете за 1846 г. должны быть указания на ученую деятельность Костомарова в этом году, как в Ровно, так и в Киеве. Одно только мы можем сказать, что его частые отлучки из гор. Ровно весною 1845 г. указывают на то, что он собирал на Волыни какой-то материал, необходимый для его исторических исследований, но какой именно – сказать мы не можем.

4-го августа Костомаров был переведен, как мы видели выше, в Киевскую первую гимназию.

[1] Архив Ровенскаго реального училища 1844 года.

* * *

Теперь, подводя итоги всему изложенному выше, мы видим, что Костомаров был назначен старшим учителем Ровенской гимназии 13-го октября 1844 г., приехал в Ровно в последних числах октября, давал здесь уроки до Рождества, на каникулах же уехал из города. После Нового года продолжал давать уроки до весны, когда, пользуясь отпуском, все же бывал на экзаменах и присутствовал на акте в гимназии, в августе же 1845 г. был переведен в Киев.

Из сохранившихся документов мы видим, что он получил здесь жалования 400 руб. в год и, будучи человеком состоятельным, никакими пособиями ни в виде денег, ни виде квартиры не пользовался. Тем не менее, ему все-таки иногда приходилось нуждаться.

Преподавание истории до него в Ровенской гимназии было запущено, почему ему много приходилось работать и самому и заставлять работать учеников. Несмотря на это, Костомаров, имея вполне правильный взгляд на должную постановку предмета (истории), сумел добросовестно выполнить возложенную на него задачу, чем заслужил хороший отзыв своего начальства; смог не только заставить учеников работать, но и заинтересовать их своим предметом. Единственным дефектом его педагогической деятельности является, по нашему мнению, слабая оценка ответов учеников, что повело к понижению баллов на окончательном испытании учеников VII класса.

Кроме специально педагогической деятельности по Ровенской гимназии, на Костомарова его прямым начальством возлагается еще побочный труд нести обязанности депутата в другом учебном заведении и составлять речь для акта гимназии.

Но, несмотря на массу работы, которая отнимала соответственное количество времени и энергии, Костомаров, отказывая себе в вполне заслуженном и необходимом отдыхе, немногие свободные от педагогической деятельности минуты отдает науке, насколько позволяют ему силы: он разыскивает сырой исторический материал, как устный, так и письменный, обрабатывает его и восстанавливает перед нами прошлую жизнь родного народа и его исторические судьбы.

РОУНБ

| Чин, имя, отчество, фамилия, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание | Состоящий в 9 классе Магистр Костомаров, старший учитель исторических наук, 28 лет, исповедания православного | | |

ДОКУМЕНТИ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
попечителя Киевского учебного округа
Министру народного просвещения
о переводе Луцкой гимназии из м. Клевани в г. Ровно

Киев.
24 декабря 1835 г.

В 1833 году по ветхости и тесноте помещения в г. Луцке гимназии, я имел честь представить Вашему Высокопревосходительству о необходимости перевода оной в другое место; вследствии чего, по ходатайству Вашему Государь Император в 1-й день мая 1834 года утвердил Положений Комитета Господ Министров Луцкую гимназию по тесноте помещения оной перевести временно в Клевань до открытия возможности устроить оною в одном из близ лежащих к Луцку уездных городов Волынской губернии.

О сей Высочайшей воле Ваше Высокопревосходительство в предложениях от 3 мая 1834 года, сообщили мне к надлежащему исполнению; в исполнение чего в июле месяце того же года и совершен был перевод Луцкой гимназии в Клевань.

Вскоре после того поступили ко мне прошения о перемещении оной гимназии в м. Олыку, в уездные города Луцк и Ровно и об оставлении оной в Клевани и, вместе с тем, получено от директора сей гимназии донесение о недостатках помещений для учителей гимназии и самих учеников; а потому, озабочиваясь устранением таковых неудобств, я передавал все поступившие ко мне прошения о переводе Луцкой гимназии из Клевани на рассмотрение Правления университета св. Владимира, которые от 14 сего декабря донесло мне, что по рассмотрении оных сказанных прошений и истребовании по оных дополнительных сведений и объяснений оказалось:

1) Администратор Олыкского имения князя Радзивилла, 12 класса Копровский, в отзыве своем к директору Луцкой гимназии, предлагал для помещения Луцкой гимназии переведенной временно в Клевань Олыкский замок, принимая на счет тамошней экономии по указанию Училищного начальства, наружную и внутреннюю починку оного замка; вследствие чего Правление предписало директору сказанной гимназии войти в сношение по сему предмету с администратором Копровским, по предварительному удостоверении в праве его, на заключение форменным порядком условий по делу сему; но со стороны Копровского, ни к директору, ни в Правление и поныне уполномочения не представлено.

2) Дворянский предводитель и жители г. Луцка просили о переводе в сей город из м. Клевани гимназии с тем, что жители и дворянство тамошнего уезда примут участие в устранении препятствий в рассуждении тесного помещения, какое до сего имело помянутое заведение,– по сему и поручено было директору Луцкой гимназии войти в сношение с тамошним дворянством и другими сословиями относительно устройства помещения для гимназии и чиновников ее; по коему оказалось, что условия и предложения жителей г. Луцка, не доставили бы никаких выгод к удобному помещению гимназии и сверх того по своей неопределенности не могли быть признаны обеспечивающими Училищное начальство в их исполнении.

3) Князь Фридрих Любомирский, вотчинник г. Ровно, просил о постоянном переводе в г. Ровно из м Клевани Луцкой гимназии, для чего он жертвует приличные здания с предоставлением требуемых выгод к удобнейшему помещению гимназии; Правление находя предложения князя Любомирского выгодным предложило директору сказанной гимназии: 1) осмотреть назначенные князем Любомирским в г. Ровно для помещения гимназии здания. 2) Составить приличный настоящему делу проэкт условий с князем Любомирским. 3) Изобразить местность зданий с Высочайше конфирмованным планом и фасадом домов для гимназии

ROVNO

и 4) изложить мнение о преимуществах или невыгодности предполагаемого в Ровно помещения гимназии, пред настоящим ее положением в Клевани.

Вследствие чего, директор Луцкой гимназии предоставил 1-е, проект записи князя Любомирского и при оном:

а) под № 1 план и фасад кирпичного дома в коем князь Любомирский предполагал поместить 8 класов гимназии,

в) под №2 план и фасад дома кирпичного в коем предполагалось устроить залу для торжественного собрания гимназии и вместе библиотеку и две учительский квартиры,

с) под № 4 план и фасад дома кирпичного для директорской квартиры и канцелярии,

д) под №5 план и фасад дома полукаменного (из прусского мура) со службами, которые предполагалось для двух учительских квартир и где имеется одна лишняя комната для квартиры письмоводителя,

і) под № 6 план и фасад дома кирпичного со службами в коем помещается ныне приходское училище, в коем предполагается квартира для инспектора и одного из учителей; для приходского же училища князь Любомирский обещал дать другое помещение,

з) под №7 план и фасад дома полукаменного (из прусского мура) для квартиры одного учителя и

g) под №3 план жертвуемого князем Любомирским сада и той местности вышеупомянутых зданий.

К сему, директор присовокупляет, что все вышеописанные здания находятся ныне не в таком исправном виде, чтобы гимназия и чиновники оной могли быть помещены в оных, но если князь Любомирский приведет оные через год, как и обещает, в надлежащий вид, то, как классы, так и квартиры чиновников и равно библиотека поместились бы в оных весьма удобно, предполагая число учеников даже до 500 человек. Вся местность вышеупомянутых помещений, окружена садами, удалена от еврейских улиц и по своему положению лучше прочих частей города; одно неудобство есть то, что зала для торжественных собраний, в коей имела бы поместиться и библиотека, ни в одном доме с классами, и что классы имеют внутренней вышины не более 5 аршин и 10 вершков, сверх всех вышеупомянутых зданий. Князь Любомирский обязывался еще выстроить на одном дворе с классами дом кирпичный для шести недостающих учительских квартир так, чтобы каждая квартира состояла из 3 комнат, кухни и сарая, и хотя в г. Ровно есть довольно домов для найма под квартиры учеников, но князь Любомирский вызвался отдать распоряжение, чтобы жители возле самой квартиры директора выстроили по крайне мере 10 домов приличных для квартир ученических.

2) Касательно соображения поместительности зданий жертвуемых князем Любомирским с Высочайше конфирмованным планом и фасадом дома для гимназии, директор доносит, что при сравнении пространства классов и торжественной залы оказывается, что классы и зала, в здании жертвуемом князем Любомирским, будут обширнее сказанного Высочайшего проекта; что же касается до фасада домов, то здание, назначаемое для классов, по низости своей несоразмерной с длинною и шириною, имеет фасад несоответствующий Имуществу архитектуры. Квартиры же для чиновников гимназии, в домах жертвуемых князем Любомирским, числом своим превосходят квартиры в доме прожектированом для гимназии и

3) Приступить к окончательному соображению и изложению мнения, о том, где более преимуществ и выгоды для помещения гимназии: в предполагаемых ли зданиях в Ровно или Клевани, не прежде того, как узнавши от уполномоченного по имению владельца Клевани о его расположенности отдать в Клевани помещений для гимназии несколько обширнее, против настоящего. Оный уполномоченный Гоголевский отношением своим от 26 мая сего года изъяснил, что он от имени владельца Клевани князя Чарторыжского предполагает построить еще здание деревянное из сосновых брусьев на основании кирпичном с внутри и с наружи оштукатуренные покрытые черепицею собственно для помещения залы для собраний и 4-х других зал для классов гимназии; для квартир же учительских, сверх имеющихся, князь назначает в м. Клевани три дома (деревянные); все сие соглашается делать на следующих условиях:

1) чтобы высшее Начальство утвердило постоянное пребывание гимназии в Клевани;
2) чтобы право владельца Клевани касательно местных его доходов, как Jus pro pinandi (право продавать жизненные припасы исключительно Экономии с обязательством для жителей не иметь права покупать оные в другом месте), не было подрываемо ни в чем;
3) чтобы вышеописанные строения, б уде Правительству удобно будет перевести гимназию в другое место, равно как и прежние строения поступили обратно в собственность владельца;
4) чтобы поддержание вышеописанного училищного строения, равно трех домов для квартир учительских назначаемых, во всем их пространстве касательно починок, какие будут открываться, училищное начальство производило на свой счет и
5) чтобы через ходатайство Училищного начальства, могло последовать освобождение м. Клевани от воинского постоя, вследствии чего, в домах занимаемых ныне военным постоем откроются квартиры для найма учеников, а равно и дома для квартир учителей, нынешнею записью уступаемые, не могут быть прежде отданы, пока жители находящиеся ныне в оных не перейдут в Экономические дома занятые ныне воинским постоем.

Из сравнения плана училищного клеванского здания с планами зданий жертвуемых в Ровно князем Любомирским со всей достоверностью оказывается:

1) что классы в предполагаемом ровенском обширнее классов клеванских и могут поместить 500 учеников, тогда как в Клевани даже в случае постройки вновь предполагаемого деревянного дома может поместится в классах только до 400 учеников, а при нынешнем состоянии клеванских зданий, может прилично поместиться не более 300 человек;
2) что в Клевани всех квартир для чиновников и учителей гимназии с наличными ныне будет устроено 14, из того числа 10 квартир в самом училищном здании, 3 квартиры в местечке и 1 – в доме приходского училища; а в Ровно князь Любомирский предлагает готовых квартир как вышесказано 9, да еще для 6 квартир обещает построить новый дом через год по переводе гимназии, что ровенское помещение будучи не в одном месте, менее с этой стороны представляет выгод для учителей, нежели помещение клеванское, где большая часть квартир при самих классах;
4) Князь Чарторыжский записью своею 16 апреля 1820 года предоставил училищным чиновникам следующие выгоды: доставку ежедневно бочки воды в каждую учительскую квартиру и огороды для учителей; право учителям покупать все продукты для себя, где они захотят и молоть муку так же, где хотят, если бы им показались клеванские цены дороги и наружную починку на счет Экономии всех училищных зданий, из каковых выгод уполномоченный князя Чарторыжского – Гоголевский ныне не определенным и по своей неопределенности весьма обширным требованием чтобы Jus pro pinandi (право владельца касательно местных доходов, ни в чем не было подрываемо, как будто сам подрывает дарованное князем Чарторыжским право покупать все продукты и молоть где угодно) принятой же на себя князем Чарторыжским наружной починкой зданий не распространяется на вновь предлагаемое деревянное здание и на три уступаемые для учительских квартир дома;
5) оказывается еще и то, что князь Любомирский также все права аренды и откупа, как явствует из проэкта его записи, предоставляет за собою, при чем, обещает продавать дрова в гимназию и чиновникам оной по 50 копеек серебром от каждого саженя дешевле против справочных цен, а без его доставки дров, обещает продавать их навсегда по 10 злотых или по 1,5 рубля серебром за сажень. Починку зданий на будущее время князь Любомирский также на себя не принимает и
6) к сравнению таковых выгод и не выгод, директор почел необходимым для соображения присовокупить и то, что гимназия, состоя в Клевани, не имеет при себе ни казначейства для хранения сумм, ни почтовой конторы.

Для освидетельствования и вынятия сумм ежемесячно принужден бывает директор с членами Совета гимназии отправляться в Ровно в тамошнее уездное казначейство, для чего издерживается ежемесячно на прогоны 2 руб. серебром. И хотя для обыкновенной корреспонденции гимназии, клеванская Экономия два раз в неделю посылает

с гимназическими пакетами в Ровенскую почтовую контору нарочного, который из почты привозит также пакеты, следующие в гимназию, но таковое учреждение, за силою почтовых правил, не может быть распространенно на денежную корреспонденцию и на транспорт учебных книг и других посылок, следующих в гимназию и из оной; для отсылки коих на почту и принятия с почты необходимо нужно каждый раз или отлучатся в Ровно самому директору, или командировать чиновника, оторвав его от должности; причем, также необходимо истрачивается сумма на прогоны.

В заключение директор присовокупил, что сообразивши все сии обстоятельства и опасаясь в таком важном деле, каково избрание постоянного места для гимназии составить ошибочное мнение, он на основании § 194 устава 1828 года передавал сей предмет на рассуждение Совета вверенной ему гимназии, предложив при том на обсуждение оного пять вопросов:

1) Где поместительнее будут классы гимназии в Клевани ли ныне, или в Ровно в предначертанном помещении гимназии, предполагая учащихся до 500?

2) Где воздух здоровее в Клевани ли или в Ровно?

3) Где более предлагается квартир для учителей, а также для найма учеников в Клевани ли, или в Ровно?

4) Где дешевле будет обходится содержание учеников в Клевани ли или в Ровно, касательно жизненных припасов? и

5. Где приличнее помещается гимназия в Клевани ли, или в уездном г. Ровно?

Из представленной копии журнала Совета Луцкой гимназии видно, что оный по большинству голосов положил следующее:

касательно 1-го) вопроса, что по устройству и предполагаемой постройки деревянного здания классы не будут тесны и в Клевани,

по 2) местоположению Клевани, занимая возвышенное место, имеет преимущество перед г. Ровно;

3-му) хотя в Ровно предвидится 14, а в Клевани только 13 квартир, но клеванские квартиры выгоднее; для учеников же квартир на первый раз достаточно как в Клевании, так и в Ровно;

по 4-ому) по близости расстояния того и другого места, цены на жизненные припасы одинаковые; пятый пункт Совет представляет на благоусмотрение высшего Начальства.

В след за тем князь Любомирский желал упрочить постоянное перемещение Клеванской гимназии в Ровно уполномочил дворянина Рылька войти в Правление университета в дополнительные отношения, который и подал в оное прошение, в котором изъяснил, что веритель его сделавши уже предложение устроить значительные строения г. Ровно под помещение гимназии предположительной к переводу из м. Клеваня, и полагая что училищное Начальство по сему делу может еще потребовать со стороны его каких либо наружных дополнений, выдал ему Рыльки 3-го октября сего года на таковой предмет уполномочие, того же числа в Ровенском уездном суде заявленное, и представлял оное, просил объявить ему условия, какие веритель его князь Любомирский, сверх сделанных уже им, еще выполнить должен, для того чтобы доставить гимназии прочное и постоянное помещение в г. Ровно.

В следствии чего, Правление поручило ординарному профессору архитектуры Меховичу рассмотреть, представленные лично поверенным князя Любомирского дворянином Рылька, планы строения вновь предназначаемым для помещения гимназии, который по рассмотрении оных, сделав выкопировку из общего плана г. Ровно обозначил на оном границы училищной земли, и соображаясь с планом домов Высочайше для гимназий утверждённым, распорядил классы и залы в каменном двухэтажном доме, который князь Любомирский предполагает построить вновь, а квартиры для чиновников и учителей согласно штату 25 июня сего 1835 года, разместил в прочих строениях тоже для гимназии предназначенных, и составив таблицу показывающую полное размещение, как собственно гимназии, так и квартир, представил оную вместе с планами в Правление.

Правление университета, по соображении всего выше прописанного, и принимая во внимание:

1-е, что 3 мая 1834 года последовало Высочайшее повеление на временный перевод Луцкой гимназии, по тесноте помещения оной, в м. Клевань до открытия возможности устроить оную в одном из близ лежащих к Луцку уездных городов Волынской губернии;

2-е, что администратор Олыкского имения Копровский, предложивший для помещения оной гимназии Олыкский замок, к заключению по сему условий с Училищным начальством не явился, и уполномочия к тому не представил;

3-е, что предполагаемые луцкими учителями условия вовсе недостаточные к выгодному помещению в г. Луцк гимназии;

4-е, что хотя уполномоченным владельца м. Клевань князя Чарторыжского в случае постоянного оставления гимназии в Клевани, предполагается выстроить для оной сверх настоящего каменного строения, в коем гимназия помещается еще новый деревянный флигель, и устроить, кроме того, при Экономии дома для помещения чиновников, но поелику, находящиеся в каменном строении комнаты назначенные для классов, и при нынешнем числе учащихся оказываются тесными, а при увеличении их в следующих годах вовсе не будут поместительными, библиотека, кабинеты и другие принадлежности также не имеют достаточного помещения, притом же помещение собственно классов гимназии в двух отдельных строениях не совсем удобно, предполагаемые же уполномоченным князя Чарторыжского условия как то: освобождение м. Клевани от воинского постоя неудобоисполнимы, то и не предвидится удобности к оставлению гимназии в м. Клевани; и

5-е, что поверенный князя Любомирского в случае перевода в Ровно Луцкой гимназии предлагает построить собственно для гимназии новый каменный двухэтажный дом, снабдить его потребною мебелью, доставить для всех чиновников выгодные квартиры и все сие обеспечивать штрафом 20 рублей ассигнациями в пользу гимназии, если к предположенному сроку не выполнит предложенных им условий, находит предполагаемые поверенным князя Любомирского дворянином Рыльки условия для училищного Начальства выгодными, устройство же гимназии в уездном городе более соответствующим цели, нежели учреждение оной в местечке, и, желая дать Луцкой гимназии единожды навсегда прочные устройства при перемещении оной из м. Клевани в г. Ровно заключило с поверенным князем Любомирского дворянином Рыльки по сему делу условия и, утвердив таковое, и означенные в оном плане и прочие приложения надлежащим подписом, представляет о том мне для дальнейшего распоряжения.

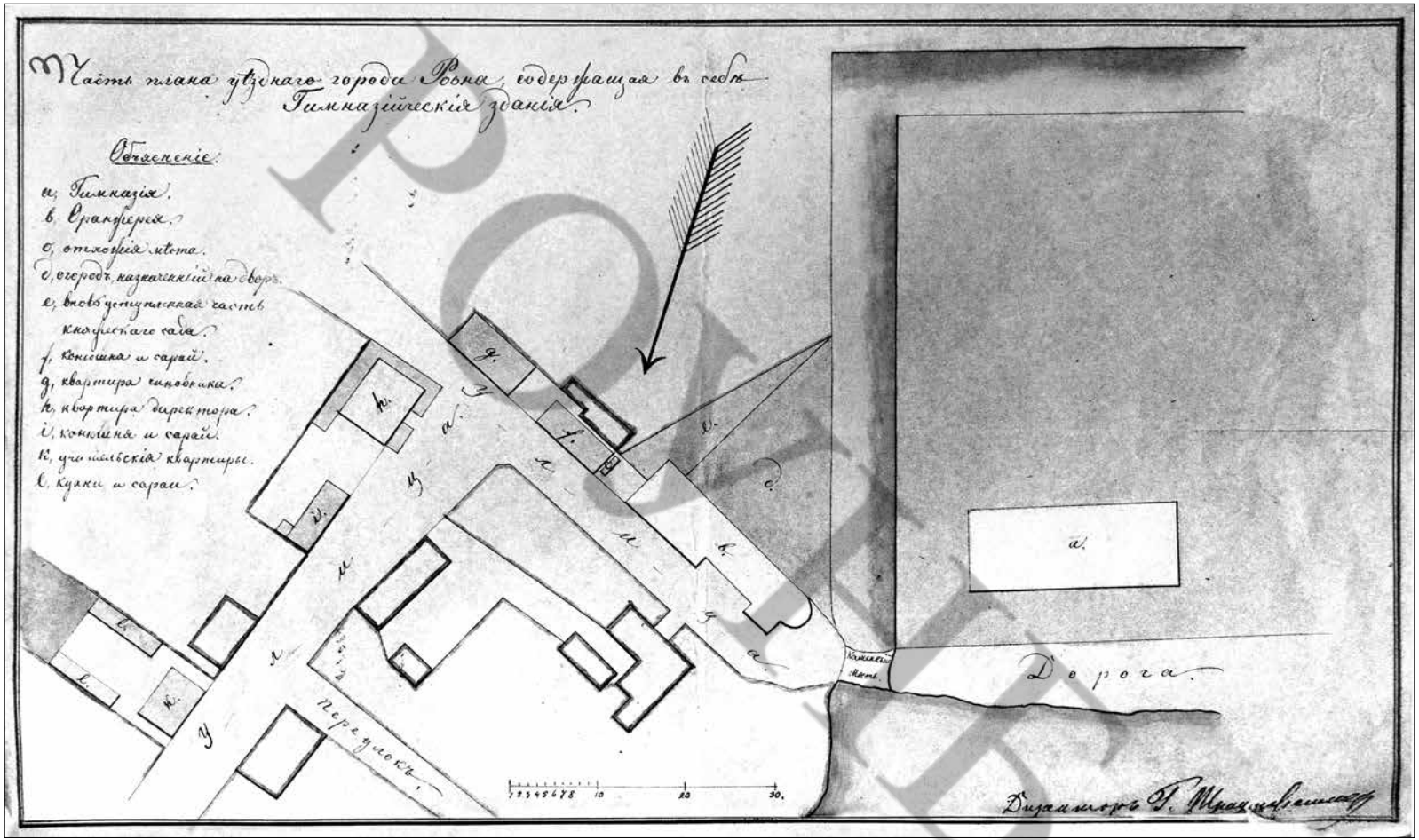
Представляя из сего на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства заключенный Правлением университета Св. Владимира с поверенным князя Любомирского проект договора относительно перевода Луцкой гимназии из м. Клевани в г. Ровно, равно как поименованные в оном плане и другие предложения числом девять, я имею честь присовокупить, что я перемещение нынешней Клеванской гимназии в г. Ровно нахожу по всем отношениям весьма удобным и предложение князя Любомирского вполне выгодными и доказывающими его желание доставить тому краю надлежащие способы к образованию своих детей, что же касается до замечания большинства членов Педагогического Совета Клеванской гимназии как будто воздух в Клевани здоровее нежели в г. Ровно, то я сие нахожу совершенно не основательным, как по личной мне известности тех мест, так и по собранным достоверным сведениям.

По всем сим обстоятельствам, принимая в уважение и выгодность помещения гимназии в уездном городе, я имею честь испрашивать ходатайства Вашего Высокопревосходительства, дабы постоянное перемещение Клеванской гимназии в г. Ровно, по отстройке для оной князем Любомирским нужных помещений удостоилось Высочайшего утверждения.

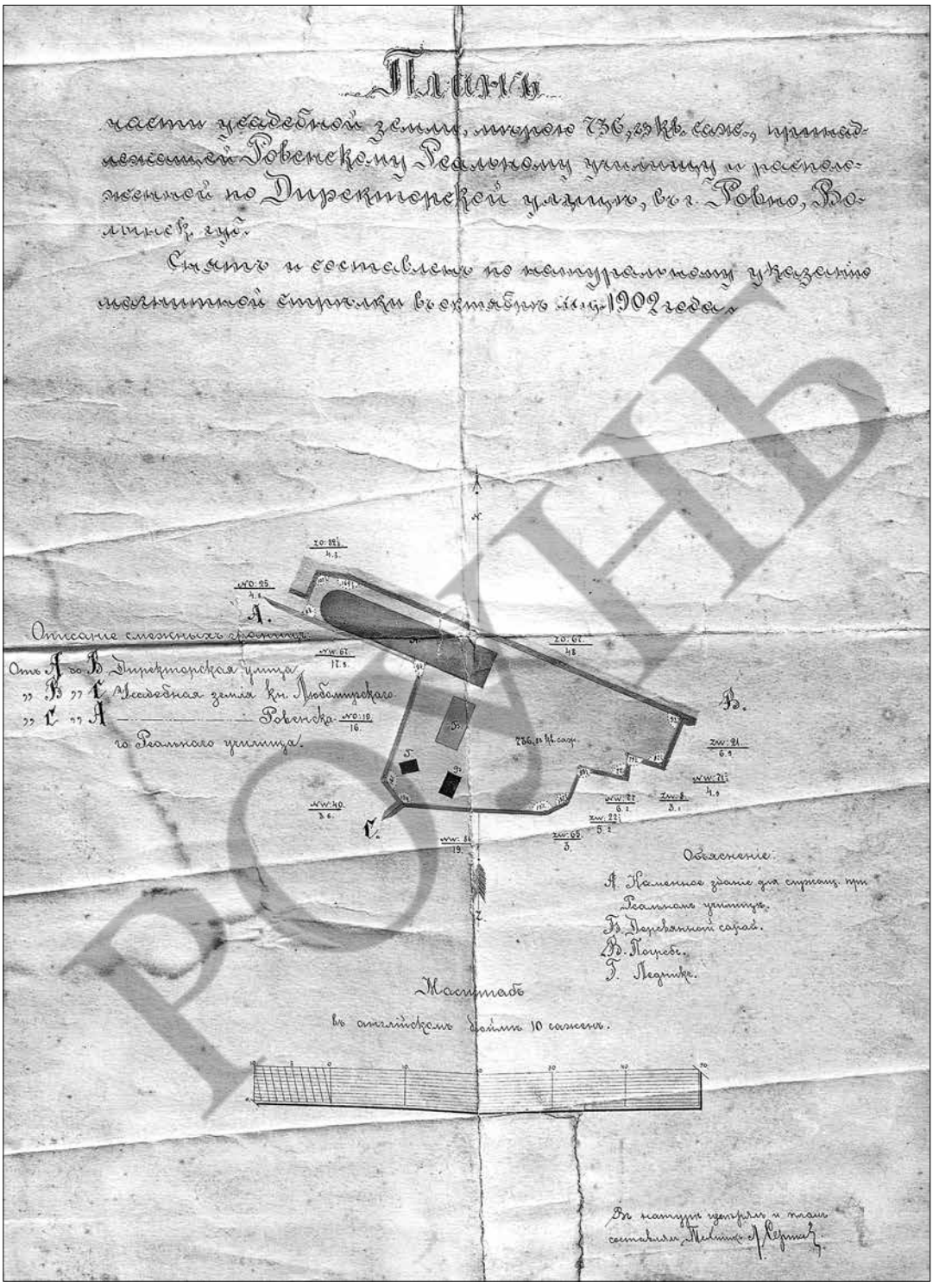
При сем, имею честь изложить, что было бы весьма желательно, чтобы князь Любомирский нынешнею весной мог приступить к постройке гимназических зданий, ибо помещение в Клевани уже и ныне тесно для настоящего числа учеников.

Подпись

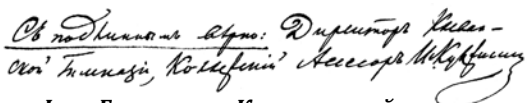
РДІА. – Ф.733. – Оп. 69. – Од. зб. 291. – Арк. 1–12..



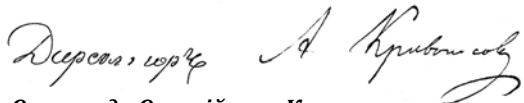
План частини повітового міста Рівного, що містить в собі гімназійні будівлі. ДАРО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Од. зб. 100. – Арк. 3.



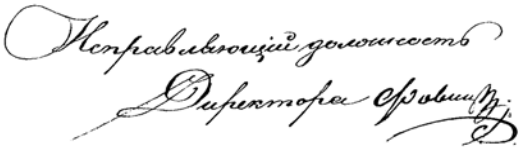
План садибної ділянки Рівненського реального училища. 1902 р. ДАРО. – Ф. 215. – Оп. 1. – Од. зб. 3. – Арк. 1.



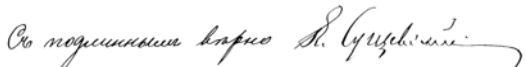
Іван Григорович Кулжинський
(1832-1839)



Олександр Олексійович Кривоносов
(1867-1870)



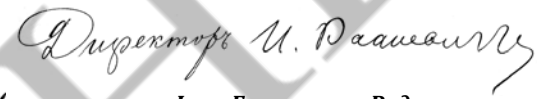
Гаврило Михайлович Фавицький
(1839-1841)



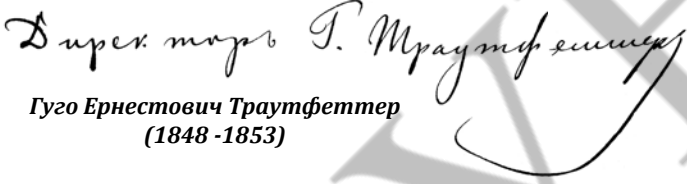
Яків Степанович Сущевський
(1870 -1879)

Іван Федорович Дзюблевський-Дзюбенко
(1879 -1885)

Петро Йосипович Аврамов
(1841-1848)



Ілля Гаврилович Радкевич
(1890-1903)

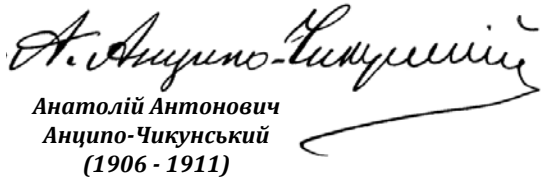


Гуго Ернестович Траутфеттер
(1848 -1853)

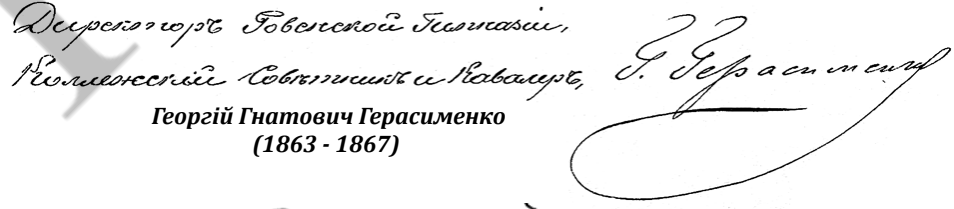
Олександр Дмитрович Туманов
(1855-1860)

Андрій Микитович Дьяченко
(1903-1906)

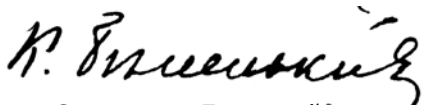
Автоном Григорович Теодорович
(1861 - 1863)



Анатолій Антонович Анципо-Чикунський
(1906 - 1911)



Георгій Гнатович Герасименко
(1863 - 1867)



Костянтин Степанович Бєлєнький
(1911-1920)

Автографи директорів Рівненської гімназії (реального училища)

РОУНБ

Заворушення в Рівненському реальному училищі 1905 р.

№ 23

1905 года 18 октября в заседании Педагогического Совета Ровенского реального училища под председательством Директора А. Н. Дьяченка, присутствовали: исп. об. инспектора Я. Э. Винклер, законоучитель, священник И. А. Ярмолович и учители: Г. И. Макаров, К. К. Кузнецов, И. И. Мустров, А. А. Красин, В. И. Экк, Д. Р. Егоров и И. С. Барбас.

В этом заседании обсуждали происшедшее утром того же дня волнение среди учеников. Все преподаватели, бывшие на первом уроке, показали, что ученики на уроке сидели как обыкновенно и между ними не было заметно никакого волнения.

Помощник классных наставников П. С. Рудницкий показал, что вначале первой перемены он стоял у первого класса. К нему подошел ученик VI кл. Степанов, который сообщил, что у них в классе найдена прокламация, призывающая учеников к волнениям. В это же время к нему подошел ученик VI кл. Барер. Г. Рудницкий сказал Степанову, что прокламацию надо, отдать инспектору. В это мгновение он услыхал шум у двери физического кабинета и поспешил на этот шум, но тут раздалось два выстрела, которые заставили его на мгновение остановиться. Вслед затем, та толпа, что была у физического кабинета, бросилась вверх по лестнице - с криком: «На верх!»

В этой толпе Г. Рудницкий заметил двух Багинских и Яворского. У физического, кабинета он увидел г. инспектора подымавшегося с пола.

Помощник классных наставников Е. А. Стеткевич показал, что по окончании первого урока на верхнем коридоре было все спокойно, как вдруг, с нижнего коридора по лестнице вбежала толпа учеников, которая бросилась к двери актового зала, что у VI класса. Впереди толпы были оба Багинские. Они же начали рвать за ручку дверь. Когда же г. Стеткевич хотел их удалить откуда, то они пригрозили ему смертью, если он их не оставит. Так как этой двери ученикам открыть не удалось, то они бросились к другой двери (с парадной лестницы), которую ученик VI кл. Крохмальник старался разбить чем то металическим, вроде небольшого лома. Эту дверь ученикам удалось открыть и они вбежали в залу. У IV кл. г. Стеткевич заметил уч. Сулковского и Таборовского, которые требовали учеников IV кл. в актовый зал. Ученик VII кл. Каган, очевидно не знал о волнениях, так как, задавал ученикам вопросы: «Что такое? Что случилось?»

Преподаватель французского языка И. С. Барбас показал, что когда ему стало известно о волнениях среди учеников, то он зашел в IV класс. Бывшие там ученики стали проситься домой. В это время ученики Пулковский, Вайс и Борковский, появлялись один за другим требуя учеников на сходку в актовый зал.

Преподаватель немецкого языка В. И. Экк видел, что ученик Багинский V кл., выходя, после сходки, из зала бросил на пол склянку с вонючей жидкостью. Преподаватель русского языка К. К. Кузнецов показал, что на первой переменке он читал газеты в учительской на верхнем этаже.

Когда же стало известно, что среди учеников волнения, он отправился в III кл., где он классным наставником. Туда в это время забегали ученики Трушковский и Сток звать учеников в актовый зал.

Преподаватель истории А. А. Красин слушал на переменке чтение, газеты, а когда вышел на коридор, то ученики были уже в актовом зале. Ученик IV класса Чигловский с плачем просил его отпустить домой, боясь, что его убьют.

Преподаватель И. И. Мустров показал, что вначале перемены он слушал чтение газеты К. К. Кузнецовым. В это время Г. И. Макаров обратим на входящего в учительскую инспектора, у которого голова была в нескольких местах красного. Но инспектор тот час же вышел из учительской. Вслед за этим на коридоре стало совершенно тихо. Эта необычайная тишина, заставила г. Мустрова выйти на коридор, где он узнал от учеников, что инспектора, кажется, ударили. Тот час же г. Мустров отправился во второй класс (где он классным наставником) и застал там страшное смущение: ученики страшно перепугались,

некоторые даже плакали. Успокоив их немного, он, с разрешения г. Директора, свел их на нижний коридор, где ученики при нем оделись и ушли домой.

Преподаватель рисования Г. И. Макаров показал, что он слушал чтение газеты, когда вошел инспектор в очень расстроенном виде, и тот час же пошел обратно в коридор. Отправившись вслед за инспектором на коридор, он старался узнать от инспектора что с ним. Не получив от него ответа, он обратился к ученику VII кл. Новодворскому, которій сообщил ему, что его тянули на сходку, но что он сам «даст Ляху по морде».

Г. Директор сообщил, что так как среди учеников было заметно уже насколько дней некоторое волнение, то он условился с г. инспектором и помощником классных наставников Стеткевичем устроит надзор за учениками таким образом: Г. Директор наблюдал за VII и V кл. г. Стеткевич за IV кл., а г. инспектор за VI кл.

Вначале перемены он ставил отметки ученикам IV кл., где перед тем у него был урок алгебры. Когда ему стало известно, что в училище какое-то замешательство, он тот-час же отправился в VII кл. и увидел – бегущих к нему на встречу учеников V кл., которым и велел возвратиться назад. Некоторые возвратились, другие же побежали к актовому залу. Так как заблаговременно директор велел кроме дверных замков устроить в актовом зале и дверные крючки, то ученикам не удалось отворить двери в актовый зал около VI кл. Но в двери с парадной лестницы ученики сломали замок (при чем Г. Директор видел как Крохмальник разбивал дверь, чем-то вроде небольшого лома) и ворвались в актовый зал. Г. Директор упрашивал их разойтись, но они сказали, что им необходимо устроить сходку, причем ученик, Барер дал слово, что они ничего, не испортят в зале. Видя невозможность удалить учеников из зала, г. директор разрешил им поговорить между собою. Ученики попросили его удалиться и стали совещаться. Г. Директор несколько раз просил учеников окончить скорее. Наконец ученики пригласили г. Директора в залу, где ученик III класса Яворский подал от лица всех присутствующих на сходке петицию, которую просил исолнить или отправить Г. Попечителю Округа.

Г. инспектор показал, что когда он после урока выходил из физического кабинета к нему подошел ученик III кл. Яворский и стал просить отпустить его домой, когда же.г. инспектор потребовал от Яворского, якобы полученную им от матери телеграмму, то он ударил г. инспектора. Тут же в толпе г. инспектор заметил Вайса и Борковского. Кроме того г.инспектор заметил выходящих из зала после сходки Багинского VI кл. и Стока, которые отправились в VI кл. где потом оказалась разбита стклянка с вонючей жидкостью, а также и Багинского V кл. и Барера разбиваюших такие стклянки.

Постановили: донести о происшедшем Г. Попечителю Округа, училище закрыть -до указаний из Округа. Яворского исключить из училища без права поступления в другие училища. Просить Г. Исправника поставить недалеко от училища охрану на случай, если бы ученики задумали ворваться силой.

№ 24

1905 года 20 октября в заседании Педагогического Совета Ровенского реального училища под председательством Директора А. Н. Дьяченка, присутствовали; исп. об. инспектора Я. Э. Винклер, законоучитель, священник И. А. Ярмолович и учители: Г. И. Макаров, К. К. Кузнецов, И. И. Мустров, А. А. Красин, Д. Р. Егоров и И. С. Барбас.

Заслушали рапорт Г. Инспектора следующего содержания:

По поводу вчерашних беспорядков среди учеников реального училища имею честь донести Вашему Превосходительству со слов очевидцев следующее:

1) При нападении, представляющем действительное покушение на мою жизнь, принимали кроме формального зачинщика Яворского, непосредственное участие Трушковский VII кл., как толкнувший и сваливший меня с ног сзади, Сулковский, оба Багинские, Вайс, Борковский и Каневич, как истязавшие меня. При этом было сделано Стоком VI кл. несколько выстрелов из револьвера. О Каневиче могу сообщить, что он, как получивший по физике две двойки, обратился ко мне на днях в несколько странном и вызывающем тоне: «Буду ли я его еще спрашивать до окончания четверти?»

2) В безпорядках на верхнем этаже в коридоре и актовом зале, откуда и по адресу Вашего Превосходительства были слышны словесные оскорбления, участвовали главным образом:

а) Барер VI кл., как председатель сходки, потребовавший свободного [прохода] в зал и ораторствовавший там. Он же и явился главным распространителем прокламации или воззваний к беспорядкам, он же в коридоре разбил после сходки бутылочку с вонючею жидкостью.

в) Багинский VI кл. явился на сходке одним из главных ораторов и после сходки заходил вместе со Стоком в VI кл., где также оказалась разбитою бутылочка с вонючею жидкостью. В еврейском училище, как говорят, произнес он речь политически-преступного содержания.

с) Ораторствовали на сходке также Сулковский, Сток, Каневич и Крохмальник. Последний как известно, ломал двери в зал специальным инструментом, доставленным заранее для этой цели. Сулковский еще обратился в женской гимназии с заявлением, что осталось только две бутылочки с жидкостью.

д) Таборовский собирал подписи для круговой поруки и гонял участников на сходку. Он же несколько дней тому назад вызвал у меня на уроке физики Яцковского из класса, вероятно, по поводу ожидаемых беспорядков.

е) Вайс загонял учеников IV кл. в актовый зал и был также в женской гимназии для принуждения учениц на сходку.

) Остроменцкий VI кл. передал другим о не сочувствии Столярова почему последнего побили.

) Гурский во время сходки стоял у калитки на дворе и не выпуск никого на улицу.

) Багинский V кл. разлил в коридоре вонючую жидкость и принуждал учеников отправиться на сходку.

и) Шимановский V кл. явился оратором в женской гимназии.

По прочтении вышеупомянутого рапорта было замечено г. директором, что находясь вблизи зала, он никаких оскорбительных для себя слов не слышал.

3) Обсуждали вопрос о виновности учеников в указанных выше беспорядках. Некоторые члены Педагогического Совета находили, что сходка, петиция и волнение в училище явились следствием того настроения которое охватило теперь большинство средних учебных заведений.

Выражая глубокое негодование по поводу избиения г. инспектора, члены Педагогического Совета находили, что прискорбный этот факт был отчасти следствием некоторых нетактичных поступков г. инспектора по отношению к ученикам, напр. поддерживание в училище шпионов которые доносили ему не только об учениках, но даже о преподавателях. Относительно этого члены Педагогического Совета уже говорили г. испектору на одном из заседаний Педагогического Совета в мае текущего года. Указывали на неодинаковое отношение к ученикам г. инспектора вначале его службы в училище и теперь. Вначале г. инспектор относился очень мягко к ученикам, потом стал вдруг сразу довольно строгим. После перевода преподавателя немецкого языка Гнатевича озлобление учеников против инспектора еще усилилось, так как считали его виновником этого перевода. В виду всего этого к ученикам нельзя отнестись со всею строгостью, а потому наказания особенно активным участникам беспорядков пока наложить Педагогический Совет не нашел возможным. Активные же участники беспорядков, по мнению Педагогического Совета, следующие:

Вайс V кл., Багинский V кл., Багинский VI кл., Барер VI кл. Крохмальник VI кл., Борковский VI кл., Сток VI кл., Сулковский VI кл., Таборовский VII кл., Трушковский VII кл.

С подлинным верно:

Директор

Письмоводитель

ДАРО.– Ф. 215.– Оп. 12.– Спр. 71. – Арк. 30-31 зв, 36 зв.

Ровенское реальное училище

В августе 1922 года прекратило свое существование старейшее русское среднее учебное заведение на Волыни – Ровенское реальное училище. Школьные власти Польского государства воспользовавшись отсутствием польского гражданства у директора училища, отказали в выдаче концессии на школу тем фактически ее закрыли, между тем за свой почти 90-летний период жизни, это учебное заведениесовершило колосальнуюткультурную работу, воспитавший ряд поколений края.

Вкратце история Ровенского реального училища следующая:

6 декабря 1832 года распоряжением г. Министра Народного Просвещения в г. Луцке была открыта гимназия, которая за недостатком помещения через два года, а именно 7 августа 1834 г. была переведена в м. Клеване Ровенского уезда. В Клевани гимназия существовала до 1839 года, когда была переведена в г. Ровно, где князь Фридрих Осипович Любомирский пожертвовали земли и построили здание для гимназии, «желая с своей стороны содействовать благонамеренным видам правительства», как сказано в акте, заключенном им 23 ноября 1836 г. с правлением Университета св. Владимира. В 1865–1866 учеб. году Ровенская гимназия преобразована в реальную гимназию, а с1 июля 1872 г. в реальное училище. 22 августа 1919 года заявлением г. Ровенского уезда комиссаром Речи Посполитой реальное училище было объявлено лишенным государственной субсидии долженствующим содержаться на собственные средства, как частное учебное заведение.

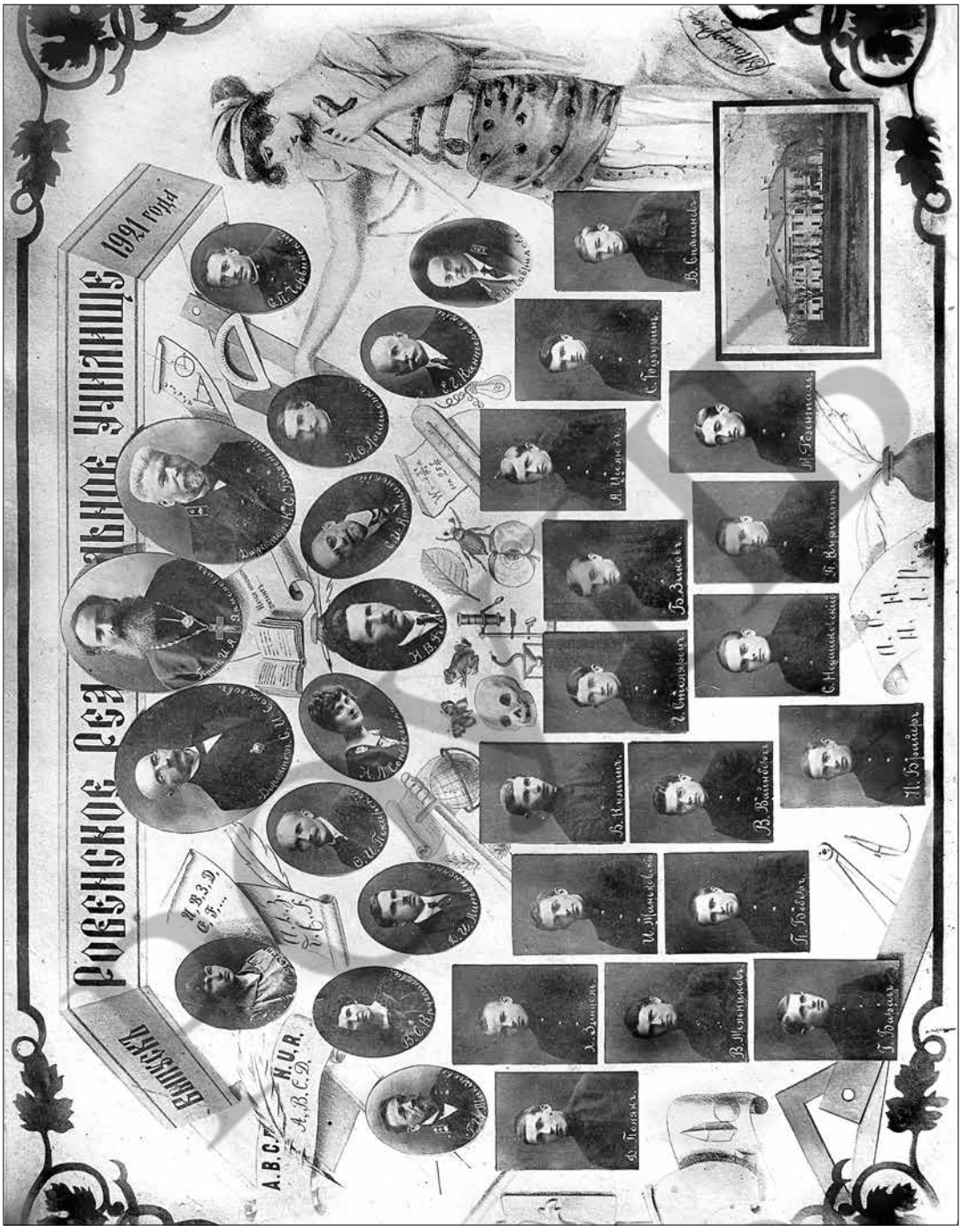
Распоряжением того же комиссара от 4 и 6 сентября 1919 г. за №№ 455 и 543 вся усадьба, учебно-вспомогательные учреждения, архив и дела канцелярии были сданы ликвидационной комиссией при уездном комиссаре 3-го января 1921 года распоряжением г. инспектора школ Ровенского уезда реальное училище было перемещено в здание русской женской гимназии в виду открытия в здании реального училища правительственной польской гимназии. Этим актом школьной власти реальное училище окончательно лишилось не только земли, здания и квартир служащих, но и всего движимого имущества, инвентаря учебных пособий физического и естественно-физического кабинетов со всеми приборами и пособиями и библиотеки.

Вся училищная усадьба занимала площадь 2 дес. 1280 кв. саж. И имела два двухэтажных здания и три одно-этажных дома. Главное здание училище построенное в 1838 году в два этажа с длинными внутренними коридорами, вполне соответствовали своему назначению. Из других зданий были квартиры служащих. Библиотека училища, одна из богатейших на Волыни, имела до 8000 названий в 20000 томах. Стоимость библиотеки оценивалась до войны в 25000 рублей. Физический кабинет имел 500 приборов на сумму в 12000 р., исторический кабинет стоил 300 р. и столько же стоили различные многочисленные пособия по рисовании, черчении, географии, истории, музыки и пения и гимнастики.

Лишив зданий и всего имущества польские школьные власти оставили старому русскому реальному училищу, давшему образование стольким сотням поляков ибо были годы, когда процент католиков, учившихся в реальном училище поднимался до 86[1], только право получить концессии на открытие частного реального училища, на один год. Наконец, в 1922 г. лишили и этого права, и училище закрылось.

ДАРО. – Ф.215. – Оп.2. – Од. Зб. – Арк. 8–9.

[1] Начиная с 1852 по 1896 процент католиков не опускался ниже 50 и только в самые последние перед войной годы достиг 20 %.



Випуск Рівненського реального училища.
Фото 1921 р.

1

ВИКОНКОМ

РОВЕНСЬКОЇ ОБЛАСНОЇ РАДИ ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ

РІШЕННЯ

№ 38 від II лютого 1975 року

Про передачу будинку по вул.Калініна № 19 на баланс обласного краєзнавчого музею

В зв"язку з звільненням будинку по вулиці Калініна № 19 та заметою поліпшення експозицій музею і посилення патріотичного та інтернаціонального виховання трудящих, виконком обласної Ради депутатів трудящих

Р І Ш И В:

1. Передати безкоштовно на баланс обласного краєзнавчого музею будинок по вулиці Калініна,19/балансова вартість 229293 крб./.

2. Обласному краєзнавчому музею прийняти даний будинок на свій баланс і використовувати його за призначенням.

3. Звільнені обласним краєзнавчим музеєм приміщення по вул.Червоноармійська № 33 і 33-а передати на орендних умовах управлінню культури облвиконкому для розміщення апарату управління.

Голова виконкому обласної Ради депутатів трудящих С.Д.НОВАКОВЕЦЬ

Секретар виконкому обласної Ради депутатів трудящих В.Д.ЯНУШЕВСЬКИЙ

Виконавчий комітет Ровенської обласної ради депутатів трудящих
ПРОТОКОЛЬНО-ПРАВОВА ЧАСТИНА

пс-IV

Державний архів Рівненської області
Копія відповідає оригіналу документа
Підстава:
Фонд № Р-562
Опис № 3
Справа № 313
Аркуш № 1

Державний архів Рівненської області

Директор архіву М.Григорук
Провідний спеціаліст Т.Новак

РОУНБ

Рішення про передачу будинку обкому партії Рівненському краєзнавчому музею. ДАРО. – Ф. Р-562. – Оп. 3. – Спр. 313. – Арк. 1.

2

А К Т

г.Ровно I марта 1975 года

Настоящий акт составлен в том, что финхозотдел Ровенского обкома Компартии Украины в лице заведующего отделом тов.Дьяченко Ф.Г. и коменданта тов.Пасечного В.Г. с одной стороны, на основании решения облисполкома № 38 от II февраля 1975 года безвозмездно передал, а Ровенский краеведческий музей в лице зам.директора музея тов.Ковальского И.Я. и коменданта тов.Смогаль В.А. с другой стороны принял двухэтажное кирпичное здание с выносной котельной по ул. Калинина,19 полезной площадью 1188,3 м2. общ. площадь 2000 м

Балансовая стоимость здания составляет 229293 рубля.

Ровенський обласний комітет КП України
ФІНАНСОВО ГОСПОДАРСЬКИЙ ВІДДІЛ

СДАЛИ: Ф.ДЬЯЧЕНКО

В.Пасечный

ПРИНЯЛИ: И.Ковальский

В.Смогаль

Державний архів Рівненської області
Копія відповідає оригіналу документа
Підстава:
Фонд № Р-562
Опис № 3
Справа № 313
Аркуш № 2

Директор архіву М. Григорук
Провідний спеціаліст Г. Новак

Державний архів Рівненської області

РОУНБ

Акт про передачу будинку обкому партії Рівненському краєзнавчому музею. ДАРО. – Ф. Р-562. – Оп. 3. – Спр. 313. – Арк. 2.

КОМЕНТАРІ

Анатолій Антонович Анципо-Чикунський.
Історична записка про Рівненське реальне училище. 1832–1889.

Анатолій Антонович Анципо-Чикунський (1860-1922) народився в шляхетській родині у Могильовський губернії. Предки А. А. Чикунського належали до польсько-литовського роду і були католиками. Його дід Михайло (Міхал) Семеонович був визнаний у російському дворянстві Указом Сенату 1852 р. Відомо, що частина його дітей прийняла православ'я. Можливо це було пов'язано з репресіями після придушення польського Січневого повстання 1863 р. Так ім'я його батька Антона (Антонія) було внесено в родословну книгу дворян Могильовської губернії 1863 р. Мав братів Віктора і Володимира.

У 1887 р. Анципо-Чикунський закінчив історико-філологічний факультет університету св. Володимира в Києві і короткий час працював вчителем історії та географії в Лубенському реальному училищі [1].

У 1888 р. його перевели до Рівненського реального училища викладачем історії і географії [2]. У 1894 р. до 50-річного ювілею гімназії в Києві була надрукована праця «Историческая записка о Ровенском реальном училище. 1832–1889», упорядником якої був А. А. Анципо-Чикунський. Книжка вийшла друком 1894 р., коли Анципо-Чикунський вже працював вчителем у Вінниці (з 1892 р.) [3]. З 1893 р. виконував обов'язки інспектора Вінницького реального училища. За спогадами учнів користувався цілковитою повагою [4].

5 серпня 1906 р. його знову переводять до Рівного, але вже на посаду директора Рівненського реального училища, а в 1907 р. призначають ще начальником Рівненської жіночої гімназії [5].

1911 р. Анципо-Чикунський отримує нове призначення на таку ж посаду в Кам'янець-Подільську гімназію (1911–1922). Про цей період його життя відомо мало. Є свідчення, що під час Першої світової війни він разом з гімназією перебував в евакуації в Симбірську (1915–1916).

Його дослідження і сьогодні залишаються головним джерелом з історії Рівненської гімназії.

Подається повністю без скорочень за вид.: Анципо-Чикунский А. А. Историческая записка о Ровенском реальном училище. 1832–1889 / Сост. учитель истории и географии А. А. Анципо-Чикунский, по случаю празднования 50-летнего юбилея училища.– К., 1894. – 148 с.

[1] ДАРО. – Ф.215.– Оп.2.– Од. зб.922.– Арк. 23 зв.
[2] ДАРО.– Ф.215.– Оп.2.– Од. зб.1049.– Арк. 23.
[3] ДАРО.– Ф.215.– Оп.2.– Од. зб.1049.– Арк. 27–30.
[4] Вінниця у спогадах: у 3 т. Т. 1: XIX – початок XX ст. / упор. В. Колесник. – Кіровоград: Імекс– ЛТД, 2013.– С. 358.
[5] ДАРО.– Ф.215.– Оп.2.– Од. зб.922.– Арк.1, 2.

Анатолій Іванович Попов.
Римо-католицький костел, що називається каплицею, при Рівненському реальному училищі

Анатолій Іванович Попов (1881-). Закінчив історико-філологічний факультет університету св. Володимира в Києві. З 1907 р. викладач історії і географії Рівненського реального училища. З 1 серпня 1914 р. призначений на посаду директора Грубешівської шестикласної протогімназії[1]. Автор досліджень з історії Рівненської гімназії був прихильником репресивних методів у вирішенні національних проблем. В своїх працях вкрай негативно ставився до прагнення поляків відновити польську державу. Його дослідження «Римско-католический костел, называемый каплицею, при Ровенском реальном училище» також має антипольське спрямування. Проте містить багато фактологічного матеріалу невідомого з інших джерел. Книга вийшла невеликим накладом і на сьогодні є малодоступним виданням.

Подається з незначними скороченнями (пропущено лише «Акт заключенный кн. Ф. О. Любомирским с правлением университета св. Владимира» який повністю повторює розділ з книги А. Анципо-Чикунського) за виданням: Попов А. И. Римско-католический костел, называемый каплицею, при Ровенском реальном училище в связи с польским вопросом в Юго-Западном крае.– К., 1914.–107 с.

[1]ДАРО.– Ф.215.– Оп.2.– Од. зб.1009.– Арк. 1–4.

Автоном Акимович Солтановський. Уривки із записок

Автоном Акимович Солтановський (1826-1886) народився на Поділлі. Там же (на Поділлі) закінчив гімназію і потім вступив до Київського університету на філософський факультет, який закінчив 1849 р. «со званием действительного студента», а трохи пізніше був затверджений в ступені кандидата 1-го відділу філософського факультету.

Восени 1849 р. Солтановський був направлений вчителем у Рівненську гімназію викладати спочатку «исторические науки», а потім російську літературу.

У 1864 р. його було призначено інспектором у Кам'янецьку гімназію, де він заразом заступав директора народних шкіл на Поділлі. Але вже за кілька місяців був направлений на службу до Польщі начальником Сувалківської учбової дирекції, а в 1871 р. його було переведено на таку ж посаду до Плоцька. У серпні 1875 р. він покинув службу й оселився в Брацлаві на Поділлі, де й помер 16 липня 1886 р, у віці 60 років.

Записки А. А. Солтановського були передані після його смерті дружиною до редакції «Киевско Старины», і друкувалися впродовж 1892–1894 рр.

Мемуари охоплюють період з 1846 по 1867 рр. За матеріалами записки можна розділити на періоди Київський, Рівненський, Подільський та Царства Польського. В описі рівненського періоду автор починав писати про себе в третій особі, а потім записки переходять у щоденник. Таку форму вони приймають з 1862 р., під час перебування Солтановського у Рівному. Спогади стають дуже сухими, не обробленими літературно, мають не завжди послідовний виклад, але все ж таки дають багато матеріалу, наприклад, для історії польського повстання 1863 р.

Багато цікавого можна дізнатися про адміністративні порядки в Київському навчальному окрузі, які Солтановський знав дуже добре. Описуючи рівненський період свого життя автор змальовує яскраві картини повсякденного життя середньої школи, морального та інтелектуального рівня її вчителів, а й представників усіх верств суспільства Рівного та його околиць.

Заради справедливості, треба відзначити, що автор не завжди об'єктивно ставився до тих подій, що відбувалися перед його очима, й це найбільш видно в його в негативних поглядах на поляків. В цьому він не був поодиноким. Антипольську спрямованість мають більшість дореволюційних російськомовних публікацій про Рівненську гімназію. Але у А. Солтановського упередження проти поляків набуло маніакального характеру. Він всюди бачить польський вплив і інтриги. На це звернули увагу спочатку в редакції «Киевской Старины»: «считаем нужным напомнить читателям, что наше замечание, которое было помещено еще раньше, а именно автор записок всюду готов видеть результаты польской интриги, а потому многие из сообщаемых им фактов требует большой проверки». Пізніше на це звернула увагу і Г. Шамрай, яка опублікувала спогади «пропущені з цензурних мотивів при виданню 1890-х рр.».

Записки А. Солтановського лягли в основу однієї з частин роману-трилогії «Три листки за вікном» відомого українського письменника В. Шевчука [1].

При підготовці до друку редакцією «Киевской старины» і цензурою були зроблені значні купюри, прізвища дійових осіб вказано під криптонімами.

Подається лише рівненська частина спогадів А. Солтановського. за публікацією в «Киевской старине»[2] з доповненнями із публікацій Г. Шамрай [3]. Переважна більшість прізвищ розкрита за публікацією Г. Шамрай, А. Анципо-Чикунского[4] та документами Рівненської гімназії, що зберігаються в ДАРО.

[1] Шевчук В. О. Ліс людей, або «Чорна книга» Киріяка Автомоновича Сатановського // Шевчук В. О. Три листки за вікном.– К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2011.– С. 335–702.

[2] Отрывки из записок Автонома Акимовича Солтановского // Киевская старина.– 1892.– № № 4–12; 1893.– № № 3–5, 7, 9, 11, 12; 1894.– № № 1, 3.

[3] Шамрай Г. Оповідання А. А. Солтановського про київське життя 1840-х рр. опущені з цензурних мотивів при виданню 1890-х рр. / Г. Шамрай // Україна.– 1924.– Кн. 3.– С. 77–98; Шамрай Г. У старорежимній провінції. Оповіданя А. Солтановського, проминені при виданню 1892–4 р. // Україна.– 1925.– Кн. 5.– С. 107–132; Шамрай Г.В старорежимній школі й наоколо неї. Оповідання А. Солтановського проминені при виданню 1892–4 рр. // Україна.– 1926.– Кн. 5.– С. 90–114.

[4] Анципо-Чикунский А. А. Историческая записка о Ровенском реальном училище. 1832–1889.– К., 1894.– 148 с.

Мечислав Щепковський
Спогади

Подається за вид.: Szczepkowski Mieczysław. Wspomnienie // Rocznik Wołyński.– Równe: Nakład Wołyńskiego Zarządu okręgowego związku polskiego nauczycielstwa szkół powszechnych, 1937.– T. 5–6.– S.152–158. Переклад з польської В. Луца, О. Морозової.

Станіслав Михальський
Спогади про школу
(1874/5–1881/2)

Подається за вид.: Michalski Stanisław. Wspomnienia szkolne (1874/5–1881/2) // Rocznik Wołyński.– Równe: Nakład Wołyńskiego Zarządu okręgowego związku polskiego nauczycielstwa szkół powszechnych, 1937.– T. 5–6.– S.159–164. Переклад з польської В. Луца, О. Морозової.

Болеслав Моркевич
Спогади про шкільні роки
1890–1900 рр.

Подається за вид.: Morkiewicz B. Krótkie wspomnienie z lat szkolnych (1890–1900 r.) // Rocznik Wołyński.– Równe: Nakład Wołyńskiego Zarządu okręgowego związku polskiego nauczycielstwa szkół powszechnych, 1937.– T. 5–6.– S.165–170. Переклад з польської В. Луца, О. Морозової.

Владислав Римвід-Міцкевич
Спогади зі шкільних років у Рівному
1900–1906

Подається за вид.: Rymwid-Mickiewicz Władysław. Wspomnienia z lat szkolnych w Równem. 1900–1906 // Rocznik Wołyński.– Równe: Nakład Wołyńskiego Zarządu okręgowego związku polskiego nauczycielstwa szkół powszechnych, 1937.– T. 7.– S.262–279. Переклад з польської В. Луца, О. Морозової.

Іван Григорович Кулжинський
Спогади про Волинь

Іван Григорович Кулжинський (1803–1884) – письменник, педагог, історик, етнограф, громадський діяч. Відомий тим, що його учнями були М. Гоголь і Є. Гребінка. Народився у м. Глухів у сім'ї сільського священика. Початкову освіту здобув у місцевій церковно-парафіяльній школі, далі навчався в Чернігівській духовній семінарії, яку закінчив в 1823 р.

Закінчив навчання 1823 р. і з осені того ж року викладав у Чернігівському повітовому духовному училищі. На початку 1825 р. дебютував у часописі «Украинский журнал» розвідкою «Некоторые замечания касательно истории и характера малороссийской поэзии». Від цього ж року служив учителем латини Ніжинської гімназії вищих наук.

Від 1829 р.– І. Кулжинський старший учитель Слобідсько-Української гімназії у Харкові[1]. 1832 р. він отримав посаду директора Луцької гімназії, яку обіймав і в Клевані (1834-1839), куди через два роки перевели гімназію. Саме Кулжинському довелося готувати переведення гімназії з Клеваня до Рівного [2]. 1839 р. він очолив Немирівську гімназію. 1841 р. повернувся до Ніжина інспектором ліцею. Вже як ревний провідник урядових засад (за його висловом – «в духе народности русской, опирающейся на божественном православии и богоподобном самодержавии») в освітянській сфері допомагав русифікації, висунув офіціозну програму «практичного християнського благочестя.

1843 р. І. Кулжинського перевели на Кавказ до Тифлісу на посаду директора закавказьких училищ, а в 1844 р. призначили керуючим навчальною частиною Закавказького краю.

В травні 1847 р. через хворобу, вийшов у відставку і оселився в Ніжині, де активізував літературну діяльність.

На службі проявив себе як благонадійний чиновник. Це багато в чому пояснює його нападки на найменші прояви непокори офіційній владі. Після 1860 р. не раз вдавався до різких нападок на українську мову, вважав її «зіпсованою російською», ганив нову українську писемність, засуджував Т. Шевченка, М. Костомарова, П. Куліша та ін.[3]

В 1870-х рр. Кулжинський – друкувався на сторінках «Волынских епархиальных ведомостей».

І. Г. Кулжинський помер у Ніжині 1884 р. на 81 році життя.

В літературній спадщині Кулжинського Волині відведено небагато місця. Його «Воспоминания о Волыни», опублікували 1865 р. в часописі «Вестник Западной России». Незважаючи на тенденційність автора, спогади дають можливість відтворити події, що відбувалися на Волині в галузі освіти напередодні відкриття гімназії в Рівному.

Текст передруковано у вид.: Кулжинский И. Воспоминания о Волыни / И. Кулжинский // Волинський музей: історія і сучасність: матеріали IV Всеукр. наук.-практ. конф., присвяч. 80-річчю Волинського краєзнавчого музею та 60-річчю Колодяжнен. літ.-мемор. музею Лесі Українки.– Луцьк, 2009.– С. 451–461.

Подається за вид.: Кулжинский И. Воспоминания о Волыни // Вестник Западной России.– 1865.– Т. 1, кн.1.– С. 1–12; Т. 2, кн.2.– С. 125–138.

[1] Кузнецова Н. В. Кулжинский И. Г. // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь.– М.: Большая Российская энциклопедия.– Т. 3; К–М.– С. 217–219.

[2] Пушкар Н. Волинські сторінки біографії І. Г. Кулжинського // Ніжинська старовина. Зб. регіональної історії та пам'яткознавства.– 2011.– Вип. 11 (14) – С. 110–112; Парфенюк В. О. Клевань: портрет на фоні епох.– Рівне: ПП Лапсюк В. А., 2013.– С. 52–78.

[3] Данилов В. К характеристике И. Г. Кулжинского и его литературной деятельности // Україна: Науковий та літературно-публіцистичний щомісячний журнал.– К., 1907.– Т. IV.– № 10 (октябрь).– С. 20–45.

Іван Матвійович Сбітнєв
Записки Івана Матвійовича Сбітнєва

Іван Матвійович Сбітнєв, народився 1796 р. в Новгород-Сіверську, де навчався в гімназії, після закінчення якої в 1816 р. вступив до Харківського університету на фізико-математичний факультет. Закінчивши курс зі ступенем кандидата, Сбітнєв був призначений учителем гімназії в Катеринодар, а звідти в 1820 р. переведений в Новгород-Сіверську гімназію вчителем математики.

В 1832 р., після придушення польського повстання 1830–1831 рр., І. Сбітнєва відрядили запроваджувати російські школи на Волині й Поділлі. Зокрема, у 1833–1835 рр. працював інспектором Кам'янець-Подільської чоловічої гімназії. Вийшовши у відставку, оселився знову в Новгороді-Сіверському і помер тут у серпні 1856 р.

Записки І. Сбітнєва охоплюють 1832–1835 рр. і знайомлять із маловідомими сторінками розвитку освіти на Волині і Поділлі. Цим визначається їх важливе історичне і пізнавальне значення.

Уривки подаються за публікацією: Записки Ивана Матвеевича Сбитнева (Из времени учреждения на Волыни и Подолии, после восстания 1831 г., русских школ взамен польских) // Киевская старина.– 1887.– Т. 17.– № 2.– С.285–316; № 3.– С.439–468; № 4.– С.650–666; № 5.– С.52–72.

Орест Іванович Левицький
З життя навчальних закладів Південно-Західного краю

Орест Іванович Левицький (1848–1922) – український історик, етнограф, письменник. Академік ВУАН (з 1918 р.). Народився на Полтавщині в родині священика. Закінчив Полтавське духовне училище. Навчався на юридичному та історико-філологічному факультеті Київського університету (1870–1874), учень Володимира Антоновича. Вчителював у середній школі в Києві, з 1918 р. працював у Всеукраїнській академії наук. Досліджував і публікував архівні матеріали до історії України XVI–XVIII століть. Співробітник «Киевской Старины». Дійсний член ВУАН (з 1918) і її другий президент (1919–1922). Автор багатьох історичних оповідань на матеріалах актових книг і судових документів Волині та Гетьманщини 16–18 століть. В дослідженні О. Левицького подано маловідомі матеріали про перші роки існування Рівненської гімназії та її директора Фавицького, а також колишнього директора Клеванської гімназії І. Кулжинського.

Матеріали подано зі скороченням за виданням: О. И. Левицький. Из жизни учебных заведений Юго-Западного края // Киевская старина, 1906.– Т. 92.– С. 421–432; Т. 93.– С. 72–87.

Анатолій Попов
М. І. Костомаров – викладач Рівненської гімназії
(за архівними данними Рівненського реального училища)

Анатолій Іванович Попов працював викладачем історії та географії в Рівненському реальному училищі і мав доступ до архіву гімназії[1]. В статті вперше уведено до наукового обігу документи про перебування Костомарова в Рівненській гімназії.

Подається за вид.: Попов А. И. Н. И. Костомаров – преподаватель Ровенской гимназии // Исторический вестник, 1917.– № 3.– С. 716–735.

[1]Докладніше про А. Попова див. на с. 326.

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

А

Абрамова 196
Абрамович Ф. 91, 272
Августинович О. 86
Авдиев В. 53, 54, 78
Аврамов И., учень 88
Аврамов П. О., директор 27, 31, 32, 76, 88, 111, 115, 116, 159, 172-175, 304, 308, 318
Адамович П. 17, 78, 99
Адлер А. О. 80, 212
Адлерберг 186, 187
Александрович В. 9
Александр (Олександр) III, імператор 152, 153, 245, 248
Александр (Олександр) II, імператор 44, 67, 68, 118, 186, 231, 242, 275
Александр (Олександр) I, імператор 11, 54, 106, 265, 268, 271, 274, 276, 277
Алексеев 54, 67
Алексеев С. 95
Алексенко А. 93
Алфеев В. 96
Альбелинский 217
Альбертранди 273
Альдінгер Я. 249, 253
Андреянов Д. 95
Андрианов А. 94, 156
Андриевский 53, 77
Андриянов П. 94
Андро 258
Андроновский С. 97, 98
Андрузский 51, 54, 79
Андрущенко А. Т. 80, 188
Анненков Н. Н. 198, 217, 231, 232
Антонович В. 239, 329
Антонович М. 98
Антонович П. А. 54, 59, 67
Анципо-Чикунский (Анципо-Чикунський) А. А., директор 8, 11, 79, 107, 131, 144, 147, 157, 159, 302, 303, 305, 306, 318, 326, 327
Арабский В. 95, 96
Аренс, справник 171, 193, 196, 197
Арефа Н. 90
Арнушевский А. 96
Асевич А. 90
Аширнов Л. 95

Б

Бабинский К. 136, 139, 140
Бавлингер А. 87
Багинские 319, 320
Багинский 319-321
Багриновский С. 97, 98
Баевский (Баєвський) А. А. 77, 146, 150, 160, 240, 242
Баландин 27, 80, 173, 210, 211
Балицкий 276
Барбас И. С. 253, 254, 319, 320
Бардзинский 132, 140
Барер 258, 319, 320, 321
Барталович 68, 77
Бартасевич М. 88
Бартерман 25, 80
Бартосевич С. 91
Батюшков 187
Бегус Н. 95
Безак А. П., ген.-губернатор 54, 144
Беленков Г. 86
Беленький (Бєленький) К. С. 159, 318
Белинский 187
Белобров 77
Белостоцкий Р. В. 77, 160
Бельдау К. А. 80
Бельский В. 86
Бельский Вик. 96, 97
Бельский Влад. 97, 98
Бельский К. 93
Бельский Ф. 94
Беляев В. 156
Беляев М. 99
Беньковский Н. 95, 96
Беньковский Ю. 95
Берг 232
Бергер 249
Бергер Л. 95
Бердзянский 132
Беренсон С. 99
Беренштейн Б. 93
Беренштейн И. 92
Бзовский Л. 89
Бибиков Д. Г., ген.-губернатор 32, 34, 116, 119, 165, 195, 196, 204, 207, 217, 291-297, 299
Бишлягер Л. 94
Бланк Л. 242
Бобр Олександр 236
Богацкий Ф. 91
Богданович 67
Богданович К. 88
Боголюбов А. 90
Богуцкий А. 91
Богуцкий Б. 89
Богуцкий (Богуцький) Г. О. 26, 81, 112, 113, 129, 132, 200, 220, 234, 243, 294
Богуцкий К. 94
Богуцкий М. 91, 143
Богуцкий Меч. 96
Богуцкий Ф. 96
Богуцька Г. 220
Богушевський С. 249, 257
Бойковский В. 88
Бокщанин 284
Бони Ф. Я. 27, 80
Бопре 291
Бордецькі 240
Борейко 277
Боренштейн 249
Борецкий 127
Борженевская 234
Борженский В. 87
Боржимовский 147
Боржимовский В. 147
Борковский 319, 320, 321
Борковский, живописец 220
Боровик А. 98, 99
Боровиков 151
Боровский 291
Боровский, епископ 144
Борон М. 89
Борышкевич С. 91
Босаковский О. 86
Брадке фон 18, 20, 270
Братковский В. 95
Братковский Влад. 94
Братковські 240
Братновский В. 96
Брауншвейг Р. И. 198, 217
Брейер О. 26, 80
Бренайзен Д. 98, 99
Бржезнякевич Д. 86
Бржозовский А. 92
Бржостовский А. 88
Бродницкий М. 92
Бродницкий У. 94
Бродович В. К. 82
Бродовский (Бродовський) Ф. 95, 242, 243
Бродовский К. 89
Бродовский М. 93
Бродский 299
Бродский М. 92
Бройда Х. 97
Бронштейн Н. 96, 97
Брохолинский В. 97
Брюховецький І. 239
Будзинский Т. 91
Букар Л. 91
Букле 238
Булах М. Ф. 81
Бунге 67
Бургіньйон Ж. Я. (Jean Jacob Bourguignon, Бурганион, Буршнион) 22, 70, 71
Буслаев 187
Бутович И. С. 82, 241
Бухвостов В. 92
Буяльский О. 91
Буяльский Ю. 18, 86
Быков 147
Бычковский А. 88
Бычковский В. 89
Бычковский Г. 86
Бышевский А. 97
Бышевский С. 89
Бюхнер 238
Бялобржевский В. 95, 96
Бялобржеский Ф. 91

ЧОРНЕ

Бялостоцкий (Бялостоцький), ксьондз 65, 242
Бялостоцкий Л. 87
Бялостоцкий М. 88

В

Вадарский Я. 99
Ваденюк П. 91
Ваденюк Ф. 91
Вайденман С. 92
Вайс 319, 320, 321
Вакулевич С. 92
Валдман В. 98, 99
Валевский Ю. К. 76
Ваниковский М. 98, 99
Ванявский Ф. 98
Варденский К. 91
Варминчик М. 273
Варховский И. Д., ксьондз 77, 110, 160, 263
Варшавер С. 96
Варштейнский С. 95
Василевский И. А. 81
Васильев-Яковлев Н. П. 81
Васильчаков 182, 183
Васильчиков 119, 120, 122, 198, 207, 210, 217
Васькевич А. 90
Васькевич П. 90
Васьков И. А. 81
Васьковский А. 90
Васьковский В. 90
Васьковский Влад. 96
Васьковский С. 95
Вахштейнский А. 88
Вахштейский С. 96
Вейнберг 68
Вейцер З. 96
Векслер М. 68, 96, 97
Велиобицкий А. 90
Велиобицкий Л. 90
Вельяминов-Зернов В. В. 67, 149, 152
Венгловский С. 90
Венерт В. Ф. 79, 207, 235
Венцковский С. 94, 95
Венцковский Ф. 86
Вергун М. М. 65, 76
Вержбицкий А. 90
Вержбицкий Б. 97, 98
Вержбицкий С. 87
Вержинский И. 87
Верминский Ф. 87
Вершинский В. 92
Вершинский Ф. 26
Веселавский И. 89
Вешеневский С. С. 78
Виговський І. 239
Вигура В. 91
Вигура Г. 96, 97
Вигура И. 91
Вигура П. 94, 95
Видовский И. 92
Видута-Стоцкий П. П. 78, 190, 191
Виенковский А. 273
Вижевский 272
Викшемский М. 98
Вилежинский Я. 266
Вилуев 234
Вильга 287
Вильчинский В. 89
Вильчинский О. 91
Вильчинский Ф. 91
Вимут С. 91
Вимут Ю. 91
Винклер (Вінклер) Я. Э. 254, 256, 257, 319, 320
Винклер Ф. 89
Виперт 129
Витковский В. 26, 87
Виттенберг 27
Виттенбург К. И. 80, 173
Витте Ф. Ф. 233, 234, 236
Вишеневский 23
Вишницкий И. 89
Вишницкий К. 89
Вігури, род. 238
Влядих Ф. 94, 95
Водосевич И. 97
Вожорский Л. 92
Войткевич И. 88
Войцер З. 97
Вокшемский М. 99
Волкобой И. В. 65, 76, 79
Волковский А. К. 82
Волконский, князь 266
Володковский Е. 91
Волсович К. 95
Волынцевич Ю. 129, 130
Волынцевыч И. 90
Вольский К. 86
Вольский М. 91
Вольф И. 95, 96
Волявский Ф. 97
Волянский Н. 90
Волянский П. 90
Вонсович А. 90
Вонсович С. 96
Воровский Л. 89
Ворховский И. Д. 17
Востоков 187
Вощинин 291
Вронский 53, 80, 137, 207
Врублевский Я. О. 79
Выджа Б. 95
Выдуса Б. 96
Высоцкий М. 114
Высоцкий П. 90
Высоцкий Ф. 88, 113
Высоцкий Э. 26, 87

Г

Гавронский Г. 89
Гадомский А. 88
Галецкий Л. И. 82, 126, 132, 134
Галлер фон, губернатор 54
Гарлицкий Ф. 88
Гарлицкий Эдмунд 99
Гарлицкий Эдуард 98
Гарнич-Гарницкий 67
Гарновский Я. 89
Гатовський М. 240
Гвайт 191, 207
Гвайта И. П. 78
Гей А. 91
Гейдрих Р. 91
Гемпель Л. 95
Гене 198
Герасименко В. 92
Герасименко Г. И., директор 48-50, 52, 76, 141, 142, 159, 318
Герман, лікар 233
Геродот 300
Герштейн Фалим 96
Герштейн Феликс 95
Гижицкий И. 91
Гиндес С. 95, 96
Гинс 68
Гливинский Ф. 91
Гликман Ш. 97, 98
Глинский Д. 97, 98
Глинский К. И. 81, 128, 129, 137, 207
Глинский Р. 91
Глокке К. Ф. 80
Глотке 53
Глюксберг 279
Гнедич 187
Гоголевский 312, 313
Гоголь Н. 187, 328
Гогоцкий 292
Гойлов Э. 93
Голембиовский Н. 97, 98, 99
Голембский С. 91
Голендберг Я. 96
Голенищев-Кутузов 277
Головинский А. 90
Головинский М. 90
Головнин 188
Голтвинский 203
Голуб Д. 97, 98
Голубецкий С. Ф. 82
Голубовский 193, 229, 236
Голубцов С. П. 66, 67
Голыптейн К. 87
Гольдерекер (Голдерекер) А. Я. 63, 65, 76, 147, 159
Гончаров Е. 91
Гордасевич Т. 98, 99
Гордзиевский А. А. 80, 177, 178
Горенберг А. 88
Горецкий Л. 87
Горинович 22
Горнфельд Л. 91
Горохолинский В. 96
Гоственский О. 86
Гоффман Э. В. 80
Гоц, справник 140, 197, 198, 215, 216, 218-223, 227-229, 233
Грабовский В. 90
Грасс В. 80
Гребінка Є. 328
Грейдрих Э. К. 80
Гречин 272

Гречнов А. А. 78
Григорьев А. 99
Гриневич В. С. 78
Гриневский 77
Гриневский Т. Н. 25, 28, 77, 80, 173, 174
Грищаев В. 91
Гродецкий (Градецкий) К. Ф. 26, 81, 87, 137, 207, 233
Гродецкий (Градецкий) П. 26, 87
Гродзицкий Ф. 273
Громадский А. 89
Гроховский 140, 235
Грохольский С. 97
Грудзинский Р. 95, 96, 149, 150
Грудзинский С. 96
Грузовский Б. 95
Грунвальд 299
Грушевский С. 95
Гузовский В. 92
Гузовский О. 94
Гулевич А. 86
Гунько О. 92
Гурко Г. 88
Гурский 321
Гурский Игнатий 89
Гурский Иосиф 89
Гурський Г. 255, 257
Гурьев 201
Гуссаковский И. 86
Гутковский Ю. Г. 79
Гутовский М. 88, 307

Д

Давыдов, князь 26, 28, 306
Давыдов С. И. 291, 292, 294, 297
Далецкий В. 97, 98
Далецкий С. 92, 93
Даниил Галицкий 105
Данилевич С. 94
Данилов В. 329
Даутер Л. И. 78
Дашкевич-Чайковский 82
Дваржинский 21
Дверницкий 271, 286, 287
Дворжанский 234
Дегонович П. 97, 98
Дембовский Я. 275
Дембский Е. 93
Демецкий О. 91
Демкевич И. 92
Денбицкий Г. 98, 99
Деревицкий А. Н. 105
Державин 187
Дзюблевский-Дзюбенко (Дзюблевський-Дзюбенко) И. Ф. 62, 65, 76, 146, 159, 243, 318
Дзяневич 136, 139
Диткевич (Діткевич) Д. И. 82, 241
Дихеус Э. А. 80, 207, 211, 212
Дическулов Д. 93
Дмитриев С. 96, 97
Дмитриев Ф. 97, 98
Добкевич К. 97
Добровольский А. 90
Добровольский Е. 82
Добровольский Ф. 87
Добронравов П. 86
Додаевский В. 88
Долгорукий 234
Долгушин П. А. 253, 255
Домановский К. 92
Доманский И. 97, 98
Домарацкие 139
Домбровский 220, 221
Домбский 140
Домейко 230
Доморадский И. 91
Доморацкий Н. 90
Домский 235
Дорошенко К. 96, 97
Драпер 238
Дрентельн А. Р., ген.-губернатор 67
Држевецкий 274
Држевецкий Л. 86
Дрогомирецкий Ф. П. 78
Друцкой-Соколинский (Друцкой-Сокольский) М. 139, 197, 198, 217, 232
Дубенецкий И. М. 65, 79
Дубецкий (Дубецький) М. 81, 128-130, 132-134, 243, 246, 247
Дубинский Иван 86
Дубиский Иосиф 86
Дубровский Ф. 99
Дундуков-Корсаков 54
Дунин-Борковская (Шендюк) 173
Дунин-Борковский 153, 154
Дунінова 240
Дыбовский Ф. 87
Дьяченко А. Н. 155-157, 159, 255, 318, 319, 320
Дюков И. 98, 99

Е

Евтушевский И. 86
Егоров Д. Р. 319, 320
Егоров М. В. 53, 77, 229
Екатерина II, императрица 188, 274, 276, 289
Екк В. І. 256
Еловицкий А. 98, 99
Ельяшевич В. 90
Епифанович А. И. 176, 183
Епифанович И. П. 27, 77, 78, 172-176, 177, 183, 186, 199, 234
Епифанович С. 176
Ермаков 67

Є

Єгоров Д. Р. 256
Єловицькі, родина 243
Єльські 255

Ж

Жадановский А. 90
Жаткевич А. 90
Желябов 242
Жолтовский М. 97
Жуковский Бр. 89
Жуковский В. А. 67, 68, 187
Жуковский И. 92
Жуковский К. 89
Жуковский М. 91
Жуковский, нач. над казен. маєтками 192, 193, 200
Жуковский С. 96, 97
Жулковський Ю. В. 253

З

Заботин И. 91
Завадовский П. В. 266, 274-277
Заверняев С. 92
Завилейский 54
Завилейский В. 96, 97
Завистовский (Завістовський) С. Л. 64, 81, 242
Завистовский И. 90
Заводский И. 88
Загоровский В. 89
Загурский М. 92
Задарновский М. 93
Заерский 282
Зайцев 28, 81
Закржевский И. 97
Залевский И. 87
Заленская 204
Заленский 221
Залесский 295
Залесский Ф. 86
Зальцберг Л. 93
Зальцгебер Л. 94
Замойский, гр. 232
Занкевич 292, 293
Запрусевский И. 98
Заранский К. 98, 99, 147
Заруский А. 91
Захарчик Антон 87
Захарчик, вдова 171
Захарчук А. 26
Зачек К. 91
Зачек М. 91
Зборжевский В. Я. 17, 23, 78
Зборовский К. 90
Зброжек О. 98, 99
Зданович В. 96
Зданович С. 95
Зелинский Альф. 87
Зелинский И. 97, 98
Зелинский Осип 87
Земянский А. 92, 93
Зенковский И. 97, 98, 99
Зенковські 243
Зенович 272
Зенович П. 87
Зигберман Х. 99
Зильберберг Г. 88
Зимборский Н. 97
Зимовской Е. Я. 188
Зражевский А. 89
Зражевский Н. К. 79, 135, 173, 182

Зрожевский М. 89
Зубов 273
Зубчевский К. 97, 98

И

Ивашкевич Ц. 90
Ивоницкие 183
Ивоницкий 183, 184
Игнатович-Завилейский В. В. 68, 81
Игнатович К. 89
Издебский В. 90
Износков Е. 93
Изяслав Мстиславович 105
Иконников В.С. 300
Имгарт Д. 93
Иннокентий, єпископ 18
Иорданский А. 92
Иорданский Ал. 92
Ишлинский 193, 194, 195, 196

К

Кавецкий С. 93, 94
Кавецкий Ст. 86
Кавка Ю. 246, 254, 255
Каган 319
Казаневич З. 90
Казанцев Я. А. 82
Кайданов 279, 304
Каленко П. Д. 76
Калиновский И. Я. 77
Калиновский Н. 18, 86
Калиновский, поміщик 235
Калитович Л. 93
Кальченко В. 92
Каменецкий А. 94
Каменовский И. Я. 17
Каменский В. 91
Каменский П. И. 77, 146, 147, 160
Каменский, почес. попечитель 76
Каминский И. 88
Каминский, учитель 293, 294
Камінський, учень 239, 242
Камоцкі 243
Каневич 320, 321
Каневский Н. К. 82
Канитович Л. 94
Канский П. 89
Кантемир 187
Капнист 187
Карамзин 187
Карлгоф 298
Карнаковский Х. Г. 82
Карницкий И. 89
Карпинский К. 91
Карпинский С. 95, 96
Карпович В. 26, 87
Кастро Э. 26, 82
Катков М. Н. 264
Кахан 249
Качковский К. 94, 95
Кашинский 31
Квасневський 255
Квашенко 249
Квятковский К. 99
Келбш 170, 184, 185
Кендзерский 113
Кербедж Н. 249
Кербедзь Н. 254
Керзновский Н. 86
Керн 147
Керн В. 95, 96
Керн К. 97
Кирженевский 134
Кириленко Г. И. 82
Китченко 295
Китыцин А. 86
Китыцин П. 86
Климович Ф. 68, 96, 97
Клімашевський 245
Клюковский А. 91
Клюковский Д. Г. 51, 54, 77, 176, 188, 207, 230, 234
Кляс О. 95
Клясс К. 240
Клясс К. И. 81, 241
Клясс Л. 97, 98
Кобылянский Э. 92
Ковальский, вчитель 166, 167
Ковальский К. 86
Ковальский Ф. 97
Ковандо А. 99
Кодлубиский Б. 94
Козелло 172
Козеровский 283
Козина Г. 94
Козловский 234
Козловский В. 93
Козловский П. 91
Козловский Ф. И. 67, 78
Козяков 249
Кокошкин 231
Колб-Селецкий Э. 93
Колебский И. 99
Коленко И. В. 77, 167, 168, 171-177, 182-184, 187-192, 200, 207, 219
Коленко П. Д., директор 44, 78, 122, 124, 140, 167, 168, 170-177, 183, 184, 187-192, 219, 236
Колкевич 200
Коллонтай Г. 266
Колобановский К. П. 78
Колодинський 254
Колотай 276
Кольцов 251
Колюмна-Цецишевский К. 266, 275, 276
Комаров А. Ф. 81, 241
Конарский 291
Кондратович В. 93
Конковский Ю. 89
Конопацкий В. 91
Конопацкий К. 88
Конопацкий Каз. 92
Конопацкий Л. 87
Конский И. 89
Константинович Н. А. 77, 79
Константин Павлович 203, 294
Контский, музикант 208, 220
Кончаковский И. 25, 79
Кончевский А. 88
Кончевский Ф. 88
Коперницкий 234
Копец Н. 93
Копровский 129, 311, 315
Корженевский А. 91
Корженевский В. 91
Корженевский Л. 89
Корженевський 237
Коржибский В. 97
Коржинский В. 96
Корицкий Я. 96
Коркушко А. Н. 65, 67, 79, 241, 242, 243
Корнаковский 53, 77
Корнилов М. Г. 79
Корницкий Я. 95
Короленко В. Г. 2, 7, 8, 9, 51, 52, 54, 91, 168, 178, 236, 243, 248, 250, 252
Короленко Г. О. 7, 236
Корсак В. 258
Корчинский 31
Косецкий Ф. 86
Костомаров Н. И. 8, 9, 28, 32, 79, 238, 239, 300-310, 329
Костюшко Т. 274
Косці 255
Котковский В. 88
Котковский Ю. 88
Котляревский А. 86
Котляревский И., учень 86
Котляревский Н. В. 65, 66, 67, 79
Кочубей, граф 277
Кошевой В. В. 65, 76
Кошут 215
Кравец Р. 97, 98
Кравцов В. 91
Кравчук Ф. 92
Краевский И. 97, 98
Краевский Н. В. 76
Красин (Красін) А. А. 256, 319, 320
Красинский А. 97, 98
Красовский Е. 93, 94
Красуский Ф. 87
Крафт В. 98, 99
Кремер В. 94
Крживицкий 22, 70, 71, 73, 74
Крживицкий В. 86
Крживицкий К. 86
Кривоносов А. А. 48, 49, 50, 53, 54, 76, 146, 159, 318
Крижановский М. 93
Кринский П. 95, 96
Крохмальник 319-321
Круковский 114
Круковский О. 26, 78
Круковский С. 93, 94
Крумпель Б. 99
Крупинський Ф. 238
Крушевский В. 97

Крушель В. 98
Крушинский А. 86
Крылов И. А. 187, 304
Кудицкий 140
Кузнецова Н. В. 329
Кузнецов К. К. 256, 319, 320
Кузнец Соломон 8
Кузнець (Кузнец) Саймон 8
Кузьминский В. 92
Кузьминский Вик. 93
Кузьминский Л. 92
Кулеша Э. 89, 183
Кулеш-Чепега И. 296
Кулжинский (Кулжинський) И. Г. 8, 13, 17-23, 25, 44, 76, 108, 110, 111, 159, 260, 282, 285, 296-298, 318, 328, 329
Куликовский Г. 91
Куликовский И. 90
Куликовский Ф. 26, 78
Кулиш (Куліш) П. А. 8, 79
Кульчицкий Д. А. 76
Кумельский Н. 90
Кунашевский А. 91
Кунашевский И. 91
Кунашевский Ц. 90
Купровский 129
Куракин, кн. 274
Куровський М. 249
Кустов Н. П. 79, 80
Кухаревич Ю. 90
Кухарюк Я. 97, 98
Кушелевский А. 90
Кушелевский Е. 87
Кушелевский О. 88
Кушелевский С. 88
Кушелевський С. 249
Кушелевські 254
Кушель С. 96, 97
Кшиштанович А. 18

Л

Лабенцкий Игнатий 97, 98
Лабенцкий Иосиф 98, 99
Лабсри А. С. 80
Лавровская 212
Лада Б. 92
Лазов, нач. канцелярії навч. окр. 164, 169-172, 174, 178, 182-184, 191
Ланг А. Ф. 53, 54, 80, 240
Ландсберг Л. Д. 54, 81, 129, 234
Ландсберг С. 93
Ланевский К. 97
Ланицкий Л. В. 79
Ланскоронський В. П. 251-253
Лапицкий 177, 233, 234
Ласковський О. 249
Лассаля 242
Латти А. 94, 95
Лашкарев 293
Лебедзи М. 90
Лебля И. 89
Леванда С. 90, 181
Левандовский Д. 87
Левандовский К. 92
Левандовский О. 88
Левашов 270
Левашов В. 18, 263
Левинская О. 199
Левинские 198, 199
Левинский 193, 198, 199, 228
Левинский В. 89
Левицкий А. 88
Левицкий Ан. 94
Левицкий Е. 89
Левицкий К. 93
Левицкий (Левицький) О. 8, 290, 329
Лейман 65
Лейман К. 89
Лелевель Б. 96, 241, 280
Лемп Б. 89
Лемп И. А. 36, 37, 53, 54, 80, 173, 183, 207
Ленартович 192, 193
Лендский А. 96-99
Леневель Б. 95
Ленс А. Н. 80
Ленчевский 78
Леонтьев В. Ф. 82
Леонтьев О. 91
Лепс И. 65, 76
Лермонтов 187
Лернет Я. 266
Лесецкий В. 94, 95
Лесецкий О. 96, 97
Лешковский Л. 91
Лидерс, генерал 219
Линден 192, 194, 200
Лисикевич И. 92
Лисицкий Н. П. 79
Лихтальский К. 89
Лобанов-Ростовский 214
Лобачевский Б. 88
Ловецкий О. 86
Лода Б. 92
Локшинский Н. 95, 96
Лончинский Я. 87
Лосовский К. 91
Лотоцкий А. Л. 17, 25, 77, 108, 292, 294
Лукашевич А. 90, 291
Луковский 167
Луковский И. 90
Луковский К. 89
Луц В. 4, 8, 328
Лучинский З. С. 65, 199, 200
Лучинский Ю. 89
Лысановский М. 93
Любомирская З. (Zenejda, Zinaida) 200, 201, 210, 216, 221, 228, 232, 233, 237
Любомирские (Любомирські), князі 32, 33, 115, 116, 166, 182, 184, 185, 193, 200-202, 208, 210, 216, 220, 228, 271, 276, 283, 301, 302
Любомирский (Любомирський) К. 43, 44, 54, 185, 186, 193, 194, 200, 201, 208, 209, 218, 228, 231, 232, 234
Любомирский (Любомирський), князь 193, 248, 250
Любомирский Ф. 22, 23, 32, 70, 71, 73-76, 107, 115, 116, 118, 119, 122, 131, 149, 158, 199, 268, 283, 288, 302, 303, 311-315, 322, 326
Ляйман И. 89
Ляйман Иос. 90
Ляйман С. 90
Лямберт 219
Лямпрехт 199
Лясковский Л. 94, 95
Лясковский Ф. 87
Ляуниц, фон 205
Ляхович В. Ф. 77, 147-151, 153-155, 160, 245, 247

М

Мадейский О. О. 17, 80
Маевский 114
Маевский В. 88
Маевский К. 87
Маевский М. 96, 97
Макаров В. Н. 81
Макаров Г. И. 252, 319, 320
Македонский 288
Маковский 145
Маковский И. 95, 98
Макшеев 196
Малавский 28
Малавский Е. К. 79, 173
Малевич Е. 86
Малевич О. 26, 87
Малерб 234
Малечинский А. 89
Малиновский Э. 89
Маловская 177
Маловский 177
Малоховский К. 87
Малоховский С. 87
Мальченко В. А. 79
Мамовский И. 97
Мамошицкий И. 89
Мандель И. 94, 95
Мановский К. 97
Мануйлович Л. 95, 96
Маркевич 238
Маркевич Ст. 255, 257
Марксер И. А. 81, 241
Мартыновский И. 87
Марунич В. 26, 82, 173
Массаковский И. 87
Махчинский 113
Махчинский В. 93
Махчинский И. 95, 96
Махчинский М. 93
Мацеевский К. 89
Мацеевский Л. 89
Мациевский А. 295
Мациевский Р. 90, 295
Машкевич В. 93
Машталер Т. П. 82
Меерсон Х. 97, 98
Менцинский Ю. 157, 160
Мерзляков 187

Метельский Г. 88
Метельский Г. З. 17, 82
Метельский Д. 88
Мехович (Мєховіч, Miechowicz) Ф. 22, 70, 71, 73, 74, 314
Миклашевский 276
Микола II 246
Микуловский С. 89
Микульский Л. 90
Микульский С. 93
Милевич К. 97
Милевский Н. 92
Милкевич К. 98
Милятицкий 130, 229
Милятицкий Ф. 129, 130, 233
Милятицький Т. 237, 238
Мирошевский Я. 273
Михайлов 242
Михаловский С. 87
Михальский 78, 134, 173
Михальский А. 95, 96
Михальский И. Ф. 17, 80
Михальский, поміщ. 291
Михальский С. 95, 96
Михальський (Michalski) С. 241, 328
Михальський В. 246
Михелян А. 98, 99
Михневич О. Г. 192
Мицкевич Александр 270, 271, 284, 285, 288, 289
Мицкевич (Міцкевич) Адам (поет) 113, 238, 255
Міртов 243
Міхальський С. 241
Мнишек, граф 276, 281
Могилянский М. 293, 294, 295
Мойсевич В. 86
Молешотт 238
Мольский И. 88
Мономах Владимир 105
Мономаховичи 301
Моравский П. 89
Морачевский 291, 295
Морачевский Г. М. 67, 78
Морачевский Ф. С. 13, 17, 77
Моргулис И. 91
Моргулис С. 91
Мордовцев Д. Л. 300
Моркевич (Morkiewicz) Б. 244, 328
Мороз И. 92, 93
Морозова О. 4, 8, 328
Мороз С. 25, 77, 122, 134, 160, 196, 203
Москалев М. 96
Московкин В. 8
Мотрич А. 94, 95
Мохнинский И. 96
Мочальский Ф. 92
Мошинский 276
Мошлянский 34
Мощенский В. 92
Мстислав Изяславович 105
Муравьев, ген.-губернатор 232
Мустров И. И. 256, 319
Мушинский Г. А. 78
Мычковский И. 97, 98
Мышковский 267
Мясоедов 140, 235

Н

Навроцкий С. С. 81
Нагродский С. 87
Нагула Е. 25, 79, 293, 294
Назимов, ген.-губернатор 191, 194
Наполеон III, імператор 215
Наполеон I, імператор 277, 306
Нартовский Ю. 91
Нарушевич О. 87, 273
Науменко П. О. 19, 25, 27, 76, 77, 295
Наусицкий К. 88
Нахтовский В. 90
Невгадов И. Я. 77, 80, 173, 188, 191, 192, 234
Невгодов 27, 183, 207
Неволин 33
Негребецкий С. 91
Недзялковский В. 93
Нейман В. 97, 98
Немец Я. О. 159
Ненадкевич В. 96
Неугодов 293
Нехаевский 79
Нечай В. 93, 299
Николаевский А. А. 77
Николай Александрович, цесаревич 142
Николаи А. П., барон 189
Николай I 13, 34, 117, 118, 204, 263, 289
Николайчук И. 99
Нитц В. 98
Новаковский Л. 86
Новицкий Ф. 90
Новицкий Фор. 89
Новицкий Франц 91
Новицький Франтішек 243
Новодворский 320
Новодворський 249
Новосильцев 277
Новош Л. 90
Норов А. С., міністр 44, 187, 188
Носиловский А. 91
Носович И. 68, 96, 97
Нот С. 96

О

Ожешко Е. 238
Ожешко З. 255, 257
Окольский А. 97
Окрашевский Я. 273
Олдаковський 255
Олдановский С. 98
Олексинський 256
Олизар, граф 277
Олторжевский С. 99
Ольгиати 166
Ольшанский 226
Омелянская 180
Омелянский В. Ф. 27, 37, 77, 173, 179, 180
Омелянский Ф. 91
Омецинский 293, 294
Опперман 296, 297
Органов М. Н. 79, 241
Орда, інспектор Немир. гімн. 297
Оржешко Б. 90
Оржешко В. 98, 99
Оржешко Д. 87
Оржешко Л. 88
Оржешко М. 90
Оржешко Ф. 89
Оржешко Фр. 95
Осецкий А. 94
Осинский А. 264, 265, 273, 283
Осмоловский 81
Осовский Г. 87
Остапович В. 95, 96
Остапович И. 98, 99
Остапович Иван 291
Осташевский А. 92
Осташков В. М. 253, 257
Остранецкий С. 97
Островський 247
Острожский К. 267, 271
Острожский Ф. 271
Остроменцкий 321
Остромецкий К. 91, 98
Отфиновский К. 86, 98, 99
Охоцкий Н. 98, 99

П

Павел I, імператор 273, 274, 276
Павликовский В. 93
Павликовский К. 94
Павлиновский К. 94
Павлов, ад'ютант Назімова 191
Павлова, мати С. Туманової 193, 194, 199, 200, 210
Павлов М. М., директор 65, 76, 159
Павловский 305
Павловский А. С. 26, 82, 117, 303
Павловский В. 89
Павловский Г. И. 82
Павловский Ф. М. 17, 25, 81
Павровский С. О. 81
Палиенко И. С. 78
Пантелеймонов П. И. 79
Пашковский М. 88, 89
Пашковська А. 9
Певницкий М. 263, 266
Пеєр Г., художник 27
Пелчинский С. 89
Пенский А. 89
Пенский Ар. 91
Пенский Э. 89
Пеньковский В. 89

Пеньковский Влад. 90
Пер А. 90
Перамутер М. 89
Пераффиус В. 88
Пераффиус Е. 87
Пергамен М. 91
Пергамин С. 90
Перелогов 296
Перовська 242
Перро И. 92
Пертяткович М. 99
Пестель 203
Петраковский, врач 20
Петре 167, 173, 193-195, 198, 203
Петриковский С. И. 81
Петров 178, 179
Петров А. В. 51, 52, 79
Петров, губернатор 299
Петров, директор Київ. гімн. 288
Петров Н. М. 80
Петров С. Г. 28, 78
Петровский А. 88, 307
Петровский В. 88
Петровский Н. 92
Пивницкий 270, 282, 285
Пивницкии М. 110
Пильховский К. 292
Пионтковский Л. 98
Пионтковский Н. И. 78
Пионтковский Ф. 87
Пиотровский 114, 221
Пирогов Н. И. 37, 38, 39, 41, 42, 125, 184, 188-192, 208, 224
Писаржевский Н. 98
Писарский Р. 90, 228
Письменний 249
Підгорецькі, рід 239
Пілсудський Ю. К. 238, 244, 250
Пісарев Д. 243
Плановский И. 94
Плионцковский И. 96, 97
Плотницкий А. 87
Плятер, граф 277, 280
Погоновский И. 94
Погоновский Николай 88
Погоновский (Погоновський) Н. А., лікар 22, 65, 81, 88, 149, 240
Погоновский, справник 197
Погоский Ф. Ф. 42, 118-125, 150, 151, 154, 158
Подгаецкий Г. 97, 98
Подгорецкий Д. 89
Подгорецкий Ф. 88
Подгороденский Б. 266
Подгородинский 274, 280
Подгурский О. 92
Подгурский Ф. 87
Подлевский П. И., ксендз 27, 77, 111-116, 160
Подмазкин Н. 92
Подмешальский М. И. 77
Подольский Г. 54, 99
Позняк 165
Покест Б. 95
Поковский Ф. 96
Полемонский 266
Полимовский 276
Поллио В. 91
Полумисний 249
Полухтович 25, 78
Понест Б. 96
Понятовский И. 276, 277
Понятовский Н. 78
Попель Б. 88
Попель И. 87
Попель Ив. 88
Попель С. 93
Поплавский И. 97
Поплавский К. 96, 97
Поплавский Ф. 97
Поплавский Ц. 98, 99
Попов А. И. 8, 105, 106, 300, 326, 329
Попов, інспектор Він. гімн. 296
Попов Н. Н. 13, 17, 19, 79
Порчинский А. 95, 96
Порчинский В. Д. 76, 116, 117
Порчинский Э. 94, 95
Порчинський, учень 251
Поспишиль 126, 127
Потапов 217
Потоцкий, граф 225, 298
Потоцкий И. 266
Потоцкий Ф. 275
Потоцкий Я. 276
Праховский Н. 95
Пржеборовский 114
Прилаковский С. 99
Прищепа О. 9
Прот 241
Протасов, гр. 18
Проховский Н. 95
Прус Б. 243
Прушевский В. 91
Прушевский Ф. 98, 99
Прушинский 229
Прушинский А. 88
Прушинский М. Э. 76
Птицын В. 94
Птіцин 238
Пулковский 319
Пурин А. 97
Пухальский О. 87
Пухальский С. И. 82, 125, 126, 168, 173, 202
Пушкар Н. 329
Пушкин 187
Пшенский (Пшонский) Л. 95, 96

Р

Рабек фон П. 87
Радзивилл, князь 125, 147, 282, 283, 311
Радкевич И. Г. 148-155, 157, 159, 245, 252, 255, 318
Райз А. 97, 98, 99
Райский Э. 89
Ракусса В. 86
Расс Ш. 99
Рафалович 139
Рафалович Ю. 88
Рафальский Ф. 98
Рацефельд С. 97
Рачинский 178, 179
Ребиндер, попечитель Київ. навч. округу 189
Ределин К. И. 78, 80, 207, 212, 213, 214
Ржевуская, графиня 271
Ржевуские, графи 271
Рженевецкий Л. 95
Ржондковский А. 89
Рижский 277
Рильські, рід 239
Римвід-Міцкевич (Rymwid-Mickiewicz) В. 248, 249, 328
Римский-Корсаков, губернатор 18
Риндинский 287
Рихтер Р. 90
Рогович 78
Розенфельд Б. 91
Ройтман Г. 97, 98, 99
Рокосовська С. 243
Роман Мстиславович 105, 301
Романович И. 98
Ромашевский Ф. О. 65
Росковшенки 180
Росковшенко И. В. 76, 118, 159, 171-173, 180-182, 184
Росси С. 93
Ростковский И. 90
Ростовцев И. Я. 54, 59, 66, 242
Рошковский К. 87
Рошковский Каз. 96
Рощин, вчитель 177
Рудаковский П. О. 13, 17, 76
Рудницкий 192
Рудницкий Б. 90
Рудницкий В. 89
Рудницкий Д. 92
Рудницкий П. С. 319
Рудницкий Ч. 92, 93
Руже 53, 80
Ружицький Е. Т. 237
Руккер А. 89
Руккер Э. 87
Румянцев-Задунайский П. А., ген.-фельмаршал 267
Руни А. 90
Рупневский 234
Рупневский Б. 91
Рупневский Г. 88
Рутковский С. 26, 87
Рыбковский И. 93
Рыбчинский М. 97
Рыбчинский Ч. 91
Рыльке Г. 90
Рыльке (Рильке, Рошьке) Д. И. 31, 70, 122, 129, 134, 185, 202, 203, 292-294, 314, 315
Рябов А. И. 81

С

Савин Н. И. 27, 78, 173, 175
Савицкий А. 98, 99
Савицкий Б. 146
Савицкий И. 97, 98
Савицький М. (Колюша) 250
Савицький М., лікар 250
Савич Н. 25
Сагайдачний П., гетьман 239
Садовець 249
Садовский Б. 90
Сакевич Н. 94
Сакович Я. 99
Сакс А. 88
Самарский 51, 80, 88
Самойленков 296, 297
Самокиш Д. 95, 96
Самомахин П. 94
Самсонюк Т. 8
Сангушки, князі 271
Сангушко, князь 182, 183, 225, 266, 276
Саневич Н. 94
Санин 28
Саній 240
Санович Я. 98
Сапегина, княгиня 276
Сарнецкий Ф. 93, 97
Сарницкий П. 96
Саханский 169, 170, 171
Сбитнев (Сбітнєв) И. М. 8, 269, 272, 294, 295, 298, 329
Свеницкий Г. 91
Свентоянский Ф. 88, 117
Свенцицкий И. И. 79
Свернев А. И. 82
Свєнтоховський 243
Свистельников Г. 96
Сев Г. 96
Сев И. 94
Сев Л. 95
Сев М. 98, 99
Сев Ф. 98, 99
Сежпутовский В. 237
Сейферт А. 99
Селицкий Ф. 93
Семдомский И. 87
Семенович О. 9
Семенчук И. 96, 97
Семенчук Н. 97, 98
Семенчук Ф. 93, 94
Семчинский А. 95
Семяновский И. С. 80
Сенгалевич 241
Сендульський А. 236
Сенкевич 243
Сержмутовский В. 90
Сеферовский (Сеферовський) Н. Л. 59, 65, 67, 68, 78, 241-243
Сидорович М. 91
Сильвестров К. 97, 98
Ситников 276
Скальский Г. И. 78, 87, 125, 127, 134, 137, 233
Скварецкий Л. 90
Скверчинский М. 98, 99
Скибицкий Г. 93
Скибицкий, почес. попечитель 18, 21, 76, 288
Скольский 207
Скордели 291
Скорунский И. 87
Скорунский С. 87
Скрібов 249
Скупенский С. 94, 95
Славичский Н. 91
Славутинский Н. П. 25, 27, 78, 173, 174, 192, 193, 293, 294
Слендовский Ю. 89
Слєсаревський 247
Сливинский Е. 92
Словацький Ю. 255
Слодкевич С. 89
Сломовский И. 87
Служевский Б. 89
Слуцкий Н. М. 77
Смарагдов 28, 304
Смирнов П. 96, 97, 98
Смольянов Н. И. 77
Смоляков Н. 25
Смолянов 19
Сморчевский Л. 88
Смысловский П. Я. 79
Снальский Ф. 96, 97
Снежко В. 88
Снежко И. 90
Снитский 97
Снядецкий Я. 266
Собанский, граф 277
Собещанский О. 26, 87
Собещанский С. 99
Сободневич И. 96
Соботневич И. 97
Соколовский А. 86
Соколовский Б. 97, 98
Соколовский В. 87
Соколовский М. 86
Соколовский Р. 86
Соколовский, ст. пристав 225
Солтан В. 89
Солтановский(Солтановський)А.А. 8, 77, 79, 117, 128, 163, 167, 180-182, 184, 185, 188-190, 207, 208, 218, 229, 234, 236, 327
Сомол 249
Сосновский 276
Соханский Ф. П. 80, 167
Сохацкий Д. 90
Сохоцкий Н. 91
Спановский К. 92
Спендовский 65
Станислав-Август Понятовський, король 265, 276
Старин А. 96
Старин Ш. 95
Старчевский А. 87
Старчевский Л. 86
Старчевский О. 86
Стаховский И. 97
Стахорский 43, 54, 81, 98
Сташевский О. 90
Стеблин-Каменский М. 25, 77, 187, 188
Стемпковский А. 94
Стемпковский Л. 88
Степанов, учень 249, 319
Степулковский 199
Степунковский 173, 174, 193, 203, 220-223, 233
Стеткевич Г. А. 82, 93, 94
Стеткевич Е. А. 82, 245, 252, 254, 257, 319, 320
Стефанович Ф. А. 82
Стецкая, поміщиця 204
Стечинский 200
Стойнович 277
Сток 319, 320, 321
Столяров 321
Стояновский Л. 86
Страшевский В. 92
Страшевский И. 95, 96
Страшевский Э. 91
Страшкевич О. 88
Стрелецкий Н. 89
Стройновский В. 88
Стройновский С. 86
Стройновский, сенатор 286
Стройновский Ф. 86
Суворов И. В. 78, 128, 129, 188, 191, 203, 207
Суковский С. 91
Сулковский 319, 320, 321
Сулковський Т. 249
Сумароков, поет 187
Сумовский И. 93, 94
Сумовский Р. 95, 96
Суходольский П. 89
Сухозанет, міністр 173
Сучков В. 91
Сучков С. 92
Сушинская 234
Сущевская 199
Сущевский Д. 93
Сущевский С. 92
Сущевский, секретар суду 199
Сущевский (Сущевський) Я. С. 48-50, 59, 61, 65, 76, 87, 146, 159, 238, 241-243, 318
Сыракольский В. 90
Сыревич Э. 296, 297

Т

Таборовский (Таборовський) Т. 249, 319, 321
Танишевский Э. 88
Таргони А. 88
Тарногродский, лікар 173, 193, 198, 228
Таурке К. Л. 80
Тваровский И. И., ксендз 42, 77, 124-128, 130-134, 139, 160, 207, 209, 210, 219
Тележинский К. 147
Тенцлер К. Ф. 53, 80
Теодорович А. Г., директор 43, 76, 125, 128, 130, 133, 141, 159, 192, 233, 236, 318

Теодорович Антон 91
Терлецкий И. 90
Терлецкий К. П. 77
Терлецкий Ф. 89
Терниловский Ф. 88
Тетерев П. М. 59, 79
Тетерик Б. 97
Тетерин Б. 98
Тиери И. 89
Тимковский 277
Тимофеев (Тимофєєв) Г. И. 64, 65, 76, 81, 245, 252, 254
Тимошевский 53, 78
Тихомиров И. Т. 27, 77, 173, 174, 180, 192, 225
Токаржевский С. 296
Токарский Б. 96
Толстой Д. А. 55, 67, 174
Томара, губернатор 67
Томашевский А. 92
Томашевский В. 93
Томашевский И. 160
Томашевский К. 93, 94
Томашевский С. 92
Томиловский А. 88
Тонарский Б. 95
Тонконогий Н. 95
Торноградский 116
Точинский В. 88
Трасс В. 25
Траутфеттер (Траутереттер) Г. Э. 31, 32, 36, 76, 115, 116, 159, 166-171, 173, 174, 180, 318
Трафимов 51, 79
Трачевский Г. 95, 96
Тредиаковский 187
Третьяков А. 87
Третьяков Ал. 88
Тржемесский А. 91
Тржетржевинский Л. 88
Тржетржевинский П. 89
Тржетршевинский Э. 87
Трофимов 51, 80, 177, 188, 207, 233
Трофимович А. В. 76, 79, 82
Трусцинский В. 93
Трушковский 319, 320, 321
Трушлевич И. 92
Тулова 190
Тулов М. 48, 51, 52, 54, 190, 191
Туманов А. Д., директор 36, 39, 76, 116-119, 121-123, 125-127, 159, 167-175, 180, 182-187, 189-192, 194, 200, 207-210, 220, 318
Туманова (Павлова, Юревич) С. 117, 190, 191, 193, 194, 200, 210
Туманов М. 90
Тургенев, письменник 67, 68, 200
Туркевич 243
Туркевич Ю. 93
Турневич Г. 95, 96
Турович И. М. 17, 25, 78
Турович Л. 90
Турович М. 90
Турович С. 90
Турцевич Б. 95
Тушецкий 207
Тылинский И. 96
Тырас Ф. 89
Тышецкий А. К. 81, 137, 233, 234
Тышинский И. 95
Тышковский В. 86

У

Уваров С. С. 31, 283, 289
Улазовский А. 90
Устрялов 304

Ф

Фавицкий (Фавицький) Г. М. 25, 76, 111, 112, 125, 159, 292-295, 318, 329
Файнберг Е. 98
Фанц К. 37, 51, 53, 80, 133, 174, 175, 207, 246
Федоров 140, 235, 236
Фелинский С. 96, 97
Фершко У. 93, 94
Фиалковский 130, 131
Филатьев В. И. 11, 107, 260, 294, 298
Филиповский С. 94
Фонвизин (Фонвізін) Д. И. 187, 254
Фотмейстер Э. А. 81
Фохт 238
Франковский С. 91
Фридрикс фон 203
Фукс 149, 246

Х

Хаберский Г. 98, 99
Хазенс А. 97, 98
Хайкис Я. 94, 95
Хамец Г. 94, 95
Хамец И. 90
Хамец Л. 93
Хамець 255
Харченко Ф. 91
Хащинский К. Я. 77, 139, 141, 142, 144-146, 160
Хеминский Ф. 92
Хжановський 241, 242
Хилевский С. 86
Хилинский И. 95
Хименский Б. 96
Химинский Ф. 92
Хлопов Л. Л. 290, 297
Хмелевский А. С. 51, 52, 54, 79, 90
Хмельницкий Б. 300-302, 308
Хмілевський П. 243
Ходкевич А., граф 266, 276, 277, 282
Ходкевич Я. К. 239
Хойно Ф. 138
Холодовский Н. 90
Хоменко М. В. 81, 239
Хомин 53, 59, 80
Хонский А. 93, 238
Хрусановский Б. И. 77, 160
Хршановский А. 92
Хршановский К. 96

Ц

Цаллер М. 94, 95
Цвангер Г. 96, 97
Цванчер Л. 95
Цеглярский Т. 80
Цейзин А. 96, 97
Цемш И. Д. 81
Цибульский Иван 89
Цибульский Иосиф 89
Цибульский, лікар 199
Цибульский, студент 228
Циолковский 185, 186, 199
Цисс А. 96
Цисс В. 94, 95, 242
Цисс И. Д. 51, 52, 54, 79, 241, 243
Цукерман Х. 93

Ч

Чайковский, вчитель 291
Чайковский И. 86
Чайковский К. 95, 96
Чайковский, ксендз 148, 149, 153, 154, 155
Чайковський (Садик-паша) 239
Чаніков 249
Чаплиц 150
Чарнецкий Г. 87
Чарнецкий Зенон, поміщик Забороля 204
Чарноузский 18
Чарторижская Елена 265
Чарторижские, князі 265
Чарторыйские, князі 185
Чарторыйский А. 11, 19, 106, 107, 231, 261, 265, 267-269, 279, 280, 312, 313, 315
Чацкий, син Чацкого Фаддея 286
Чацкий Фаддей (Тадеуш) 11, 261, 262, 265-269, 273-278, 280, 283, 286, 290
Чацкий Феликс 286
Чепега А. 296, 297
Чепега И. 296, 297
Чепелевский В. 97, 98
Червеный И. 99
Черкасов В. Н. 51, 52, 53, 81
Черногор С. А. 65, 78
Черняк М. 89
Черчицкая 200, 211
Черчицкий 200, 211
Черчицкий М. 88
Черчицкий Ц. 88
Чехов А. П., письменник 256
Чехок 149
Чигловский 319
Чугаевич П. А. 79
Чуйкевич П. Е. 27, 78

Чухновский Г. 97

Ш

Шавловский Э. 86
Шаллай В. 114
Шальвинский 68
Шальвинский В. 96
Шальвинский С. 96, 97
Шамрай Г. 327
Шамрай Ф. 91
Шарловский А. 97, 98
Шастов Н. А. 77
Шатковский В. 87
Шатковский К. 87
Швенгрубер И. 91
Шевченко В. 98
Шевченко Т. Г., поет 238, 239
Шевчук В. О. 327
Шедровский С. 77
Шейдт, ботанік 276
Шелепинский С. 93
Шемпинский С. 92
Шепетовский В. 88
Шестов 31
Шеттер 184
Шеттер, барон 114
Шеттер, баронеса 190, 191
Шимановский 321
Шиманский А. 90
Шиманский Ф. 90
Ширинский-Шахматов, попечитель Київ. навч. округу 45, 144, 149, 151, 154
Шишков, міністр 11, 107
Шлегель Г. 94
Шлегель Л. 96
Шмідберг Й. 201
Шпачинский И. 92
Шпилевский В. 91
Шпилевский Л. 91
Шрамков Е. 92
Шрамков Л. 92
Шредер К. 92
Штафман Я. 98, 99
Штейн, наглядач 297
Штемберг И. 93
Шубьяковский Б. 89
Шульгин В., професор 264, 291
Шульженко Н. М. 67
Шульц С. 88
Шумовский А. 87
Шумовский, вчитель 234
Шумовський, учень 249
Шумский И. Ф. 17, 78
Шумтер А. П. 82

Щ

Щеглов, вчитель 81
Щепковский А. 87
Щепковський (Szczepkowski) М. 237, 328
Щербацкий И. Д. 81

Э

Эвадис М. 96
Эйгер С. 95, 96
Эйландт А. 88
Эйсмонт Л. Ф. 77, 160
Эйсмунд, вчитель 54
Экк В. И. 319
Энберг Г. 93, 94

Ю

Юзефович М. В. 291, 295
Юковский Г. 87
Юревич (Юревичев), скарбник Азовського полку 117, 193, 194
Юрецкий А. 89
Юрковская 229
Юскевич В. Д. 79, 173, 174, 192
Юшков Н. Е. 65, 76, 238

Я

Яблоновский, князь 271
Яблоновский, рівненський староста 152
Яблонский В. 98, 99
Яворский А. М. 68, 78
Яворский, ксендз 292
Яворский (Яворський), учень 257, 319, 320
Ягелович В. 93
Якимчук И. 95
Якимчук Иоиль 96
Яковлева 177
Яковлев, директор Білоцерк. гімн. 177
Яковлев, директор Він. гімн. 296
Яксинский А. 87
Якубович 272
Якубовский В. 91
Якубовский Р. 89
Якутович Д. А. 17, 21, 78
Ялегонский Л. 98
Ямщиков А. 97, 98
Яницкий И. И. 77, 135, 137, 139, 140, 160, 233
Янишевский К. 91, 99
Янковский Е. 92
Янковский И. 91
Янковский Н. 97, 98
Яновицкий, поміщик 234
Яновский К. П. 28, 78, 173, 174, 176, 192
Яржембковский В. 88
Яржимовский (Яржимовський) Г. М. 152, 155-157, 160, 253, 254
Ярковский Г. 276
Яр Л. 94, 95
Ярмолович И. Я. 319, 320
Ярмомон В. 95, 96
Ясевич 132
Ясевич С. 90, 134
Ясенский С. 94, 95, 99
Ясинский И. 93
Яхимович В. 97, 98
Яхимовский Ц. 90
Яцимирский М. 96
Яцковский М. 87
Яцковский (Яцковський) Б. 249, 321
Яцковський М., власник фільварку 238, 239

РОЗІР

Науково-популярне видання

Рівненська гімназія
1839-1922

Історія
Спогади
Документи

Комп'ютерна верстка
та дизайн
Віктор Луц
Ольга Морозова

РОУНБ

Підписано до друку 20.03.2015 р.
Формат 70 х 100 1/16 Папір офсет.
Ум. друк. арк. 41,25.
Наклад 150. Зам. № 6

Видруковано ПП Дятлик М. С.
35304, Рівненська область,
Рівненський район,
с. Корнин, вул. Центральна, 58;
Свідоцтво РВ № 11 від 12.06.2002 р.